

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Баранцева Е.Л. Эволюция правотворческого процесса в России: аспекты периодизации этапов исторического развития	5
Берляков Д.П. Национальная специфика российской правовой системы.....	9
Карева А.В. Рецепция зарубежного опыта как один из факторов реформирования российской государственности в начале XVIII в.	14
Корнилов А.Р., Прысь И.Е. Правовой статус независимого эксперта, уполномоченного на проведение антикоррупционной экспертизы.....	20
Москаленко Г.Е. Развитие института экстерриториальной уголовной юрисдикции в отечественной юридической науке: теоретико-исторический правовой аспект	25
Сучкова М.В., Феднева Н.Л., Шингарева Н.В. Российское правосудие XVI – начало XVII в.: официальная доктрина и народный идеал	30

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Борзенко Е.А. Применение концепции налогового присутствия в аспекте деофшоризации российской экономики	34
Бычик Ю.А. Правовые инструменты прокурорского надзора за деятельностью таможенных органов Российской Федерации	38
Воробец А.А., Зотцев Д.В. Правовое регулирование развития системы налогообложения субъектов малого и среднего предпринимательства.....	44
Игошкина М.Е., Исаенко А.С. Правовое регулирование комплексного развития территории жилой застройки в Китайской Народной Республике.....	50
Карпов К.А. Публично-правовой статус розничного инвестора в Российской Федерации	54
Козерог И.Ю. К вопросу о регулировании дистанционных медицинских услуг.....	58
Скаридов А.С. Трансграничное признание продажи судов на основании судебных решений	64
Хуснутдинова А.И. Сравнительно-правовой анализ законодательства об административной ответственности автономных округов.....	69

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

Асадуллин М.Р. Влияния на некоммерческие организации нормативного критерия построения системы юридических лиц	74
Барков К.Б. Нормативное закрепление понятия субсидиарного обязательства в системе гражданского права	78

Учредитель: ООО «Издательство КНОРУС»

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС 77-74313 выдано 23.11.2018
ISSN 2220-5500

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
E-mail: jurscience@mail.ru Сайт: www.jurnauka.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Ашмарина Елена Михайловна, д-р юрид. наук, проф., Российский государственный университет правосудия; **Багреева Елена Геннадиевна**, д-р юрид. наук, проф., Финансовый университет при Правительстве РФ; **Барабанова Светлана Васильевна**, д-р юрид. наук, доц., Казанский национальный исследовательский технологический университет; **Бирюков Павел Николаевич**, д-р юрид. наук, проф., Воронежский государственный университет; **Галушкин Александр Александрович**, кандидат юридических наук, доц., Академик РАЕН, Российская академия естественных наук; **Казачкова Земфира Мухарбиевна**, д-р юрид. наук, проф., Всероссийский государственный университет юстиции; **Калиниченко Пауль Алексеевич**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Кожанков Антон Юрьевич**, кандидат юридических наук, Московский государственный институт международных отношений (университет); **Липатов Эдуард Георгиевич**, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Липск Станислав Андреевич**, д-р экон. наук, доц., Государственный университет по землеустройству; **Малько Александр Васильевич**, д-р юрид. наук, проф., Поволжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции; **Мамитова Наталия Викторовна**, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Махтаев Махтай Шапиевич**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; **Мещерякова Ольга Михайловна**, д-р юрид. наук, доц., Российский университет дружбы народов; **Панченко Владислав Юрьевич**, д-р юрид. наук, Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России); **Рузакова Ольга Александровна**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный институт международных отношений (университет); **Сангаджиев Бадма Владимирович**, д-р юрид. наук, доц., Российский университет дружбы народов; **Степанян Армен Жоресович**, кандидат юридических наук, доц., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Цареградская Юлия Константиновна**, д-р юрид. наук, доц., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Чаннов Сергей Евгеньевич**, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Четвериков Артем Олегович**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Чихладзе Леван Теймуразович**, д-р юрид. наук, проф., Российский университет дружбы народов; **Шохин Сергей Олегович**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный институт международных отношений (университет); **Щукина Татьяна Владимировна**, д-р юрид. наук, доц., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Павлович Сергей Герасимович**, д-р юрид. наук, проф. Департамента правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве РФ; **Скитович Виктор Викторович**, доктор юридических наук, проф., проф. кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «РЭУ имени Г.В. Плеханова»; **Шагиева Розалина Васильевна**, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Джинджолия Рауль Сергеевич**, д-р юрид. наук, проф., Российский новый университет; **Стойко Николай Геннадьевич**, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры уголовного процесса и криминалистики, Санкт-Петербургский государственный университет;

Главный редактор:

Кашкин Сергей Юрьевич, доктор юридических наук, профессор

Заместитель главного редактора:

Коровяковский Денис Геннадьевич, канд. юрид. наук, доц.

Отпечатано в типографии ООО «Издательство «КноРус»,
117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2

Тираж 300 экз. Формат А4. Подписано в печать: 30.12.2023

Цена свободная

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию

Издание не подлежит маркировке согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»

<i>Гурьев О.П.</i> Процессуальное правопреемство по требованию об индексации присужденных денежных сумм в гражданском процессе.....	84
<i>Жуйкова А.А.</i> Ограничение доступа в сети Интернет к информационным ресурсам, допустившим нарушение авторских прав, как предварительная обеспечительная мера.....	88
<i>Загородникова Ю.О., Бауэр Д.В.</i> Возможности определения доменного имени как объекта гражданских прав	93
<i>Исаенко А.С., Игошкина М.Е.</i> Формирование правового института медиации в семейных спорах.....	97
<i>Карпова Ю.С.</i> Правовое регулирование защиты цифровых активов: на примере аккаунта в социальной сети.....	102
<i>Клещева И.А.</i> Признание правосубъектности юридических лиц иностранными государствами	105
<i>Андриевская А.Н., Косторнов Д.А.</i> Правовые условия признания акцептом эмодзи при переписке в мессенджере	109
<i>Васянин Г.М., Кузнецов Д.А.</i> Баланс частных и публичных интересов при пользовании недрами, земельными участками и в случаях изъятия земельных участков для целей недропользования.....	112
<i>Лозовой С.В.</i> Актуальные особенности регламентации технологий 3D-проектирования.....	118
<i>Мамаев А.А.</i> Возможности взыскателя при взыскании без обращения к Федеральной службе судебных приставов, без обращения к коллекторам посредством направления исполнительного листа к работодателю должника.....	124
<i>Микрюков В.А.</i> Преодоление неопределенности правового регулирования при определении семейного свойства: аспекты применения метода аналогии закона.....	128
<i>Моисеенко С.А.</i> Институт применения существенного изменения обстоятельств в гражданском праве: аспекты адаптации торговых договоров	131
<i>Плохих С.А.</i> Сопоставление регулирования института принудительного лицензирования объектов промышленной собственности в российской и иностранных правовых системах	136
<i>Соколов Ю.В.</i> Понятие специальной правоспособности ломбарда как юридического лица	142
<i>Тюменцев И.А.</i> Правовая природа опциона на заключение договора: аспекты нормативного определения.....	146
<i>Воробец А.А., Шохова В.А.</i> Экспертиза в гражданском процессе: аспекты реализации положений Постановления Конституционного Суда РФ от 20.07.2023 № 43-П.....	152

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<i>Бажанов Р.И.</i> Некоторые аспекты осуществления профилактического воздействия на лиц, относящихся к категории «рецидивист» сотрудниками подразделений уголовного розыска МВД России.....	156
--	-----

<i>Бурняшева В.В.</i> Криминалистическая характеристика незаконного оборота наркотических средств с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.....	162
<i>Еременко Д.Е., Лапина Е.В.</i> Проблемы субъективного вменения при квалификации преступлений.....	165
<i>Лубяная Н.И., Лебедева М.А., Осташев А.А., Писанова В.А.</i> Концептуальные основы частной теории судебной компьютерно-технической экспертизы (СКТЭ).....	169
<i>Ильяшевич Т.А., Лубяная Н.И.</i> Практические аспекты производства судебной компьютерно-технической экспертизы в уголовном процессе.....	174
<i>Таджибов З.Р.</i> Сущность и некоторые вопросы института привлечения в качестве обвиняемого в уголовном судопроизводстве России.....	179
<i>Фазульянов О.Б.</i> Развитие правовой модели судебного контроля за оперативно-розыскной деятельностью: аспекты соотношения с санкционированием оперативно-розыскных мероприятий.....	183

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<i>Яськов А.А.</i> Эволюция формирования международного права в сфере электронной торговли	189
--	-----

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОТВОРЧЕСТВА

<i>Запросов А.А.</i> Судебные ошибки в применении норм международных договоров в России.....	196
<i>Глускер Е.А.</i> Совместимость и переносимость данных как способы противодействия злоупотреблению доминирующим положением на рынке цифровых технологий	201
<i>Ширяева Т.И.</i> Проблемные аспекты уголовно-процессуального законодательства России	204
<i>Абдуллаев Э.Э.</i> Развитие международного трудового права в аспекте предотвращения дискриминации на рынке труда на национальном уровне	209
<i>Абоян А.А., Парин Д.В.</i> Проблемы правового регулирования и применения искусственного интеллекта в антикоррупционной экспертизе нормативно-правовых актов	214
<i>Бахшиев Д.З.</i> Дифференциация права на апелляцию в уголовном процессе Израиля	219
<i>Елагина Н.Л.</i> Гражданско-правовая ответственность осужденных к лишению свободы: аспекты возмещения вреда, вызванного неправомерными действиями.....	223
<i>Ильин И.В.</i> Гражданско-правовые вопросы ответственности органов управления юридического лица.....	227
<i>Борисов А.В., Стёпкин Е.Ю.</i> Проблемы предотвращения преступлений в политико-правовой мысли России конца XVIII – первой половины XIX века	230
<i>Лапина Е.В., Кузменкин И.В.</i> Правовое регулирование исполнения условий корпоративного договора для обеспечения фактического контроля отстранившегося от управления бенефициара	234

TABLE OF CONTENTS

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

<i>Barantseva E.L.</i> Evolution of the law-making process in Russia: aspects of periodization of stages of historical development	5
<i>Belyakov D.P.</i> National specifics of the Russian legal system	9
<i>Kareva A.V.</i> Reception of foreign experience as one of the factors of reforming the Russian state in the beginning of the 18th century.....	14
<i>Kornilov A.R., Prys I.E.</i> Legal status of an independent expert authorized to conduct anti-corruption expertise	20
<i>Moskalenko G.E.</i> Development of the institute of extraterritorial criminal jurisdiction in domestic legal science: theoretical and historical legal aspect.....	25
<i>Suchkova M.V., Fedneva N.L., Shingareva N.V.</i> Russian justice of the XVI – early XVII centuries: official doctrine and the national ideal.....	30

PUBLIC LAW (STATE LEGAL) SCIENCES

<i>Borzenko E.A.</i> Application of the concept of tax presence in the aspect of deoffshorization of the Russian economy	34
<i>Bychik Yu.A.</i> Legal instruments of prosecutorial supervision over the activities of customs authorities of the Russian Federation	38
<i>Vorobets A.A., Zottsev D.V.</i> Legal regulation of the development of the taxation system for small and medium-sized businesses	44
<i>Igoshkina M.E., Isaenko A.S.</i> Legal regulation of the integrated development of residential areas in the People's Republic of China	50
<i>Karpov K.A.</i> Public legal status of a retail investor in the Russian Federation	54
<i>Kozerog I. Yu.</i> On the issue of regulation of remote medical services	58
<i>Skaridov A.S.</i> Cross-border recognition of the sale of ships based on court decisions	64
<i>Khusnutdinova A.I.</i> Comparative legal analysis of the legislation on administrative responsibility of autonomous okrugs.....	69

PRIVATE LEGAL (CIVILITY) SCIENCES

<i>Asadullin M.R.</i> The impact on non-profit organizations of the regulatory criterion for building a system of legal entities	74
<i>Barkov K.B.</i> Regulatory consolidation of the concept of subsidiary obligation in the civil law system.....	78
<i>Guryev O.P.</i> Procedural succession upon request for the indexation of the awarded sums of money in civil proceedings	84
<i>Zhuikova A.A.</i> Restriction of access on the Internet to information resources that have committed copyright infringement, as a preliminary interim measure	88
<i>Zagorodnikova Yu.O., Bauer D.V.</i> Possibility of defining a domain name as an object of civil rights	93
<i>Isaenko A.S., Igoshkina M.E.</i> Formation of the legal institution of mediation in family disputes	97

<i>Karpova Yu.S.</i> Legal regulation of digital assets protection: using the example of a social network account .	102
<i>Kleshcheva I.A.</i> Recognition of legal personality of legal entities by foreign states.....	105
<i>Andrievskaya A.N., Kostornov D.A.</i> Legal conditions for recognizing emoji as acceptance when corresponding in the messenger	109
<i>Vasyanin G.M., Kuznetsov D.A.</i> The balance of private and public interests in the use of subsoil, land and in cases of seizure of land for the purposes of subsoil use	112
<i>Lozovoy S.V.</i> Current features of the regulation of 3d design technologies.....	118
<i>Mamaev A.A.</i> Possibilities of the claimant during collection without recourse to the Federal Bailiff Service, without recourse to collectors by sending a writ of execution to the debtor's employer.....	124
<i>Mikryukov V.A.</i> Overcoming the uncertainty of legal regulation when determining family property: aspects of applying the law analogy method	128
<i>Moiseenko S.A.</i> The Institute of Application of a Significant Change of Circumstances in Civil Law: Aspects of Adaptation of Trade Agreements	131
<i>Plokhikh S.A.</i> Comparison of regulation of the institution of compulsory licensing of industrial property objects in Russian and foreign legal systems»	136
<i>Sokolov Yu.V.</i> The concept of special legal capacity of a pawnshop as a legal entity.....	142
<i>Tyumentsev I.A.</i> Legal nature of an option to conclude a contract: aspects of the regulatory definition.....	146
<i>Vorobets A.A., Shokhova V.A.</i> Expertise in civil proceedings: aspects of the implementation of the provisions of the Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 20, 2023 № 43-P.....	152

CRIMINAL LEGAL SCIENCES

<i>Bazhanov R.I.</i> Some aspects of the implementation of preventive measures on persons classified as “repeat offenders” by employees of the criminal investigation departments of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation	156
<i>Burnyasheva V.V.</i> Criminalistic characteristics of illicit drug trafficking using information and telecommunication technologies	162
<i>Eremenko D.E., Lapina E.V.</i> Problems of subjective imputation in the qualification of crimes.....	165
<i>Lubyayana N.I., Lebedeva M.A., Ostashev A.A., Pisanova V.A.</i> Conceptual foundations of the partial theory of forensic computer technical examination (FCTE) .	169
<i>Ilyashevich T.A., Lubyayana N.I.</i> Practical aspects of forensic computer technical investigation in criminal proceedings	174
<i>Tadzhibov Z.R.</i> The essence and some issues of the institution of prosecution as an accused in criminal proceedings in Russia.....	179

Fazulianov O.B. Development of a legal model of judicial control over operational investigative activities: aspects of the relationship with the authorization of operational investigative activities 183

INTERNATIONAL LEGAL SCIENCES

Yaskov A.A. Evolution of the formation of international law in the field of electronic commerce 189

CURRENT ISSUES OF MODERN LAW-MAKING

Zaprosov A.A. Judicial errors in the application of international treaties in Russia..... 196

Glusker E.A. Interoperability and data portability as ways to prevent the abuse of a dominant position in the digital technology market 201

Shiryayeva T.I. Problem aspects of criminal procedure legislation of Russia..... 204

Abdullaev E.E. Development of international labor law in the aspect of preventing discrimination in the labor market at the national level 209

Aboyan A.A., Parin D.V. Problems of legal regulation and application of artificial intelligence in anti-corruption examination of regulations..... 214

Bakhshiev D.Z. Differentiation of the right of appeal in Israeli criminal proceedings..... 219

Elagina N.L. Civil liability of those sentenced to imprisonment: aspects of compensation for harm caused by unlawful actions 223

Ilyin I.V. Civil law issues of responsibility of the management bodies of a legal entity 227

Borisov A.V., Stepkin E.Y. The problems of crime prevention in political and legal thought of russia at the end of the xviii – first half of the xix century 230

Lapina E.V., Kuzmenkin I.V. Legal regulation of the execution of the terms of a corporate agreement to ensure actual control of the beneficiary removed from management..... 234

Эволюция правотворческого процесса в России: аспекты периодизации этапов исторического развития

Баранцева Елена Леонидовна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Волго-Вятского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: lbarantseva@msalkirov.ru

В статье рассматривается актуальная тема, связанная с преемственностью и новизной правотворческого процесса в России. Цель проводимого исследования состоит в анализе взглядов на процесс становления правотворческого процесса в национальной правовой системе России. На основе сравнения идей дореволюционных, советских и современных правоведов, а также на основе проведенного анализа отдельных конституционных норм, автором статьи предпринята попытка приблизиться к выделению устойчивых качеств правотворческого процесса как комплексного института в процессуальном праве. Автор подчеркивает, что само зарождение идеи общественного контроля при осуществлении законодательной деятельности происходит в советский период. В завершении автор приходит к выводу о том, что правотворческий процесс относится к комплексному институту процессуального права, и на каждом этапе его исторического развития наблюдалась преемственность в выделении стадий и принципов правотворческого процесса.

Ключевые слова: национальная правовая система, нормативный акт, закон, правотворчество, законодательный процесс, система права.

В переходный период развития любого государства важным является придание существующим формам отношений власти с населением стабильности. Такую регулятивную функцию берет на себя законодательный акт. Именно посредством закона государство добивается достижения необходимого результата правового регулирования. Стоящая перед законодательным регулированием цель, требует, чтобы и сам законодательный акт был достаточно стабильным, а это возможно лишь при жестком соблюдении процедурных условий.

Жесткая регламентация процедуры принятия нормативно-правового акта в действующем законодательстве указывает еще на одну проблему в общей теории права. Она касается структурного деления права на материальное и процессуальное право, критериев их разграничения. Что дает возможность выдвинуть предположение о формировании самостоятельной отрасли, как правотворческий процесс в структуре процессуального права. В связи с чем необходимо выявить природу данного явления, через историю становления и формирования правотворческих процедур определить особенности преемственности в правотворческом процессе.

Методологическую основу составляют сравнительно-правовой метод и принципы историзма и комплексности, которые дают возможность выявить специфику эволюции правотворчества в национальной правовой системе российского государства.

Сложность рассмотрения определяется тем, что в юридической литературе в условиях переходного состояния общества и государства является вопрос о соотношении права и закона и, что следует понимать под законом в национальной правовой системе российского государства. В общей периодизации истории государства и права России восприятие закона как формы закрепления государственной воли, в определенном процедурном порядке и принимаемый в целях регулирования наиболее важных вопросов общественной жизни, связывается прежде всего с деятельностью Петра I.

«Издаваемые законы были практической реализацией теории «общего блага», в соответствии с которой, царь лучше других понимал интересы граждан и сословий. Петр I верил во всесильную мощь законов, посредством которых можно изменить страну» [1, с. 155]. По мнению В.А. Рого-

ва именно при Петре I законодательная деятельность начала приобретать цивилизованные формы. Именно в период его правления законы стали обнародовать и рассылать на места. Хотя одним из первых обнародованных актов считается Соборное Уложение 1649 года. Однако с Петра это закрепляется официально. Печатание законов как постоянное условие публикации утверждено указом 16 марта 1714 года: «указы... для всенародного объявления велеть печатать и продавать всем» [2, с. 272]. С требованием обнародования важных государственных актов формулируется и правило, что незнание закона не освобождает от наказания, что и было закреплено в указе 23 января 1722 г, но первоначально этот принцип распространялся на государственных служащих. Редко обращаются исследователи к указу 17 (24) января 1722 г. «О составлении Устава для должностей гражданских правителей», в котором, согласно европейских традиций, акт государственный изначально подписывается и затем направляется на опубликование.

В дальнейшем в правовой отечественной мысли вопросы складывания процессуальных норм находят развитие через характеристику закона, его понимание в формальном и материальном смысле, через разграничение актов, содержащих государственную волю.

В понимании К.А. Неволина, закон – «прямое и непосредственное объявление властью своей воли о том, как должны поступать лица, ей подчиненные по отношению к известному роду деяния» [3, с. 48]. Рассуждая об усложнении общественной жизни, о расширении правового регулирования, он, обращает внимание на то, что становится более сложным и выражение властных предписаний. Поэтому, необходимо специальное сословие законоведов деятельность которых и будет связана с законодательной деятельностью. Данная деятельность направлена на создание как отдельных законов, так и Свода законов и Уложения. Отражение процедурных вопросов встречается в позиции автора о порядке. Порядок представлен в значении: «порядка, которым образуются законы в государстве, ... [...] порядок, которым охраняются законы в государстве» [3, с. 64].

Изменение в законодательстве XIX и начала XX века позволяет увидеть формирование специальных норм, регулирующих вопросы принятия государственных актов.

В работах Н.К. Ренненкампа определено понятие закона в широком (обширном) и узком (тесном) смысле. В первом значении это каждое веление государственной власти, а во втором значении – «те нормы признаются законом, которые прошли законодательный путь» [4, с. 69]. Так как исполнение и соблюдение законов является всеобщей обязанностью, то начинают предъявляться требования к процедуре принятия. Законодательный путь состоит из этапов: инициатива, обсуждение, утверждение и обнародование законов.

Соблюдение условий принятия закона начинает включаться и в содержание принципа законности.

Интересна позиция Н.М. Коркунова о форме закона, в которой определено, что выделять закон среди актов, закрепляющих государственное веление можно с 1810 года. Это связано с образованием Государственного Совета. И далее, он писал о признаках закона: «... отличительными признаками Закона служат у нас предварительное обсуждение предполагаемой меры в государственном совете... Только проведение дела через совет есть законодательный порядок» [5, с. 327]. Также особой чертой такого акта является наличие Высочайшей подписи.

В соответствии со Сводом основных государственных законов от 23 апреля 1906 законы издаются Государем в единении с Государственным Советом и Государственной Думой, без одобрения которых и утверждения Государя ни один закон не может воспринять силу. Исключение составляют вопросы, касающиеся устройства армии и флота (если они не требуют денежного расхода) и направляемые на утверждение императора через совещательные военный и адмиралтейств советы. Во время прекращения деятельности Государственной Думы, при чрезвычайных обстоятельствах, советом министров мог представить на утверждение Государя законодательный акт, но таким актом нельзя было вносить изменения как в основные законы, так и в акты, касающиеся деятельности Государственного Совета и Государственной Думы и в постановления о выборах в Совет и Думу. Действие такой меры носило временный характер, если по истечении 2 месяцев после возобновления слушаний в Государственной Думе не будет внесен соответствующий законопроект, или его не одобряют Государственная Дума или Государственный Совет.

Правоведы, анализируя положения Основного закона Российской империи сходились во мнении, что к отличительным признакам закона относится процедура его принятия.

Согласуется с позицией Н.К. Ренненкампа и высказанная позднее позиция Е.Н. Трубецкого о стадиях законодательного пути, который четко обозначает: 1) законодательную инициативу (почин); 2) обсуждение закона; 3) утверждение закона и 4) обнародование закона. При этом он приходит к выводу о том, что: «Эти четыре момента всегда имеют место во всех государствах, независимо от того, какое, где существует государственное устройство и какая форма правления» [6, с. 115].

Таким образом, с периода правления Петра Великого начинает оформляться не только законодательство, но и сам правотворческий процесс, формируются и основные принципы правотворческого процесса, к которым относятся изначально законность и гласность. Основные стадии законотворческого процесса: инициатива (исходит прежде всего от главы государства), принятие, опубликование и обнародование. На этапе перехода к новой модели государственности – к Советской России, вновь

актуальными являются вопросы о праве и законе, о формах закрепления государственной воли.

Начать необходимо с особенностей советской правовой системы на этапе ее становления:

- 1) абсолютный приоритет политической точки зрения над юридической, что, в свою очередь, определяло приоритет политической нормы над правовой;
- 2) отсутствие деления на частное и публичное право;
- 3) ведущая роль правовой доктрины. Под правовой доктриной понимались документы, которые достаточно авторитетно формулировали марксистско-ленинскую доктрину. Доктрина – это не только юридические работы, опубликованные в стране, а прежде всего документы, которые достаточно авторитетно формулируют марксистско-ленинское учение.
- 4) Основными источниками, помимо доктрины, являются законы, революционная целесообразность, социалистическое правосознание.

П.И. Стучка указывал первоначально три вида нормативно-правовых актов: закон, декрет, указ. Лишь после принятия Конституции 1936 года устанавливается деление на законы и указы. При сравнении юридической силы нормативных актов он отмечал, что поскольку существует упрощенный порядок законодательства, то, следовательно, не существует разницы между законом и декретом. «У нас декрет имеет одинаковую силу, издан ли он Всероссийским Съездом Советов, ВЦИК или его Президиумом, или, наконец, Совнаркомом. В пределах “Положений” полную силу имеют и постановления СТО, Малого Совета и отдельных наркоматов» [7, с. 134]. Однако в основе данной деятельности должен лежать принцип «революционной законности».

В теории права однозначно определено, что государство реализует свои функции в правовой и организационной формах. Правовая форма это прежде всего правотворчество. Анализируя советское правотворчество Н.В. Крыленко в работе «Ленин о суде и уголовной политике» акцентирует внимание на трех этапах в становлении и развитии советского правотворчества: революционное правотворчество, этап концентрации законодательной власти и её нормирующей роли, этап устойчивого планового законодательства. «По мере укрепления роли государственной власти и плановых принципов социалистического хозяйства...наступает период точных законов, исполнение коих обязательно для всех» [8, с. 269]. Говоря о гарантиях революционной законности особым средством выступает контроль со стороны масс. «Основной гарантией революционной законности является, однако, не только формальный прокурорский надзор, а самодеятельность широчайших масс и организованная ими проверка исполнения законов» [8, с.270]. Интересный пример по осуществлению данного контроля был приведен в газете «Вятская правда» за 1927 год. Кизнерским сельским советом (входил в состав Сарапульского уезда Вятской

губернии) было принято постановление, в котором давалась оценка деятельности суда и в качестве решения, предлагалось за кражу назначать только высшую меру наказания. И еще один пример постановления, данным сельским советом: «вменяем местной санитарной комиссии в обязанность привязывать всех бродячих собак» [9]. Положение о народном контроле, которое в свое время предложил В.И. Ленин, и, на котором, заострил внимание Н.В. Крыленко, на современном этапе развития правотворчества нашло в развитии общественного контроля.

И П.И. Стучка и Н.В. Крыленко в качестве источника права указывают закон. Но именно П.И. Стучка обращает внимание на процедурные характеристики. Под законом понимался акт, принятый в определенном процессуальном порядке. Постановление Петроградского ВРК от 30 октября 1917 года определяло три стадии законодательского процесса: законодательной инициативой обладали народные комиссариаты, которые вносили законопроект на рассмотрение правительством; далее шли стадия утверждения правительством, стадия подписания председателем правительства и опубликования закона [10]. Это был один из первых нормативных актов в котором говорилось о процедуре принятия законодательных актов. В дальнейшем законодательная процедура определяется в Конституциях Советского государства, более последовательно изложены основные стадии в Конституции СССР 1936 года. Здесь выделяются стадии законодательной инициативы, принятия закона палатами Верховного Совета: Советом Союза и Советом Национальностей. Законы принимаются простым большинством. Если закон принят обеими палатами, то он считается утвержденным. Подписываются законы председателем и секретарем Президиума ВЦИК. Они же направляют закон на опубликование. Тот же самый порядок принятия закона закрепляется и в республиканских конституциях. Конституциями 1924 года и 1936 года устанавливается принцип приоритета союзного акта над республиканским, за исключением тех вопросов, которые относятся к исключительному ведению республик.

Как в теории, так и в практике правотворчества основное внимание уделялось материальным, а не процедурным характеристикам. Что отражалось в акцентуации принципов правотворческой деятельности. «Характерными чертами законодательской деятельности Верховного Совета СССР и верховных советов союзных и автономных республик являются: русский революционный размах и большевистская деловитость, последовательный демократизм и гибкость регламента, высокая организованность и неизменная эффективность результатов» [11, с. 388].

Категория «законодательного процесса» по разному рассматривается в нынешней теории государства и права и в конституционном праве.

Так в теории государства и права традиционно её рассматривают, как разновидность правотвор-

ческого процесса, а тот в свою очередь оценивается как начальная стадия в механизме правового регулирования, а также как вид государственной деятельности.

В науке конституционное право законодательный процесс рассматривают как: «урегулированную нормами конституционного права и осуществляемую в определенной последовательности деятельность компетентных органов, направленную на разработку, принятие и введение в силу законодательных актов» [12].

Законодательный процесс составляет совокупность предусмотренных законодательством процедур разработки, внесения на рассмотрение, принятия и введения в действие законов. Законодательный процесс рассматривается и как определенный законодательством порядок осуществления законодательной деятельности, последовательно повторяющихся во взаимной связи процедур.

Стадии законодательного процесса детально регламентированы, роли участников законодательного процесса, сроки, порядок их действий, права и обязанности четко сформированы процессуальными нормами конституционного права. Пренебрежение какой-либо из стадий либо несоблюдение процедурных правил выражает нарушение законности в законотворчестве. История развития законодательства показывает, что постепенно оформляется система правотворческих отношений. На их содержание оказывает влияние историческая эпоха, но при этом сохраняется определенная преемственность в закреплении основных стадий, принципов и гарантий правотворчества. Нормы, определяющие порядок закрепления государственной воли, начинают образовывать отдельный предмет правового регулирования, а это является не мало важным фактором в становлении нового процессуального института – правотворческий (законодательный) процесс.

Литература

1. Рогов, В.А. История государства и права России I – начала XX веков. – М., 1995.
2. Владимирский-Буданов, М.Ф. Обзор истории русского права. – Ростов-на-Дону, 1995.
3. Неволин К.А. Энциклопедия законоведения /Классика российского права. Консультант-плюс, 2008
4. Ренненкампф Н.К. Юридическая энциклопедия. Изд.-е четвертое, Киев. 1913. /Классика российского права. Консультант-плюс, 2008
5. Коркунов Н.М. Указ и закон. – С.-Петербург. Типография М.М. Стасюлевича, 1894. /Классика российского права. Консультант-плюс, 2008
6. Трубецкой Е.Н. Энциклопедия права- Москва, Типография «Русский труд», 1907.
7. Стучка П.И. Революционная роль права и государства. Общее учение о праве // Стучка П.И. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. Рига, 1964.
8. Крыленко Н.В. Ленин о суде и уголовной политике: К 10-летию со дня смерти. 1924–1934/ Н.В. Крыленко. – М.: Советское законодательство, 1934.
9. Горохов В. Прокуратура в деревне // Вятская Правда, 1927–181-С.3.
10. СУ. 1917. № 1. Ст. 12.
11. Денисов А.Н. Основы марксистско-ленинской теории государства и права: курс лекций /; Высш. парт. шк. при ЦК ВКП (б), каф. гос. права и советск. стр-ва. – Москва: ВПШ при ВКП(б), 1948.
12. Безруков А.В. Конституционное право России: учебное пособие. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юстицинформ, 2015.

EVOLUTION OF THE LAW-MAKING PROCESS IN RUSSIA: ASPECTS OF PERIODIZATION OF STAGES OF HISTORICAL DEVELOPMENT

Barantseva E.L.

Volga-Vyatsk Institute (branch) of the University named by O.E. Kutafin (MSAL)

The article deals with a topical issue related to the continuity and novelty of the law-making process in Russia. The purpose of the research is to analyze the views on the process of formation of law-making process in the national legal system of Russia. On the basis of comparison of ideas of pre-revolutionary, Soviet and modern jurists, as well as on the basis of the analysis of individual constitutional norms, the author of the article makes an attempt to come closer to the identification of sustainable qualities of the law-making process as a complex institute in procedural law. The author emphasizes that the very origin of the idea of public control in the implementation of legislative activity occurs in the Soviet period. In conclusion, the author comes to the conclusion that the law-making process belongs to a complex institute of procedural law, and at each stage of its historical development there was continuity in the identification of stages and principles of the law-making process.

Keywords: national legal system, normative act, law, legislation, legislative process, system of law

References

1. Rogov, V.A. The history of state and law of Russia I – early XX centuries. – М., 1995.
2. Vladimirsky-Budanov, M.F. Review of the history of Russian law. – Rostov-on-Don, 1995.
3. Nevolin K.A. Encyclopedia of Jurisprudence /Classics of Russian law. Consultant-plus, 2008
4. Rennekampf N.K. Legal Encyclopedia. fourth edition, Kiev. 1913. /Classics of Russian law. Consultant-plus, 2008
5. Korkunov N.M. Decree and law. – St. Petersburg. Printing house of M.M. Stasyulevich, 1894. /Classics of Russian law. Consultant-plus, 2008
6. Trubetskoy E.N. Encyclopedia of Law – Moscow, Russian Labor Printing House, 1907.
7. Stuchka P.I. The revolutionary role of law and the state. The general doctrine of law // Stuchka P.I. Selected works on the Marxist-Leninist theory of law. Riga, 1964.
8. Krylenko N.V. Lenin on the court and criminal policy: On the 10th anniversary of his death. 1924–1934/ N.V. Krylenko. – М.: Soviet legislation, 1934.
9. Gorokhov V. Prosecutor's office in the village // Vyatskaya Pravda, 1927–181-S.3.
10. SU. 1917. No. 1. Article 12.
11. Denisov A.N. Fundamentals of the Marxist-Leninist theory of state and law: a course of lectures /; Higher School of the Central Committee of the CPSU (b), Department of State Law and Sovietsk. page. – Moscow: Higher School of Economics at the CPSU(b), 1948.
12. Bezrukov A.V. Constitutional law of Russia: a study guide. 3rd ed., reprint. and additional M.: Justicinform, 2015.

Берляков Денис Петрович,

аспирант, кафедра теории и истории государства и права, Юридический институт, ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»
E-mail: den_berlyakov@mail.ru

Актуальность данного исследования заключается в том, что автором рассматриваются вопросы реагирования российской правовой системы на процессы глобализации и угрозы национальной безопасности, подчёркивается соблюдение баланса частных и публичных интересов. Цель: совершенствование российской правовой системы до отвечающей вызовам современной действительности. Отмечается важная роль иерархии правовых актов, вертикали власти и сильного лидера, для государства и общества в целях противостояния угрозам национальной безопасности, сохранения самобытности в условиях глобализации. Отмечается наличие объективно возникающих юридических коллизий способствующих общегосударственному компромиссу. Анализируются различные точки зрения о правовой системе России, в ходе дискуссии выделяется иерархия национальной правовой системы, наличие большого количества подзаконных актов, кодификация по отраслевому признаку. Отмечается наличие специального органа агентства по национальной безопасности. Автором подчёркивается использование целого набора правовых средств и способов. Несмотря на ужесточение ответственности по некоторым позициям отмечается социальная направленность национальной правовой системы. Указывается на несвоевременность принятия некоторых нормативных правовых актов, проведение уверенной линии внешних и внутренних отношений. Ведётся дискуссия об отнесении российской правовой системы к определённым группам. Отмечается взаимодействие законодательных и представительных органов, гражданская солидарность. В ходе исследования использовался общенаучный метод. Выводы и заключение: материалы публикации могут быть использованы для дальнейшего совершенствования российской правовой системы, сохранения её самобытности.

Ключевые слова: национальная специфика; национальная безопасность; правовая система; правовые средства; институты гражданского общества; правовая идеология.

Введение. В процессе развития государства и общества неизменно формируются специфические правовые средства, с помощью которых урегулируются общественные отношения, в связи с тем, что у каждого государства свой индивидуальный исторический путь развития и уровень правосознания. В.П. Гавриков верно отметил: «правовая система конкретной страны индивидуальна, поэтому является национальной правовой системой» [3, с. 389]. Российская правовая система имеет свои особенности, отличающиеся от иных правовых систем, включает строгую иерархию нормативных правовых актов. Российское законодательство содержит множество подзаконных актов, кроме этого, на наш взгляд, объективно возникающие юридические коллизии способствуют общегосударственному компромиссу. Российская правовая система в период осложнения обстановки в мире, на приграничной территории, связанной с локальными конфликтами, процессами глобализации, реагирует на угрозы и принимаются меры обеспечивающие национальную безопасность.

Источники права являются составной частью российской правовой системы. Специфика национальной правовой системы отмечается В.Н. Протасовым в легитимности источников права [12, с. 196]. В России ряд источников права кодифицированы по отраслевому признаку. «Порядок, образуемый в результате действия права, отражает сочетание интересов различных групп населения, ... наций, государственно-территориальных образований. В рамках такого порядка разрешение возможных противоречий и конфликтов обеспечивается в основном путем исполнения правовых предписаний» [2, с. 139]. Кроме норм и предписаний, распределения по отраслям, к работе привлекаются институты гражданского общества.

Специфика российской правовой системы не сводится лишь к требованиям предписаний. Согласимся с мнением Ю.Г. Федотовой, которая считает, что «в юридических предписаниях субъектов управления можно обнаружить множество самых различных форм воздействия на общественные отношения в сфере государственного управления: наделение правами, поддержка инициативы, удовлетворение ходатайства, распространение рациональных форм и методов организации и деятельности управляемых объектов, юридическое оформление прав граждан» [15, с. 18]. Приходим к выводу, что специфика правовой системы обусловлена целым набором средств и способов. Наличие бланкетных, отсылочных норм затрудняет восприятие правовой нормы, однако всегда присутствует стремление обеспечить соблюдение баланса частных и публичных интересов.

Историческое воссоединение территорий, которое страны европейского содружества и коллективный запад пытаются продемонстрировать, как аннексию, автор также считает наглядным примером специфики правовой системы и торжеством права на самоопределение.

Национальная специфика обусловлена принятием целого ряда законов и подзаконных актов, обеспечивающих льготы и гарантии, военнослужащих, мобилизованных граждан и членов их семей в связи с проведением специальной военной операции, с учётом выше изложенного на наш взгляд, отечественная правовая система является социально ориентированной. Ряд нормативных правовых актов ужесточают ответственность в вопросах воинской обязанности и безопасности государства, например, введена уголовная ответственность за срыв государственного оборонного заказа [8, Ст. 201²].

Исторический генезис российской правовой системы характеризуется своеобразной социокультурной средой, «гармонизация федеративных отношений связана у нас с историей сожительства нескольких поколений народов и наций в государственной форме, далекой от национального федерализма» [6, с. 274]. В сложные исторические периоды все институты гражданского общества, способны консолидироваться и работать на благо отечества. Основным средством достижения поставленных целей является правовая норма, с помощью которой урегулированы отношения в обществе, немаловажным фактором выступает и правовая идеология.

Большая протяжённость территории, наличие природных богатств, исторически привлекали агрессоров и «наложили отпечаток» на формирование специфики правовой системы. И в настоящее время существуют угрозы национальной безопасности. Несмотря на принимаемые законодательные меры, имеют место, как внешние угрожающие факторы, так и внутренние: попытки дискредитации органов власти и должностных лиц, провоцирование конфликтных ситуаций на национальной почве. Ослабление федерального центра может привести к противоборству субъектов с центром [11, с. 500]. Вертикаль власти, наличие сильного лидера, обладающего поддержкой широких масс, вырабатывающего вектор направления и развития общества, исторически свойственно российскому государству. В современной России, «национальное законодательство ориентируется на разрушение монопольных структур путем жесткого государственного контроля за процессами централизации капитала» [5, с. 162], пресекается публичная дискредитация ВС РФ [14, ст. 280.3].

Может отметить запоздалую реакцию законодателя по вопросам национальной безопасности на примере принятия закона об иностранных агентах, принятие мер по ограничению вывода капитала за рубеж и перекрытия каналов финансирования извне противоправных элементов внутри страны. Как положительное следует отметить, что при-

нимаются меры по повышению социальной защищенности граждан: поддержка материнства и детства, повышение демографии, совершенствование системы здравоохранения, повышение правовой культуры, определение правовой идеологии и других социально значимых проектов.

С.А. Комаров справедливо отмечает, что при становлении российского государства неравноправие наций урегулировано на принципиально новых условиях [4, с. 139]. Рекомендации теории государства и права выполняют идеологическую функцию. На смену прежней идеологии приходит другая, также предусматривающая единение народа с правящей партией «Единая Россия», единство народа и поддержка Президента Российской Федерации, идеи союзных государств, восстановление «исторической справедливости» в виде воссоединения территорий. Правовая идеология транслируется в правовую систему и оказывает на неё определённое влияние. Господствующая правовая идеология, ведущие национальные идеи – главный источник формирования права [2, с. 284].

Российская правовая система, имеет значимость в выстраивании внешних международных правовых отношений, внутренних на законодательном уровне и в процессе правоприменения. Следует оперативно принимать контрмеры (например, контрсанкции). Сократить время на принятие решения от обозначившегося проблемного вопроса до принятия решения, в качестве нормативного правового акта. На фоне этого более выгодные условия создаются для партнёров в экономическом плане, упрощается система товарооборота, перемещения товаров и услуг, в сфере миграционного законодательства.

Система национальных доменных имён, обеспечивает в меньшей степени зависимость от влияния извне, выявляются вредоносные приложения и программы в сфере IT технологий, направленные на извлечение различной информации, используемой в дальнейшем против российских граждан. С целью защиты суверенитета информационного пространства на территории РФ по требованию Генеральной Прокуратуры заблокирован Instagram, запрещён Facebook [9].

Обеспечивается соблюдение прав граждан РФ путём открытия избирательных участков в период проведения выборов, возможности участия в электронном голосовании за пределами РФ. Законодателями определены полномочия «федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъекта Российской Федерации и органов местного самоуправления» [7, гл. 7]. На российскую правовую систему, при всей её устойчивости, оказывают влияние процессы глобализации. В результате появляются схожие с другими правовыми системами признаки, с помощью которых появляется возможность классификации. Благодаря систематизации различных правовых систем можно отнести их к определённым группам, исследователи в сфере государства и права определяют их правовыми семьями. При наличии схо-

жих источников права России и других государств, российскую правовую систему, некоторые исследователи, относят к «романо-германской правовой семье». С учётом специфичности российской правовой системы точки зрения исследователей разделились, оппоненты, к которым автор относит и себя, считают, что российская правовая система сугубо индивидуальна.

Принцип разделения властей оказывает благотворное влияние на формирование правовой системы в России. Интересы широких слоёв населения, представлены в парламенте федеративного государства представителями от регионов [11, с. 173]. При наличии нормотворчества на различных уровнях, начиная с органов местного самоуправления, региональном, федеральном уровне, просматривается взаимосвязь законодательных и представительных органов. При этом нормативные правовые акты субъектов регионального уровня, органов местного самоуправления не могут противоречить основному закону Российской Федерации (конституции), федеральному законодательству и подлежат приведению в соответствие. Иерархия нормативных правовых актов в России поддерживается прокурорским и ведомственным надзором. При наличии коллизий в праве, до законодательного урегулирования противоречий, закреплено разграничение полномочий. По нашему мнению, исследования в сфере теории государства и права необходимы, чтобы иметь объективную оценку окружающей действительности, искать пути выхода из кризисных ситуаций.

Одна из форм объединения граждан, относящих себя к определённой этнической общности, является автономия. А.П. Альбов верно писал об автономии, как о внутреннем самоуправлении районов государства, в которой учитываются национальные интересы [1, с. 109]. В системе российского права, кроме автономий, имеют место районы компактного проживания, созданные по национальному признаку, на уровне данных субъектов также осуществляется нормотворчество.

В.А. Тишков пишет: «при всех различиях, которые есть у представителей разных российских национальностей, их объединяют не только одинаковые паспорта, но и общие история, культура, духовно-нравственные ценности, поведенческие нормы, а также гражданская солидарность на основе российского патриотизма» [13, с. 24]. Все вышеизложенные факторы характеризуют феномен национальной правовой системы. Очевидно, что под влиянием времени, в процессе эволюции государства и общества совершенствуется и законодательство, наполняя форму новым содержанием.

Одной из специфических свойств российской правовой системы является наличие специального органа «Федерального агентства по делам национальностей» [10], ведающего вопросами национальной политики. Превентивная функция данного органа в виде предотвращения межнациональных и межконфессиональных конфликтов путем мониторинга и обращений граждан, результатом рабо-

ты является сглаживание конфликтов в национальной среде.

А.С. Пиголкин объективно утверждал, что в развитии и деятельности государственных органов «принцип демократизма» позволяет «учитывать разнообразные интересы подавляющего большинства граждан государства, их религиозные воззрения, особенности национальной культуры, традиций, обычаев» [11, с. 147]. Правовые средства, с помощью которых регулируются общественные отношения, являются эффективными и специфическими, в должной мере обеспечивают национальную безопасность.

Заключение. Представляя собой конгломерат народов, относящихся к разным типам цивилизаций, российская правовая система в процессе исторически культурного развития демонстрирует потрясающую жизнеспособность. Совершенствуется правовое сознание, правовая культура и как результат стабильность в общественных отношениях. Процессы, происходящие в обществе, оказывают влияние на развитие правовой системы, в свою очередь, которая отражает современную действительность. Очень важно сохранить вектор социальной направленности правовой системы, своеобразие и идентичность русского характера, чтобы достойно отвечать на существующие вызовы. Теоретические аспекты исследуемого вопроса целесообразны и востребованы для выстраивания взаимоотношений с правовыми системами других стран, эффективного и стабильного функционирования государства в современных условиях.

Литература

1. Альбов, А.П. Теория государства и права в 2 т. Том 1. Общая часть: учебник для вузов / А.П. Альбов [и др.]; под общей редакцией А.П. Альбова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2023. – 165 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-15969-1. – Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: <https://urait.ru/viewer/teoriya-gosudarstva-i-prava-v-2-t-tom-1-obschaya-chast-510378#page/61> (дата обращения: 29.05.2023).
2. Бабаев, В.К. Теория государства и права: учебник для вузов / В.К. Бабаев [и др.]; под редакцией В.К. Бабаева. – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2023. – 620 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-16788-7. – Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: <https://urait.ru/viewer/teoriya-gosudarstva-i-prava-531710#page/139> (дата обращения: 30.05.2023).
3. Гавриков, В.П. Теория государства и права: учебник и практикум для вузов / В.П. Гавриков. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2023. – 461 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-08962-2. –

Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: <https://urait.ru/viewer/teoriya-gosudarstva-i-prava-531783#page/389> (дата обращения: 29.05.2023).

4. Комаров, С.А. Общая теория государства и права: учебник для вузов / С.А. Комаров. – 10-е изд., испр. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2023. – 528 с. – (Высшее образование). – ISBN978–5–534–15392–7. – Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: <https://urait.ru/viewer/obschaya-teoriya-gosudarstva-i-prava-514390#page/108> (дата обращения: 29.05.2023).
5. Лазарев, В.В. Теория государства и права: учебник для вузов / В.В. Лазарев, С.В. Липень. – 5-е изд., испр. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2023. – 521 с. – (Высшее образование). – ISBN978–5–534–06539–8. – Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: <https://urait.ru/bcode/510499> (дата обращения: 05.08.2023).
6. Мухаев, Р.Т. Теория государства и права: учебник для вузов / Р.Т. Мухаев. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2023. – 555 с. – (Высшее образование). – ISBN978–5–534–17484–7. – Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: <https://urait.ru/bcode/533182> (дата обращения: 19.10.2023).
7. Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации: Федер. закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ (ред. от 06.02.2023) // ИПС «КонсультантПлюс». – Версия 4022.00.55. – Гл. 7.
8. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федер. закон РФ от 24.09.2022 N365-ФЗ // ИПС «КонсультантПлюс». – Версия 4022.00.55. – Ст. 201².
9. О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации: Федер. закон РФ от 28.12.2012 N272-ФЗ (ред. от 13.06.2023) // ИПС «КонсультантПлюс». – Версия 4022.00.55.
10. О Федеральном агентстве по делам национальностей: Указ Президента РФ от 31.03.2015 N168-ФЗ (в ред. Указов Президента РФ от 24.08.2017 № 399, от 15.05.2018 № 215) // ИПС «КонсультантПлюс». – Версия 4022.00.55.
11. Пиголкин, А.С. Теория государства и права: учебник для вузов / А.С. Пиголкин, А.Н. Головистикова, Ю.А. Дмитриев; под редакцией А.С. Пиголкина, Ю.А. Дмитриева. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2023. – 516 с. – (Высшее образование). – ISBN978–5–534–01323–8. – Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: <https://urait.ru/bcode/510426> (дата обращения: 29.07.2023).
12. Протасов, В.Н. Теория государства и права: учебник и практикум для вузов / В.Н. Протасов. – Москва: Издательство Юрайт, 2023. – 455 с. – (Высшее образование). – ISBN978–5–534–15123–7. – Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: <https://urait.ru/bcode/510831> (дата обращения: 02.08.2023). С. 196.
13. Тишков, В.А. Российская нация: Становление и этнокультурное многообразие / Под ред. В.А. Тишкова; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. – М.: Наука, 2011. – 462 с. – ISBN978–5–02–037653–3.
14. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 N63-ФЗ (ред. от 04.08.2023), с изм. и доп., вступ. в силу с 12.10.2023 // ИПС «КонсультантПлюс». – Версия 4022.00.55. – Ст. 280.3.
15. Федотова, Ю.Г. Административно-правовое обеспечение национальной безопасности Российской Федерации: учебник для вузов / Ю.Г. Федотова. – Москва: Издательство Юрайт, 2023. – 321 с. – (Высшее образование). – ISBN978–5–534–14950–0. – Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: <https://urait.ru/bcode/520354> (дата обращения: 28.10.2023).

NATIONAL SPECIFICS OF THE RUSSIAN LEGAL SYSTEM

Belyakov D.P.
Altai State University

The relevance of this research lies in the fact that the author examines the issues of the Russian legal system's response to the processes of globalization and threats to national security, emphasizes the balance of private and public interests. Objective: to improve the Russian legal system to meet the challenges of modern reality. The important role of the hierarchy of legal acts, the vertical of power and a strong leader for the state and society in order to counter threats to national security, preserve identity in the context of globalization is noted. It is noted that there are objectively emerging legal conflicts that contribute to a nationwide compromise. Various points of view about the legal system of Russia are analyzed, during the discussion the hierarchy of the national legal system, the presence of a large number of by-laws, codification by industry are highlighted. It is noted that there is a special body of the National security Agency. The author emphasizes the use of a whole set of legal means and methods. Despite the tightening of responsibility for some positions, the social orientation of the national legal system is noted. The untimeliness of the adoption of some regulatory legal acts, the holding of a confident line of external and internal relations is indicated. There is a discussion about the attribution of the Russian legal system to certain groups. The interaction of legislative and representative bodies, civil solidarity is noted. The general scientific method was used in the course of the study. Conclusions and conclusion: the materials of the publication can be used to further improve the Russian legal system of preserving its identity.

Keywords: national specifics; national security; legal system; legal means; civil society institutions; legal ideology.

References

1. Albov, A.P. Theory of state and law in 2 volumes. Volume 1. General part: textbook for universities / A.P. Albov [etc.]; under the general editorship of A.P. Albov. – 2nd ed., revised. and additional – Moscow: Yurayt Publishing House, 2023. – 165 p. – (Higher education). – ISBN978–5–534–15969–1. – Text: electronic // Educational platform Urayt [website]. – URL: <https://urait.ru/viewer/teoriya-gosudarstva-i-prava-v-2-t-tom-1-obschaya-chast-510378#page/61> (date of access: 05.29.2023).

2. Babaev, V.K. Theory of state and law: textbook for universities / V.K. Babaev [etc.]; edited by V.K. Babaev. – 5th ed., revised. and additional – Moscow: Yurayt Publishing House, 2023. – 620 p. – (Higher education). – ISBN978–5–534–16788–7. – Text: electronic // Educational platform Urayt [site]. – URL: <https://urait.ru/viewer/teoriya-gosudarstva-i-prava-531710#page/139> (access date: 05/30/2023).
3. Gavrikov, V.P. Theory of state and law: textbook and workshop for universities / V.P. Gavrikov. – 2nd ed., revised. and additional – Moscow: Yurayt Publishing House, 2023. – 461 p. – (Higher education). – ISBN978–5–534–08962–2. – Text: electronic // Educational platform Urayt [website]. – URL: <https://urait.ru/viewer/teoriya-gosudarstva-i-prava-531783#page/389> (access date: 05.29.2023).
4. Komarov, S.A. General theory of state and law: textbook for universities / S.A. Komarov. – 10th ed., rev. and additional – Moscow: Yurayt Publishing House, 2023. – 528 p. – (Higher education). – ISBN978–5–534–15392–7. – Text: electronic // Educational platform Urayt [website]. – URL: <https://urait.ru/viewer/obschaya-teoriya-gosudarstva-i-prava-514390#page/108> (date of access: 05.29.2023).
5. Lazarev, V.V. Theory of State and Law: a textbook for universities / V.V. Lazarev, S.V. Lipen. – 5th ed., rev. and additional – Moscow: Yurayt Publishing House, 2023. – 521 p. – (Higher education). – ISBN978–5–534–06539–8. – Text: electronic // Educational platform Urayt [website]. – URL: <https://urait.ru/bcode/510499> (date of access: 08/05/2023).
6. Mukhaev, R.T. Theory of state and law: textbook for universities / R.T. Mukhaev. – 3rd ed., revised. and additional – Moscow: Yurayt Publishing House, 2023. – 555 p. – (Higher education). – ISBN978–5–534–17484–7. – Text: electronic // Educational platform Urayt [website]. – URL: <https://urait.ru/bcode/533182> (access date: 10/19/2023).
7. On the general principles of the organization of public power in the constituent entities of the Russian Federation: Feder. Law of December 21, 2021 No. 414-FZ (as amended on February 6, 2023) // IPS “ConsultantPlus”. – Version 4022.00.55. – Chapter 7.
8. On amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Article 151 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Feder. Law of the Russian Federation dated September 24, 2022 N365-FZ // IPS “ConsultantPlus”. – Version 4022.00.55. – St. 2012.
9. On measures of influence on persons involved in violations of fundamental human rights and freedoms, the rights and freedoms of citizens of the Russian Federation: Feder. Law of the Russian Federation dated December 28, 2012 N272-FZ (as amended on June 13, 2023) // IPS “ConsultantPlus”. – Version 4022.00.55.
10. On the Federal Agency for Nationalities: Decree of the President of the Russian Federation dated March 31, 2015 N168-FZ (as amended by Decrees of the President of the Russian Federation dated August 24, 2017 No. 399, dated May 15, 2018 No. 215) // IPS “ConsultantPlus”. – Version 4022.00.55.
11. Pigolkin, A.S. Theory of state and law: a textbook for universities / A.S. Pigolkin, A.N. Golovistikova, Yu.A. Dmitriev; edited by A.S. Pigolkin, Yu.A. Dmitriev. – 4th ed., revised. and additional – Moscow: Yurayt Publishing House, 2023. – 516 p. – (Higher education). – ISBN978–5–534–01323–8. – Text: electronic // Educational platform Urayt [website]. – URL: <https://urait.ru/bcode/510426> (date of access: 07.29.2023).
12. Protasov, V.N. Theory of state and law: textbook and workshop for universities / V.N. Protasov. – Moscow: Yurayt Publishing House, 2023. – 455 p. – (Higher education). – ISBN978–5–534–15123–7. – Text: electronic // Educational platform Urayt [website]. – URL: <https://urait.ru/bcode/510831> (access date: 08/02/2023). P. 196.
13. Tishkov, V.A. Russian nation: Formation and ethnocultural diversity / Ed. V.A. Tishkova; Institute of Ethnology and Anthropology named after. N.N. Miklouho-Maclay RAS. – M.: Nauka, 2011. – 462 p. – ISBN978–5–02–037653–3.
14. Criminal Code of the Russian Federation dated 06/13/1996 N63-FZ (as amended on 08/04/2023), as amended. and additional, intro. in force from 10/12/2023 // IPS “ConsultantPlus”. – Version 4022.00.55. – St. 280.3.
15. Fedotova, Yu.G. Administrative and legal support of national security of the Russian Federation: a textbook for universities / Yu.G. Fedotova. – Moscow: Yurayt Publishing House, 2023. – 321 p. – (Higher education). – ISBN978–5–534–14950–0. – Text: electronic // Educational platform Urayt [website]. – URL: <https://urait.ru/bcode/520354> (date of access: 10/28/2023).

Рецепция зарубежного опыта как один из факторов реформирования российской государственности в начале XVIII в.

Карева Алла Викторовна,

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры теории права и административно-правовых дисциплин; Юридический институт, Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина
E-mail: NadegdaAVK@yandex.ru

В статье рассматривается практика реформирования отечественной государственности в первой четверти XVIII в. с использованием зарубежного опыта. Цель исследования – определение насколько реформы Петра I, проводившиеся параллельно с европеизацией, стали первой масштабной попыткой модернизации и насколько они соотносятся с заимствованием западноевропейских моделей. Опираясь на историко-сравнительный и сравнительно-правовой методы, а также цивилизационный подход, обосновывается необходимость сильной государственной власти для обеспечения стабильности и развития России. Анализируется роль государства, власти, монарха в проведении радикальных преобразований, в осуществлении европеизации, предпосылки которой складывались в предыдущие этапы развития. Раскрываются причины реформирования и вынужденной европеизации страны, которая, тем не менее, не была глобальной, имела верхушечный характер, но требовалась в связи с государственными задачами. Чтобы выстоять в соперничестве с Западом, ответить на его давление и силу, необходимо было грамотно воспользоваться опытом Запада, его образцами, достижениями науки и техники. Все это можно и нужно было осуществить, взаимодействуя с западноевропейскими державами. Выявляются результаты и значение модернизации и европеизации России для укрепления страны, повышения ее обороноспособности, дальнейшего развития общества и государства. Статья может быть использована в преподавании дисциплины история государства и права России, ориентирована на всех интересующихся Отечественной историей и эпохой Петра Великого, особенно в условиях современного противостояния Российской Федерации и коллективного Запада.

Ключевые слова: Петр I, Российское государство, самодержавие, империя, рецепция, зарубежный опыт, европеизация, реформы, модернизация.

Вопрос взаимоотношений России и зарубежных стран всегда являлся дискуссионным, привлекающим внимание исследователей, особенно если процесс взаимоотношений накладывался на переломные моменты отечественной истории, на период модернизации общества и государства, нуждающихся в масштабном реформировании, и, в связи с этим, поиска необходимого опыта, в том числе и в Западной Европе, что особенно было характерно для правления Петра I. Данная тема тем более вызывает интерес, что и сегодня выбор пути развития современной России остается актуальным.

Российское государство в истории страны играло важную роль, особенно когда перед обществом стояли сложные проблемы. В этих условиях именно государство брало на себя решение всех задач, что приводило еще к большему укреплению его силы и могущества, росту его авторитета. Утверждение термина «государь» в сфере отношений публичного властвования в XIV в. превратило свободных лиц в «государевых холопов», независимо от их положения в обществе. Организационное единство воплощалось в государе, властвующем в государстве как хозяин по отношению к своим холопам, в качестве которых выступали все. Это означало полное отсутствие договоренностей, плюрализма, что указывало на формирование особой социальной культуры, основанной на силовом навязывании, монологовости, единстве, централизации, персональности¹. В дальнейшем, в эпоху Ивана IV складывается самодержавная парадигма, как единственно возможная и органичная для России форма организации публичной власти.

Самодержавный строй можно расценивать как единственный способ выживания Московии в Европе. Он восполнял отсталость России, позволяя «сверху» осуществлять необходимые реформы, направленные на совершенствование экономической и военной сфер.

Между тем самодержавие утвердилось не только в России. Наивысшей концентрацией отличалась власть иранских шахов, китайских богдыханов, индийских раджей. Но это не защитило не этих правителей, не их когда-то могущественные страны от внешней агрессии европейских держав и последующего закабаления, а в дальнейшем от превращения их в колонии и полуколонии. В XV–XVII вв. эти страны не подверглись глубокой внутренней модернизации. Страны Востока не понимали необходимости широкомасштабных преоб-

¹ Габрелян Э.В. Российская государственность: социокультурные традиции // История государства и права. 2011. № 13. С. 33.

разований. Это обусловило неэффективность восточной экономики и военно-государственную слабость по сравнению с Западным миром, что и спровоцировало отсталость стран Востока и обрекло их на колониальную зависимость. Тем самым преодоление социально-экономической отсталости является важным фактором восстановления независимости закабаленной страны¹.

Самодержавная парадигма публичного властвования, сложившаяся в Московии, нашла свое продолжение и в имперский период². Иностранцы, приезжающие в Россию, были убеждены, что власть русских монархов (Ивана III и Ивана IV), по сравнению с европейскими правителями, была намного больше. Однако, для установления деспотического правления и утверждения неограниченной самодержавной власти, абсолютной власти время не пришло, отсутствовала ее социальная основа³. Могущество власти московских государей ощущали лишь подданные, а стремление монархов утвердить свою волю наталкивалось на ограничения в виде традиций и учреждений. Сложившийся порядок, считающийся незыблемым, был под защитой старины, непререкаемых обычаев⁴. Причем все это происходило на фоне жесткого противостояния церковной и светской властей в конце XV–XVI вв.

Жестокий, деспотический характер возникающего Российского государства был обусловлен механическим, силовым процессом объединения княжеств, инициатором и движущей силой которого выступило Московское княжество. Образование единого Русского централизованного государства, в отличие от Западной Европы, не было подготовлено экономически. Если в объединительном процессе отсутствуют экономические связи, то их место занимает военная сила, насилие, которая становится движущим фактором объединения. Это, в свою очередь, требует постоянного наличия этого фактора и его непрерывного роста. Государство, созданное под давлением насилия, в отсутствие крепких экономических связей, можно удержать только с помощью деспотического правления. Именно подобное правление необходимо для сохранения единства, а, следовательно, для выживания и существования такого государства⁵, которому постоянно требуются разнообразные до-

полнительные средства. Наличие сильной государственной власти определялось геополитическими факторами, необходимостью защиты от внешней агрессии, контролем над расширяющейся территорией. Тем не менее, сила деспотического государства, направленная против своего народа, нередко была бессильна против внешней угрозы.

Кроме того, длительное татаро-монгольское господство способствовало формированию в народе чувства исключительности, как в национальном, так и религиозном отношении. После свержения татаро-монгольского ига данные идеи начали действовать в западном направлении: вражда, противостояние были направлены на польско-литовское государство. В результате русское православие противопоставлялось католицизму, а Россия – западной цивилизации. Закрытость и вместе с тем сплоченность русских вокруг Москвы и власти во многом обеспечивала идеология «Москва – Третий Рим», которая еще более способствовала утверждению деспотии.

Власть в своем стремлении подавить, подчинить личность официально трансформировалась в охранительно-консервативную силу. Тем более, что российский правовой менталитет отличался представлением об оправданности подчиненного положения личности по отношению к государству. А государство в иерархии отечественных ценностей, находилось на высшей ступени. Личности же предписывалось обязанность служить государству и государю. Подобное безоговорочное служение своей стране, правителю на протяжении длительного времени вытесняло из общественного сознания идею прав человека, в свою очередь государство воспринимается как «сверхгосударство»⁶. Все это в конечном итоге позволило Петру I сформировать в России особый тип «всепоглощающего государства», олицетворением которого стало «отеческое» и одновременно бюрократическое попечительство «вождя/государя» и государственной власти о «благе народа», «общей пользе», с помощью которой можно было оправдать многое⁷.

Российская цивилизация в процессе своего развития не испытала влияния Возрождения, Реформации, Просвещения, и до Петра I сохраняла традиционализм. Русское общество, как общество закрытое, развивалось медленно, не имея особых стимулов к совершенствованию, что обусловило негативное отношение к образованию и просвещению. Тем не менее, представители московской элиты, несмотря на консерватизм взглядов, приобщались к знаниям, хотя в целом власть была заинтересована в сохранении чистоты нравов и скромного образа жизни в народной среде, что обеспе-

¹ Черникова Т.В. Начало европеизация России во времена Ивана III // Вестник МГИМО университета. 2011. № 5 (20). С. 109.

² Казанский П.Е. Власть всероссийского императора. М.: ФонДИВ, 2007. С. 339; Латкин В.Н. Учебник истории русского права периода империи (XVIII–XIX вв.). М.: Зерцало, 2004. С. 236; Романович-Славатинский А.В. Система русского государственного права. Ч. 1. Киев: Тип. Г.Л. Фронцевича, 1886, С. 63; Захаров Н.А. Система русской государственной власти. М.: Москва, 2002. С. 52.

³ Кривошеев Ю.В. Становление Великолукской государственности // История России: Народ и власть / под ред. В.П. Сальникова. СПб.: Изд-во «Лексикон», 2001. С. 190, 191.

⁴ Миронов Б.Н. Развитие государственности в России в XVII – в начале XX века // Общественные науки и современность. 2009. № 4. С. 103.

⁵ Кашанина Т.В. Происхождение государства и права. М.: Высшее образование, 2009. С. 181, 182.

⁶ Смоленский М.Б. Правовая культура и идея государственности // Государство и право. 2009. № 4. С. 15.

⁷ Коновалов А.А., Атабиева А.Р. Российская империя первой четверти XIX века как актор процесса европеизации // Гуманитарный профиль: Научный сборник Совета молодых ученых. Федеральное Государственное бюджетное научное учреждение «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований». Нальчик, 2015. С. 120.

чивало сохранение в стране старины, незыблемости традиций.

Однако войны России со Швецией, Польшей содействовали расширению горизонтов, знакомству с западноевропейским миром. В допетровский период развитие отечественной государственности сопровождалось заимствованием у иностранцев, созданием светских учебных заведений, где преподавали иностранные языки, астрономию и геометрию. Однако в этот процесс была вовлечена только небольшая часть прогрессивного общества, для большинства населения были характерны консервативные взгляды, они оставались верными старине, многовековым традициям, избегали любых изменений.

Однако, несмотря на все внутренние препятствия, в России формировалось другое, нежели в странах Востока, отношение власти к европейским нововведениям и достижениям. Это происходило по мере обнаружения неподготовленности и несостоятельности Московии при столкновении с Европой и особенно ярко проявлялось в военном деле, торговой сфере и дипломатической службе. Именно это было характерно для правления Ивана III, который смог предусмотреть возможные трудности своей страны в случае взаимодействия с западным миром, у которого государь начал перенимать военный, технический опыт. Исходя из этого, можно допустить, что такая ранняя, пусть и поверхностная, европеизация России позволила ей конкурировать с западными странами¹. Во второй половине XVII в. усиливаются тенденции к постепенному преодолению изоляции, увеличивается потребность в повышении образовательного уровня.

Таким образом, важнейшей особенностью Российского государства XV–XVII вв. было возрастающее заимствование западного опыта. По мнению Т.В. Черниковой, Московия выступала в качестве спутника западноевропейской цивилизации, и ее существование без западного влияния было бы вряд ли возможно. Давление Запада, часто враждебное, что убедительно подтвердилось в период Смуты, требовало от России своевременного и адекватного ответа, который предполагал обязательное заимствование у этого Запада его достижений и изобретений, прежде всего в военной и технической сфере. Это делало Россию достаточно конкурентоспособной по отношению к западным державам², которым также требовались определенные перемены в сфере организации государственного управления и социально-экономических отношений. В результате главными локомотивами экономики на Западе стали торговля и промышленность, а буржуазия оформилась в новый господствующий класс в рамках усили-

вающегося абсолютизма, Все это добавило динамизма западноевропейским государствам, что еще более осложняло процесс сосуществования и конкуренции с ними России с ее традиционализмом. Вместе с тем Московия еще до XVIII в. была знакома с зарубежным опытом в рамках поверхностной европеизации, которая, однако, не затрагивала фундаментальных основ³. Таким образом, на рубеже XVII–XVIII вв. Россия как никогда нуждалась в модернизации, которая и была осуществлена Петром I, готовым обращаться к европейскому опыту и активно перенимать его для обеспечения безопасности и защиты своей страны.

В России лидером модернизации выступало государство и сам государь с просвещенной бюрократией. Реформирование «сверху» свидетельствовало исключительно о российской традиции, согласно которой именно монарх как единственный субъект, обладающий правом инициировать и реализовывать проекты преобразований, мог добиться результатов. Это сообщало отечественной модернизации одновременно и силу, и слабость. Огромная территория и многонациональный, многоконфессиональный состав населения требовали сильной и авторитетной власти, которая, с одной стороны, могла контролировать модернизационный процесс, а с другой – тормозила его, усиливая противоречия и внося определенные диспропорции⁴. Вместе с тем реформаторство «сверху» приводило к укреплению роли бюрократического аппарата, что особенно было характерно для правления Петра I.

Преобразовательная деятельность Петра была подготовлена всем предшествующим развитием страны, предопределена государственной необходимостью и сложным социально-экономическим состоянием России с учетом ее прошлого, она стала адекватным ответом на вызовы времени и запросы прогрессивной части российского общества⁵. Тем более, что в прошлом Российского государства уже был опыт европеизации. Все это позволяет утверждать, что Петр являлся продолжателем данного процесса, последователем дела его предшественников, которые внедряли новое в жизнь средневековой Руси, но делали это слишком постепенно и, главное, медленно, что угрожало стране катастрофическими последствиями. Возможно, что реформы, проведенные в первой четверти XVIII в., осуществились бы независимо от Петра I, но именно он придал процессу европеизации ускоренный и системный характер государственного курса. Осуществлял же он это в такой

³ Черникова Т.В. О российских истоках Петровских реформ государственного управления // Вестник МГИМО университета. 2012. № 6 (27). С. 10.

⁴ Соломатин А.Ю. Энигма модернизации (сравнительный взгляд на государственно-политическое развитие США и России XIX в.) // История государства и права. 2009. № 16. С. 23.

⁵ Коновалов А.А., Атабиева А.Р. Российская империя первой четверти XIX века как актор процесса европеизации // Гуманитарный профиль: Научный сборник Совета молодых ученых. Федеральное Государственное бюджетное научное учреждение «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований». Нальчик, 2015. С. 119.

¹ Черникова Т.В. Начало европеизация России во времена Ивана III // Вестник МГИМО университета. 2011. № 5 (20). С. 109, 110.

² Черникова Т.В. О российских истоках Петровских реформ государственного управления // Вестник МГИМО университета. 2012. № 6 (27). С. 11.

экстремальной форме, что перемены становились революционными¹.

По мнению С.М. Сергеева, европеизация до XVIII в. и осуществленная Петром отличалась внешним, поверхностным характером, преимущественно техническим, когда заимствовались только полезные или красивые новшества. А социально-политические институты отвергались, поскольку все в государстве и даже перенятые новшества были нацелены на укрепление незыблемого самодержавного строя².

Несмотря на столь поверхностный, верхушечный характер европеизации, заимствования были значительными, способными разрушить исконно русскую культуру, разрушить старину. Реформирование России на западный манер было чуждо большинству населения. Русский народ, обладающий огромным культурным потенциалом, не принимал слепого заимствования со стороны. С точки зрения О.А. Коваленко, правление Петра I стало осуществляться в соответствии с Правдой воли правителя, стремящегося претворить в жизнь стратегию «вхождения в Европу», которая требовала принять инородные идеалы, вкусы, обычаи, нравы, тем самым наметив путь к диалогу России с Западом³, но ради спасения российского государства.

Разрыв со стариной, с прежним укладом русской жизни принял «революционный» характер. Масштабная «европеизация» русской действительности, проводимая в ходе реформ Петра I, осуществлялась под жестким руководством власти, превратившись в официальную политику. Образцы европейских организационно-технических и культурных заимствований стремительно, а порой искусственно, насаждались на русской почве, охватывая разные сферы, включая культуру и быт, науку и образование, религиозную и внешнюю политику⁴. Причем одним из самых болезненных был категоричный разрыв с традиционными формами быта и навязывание западных образцов жизни. Все это обусловило неизбежную и непримиримую борьбу старого и нового, традиций и новаций. Во многом это объяснялось переходом России от эволюционного пути развития к мобилизационному, который предполагал сознательное и насильственное вмешательство государственной власти в механизмы функционирования общества. Этот путь развития был оправдан необходимостью

выживания общества и государства в крайне тяжелых условиях стагнации или кризиса, когда возможны только чрезвычайные меры, которые требуются для достижения экстраординарных целей⁵.

При этом европеизация Петра I не подразумевала дерусификацию, скорее предполагала перемещение русскости на более высокую ступень, обеспечивающую могущество и процветание. Петровская «русскость» по многим характеристикам категорично противостояла старомосковской, но сам русский (российский) народ в ней не расценивался как «неполноценный», напротив провозглашалась вера в его необыкновенные творческие возможности, ущербными признавались только его старые, «ветхие» формы существования, непосредственно же народный (национальный) путь развития России с ее идеалами и представлениями сомнению не подвергался⁶.

Таким образом, модернизация российского государства осуществлялась параллельно с европеизацией. Это было связано с географическим положением страны. Внедрение западного опыта на отечественной почве, особенно без учета собственных культурных ценностей, происходило достаточно сложно. Модернизация была вызвана необходимостью преодоления технической отсталости России, а порой и угрозой территориальной целостности и национальной безопасности⁷. Крупномасштабные реформы проводились в стране в ответ на силу и давление Запада, внешнюю военную угрозу. Но модернизация при этом была направлена, прежде всего, на сферу техники и технологий, а обновление формы государства долгое время для реформаторов оставалось запретной темой⁸.

С XV в. Европа проводила активную экспансионистскую политику, соответственно, Петр, ставший самодержцем, в полной мере ощущал нажим европейской экспансии на Россию, Перед царем стоял тяжелый выбор: «либо Россия примет вызов и выживет как суверенное государство и автономное общество, или ее ждет упадок, колонизация, а возможно, и расчленение»⁹.

В этих сложных условиях Петр I решился на модернизацию, при этом глобальная европеизация России в его планы не входила. Царь действовал исключительно в соответствии с прагматичными

¹ Сергеев С.М. На путях к «империи наоборот». К пред истории русской нации // Вопросы национализма. 2015. № 3 (23). С. 214; Зубков К.И. Абсолютизм и модернизация: к оценке петровских реформ начала XVIII века // Вестник Гуманитарного университета. 2017. № 1 (16). С. 74.

² Сергеев С.М. На путях к «империи наоборот». К пред истории русской нации // Вопросы национализма. 2015. № 3 (23). С. 212.

³ Коваленко О.А. Реформы Петра I в контексте культурно-исторического диалога России и Европы // Научная электронная библиотека eLibrary.ru. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_23882646_41009957.pdf (дата обращения: 20.10.2023)

⁴ Зубков К.И. Абсолютизм и модернизация: к оценке петровских реформ начала XVIII века // Вестник Гуманитарного университета. 2017. № 1 (16). С. 74.

⁵ Коновалов А.А., Атабиева А.Р. Российская империя первой четверти XIX века как актор процесса европеизации // Гуманитарный профиль: Научный сборник Совета молодых ученых. Федеральное Государственное бюджетное научное учреждение «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований». Нальчик, 2015. С. 120.

⁶ Сергеев С.М. На путях к «империи наоборот». К пред истории русской нации // Вопросы национализма. 2015. № 3 (23). С. 221.

⁷ Соломатин А.Ю. Энигма модернизации (сравнительный взгляд на государственно-политическое развитие США и России XIX в.) // История государства и права. 2009. № 16. С. 23.

⁸ Соломатин А.Ю. Энигма модернизации (сравнительный взгляд на государственно-политическое развитие США и России XIX в.) // История государства и права. 2009. № 16. С. 23.

⁹ Фадеева Т.М. Российский абсолютизм в XVIII веке (Аналитический обзор) // История России. Серия аналитических обзоров и сборников. 2013. № 1. С. 196.

задачами. А задача была вполне очевидной: выстоять в соперничестве с Западом, ответить на его силу можно было только с помощью Запада, по западному образцу, опираясь на внедрение европейской техники, достижения западной науки и подготовку новых кадров. Тем самым успех российского ответа во многом зависел от способности научиться жить по европейским правилам, преимущественно в военной сфере¹.

В ходе реформ Петра I осуществлялись милитаризация и секуляризация российского общества, формировалась специфическая, предельно жесткая модель абсолютизма, но сама петровская европеизация имела верхушечный характер. Результаты подобных модернизаций нельзя расценивать как абсолютно бессмысленные или неэффективные, но развитие в такой обстановке было противоречивым и неоднозначным.

И все же, по мнению А.Ф. Киселева, Петру I удалось причинить ущерб русскому самосознанию и подорвать уверенность населения в собственных силах. Царь разобщил дворян с народом, обязав привилегированное сословие разорвать со своими корнями, национальными традициями, обычаями и языком. Однако это не изменило отношения Европы к России. Западная Европа «не открывала России дверей. Петр I «прорубил окно в Европу», но стена, разделявшая Европу и Россию, осталась». Высокомерное отношение Европы к российскому государству сохранилось. «Европе Россия с сильной армией и развитой промышленностью была не нужна». Между тем многие представители российской элиты продолжали стремиться ко всему европейскому. Подобная традиция сохраняется до сих пор, заключаясь в стремлении найти прозрение, вдохновение и истину не в прошлом своего Отечества, а на Западе, признавая его явное превосходство и воспринимая его единственным светочем человечества². Также до сих пор остается актуальной проблема органичности для российского общества европейских принципов жизни. Тем не менее, преобразовательная деятельность Петра I с ориентацией на Европу была продиктована государственными задачами, решение которых можно и нужно было найти, только взаимодействуя с западноевропейскими державами.

Литература

1. Габрелян Э.В. Российская государственность: социокультурные традиции // История государства и права. – 2011. – № 13. – С. 32–36.
2. Захаров Н.А. Система русской государственной власти. – М.: Москва, 2002. – 390 с.
3. Зубков К.И. Абсолютизм и модернизация: к оценке петровских реформ начала XVIII века // Вестник Гуманитарного университета. – 2017. – № 1 (16). – С. 72–84.

¹ Киселев А.Ф. Противоречия европеизации России // Высшее образование сегодня. 2017. № 6. С. 31.

² Киселев А.Ф. Противоречия европеизации России // Высшее образование сегодня. 2017. № 6. С. 34.

4. Казанский П.Е. Власть всероссийского императора. – М.: ФондИВ, 2007. – С. 600.
5. Кашанина Т.В. Происхождение государства и права. – М.: Высшее образование, 2009. – 358 с.
6. Киселев А.Ф. Противоречия европеизации России // Высшее образование сегодня. – 2017. – № 6. – С. 31–34.
7. Коваленко О.А. Реформы Петра I в контексте культурно-исторического диалога России и Европы // Научная электронная библиотека elibrary.ru. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_23882646_41009957.pdf (дата обращения: 20.10.2023)
8. Коновалов А. А., Атабиева А.Р. Российская империя первой четверти XIX века как актор процесса европеизации // Гуманитарный профиль: Научный сборник Совета молодых ученых. Федеральное Государственное бюджетное научное учреждение «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований». – Нальчик, 2015. – С. 119–127.
9. Кривошеев Ю.В. Становление Великорусской государственности // История России: Народ и власть / под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Изд-во «Лексикон», 2001. – 460 с.
10. Латкин В.Н. Учебник истории русского права периода империи (XVIII–XIX вв.). – М.: Зерцало, 2004. – 504 с.
11. Миронов Б.Н. Развитие государственности в России в XVII – в начале XX века // Общественные науки и современность. – 2009. – № 4. – С. 98–114.
12. Романович-Славатинский А.В. Система русского государственного права. Ч. 1. – Киев: Тип. Г.Л. Фронцкевича, 1886. – 299 с.
13. Сапронов М.В. Русское государство в конце XVII в.: эволюция или революция? (к вопросу об альтернативах петровским преобразованиям) // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2014. – Т. 14. – № 1. – С. 30–40.
14. Сергеев С.М. На путях к «империи наоборот». К предыстории русской нации // Вопросы национализма. – 2015. – № 3 (23). – С. 188–228.
15. Смоленский М.Б. Правовая культура и идея государственности // Государство и право. – 2009. – № 4. – С. 15–21.
16. Соломатин А.Ю. Энигма модернизации (сравнительный взгляд на государственно-политическое развитие США и России XIX в.) // История государства и права. – 2009. – № 16. – С. 21–25.
17. Фадеева Т.М. Российский абсолютизм в XVI–II веке (Аналитический обзор) // История России. Серия аналитических обзоров и сборников. – 2013. – № 1. – С. 173–205.
18. Черникова Т.В. Начало европеизация России во времена Ивана III // Вестник МГИМО университета. – 2011. – № 5 (20). – С. 107–115.
19. Черникова Т. В. О российских истоках Петровских реформ государственного управления //

Вестник МГИМО университета. – 2012. – № 6 (27). – С. 10–17.

Reception of foreign experience as one of the factors of reforming the Russian state in the beginning of the 18th century

Kareva A.V.

Ryazan State University named for S.A. Yesenina

The article examines the practice of reforming domestic statehood in the first quarter of the 18th century using foreign experience. The purpose of the study is to determine to what extent the reforms of Peter I, carried out in parallel with Europeanization, became the first large-scale attempt at modernization and how they relate to the borrowing of Western European models. Based on historical-comparative and comparative-legal methods, as well as a civilizational approach, the need for strong state power to ensure stability and development of Russia is substantiated. The role of the state, power, and monarch in carrying out radical changes, in implementing Europeanization, the prerequisites for which took shape in previous stages of development, is analyzed. The reasons for the reform and forced Europeanization of the country are revealed, which, however, was not global, had an apex character, but was required in connection with state tasks. In order to withstand competition with the West, to respond to its pressure and strength, it was necessary to wisely take advantage of the experience of the West, its models, and the achievements of science and technology. All this could and should have been achieved by interacting with Western European powers. The results and significance of modernization and Europeanization of Russia are revealed for strengthening the country, increasing its defense capability, and further development of society and the state. The article can be used in teaching the discipline history of state and law of Russia, and is aimed at all those interested in Russian history and the era of Peter the Great, especially in the context of modern confrontations between the Russian Federation and the collective West.

Keywords: Peter I, Russian state, autocracy, empire, reception, foreign experience, Europeanization, reforms, modernization.

References

1. Gabrelyan E.V. Rus statehood: sociocultural traditions // History of state and law, – 2011. – No. 13. – P. 32–36.
2. Zakharov N.A. System of Russian state power. – M.: Moscow, 2002. – 390 p.
3. Zubkov K.I. Absolutism and modernization: to assess Peter's reforms of the early 18th century // Bulletin of the Humanitarian University. – 2017. – No. 1 (16). – pp. 72–84.
4. Kazansky P.E. The power of the All-Russian Emperor. – M.: FondIV, 2007. – P. 600.
5. Kashanina T.V. Origin of state and law. – M.: Higher Education, 2009. – 358 p.
6. Kiselev A.F. Contradictions of the Europeanization of Russia // Higher education today. – 2017. – No. 6. – pp. 31–34.
7. Kovalenko O.A. Reforms of Peter I in the context of the cultural and historical dialogue between Russia and Europe // Scientific electronic library elibrary.ru. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_23882646_41009957.pdf (access date: 10/20/2023)
8. Konovalov A. A., Atabieva A.R. The Russian Empire of the first quarter of the 19th century as an actor in the process of Europeanization // Humanitarian profile: Scientific collection of the Council of Young Scientists. Federal State Budgetary Scientific Institution "Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Research". – Nalchik, 2015. – pp. 119–127.
9. Krivosheev Yu.V. Formation of Great Russian statehood // History of Russia: People and power / ed. V.P. Salnikova. – St. Petersburg: Publishing house "Leksikon", 2001. – 460 p.
10. Latkin V.N. Textbook on the history of Russian law during the imperial period (XVIII–XIX centuries). – M.: Zertsalo, 2004. – 504 p.
11. Mironov B.N. Development of statehood in Russia in the 17th – early 20th centuries // Social sciences and modernity. – 2009. – No. 4. – P. 98–114.
12. Romanovich-Slavatinsky A.V. System of Russian state law. Part 1. – Kyiv: Type. G.L. Frontskovich, 1886. – 299 p.
13. Sapronov M.V. Russian state at the end of the 17th century: evolution or revolution? (on the issue of alternatives to Peter's reforms) // Vestnik SUSU. Series "Social Sciences and Humanities". – 2014. – T. 14. – No. 1. – P. 30–40.
14. Sergeev S.M. On the path to the "reverse empire." On the pre-history of the Russian nation // Questions of nationalism. – 2015. – No. 3 (23). – pp. 188–228.
15. Smolensky M.B. Legal culture and the idea of statehood // State and law. – 2009. – No. 4. – P. 15–21.
16. Solomatin A. Yu. Enigma of modernization (a comparative view of the state-political development of the USA and Russia in the 19th century) // History of State and Law. – 2009. – No. 16. – pp. 21–25.
17. Fadeeva T.M. Russian absolutism in the 18th century (Analytical review) // History of Russia. A series of analytical reviews and collections. – 2013. – No. 1. – pp. 173–205.
18. Chernikova T.V. The beginning of the Europeanization of Russia during the time of Ivan III // Bulletin of MGIMO University. – 2011. – No. 5 (20). – pp. 107–115.
19. Chernikova T.V. On the Russian origins of Peter's reforms of public administration // Bulletin of MGIMO University. – 2012. – No. 6 (27). – P. 10–17.

Правовой статус независимого эксперта, уполномоченного на проведение антикоррупционной экспертизы

Корнилов Алексей Радионович,

Кандидат юридических наук, доцент, кафедра теории права и административно-правовых дисциплин, Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, кафедра теории и истории права и государства, Российский новый университет
E-mail: magelan7@mail.ru

Прысь Ирина Евгеньевна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права, международного и европейского права Академии ФСИН России
E-mail: 89263922888@mail.ru

В статье исследовано, как формируется и реализуется правовой статус независимых экспертов, которые аккредитованы для проведения антикоррупционных экспертиз. Автором сделан вывод, что нет четкого правового регулирования статуса независимых экспертов, что мешает его эффективному применению как средства противодействия коррупции. Для обеспечения эффективности работы независимых экспертов и предотвращения проблем, которые возникают на практике, необходимо на законодательном уровне определить все аспекты правового статуса независимых экспертов (их права, обязанности, ответственность и гарантии), а также регламентировать процедуру взаимодействия с органами власти в случае различных противоречий в сфере проведения антикоррупционной экспертизы.

Ключевые слова: правовой статус, независимый эксперт, антикоррупционная экспертиза, административный регламент

На данный момент в России наблюдается большое количество коррупционных правонарушений, что препятствует эффективному развитию и взаимодействию органов публичной власти. Противодействие коррупции – это одна из главных национальных задач России. Государство предпринимает разнообразный комплекс мер по выявлению, предотвращению и пресечению коррупционной деятельности. Подобный комплекс включает в себя различные профилактические мероприятия, среди которых особое место занимает проведение процедуры антикоррупционной экспертизы независимыми экспертами.

Независимая антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов – это особая процедура в правовой сфере, проводимая конкретными субъектами с целью обнаружения и установления коррупциогенных факторов в нормативных правовых актах и их проектах. Из этого определения антикоррупционной экспертизы следует, что объектом данной процедуры являются нормативные правовые акты, создающие определенные условия для осуществления коррупционной деятельности. Правовой базой для реализации независимой антикоррупционной проверки стал Федеральный закон «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов»¹, в котором перечислены элементы правового статуса эксперта, уполномоченного на реализацию этой меры в сфере антикоррупционного регулирования.

Независимые эксперты играют важную роль при реализации антикоррупционной экспертизы. Однако прежде, чем приобрести статус независимого эксперта, следует пройти обязательную аккредитацию Министерством юстиции РФ (далее – Минюст РФ). Федеральный закон «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» закрепляет, что экспертами являются граждане Российской Федерации, различные организации, а также общественные объединения, которые прошли аккредитацию.

Статья 5 Закона Об антикоррупционной экспертизе регулирует деятельность граждан и организаций в сфере реализации антикоррупционной экспертизы. Обращаясь к пункту 1.1. этой же статьи, можно обнаружить перечень граждан и организаций, которые по определенным причинам не име-

¹ Федеральный закон от 17.07.2009 N172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» (ред. от 05.12.2022) // Собрание законодательства РФ. 20.07.2009. № 29, ст. 3609.

ют права приобретать статус независимого эксперта при реализации антикоррупционной проверки и выявления коррупциогенных факторов в правовых актах. Исходя из данного перечня, подобным правом не обладают:

- граждане, имеющие неснятую или непогашенную судимость;
- граждане, которые были уволены за совершение коррупционных правонарушений;
- граждане, работающие в учреждениях и организациях, где проведение антикоррупционной экспертизы является их должностной обязанностью;
- некоммерческие организации, выполняющие функции международных и иностранных организаций;
- иностранные агенты.

Любое юридическое или физическое лицо, которое не относится к вышеперечисленным категориям, имеет полное право подать заявление в Минюст РФ на аккредитацию, чтобы затем приступить к выполнению своих прямых обязанностей.

Процедура получения аккредитации на реализацию независимой антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов регламентирована Административным регламентом по предоставлению государственной услуги, изъявившим желание аккредитовать граждан и организации в соответствии с законодательством Российской Федерации. Этот порядок был утвержден Приказом Министерства юстиции России от 29.03.2019 г. № 57¹.

Необходимость реализации проверки на наличие коррупциогенных факторов в нормативных правовых актах обусловлена получением статуса независимого эксперта, который уполномочен на осуществление антикоррупционной экспертизы.

Проблема правового статуса независимого эксперта, уполномоченного на проведение антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов, на данный момент не изучена ни в теории юриспруденции, ни отражена в законодательстве. Основная проблема заключается в отсутствии юридической ответственности для независимого эксперта, если он проведет экспертизу недолжным образом, т.е. проверка будет некачественной. В таком случае в законодательстве не хватает нормы, которая урегулировала бы этот вопрос. Независимый эксперт несет лишь условную моральную ответственность за качество правового анализа нормативного акта. Заключение, вынесенные экспертом, носят рекомендательный характер, что также становится определенной проблемой [8]. Эти фак-

¹ Приказ Минюста России от 29.03.2019 N57 «Об утверждении Административного регламента Министерства юстиции Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по осуществлению аккредитации юридических и физических лиц, изъявивших желание получить аккредитацию на проведение в качестве независимых экспертов антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации» (ред. от 09.08.2023) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 05.12.2023.

торы мешают эффективной деятельности в сфере профилактических мер по борьбе с коррупцией.

В целях повышения качества в сфере антикоррупционной проверки нормативных правовых актов требуется наличие консолидированных усилий со стороны экспертов, а также четкая организация процесса осуществления этой процедуры. Однако, деятельность большинства независимых экспертов характеризуется отсутствием взаимодействия и недостаточной организацией. Этот факт указывает на необходимость выявления факторов, которые негативно влияют на эффективность работы экспертов, которые уполномочены реализовывать проверки нормативных правовых актов и их проектов в сфере противодействия коррупции.

На конец 2023 года в Российской Федерации 3000 физических лиц и 450 юридических лиц получили статус независимых экспертов, которые теперь должны выполнять нормативно определенные обязанности по проведению процедуры антикоррупционных проверок².

Несмотря на то, что количество аккредитованных независимых экспертов возрастает из года в год, объем реально действующих экспертов не такой большой, а число экспертов, обращающихся за повторной аккредитацией для получения нового мандата, значительно ниже.

Противодействие коррупции в Российской Федерации набирает обороты, но все также имеет массу недостатков, из-за которых уровень коррупционных правонарушений только увеличивается. Такая негативная тенденция связана в том числе с низким качеством проводимых антикоррупционных экспертиз. Эксперт, получая полный доступ к проведению антикоррупционных проверок, часто прекращает свою деятельность, по сути, даже не начиная ее. Это связано с достаточно простой процедурой аккредитации от Минюста РФ. Немногие эксперты действительно осознают уровень ответственности, который они приобретают в связи с получением статусной аккредитации.

По-видимому, это объясняется тем фактом, что правовой статус независимого эксперта и элементы, формирующие сущность его работы, не определены достаточно четко нормативно, что затрудняет признание ценности его профессиональной деятельности. Для того, чтобы исправить этот дефект в правовом статусе эксперта, следует дополнить текущее законодательство правовыми нормами, более качественно и подробно конкретизирующими права и обязанности независимого эксперта.

Кроме того, согласно статье 2 Федерального закона «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов», одним из важнейших принципов организации антикоррупционной экспертизы

² Государственный реестр независимых экспертов, получивших аккредитацию на проведение антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации [Электронный реестр] URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/gosudarstvennyj-reestr-nezavisimyh/> (дата обращения: 09.12.2023).

является компетентность экспертов, которые проводят проверку нормативных правовых актов. Однако на практике не всегда получается ему следовать, так как получение аккредитации носит весьма несложный характер. Соответственно, компетентных экспертов, которые проводят антикоррупционные проверки, в России реально небольшое количество.

Еще одной существенной проблемой деятельности независимого эксперта является отсутствие должного взаимодействия с институтами гражданского общества. При рассмотрении нормативных правовых актов на факт наличия коррупциогенных факторов эксперты делают упор, прежде всего, на свой личный опыт и знания. Однако, представители гражданского общества тоже должны быть задействованы при проведении подобных проверок. Следовательно, для повышения эффективности антикоррупционных экспертиз стоит улучшить взаимодействие между независимыми экспертами и различными социально активными группами населения России, которые также заинтересованы в борьбе с высоким уровнем коррупции. Кроме того, сотрудничество независимых экспертов и институтов гражданского общества является одним из основополагающих принципов деятельности экспертов, уполномоченных реализовывать антикоррупционные проверки. Общественные организации, несмотря на отсутствие аккредитации от Минюста РФ, также имеют право принимать участие в проведении экспертиз в качестве вспомогательного института. В целях мотивации некоммерческих организаций, которые получают аккредитацию независимого эксперта, можно предоставить им право участвовать в работе специальных органов и советов, которые несут ответственность за аккредитацию независимых экспертов. Например, такими органами в России являются Прокуратура РФ и Минюст РФ.

При Правительстве РФ действует специальный экспертный совет, который объединяет большое число отраслевых экспертов¹. Члены совета были разделены на рабочие группы по направлениям, где проводились заседания и основная работа в сферах их отраслевой спецификации.

В рамках Проектного секретариата для реализации национального проекта «Реформа управленческой и контрольной деятельности» были организованы подобные экспертные группы, о которых шла речь выше. Они были распределены по 19 направлениям. Целью такой деятельности являлось определение правовых требований к коммерческим организациям. Аналогичные группы экспертов могут быть сформированы и в других отраслях помимо уже существующих групп, и включены в работу независимого Экспертного совета по противодействию коррупции, который занимается ан-

тикоррупционной деятельностью в специализированных органах публичной власти.

Представляется возможным предусмотреть дополнительный критерий для отмены аккредитации, к примеру, требование представления экспертом не менее двух заключений в течение одного года. Данное дополнение способствует исключению из деятельности независимых экспертов корыстных целей, которые могут преследоваться в ходе реализации антикоррупционных проверок. Для этого необходимо внести изменение в пункт 61 Административного регламента, чтобы к требованиям добавился еще один важный критерий – невыполнение независимым экспертом необходимого числа заключений в течение одного года. Неисполнение этого требования будет приводить к ликвидации аккредитации эксперта на реализацию антикоррупционных проверок. Таким образом, будет установлена система надзора за работой экспертов в сфере их деятельности.

В целях контроля за соблюдением данных требований стоит дополнить Федеральный закон от 17.07.2009 N172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов», обязав аккредитованных экспертов ежегодно представлять в Минюст России результаты антикоррупционной экспертизы.

В настоящее время в научном сообществе идут споры относительно независимой антикоррупционной экспертизы. Некоторые учёные указывают на объективные сложности и неэффективность этой меры, но если правовые нормы будут улучшены в спектре противодействия коррупции в РФ, то этот институт может эффективно функционировать [4]. Однако остальная часть научного сообщества предлагают в принципе отказаться от такой практики [6, с. 163].

К.С. Евсиков рассматривает систему государственного управления в России и обращает внимание на проблемы в практической части осуществления антикоррупционных экспертиз. Он выделяет следующие сложности: громоздкое законодательство, трудные для восприятия правовые конструкции для неподготовленных граждан без наличия знаний в юридической сфере, а также то, что сама система государственного управления исключает из числа участников таких отношений широкую общественность и лиц, действующих на «профессиональной основе», что приводит к доминированию лиц, действующих на «профессиональной основе» среди участников таких отношений, отсутствию содержательных механизмов воздействия на субъект управления и действенных гарантий независимости [7].

Независимая антикоррупционная экспертиза как одна из форм реализации права граждан на участие в управлении государством и как инструмент независимого контроля в сфере противодействия коррупции, скорее всего, не должна быть ликвидирована полностью, несмотря на ее недостатки, обусловленные объективными и субъек-

¹ Постановление Правительства РФ от 26.07.2012 N774 «Об Экспертном совете при Правительстве Российской Федерации» (ред. от 27.05.2019) // Собрание законодательства РФ. 06.08.2012. № 32. Ст. 4560.

ективными причинами. Стоит отметить, что для реализации качественной экспертизы, которая является превентивным механизмом в сфере антикоррупционной деятельности, следует дополнить определенными правовыми нормами текущее законодательство о статусе независимых экспертов. Стоит расширить предъявляемые требования к заявителям на аккредитацию от Минюста РФ, чтобы количество незаинтересованных лиц в этой среде снижалось. Следует учитывать не только ужесточение требований к независимым экспертам, определение порядка их деятельности, введение системы отчетности и подконтрольности качества деятельности и экспертизы независимых экспертов, но и расширение механизмов материальных гарантий, мотивации и стимулирования. С одной стороны, подобные меры позволят сильно сократить количество уже существующих независимых экспертов, но с другой стороны, их деятельность станет более эффективнее, несмотря на кадровые потери в связи с ужесточением требований. В данной сфере реализации профилактических мер по предотвращению коррупционных правонарушений останутся только заинтересованные лица, которые осознают всю важность и необходимость проведения такой профилактической процедуры. Они будут сознательно выполнять поставленные задачи и цели, которые нацелены на снижение уровня коррупциогенных факторов в нормативных правовых актах.

Кроме того, законодательство, которое регулирует правовой статус независимого эксперта при осуществлении антикоррупционной проверки, должно включать не только перечень коррупциогенных факторов, но и критерии выявления и интерпретации коррупциогенных факторов во избежание разногласий у экспертов при осуществлении антикоррупционной экспертизы.

Таким образом, в целях устранения существующих проблем при определении правового статуса независимого эксперта, осуществляющего антикоррупционную проверку, следует юридически закрепить требования, права, обязанности и ответственность заявителя как эксперта, а также различные гарантии проведения экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов антикоррупционным независимым экспертом.

Литература

1. Федеральный закон от 17.07.2009 N172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» (ред. от 05.12.2022) // Собрание законодательства РФ. 20.07.2009. № 29. ст. 3609.
2. Постановление Правительства РФ от 26.07.2012 N774 «Об Экспертном совете при Правительстве Российской Федерации» (ред. от 27.05.2019) // Собрание законодательства РФ. 06.08.2012. № 32. Ст. 4560.

3. Приказ Минюста России от 29.03.2019 N57 «Об утверждении Административного регламента Министерства юстиции Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по осуществлению аккредитации юридических и физических лиц, изъявивших желание получить аккредитацию на проведение в качестве независимых экспертов антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации» (ред. от 09.08.2023) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 05.12.2023.
4. Баранов В.М., Лаврентьев А.Р., Трусов Н.А. Независимая антикоррупционная экспертиза в России: неудачный эксперимент // Государство и право. 2022. № 1. С. 110–119.
5. Государственный реестр независимых экспертов, получивших аккредитацию на проведение антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/gosudarstvennyj-reestr-nezavisimyh/> (дата обращения: 09.12.2023).
6. Долотов Р.О., Крылова Д.В. Перспективы повышения эффективности института независимой антикоррупционной экспертизы // Журнал рос. права. 2019. № 10. С. 163–173.
7. Евсиков К.С. Проблемы и перспективы развития института общественного контроля в Российской Федерации // Известия Тульского гос. ун-та. Экономические и юридические науки. 2017. № 4–2. С. 139–151.
8. Зыкин Д.О. О некоторых проблемах института антикоррупционной экспертизы // Актуальные аспекты развития современной науки: сб. науч. ст. Междунар. науч. конф. / отв. ред. С.И. Ашмарина, А.В. Павлова. Самара, 2019. С. 320–323.

LEGAL STATUS OF AN INDEPENDENT EXPERT AUTHORIZED TO CONDUCT ANTI-CORRUPTION EXPERTISE

Kornilov A.R., Prys I.E.

Ryazan State University named after S.A. Yesenina, Russian New University, Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia

The article investigated how the legal status of independent experts who are accredited to conduct anti-corruption examinations is formed and implemented. It was concluded that there is no clear legal regulation of the status of independent experts, which prevents its effective use as a means in the fight against corruption. In order to ensure the effectiveness of the work of independent experts and prevent problems that arise in practice, it is necessary to determine at the legislative level all aspects of the legal status of independent experts (their rights, duties, responsibilities and guarantees), as well as to regulate the procedure for interaction with authorities in case of disagreements on the results of an independent anti-corruption expertise.

Keywords: legal status, independent expert, anti-corruption expertise, administrative regulations.

References

1. Federal Law No. 172-FZ dated 07/17/2009 "On Anti-corruption Expertise of Normative Legal Acts and Draft Normative Legal Acts" (as amended on 12/05/2022) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 07/20/2009. No. 29. Art. 3609.
2. Decree of the Government of the Russian Federation dated 07/26/2012 No. 774 "On the Expert Council under the Government of the Russian Federation" (ed. dated 05/27/2019) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 06.08.2012. No. 32. St. 4560.
3. Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation No. 57 dated 03/29/2019 "On Approval of the Administrative Regulations of the Ministry of Justice of the Russian Federation on the provision of public services for the Accreditation of Legal Entities and Individuals who have expressed a desire to obtain accreditation to conduct an anti-corruption examination of Regulatory Legal Acts and Draft Regulatory legal Acts as independent experts in cases provided for by the legislation of the Russian Federation" (ed. dated 08/09/2023) // Official Internet portal of legal information <http://www.pravo.gov.ru>, 05.12.2023.
4. Baranov V.M., Lavrentiev A.R., Trusov N.A. Independent anti-corruption expertise in Russia: an unsuccessful experiment // State and Law. 2022. No. 1. pp. 110–119.
5. The State Register of Independent Experts who have received accreditation to conduct an anti-corruption examination of regulatory legal acts and draft regulatory legal acts in cases provided for by the legislation of the Russian Federation [Electronic resource]. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/gosudarstvennyj-reestr-nezavisimyh/> (date of request: 09.12.2023).
6. Dolotov R.O., Krylova D.V. Prospects for improving the effectiveness of the Institute of independent anti-corruption expertise // Ross Journal. rights. 2019. No. 10. pp. 163–173.
7. Evsikov K.S. Problems and prospects of development of the Institute of public control in the Russian Federation // Izvestiya Tula State University. Economic and legal sciences. 2017. No. 4–2. pp. 139–151.
8. Zykin D.O. On some problems of the Institute of Anti-corruption expertise // Actual aspects of the development of modern science: collection of scientific articles of the International Scientific Conference / ed. by S.I. Ashmarin, A.V. Pavlov. Samara, 2019. pp. 320–323.

Развитие института экстерриториальной уголовной юрисдикции в отечественной юридической науке: теоретико-исторический правовой аспект

Москаленко Глеб Евгеньевич,

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России
E-mail: glmos55@yandex.ru

Проблемы действия закона в пространстве, ввиду современной общественно-политической повестки, а также развития средств коммуникации приобретают ключевое значение. Качественное и эффективное совершенствование юрисдикционных норм невозможно без учета историко-правового опыта рассматриваемого института. Целью статьи является исследование общих закономерностей возникновения и развития института экстерриториальной юрисдикции в памятниках отечественного права, а также в истории отечественной юридической науки для дальнейшего выявления подходов к пониманию теории экстерриториальной юрисдикции. Для достижения целей исследования использовались герменевтический подход и нормативный подход, а также историко-правовой и сравнительно-правовой методы. Результатом исследования является вывод, согласно которому, исторически сложилось два подхода к исследованию теоретических проблем экстерриториальной юрисдикции: подход, отвергающий возможность оказания влияния зарубежных стран на национальное регулирование юрисдикционных отношений и подход, указывающий на необходимость учета юрисдикции иностранных государств, что создает некоторые ограничения для национальной юрисдикции.

Ключевые слова: юрисдикция, экстерриториальная юрисдикция, действие закона в пространстве, действие закона по кругу лиц, теория права, история права, юридическая наука.

Технологическое развитие современного мира, глобализационные процессы, а также развитие мобильности меняют содержание общественных отношений. К сожалению, современное правовое регулирование, а также правоприменительная практика, не претерпели существенных изменений, направленных на создание целостной и непротиворечивой системы норм юрисдикционного регулирования как на внутрегосударственном, так и на международном уровнях. Выработка новых подходов к исследованию юрисдикционного правового регулирования требует обращения к опыту прошлого, в связи с этим предлагается проанализировать теоретико-исторический опыт отечественных исследователей, занимавшихся проблемой действия закона в пространстве.

Представители отечественной юридической науки вплоть до XIX в. практически не занималась теоретической разработкой института юрисдикции. Экстерриториальная юрисдикция стала предметом внимания российского научного сообщества, а также юристов практиков в связи с расширением территории Российской империи. Имперское государственное строительство взывало к необходимости согласования правовых укладов разных наций. В странах Западной Европы интерес к вопросам экстерриториального действия права появляется в период Нового времени в связи с возникновением и развитием национальных государств и их территориальных юрисдикций. Тогда и происходит отождествление юридических норм с пространством их действия в границах конкретного национального государства.

Некоторые современные ученые, полагают, что договоры Руси и Византии (907, 911, 944, 971 гг. и др.) являются первым опытом юридического закрепления правил юрисдикционного характера [7, с. 12]. По мнению К.А. Цая, нормы, отдаленно носящие юрисдикционный характер, появляются только в статьях Пространной правды (ст. 18, 31) [12, с. 16], но даже в этом случае, такой вывод делается на основе использования логического способа толкования вышеуказанных норм, а не путем прямого закрепления юрисдикционных правил в тексте нормативно-правового акта. Следующий шаг вперед на пути к регламентации уголовно-правовой юрисдикции был реализован законодателем в рамках Соборного уложения 1649 года. Так, данный памятник отечественного права в ст. 1. гл. X, закреплял основы действия закона в пространстве.

Разработка теоретических положений об уголовно-правовой юрисдикции была ознаменована созданием догмы уголовного права и попытками его кодификации. Так, стоит отметить Проект Уголовного уложения 1813 г., выполненный под руководством выдающегося отечественного юриста и государственного деятеля М.М. Сперанского. Нормы Проекта закрепляли территориальный и национальный юрисдикционные принципы (§ 108).

Теоретическое осмысление уголовно-правовой юрисдикции было предпринято в работе О.И. Горделяда 1815 года – «Опыты начертания русского уголовного права». В данной работе нашел свое отражение территориальный и экстерриториальный принципы российского уголовного права, а также вопросы действия норм уголовного права в отношении лиц, обладающих дипломатическим иммунитетом (§ 250, § 251, § 252).

Вышеуказанные идеи, заложенные в Проект Уголовного уложения 1813 года, а также в «Опыты начертания русского уголовного права» нашли свое воплощение в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. Таким образом, к середине XIX в. в отечественном законодательстве уже были оформлены основные положения принципа экстерриториальной юрисдикции. Его содержание в дальнейшем и явилось основой для последующей догматической разработки проблем уголовно-правовой юрисдикции.

Следующий этап развития доктринальных разработок в сфере действия закона в пространстве датируется концом XIX – началом XX вв. Он связан с именами таких выдающихся отечественных юристов как Н.С. Таганцев, В.В. Есипов, Ф.Ф. Мартенс, П.И. Люблинский. Именно данные исследователи обратили свое внимание на тот факт, что проблемы действия уголовного закона в пространстве не могут решаться исходя из интересов только одного государства, без согласования с другим. Это в свою очередь нацеливало ученое сообщество на разработку положений о международном сотрудничестве в области разрешения юрисдикционных споров.

К этому моменту стало очевидно, что идеи о действии закона в пространстве, основанные исключительно на государственно-территориальном принципе, нашедшие свое отражение в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. имели свои недостатки [5, с. 76]. В связи с этим, В.В. Есипов высказывал позицию, согласно которой государство должно иметь право уголовного преследования лица, совершившего преступление за пределами собственных границ в случае, если виновное лицо находится на территории страны принадлежности уголовно-правовой нормы, либо в том случае, если компетентные органы страны, в которой было совершено преступление, не привлекли виновного к ответственности [2, с. 28]. Такая позиция мыслителя свидетельствует о его приверженности к теории субсидиарной экстерриториальности в основу которой положен прин-

цип территориальной границы, при этом принцип гражданства (подданства) и защиты играют второстепенную роль.

Дальнейший вклад в развитие исследуемой научной проблемы внес Н.С. Таганцев, который впервые в отечественной юриспруденции предпринял успешную попытку теоретико-правового анализа государственной границы, квазитерритории, принципа экстерриториальности и др. [9, с. 42]

Весьма оригинальный и интересный подход был предложен А.Ф. Кистяковским, который полагал, что должна быть принята своего рода «вертикаль» юрисдикционных принципов, согласно которым, на вершине находится территориальный принцип государства, вслед за ним принцип гражданства (подданства), а затем, в свою очередь, принцип гражданского самосохранения [4, с. 31]. Такая последовательность позволяла установить иерархию, способную разрешить юрисдикционные коллизии. Стоит отметить, что такой подход достаточно органично интегрировал различные аспекты юрисдикционной доктрины в единую систему, в рамках которой последующий принцип имеет возможность устранить недостатки и пробелы предыдущего.

В целом, анализ отечественной дореволюционной доктрины уголовно-правовой юрисдикции демонстрирует приверженность ученых в первую очередь к территориальному принципу. При этом в конце XIX- начале XX вв. уделяется внимание вопросам международного сотрудничества при разрешении юрисдикционных коллизий между государствами, а также вопросам, связанным с установлением иерархии (по юридической силе) юрисдикционных принципов.

Рассматривая подходы к проблемам уголовно-правовой юрисдикции в советский период нельзя обойти стороной Постановление Народного Комиссариата Юстиции, утвердившего Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 г. В своих нормах данный уголовный закон устанавливал следующие юрисдикционные принципы:

1) Территориальный принцип, согласно которому, Руководящие начала по уголовному праву РСФСР распространяли свое действие на территорию Республики в отношении ее граждан. Помимо этого, уголовный закон распространял свою юрисдикцию и на иностранных граждан, которые совершили преступление на территории РСФСР.

2) Универсальный принцип, согласно которому уголовный закон РСФСР распространял свою юрисдикцию на граждан и иностранцев находящихся на территории РСФСР, совершивших преступление за границей и уклоняющихся от ответственности в месте совершения преступления.

Юрисдикционные уголовно-правовые положения получили дальнейшую законодательную разработку с принятием Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. В нормах данного акта был сформулирован подход, ставший классическим для советского уголовного права. В гл. 1 и гл. 2 УК РСФСР 1922 г. закрепил сразу несколько юрисдикционных пра-

вил, некоторые из которых впервые нашли свое отражение в отечественном уголовном праве. Так, вводился территориальный, национальный и реальный принципы.

С возникновением и развитием законодательства СССР дальнейший анализ уголовно-правового законодательства свидетельствует о том, что законодатель предпринимал попытки поиска наиболее удачной формы изложения юрисдикционных правил. Так, государство продемонстрировало отступление от доктрины, заложенной в УК РСФСР 1922 г. С принятием Основных начал уголовного законодательства СССР и союзных республик в 1924 году, были установлены лишь территориальный и персональный принципы уголовно-правовой юрисдикции. Согласно позиции советского правоведа М.И. Блум, содержание норм о пределах действия уголовного закона, закрепленных Основными началами, впоследствии нашли свое отражение в уголовных законах союзных республик, которые принимались вплоть до 1935 года [1, с. 37].

Иной подход к изложению положений уголовно-правовой юрисдикции был продемонстрирован законодателем при разработке Основ уголовного законодательства Союза ССР и Союзных республик 1958 г. В указанном уголовно-правовом акте были закреплены положения, регламентирующие привлечение к уголовной ответственности апатридов, вводилось правило преюдиции в отношении судебного решения иностранного государства, предусматривались правила универсальной юрисдикции (ст. 5), ну и конечно, сохранялся территориальный и национальный принципы (ст. 4, ст. 5). Однако, более актуальной проблемой того времени являлась проблема разграничения внутрисоюзных юрисдикционных коллизий, на разрешение которой и были нацелены Основы уголовного законодательства Союза ССР и Союзных республик 1958 г.

Принятие УК РСФСР в 1960 г. ознаменовало закрепление территориального принципа, который охватывал всех лиц, совершивших преступление в границах территории РСФСР (вопрос о привлечении сотрудников дипломатических представительств и лиц, обладающих специальным правовым статусом, вытекающим из международных соглашений, разрешался дипломатическим путем). Закреплялся также принцип гражданства, охватывающий граждан СССР и резидентов, принцип защиты национальных интересов и универсальный принцип, охватывающий иностранных граждан и апатридов, совершивших преступления за пределами СССР.

Говоря о теоретическом исследовании вопросов уголовно-правовой юрисдикции, следует отметить, что до 1975 г. данные вопросы рассматривались в рамках общего курса уголовного права [11]. Только в 1975 г. появилось отдельное монографическое исследование М.И. Блум, посвященное рассматриваемой проблеме. Именно она создала теоретическую основу, которая часто воспроизводится в современных работах. В дальнейшем, поло-

жения теории М.И. Блум были развиты и уточнены А.И. Бойцовым. Доктрины этих ученых позволили определить принципы, на основе которых строится юрисдикция государства, в каких пределах юрисдикция определяется в результате международного сотрудничества, а в каких юрисдикцию государства следует определять по собственному усмотрению. Таким образом, среди основных черт советской доктрины уголовно-правовой юрисдикции следует определить ограничение интересов иностранных государств в пользу внутригосударственных интересов, а также формирование непротиворечивой системы юрисдикционных правил, на основе синтеза территориального, персонального, защитительного и универсального принципов.

При этом имеют место подходы, выходящие за рамки вышеуказанного понимания уголовно-правовой юрисдикции. Так, весьма оригинальный взгляд, не вписывающийся в классические каноны, был предложен А.А. Тилле. Ученый предпринял попытку синтеза теоретических подходов, касающихся вопросов юрисдикции уголовного права и международного частного права, полагая, что теоретическая природа юрисдикционных оснований частного и публичного права едина [10, с. 129]. По мнению А.А. Тилле следует выделять интерлокальные и интернациональные коллизии, последние и составляют вопрос уголовно-правовой юрисдикции, разрешить который следует на основе применения субстанционной нормы (нормы прямого действия, непосредственно направленной на устранение возникшей коллизии). Ученый обратил свое внимание на то, что нормы уголовного закона, устанавливающие юрисдикционные правила, не нацелены на урегулирование отношений, а нацелены лишь на указание того, законодательство какого государства следует применять к той или иной ситуации [10, с. 131].

Сходной позиции придерживается З.А. Незнамова. Она полагает, что теоретическая и практическая проблемы действия закона в пространстве, являются проблемами коллизионными, тем самым, юрисдикционные нормы представляют собой нормы коллизионные, нацеленные на решение вопроса о применении законов различных государств [6, с. 138, 170].

Вышеуказанные авторы стремились усовершенствовать классический подход ввиду развития тенденций глобализации, стараясь обогатить взгляды на отдельные проблемы, связанные с действием уголовного закона в пространстве, при помощи создания положений, нацеленных на эффективное взаимодействие отечественного уголовного права с правом зарубежных стран в рамках международного правового сотрудничества. Таким образом, рассмотренные подходы обращали внимание на необходимость разрешения международных уголовно-правовых юрисдикционных конфликтов и невозможность их разрешения путем исключительно интерлокального (внутригосударственного) правового регулирования.

Вышеуказанные авторы стремились усовершенствовать классический подход ввиду развития тенденций глобализации, стараясь обогатить взгляды на отдельные проблемы, связанные с действием закона в пространстве, при помощи создания положений, нацеленных на эффективное взаимодействие отечественного права с правом зарубежных стран в рамках международного правового сотрудничества. Таким образом, рассмотренные подходы обращали внимание на необходимость разрешения международных уголовно-правовых юрисдикционных конфликтов и невозможность их разрешения путем исключительно интерлокального (внутригосударственного) правового регулирования.

Описывая современное состояние юрисдикционной доктрины, следует выделить позицию М.Г. Решняка, которая полагает, что потенциал классической советской доктрины имеет дальнейшую перспективу развития и далеко не исчерпан [8, с. 76–77]. Иной подход излагает А.И. Ильина, которая выступает с критикой классического подхода, изложенного в доктрине А.А. Тиле. Причиной критики послужил, по мнению автора, чрезмерно замкнутый подход, ориентированный на отечественную правовую систему, игнорирующий как возможность использования международного права, для решения задачи практической, так и игнорирование сравнительно-правового метода для решения задачи теоретической.

По мнению А.И. Ильиной, современный подход решения юрисдикционных вопросов в России требует дальнейшего совершенствования по причине того, что на сегодняшний день коллизии в праве приводят к тому, что вопросы привлечения лица к ответственности, совершивших преступление или находящихся за рубежом решаются на политическом уровне [3, с. 5–6]. Следует согласиться с позицией А.И. Ильиной, так как в современных

Еще одним современным исследователем, рассматривающим проблемы экстерриториальной юрисдикции, является К.А. Цай. Ученый полагает, что классический советский подход является ограниченным и исчерпавшим себя. Расширение международных отношений и глобализация определяют совершенно иные условия для развития национального законодательства. «Несмотря на тот факт, что подход кажется непротиворечивым, классический подход не может применяться с целью борьбы с преступностью в глобальном смысле, так как, решая межведомственные юрисдикционные проблемы, он неизбежно приводит к возникновению массы конфликтных ситуаций между государствами. Очевидно, что широкое применение советской теории делает невозможным определение юрисдикционной значимости преступления на основе норм права или международного договора и прекращает конфликт правовых систем», – отмечает автор [12, с. 38]. С этой позицией трудно не согласиться даже в современных российских условиях, которые, несмотря на уход тенденций глобализации, лишь актуализируют вопросы функци-

онирования российского законодательства в пространстве.

Таким образом, анализ основных положений юрисдикционной доктрины в отечественном праве, позволяет сделать вывод, согласно которому, существует два основных подхода к рассмотрению вопроса о действии закона в пространстве. Классические советский подход, основанный на исключительной принадлежности принципов юрисдикции к внутригосударственному праву, положения которого находятся в исключительном ведении суверенного законодателя. Второй – международно-правовой подход, предполагает учет взаимных интересов государств и ограничение собственных юрисдикционных притязаний. Требования данного подхода предполагают признание возможности взаимоинтегрирования различных юрисдикционных теорий в целях разрешения коллизий, а также восполнения возможных пробелов, учет положений норм международного права, а также согласованность интересов зарубежных партнеров при решении юрисдикционных конфликтов.

Литература

1. Блум М.И. Действие советского уголовного закона во времени и пространстве. Дис. ... докт. юрид. наук. М. 1975. 390 с.
2. Есипов В.В. Очерк русского уголовного права, часть общая: преступление и преступники, наказание и наказуемые. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_002922388/ (дата обращения: 12.10.2023).
3. Ильина А.И. Правила действия уголовного закона в пространстве (сравнительно-правовое исследование): Монография. URL: https://rusneb.ru/catalog/004508_000035__sakh_ounb_M3_544708/ (дата обращения: 12.10.2023).
4. Кистяковский А.Ф. Элементарный учебник общего уголовного права. Часть общая. Киев: 1882 г. URL: <https://dspace.spbu.ru/handle/11701/17447?mode=full> (дата обращения: 12.10.2023).
5. Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов. В 2-х томах. Том 1. М. 2008. 209 с.
6. Незнамова З.А. Коллизии в уголовном праве: Дис. ... доктора юр. наук. Екатеринбург, 1995. – 312 с.
7. Пределы действия уголовного кодекса Российской Федерации. Практическое пособие. М., 1998. 141 с.
8. Решняк М.Г. Современные проблемы действия уголовного закона в пространстве: монография. URL: https://www.studmed.ru/neznamova-z-a-kollizii-v-ugolovnom-prave_27a880efe3d.html (дата обращения: 12.10.2023).
9. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. В 2 т. / Т. 1. URL: <http://elibrary.ru/nodes/60355> (дата обращения: 12.10.2023).

10. Тилле А.А. Время, пространство, закон. Действие советского закона в пространстве. М.: Юридическая литература, 1965. 203 с.
11. Шаргородский М.Д., Редкол.: Герцензон А.А., Голяков И.Т., Исаев М.М. Уголовный закон. М. 1948. 311 с.; Брайнин Я.М. Уголовный закон и его применение. М. Изд. «Юридическая литература», 1967, 240 с.; Дурманов Н.Д. Советский уголовный закон. М. 310 с.
12. Цай К.А. Уголовно-правовая юрисдикция: теоретические вопросы действия уголовного закона в пространстве: Дис. ... канд. юр. Наук. М.: 2017. 312 с.

DEVELOPMENT OF THE INSTITUTE OF EXTRATERRITORIAL CRIMINAL JURISDICTION IN DOMESTIC LEGAL SCIENCE: THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL ASPECT

Moskalenko G.E.

Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Problems of the operation of law in space, in view of the modern socio-political agenda, as well as the development of means of communication, are of key importance. Qualitative and effective improvement of jurisdictional norms is impossible without taking into account the historical and legal experience of the institution in question. The purpose of the article is to study the general patterns of the emergence and development of the institution of extraterritorial jurisdiction in the monuments of domestic law, as well as in the history of domestic legal science to further identify approaches to understanding the theory of extraterritorial jurisdiction. To achieve the objectives of the study, a hermeneutic approach and a normative approach, as well as historical-legal and comparative-legal methods were used. The result of the study is the conclusion that, historically, there have been two approaches to the study of theoretical problems of extraterritorial jurisdiction: an approach that rejects the possibility of foreign countries influencing the national regulation of jurisdictional relations and an approach that indicates the need to

take into account the jurisdiction of foreign states, which creates some restrictions for national jurisdiction.

Keywords: jurisdiction, extraterritorial jurisdiction, operation of the law in space, operation of the law among a circle of persons, theory of law, history of law, legal science.

References

1. Bloom M.I. The action of Soviet criminal law in time and space. dis. ... doc. legal Sci. M. 1975. 390 p.
2. Esipov V.V. Essay on Russian criminal law, general part: crime and criminals, punishment and the punished. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_002922388/ (access date: 10/12/2023).
3. Ilyina A.I. Rules for the operation of criminal law in space (comparative legal research): Monograph. URL: https://rusneb.ru/catalog/004508_000035_sakh_ounb_M3_544708/ (access date: 10/12/2023).
4. Kistyakovskiy A.F. An elementary textbook of general criminal law. The general part. Kyiv: 1882. URL: <https://dspace.spbu.ru/handle/11701/17447?mode=full> (access date: 10/12/2023).
5. Martens F.F. Modern international law of civilized peoples. In 2 volumes. Volume 1. M. 2008. 209 p.
6. Neznamova Z.A. Collisions in criminal law: Dis. ... Doctor of Law Sci. Ekaterinburg, 1995. – 312 p.
7. The limits of the criminal code of the Russian Federation Practical. allowance. M., 1998. 141 p.
8. Reshnyak M.G. Modern problems of the operation of criminal law in space: monograph. URL: https://www.studmed.ru/neznamova-z-a-kollizii-v-ugolovnom-prave_27a880efe3d.html (access date: 10/12/2023).
9. Tagantsev N.S. Russian criminal law. Lectures. The general part. In 2 volumes / Volume 1. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/60355> (access date: 10/12/2023).
10. Tille A.A. Time, space, law. The effect of Soviet law in space. M.: Legal literature, 1965. 203 p.
11. Shargorodskiy M.D., Editorial Board: Gertsenzon A.A., Gol'yakov I.T., Isaev M.M. Criminal law. M. 1948. 311 p.; Brainin Ya.M. Criminal law and its application. M. Ed. "Legal Literature", 1967, 240 pp.; Durmanov N.D. Soviet criminal law. M. 310 p.
12. Tsai K.A. Criminal legal jurisdiction: theoretical issues of the operation of criminal law in space: Dis. ...cand. legal Sci. M.: 2017. 312 p.

Российское правосудие XVI – начало XVII в.: официальная доктрина и народный идеал

Сучкова Маргарита Владимировна,

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры истории государства и права, Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя
E-mail: margos8118@mail.ru

Феднева Наталья Львовна,

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории государства и права, Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
E-mail: nfedneva@gmail.com

Шингарева Наталья Викторовна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры правовых дисциплин, Российского православного университета святого Иоанна Богослова
E-mail: shingareva@list.ru

Статья посвящена важному этапу в истории российского правосудия, так как в конце XVI – начале XVII в. складываются государственно-правовые институты сословно-представительной монархии, учитывающие национальную правовую традицию, восходящую к Русской Правде и Судным грамотам. Ухудшение социальной ситуации в стране вследствие нарастания процесса закрепощения крестьян, династический кризис, который обострил борьбу за власть среди боярских родов, голод 1601–1603 гг., иностранная интервенция и посягательства со стороны западных государств на территории Русского государства явились причинами тяжелейшего социально-экономического и государственно-политического кризиса в истории России. Но, с другой стороны, именно Смута укрепила в народном сознании идею формирования устойчивой государственности и справедливого правосудия. Отражением новых тенденций в общественной жизни явился Судебник царя Фёдора Иоанновича 1589 г., отличавшийся самобытностью норм и новым уровнем юридической техники, а Судебник Василия Шуйского 1606–1607 гг. впервые закрепил принцип превентивного характера наказания, сохранил усовершенствованные материально-правовые установления и упорядочил процессуальную сторону судебной деятельности.

Ключевые слова: суд, правосудие, царь, монархическое правление, сословие, народное правосознание, Судебник 1589, крестоцеловальная запись Василия Шуйского, формальное юридическое равенство перед законом и судом, внесудебная расправа.

Институты и принципы, внедренные в ходе судебных реформ, проводимых в Российском государстве, в той или иной степени, являются основой, на которой базируется современное российское правосудие. Реформы судоустройства и судопроизводства всегда должны находиться под пристальным и объективным вниманием правоведов, положительный исторический опыт может способствовать повышению качества проводимых в современной России судебных преобразований, что укладывается в концепцию исторической преемственности реформирования отечественного правосудия.

В развитии правовой мысли в XVI – начале XVII в. можно выделить два направления: официальный путь и народный идеал, базирующийся на традиции участия народа в управлении обществом и государством. Несмотря на множество негативных последствий для русского общества и государства, именно в Смутное время были созданы нормативные акты по вопросам организации суда и правосудия, зафиксировавшие народный идеал, отличающийся от официальной доктрины, закрепленной в Судебниках 1497 г. и 1550 г. [4].

Смута наглядно показала противоречивость социальных интересов и борьбу классов за их воплощение средствами государства. В.М. Сырых отмечает, что «миф о социальной гармонии, устанавливаемой государством, монархом, получившим власть от Бога, о его способности выражать всеобщие интересы общества был разрушен в одночасье» [1, с.576]. С одной стороны, в общественном сознании конца XVI – начала XVII в. сформировалась мысль о том, что привлечение представителей общества к осуществлению верховного управления является справедливым порядком государственного устройства, и, следовательно, сформированные представительные учреждения являлись органическим явлением русской жизни, проистекали из внутренних первопричин [5, с. 35]. Но оказалось, что монархическое правление, несмотря на наличие сословно-представительного органа, призванного якобы обобщить и выразить волю общества, ничего, кроме интересов крупных землевладельцев, не выражало и выразить не могло.

В условиях Смуты, когда царская власть оказалась неспособной собственными силами защитить себя в борьбе с иностранной интервенцией, на политическую арену вышли социальные слои, стоящие у подножия общественной пирамиды. Внимание и негодование народных масс, в первую очередь, было направлено на правосудие, с помощью

которого власть придавала своему произволу и насилию формально правовой характер [1, с. 577]. Народ не получил от Судебников 1497 и 1550 гг. юридической защиты их прав и свобод.

Попытки привести законодательство о правосудии в органичное соответствие с интересами широких народных масс предприняли цари Федор Иоаннович, Борис Годунов и Василий Шуйский. Стремление сохранить права «всего народного множества» в определенной степени нашло выражение в договорах с польским королем Сигизмундом III о приглашении на Московское государство королевича Владислава и в Приговоре Земского собора Первого Ополчения, но даже он был выработан в интересах служивого сословия, провинциального, городского дворянства

Судебник 1589 г., принятый царем Федором Иоанновичем, заметно демократизировал правосудие по сравнению с Судебниками 1497 и 1550 гг. на уровне как общих норм, так и специальных, посвященных закреплению конкретных правовых институтов. Прежде всего Федор Иоаннович признал необходимым повысить законность приговоров. Общее требование Судебника о том, что закон обратной силы не имеет и его действие распространяется только на отношения, возникшие после его вступления в законную силу, заметно сокращало произвол судьи.

Существенным шагом на пути уравнивания правового статуса представителей имущих классов и низшего сословия явилось предоставление Судебником 1589 г. каждому подданному права на судебную защиту чести. Подобная защита давалась вне зависимости от социального и имущественного положения и рода занятий вплоть до лиц, осуждаемых общественным мнением. Так, на основании статей 65, 66, 69–71 судебная защита полагалась скомороху описному и неописному, «выблядку, кои не у венчальные», «блядем и видмамь», «татемь и разбоиникомь и зажигалянкамь лихимь» [3].

Подобная норма болезненно затронула «власти предержажие», которые кичились своей родословной и считали возможным оскорблять словом и делом лиц, нижестоящих по социальной лестнице. Тем не менее общепреventивное воздействие данной нормы права сократило число случаев издевательств над простыми людьми. Дело было не столько в сумме, которую нужно было платить истцу, сколько в самом процессе, когда феодал должен был предстать перед судом и оправдываться перед чернью, да еще и быть осужденным по приговору суда. Но размер компенсации за бесчестье тоже имел значение, так что демократизм Судебника 1589 г. имел свои пределы. Компенсация зависела от сословного статуса потерпевшего: большому гостю – «50 рублей за бесчестье»; среднему – «20 рублей»; посадскому человеку – «5 рублей»; крестьянину пашенному – 1 рубль (ст. 44, 45, 48, 50 Судебника 1589 г.) [3].

В числе мер Судебника 1589 г., призванных поставить надежный заслон на пути судебного про-

извола, можно назвать и привлечение к уголовной ответственности за взятку не только судебных чиновников, но и взяточдателей. Хотя взяточдателей наказывали достаточно мягко: их должны были «по торгам проклинати и во всех городах Московские земли и Новгородския, и по волостям, и по Соборным церквам». Подобная снисходительная реакция властей (то есть без применения телесных и иных жестоких мер воздействия) была опять-таки связана со статусом взяточдателей, которыми, как правило, оказывались лица, принадлежащие к правящим и имущим сословиям.

Таким образом, Судебник 1589 г. можно охарактеризовать как более демократический нормативный акт, чем Судебники 1497 и 1550 гг., но его либерализм был половинчатым, не затрагивающим основных устоев правосудия Московского государства.

Дальнейшее развитие идеи о справедливом правосудии получают в период Смутного времени. Вступая на престол, Василий Шуйский желал показать себя в глазах народа и всего общества мудрым, демократичным царем, правящим страной на законных основаниях и обеспечивающим справедливое правосудие. В «Подкрестной (Крестоцеловальной) Клятвенной) Записи» была изложена политическая программа Василия Шуйского и, в частности, было сказано о том, что «...и повелел я, царь и великий государь, всякого человека не осудя истинным судом с боярами своими смерти не предавать, вотчин, дворов и животов у братьев его, у жен и детей не отнимать, если они с ним в мысли не были, такие у гостей и у торговых людей, хотя который по суду и по сыску дойдет и до смертной вины, и после их у жен и детей дворов, лавок и животов не отнимать, если они с ним в этой вине невинны. Да и доводов ложных мне, великому государю, не слушать, а сыскивать всяким сыском накрепко... На том на всем, что в сей записи написано я, царь и великий князь Василий Иванович, целую крест всем православным христианам, что мне их жалую судить истинным праведным судом и без вины ни на кого опалы своей не класть, и недругам никого в неправде не подавать и от всякого насиельства оберегать».

Таким образом, Василий Шуйский, во-первых, провозгласил единство правосудия для всех обращающихся к нему за помощью и защитой, независимо от социального, имущественного положения и даже подданства. Во-вторых, был сформулирован основополагающий принцип юридической ответственности: применение ее только за вину и сообразно тяжести совершенного проступка («по своей вине»); а единственным основанием для ее возложения может послужить только признание вины лица приговором суда, основанным на законе. В-третьих, Василий Шуйский обещал народу, что всякое дело будет подлежать тщательно расследованию («сыскивать всяким сыском накрепко») и приговор суда будет основан на добытых по делу доказательствах, а не на ложных и корыстных оговорах. В связи с этим каждому об-

винному человеку гарантировалась доступность правосудия и право давать личные пояснения, участвовать в процессе расследования и оценке доказательств. В-четвертых, была сделана попытка отказать от практики объективного вменения, т.е. ответственности всех членов семьи за преступление, совершенное каким-либо из ее членов. Наказанию подвергался не только главный виновник (иногда оклеветанный), но и его родственники, которые могли лишиться жизни, быть сосланными на каторгу, подвергнуты телесным наказаниям с конфискацией недвижимого и движимого имущества в собственности государства [1]. Обещая прекратить подобную практику, Василий Шуйский клятвенно заверил, что ответственность будет применяться только к виновному лицу, родственники преступника уголовному преследованию подвергаться не будут и их имущество конфискации не подлежит.

Обещание установить доступное для всех правосудие, способное обеспечивать вынесение законного, обоснованного и справедливого приговора в отношении виновного лица, приветствовалось, в первую очередь, народом, уставшим от постоянных нарушений их личных и имущественных прав представителями привилегированных сословий и отсутствия действенной защиты со стороны судебных органов.

Однако в Подкрестной записи отсутствовали четкие положения о средствах и путях обеспечения названных принципов. Понятно, что подобный документ в силу его краткости и общей декларативности содержания менее всего подходил для изложения всех аспектов реформы правосудия, тем не менее некоторые его положения представляли особую значимость для подданных [1]. В период своего царствования Василий Шуйский старался соблюдать принципы правосудия, изложенные им в Подкрестной записи, а также в Судебнике 1606–1607 гг.

Положения Подкрестной записи о правосудии получили дальнейшее развитие в договорах с польским королем Сигизмундом III о приглашении королевича Владислава на Московское государство (1610 г.) и Приговоре Земского собора Первого Ополчения (30 июня 1611 г.). Приговор дополнил Подкрестную запись, закрепив ряд достаточно действенных гарантий, призванных обеспечить законное и справедливое правосудие. Это, в частности, предписания о воссоздании судебных приказов, осуществляющих предварительное расследование и судопроизводство по ряду наиболее тяжких уголовных преступлений, обязательное утверждение Земским собором приговоров, санкциями которых предусматривалась смертная казнь или ссылка в отдаленные местности.

Особый интерес представляют нормы, закрепляющие уголовную ответственность за внесудебные расправы над людьми, совершенные не только государственными органами и должностными лицами, но и населением, то есть, была установлена ответственность за самосуд [2]. Несомненно, за-

крепление уголовной ответственности за самочинные действия в сфере правосудия являлось ответной реакцией властей на эксцессы, имевшие место в период Смутного времени.

Также на основании народных требований Приговор Земского собора Первого Ополчения прямо обязывает государство восстановить законные права землевладельцев на принадлежащие им земли, отнятые в период Смуты.

Таким образом, народное правосознание не просто отвергло Судебники 1497 и 1550 гг. как официальные акты, не соответствующие его идеалу, а самостоятельно сформулировало свои собственные демократические правовые предписания. Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что русское общество и его представители были способны самолично генерировать правовые институты и принципы, базирующиеся на национальной традиции, которые обеспечивали не менее качественное правовое закрепление и регулирование отдельных сторон общественной жизни (в частности, правосудия) чем западные аналоги.

Идея справедливого правосудия в полной мере была осознана той частью населения России, которая страдала от легализованного произвола суда. Государственный произвол откликнулся в народе в виде идеи о справедливом правосудии. Русское народное творчество отразило чаяния народа в ряде сказок, достаточно вспомнить сказку «Шемякин суд» и множество подобных произведений русского фольклора. Однако народные идеалы государственной власти не выходили за пределы концепции о «добром» царе и его плохих советниках. Поэтому в начале любого правления можно встретить народные требования о реформе правосудия, и каждый новый монарх старался внести свой вклад в преобразование суда и судопроизводства, однако в положениях реформ всегда доминировали традиционные представления имущих классов о правосудии.

Литература

1. История суда и правосудия в России: в 9 т./ отв.ред. В.В. Ершов, В.М. Сырых. Т. 2: Законодательство и правосудие в Московском государстве (конец XV – 70-е годы XVII века): монография / отв.ред. Н.М. Золотухина, В.М. Сырых. М.: Норма, 2017.
2. Судебная власть в России: история, документы: в 6 томах. Том 1. Начала формирования судебной власти О.Е. Кутафин, В.М. Лебедев, Г.Ю. Семигин; науч. ред. Е.А. Скрипилев; Национальный общественно-научный фонд, Институт развития права и судебной практики. Москва: Мысль, 2003.
3. Развитие русского права в XV – первой половине XVII в. / В.В. Ермошин, Н.Н. Ефремова, И.А. Исаев и др. Отв. ред. В.С. Нерсисянц; АН СССР, Ин-т государства и права. Москва: Наука, 1986.

4. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под общей редакцией проф. О.И. Чистякова. Москва: Юридическая литература. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / Отв. ред. А.Д. Горский. М., 1985.
5. Яцкова А.П. Основные государственные законы Российской империи 23 апреля 1906 г. – первая российская конституция. Дисс. ... к.ю.н. М., 2001.

RUSSIAN JUSTICE OF THE XVI – EARLY XVII CENTURIES: OFFICIAL DOCTRINE AND THE NATIONAL IDEAL

Suchkova M.V., Fedneva N.L., Shingareva N.V.

V. Ya. Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;
Russian Orthodox University St. John the Theologian

The article is devoted to an important stage in the history of Russian justice, since at the end of the XVI – beginning of the XVII century. state-legal institutions of a class-representative monarchy were formed, taking into account the national legal tradition dating back to the Russian Truth and Court Documents. The deterioration of the social situation in the country due to the increasing process of enslavement of peasants, the dynastic crisis, which aggravated the struggle for power among the boyar families, the famine of 1601–1603, foreign intervention and encroachments by Western states on the territory of the Russian state were the causes of the most severe state-political and socio-economic crisis in the history of Russia. But, on the other hand, it was the Turmoil that strengthened the idea of forming a stable statehood and fair justice in the popular

consciousness. A reflection of new trends in public life was the Court Book of Tsar Fyodor Ioannovich in 1589, which was distinguished by the originality of norms and a new level of legal technology, and the Court Book of Vasily Shuisky in 1606–1607 for the first time consolidated the principle of the preventive nature of punishment, contained improved substantive legal provisions and streamlined the procedural side of judicial activity.

Keywords: court, justice, tsar, monarchical rule, estate, people's sense of justice, Sudebnik 1589, Vasily Shuisky's crucifixion record, formal legal equality before the law and the court, extrajudicial execution

References

1. The history of court and justice in Russia: in 9 volumes / ed. V.V. Ershov, V.M. Strykh. Vol. 2: Legislation and justice in the Moscow state (late XV – 70s of the XVII century): monograph / ed. N.M. Zolotukhin, V.M. Strykh M.: Norma, 2017.
2. Judicial power in Russia: history, documents: in 6 volumes. Volume 1. The beginning of the formation of judicial power O.E. Kutafin, V.M. Lebedev, G. Yu. Semigin; scientific ed. E.A. Skripilev; National Socio-Scientific Foundation, Institute for the Development of Law and Judicial Practice. Moscow: Mysl, 2003.
3. The development of Russian law in the XV – first half of the XVII century / V.V. Yermoshin, N.N. Efremova, I.A. Isaev, etc. Ed. by V.S. Nersesyants; USSR Academy of Sciences, Institute of State and Law. Moscow: Nauka, 1986.
4. Russian legislation of the X–XX centuries: in 9 volumes / edited by prof. O.I. Chistyakov. Moscow: Legal literature. Vol. 2: Legislation of the period of formation and strengthening of the Russian centralized state / Ed. A.D. Gorsky. M., 1985.
5. Yatskova A.P. Basic state laws of the Russian Empire April 23, 1906 – the first Russian Constitution. Dissertation ... cand. in law. M., 2001.

Применение концепции налогового присутствия в аспекте деофшоризации российской экономики

Борзенко Елена Александровна,

аспирант, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина
E-mail: Borzenko_elena@mail.ru

В Российской Федерации, как и во всем мире, набирает актуальность политика деофшоризации в связи с возросшими в последние годы объемами денежных средств, не попадающими в бюджет надлежущей страны, а также деятельностью резидентов под видом иностранных лиц. В настоящий момент Российской Федерацией ввиду сложной международной обстановки приходится действовать самостоятельно в борьбе с офшорами, которые подорвали суверенитет страны, поставив под угрозу национальную безопасность.

В статье автором кратко анализируется общая политика по контролю за офшорными схемами и действующие меры. Далее в статье рассматриваются мероприятия, проведенные иностранными государствами и организациями после февраля 2020 года, а также законопроекты, связанные с деофшоризацией, находящиеся на рассмотрении, признанные ликвидировать негативные последствия от санкционного давления недружественных государств.

Ключевые слова: офшоризация, офшорная компания, деофшоризация, антиофшорное регулирование, российская экономика, законопроект.

В мире одна за другой развивались две тенденции – решение проблемы двойного налогообложения породило двойное неналогообложение.

У налогоплательщиков появилась беспрецедентная возможность избежания налогового бремени (или существенного снижения налогового платежа) благодаря несовершенству законодательства и невозможности отвечать мгновенно на изменения стремительно развивающихся экономических отношений.

Так, несмотря на отсутствие прямого нарушения законодательства, субъекты злоупотребляли правом на установленные льготы, применяя различные конструкции, способствующие обходу установленных правил, включая правил об определении резиденства субъекта.

Также лица, пользуясь возможностью регистрации юридического лица в иностранной юрисдикции, ведут непосредственную деятельность на территории Российской Федерации, что является деятельностью резидентов «под видом иностранных лиц или с использованием правовых конструкций, преследующих преимущественно незаконные или недобросовестные цели» [1, с. 21].

Российская Федерация в свое очередь начала планомерную борьбу с уходом лиц от налогообложения, в том числе путем применения концепции налогового присутствия и успешно вела ее с 2012 года (после Ежегодного Послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию, в котором было указано на необходимость разработки мер по деофшоризации российской экономики [2] путем применения законодательных мер, таких как: законодательство о контролируемых иностранных компаниях [3], правила резидентства юридических лиц [4], установление правил обмена налоговой информацией [5], а также международный автоматический обмен финансовой информацией с компетентными органами иностранных государств (территорий) [6].

Была ратифицирована многосторонняя Конвенция по выполнению мер, относящихся к налоговым соглашениям, в целях противодействия размыванию налоговой базы и выводу прибыли из-под налогообложения от 24 ноября 2016 года [7].

Проблема применения концепции налогового присутствия, а также деофшоризации экономики в целом, стала особенно актуальна после 24 февраля 2022 года, так как Российской Федерации

остаются лишь вернуться к практике борьбы с офшорами собственными силами [8, с. 85–91].

Российская Федерация оказалась под разнообразными международными санкциями и не могла не ввести различные дискриминационные меры против нерезидентов из недружественных стран.

Несмотря на то, что формально соглашения РФ о двойном налогообложении и об автоматическом обмене налоговой информацией продолжают действовать, многие страны, такие как Швейцария, Австрия, Германия, Великобритания, объявили об отказе в предоставлении налоговой информации [9].

Также, в феврале 2023 года группа ФАТФ приостановила членство РФ в этой организации [10].

В целях принудительной деофшоризации (обязательной перерегистрации в РФ системных российских компаний с холдинговыми структурами за рубежом) 23 января 2023 был внесен законопроект № 281874–8 «О деофшоризации» (в данный момент находится на рассмотрении, далее – Законопроект) [11].

В пояснительно записке к Законопроекту утверждается, что перерегистрация предприятий, которые управляются в лучшем случае исходя из интересов, не имеющих отношения к интересам России, является категорическим условием сохранения национальной безопасности России и обеспечения ее суверенитета.

Однако, по мнению автора, Законопроект не может быть принят из-за множества правовых неопределенностей, отсутствия возможности реализации, а также нарушения прав человека, гарантируемых Конституцией Российской Федерации.

Так, статья 1 Законопроекта утверждает, что все активы, зарегистрированные в офшорных зонах, должны быть переданы в управление уполномоченному Правительством Российской Федерации федеральному органу исполнительной власти (порядок будет разработан позже); статья 2 дает право в случае предоставления свидетельства о собственности на офшорные юридические лица перерегистрировать активы на себя; статья 3 постулирует, что собственники таких активов могут передать их в управление любому юридическому или физическому лицу (порядок не предусмотрен). Статья 4 фактически закрепляет право Российской Федерации на конфискацию имущества в случае неиспользования права, предоставленного статьей 2 (перерегистрации активов).

Усматривается, что данный Законопроект, помимо отсутствия использования юридической техники и явного популизма, не прорабатывает вопросы перехода прав собственности и даже фактически без установленного Конституцией права на судебную защиту и невозможности лишения собственности иначе как по решению суда (ст. 35 Конституции РФ) устанавливает возможность конфискации имущества.

Также Российская Федерация Указом Президента [12] частично приостанавливает действие соглашений об избежании двойного налогообло-

жения с 38 недружественными странами (далее – Соглашения). Действие Соглашений приостанавливается до устранения нарушения интересов Российской Федерации.

Так, из Указа следует, что приостанавливаются в том числе и положения об определении постоянного представительства, а также порядок налогообложения прибыли от коммерческой деятельности, имущества, капитала и доходов от международных перевозок. По мнению А. Григорьева основными целями Указа являются «резиденты недружественных стран, которые либо все еще ведут деятельность на территории РФ, либо сохранили инвестиции в российские активы и получают доходы от источников в России» [13].

Указ содержит поручение правительству «обеспечить принятие мер, направленных на снижение влияния на экономику РФ» последствий приостановки СИДН [14].

В настоящий момент зарегистрирован и направлен Председателю Государственной Думы законопроект № 448566–8 «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации (в части отдельных вопросов налогообложения)» (далее – Законопроект-2).

Согласно разделу 5 Пояснительной записки к Законопроекту-2 во исполнение вышеназванного Указа с целью снижения влияния на экономику Российской Федерации последствий приостановления действия отдельных положений международных договоров Российской Федерации по вопросам налогообложения предлагается установить освобождение от налогообложения налогов на прибыль организаций или пониженные ставки налога на прибыль организаций для доходов, выплачиваемых иностранным компаниям, расположенным в иностранных государствах, в отношении которых ранее применялось освобождение от налогообложения у источника или пониженная ставка налога у источника согласно Договорам, действие которых приостановлено Указом, в отношении закрытого перечня перечисленных доходов.

Такой порядок предлагается применять в случае подтверждения наличия у компании фактического права на доход и подтверждения факта отсутствия взаимозависимости между российской организацией, выплачивающей доход и иностранной организацией – получателем дохода.

Несмотря на то, что реализация данного плана по мнению Е. Муратовой будет сложна [15], в связи с тем, что потребуются принять новые нормативно-правовые акты, разработать специальные реестры, в целом указанные налоговые льготы следует воспринимать позитивно.

Таким образом, начавшаяся планомерно политика деофшоризации российской экономики в 2012–2014 годах, выраженная в последовательных законодательных актах, в последние два года ввиду необходимости действовать под санкциями и невозможности использования многих ранее заключенных международных соглашений, стала хаотичной и непоследовательной, что может нега-

тивно сказаться в том числе и на законопослушных предпринимателях, а также породить правовую неопределенность. Вместе с тем, государство принимает меры по снижению негативных последствий, что в случае успешной реализации будет способствовать дальнейшей продуманной политике российской экономики в сфере деофшоризации.

Литература

1. Захаров А.С. Деофшоризация: российский контекст // Legal Insight. 2013. № 5(21).
2. Электронный ресурс // URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/17118> (дата обращения 13.09.2023)
3. Федеральный закон от 08.06.2015 № 150-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и статью 3 Федерального закона «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации (в части налогообложения прибыли контролируемых иностранных компаний и доходов иностранных организаций)», «Собрание законодательства РФ», 15.06.2015, № 24, ст. 3377.
4. Федеральный закон от 08.06.2015 № 140-ФЗ «О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», «Собрание законодательства РФ», 15.06.2015, № 24, ст. 3367.
5. Постановление Правительства РФ от 14.08.2014 № 805 «О заключении соглашений об обмене информацией по налоговым делам», «Собрание законодательства РФ», 25.08.2014, № 34, ст. 4665.
6. Постановление Правительства РФ от 16.06.2018 № 693 «О реализации международного автоматического обмена финансовой информацией с компетентными органами иностранных государств (территорий)», «Собрание законодательства РФ», 25.06.2018, № 26, ст. 3858.
7. Федеральный закон «О ратификации многосторонней Конвенции по выполнению мер, относящихся к налоговым соглашениям, в целях противодействия размыванию налоговой базы и выводу прибыли из-под налогообложения» от 01.05.2019 № 79-ФЗ «Собрание законодательства Российской Федерации от 2019 г., № 18, ст. 2203 (текст Конвенции – СЗ РФ, 2020, № 10, ст. 1281).
8. Будылин С. Налоговый рай с конфискацией имущества. Деофшоризация по-русски // Юридическая работа в кредитной организации. 2023. № 1. С. 85–91.
9. Швейцария прекратит автоматический обмен финансовой информацией с РФ // Право.ru. URL/<https://pravo.ru/news/242737/> (дата обращения 13.07.2023).

10. Интернет-ресурс URL// <https://www.kommersant.ru/doc/5841890> (дата обращения 13.07.2023).
11. Интернет-ресурс URL// https://sozd.duma.gov.ru/bill/281874-8#bh_histras (дата обращения 13.07.2023).
12. Указ Президента № 585 «О приостановлении РФ действия отдельных положений международных договоров РФ по вопросам налогообложения» от 8 августа 2023 года.
13. Интернет-ресурс URL// <https://pravo.ru/news/248095/> (дата обращения 20.10.2023).
14. Интернет-ресурс URL//<https://www.kommersant.ru/doc/6148595#:~:text=Владимир%20Путин%20подписал%20указ%20тот%20же%20день%2C%208%20августа> (дата обращения 14.09.2023).
15. Интернет-ресурс URL// <https://pravo.ru/news/248095/> (дата обращения 20.10.2023).

APPLICATION OF THE CONCEPT OF TAX PRESENCE IN THE ASPECT OF DEOFFSHORIZATION OF THE RUSSIAN ECONOMY

Borzenko E.A.

O.E. Kutafin Moscow State Law University

In the Russian Federation, as well as throughout the world, the policy of deoffshorization is gaining relevance due to the increased in recent years the amount of money that does not enter the budget of the country, as well as the activities of residents under the guise of foreign persons. At the moment the Russian Federation, due to the complex international situation, has to act independently in the fight against offshore companies, which have undermined the sovereignty of the country, jeopardizing national security.

In the article the author briefly analyzes the general policy to control offshore schemes and the measures in place. The article further discusses the measures taken by foreign states and organizations after February 2020, as well as the draft laws related to deoffshorization under consideration, recognized to eliminate the negative consequences of the sanctions pressure of unfriendly states.

Keywords: offshorization, offshore company, deoffshorization, anti-offshore regulation, Russian economy, bill.

References

1. Zakharov A.S. Deoffshorization: Russian context // Legal Insight. 2013. № 5(21).
2. Electronic resource // URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/17118> (date of address 13.09.2023)
3. Federal Law No. 150-FZ dated 08.06.2015 “On Amendments to Parts One and Two of the Tax Code of the Russian Federation and Article 3 of the Federal Law “On Amendments to Parts One and Two of the Tax Code of the Russian Federation (in terms of taxation of profit of controlled foreign companies and income of foreign organizations)”, “Collection of Legislation of the Russian Federation”, 15.06.2015, No. 24, Art. 3377.
4. Federal Law No. 140-FZ dated 08.06.2015 “On voluntary declaration by individuals of assets and accounts (deposits) in banks and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation”, “Collection of Legislation of the Russian Federation”, “15.06.2015,” No. 24, Art. 3367.
5. Resolution of the Government of the Russian Federation No. 805 dated 14.08.2014 “On conclusion of agreements on exchange of information on tax cases”, “Collection of Legislation of the Russian Federation”, 25.08.2014, No. 34, Art. 4665.
6. Resolution of the Government of the Russian Federation No. 693 dated 16.06.2018 “On the implementation of international automatic exchange of financial information with the competent authorities of foreign states (territories)”, “Collection of Legislation of the Russian Federation”, 25.06.2018, No. 26, Art. 3858.
7. Federal Law “On Ratification of the Multilateral Convention on the Implementation of Measures Relating to Tax Treaties to Counteract the Dilution of the Tax Base and Withdrawal of Prof-

- its from Taxation” dated 01.05.2019 No. 79-FZ Collected Laws of the Russian Federation of 2019., No. 18, Art. 2203 (text of the Convention – NW of the Russian Federation, 2020, No. 10, Art. 1281).
8. Budylin S. Tax paradise with confiscation of property. Deoffshorization in Russian // Legal work in the credit organization. 2023. № 1. С. 85–91.
 9. Switzerland will stop automatic exchange of financial information with the Russian Federation // Pravo.ru. URL//<https://pravo.ru/news/242737/> (date of address 13.07.2023).
 10. Internet resource URL// <https://www.kommersant.ru/doc/5841890> (date of address 13.07.2023).
 11. Internet resource URL// https://sozd.duma.gov.ru/bill/281874-8#bh_histras (date of address 13.07.2023).
 12. Presidential Decree No. 585 “On the suspension by the Russian Federation of certain provisions of international treaties of the Russian Federation on taxation” dated August 8, 2023.
 13. Internet resource URL// <https://pravo.ru/news/248095/> (date of address 20.10.2023).
 14. Internet resource URL//<https://www.kommersant.ru/doc/6148595#:~:text=Владимир%20Путин%20подписал%20указ%20тот%20же%20день%2C%208%20августа> (дата обращения 14.09.2023).
 15. Internet resource URL// <https://pravo.ru/news/248095/> (accessed 20.10.2023).

Правовые инструменты прокурорского надзора за деятельностью таможенных органов Российской Федерации

Бычик Юлия Александровна,

аспирант Государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российская таможенная академия»

В статье приводится литературный обзор суждений, что собой представляет прокурорский надзор и его сущность; анализируется связь содержания прокурорского надзора с понятием законности; дается авторское определение термина «законность»; характеризуется правовое положение Федеральной таможенной службы Российской Федерации; рассмотрены проблема соблюдения законности при осуществлении таможенными органами своих функций; приведены основные цели надзора прокуратуры за исполнением таможенного законодательства; выявлены направления контроля деятельности отечественных таможенных органов; представлены причины осуществления проверок исполнения актуального законодательства в сфере таможенного контроля; определены основные меры прокурорского реагирования, применяемыми в результате выявленных нарушений в ходе проверки деятельности таможенных органов; обозначены условия эффективности надзора за функционированием таможенных органов.

Ключевые слова: прокурорский надзор, таможенные органы, законность, прокурорское реагирование, процессуальная деятельность, контрольно-надзорная деятельность.

Россия всегда была государством с особым историческим развитием, специфическими традициями и особым образом мышления. Современная Российская действительность отличается повышенной мобильностью политических и экономических процессов, что влечет за собой, порой, ненадлежащее функционирование и отсутствие эффективности в работе государственных органов исполнительной власти.

Под прокурорским надзором следует понимать форму юридической деятельности прокуратуры как специального органа надзора, созданного государством.

Следует согласиться с мнением таких авторов как Сорокина В.В., Беляев Г.С. и др., что прокурорский надзор – процессуальная деятельность, нацеленная на установление фактических обстоятельств реализованного правонарушения, а также на восстановление ранее нарушенных прав, в том числе с их мнением о том, что под прокурорским надзором следует понимать правовую форму государственной деятельности (важнейший компонент в механизме правового регулирования) [4, с. 122].

С точки зрения Зяблиной М.В., в юридической литературе понятие «прокурорский надзор» представлено в нескольких нижеперечисленных смыслах:

- самостоятельная правовая отрасль;
- функция отечественной прокуратуры.

Прокурорский надзор – одно из направлений деятельности государственного аппарата, форма осуществления стоящей перед ним правоохранительной функции [10, с. 27].

Винокуров Ю.Е. [7] определил прокурорский надзор в качестве вида деятельности федеральных органов прокуратуры, которая реализуется от имени РФ и заключается в ревизии точности соблюдения предписаний Конституции, исполнения действующих на государственной территории законов.

По мнению Рохлина В.И. [18], прокурорский надзор является – различающаяся с контролем разновидность государственной деятельности.

Под прокурорским надзором отечественная ученая Гуляева А.П. понимает определенную разновидность контроля [8].

Кониным Н.М. выделено контрольно-надзорное направление в деятельности отечественной прокуратуры [12].

Рагинский М.Ю. и Новиков С.Г. при анализе сущности современного отечественного прокурорского надзора пишут о том, что на прокуратуру не возложены административные, законодательные

ские и судебные функции. Данный орган реализует надзор над тем, чтобы должностные лица и поднадзорные органы власти нарушений актуальных правовых актов не допускали [15].

По мнению Маршунова М.Н., суть прокурорского надзора состоит в обеспечении эффективного правового режима без вмешательства в работу поднадзорных органов (структур) [14].

Сорокина В.В. и Беляевы Г.С. и В.П. сущность современного отечественного прокурорского надзора видят в предупреждении и устранении ранее допущенных нарушений законов [4].

На наш взгляд, подобное разнообразие мнений и позиций отечественных правоведов в области содержания и функций прокурорского надзора позволяет предположить о специфичности данного правового института, не исключающего самостоятельность, отличного от иных видов контрольной деятельности своими чертами.

Содержание прокурорского надзора традиционно связано с понятием законности.

Законность – фундамент нормальной жизнедеятельности и продуктивного взаимодействия государства, общества и личности.

Алексеев С.С. пишет о том, что такое понятие, как законность отражает специфику правовой действительности сквозь призму практической реализации права и идейных основ системы права, ее отношения с базовыми социально-политическими институтами и политическим режимом социума [3].

Данный принцип основан на требовании безусловного соблюдения законов и соответствующих подзаконных актов, в равной мере предъявляемом ко всем гражданам, организациям и должностным лицам без исключения.

Александров Н.Г. пишет о том, что законность – принцип требуемого властью поведения граждан, организаций и должностных лиц [2].

Лукашева Е.А. раскрывает законность в качестве соответствия предписаний права объективно формирующимся социальным отношениям, реализацию правовых предписаний, отвечающую целям социума.

Данный принцип ориентирует отечественные законодательные органы власти на научно оформленное и обоснованное выражение закономерности социального развития в российском праве [13]. Данным принципом охватывается также область правовой реализации. Он выражаться может в заявленном требовании уважения к закону, его неуклонному соблюдению.

Лукашевой Е.А. законность определена также в качестве самостоятельного метода. Ученая отмечает, что под законностью следует понимать определенный метод руководства социумом, базирующийся на анализе объективных потребностей социального развития.

Данный метод основан на организации социальных отношений посредством осознания и осуществления различных правовых актов, ориентированных на достижение целей господствующего социального класса.

Законность в данной интерпретации служит средством, при помощи которого граждане государства защищаются от различных видов нарушения их свобод, а также могут требовать от остальных граждан, организаций и должностных лиц должного исполнения юридически закрепленных обязанностей [19].

С точки зрения Боннера А.П., анализирующего законность в качестве принципа, данный принцип собой представляет значимую ценность и содержит ряд важнейших аспектов.

В первую очередь, законность является эффективным методом руководства обществом со стороны государственного аппарата, а также фундаментальным принципом функционирования органов власти, правового регулирования поведения граждан в социуме [5].

Алексеев С.С. пишет, что если рассматривать законность в качестве особого режима общественной жизни, то будет очевидно, что далеко не тождественное значение имеет нарушение правовых норм государственными органами и отдельными гражданами [3].

Мы разделяем точку зрения ученого о том, что существенный вред режиму законности наносит именно несоблюдение норм права органами власти и соответствующими должностными лицами, а не гражданами.

Законность в современной отечественной правовой науке, как правило, рассматривается в качестве многостороннего феномена, служащего краеугольным принципом государственной деятельности на различных уровнях.

Наряду с вышесказанным, под законностью следует понимать эффективный метод обеспечения правомерной деятельности и соответствующего поведения субъектов правовых отношений.

Также законность определяют как самостоятельный правовой режим социально-политической деятельности. Указанные подходы не только раскрывают крайне неоднозначное понимание в отечественном праве законности, но и наглядно показывают, что это явление целесообразно рассматривать сквозь призму разных исследовательских позиций, которые выражают в совокупности такую ключевую характеристику законности, как соответствие актуальным требованиям предписаний правовой природы явлений (процессов), существующих в рамках социума [11].

Мы приходим к следующему заключению: термин «законность» – характеристика урегулированности взаимодействия между гражданами и государством. Данное понятие выражает отношение не только к праву, но и к претворению в жизнь правовых актов в стране [6].

Под законностью следует понимать юридическую категорию, подразумевающую неукоснительное, т.е. строгое соблюдение и обязательное исполнение положений Конституции, а также законов (подзаконных актов) государственными органами, гражданами и уполномоченными (должностными) лицами.

Данная категория отражает содержание правовых процессов и явлений в обществе, государстве. Законность необходима для осуществления здоровой и упорядоченной жизнедеятельности общества и государства, регулирования процессов, происходящих в ней, путем создания единого правового пространства, а также обеспечения основных прав и свобод.

Прокуратура Российской Федерации – орган надзора за соблюдением законности, играющий, в том числе, ключевую роль в контроле над исполнением законов.

Среди государственных органов РФ прокуратура играет, безусловно, особую роль. Правовой статус российских органов прокуратуры закреплен в статье 129 Конституции РФ и в статье 1 Федерального закона «О прокуратуре РФ». По нашему мнению, данный государственный орган обладает особым конституционно-правовым статусом, выражающимся в особом положении в системе государства – независимости от каких-либо других органов государственной власти, а так же не отнесении ни к одной из известных ветвей власти.

В целях, указанных в положениях первой статьи ФЗ РФ N2202-I «О прокуратуре РФ», для обеспечения верховенства и единства закона, укрепления принципа законности, охраны свобод (прав) населения, охраняемых актуальным законом социальных и государственных интересов, прокуратура РФ осуществляет надзор (контроль) за исполнением правовых актов, предметом которого служит соблюдение положений Конституции, исполнение действующих в стране законов федеральными исполнительными органами и должностными лицами.

ФТС России – исполнительный орган федерального уровня, который осуществляет в соответствии с положениями отечественного законодательства функцию по надзору в сфере таможенного дела или таможенный контроль, а также функцию валютного контроля, охраны прав на различные объекты ИС, обеспечения соблюдения широкого спектра мер нетарифного и технического регулирования, экспортного контроля, в частности по отношению к товарам военного назначения, транспортного и радиационного контроля, проведения карантинного фитосанитарного (санитарно-карантинного), государственного надзора за обращением с агрохимикатами (пестицидами), государственного контроля сферы семеноводства в области семян с/х растений, ветеринарного государственного надзора на основании компетенции ФТС, установленной актуальным законодательством РФ и Правительством РФ, в специально организованных для данных целей, оборудованных надлежащим образом пропускных пунктах через границу РФ, предупреждения (выявления, пресечения) административных правонарушений и преступлений, относящихся непосредственно к компетенции российских таможенных органов и др. [1]

В соответствии с положениями утвержденного Распоряжением Правительства РФ № 1388-р

от 23.05.2020, ФТС России, выступая органом исполнительной власти федерального уровня, реализующим широкий спектр функций по надзору (контролю) в сфере таможенного дела, сегодня занимает особое положение, которое позволяет гарантировать безопасность транспортных средств и цепочек поставок продукции в рамках внешне-торговых отношений, содействует государственному социально-экономическому развитию.

На наш взгляд, актуальное правовое положение и статус ФТС России ставит на одно из центральных мест в вопросе обеспечения государственно-экономической безопасности страны роль отечественных таможенных органов.

В 2021 г. в рамках административного производства российскими таможенными органами было возбуждено свыше 138 тыс. дел о различных административных правонарушениях, а в следующем году – уже более 146 тыс. дел.

В I полугодие 2023 г. зафиксировано около 76500 дел об административных правонарушениях (на 1948 больше, по сравнению с I полугодием 2022 г.). В 2022 году только по административным делам наказаний назначено было на сумму, превышающую 25,5 млрд р. (в I полугодии 2023 г. – примерно 18,5 млрд руб.) [16].

Проблема соблюдения законности при осуществлении таможенными органами своих функций всегда имела и имеет особую важность, а тем более сегодня, когда, на фоне сложившихся условий и ограничений, совершенствование работы ФТС России, как и таможенной деятельности, в целом, реализуется в условиях серьезных внутренних и внешних угроз и рисков.

Нарушение законности в деятельности отечественных таможенных органов и их должностных лиц приводит к ошибочным решениям, и как следствие, к жалобам со стороны участников внешнеэкономической деятельности, негативной судебной практике, нежелательным и большим судебным издержкам, а так же актам реагирования со стороны органов прокуратуры Российской Федерации.

Все выше перечисленное, ведет к подрыву авторитета законности, а также формированию у участников внешнеэкономической деятельности недоверия к органам власти Российской Федерации.

Отнесение таможенных органов к государственным органам исполнительной власти, означает, что соблюдение законности их деятельности входит в сферу прокурорского надзора и является объектом общего надзора прокуратуры.

Ключевые цели прокурорского надзора (контроля) за исполнением актуального таможенного законодательства [17]:

- соблюдение всеми функционирующими в таможенной области субъектами закона;
- охрана интересов государства с точки зрения обеспечения безопасности национального масштаба;
- обеспечение неукоснительного соблюдения прав субъектов ВЭД и др.

Для реализации эффективного надзора (контроля) за надлежащим соблюдением фундаментальной законности в таможенных органах Российской Федерации, существуют специализированные прокуратуры, являющиеся одним из структурных элементов комплексной системы российских органов прокуратуры, под названием «транспортные прокуратуры».

Особенности функционирования отечественных транспортных прокуратур регламентированы действующим приказом Генпрокуратуры РФ №211 от 15.07.2011.

К структуре современных российских транспортных прокуратур относятся:

- Региональные (приравненные по закону к прокуратурам субъектов) транспортные прокуратуры;
- Районные транспортные прокуратуры;
- Управление по надзору за исполнением законов на транспорте и в таможенной сфере Генпрокуратуры РФ.

Далее рассмотрим направления, по которым осуществляется прокурорский надзор (контроль) за деятельностью современных отечественных таможенных органов.

В частности, возложен ряд полномочий в соответствии с Приказом № 211 на транспортные прокуратуры, приравненные к региональным прокуратурам, а именно за:

- исполнением нормативно-правовых актов о госслужбе, положений актуального отечественного законодательства в области противодействия распространению коррупции в органах таможни;
- исполнением нормативно-правовых актов, а также соблюдением прав граждан, согласно установленным компетенциям;
- санкционированием арестов собственности как механизма обеспечения реализации решений таможенных структур (органов) по взысканию налогов и пошлин за счет другого имущества плательщиков;
- исполнением нормативно-правовых актов в процессе производства по различным делам о правонарушениях в сфере таможенного дела;
- исполнением нормативно-правовых актов в рамках распоряжения имуществом, обращенным в собственность федерального уровня, вещественными доказательствами по совершенным в сфере таможенного права уголовным (административным) делам;
- оперативно-розыскной деятельностью органов таможни;
- уголовно-процессуальной деятельностью отделов таможни, отвечающих за следственную деятельность и др.

К поводам для реализации проверок в части исполнения актуального отечественного законодательства в сфере обеспечения таможенного контроля относятся:

- сообщения СМИ;

- обращения граждан (должностных лиц), в частности субъектов ВЭД;
- акты проверок (ревизий) Счетной палаты, ФТС и ФНС РФ;
- материалы надзорных ревизий по другим сферам надзора;
- данные оперативно-розыскного характера;
- административные (уголовные, арбитражные и др.) дела [17, с. 25].

Такое пристальное внимание к действиям таможенных органов (структур), наряду со стремлением современной российской прокуратуры добиться со стороны как таможенных органов, так и их уполномоченных (должностных лиц) исключения правонарушений, на сегодняшний день находит свое отражение в действительности.

Согласно данным ФТС, представленным в обзоре актов прокурорского реагирования за первое полугодие 2023 года, внесенных в рамках производства по административным делам о действиях и бездействии в отечественных таможенных органах (структурах), общая количество внесенных актов прокурорского реагирования на действия, реализуемые отечественными таможенными органами по сравнению с 2022 годом уменьшается.

Если в 2022 году в таможенные и судебные органы принесено 711 актов прокурорского реагирования, то в 2023 году их 570.

Представление и протест – основные меры прокурорского реагирования, применяемые в результате выявленных нарушений в ходе проверок.

Так, с начала января по 30 июня 2023 года в таможенные органы внесено 132 представления прокуроров по линии административного производства, что, практически, аналогично показателю прошлого года – 140 представлений [16].

Среди оснований для вынесения представлений: непринятие мер по возбуждению дел об АП, неполнота административного производства, уведомление лиц о времени и месте составления процессуальных документов, опечатки, допущенные должностными лицами таможенных органов в постановлениях по делам об АП.

Что касается протестов, то в указанный период в 2023 году прокурорами как в таможенные органы (структуры), так и в судебные органы принесено около 420 протестов на различные постановления органов таможенной сферы по административным делам.

Это намного меньше, чем в 2022 году за аналогичный период (569 протестов). Стоит отметить, что таможенными органами и судами рассмотрено 354 протеста, из которых 293 удовлетворено полностью либо частично, 79 не удовлетворено.

Причинами принесения 80 протестов явились опечатки и ошибки, допущенные должностными лицами таможенных органов в постановлениях по делам об АП, а именно неверное указание ИНН, ФИО, наименования или адреса привлеченного к административной ответственности лица, некорректное указание реквизитов для оплаты штрафа и т.д. Среди причин принесения остальных 241

протеста-процессуальные нарушения по делам в сфере АП.

Группа авторов монографии под общей редакцией М.В. Субановой считают, что приоритетным направлением деятельности современной отечественной прокуратуры выступает прокурорский надзор соблюдения законных прав субъектов ВЭД [9, с. 194].

Ученые отмечают, что в анализируемом направлении проблемы в области прокурорского надзора вызваны, в том числе, «многоуровневостью» регулирующего ВЭД законодательства, определяющего права субъектов данной деятельности.

Действительно, хотелось бы отметить, что надзорная деятельность органов прокуратуры за деятельностью таможенных органов имеет специфическую особенность, а порой даже сложность в решении поставленных перед транспортным прокурором задач в ходе осуществления своей деятельности.

Связано это, во-первых, с необходимостью обладания более глубоких и специфических знаний в области таможенного права, таможенного дела, во-вторых, множественностью участников внешнеэкономической деятельности (с учетом их деления, например, по правовому статусу, по характеру внешне-экономической деятельности и т.д.).

И, в третьих, сюда можно отнести сложность, связанную с наличием большого количества актов нормативно-правового регулирования в области деятельности таможенных органов в связи с многоуровневостью таможенного законодательства, его постоянным реформированием как на национальном уровне, так и наднациональном (имеется ввиду таможенное законодательство Евразийского экономического союза, в том числе динамично меняющиеся отечественное таможенное законодательство, нормы КоАП РФ).

То есть, реализуя свои полномочия, транспортные прокуроры обязаны учитывать тот факт, что в современном таможенном деле нарушения административного права – нарушения, в целом, актуального законодательства ЕАЭС, а не только российского законодательства, проводить постоянные мониторинги по происходящим внесениям изменений в нормативно-правовые акты.

Следующим условием эффективности контроля соблюдения законного порядка функционирования отечественных таможенных органов (структур) выступает знание судебных решений прокурорами (в особенности – решений высших инстанций судебных органов).

Но и здесь имеются некоторые трудности, связанные с огромным количеством разнообразной судебной практики по аналогичным вопросам в области таможенного дела.

Судебная практика часто в каждом регионе РФ по идентичным спорам крайне вариативна.

На наш взгляд, прокурорский надзор (контроль) деятельности современных таможенных структур (органов) следует определить как особую процессуальную деятельность, по сути представля-

ющую юридическое выражение социальных связей по урегулированию общественных отношений в области таможенного дела в официальных юридических документах, ориентированную на восстановление прав участников внешней экономической деятельности.

Литература

1. Постановление Правительства РФ № 636 от 23.04.2021 «Об утверждении Положения о ФТС, внесении изменений в Положение о Министерстве финансов РФ и признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений некоторых актов Правительства РФ»
2. Александров Н.Г. Право и законность в период развернутого строительства коммунизма. М., 1961. С. 105
3. Алексеев С.С. Общая теория права. М., 1981
4. Беляев В.П., Беляев Г.С., Сорокина В.В. Монография, изд. «Юрлитинформ» 2015 г. С. 123
5. Бонер А.П. Законность и справедливость в правоприменительной деятельности. М., 1992. С. 5
6. Бычик, Ю.А. Теоретико-правовое понимание законности и обеспечения законности в деятельности таможенных органов РФ // Исследование проблем таможенного дела / Сборник статей аспирантов / Государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «РТА». – М.: РТА, 2018. – С. 20–23.
7. Винокуров Ю.Е. Прокурорский надзор: учебное пособие для ВУЗов. – М.: Юрайт, 2023.
8. Гуляева А.П. Контрольные государственные органы России. М.: 2000. – С. 7
9. Защита прокурором прав участников ВЭД: Монография / под общ. ред. Субановой Н.В. Академия Генеральной прокуратуры РФ. – М., 2017. 231 с.
10. Зяблина М.В. Типичные недостатки прокурорского надзора за соблюдением права на реабилитацию в уголовном судопроизводстве // Законность. 2016. № 10. С. 27
11. Карпов В.А. О некоторых механизмах обеспечения верховенства права и верховенства закона как эффективном инструментарии построения правовой государственности в России // Закон и право. 2015. № 8. С. 36.
12. Конин Н.М. Административное право России. М.: Изд-во Проспект, 2010. – С. 234–235.
13. Лукашева Е.А. Социалистическое право и личность. М. 1978.
14. Маршунов М.Н. Прокурорско-надзорное право. Проблемы правового регулирования. СПб, 1991.
15. Новиков С.Г., Рагинский М.Ю. Прокуратура в системе советского государственного аппарата // Правоведение. 1974. № 3. С. 45
16. Показатели правоохранительной деятельности таможенных органов РФ за 1 полугодие 2023 [Электронный ресурс] URL: <https://customs.gov.ru/activity/pravoohranitel-naya-deya->

tel-nost-/informacziya-upravleniya-tamozhennyx-rassledovaniy-i-doznaniya/document/427991?ysclid=lpwj947bep554815114 (дата обращения 10.10.2023)

17. Прокурорский надзор за исполнением законодательства о таможенном контроле; НИИ Академия Генеральной Прокуратуры РФ, М., 2010, С. 25.
18. Рохлин В.И. Прокурорский надзор и государственный контроль. – СПб.: Издательство Асланова Р. «Юридический центр «Пресс», 2013. – С. 167.
19. Тимофеев В.В. Содержание понятия законности. Журнал Вестник краснодарского университета МВД России № 1 2008 год С. 30

LEGAL INSTRUMENTS OF PROSECUTORIAL SUPERVISION OVER THE ACTIVITIES OF CUSTOMS AUTHORITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Bychik Yu.A.

Russian Customs Academy

This article provides a literature review of judgments, what is the prosecutor's supervision and its essence; analyzes the connection between the content of prosecutor's supervision and the concept of legality; gives the author's definition of the term «legality»; characterizes the legal status of the Federal Customs Service of the Russian Federation; considers the problem of compliance with legality in the implementation of customs authorities of their functions; provides the main objectives of prosecutor's supervision over the execution of customs legislation; reveals the directions of control over the implementation of customs legislation; the article presents the reasons for carrying out inspections of fulfillment of the actual legislation in the sphere of customs control; defines the main measures of prosecutor's response applied as a result of revealed violations in the course of inspection of customs authorities' activity; identifies the conditions of effectiveness of supervision over the functioning of customs authorities.

Keywords: prosecutor's supervision, customs authorities, legality, prosecutor's response, procedural activity, control and supervisory activity.

References

1. Decree of the Government of the Russian Federation No. 636 dated 04/23/2021 "On approval of the Regulations on the Federal Customs Service, Amendments to the Regulations on the Ministry of Finance of the Russian Federation and invalidation of Certain Acts and Certain Provisions of Certain Acts of the Government of the Russian Federation"
2. Alexandrov N.G. Law and legality during the period of extensive construction of Communism. M., 1961. p. 105
3. Alekseev S.S. General theory of law. M., 1981
4. Belyaev V.P., Belyaev G.S., Sorokina V.V. Monograph, publishing house "Yurlitinform" 2015, p. 123
5. Boner A.P. Legality and justice in law enforcement. M., 1992. p. 5
6. Bychik, Yu.A. Theoretical and legal understanding of legality and ensuring legality in the activities of the customs authorities of the Russian Federation // Research of problems of customs affairs / Collection of articles by graduate students / State State Educational Institution of Higher Education "MOUTH". – M.: RTA, 2018. – pp. 20–23.
7. Vinokurov Yu.E. Prosecutor's supervision: a textbook for universities. – M.: Yurayt, 2023.
8. Gulyaeva A.P. Control state bodies of Russia. M.: 2000. – p.7
9. Protection by the prosecutor of the rights of participants in foreign economic activity: Monograph / under the general ed. Subanova N.V. Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. – Moscow, 2017. 231 p.
10. Zyablina M.V. Typical shortcomings of prosecutorial supervision over the observance of the right to rehabilitation in criminal proceedings // Legality. 2016. No. 10. P. 27
11. Karpov V.A. On some mechanisms for ensuring the rule of law and the rule of law as effective tools for building legal statehood in Russia // Law and Law. 2015. No. 8. p. 36.
12. Konin N.M. Administrative law of Russia. Moscow: Publishing House Prospect, 2010. – pp.234–235.
13. Lukasheva E.A. Socialist law and personality. M. 1978.
14. Marshunov M.N. Prosecutorial and supervisory law. Problems of legal regulation. St. Petersburg, 1991.
15. Novikov S.G., Raginsky M.Y. Prosecutor's office in the system of the Soviet state apparatus // Jurisprudence. 1974. No. 3. p. 45
16. Indicators of law enforcement activities of the customs authorities of the Russian Federation for the 1st half of 2023 [Electronic resource] URL: <https://customs.gov.ru/activity/pravooxranitel-naya-deyatel-nost-/informacziya-upravleniya-tamozhennyx-rassledovaniy-i-doznaniya/document/427991?ysclid=lpwj947bep554815114> (access date 10/10/2023)
17. Prosecutor's supervision over the implementation of legislation on customs control; Research Institute Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, M., 2010, p. 25.
18. Rokhlin V.I. Prosecutor's supervision and state control. – St. Petersburg: Publishing house Aslanova R. "Law Center "Press", 2013. – p.167.
19. Timofeev V.V. The content of the concept of legality. Journal Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia No. 1 2008 p. 30

Правовое регулирование развития системы налогообложения субъектов малого и среднего предпринимательства

Воробец Александр Андреевич,

магистрант направления «Юриспруденция» Института философии и права Новосибирского национального исследовательского государственного университета
E-mail: a.vorobets@g.nsu.ru

Зотцев Данил Владимирович,

магистрант направления «Юриспруденция» Института философии и права Новосибирского национального исследовательского государственного университета
E-mail: d.zottsev@g.nsu.ru

В статье авторы анализируют современное российское законодательство о налогах и сборах с целью выявления относительной неэффективности совокупности правовых норм, регулирующих предпринимательскую деятельность субъектов малого и среднего предпринимательства. Актуальность затронутой проблематики связана со значительной ролью именно таких субъектов в формировании гражданского оборота и экономическом развитии государства. Авторы выявляют последствия действующего налогового законодательства, негативно влияющего на осуществление субъектами малого и среднего предпринимательства своей предпринимательской деятельности. Исследование затрагивают ретроспективный и перспективный аспекты реализации налогово-правовых норм. Особое внимание уделяется правовым вопросам о страховых взносах по обязательному пенсионному страхованию. Пути решения возникших законодательных проблем предпринимаются исходя из необходимости учета баланса интересов трех значимых социальных групп: работников, работодателей, действующих пенсионеров.

Ключевые слова: страховые взносы, государственные внебюджетные фонды, кривая Лаффера, баланс интересов, налоговые правоотношения.

Анализируя современное российское законодательство о налогах и сборах, можно обнаружить его относительную неэффективность в правовом регулировании предпринимательской деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства. Актуальность затронутой проблематики связана со значительной ролью именно таких субъектов в формировании гражданского оборота и экономическом развитии государства. Общее количество коммерческих юридических лиц на ноябрь 2023 года (по данным ФНС России) составляет 2.642.438 [1], из них субъектов малого и среднего предпринимательства – 2.249.604 [2] (85,1%), а субъектов крупного предпринимательства – 392.834 (14,9%), что указывает на преобладание субъектов малого и среднего предпринимательства в секторе экономики и зависимость экономики государства от их деятельности.

Существенной проблемой налогообложения является формирование и установление тарифов страховых взносов, субъектами уплаты которых являются только работодатели, сами работники не участвуют в процессе их отчисления в Фонд пенсионного и социального страхования РФ, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования, их заработная плата не подлежит принудительному удержанию в счет данных страховых взносов. В соответствии с ч. 3 ст. 425 НК РФ [3], с 2023 года с прибыли малого и среднего предпринимательства в указанные государственные внебюджетные фонды направляются – 30% (или 15,1%). Кроме того, в соответствии с ч. 1 ст. 284 НК РФ [4], субъекты малого и среднего предпринимательства облагаются налогом на прибыль организаций в размере 20%. Дополнительно такие субъекты обязаны выплачивать в Фонд пенсионного и социального страхования РФ страховые взносы в размере до 8,5% (в соответствии с ФЗ от 19.12.2022 № 517 [5], ФЗ от 22.12.2005 № 179 [6]). Общая сумма взимаемых безвозмездных и обязательных налоговых платежей может достигать 58,5% с доходов самого работодателя (38,5%, если не учитывать налог на прибыль организации). В денежном выражении работодатели уплачивают в государственные внебюджетные фонды денежных средств (на 2023 год): Фонд пенсионного и социального страхования РФ – 8.431.709.306,8 тыс. рублей (61,5% бюджета соответствующего внебюджетного фонда) [7], Федеральный фонд обязательного медицинского страхования – не более 2.705.991.155 тыс. рублей (86,3% бюджета соответствующего внебюджетного фонда) [8]. При этом из федерального бюджета РФ и бюджете-

тов субъектов РФ на 2023 год прогнозировалось выплатить межбюджетных трансфертов только на сумму – 5.708.941.203 тыс. рублей. Общая сумма доходов государственных внебюджетных фондов, получаемых в связи с уплатой только страховых взносов за счет работодателей за 2023 год – 11.137.700.461,8 тыс. рублей.

В соответствии с данными Организации экономического сотрудничества и развития и выведенного ей «Индекса лучшей жизни» («Better Life Index» [9]) относительно критерия доходов населения, а также данными Всемирного банка [10] относительно общей суммы налогов со своей прибыли, отчисляемых работодателями-субъектами малого и среднего предпринимательства за своих работников, можно привести следующую статистику: Люксембург (7,4/10 и 15,4% соответственно), США (7/10 и 9,8%), Швейцария (7,5/10 и 17,7%), Великобритания (6,8/10 и 12%), Австралия (7,0/10 и 21%), когда как Россия (5,5/10 и 38,5%).

Сопоставляя приведенную статистику между развитыми государствами, следует использовать экономическую концепцию «Кривая Лаффера» («Laffer curve») для обоснования необходимости снижения налоговых ставок для субъектов малого и среднего предпринимательства. Экономически приемлемые пределы размеров налоговых ставок: 40–50%.

В нынешнем российском правовом регулировании общий размер налоговых ставок, уплачиваемых субъектами малого и среднего предпринимательства превышает 50% с объема их прибыли. У таких субъектов возникают мотивы сокрытия реальных доходов от государства с целью сохранить максимально возможную прибыль, иначе их предпринимательский стимул утрачивается. С этой целью работодатели могут пойти на противоправные действия, в особенности, не соблюдая трудовое и административное законодательство. Например, они могут нарушать требования ч. 2 ст. 15 ТК РФ, ч. 4 ст. 5.27 КоАП РФ, а именно уклоняться от заключения трудового договора с работником. При таких обстоятельствах, это совершается с целью сокрытия фактически работающих в штате работодателя лиц и неуплаты за этих лиц со своей прибыли страховых взносов во государственные внебюджетные фонды. Результатом действия такого неэффективного налогового законодательства является ежегодное уменьшение количества коммерческих организаций (по данным ФНС прекратили свою деятельность: на январь 2021–7.080.535 организаций на январь, 2022–7.452.943 организаций, на январь 2022–7.728.599 организаций, на декабрь 2023–7.957.063 организаций).

Поэтому, чтобы достичь цели административного наказания, предусмотренной ч. 1 ст. 3.1 КоАП РФ [11], – предупреждение совершения новых административных правонарушений, и стимулировать работодателей продолжать заниматься предпринимательской деятельностью следует предложить наиболее практико-ориентированные спосо-

бы реформирования действующего законодательства.

Относительно налоговых правоотношений, возникших до 1 января 2023 года, следует указать на следующее. Так как наиболее значительная доля в общем объеме страховых ставок относилась к страховым взносам на обязательное пенсионное страхование (22% или 10%), то предложенные изменения касаются именно их (п. 1 ч. 2 ст. 425 НК РФ). Кроме того, при решении выявленной проблемы должны учитываться совокупные интересы трех социальных групп: работодатели, работники и действующие пенсионеры.

Интересы работодателей. Уменьшение налогообложения для работодателей способствует аккумулированию больших объемов денежных средств, которые возможно было бы направить на развитие хозяйствующего субъекта, включая повышение производственных мощностей. От действовавших страховых ставок в размере 22% и 10% работодатель выгоды не приобретал.

Интересы работников. Увеличение размера заработной платы работников способствует удовлетворению его личных потребностей в настоящее время, а увеличение размера страховой пенсии по старости позволит удовлетворять такие потребности в будущем. От действовавших страховых ставок в размере 22% работник выгоды приобретал, а от 10% – нет.

Интересы действующих пенсионеров. Увеличение страховых ставок страховых взносов, которые уплачивает работодатель за своих работников, не способствует увеличению стоимости одного пенсионного коэффициента (СПК) и дальнейшему увеличению размера страховой пенсии по старости другим пенсионерам. От действовавших страховых ставок в размере 22% и 10% действующий пенсионер выгоды не приобретал.

Исходя из вышеизложенного, представитель каждой из трех социальных групп является уникальным и обладает собственным объемом правовых и материальных возможностей. По мнению Н.В. Омелёхиной [12], государству следует придерживаться социально-правового механизма, который гарантирует равные условия реализации данных возможностей (позиция «государстволчности»). Притом что каждая отдельно взятая личность – это источник финансирования достойного уровня жизни всего общества в целом (позиция «личность-государству»).

Определения, которое предоставляло бы единообразное толкование «достойного уровня жизни» в современной юридической науке не наблюдается. Обобщение множества точек зрения по поводу сущности и признаков данного понятия позволяет прийти к выводу о том, что достойный уровень жизни – совокупность норм, которые гарантируют материальную обеспеченность на уровне эталонов современного общества (так, данные социальных опросов, проведенных в разных государствах, позволяют выделить общие критерии субъективной оценки гражданами достойного уровня жизни,

в частности: это наличие современной бытовой техники, гаджетов и возможности путешествовать за границу).

Продолжая анализ международного опыта в сфере правового регулирования, следует обратить внимание на деятельность Европейского комитета по социальным правам в 1999 году, который внёс определенность в дискуссию оценки «достойного уровня жизни», выделив концепцию «68 процентов» [13]. В соответствии с ней, минимальный заработок работников должен составлять 68% от среднего заработка граждан по стране. Впоследствии, с учётом экономических кризисов, комитет в своих нормативных актах снизил процент оценивания до 60%, а, начиная с 2008 года, использовал уже смешанную систему оценивания, отталкиваясь от уровня бедности – заработная плата работника должна быть выше уровня бедности, то есть составлять 50% от средней заработной платы по стране. Данные предложения направлены на обеспечение достойного уровня жизни граждан. Из этого следует, что единый правовой механизм оценки достойного уровня жизни отсутствует в мире.

В связи с этим на законодательном уровне необходимо обеспечить баланс интересов всех трех групп. Так как положение работодателя наиболее уязвимо в сравнении с выгодоприобретателями-работниками и выгодоприобретателями-пенсионерами, что требует пересмотра юридических элементов тарифа страхового взноса.

Во-первых, предусмотренный ст. 22 ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в РФ» [14] тариф страхового взноса в размере 10% не являлся эффективным. Цель такого тарифа – перераспределение излишне получаемых доходов работника между уже находящимися на страховой пенсии застрахованных лиц. То есть если работник получал в год свыше 1565000 рублей в 2022 году (Постановление Правительства РФ от 16.11.2021 № 1951 [15]), то работодатель был обязан направить в ПФР (тогда Фонд Пенсионного и Социального страхования еще не функционировал, правовая действительность анализируется с позиции налоговых правоотношений, возникших до 1 января 2023 года) 10% от заработной платы, превышающий вышеуказанную предельную базу, со своей прибыли. Сам работник ничего со своих средств не платит, а уплаченные страховые взносы в системе его индивидуального (персонифицированного) учета не учитываются в ПФР. От направленных страховых взносов также не извлекали выгоду и действовавшие пенсионеры, так как формула определения размера страховой пенсии по старости не имела элемента, учитывающего суммы, превышающие предельную базу. Независимо от того, какая сумма была уплачена в счет солидарной части тарифа страховых взносов, ни размер, ни продолжительность выплаты страховой пенсии по старости действовавших пенсионеров не изменялся. В этом случае работодатель по согласию с работником мог снизить его официальную зар-

ботную плату, сведения о которой направлялись в ПФР, до предельной базы (то есть чтобы заработная плата не превышала 1565000 рублей в год) и ту часть заработной платы, которая превышает предельную базу, выдавать работнику «на руки» без ее декларирования в уполномоченных органах власти. Ввиду этого тарифную ставку в 10% рекомендовалось устранить в действовавшем законодательстве посредством признания соответствующей нормы права утратившей силу.

Во-вторых, установленный тариф страхового взноса в размере 22% также не являлся эффективным, так как страховые взносы с заработной платы работника должен был платить именно работодатель, а не сам работник. При этом 6% из 22% работнику снова не учитывались в системе его индивидуального (персонифицированного) учета ПФР, так как эти средства направлялись на содержание действующих пенсионеров.

С момента внесения законопроекта № 489161–7 [16] и его дальнейшего принятия действующий пенсионный возраст был повышен с 60/55 лет (мужчины/женщины) до 65/60 лет соответственно. Часть населения РФ после принятых изменений пересмотрело возможность достижения повышенного возраста и получения после ухода на пенсию соответствующих страховых выплат. Возник вопрос целесообразности: следует ли участвовать в системе обязательного пенсионного страхования? Но ввиду того, что все работники обязаны участвовать в такой системе, то у них нет альтернативы выбора – не участвовать в такой системе и получать освободившиеся денежные средства работодателя в счет повышения заработной платы, либо участвовать в той системе, которая действует до сих пор.

Так, в Германии страховые взносы платятся работником и работодателем в равных долях по 9,75% от размера заработной платы работника (Prof. Dr. Barbara Riedmüller [17]). По данным Организации экономического сотрудничества и развития и Всемирного банка: Германия обладает «Индексом лучшей жизни» в количестве 7,3 из 10 и общей суммой налогов, отчисляемых работодателями за своих работников в размере 19,5% (где половину оплачивает работодатель).

Следовательно, относительно 22% как размера страхового взноса по обязательному пенсионному страхованию в РФ следовало предложить необходимые изменения (для налоговых правоотношений, возникших до 1 января 2023 года):

1) Предоставить право выбора работнику участвовать в системе обязательного пенсионного страхования или отказаться от участия в ней:

а) Если работник предоставлял согласие на участие в такой системе, то он был бы обязан наравне с работодателем платить страховые взносы в размере 11% от своей заработной платы;

б) Если работник не предоставлял согласие на участие в такой системе, то страховые взносы по обязательному пенсионному страхованию у работника не формировались (пока он снова не изъ-

явил бы волеизъявление по участию в этой системе), но предусматривалась бы обязанность работодателя увеличить действующую заработную плату работника не менее, чем на 5,5% (то есть сам работодатель не платил бы никаких страховых взносов в ПФР за работника, но с целью учета права работника на получение таких страховых взносов, которое у него было бы до вступления действующих изменений в силу, $\frac{1}{4}$ от 22% в суммировалась бы к его заработной плате).

2) Возложить обязанность на работодателя по уведомлению каждого работника в письменной форме об изменениях в законодательстве, а также о праве работника сделать выбор, подав письменно одно из заявлений об участии в такой системе обязательного пенсионного страхования или об отказе от нее.

Несмотря на то, что проведенный анализ налогового законодательства и изменения затрагивают налоговые правоотношения, которые возникли до 1 января 2023 года, принятые поправки к слиянию Пенсионного фонда России и Фонда социального страхования в Фонд пенсионного и социального страхования РФ, а также поправки по введению единого тарифа страховых взносов в размере 30% (ч. 3 ст. 425 НК РФ) – не устранили существовавшие проблемы правового регулирования. Наоборот, ввиду того, что тарифы страховых взносов по обязательному пенсионному страхованию, обязательному социальному страхованию, обязательному медицинскому страхованию соединили в единый тариф (в размере 30%) с предусмотрением единого солидарного тарифа (в размере 15,1%), размер солидарного тарифа в части обязательного пенсионного страхования также вырос (72,8% (п. 2 ч. 1 ст. 22 ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в РФ») от 15,1% = 10,99% вместо прежних 10%). Поэтому сформулированные ретроспективные предложения могут использоваться при реформировании действующего налогового законодательства.

Рассматривая реформирование системы обязательного пенсионного страхования, следует затронуть изменения в системе добровольного пенсионного страхования. Цель таких изменений – обратить внимание граждан именно на систему добровольного пенсионного страхования и НПФ. Такой новеллой, с одной стороны, может стать появление нормы права, апробированной в Германии, позволяющей оформить возврат 50% добровольных взносов при изменении страны проживания или иных обстоятельствах, указывающих на отсутствие желания или возможности пенсионного страхования (учет интересов работника). С другой стороны, следует отменить страховую ставку в размере 19,4% как составной части 30%, взыскиваемую на формирование накопительной пенсии, в случае, если застрахованное лицо выбрало вариант формирования и накопительной, и страховой пенсий (учет интересов работодателя). Такая мера принимается с целью снятия дополнительных расходов работодателя на пенсионное обеспечение

работника и стимулирования работника самостоятельно обращаться в НПФ для формирования накопительной пенсии по старости и увеличения общего дохода после выхода на пенсию в будущем.

Анализируя иные пути решения поднятой проблемы налогообложения малого и среднего предпринимательства, возникал еще один способ реформирования – снижение действовавшей страховой ставки в размере 22% (сбор последующего эмпирического материала проводился в период возникновения налоговых правоотношений до 1 января 2023 года) за счет экономического изменения элементов формулы расчета данной страховой ставки. С целью обнаружения самой математической формулы расчета были направлены обращения в Пенсионный Фонд России и Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации. В официальных ответах (№ 3–12253–5613/11959 от 09.11.2021 [18] и № 17–4/ООГ-1332 от 03.11.2021 [19] соответственно) не был разъяснен поставленный нами вопрос:

1) Ответ ПФР состоял из цитирования действующего законодательства, а также не содержал его разъяснения;

2) Ответ Минтруда РФ состоял из обоснования соответствия действующих тарифов страховых взносов нынешнему социально-экономическому развитию.

Полученные ответы не содержат информации о составляющих элементах формулы расчета данных страховых взносов, что не позволяет продолжать развивать соответствующий способ реформирования налогового законодательства.

Подводя итог, следует сказать, что возможны разные пути реформирования действующего налогового законодательства, а именно: устранение неэффективно действующих тарифов страховых взносов; распределение налоговых обязанностей между работодателем и работником (а не только их возложение на работодателя); предоставление права возврата части уплаченных денежных средств в НПФ при смене места жительства застрахованного лица; снятие обязанности с работодателя по уплате части накопительной пенсии за работника со своих доходов и ее возложение на работника; введение легальной методики расчета достойного уровня жизни.

Литература

1. Статистика по государственной регистрации ЮЛ и ИП в целом по Российской Федерации // ФНС России. 01.12.2023. – Режим доступа: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/regstats/ (дата обращения: 01.12.2023)
2. Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства // ФНС России. 01.12.2023. – Режим доступа: <https://rmsp.nalog.ru/statistics.html> (дата обращения: 01.12.2023)
3. Налоговый Кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ // Собр.

- законодательства Рос. Федерации. – 2000. – № 32. – ст. 3340
4. Налоговый Кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2000. – № 32. – ст. 3340
 5. О страховых тарифах на обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов: федеральный закон от 19.12.2022 № 517-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2022. – № 52. – ст. 9347
 6. О страховых тарифах на обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний на 2006 год: федеральный закон от 22.12.2005 г. № 179-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2005. – № 52 (часть I). – ст. 5592
 7. О бюджете Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов: федеральный закон от 05.12.2022 № 467-ФЗ // Собр. Законодательства Рос. Федерации. – 2022. – № 50 (Часть III). – ст. 8761
 8. О бюджете Федерального фонда обязательного медицинского страхования на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов: федеральный закон от 05.12.2022 № 468-ФЗ // Собр. Законодательства Рос. Федерации. – 2022. – № 50 (Часть III) (Часть III). – ст. 8762
 9. Better Life Index // OECD. 15.01.2022. – Режим доступа: <https://www.oecdbetterlifeindex.org> (дата обращения: 01.12.2023)
 10. Doing Business // The World Bank. 01.12.2023. – Режим доступа: <https://databank.worldbank.org/source/doing-business> (дата обращения: 01.12.2023)
 11. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2002. – № 1 (часть I). – Ст. 1
 12. Омелёхина Н.В. Достоинство личности в системе финансово-правовых ценностей [Электронный ресурс] // Н.В. Омелёхина – М.: Журнал российского права, 2019. № 11 – С. 106–120 – Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41857021> (дата обращения: 01.01.2023)
 13. Шайхутдинова Г.Р. Понятие достойного уровня жизни по Европейской социальной хартии: теоретико-правовой анализ [Электронный ресурс] // Г.Р. Шайхутдинова – М.: Правовая политика и правовая жизнь, 2012. № 3 – С. 97–100 – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-dostoyrnogo-urovnyua-zhizni-po-evropeyskoj-sotsialnoy-hartii-teoretiko-pravovoy-analiz> (дата обращения: 01.12.2023)
 14. Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации: федеральный закон от 15.12.2001 г. № 167-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2001. – № 51. – ст. 4832
 15. О предельной величине базы для исчисления страховых взносов на обязательное социальное страхование на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством и на обязательное пенсионное страхование с 1 января 2022 г.: постановление Правительства РФ от 16.11.2021 № 1951 // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2021. – № 47. – ст. 7857
 16. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий: федеральный закон от 03.10.2018 г. № 350-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2018. – № 41. – ст. 6190
 17. Riedmüller. B. The old age pension insurance systems of Germany, the United Kingdom, The Netherlands, Italy, Switzerland and Poland in comparison / B. Riedmüller. – Freie Universität Berlin: FB Politik- und Sozialwiss, 2003. – Режим доступа: https://www.polsoz.fu-berlin.de/polwiss/forschung/systeme/sozialpol/ressourcen/Comparison_Pension.pdf – P. 4 (дата обращения: 01.12.2023)
 18. Ответ на обращение в ПФР от 9 ноября 2021 г. № 3–12253–5613/11959
 19. Ответ на обращение в Минтруда РФ от 3 ноября 2021 г. № 17–4/ООГ–1332

Legal regulation of the development of the taxation system for small and medium-sized businesses

Vorobets A.A., Zottsev D.V.
Novosibirsk State University

In the article, the authors analyze modern Russian legislation on taxes and fees in order to identify the relative ineffectiveness of the set of legal norms regulating the business activities of small and medium-sized businesses. The relevance of the issues raised is associated with the significant role of precisely such subjects in the formation of civil circulation and economic development of the state. The authors identify the consequences of the current tax legislation, which negatively affects the implementation of their entrepreneurial activities by small and medium-sized businesses. The study covers retrospective and prospective aspects of the implementation of tax and legal norms. Particular attention is paid to legal issues regarding insurance premiums for compulsory pension insurance. Ways to solve emerging legislative problems are taken based on the need to take into account the balance of interests of three significant social groups: employees, employers, and current pensioners.

Keywords: insurance premiums, state extra-budgetary funds, Laffer curve, balance of interests, tax legal relations.

References

1. Statistics on state registration of legal entities and individual entrepreneurs in the Russian Federation as a whole // Federal Tax Service of Russia. 12/01/2023. – Access mode: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/reg-stats/ (access date: 12/01/2023)
2. Unified register of small and medium-sized businesses // Federal Tax Service of Russia. 12/01/2023. – Access mode: <https://rmsp.nalog.ru/statistics.html> (access date: 12/01/2023)
3. Tax Code of the Russian Federation (part two) dated 05.08.2000 No. 117-FZ // Collection. Russian legislation Federation. – 2000. – No. 32. – Art. 3340

4. Tax Code of the Russian Federation (part two) dated 05.08.2000 No. 117-FZ // Collection. Russian legislation Federation. – 2000. – No. 32. – Art. 3340
5. On insurance tariffs for compulsory social insurance against industrial accidents and occupational diseases for 2023 and for the planning period of 2024 and 2025: federal law of December 19, 2022 № 517-FZ // Collection. Russian legislation Federation. – 2022. – № 52. – Art. 9347
6. On insurance tariffs for compulsory social insurance against industrial accidents and occupational diseases for 2006: federal law of December 22, 2005 № 179-FZ // Collection. Russian legislation Federation. – 2005. – № 52 (part I). – Art. 5592
7. On the budget of the Pension and Social Insurance Fund of the Russian Federation for 2023 and for the planning period of 2024 and 2025: federal law of December 5, 2022 № 467-FZ // Collection. Legislation of Russia Federation. – 2022. – № 50 (Part III). – Art. 8761
8. On the budget of the Federal Compulsory Medical Insurance Fund for 2023 and for the planning period of 2024 and 2025: federal law of December 5, 2022 № 468-FZ // Collection. Legislation of Russia Federation. – 2022. – № 50 (Part III) (Part III). – Art. 8762
9. Better Life Index // OECD. 01/15/2022. – Access mode: <https://www.oecdbetterlifeindex.org> (access date: 12/01/2023)
10. Doing Business // The World Bank. 12/01/2023. – Access mode: <https://databank.worldbank.org/source/doing-business> (access date: 12/01/2023)
11. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of December 30, 2001 № 195-FZ // Collection. Russian legislation Federation. – 2002. – № 1 (part I). – Article 1
12. Omelyokhina N.V. Personal dignity in the system of financial and legal values [Electronic resource] // N.V. Omelyokhina – M.: Journal of Russian Law, 2019. No. 11 – P. 106–120 – Access mode: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41857021> (date of access: 01/01/2023)
13. Shaikhutdinova G.R. The concept of a decent standard of living according to the European Social Charter: theoretical and legal analysis [Electronic resource] // G.R. Shaikhutdinova – M.: Legal policy and legal life, 2012. No. 3 – P. 97–100 – Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-dostoynogourovnyya-zhizni-po-evropeyskoy-sotsialnoy-hartii-teoretiko-pravovoy-analiz> (date of access: 12/01/2023)
14. On compulsory pension insurance in the Russian Federation: federal law of December 15, 2001 № 167-FZ // Collection. Russian legislation Federation. – 2001. – № 51. – Art. 4832
15. On the maximum value of the base for calculating insurance contributions for compulsory social insurance in case of temporary disability and in connection with maternity and for compulsory pension insurance from January 1, 2022: Decree of the Government of the Russian Federation of November 16, 2021 № 1951 // Collection. Russian legislation Federation. – 2021. – № 47. – Art. 7857
16. On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation on issues of assignment and payment of pensions: federal law of October 3, 2018 № 350-FZ // Collection. Russian legislation Federation. – 2018. – № 41. – Art. 6190
17. Riedmüller. B. The old age pension insurance systems of Germany, the United Kingdom, The Netherlands, Italy, Switzerland and Poland in comparison / B. Riedmüller. – Freie Universität Berlin: FB Politik- und Sozialwiss, 2003. – Access mode: https://www.polsoz.fu-berlin.de/polwiss/forschung/systeme/sozial-pol/ressourcen/Comparison_Pension.pdf – P. 4 (date access: 12/01/2023)
18. Response to the appeal to the Pension Fund of November 9, 2021 No. 3–12253–5613/11959
19. Response to the appeal to the Ministry of Labor of the Russian Federation dated November 3, 2021 № 17–4/OOG-1332

Правовое регулирование комплексного развития территории жилой застройки в Китайской Народной Республике

Игошкина Мария Евгеньевна,

студент, кафедра конституционного и муниципального права Института философии и права ФГАОУ ВО «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет»
E-mail: igoshckina.maria@yandex.ru

Исаенко Алена Сергеевна,

студент, кафедра гражданского права Института философии и права, ФГАОУ ВО «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет»
E-mail: alena_isaenko@mail.ru

В научной статье осуществлен анализ реализации комплексного развития территории жилой застройки на примере Китайской Народной Республики. В ходе исследования ставятся проблемы обоснованности проведения мероприятий по комплексному развитию территории жилой застройки и реализации прав и свобод человека и гражданина при проведении таких мероприятий. Проведён анализ судебной практики по вопросам реновации, рассмотрены особенности порядка её проведения в Китайской Народной Республике. По результатам научной работы сформулированы выводы и рекомендации, направленные на совершенствование правового регулирования в сфере комплексного развития территории жилой застройки в Российской Федерации.

Ключевые слова: комплексное развитие территории, жилая застройка, реновация, Китайская Народная Республика, городская среда, права человека.

С принятием федерального закона от 30.12.2020 № 494-ФЗ «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях обеспечения комплексного развития территорий» начался процесс разработки и корректировки нормативных правовых актов, предусматривающих реализацию программы комплексного развития территории жилой застройки. Реновация направлена на обеспечение благоустроенным и комфортным жильем граждан, проживающих в многоквартирных домах, признанных аварийными и подлежащими сносу [6].

Развитие современного общества и активное внедрение цифровых технологий ведут к развитию агломераций. Сбер провёл исследование, в котором обозначил, что к 2035 году 80 млн человек, включая прирост 30 млн человек, будут жить в агломерациях, которые станут ключевой экономической единицей. Данные события могут привести к формированию концепции «государство в государстве» и появлению новых агломераций на границе с Китаем [10].

Практика проведения мероприятий по реновации формируется не только в России, но и за рубежом с учетом национальных особенностей. В Китайской сети городского планирования в мае 2023 года была размещена информация о реконструкции старых городских жилых кварталов. Согласно руководящим положениям по реновации старых городских жилых кварталов, опубликованных Главным управлением Государственного совета Китая в 2020 году, старые городские жилые кварталы относятся к жилым районам и отдельно стоящим жилым зданиям в городах, которые нуждаются в ремонте ввиду их ненадлежащего технического состояния и содержания, нехватки муниципальных объектов и несовершенства объектов общественного обслуживания. Планируется, что все перечисленные старые городские жилые кварталы, построенные до конца 2000 года, будут реконструированы в течение срока действия 14-й пятилетки [8].

В Китайской народной республике одобрены руководящие положения по активному и неуклонному преобразованию городских поселков (деревень) в крупные мегаполисы. Планировка так называемых городских поселков является беспорядочной, они плотно застроены ветхими домами, при этом коммунальные услуги отсутствуют, наблюдаются плохие экологические и санитарные условия, вместе с этим такие кварталы сильно отличаются от городских центров.

Преобразование включает не только снос дома и последующее строительство коммерческого жилья или жилья для переселения, но и мероприятия по поддержке общественной инфраструктуры, защите исторического и культурного наследия. Подразумевается предоставление гарантированного жилья в соответствии с определенной пропорцией.

Преобразование городских поселков поможет устранить недостатки в городском управлении и строительстве, повысить качество городской среды и общественных услуг, восполнить недостатки развития крупных мегаполисов, привлечь инвестиции и увеличить внутренний спрос, а также способствовать высококачественному развитию города и повысить уровень развития городской цивилизации. Вместе с этим обновление города включает в себя обновление трех основных пространств, а именно жилого пространства, общественного и промышленного пространства. Подразумевается проведение мероприятий по улучшению образования, культуры, досуга, торговли и озеленения.

Руководящие положения по реконструкции старых городских жилых районов закрепляют следующие принципы реновации [2]:

Принцип ориентации на людей, в том числе запрос, анализ, синтез и учет интересов жителей, повышение качества оказания государственных услуг, таких как медицинское обслуживание, уход за пожилыми людьми и детьми. Важным аспектом является содействие строительству безопасной, комфортной и комплексной инфраструктуры с системой управления.

Принцип баланса мобилизации всех заинтересованных сторон реновации и добровольности участия. Предлагается проводить мероприятия по созданию «красивой окружающей среды и совместной счастливой жизни», с целью стимулирования энтузиазма и инициативы жителей в рамках преобразований, мобилизации социальных сил в обществе, поддерживающих преобразования. Данные меры должны быть направлены на совместное принятие решений, совместную разработку и строительство, совместное управления строительством, а также совместную оценку последствий и обмен результатами.

Принцип приоритета и защиты исторического наследия. Необходимо реализовывать требования по охране и ремонту исторических зданий, защитить исторические и культурные районы, улучшить условия жизни и качество городской среды, сохраняя исторический контекст.

А также принципы адаптации и учета местным особенностям; четкого целеполагания и планирования реновации; долгосрочного управления.

Содержание трансформации старых городских жилых районов можно разделить на три категории: базовое, улучшенное и продвинутое.

Базовый класс. Преобразование осуществляется в целях удовлетворения основных жизненных потребностей жителей и потребностей в безопасности. Содержание мероприятий в основном заключается в ремонте и модернизации муници-

пальной вспомогательной инфраструктуры и обслуживании зданий, её частей, таких как кровля, наружные стены и лестницы. Преобразование и модернизация муниципальной вспомогательной инфраструктуры включает преобразование и модернизацию систем водоснабжения, водоотведения, электроснабжения, дорог, газоснабжения, отопления, противопожарной защиты, безопасности, объектов хранения бытовых отходов, мобильной связи и другой инфраструктуры.

Улучшенный класс. Преобразование осуществляется в целях комфортного проживания и улучшения жилищных условий. Проводятся мероприятия по строительству жилых домов и вспомогательных сооружений, реконструкции зданий с применением энергосберегающих мер и установкой лифтов, обновлению городской среды, в том числе осуществляется снос самовольных построек. Делается акцент на улучшение городского озеленения и освещения, создание безбарьерной среды, парковочных мест, электрических велосипедов и зарядных устройств для автомобилей, умных почтовых ящиков, объектов культуры и досуга, спортивных центров и других вспомогательных объектов.

Продвинутый класс. Преобразование направлено на расширение предложений общественных услуг и улучшение качества жизни. В основном осуществляется вспомогательное строительство объектов общественного обслуживания и их интеллектуальная трансформация, включая преобразование или строительство учреждений здравоохранения, образовательных учреждений, объектов социального обслуживания, осуществляющих уход за пожилыми людьми и детьми, организаций питания, ведения домашнего хозяйства и уборки, круглосуточных рынков, магазинов и пунктов доставки.

В целях преобразования городских поселков в крупных мегаполисах Министерство природных ресурсов Китайской Народной Республики сделало акцент на повышении эффективности землепользования, более активном использовании земель запаса и промышленных земель, также поставлена задача повторного освоения различных типов неэффективных земель. Пилотные проекты по восстановлению неэффективного землепользования были осуществлены в 43 городах, например в Пекине.

В Гуанчжоу при проработке проектов по преобразованию обращаются к принципам эффективного рынка, перспективного правительства, «чистой» передачи земли, обращаются к скоординированному землепользованию, связанному с созданием правительством предприятий для превращения «сырой земли», которую необходимо снести и выровнять, в «приготовленную землю», которую можно продать. В Шэньчжэне обратились к сочетанию преобразования городских поселков и развития доступного арендного жилья [9].

Действует закон о городском и сельском планировании Китайской Народной Республики

от 27.10.2023, который закрепляет правовые основы преобразования и планирования территорий, а также необходимость при реконструкции старых городских районов защищать исторические и культурные ценности, наследие и традиционный стиль, разумно определять масштабы сноса и строительства, реконструировать места концентрации ветхих домов с развитой инфраструктурой [1].

Правительство Ханьдзяня сформулировало «Трехлетний план действий по преобразованию городских деревень», а сельский комитет Синьчжуан подписал соглашения с жителями о переселении и выплатил компенсации [4].

Вместе с этим начинается складываться судебная практика. В одном деле Высший народный суд провинции Хэнань отметил, что пересмотр таких актов как административное соглашение о компенсации за переезд и переселение часто не имеет правовой и нормативной базы, представляет собой в большой мере проверку рациональности, а не законности. До тех пор, пока он не нарушает положения законов и не ущемляет важные имущественные права граждан, он не может быть ограничен принципами приоритета права и правовой оговорки [3].

В другом деле Верховный народный суд Китайской Народной Республики подчеркнул, что проекты по сносу и реконструкции городских поселков, осуществляемые под руководством правительства с целью улучшения городской среды, повышения благоустроенности города и содействия экономическому и социальному развитию города, по своему содержанию носят административный характер. Принудительный снос улучшил условия жизни людей, проживавших в снесенных домах, а также территорию, при этом высвободившиеся открытое общественное пространство было экспроприровано в соответствии с законом, в данном случае непосредственным субъектом выгоды стало правительство. Принудительный снос домов с целью преобразования, осуществляемый сельским комитетом, следует считать осуществленным по поручению правительства.

Также суд пришел к выводу, что осуществление предварительной экспроприации с целью реновации, обходя процедуры коллективной экспроприации, противоречит цели закона об управлении земельными ресурсами, при этом правительство района Цяоси принудительно снесло дома вне своих полномочий и нарушило соответствующие процессуальные положения административного законодательства [5].

Стоит отметить, что ученые из Китайской Народной Республики изучают правовые аспекты комплексного преобразования жилой территории. Реновация соприкасается с правом на город, связанным с городским развитием и ролью людей в таком развитии. При этом жители в процессе урбанизации приобрели комплекс политических, экономических и социальных прав, защита которых считается недостаточной. Политические права позволяют жителям проявляться в качестве субъ-

екта, экономические права являются основной гарантией на участие в производстве и экономических отношениях, а социальные права направлены на реализацию принципа равенства и справедливости. Поскольку реновации подлежит сельская местность в городе, возникает необходимость обеспечить равные права на городской и сельской территории.

Осуществление интеграции между городом и сельской местностью должно осуществляться под руководством правительства в условиях защиты систем социального обслуживания и социального обеспечения сельских жителей, которые потеряли свою землю в соответствии с законом, наравне с городскими жителями [7].

Таким образом, опыт Китайской Народной Республики может быть учтен при реализации программ реновации в Российской Федерации. В частности, необходимо уделить большее внимание организации мероприятий по созданию позитивного образа реновации, реализации мероприятий с учетом предложений граждан, а также осуществлять расселение жителей в новые дома в пределах квартала, в котором они проживали ранее.

Литература

1. Law of the People's Republic of China on Urban and Rural Planning: Order of the President of the People's Republic of China 27.10.2023 № 74.
2. Guiding Opinions of the General Office of the State Council on Comprehensively Promoting the Transformation of Old Urban Communities. Issued by the State Department 10.07.2020 № 23.
3. Validity of the compensation Agreement for demolition and Resettlement signed during the renovation of Urban Villages – Bu Jianping v. Jinshui District Government and Others to confirm the invalidity of the administrative agreement: Judgment of Henan High Court 21.10.2019.
4. General request to confirm that the urban village renovation act is illegal and the litigation request is not clear: Supreme Court case 30.12.2019.
5. The compulsory demolition of the old village renovation carried out for land expropriation shall be deemed to be entrusted to the implementation: Supreme Court case 30.06.2020.
6. Игошкина М.Е., Прощалыгин Р.А. Некоторые аспекты реализации жилищной политики в рамках программы комплексного развития территории жилой застройки // Семейное и жилищное право. 2022. № 6. С. 40–43.
7. Lu Wenfei. Status quo, Causes, and Path: An exploration of the spatial rights of villagers under the vision of urban villages. School of Marxism, Hehai University, Nanjing, Jiangsu.
8. Urban planning society of China. URL: <https://en.planning.org.cn/upsc/view?id=956> (дата обращения: 12.12.2023).
9. Urban village transformation benefits the people and expands domestic demand, Economic Dai-

ly. URL: <https://www.gov.cn/> (дата обращения: 12.12.2023).

10. Презентация ПАО Сбербанк «Будущее 2035+».

LEGAL REGULATION OF THE INTEGRATED DEVELOPMENT OF RESIDENTIAL AREAS IN THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA

Igoshkina M.E., Isaenko A.S.

Novosibirsk National Research State University

The scientific article analyzes the implementation of the integrated development of residential development on the example of the People's Republic of China. In the course of the study, the problems of the validity of carrying out measures for the integrated development of residential development and the realization of human and civil rights and freedoms during such events are raised. The analysis of judicial practice on renovation issues is carried out, the peculiarities of the procedure for its implementation in the People's Republic of China are considered. Based on the results of the scientific work, conclusions and recommendations aimed at improving legal regulation in the field of integrated development of residential development in the Russian Federation are formulated.

Keywords: integrated development of the territory, residential development, renovation, People's Republic of China, urban environment, human rights.

References

1. Law of the People's Republic of China on Urban and Rural Planning: Order of the President of the People's Republic of China 27.10.2023 № 74.
2. Guiding Opinions of the General Office of the State Council on Comprehensively Promoting the Transformation of Old Urban Communities. Issued by the State Department 10.07.2020 № 23.
3. Validity of the compensation Agreement for demolition and Resettlement signed during the renovation of Urban Villages – Bu Jianping v. Jinshui District Government and Others to confirm the invalidity of the administrative agreement: Judgment of Henan High Court 21.10.2019.
4. General request to confirm that the urban village renovation act is illegal and the litigation request is not clear: Supreme Court case 30.12.2019.
5. The compulsory demolition of the old village renovation carried out for land expropriation shall be deemed to be entrusted to the implementation: Supreme Court case 30.06.2020.
6. Igoshkina M.E., Proschalygin R.A. Some aspects of the implementation of housing policy within the framework of the program of integrated development of residential development // Family and housing law. 2022. № 6. pp. 40–43.
7. Lu Wenfei. Status quo, Causes, and Path: An exploration of the spatial rights of villagers under the vision of urban villages. School of Marxism, Hehai University, Nanjing, Jiangsu.
8. Urban planning society of China. URL: <https://en.planning.org.cn/upsc/view?id=956>.
9. Urban village transformation benefits the people and expands domestic demand, Economic Daily. URL: <https://www.gov.cn/>.
10. Presentation of the Sberbank «The Future 2035+».

Карпов Кирилл Александрович,

ассистент кафедры финансового права, Университет имени
О.Е. Кутафина (МГЮА)

E-mail: Karpov.moscow@gmail.com

В статье проводится анализ финансово-правового статуса розничного инвестора. Разработка данного понятия обусловлена использованием в доктрине финансового права, правоприменительной практике сходных по содержанию понятий: неквалифицированный инвестор или розничный инвестор. Использование этих двух словосочетаний создает определенное различие у Банка России, Минфина России, Федерального казначейства и иных органов государственной власти Российской Федерации. В свою очередь, легализация данного участника фондового рынка позволит привлечь значительные денежные сбережения граждан на национальный рынок ценных бумаг, что станет подтверждением стабильного и устойчивого развития государства на следующие десятилетия.

Ключевые слова: розничный инвестор, биржа, НДФЛ, квалифицированный инвестор, санкции, дружественные страны, доверительное управление, инвестиции, Банк России, манипулирование, Ситуационный центр мониторинга биржевых торгов.

Введение

В Российской Федерации в связи с дальнейшим развитием рыночных отношений прослеживается значительное развитие рынка ценных бумаг, что подтверждается соответствующей официальной статистикой фондовых бирж России. Так, количество розничных инвесторов, зарегистрированных на ПАО «Московская биржа», увеличилось многократно: с 1,8 млн физических лиц в декабре 2017 года до 27,5 млн человек к концу сентября 2023 года.

Данная тенденция связана с достаточно долгим для Российской истории периодом понижения ключевой ставки Центральным банком Российской Федерации (Банком России) в 2020 году, а также с введением с 1 января 2021 года 13% НДФЛ на процентные доходы со вкладов более чем на 1 миллион российских рублей, также как и на доходы со вкладов, процентная ставка которых превышает за отчетный период ключевую ставку Банка России. Кроме того, на увеличение количества уникальных инвесторов повлияла и общедоступность электронных платформ – все действия, включая подписание договора о брокерском обслуживании, могут быть совершены дистанционно. Данная ситуация стала возможной в том числе благодаря поддержке мировых экономик посредством снижения ключевых ставок основными центральными банками государств мира, а именно: Европейским центральным банком и Федеральной резервной системой США (далее – ФРС). Более того активное применение монетарной политики количественного смягчения (Quantitative easing – QE) позволила нивелировать падение фондовых рынков в марте 2020 года, также как и перед выборами президента США 3 ноября 2020 года. К примеру, баланс ФРС с начала 2020 года по июль 2022 года увеличился более, чем в два раза: с 4 трлн долл. США до 8,9 трлн долл. США, что стало самым существенным увеличением за последние двенадцать лет. Можно говорить о том, что экономическая теория, претерпевает значительные изменения – рынки ценных бумаг de facto «оторваны от реальности» [4]. Так, по верному замечанию И.В. Сталина, одни постулаты, которые использовались, ранее уступают место более современным догмам, возникающим на базе новых экономических условий. В том числе, из-за введенных против Российской Федерации недружественными странами санкций для граждан нашей страны стали затруднены или запрещены операции с ценными бумагами на площадках этих стран [5]. В свою очередь, россияне проявляют интерес к инвестированию на Российских фондовых площадках или биржах дружественных стран (Белоруссия, ОАЭ, КНР, и др.)

По данным Национальной ассоциации участников фондового рынка (далее – НАУФОР) к концу 2020 года совокупная сумма инвестиций граждан Российской Федерации в финансовые инструменты на фондовом рынке достигла более, чем 6 трлн российских рублей. Это сумма увеличилась практически вдвое по сравнению с 2019 годом – тогда объем инвестиций составлял чуть более 3,2 трлн рублей [6]. По мнению руководства Банка ВТБ (ПАО), в последующие годы продолжится рост инвестиций населения Российской Федерации на фондовый рынок, увеличившись еще на 8 трлн рублей.

В абсолютных величинах население инвестирует на фондовом рынке достаточно небольшие суммы. К примеру, по данным Банка России на 30 сентября 2020 года у крупнейших брокеров более, чем 75,1% счетов розничных инвесторов составляют суммы до 10 тысяч рублей; 7,6% – от 10 до 100 тысяч рублей; от 100 до 1 млн рублей – 11,6%; от 1 млн рублей до 10 млн рублей – 4,7% и оставшаяся часть – счета от 10 млн рублей. Более того на основании указанных выше данных количество брокерских счетов, открытых лицами мужского пола, существенно превышает то количество, которое было открыто женщинами. Объем активов на этих счетах у мужчин также больше, чем у женщин [6]. На основании проведенного исследования Центральным банком Российской Федерации по итогам 2021 календарного года, можно сделать несколько важных выводов. В первую очередь, фондовый рынок в большей степени интересен гражданам РФ от 20 до 40 лет. К примеру, от общего количества розничных инвесторов-мужчин люди в возрасте от 20 до 40 лет составляют 64%, в то время как среди инвесторов-женщин 55%. Также отметим, что существует определенная гендерная особенность распределения объемов активов среди женщин и мужчин. Мужчинам принадлежит около 74% всех вложений на рынке ценных бумаг, женщинам – 26%. Однако женщины более успешно инвестируют на фондовом рынке: 51,5% женщин имеют положительную доходность, в том время как мужчины – 50,7%. Более того, женщины меньше совершают сделок с иностранными ценными бумагами, чем мужчины.

Подходы к понятию «розничный инвестор»

В российском законодательстве отсутствует легально-закрепленное определение розничных инвесторов. На данный момент существует два вида инвесторов, которые имеют достаточно близкое терминологическое значение, а именно: квалифицированный и неквалифицированный. Важно учитывать, что в большинстве методических документов Центрального банка Российской Федерации, в науке финансового права и экономической науке используется понятие «розничный инвестор». Однако в большинстве таких источников не дается определение данному термину [7].

Говоря о нормативно-правовом регулировании, отметим, что в большинстве соответствующих документов упоминается слово «инвестор». К примеру, ранее в Постановлении Правительства РСФСР от 28.12.1991 года № 78 «Об утверждении Положения о выпуске и обращении ценных бумаг и фондовых биржах в РСФСР» под инвестором понимался – «гражданин или юридическое лицо, приобретающее ценные бумаги от своего имени и за свой счет. Иностранцы граждане и юридические лица могут выступать на рынке ценных бумаг в РСФСР в качестве инвесторов в соответствии с законодательством РСФСР об иностранных инвестициях». Также инвесторы – физические лица упоминались в Указе Президента РФ от 16 сентября 1997 года № 1034 «Об обеспечении прав инвесторов и акционеров на ценные бумаги в Российской Федерации и в Постановлении Правительства РФ от 17 июля 1998 года № 785 «О Государственной программе защиты прав инвесторов на 1998–1999 годы». В Федеральном законе от 22.04.1996 года № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» и Федеральном законе от 5 марта 1999 года № 46-ФЗ «О защите прав и законных интересов инвесторов на рынке ценных бумаг» также есть упоминание об инвесторе, как о юридическом или физическом лице без упоминания слова «розничный». Более того, в статье 1 Конвенции СНГ от 28 марта 1997 года «О защите прав инвестора» под инвестором понимается не только физическое лицо, но и государство и юридическое лицо, которое осуществляет вложения собственных, заемных или привлеченных средств в форме инвестиций. Впоследствии в Распоряжении Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2008 года № 2043-р «Об утверждении стратегии развития финансового рынка РФ на период до 2020 года» розничным инвесторам был посвящен отдельный пятый раздел [8]. В документе упоминалось, что под розничными инвесторами следует понимать население – граждан РФ, которые осуществляют сделки на рынке ценных бумаг. Также предлагалось создать специальный компенсационный фонд для защиты этих инвесторов от потерь на финансовом рынке.

Позднее в нормативных актах и иных документах Банка России помимо словосочетания «розничный инвестор» стало использоваться такое понятие, как «неквалифицированный инвестор». В информационном письме Банка России от 15 декабря 2020 года № ИН-01–59/174 «О недопустимости предложения сложных инвестиционных продуктов неквалифицированным инвесторам» под неквалифицированным инвестором понимается физическое лицо, которое не является квалифицированным инвестором [9].

Обращаясь к трудам ученых, хотим отметить, что не существует единого мнения (концепции) у представителей правовой и экономической науки об определении того, как следует определять розничного инвестора [3]. В большинстве работ говорится о том, что розничным инвестором является физическое лицо, которое не обладает специ-

альными знаниями в сфере финансовых рынков. Отсутствие данных знаний приводит к определенным рискам для розничных инвесторов. Пользуясь их низкой финансовой грамотностью, повышается интерес среди лиц, которые не являются профессиональными участниками рынка ценных бумаг по «консультированию», манипулированию и в том числе по «доверительному управлению» брокерскими счетами граждан Российской Федерации. Эти случаи находятся на контроле Банка России и специализированного подразделения – Ситуационный центр мониторинга биржевых торгов Банка России. В рамках данного органа в режиме реального времени специалисты анализируют новостной фон и открытые источники информации и отслеживают ход торгов. Также осуществляется мониторинг активности блогеров и Telegram-каналов. В этом центре происходит предварительный анализ любого события, которое может быть расценено как нерыночное. Если специалистами центра будут выявлены признаки инсайдерской торговли или манипулирования рынком, то проводится проверка данной деятельности, которая занимает ориентировочно шесть-восемь месяцев, но некоторые проверки по стандартным ситуациям проводятся в течение полутора-двух месяцев.

Представители российской экономической науки, А.А. Земцов и В.Ю. Цибулькинова, опираясь на зарубежный опыт правового регулирования розничных инвесторов, считают, что к данным субъектам относятся физические лица, которые совершают сделки купли-продажи ценных бумаг для извлечения личной выгоды, которая не связана с осуществлением предпринимательской деятельности. М.М. Яцковский считает, что под розничным инвестором понимается физическое лицо, самостоятельно или через механизмы доверительного управления ведущее инвестиционную деятельность за счет собственных средств и полностью присваивающее результаты инвестиций [10].

Целесообразно заметить, что вопрос о легальном закреплении статуса розничного инвестора, в том числе как субъекта финансовых правоотношений находит свое отражение в дальнейшей деятельности мегарегулятора – Банка России. В сентябре 2020 года был создан совещательно-консультативный орган по вопросам защиты прав розничных инвесторов в России. В соответствии с пунктом 2.4 приказа Банка России от 7 сентября 2020 года № ОД-1450 «О создании при Банке России Экспертного совета по защите прав розничных инвесторов» есть указание на то, что в состав данного органа могут быть включены розничные инвесторы, которые являются физическими лицами, являющиеся представителями розничных инвесторов – юридических лиц. В утвержденный список участников данного совета, заметим, что в него входят представители Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, юридических лиц, в частности: некоммерческие организации, российские образовательные организации высшего образования, представители

фондовых бирж, брокеров, саморегулируемых организаций (далее – СРО) в сфере финансового рынка и фондов. Более того, в данном списке упоминаются физические лица, представляющие свои личные интересы, как «частные инвесторы». Следовательно, можно говорить о том, что под розничным инвестором следует понимать именно частного инвестора, то есть исключительно физическое лицо [2].

Для комплексного сравнения различных видов инвесторов целесообразно уделить внимание такому виду инвесторов, как квалифицированные. Так, на основании статьи 51.2 Федерального закона от 22.04.1996 года № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» под квалифицированным видом инвесторов понимаются как различного рода юридические лица, так и физические лица. В соответствии с частью 4 статьи 51.2 упомянутого федерального закона физическое лицо может быть признано квалифицированным инвестором только при соблюдении определенных нормативных требований. Приведем несколько основных требований. У данного лица должен быть опыт работы в российских и (или) иностранных организациях, которые совершают сделки с ценными бумагами и (или) заключают договоры с деривативами. Также физическому лицу должно принадлежать имущество на общую сумму, которая установлена в нормативном акте Банка России. На основании пункта 2.1.4 Указания Банка России от 29 апреля 2015 года № 3629-У «О признании лиц квалифицированными инвесторами и порядке ведения реестра лиц, признанных квалифицированными инвесторами» размер имущества должен быть не менее 6 миллионов рублей с ограничениями, которые установлены данным пунктом. Также согласно пункту 2.1.5 данного нормативного акта Банка России квалифицированный инвестор, являющийся физическим лицом, должен иметь высшее экономическое образование, которое может быть подтверждено соответствующим документом, выданным организацией, которая осуществляет аттестацию граждан в сфере профессиональной деятельности на рынке ценных бумаг или иным документом, указанным в данном пункте.

Проведя сравнение квалифицированного инвестора с розничным, еще раз подчеркнем, что именно у розничных инвесторов нет соответствующих знаний, образования и в большинстве своем опыта осуществления сделок на рынке ценных бумаг. Согласимся с позицией Банка России о необходимости повышения финансовой грамотности, включая их знания о финансовых рынках [1]. Целесообразно проводить предварительное тестирование розничных инвесторов, в том числе, на основе разработанных документов Центральным Банком Российской Федерации.

Заключение

Таким образом, основываясь на различных точках зрения, с целью превенции дальнейших проблемных

ситуаций, которые могут возникнуть на российском рынке ценных бумаг, считаем, что под розничным инвестором следует понимать, физическое лицо (частный инвестор), действующее в своем интересе, которое осуществляет сделки на рынке ценных бумаг самостоятельно либо посредством доверительного управления, либо иными, установленными законодательством Российской Федерации способами. Также розничный инвестор по объему инвестиций уступает квалифицированному инвестору.

Разработка данного понятия обусловлена использованием в доктрине финансового права, правоприменительной практике сходных по содержанию понятий: неквалифицированный инвестор или розничный инвестор. Так, использование этих двух словосочетаний создает определенное различие у Банка России, Минфина России, Федерального казначейства и иных органов государственной власти Российской Федерации. В свою очередь, легализация данного участника фондового рынка позволит привлечь значительные денежные сбережения граждан на национальный рынок ценных бумаг, что станет подтверждением стабильного и устойчивого развития государства на следующие десятилетия.

Литература

1. Гузнов А.Г., Рождественская Т.Э. Организации финансового рынка и финансово-правовые механизмы урегулирования их несостоятельности. М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. – 304 с.
2. Земцов А.А., В.Ю. Цибульникова. О защите прав розничных инвесторов в сегменте российского рынка ценных бумаг // Вестник Томского государственного университета. Экономика. – 2016. – № 3 (35). – С. 110.
3. И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР. Государственное издательство политической литературы при Совете Министров СССР. Москва. 1952. 92 с.
4. Миркин Я.М., Хестанов С.А., Андрющенко А.О., Волкова А.Д. Массовое поведение розничных инвесторов // Вестник Финансового университета. – 2015. 3. – С. 100–106.
5. Мольдерф М.С. Виртуальная торговая система как инструмент повышения финансовой грамотности населения // Проблемы современной экономики (Новосибирск). – 2013. – 16. – С. 90–93.
6. Обзор биржевого и внебиржевого товарного рынка 2022 год и I квартал 2023 года. Банк России. – 2023. – С. 2–3.
7. Портрет клиента брокера. Банк России. Департамент инвестиционных финансовых посредников. 2022. С. 1–20.

8. Публичное банковское право. Учебник для магистров. М. Проспект. 2019. С. 448.
9. Риски финансовой безопасности: правовой формат: монография / отв. ред. И.И. Кучеров, Н.А. Поветкина. – М.: ИЗИСП: Норма: ИНФРА-М, 2018. // 304 с.
10. Яцковский М.М. Розничный инвестор на Российском рынке ценных бумаг // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 8–1. С. 262–264.

PUBLIC LEGAL STATUS OF A RETAIL INVESTOR IN THE RUSSIAN FEDERATION

Karpov K.A.

Moscow State Law University

The article analyzes the financial and legal status of a retail investor. The development of this concept is due to the use of concepts similar in content in the doctrine of financial law, law enforcement practice: an unqualified investor or a retail investor. The use of these two phrases creates a certain discrepancy among the Bank of Russia, the Ministry of Finance of Russia, the Federal Treasury and other state authorities of the Russian Federation. In that case, the legalization of this participant in the stock market will attract significant monetary savings of citizens to the national securities market, which will confirm the stable and sustainable development of the state for the next decades.

Keywords: retail investor, stock exchange, personal income tax, qualified investor, sanctions, friendly countries, trust management, investments, Bank of Russia, manipulation, situational monitoring Center for stock trading.

References

1. Guznov A.G., Rozhdestvenskaya T.E. Financial market organizations and financial and legal mechanisms for resolving their insolvency. M.: Norm: INFRA-M, 2016. – 304 p.
2. Zemtsov A.A., V.Y. Tsybulnikova. About protection of the rights of retail investors in the segment of the Russian securities market // Bulletin of Tomsk State University. Economy. – 2016. – № 3 (35). – P. 110.
3. Stalin. Economic problems of socialism in the USSR. The State Publishing House of Political Literature under the Council of Ministers of the USSR. Moscow. 1952. 92 p.
4. Mirkin Ya.M., Khestanov S.A., Andryushchenko A.O., Volkova A.D. Mass behavior of retail investors // Bulletin of the Financial University. – 2015. 3. – pp. 100–106.
5. Molderf M.S. Virtual trading system as a tool for improving financial literacy of the population // Problems of modern economy (Novosibirsk). – 2013. – 16. – pp. 90–93.
6. Overview of the exchange and over-the-counter commodity market in 2022 and the first quarter of 2023. The Bank of Russia. – 2023. – p.2–3.
7. Portrait of the broker's client. The Bank of Russia. Department of Investment Financial Intermediaries. 2022. p.1–20.
8. Public banking law. Textbook for masters. M. Prospect. 2019. p. 448.
9. Financial security risks: legal format: monograph / ed. by I.I. Kucherov, N.A. Povetkina. – M.: IZISP: Norm: INFRA-M, 2018. // 304 p.
10. Yatskovsky M.M. Retail investor in the Russian securities market // Actual problems of humanities and natural sciences. 2015. No. 8–1. pp. 262–264.

Козерог Ирина Юрьевна,

специалист, Высшая школа менеджмента, Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: lus85@mail.ru

В статье систематизированы особенности международного и национального правового регулирования вопросов телемедицины. Обосновано, что международный уровень регулирования дистанционных медицинских услуг формируется общепринятыми нормами о правах человека, связанных с личной информацией, и правах на здоровье, а также рекомендациями Всемирной организации здравоохранения. Отмечено, что сфера правового регулирования дистанционных медицинских услуг как элемента правовой системы охраны здоровья человека на международном уровне формируется специальными нормами концептуального, модельного, стратегического, организационного, политического и прочего содержания. Аргументировано, что российские правовые механизмы сферы телемедицины в составе правовой системы здравоохранения формируются нормами различных уровней регулирования на основе общепринятых международных норм и положений Конституции РФ, федерального законодательства. Обозначена классификация трех видов правовых норм сферы телемедицины по предмету регулирования: нормы сферы информационной безопасности, ограничивающие оборот медицинских данных; предписания сферы охраны здоровья об условиях оказания медицинской помощи человеку; специальные нормы сферы дистанционной медицины о многоотраслевом порядке разработки, внедрения, развития телемедицинских услуг.

Ключевые слова: дистанционные медицинские услуги, телемедицина, информационная безопасность, охрана здоровья, цифровое развитие.

Ощутимый прогресс цифровых технологий предопределяет возникновение новых компетенций, трансформацию профессионального развития в различных отраслях экономики, включая инновационные изменения в сфере здравоохранения. Прогресс информационных технологий (далее – ИТ) оказывает позитивное влияние на социальную сферу охраны здоровья граждан, формируя цифровой сегмент телемедицинских услуг, реализация которых необходима в ряде случаев и выгодна для развития всей сферы медицины по множеству направлений.

Вместе с этим, цифровизация сферы здравоохранения сопровождается ростом соответствующих рисков. Финансовые риски в этом сегменте обусловлены несовершенством инструментов оплаты дистанционных медицинских услуг. Организационные риски связаны с ошибками при постановке диагноза без личного контакта с пациентом. Информационные риски определяются недостаточной степенью защиты персональных медицинских данных. Правовые риски характеризуются отсутствием закрепленной законом ответственности за нанесенный ущерб от неполадок при проведении телемедицинских процедур. Технологические риски обусловлены устаревшим ИТ-оборудованием и отсутствием специальных цифровых навыков у специалистов-врачей и пациентов [16, с. 62].

Поэтому представляется важным исследование вопросов правового регулирования сферы оказания медицинских услуг с помощью телемедицинских технологий.

В рамках международно-правового регулирования основ телемедицины действуют общепринятые документы в двух сферах прав человека: прав, связанных с личной (медицинской) информацией [3], [4] и прав человека на охрану его здоровья [1], [2], [5].

Специальной конвенции, декларации международного уровня в сфере цифрового здравоохранения, включающей вопросы телемедицины, пока не издано, но Всемирной организацией здравоохранения (далее – ВОЗ) разработаны, опубликованы Сводное руководство по телемедицине 2022 года [19] и др. документы рекомендательного характера о регулировании отношений в сегменте телемедицины. В частности, в Основах внедрения телемедицинской услуги, разработанных в 2017 году (далее – Основы ВОЗ [18]), обобщены основные компоненты электронного (цифрового) здравоохранения:

1) медицинская информатика, используемая для интеграции сетей с медицинской информацией, распределенных систем электронных историй болезни и др. данных;

2) телемедицина, технологии которой применяются для обеспечения взаимодействия пациентов, их врачей с другими специалистами, поставщиками медицинских услуг для получения дополнительного мнения, экспертного заключения и реализации др. дистанционных услуг медицинского характера;

3) электронное обучение с использованием ИТ для предоставления возможностей обучения медицинским работникам и гражданам;

4) электронная коммерция и управление, связанные с бизнес-асpekтами здравоохранения для осуществления цифровых транзакций и др. коммерческих операций, административных процедур в дистанционном режиме.

В Основах ВОЗ с учетом терминологии, представленной в 2010 году [17], обозначена ключевая дефиниция в рассматриваемой сфере: телемедицина – это подсистема предоставления в интересах укрепления здоровья человека медицинских услуг, для которых расстояние является критическим фактором, медицинскими работниками, использующими информационно-коммуникационные технологии для обмена достоверной информацией с целью диагностики, лечения и профилактики заболеваний, травм, проведения исследований и оценки здоровья человека, а также с целью обеспечения непрерывного образования в области здравоохранения [18].

Вместе с терминологией Основы ВОЗ определяют следующие базовые рекомендации разработки правовых механизмов телемедицины:

- концептуальные правила регламентации подсистемы и услуг телемедицины с учетом сегментов их применения, преимуществ, барьеров, международных инициатив;
- модельные (типовые) нормы внедрения телемедицинской службы с учетом многоотраслевого содержания, национальных и региональных особенностей, институциональных условий, места цифровых медицинских компетенций в глобальной экономике знаний;
- стратегические правила установления: потребностей и задач телемедицины, определения необходимых данных для дистанционного взаимодействия, правового статуса конечных пользователей, правового режима предоставления услуг, порядка решения организационных вопросов, перечня источников информации телемедицины, порядка анализа результатов телемедицины, комплекса мер обеспечения устойчивости телемедицинской службы;
- организационные предписания в отношении периода ИТ-преобразований, стадии внедрения телемедицинских услуг, мероприятий управления изменениями, создания координационной группы и пр.;
- политико-правовые нормы формирования государственной (местной) политики в сфере телемедицины с учетом: потенциальных преимуществ и недостатков применения ИТ-средств для нужд здравоохранения; имеющихся по-

требностей, ресурсов и организационных моделей; актуальных задач государственной политики здравоохранения;

- динамические правила развития телемедицинской службы, включающие: нормативно-правовые вопросы безопасности; технологические и инфраструктурные вопросы, условия функциональной совместимости и ресурсного обеспечения;
- контрольно-аналитические требования, регулирующие: порядок контроля, оценки, оптимизации инструментов, процедур телемедицины; условия наблюдения за работой телемедицинской службы; порядок развития исследований по вопросам телемедицины.

Исходя из вышеизложенных данных, можно сформулировать следующие выводы.

Во-первых, международный уровень регулирования дистанционных медицинских услуг формируется общепринятыми нормами двух видов прав человека (прав, связанных с личной информацией, и прав на здоровье), а также рекомендациями ВОЗ, в которых обозначены актуальные правовые аспекты формирования, развития системы телемедицины.

Во-вторых, сфера правового регулирования дистанционных (цифровых) медицинских услуг как элемента правовой системы охраны здоровья человека, согласно документам ВОЗ, формируется специальными нормами концептуального, модельного, стратегического, организационного, политического и пр. содержания.

Национальную систему регламентации телемедицины целесообразно разделить на конституционно-правовую, федеральную, региональную, местную и корпоративную уровни.

В соответствии с положениями ч. 1 ст. 24 Конституции РФ [6] в России запрещается оборот информации о частной жизни человека без его разрешения. Частную информацию, как разъяснил Конституционный Суд РФ [14], среди прочего составляют сведения о здоровье человека, что детализировано положениями ст. 13 Основ охраны здоровья граждан в РФ (далее – Основы [7]) и ч. 1 ст. 10 Федерального закона «О персональных данных» [8]. При этом сфера информационных отношений согласно п. «и» ст. 71 Основного Закона РФ входит в предмет ведения системы органов федеральной власти.

Указанные нормы формируют конституционно-правовую основу ограниченного порядка использования в России медицинской информации о здоровье человека, которая является одним из основных элементов телемедицинских услуг и регулируется федеральным законодательством.

Вместе с этим положения ст. 41 Конституции РФ провозглашают конституционные гарантии реализации прав человека на охрану здоровья с получением соответствующей медицинской помощи. Скоординированное обеспечение указанных конституционных гарантий согласно п. «ж» ч. 1 ст. 72 Основного закона РФ регулируется подзаконными-

ми актами органов федеральной власти и органов власти субъектов РФ. Нормы ч. 1 ст. 132 Конституции РФ, в свою очередь, предусматривают муниципальные полномочия в рамках обеспечения доступности медпомощи на местном уровне.

Обозначенные конституционно-правовые положения в сфере охраны здоровья детализируются требованиями Основ, др. законов и подзаконных актов.

Следовательно, конституционно-правовая основа регулирования прав человек на здоровье, включая и сферу телемедицинских услуг, определяет регламентацию этой сферы отношений на федеральном, региональном и местном уровнях.

Специальные нормы сферы дистанционной медицины, устанавливающие многоотраслевые национальные правила разработки, внедрения, развития телемедицины, в настоящее время фрагментарно регулируются положениями различных законов и подзаконных актов.

Основные федеральные требования к подсистеме телемедицины изложены в ст. 36.2 Основ, которая определяет:

1) полномочия Минздрава России определять Порядок организации, оказания медицинской помощи в рамках телемедицины (далее – Порядок [10]) с учетом действующих медицинских стандартов; это правило отражает компетентный характер регулирования норм подсистемы телемедицины;

2) две цели консультаций с применением телемедицинских технологий: профилактической цели (сбор, анализ данных анамнеза, оценка лечебно-диагностических мероприятий, наблюдение за здоровьем); практической цели принятия решения в части очного осмотра, приема, консультации;

3) условие коррекции назначенного ранее лечения по результату проведения дистанционных консультаций, если диагноз и порядок лечения установлены при очном осмотре, приеме, консультации; это предписание характеризует ограничительный аспект правового регулирования телемедицины;

4) требование к документированию данных об оказании телемедицинских услуг с применением квалифицированной усиленной электронной подписи компетентного медицинского работника; указанная норма определяет технологический характер подсистемы регламентации телемедицины; и т.д.

Детализация указанных федеральных требований приводится в нормах постановления Правительства РФ № 1164 от 2023 года в части организации правового экспериментального режима с использованием телемедицинских технологий [9] и ведомственного Порядка [10], определяющего правовые механизмы: организации подсистемы телемедицины; виды, формы и условия оказания телемедицинских услуг; проведения дистанционных консилиумов (консультаций) врачей-специалистов в режимах реальных, экстренных, плановых условий; обеспечения доступности телемедицинских технологий; и т.д.

Например, в п. 12 Порядка [10] обозначены категории медицинской помощи, в рамках которой могут применяться телемедицинские технологии: при проведении медико-санитарной первичной помощи; при осуществлении высокотехнологичной специализированной медицинской помощи; в случае оказания специализированной скорой медицинской помощи; при проведении паллиативных мероприятий медицинской помощи.

Правила п. 14 Порядка [10] определяют три формы проведения врачебных консилиумов (консультаций) с использованием технологий телемедицины:

- экстренная форма врачебных консилиумов (консультаций) проводится в случае острых внезапных заболеваний, обострений хронических болезней, которые сопровождаются угрозой для жизни больного;
- неотложная форма врачебных консилиумов (консультаций) применяется в случае острых внезапных заболеваниях, обострения хронических болезней без наличия угрозы для жизни больного;
- плановая форма врачебных консилиумов (консультаций) используется в рамках осуществления профилактических мероприятий, в случае заболевания, которое не характеризуется угрозой для жизни пациента, не требует неотложной, экстренной медицинской помощи и может переноситься на определенный срок без ухудшения состояния здоровья больного.

Подробные разъяснения условий исполнения указанного Порядка обозначены в письме Минздрава России № 18–2/0579 от 2018 года [11].

Наличие специальных положений закона и разноразрядных подзаконных актов, регламентирующих на федеральном уровне порядок оказания телемедицинских услуг, отражает системный характер регулирования в России рассматриваемых отношений сегмента цифрового здравоохранения [15, с. 126].

То есть, федеральные правовые механизмы подсистемы телемедицины, установленные ст. 36.2 Основ [7], формируются нормами компетентного, целевого, ограничительного, технологического характера, которые детализируются в подзаконных актах и разъяснениях компетентных органов власти.

В качестве примера региональных норм, определяющих особенности предоставления телемедицинских услуг в определенном субъекте РФ можно указать ведомственный приказ московского Департамента здравоохранения № 580 от 2023 года о профильных телемедицинских услугах по нефрологическим, онкологическим, гематологическим и ревматологическим заболеваниям (далее – Приказ [12]). Положения этого объемного документа определяют: Регламент осуществления телемедицинских проактивных консультаций системы здравоохранения Москвы в рамках специализированной первичной медико-санитарной помощи по указанным 4 профилям; Перечень государственных

медицинских организаций Москвы, предоставляющих телемедицинские проактивные консультации по нефрологическим, онкологическим, гематологическим и ревматологическим заболеваниям; Перечень лекарственных средств, которые могут назначаться в рамках телемедицинских проактивных консультаций по нефрологическим, онкологическим, гематологическим и ревматологическим заболеваниям.

Также стоит привести пример корпоративного документа в сфере телемедицины. Так в п. 2.2 Устава ГБУЗ г. Москвы «НПКЦ диагностики, телемедицинских технологий» [13] установлены цели деятельности этого бюджетного учреждения, включающие среди прочего организацию предоставления медицинской помощи с использованием телемедицинских технологий для повышения качества оказания такой помощи. В рамках реализации этой цели организовано предоставление трех видов телемедицинских услуг: дистанционного экспертного консультирования; дистанционного консилиума с участием от 3 специалистов; плановой удаленной консультации.

Анализ обозначенных данных о национальных особенностях правового регулирования телемедицины позволяет сформулировать следующие выводы.

Во-первых, российские правовые механизмы сферы телемедицины в составе правовой системы здравоохранения формируются нормами различных уровней регулирования (конституционного, федерального, регионального, местного, корпоративного) на основе общепринятых международных норм о правах человека (прав, связанных с личной информацией, и прав на здоровье) и с учетом рекомендаций ВОЗ об особенностях формирования, развития системы телемедицины.

Во-вторых, подсистема правовых норм сферы телемедицины разрабатывается, развивается на основе положений ст. 24, 41, 72, 132 Конституции РФ, ст. 13, 36.2 Основ [7], ч. 1 ст. 10 Федерального закона «О персональных данных» [8] и соответствующих подзаконных актов системного характера.

В-третьих, классификация трех видов правовых норм сферы телемедицины по предмету регулирования включает: нормы сферы информационной безопасности, регламентирующие ограниченный порядок использования медицинских данных; предписания сферы охраны здоровья, определяющие общие условия оказания медицинской помощи человеку; специальные нормы сферы дистанционной медицины, устанавливающие многоотраслевые правила разработки, внедрения, развития телемедицины.

Литература

1. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. 10 декабря 1998.
2. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 12, 1994.
3. Конвенция о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных (заключена в г. Страсбурге 28.01.1981) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 5. Ст. 419.
4. Окинавская хартия глобального информационного общества (принята на о. Окинава 22.07.2000) // Дипломатический вестник. 2000. № 8. С. 51–56.
5. Устав (Конституция) Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) (принят в г. Нью-Йорке 22.07.1946, с изм. от 24.05.1973). [Электронный ресурс], URL: <https://www.who.int/ru/about/accountability/governance/constitution> (дата обращения 16.12.2023).
6. Конституция РФ, принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). Официальный интернет-портал правовой информации. <http://www.pravo.gov.ru>, 06.10.2022 (дата обращения: 16.12.2023).
7. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 24.07.2023) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.
8. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 06.02.2023) «О персональных данных» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3451.
9. Постановление Правительства РФ от 18.07.2023 № 1164 (ред. от 18.07.2023) «Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций и утверждении Программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по направлению медицинской деятельности, в том числе с применением телемедицинских технологий и технологий сбора и обработки сведений о состоянии здоровья и диагнозах граждан» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 30. Ст. 5693.
10. Приказ Минздрава России от 30.11.2017 № 965н «Об утверждении порядка организации и оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий». [Электронный ресурс], официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 10.01.2018 (дата обращения 16.12.2023).
11. Письмо Минздрава России от 09.04.2018 № 18–2/0579 «О порядке организации и оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий». [Электронный ресурс], URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения 16.12.2023).

12. Приказ Департамента здравоохранения г. Москвы от 30.05.2023 № 580 «Об организации проведения проактивных телемедицинских консультаций в медицинских организациях государственной системы здравоохранения города Москвы, оказывающих первичную специализированную медико-санитарную помощь по профилям «онкология», «гематология», «нефрология», «ревматология» взрослому населению». [Электронный ресурс], URL: <https://www.mos.ru/dzdrav/documents/department-acts/view/287890220/> (дата обращения 16.12.2023).
13. Устав Государственного Бюджетного Учреждения Здравоохранения Города Москвы «Научно-Практический Клинический Центр Диагностики И Телемедицинских Технологий Департамента Здравоохранения Города Москвы» (утвержден приказом Департамента здравоохранения Москвы № 570 от 2022 года). [Электронный ресурс], URL: <https://telemedai.ru/biblioteka-dokumentov/ustav-gbuz-npkc-dit-dzm> (дата обращения 16.12.2023).
14. Постановление Конституционного Суда РФ от 25.05.2021 N22-П «По делу о проверке конституционности пункта 8 части 1 статьи 6 Федерального закона «О персональных данных» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «МедРейтинг» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 22. Ст. 3915.
15. Винокурова М.А. О применении системного подхода в правовом регулировании телемедицинских технологий / М.А. Винокурова, Т.В. Пашнина // Журнал российского права. 2022. № 6. С. 126–139.
16. Дворядкина Е.Б. Регулирование и перспективные направления диверсификации телемедицинских услуг в России / Е.Б. Дворядкина, А.О. Фечина // Управленец. Т. 14, № 2. 2023. С. 62–75.
17. World Health Organization. Global Observatory for eHealth Series.v. 2. Geneva: WHO; 2010. [Электронный ресурс], URL: http://www.who.int/goe/publications/ehealth_series_vol2/en/ (дата обращения 16.12.2023).
18. Framework for the implementation of a telemedicine service (2017). [Электронный ресурс], URL: https://iris.paho.org/bitstream/handle/10665.2/28414/9789275119037_eng.pdf (дата обращения 12.12.2023).
19. Consolidated telemedicine implementation guide. 09.11.2022. WHO. [Электронный ресурс], URL: <https://www.who.int/publications/i/item/9789240059184> (дата обращения 12.12.2023).

ON THE ISSUE OF REGULATION OF REMOTE MEDICAL SERVICES

Kozerog I. Yu.
St. Petersburg State University

The article systematizes the features of international and national legal regulation of telemedicine issues. It is proved that the international level of regulation of remote medical services is formed by

generally accepted norms on human rights related to personal information and rights to health, as well as recommendations of the World Health Organization. It is noted that the sphere of legal regulation of remote medical services as an element of the legal system of human health protection at the international level is formed by special norms of conceptual, model, strategic, organizational, political, and other content. It is argued that the Russian legal mechanisms in the field of telemedicine as part of the legal system of healthcare are formed by norms of various levels of regulation based on generally accepted international norms and provisions of the Constitution of the Russian Federation and federal legislation. The classification of three types of legal norms in the field of telemedicine on the subject of regulation is indicated: norms in the field of information security restricting the circulation of medical data; prescriptions in the field of health protection on the conditions of medical care to a person; special norms in the field of remote medicine on the multidisciplinary procedure for the development, implementation, and development of telemedicine services.

Keywords: remote medical services, telemedicine, information security, health protection, digital development.

References

1. The Universal Declaration of Human Rights (adopted by the UN General Assembly on 10.12.1948) // Rossiyskaya Gazeta. December 10, 1998.
2. The International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights (adopted on 12/16/1966 by Resolution 2200 (XXI) at the 1496th plenary session of the UN General Assembly) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. № 12, 1994.
3. Convention on the Protection of Natural Persons in the automated processing of personal data (concluded in Strasbourg on 28.01.1981) // Collection of legislation of the Russian Federation. 2014. No. 5. Article 419.
4. The Okinawa Charter of the Global Information Society (adopted on fr. Okinawa 22.07.2000) // Diplomatic Bulletin. 2000. No. 8. pp. 51–56.
5. The Charter (Constitution) of the World Health Organization (WHO) (adopted in New York on 07/22/1946, with amendments. dated 05/24/1973). [Electronic resource], URL: <https://www.who.int/ru/about/accountability/governance/constitution> (accessed 12/16/2023).
6. The Constitution of the Russian Federation was adopted by popular vote on December 12, 1993 (with amendments approved during the all-Russian vote on 07/01/2020). The official Internet portal of legal information. <http://www.pravo.gov.ru>, 06.10.2022 (accessed: 12/16/2023).
7. Federal Law No. 323-FZ dated 11/21/2011 (as amended on 07/24/2023) “On the basics of protecting the health of citizens in the Russian Federation” // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2011. No. 48. St. 6724.
8. Federal Law No. 152-FZ dated 07/27/2006 (as amended on 02/06/2023) “On personal data” // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2006. No. 31 (1 part). Article 3451.
9. Decree of the Government of the Russian Federation dated 07/18/2023 No. 1164 (ed. dated 07/18/2023) “On the establishment of an experimental legal regime in the field of digital innovations and approval of the Program of an experimental legal regime in the field of digital innovations in the field of medical activity, including using telemedicine technologies and technologies for collecting and processing information about the state of health and diagnoses of citizens” // Assembly legislation of the Russian Federation. 2023. No. 30. St. 5693.
10. Order of the Ministry of Health of the Russian Federation dated 11/30/2017 No. 965n “On approval of the procedure for the organization and provision of medical care using telemedicine technologies”. [Electronic resource], the official Internet portal of legal information <http://www.pravo.gov.ru>, 10.01.2018 (date of appeal 12/16/2023).
11. Letter of the Ministry of Health of the Russian Federation dated 04/09/2018 No. 18–2/0579 “On the procedure for organizing and providing medical care using telemedicine technologies”. [Electronic resource], URL: <https://www.consultant.ru> / (accessed 12/16/2023).
12. Order of the Moscow Department of Health dated 30.05.2023 No. 580 “On the organization of proactive telemedicine consultations in medical organizations of the State healthcare sys-

- tem of the city of Moscow providing primary specialized medical care in the fields of “oncology”, “hematology”, “nephrology”, “rheumatology” to the adult population”. [Electronic resource], URL: <https://www.mos.ru/dzdrav/documents/department-acts/view/287890220> / (accessed 12/16/2023).
13. The Charter of the State Budgetary Healthcare Institution of the City of Moscow “Scientific and Practical Clinical Center for Diagnostics and Telemedicine Technologies of the Department of Health of the City of Moscow” (approved by Order of the Moscow Department of Health No. 570 dated 2022). [Electronic resource], URL: <https://telemedai.ru/biblioteka-dokumentov/ustav-gbuz-npkc-dit-dzm> (accessed 12/16/2023).
 14. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 05/25/2021 No. 22-P “In the case of checking the constitutionality of paragraph 8 of part 1 of Article 6 of the Federal Law “On Personal Data” in connection with the complaint of the limited liability company “MedReyting” // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2021. No. 22. St. 3915.
 15. Vinokurova M.A. On the application of a systematic approach in the legal regulation of telemedicine technologies / M.A. Vinokurova, T.V. Pashnina // Journal of Russian Law. 2022. N6. pp. 126–139.
 16. Dvoryadkina E.B. Regulation and promising directions of diversification of telemedicine services in Russia / E.B. Dvoryadkina, A.O. Fechina // Manageret. Vol. 14, No. 2. 2023. pp. 62–75.
 17. World Health Organization. Global Observatory for eHealth Series.v. 2. Geneva: WHO; 2010. [Electronic resource], URL: http://www.who.int/goe/publications/ehealth_series_vol2/en / (accessed 12/16/2023).
 18. Framework for the implementation of a telemedicine service (2017). [Electronic resource], URL: https://iris.paho.org/bitstream/handle/10665.2/28414/9789275119037_eng.pdf (accessed 12.12.2023).
 19. Consolidated telemedicine implementation guide. 09.11.2022. WHO. [Electronic resource], URL: <https://www.who.int/publications/i/item/9789240059184> (accessed 12.12.2023).

Скаридов Александр Станиславович,

профессор кафедры Международного морского и таможенного права Севастопольского государственного университета, зав. кафедрой Международного и морского права ГУМРФ им. адмирала С.О. Макарова
E-mail: alexskar94@hotmail.com

Можно приобрести судно в одной юрисдикции и его зарегистрировать, однако со временем, при заходе в порт иного государства вполне реально получить уведомление о незаконном владении в связи с тем, что судно числится в регистре последнего. Считается, что принятая 7 декабря 2022 года Конвенция ООН «О международных последствиях продажи судов в судебном порядке» (получившая также название «Пекинская конвенция о продаже судов в судебном порядке») направлена на придание международной силы купле-продаже судов в судебном порядке, оставляя за государством право принимать решение о регистрации судов, исходя из принятых ранее решений иностранными судебными инстанциями. В статье автор анализирует положения иностранного законодательства и норм упомянутой конвенции в контексте гармонизации процедуры купли-продажи судов в судебном порядке.

Ключевые слова: Трансграничное признание регистрации судов, купля-продажа судов, обеспечение исполнения морского требования, судебные решения в отношении споров о регистрации судов.

Судоходная отрасль в течение многих лет сталкивалась с проблемами, связанными с признанием судебной продажи судов иностранным судом. Проблема заключалась в том, что после принятия судом решения о принудительной продаже судна новый приобретатель должен получить «чистый» титул, свободный от всех обременений, однако на практике покупатель мог столкнуться с претензиями кредиторов, возникшими до судебной продажи и с трудностями при удалении судно из предыдущего реестра или при последующей перерегистрации в другой юрисдикции.

Частично, попытка правовой регламентации отношений по уведомлению о принудительной продаже судов была предпринята в рамках Брюссельской конвенции «Об унификации некоторых правил, касающихся морских ипотек и морского залогового права» 1967 года. Отдельные вопросы, в частности об уведомлении о принудительной продаже (статья 11) и последствий о принудительной продаже (статья 12) детерминированы в Международной конвенции о морских залогах и ипотечках 1993 года. Вместе с тем, понятие «принудительная продажа судна» в международно-правовом отношении осталось не детерминированным, равно как и не были определены правила международного признания судебной продажи судов.

Национальные юрисдикции по-разному детерминируют последствия «принудительной продажи судна». Закон США «О коммерческих инструментах и морских залогах» («CIMLA», 46 U.S.C. § § 31301–31343), а также «Дополнительные правила по адмиралтейским и морским претензиям и искам о конфискации активов» определяет, что привилегированная ипотека судна представляет собой «залоговое удержание заложенного судна в размере непогашенной ипотечной задолженности, обеспеченной этим судном» (46 U.S.C. § 31325(a)). Согласно законодательству США, привилегированная ипотека «(A) означает ипотеку, которая является предпочтительной ипотекой в соответствии с (46 U.S.C. § 31322)...; и (B) также означает... ипотеку, ипотеку или аналогичный залог, установленный в качестве обеспечения иностранного судна, если ипотека, ипотека или аналогичный залог были оформлены в соответствии с законодательством иностранного государства, по законам которого право собственности на судно имеет документы и зарегистрировано в соответствии с этими законами в публичном реестре в порту регистрации судна или в центральном офисе» (46 U.S.C. § 31301(6))

См. 46 C.F.R. § 67.77(a) («Когда право собственности на судно перешло по решению суда, этот переход должен быть подтвержден копиями соответ-

ствующего судебного постановления(й), заверенными должностным лицом суда»)»

Когда судно продается по приказу окружного суда в рамках гражданского иска, «любое требование в отношении судна, существующее на дату продажи, прекращается, включая посессорное залоговое удержание и судно продается свободным от всех этих требований» (46 U.S.C. § 31326(a)). В американской судебной юрисдикции если судебная продажа судна, происходит на территории США, покупатель подает в Национальный центр документирования Береговой охраны США заверенную копию соответствующего постановления суда (46 C.F.R. § 67.77(a)), и этого достаточно для установления факта продажи судна. Аналогичным образом, ранее существовавшие обременения в отношении судна, зарегистрированного в США, проданного на судебном аукционе окружным судом США, будут сняты с передачей заверенной копией приказа о подтверждении. В случае судов, зарегистрированных в США, проданных на судебных аукционах судами за пределами США, обременения будут сняты с учета после подачи «копии постановления суда компетентной юрисдикции, заверенной должностным лицом суда, заявляющим право собственности на судно должно быть свободным и чистым, или объявить обременение недействительным, или постановить снять обременение с учета» (46 C.F.R. § 67.263(б)).

Аналогичные положения можно найти в морских законах Либерии (Морской закон Либерии (RLM-107), § 102 (07/2018)) и Маршалловых Островов (Закон о морском судоходстве Республики Маршалловы Острова 1990 г. (MI-107), § 304 (ред. Октябрь 2016 г.)), которые входят в десятку стран с самыми крупными реестрами зарегистрированных морских судов. В других странах, например в Китае, «принудительная продажа» может осуществляться на аукционе, проводимом правительственным агентством, таким, например, как таможня. И этот вид продажи или аукциона проводится без какого-либо участия или контроля со стороны суда (Абзац 2, подпункт 3 статьи 9 Регламента КНР «О введении таможенного администрирования» (Regulations of the People's Republic of China on Implementing Customs Administrative)).

Комиссия ООН по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ) при разработке Конвенции ООН «О международных последствиях продажи судов на основании судебного решения» 2022 года (далее – Конвенция о продаже судов) исходила из важности международного судоходства, высокой капиталоемкостью судна и значимости судебного решения как одного из средств обеспечения исполнения морских требований.

Конвенция о продаже судов призвана обеспечить передачу «чистого» право собственности на судно покупателю» (статья 1. Цель). Она построена на амбициозной предпосылке, что «адекватная правовая защита покупателей может положительно повлиять на цену, реализуемую при продаже судов в судебном порядке, в интересах как судов-

ладельцев, так и кредиторов, включая держателей залога и лиц, финансирующих покупку судна» (Пreamбула Конвенции).

Основное положение Конвенции гласит, что осуществленная в одном государстве-участнике продажа на основании судебного решения, следствием которой является предоставление покупателю необремененного права собственности, имеет такое же последствие в каждом другом государстве-участнике (статья 6). Устанавливаемый Конвенцией режим предусматривает дополнительные положения, определяющие порядок придания силы последствиям продажи на основании судебного решения после ее завершения. Во-первых, требуется по просьбе покупателя удалить судно из судового реестра или перерегистрировать его (статья 7). Во-вторых, устанавливается запрет на арест судна на основании требования, возникшего в связи с ранее существовавшим правом или интересом (т.е. права или интересы погашаются при продаже) (статья 8). В-третьих, исключительной юрисдикцией для рассмотрения ходатайств об оспаривании продажи на основании судебного решения наделяются суды государства продажи на основании судебного решения (статья 9). Для обеспечения функционирования этого режима и защиты прав сторон, имеющих долю в судне, Конвенцией предусматривается выдача двух документов: уведомления о продаже на основании судебного решения (статья 4) и сертификата о продаже на основании судебного решения (статья 5). Предусматривается также создание онлайн-хранилища этих документов, предоставляющего свободный доступ к содержащейся в нем информации всем заинтересованным лицам и субъектам (статья 11). [1]

Понятие «продажа на основании судебного решения» детерминировано в конвенции следующим образом.

- а) продажа должна быть предписана, одобрена или подтверждена судом или другим публичным органом при помощи либо проведения публичного аукциона, либо выполнения частноправового договора под надзором суда и при его одобрении; и
- б) поступления от продажи должны быть переданы в распоряжение кредиторов.

Континентальная доктрина вполне однозначно понимает судебное решение как акт оформления судов в установленном национальном законе порядке. В англо-американской доктрине «предписание» или «приказ» суда означает приказ компетентного суда, который требует от стороны совершить или воздержаться от совершения определенного действия». [2] При всей схожести определений, англо-американская практика более разнообразна, ей известны промежуточные судебные предписания (interlocutory injunction), временные судебные предписания (interim injunction), а также запрещающее судебное предписание (prohibitory injunction) и приказывающее судебное предписание (mandatory injunction). В этой связи, заметим, что тексту Конвенции о продаже судов не помешало бы уточнение, что судебное решение оформ-

ляется на основании действующих национальных правил, однако с недвусмысленным указанием на то, что оно содержит приказ на принудительную продажу судна.

Трансграничное или международное признание приобретения судна, проданного в судебном порядке, должно быть обеспечено соответствующей процедурой международного признания. Национальное морское сообщество стало свидетелем нескольких широко освещавшихся случаев, когда судебная продажа судна не достигла своей основной цели либо из-за проблем с правом аукционного суда передавать право собственности, либо из-за неспособности покупателя удалить судно из реестра государства его флага. В этой связи, эксперты, как правило, выделяют несколько случаев, свидетельствующих в пользу необходимости международного признания полной «очистки» судна от предыдущего владельца и флага.

(1) В 1961 году итальянский пароход «Акрукс» (Acrux) [3, с. 405] по иску французской компании был арестован в Англии. Судно было продано 27 апреля 1961 года Маршалом Адмиралтейства, однако, доходы от продажи были меньше суммы, заявленной залогодержателями и покупатель Асгук был не в состоянии обеспечить регистрацию судна в желаемой стране, потому что он не смог получить свидетельство об исключении из Итальянского реестра судов, приказ о продаже Адмиралтейского суда не был признан в Италии.

(2) В сентябре 1986 года судно «Галаксия» (Galaxias), зарегистрированное в Греции [3, с. 2] было арестовано в Канаде, и было предъявлено несколько претензий. Судно было продано согласно постановлению суда «как есть» и «свободно от всех обременений». Однако министр торгового флота Греции принял решение не исключать «Галаксию» из регистра порта Пирея чему в значительной мере способствовали претензии Союза греческих моряков.

(4) 24 июня 2005 года Тяньцзиньским морским судом КНР по заявлению парижского банка, было арестовано судно Union, зарегистрированное в Белизе для взыскания ипотеки полученной на строительство судна «Phoenix» (с целью обеспечения кредита в сумме 5 миллионов долларов США) – это прежнее название вновь зарегистрированного под именем Union. Изначально судно было зарегистрировано 4 ноября 1999 года в Сент-Винсенте и Гренадинах и далее в конце ноября 1999 года в России по бербоут-чартеру. Судно Phoenix было арестовано в мае 2003 года и продано на аукционе в ноябре 2004 года. В июне 2005 года судно было снова продано и зарегистрировано в Белизе 7 июля 2005 г. под названием Union, однако, Морским судом КНР было установлено, что ранее состоявшиеся регистрации в Винсент и Гренадины не были удалены. Для взыскания с заемщика непогашенного остатка кредита, составляющий 2 миллиона долларов США, Коммерческий суд Парижа в сентябре 2003 г. вынес решение в пользу залогодержателя, однако решение исполнено

не было и иск заемщика фактически удовлетворен не был. В иске, поданном в Китайский морской суд французским банком было заявлено, что надлежащее зарегистрированная ипотека на судно «Феникс», нынешнее название которого – «Юнион», должно быть признано Судом и подлежать исполнению на судне независимо об изменении ее имени и регистрации. Но вновь зарегистрированный владелец судна подал встречный иск в отношении возмещение расходов и ущерба, которые возникли по причине неправомерного арестом судна французским банком. В связи с тем, что ни одна из сторон не подтвердила необходимость применения иностранного законодательства (включая законы Сент-Винсента и Гренадин, КНДР и Белиза), Китайский морской суд применил законодательство КНР и постановил, что после продажи судна судом КНДР все обвинения и обременения, в том числе французские, все банковские ипотеки на судно погашены, учитывая тот факт, что регистрация судна и ипотека в Сент-Винсенте и Гренадинах не была удалена (Судебное решение 2006, Jin Gao Min Si Zhong Zi № 9).

Как видно из приведенных выше случаев, проблемы, возникающие в каждом из случаев не одинаковы, но вытекают из признания судебной продажи судов иностранным судом. Вряд ли потенциальный покупатель готов заплатить рыночную цену за судно, когда существует риск того, что ранее существовавшие претензии все еще могут быть подлежать исполнению. [4, с. 2] Из сложившейся практики очевидно, что для того, чтобы найти покупателя на судно, которое продается в порядке судебной продажи покупателю должны быть предоставлены гарантии того, что право собственности на судно, является «чистым» и находится вне обременений любого характера. По этим причинам юридические последствия судебной продажи судов должны быть подтверждена и обеспечена национальными нормативными положениями, включающими:

(1) до продажное право собственности на судно должно быть прекращено как только судебная продажа судна завершена,

(2) бывший судовладелец судна не имеет права преследовать титул любого характера в отношении судна или покупателя;

(3) ипотечные кредиты/ипотеки, морские или другие залоговые права, а также все виды обеспечительные права, закрепленные за судном до его продажи в судебном порядке, должны быть погашены,

(4) обременения, возникающие в результате чартера или контракта за пользование или аренду судна или все виды прав на пользование судном и выгода от этого, до судебной продажи, должны быть погашены;

(5) флаг и право собственности на судно, зарегистрированное на имя предпродажных владельцев судов, а также ипотечных кредитов или любых других лиц, снимаются с учета соответствующего судового регистра.

Конвенционная обязанность уведомления о продаже на основании судебного решения (статья 4), реализуется через публикацию посредством сообщения в печати или другом издании, доступном в государстве продажи. Пробелами данного положения можно считать неясность оборота информации. Не детерминирован порядок обращения в онлайн-хранилище уведомляющих документов, к которому должен быть обеспечен свободный доступ (статья 11), а также не определен порядок транснационального распространения данной информации. Минимальная информация, которая должна содержаться в уведомлении о продаже на основании судебного решения сведена в (Приложение I) и содержит всю необходимую информацию о суде (или другого публичного органа), предписавшего, одобрявшего или подтвердившего продажу на основании судебного решения, а также о самом судне. Конвенция также определила образец сертификата о продаже судов на основании судебного решения (Приложение II).

Очевидным представляется необходимость определения конкретного компетентного органа для этой цели, например ИМО. Информация о предстоящих и завершенных судебных продажах судов может быть доступна онлайн через специальный модуль на платформе Глобальной интегрированной системы информации о судоходстве (GISIS) ИМО.

Другое важное положение связано с положением (статья 5), регламентирующим порядок получения и форму сертификата о продаже на основании судебного решения (Сертификат о продаже на основании судебного решения выдается главным образом в форме образца, приведенного в приложении II), который выдается согласно законодательству государства продажи на основании судебного решения и которая проводится с соблюдением требований этого законодательства и требований конвенции. Документ свидетельствует, что новому владельцу предоставляется необремененное право собственности на судно. К недостатку положений указанной статьи можно отнести неоднозначность органа, могущего выдать такой сертификат. Например, в тексте используются следующие органы: суд; другой публичный орган, проводивший продажу на основании судебного решения, либо иной компетентный орган государства.

Пекинскую конвенцию можно отнести к международным актам, регламентирующим коммерческое судоходство. Характерно, что эксперты Комиссии ООН по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ) установили в тексте «нетипичный срок» вступления ее в силу – 180 дней после даты передачи на хранение третьего документа о ратификации, принятии, одобрении или присоединении. Возможно такая схема была принята в виду того, что среди подписантов страны (На настоящий момент Конвенцию подписали 15 стран: Китайская Народная Республика, Буркина-Фасо, Гондурас, Гренада, Кирибати, Коморские Острова, Либерия, Сан-Томе и Принсипи, Сальвадор, Саудовская

Аравия, Сенегал, Сьерра-Леоне, Сингапур, Швейцария, и Сирийская Арабская Республика), обладающие наибольшим по количеству коммерческим флотом, например, КНР, Либерия и Сингапур.

Россия не подписывала Конвенцию 2022 года. КТМ РФ детерминирует понятие «последствия принудительной продажи судна или строящегося судна», определяя, что все зарегистрированные ипотеки судна или строящегося судна, за исключением тех, которые приняты на себя покупателем с согласия их залогодержателей, все залоги и другие обременения любого рода прекращают действие в отношении судна или строящегося судна. (Статья 386). Далее КТМ РФ определяет, что в случае принудительной продажи судна или строящегося судна компетентный орган по просьбе покупателя выдает документ, удостоверяющий, что продано судно или строящееся судно, не обремененные никакими ипотеками, за исключением тех, которые приняты на себя покупателем с согласия залогодержателей. По вполне понятной причине право дальнейшей регистрации ограничено рамками российской юрисдикции. То есть, если покупателем судна является гражданин или юридическое лицо РФ, судно или право собственности на строящееся судно должно быть зарегистрировано на имя такого покупателя в соответствующем реестре в РФ. Если судно или право собственности на строящееся судно зарегистрировано в соответствующем реестре в РФ, а покупателем такого судна или строящегося судна является иностранный гражданин либо иностранное юридическое лицо, орган регистрации судна или орган регистрации права собственности на строящееся судно обязан выдать такому покупателю свидетельство об исключении судна из Государственного судового реестра (а также Российского международного реестра судов, Российского открытого реестра судов, реестра маломерных судов или об исключении права собственности на строящееся судно из реестра строящихся судов.) в целях регистрации судна или права собственности на строящееся судно в соответствующем реестре иностранного государства.

Еще одной российской проблемой является невозможность зарегистрировать в российском реестре иностранное судно, которое было конфисковано российским судом за правонарушения, связанные, например, с незаконным промыслом или иной добычей ресурсов по причине невозможности его исключения из иностранного реестра.

Как уже отмечалось, цель Пекинской конвенции решить, как минимум, две проблемы: обеспечить беспрепятственное выведение из предыдущего реестра на основании судебного решения и предотвратить повторные аресты судов по требованиям, которые возникли до принудительной продажи. Универсальное отношение государств к приведенным выше положениям, направлено на гармонизацию процедуры купли-продажи судов в судебном порядке, сохраняя при этом национальное законодательство, как основу регламентации процедуры

судебных продаж и обстоятельства, при которых судебные продажи дают чистый титул на судно, обеспечивая юридическую определенность в отношении права собственности, которое приобретает покупатель на судно во время его международного плавания.

В целом указанные обстоятельства должны способствовать международному судоходству и международной торговле, что свидетельствует о том, что принятие Конвенции шаг в правильном направлении. Учитывая трансграничный характер отрасли, Сертификат о судебной продаже может потенциально решить множество проблем, возникающих при регистрации новыми судовладельцами, однако их эффективность будет зависеть от всеобщности международной поддержки.

Литература

1. Конвенция Организации Объединенных Наций о международных последствиях продажи судов на основании судебного решения (Нью-Йорк, 2022 год) («Пекинская конвенция о продаже судов на основании судебного решения»). <https://uncitral.un.org/ru/judicialsaleofships> (дата доступа – 10.12.2023)
2. Merriam-Webster / Encyclopaedia Britannica company <https://www.merriam-webster.com/dictionary/court%20order> (дата доступа – 10.12.2023)
3. Lloyd's Law Reports / <https://www.lloydslistintelligence.com/services/reports-and-publications/lloyds-law-reports>
4. Guidelines for Maritime Legislation / UN ESCAP. – Economic and Social Commission for Asia and the Pacific, 1991. – 249 p.

5. A Brief Discussion on Judicial Sale of Ships / Henry Hai Li <https://comitemaritime.org/> (дата доступа – 10.12.2023)

CROSS-BORDER RECOGNITION OF THE SALE OF SHIPS BASED ON COURT DECISIONS

Skaridov A.S.

Sevastopol State University; State University of Murmansk and Russian Federation named after Admiral S.O. Makarov

You can purchase a ship in one jurisdiction and register it, but over time, when calling at the port of another state, it is quite possible to receive a notice of illegal possession due to the fact that the ship is listed in another register. It is believed that the UN Convention on the International Effects of the Judicial Sale of Ships (also known as the Beijing Convention on Judicial Sales), adopted on December 7, 2022, paves the way towards greater harmonisation and commercial certainty for purchasers where the judicial sale occurs in one jurisdiction and registration of that vessel is sought in another jurisdiction. In the article, the author analyzes the provisions of foreign legislation and the norms of the mentioned convention in the context of harmonization of the procedure for the purchase and sale of ships under the court decision.

Keywords: Cross-border recognition, registration of ships, purchase and sale of ships, enforcement of maritime claims, court decisions in relation to disputes regarding the registration of ships.

References

1. United Nations Convention on the International Effects of Judicial Sales of Ships (New York, 2022) (“Beijing Judicial Sales Convention”). <https://uncitral.un.org/ru/judicialsaleofships> (access date – 12/10/2023)
2. Merriam-Webster / Encyclopaedia Britannica company <https://www.merriam-webster.com/dictionary/court%20order> (access date – 12/10/2023)
3. Lloyd's Law Reports / <https://www.lloydslistintelligence.com/services/reports-and-publications/lloyds-law-reports>
4. Guidelines for Maritime Legislation / UN ESCAP. – Economic and Social Commission for Asia and the Pacific, 1991. – 249 p.
5. A Brief Discussion on Judicial Sale of Ships / Henry Hai Li <https://comitemaritime.org/> (accessed 12/10/2023)

Сравнительно-правовой анализ законодательства об административной ответственности автономных округов

Хуснутдинова Алина Ильдаровна

студент, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
E-mail: sanceleeevo163@mail.ru

В статье выяснены особенности урегулирования отношений автономных округов (АО), входящих в состав края, области, федеральным законом от 21.12.2021 № 414-ФЗ и договором между органами государственной власти АО и, соответственно, органами государственной власти края или области (договор). Обосновывается идея о том, что в России существуют два вида АО. Описывается административное законодательство АО, предоставляя анализ законов об административной ответственности в АО. Анализируя порядок образования окружных комиссий, выявлена связь между текстами актов Чукотского и Ямало-Ненецкого АО о порядке образования комиссии округа, особенно отличительное наличие статуса ответственного секретаря. Предположение было высказано о том, что нормативные правовые акты Чукотского и Ямало-Ненецкого АО имеют сходство, как и акты Ненецкого и Ханты-Мансийского АО, и предложено провести отдельное исследование для подтверждения или опровержения этого предположения.

Ключевые слова: конституционно-правовой статус, Автономные Округа, органы государственной власти, договорные отношения, властные полномочия, административная ответственность, законодательство, изменения законов, классификация правовых актов, региональные отношения.

Ст. 65 Конституции РФ обозначено, что в состав РФ входят 4 Автономных Округа (далее – АО) – Ненецкий АО, Чукотский АО, Ямало-Ненецкий АО и Ханты-Мансийский АО – Югра (далее – Ханты-Мансийский АО).

Норма ч. 4 ст. 66 Конституции РФ допускает применение процедуры урегулирования отношений автономных округов, входящих в состав края, области, федеральным законом и договором между органами государственной власти автономного округа и, соответственно, органами государственной власти края или области (далее – Договор).

Актом, устанавливающим такие отношения, является Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (далее – ФЗ-414) (ранее – Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»).

Ч. 6 ст. 41 ФЗ-414 предусмотрено, что полномочия органов государственной власти субъектов РФ, указанные в ст. 43 того же Федерального Закона – самостоятельно осуществляют полномочия по предметам ведения субъектов РФ – осуществляются органами государственной власти АО самостоятельно, «если иное не установлено Договором».

В приведенных ниже статьях ФЗ-414 выражены некоторые особенности положения АО в составе области или края. Например, АО, согласно ч. 8 ст. 41, лишается более 40 полномочий ч. 1 ст. 44 в случае не заключения Договора (они переходят к органам государственной власти области, края). Ч. 7 ст. 41 определено, что полномочия, указанные в ст. 45 и 46, органов государственной власти области или края, осуществляются на всей территории области или края, включая АО, входящий в состав области или края. К тому же не заключение Договора ведет к потере поступлений от федеральных налогов и сборов, поступающих от плательщиков на территории АО, в бюджет АО и подлежат зачислению в бюджет края или области согласно ч. 3 ст. 58.

В ст. 4 Устава Архангельской области¹ зафиксировано, что Ненецкий АО – «государственно-территориальное образование», входит в ее состав и является «субъектом РФ и одновременно составной частью области». Одновременно

¹ Устав Архангельской области от 23 мая 1995 / [Электронный ресурс] // docs.cntd.ru: [сайт]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/962000387> (дата обращения: 10.12.2023).

с этим закреплено, что область граничит с «Тюменской областью и входящим в ее состав Ямало-Ненецким АО». В то время как в Уставе Тюменской области¹ в ч. 1 ст. 1 обозначено, что в состав Тюменской области входят Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий АО, как «равноправные субъекты РФ». Можно ли считать это ошибкой законодательного органа Архангельской области? Мы полагаем – можно, ведь в Законе Архангельской области от 30 мая 2022 года № 556–35-ОЗ О поправках к Уставу Архангельской области ч. 5 ст. 1 ««граничит с <...> Тюменской областью» заменить на «граничит с <...> Тюменской областью и входящим в ее состав Ямало-Ненецким АО»» изменяется текст настоящего Устава, но это не относится к теме обсуждения.

«Можно говорить о существовании в России трех видов АО, различающихся по своему конституционно-правовому статусу. Во-первых, это Чукотский АО. Он обладает полным набором статических характеристик, позволяющих осуществлять государственную власть на своей территории в рамках Конституции РФ. Во-вторых, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий АО. Они имеют договорные отношения с Тюменской областью, участвуют в формировании органов государственной власти области, имеют с областью особые межбюджетные отношения. В-третьих, Ненецкий АО, который юридически сохранил статус АО, но фактически утратил существенные конституционно-правовые признаки субъекта РФ [1]» – мы опровергнем вывод Александра Федоровича, сделанный в 2012 году.

В России на 2023 год существует два вида АО. Первый – отдельный субъект, не входящий в состав области или края, без необходимости заключения Договора для самостоятельного осуществления властных полномочий – Чукотский АО. Второй – отдельный субъект РФ, входящий в состав области или края, самостоятельно, на основании Договора, осуществляющий властные полномочия, указанные в ч. 1 ст. 44 ФЗ-414, на своей территории, имеющий особые бюджетные, межбюджетные и имущественные отношения с областью или краем – Ненецкий, Ямало-Ненецкий, Ханты-Мансийский АО.

Ч. 2 ст. 6 Устава Архангельской области о взаимоотношениях органов государственной власти субъектов дает четкое понимание о регулировании взаимоотношений на основе Договора Архангельской области и Ненецкого АО².

В случае с Архангельской областью и Ненецким АО особые бюджетные, межбюджетные и имуще-

ственные отношения указаны в ч. 1 ст. 3 – устанавливает специальные нормативы для зачисления налоговых доходов от федеральных налогов и сборов в бюджеты данных регионов, ст. 4 – указывает на отдельный расчет и зачисление субсидий и дотаций из федерального бюджета и бюджетов государственных внебюджетных фондов для Архангельской области и Ненецкого АО, ч. 2 ст. 5 – определение объема межбюджетных трансфертов для обоих регионов на основе методик, утвержденных Правительством РФ, ст. 6, ч. 1 ст. 8 – предусматривает передачу государственных учреждений и имущества Архангельской области на территории Ненецкого АО в государственную собственность последнего.

Самостоятельное осуществление властных полномочий Ненецким АО на своей территории гарантируется ст. 2 Договора Архангельской области и Ненецкого АО и сохраняет более 40 полномочий ч. 1 ст. 44 ФЗ-414.

Интересно рассмотреть административное законодательство АО, принимая вышеизложенные основания, утверждающие 2 вида АО, различающихся по конституционно-правовому статусу.

Законодательство об административной ответственности – это сложная система нормативных актов. Объем и содержание административной ответственности включают в себя широкий спектр норм, регулирующих поведение субъектов в различных сферах деятельности, как транспорт, здравоохранение, налогообложение и другие [2].

Законодательная деятельность субъектов Российской Федерации по установлению административной ответственности обусловлена необходимостью правового регулирования общественных отношений, которые не охвачены федеральным законодательством и установлена в ст. 1.3.1. Кодекса РФ об административных правонарушениях (далее – КоАП)³. Это также учитывает специфику конкретного региона, требующую особой правовой защиты.

В настоящее время всеми субъектами РФ приняты законы, устанавливающие административную ответственность. В рассматриваемых нами субъектах РФ законы об административных правонарушениях и административной ответственности приняты в виде отдельных отраслевых законов (кодексов) об административных правонарушениях или об административной ответственности.

Так, в Чукотском АО – Закон Чукотского АО от 6 июня 2008 года №69-ОЗ «Об административной ответственности за нарушение законов и иных нормативных правовых актов Чукотского АО, нормативных правовых актов органов местного самоуправления в Чукотском АО» (далее – 69-ОЗ), в Ненецком, Ханты-Мансийском, Ямало-Ненецком АО – Законы имеют одностипное наиме-

³ КоАП РФ Статья 1.3.1. Предметы ведения субъектов Российской Федерации в области законодательства об административных правонарушениях / [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: [сайт]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/469881014f9a8a704ccd828ec93b6e8e-3b3a1205/ (дата обращения: 10.12.2023).

нование «Об административных правонарушениях». Все законы за годы существования претерпели более 30 изменений.

Эти изменения происходили как в связи с адаптацией регионального закона к изменениям федерального регулирования, так и в результате осознания потребностей и специфики региона [3]. Большая их часть обоснована перераспределением полномочий, обусловленных процедурой привлечения к административной ответственности, установлением новых и трансформацией существующих составов правонарушений.

В рассматриваемых нами АО административная ответственность и административные наказания, за нарушение административных норм, закреплены в одном законе, не имея, так называемых, тематических законов, как в Московской и Иркутской областях [4]. Например, в ст. 4 (Ответственность за нарушение тишины и покоя граждан на территории Чукотского АО) Закона Чукотского АО от 20 декабря 2016 года N135-ОЗ «Об обеспечении тишины и покоя граждан на территории Чукотского АО» (далее – 135-ОЗ), административная мера ответственности за нарушение тишины и покоя граждан определяется 69-ОЗ. В Законе Ненецкого АО от 29 июня 2002 года N366-ОЗ «Об административных правонарушениях» (далее – 366-ОЗ) обеспечению тишины и покоя граждан посвящена глава 2 «Административная ответственность за правонарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность». В Ямало-Ненецком АО, как и в Чукотском, в ст. 5 (Ответственность за нарушение тишины и покоя граждан) Закона Ямало-Ненецкого АО от 25 апреля 2022 года N17-ЗАО «Об обеспечении тишины и покоя граждан на территории Ямало-Ненецкого автономного округа» (далее – 17-ЗАО) ответственность определяется Законом Ямало-Ненецкого АО от 16 декабря 2004 N81-ЗАО «Об административных правонарушениях» (далее – 81-ЗАО). В Ханты-Мансийском АО ст. 10 (Нарушение тишины и покоя граждан) Закона Ханты-Мансийского АО – Югры от 11 июня 2010 года N102-оз «Об административных правонарушениях» (далее – 102-оз) посвящена ответственности за нарушение тишины и покоя. Таким образом, в Ненецком и Ханты-Мансийском АО состав, которым определяется нарушение тишины и покоя, отражен в основном Законе (366-ОЗ и 102-оз), а в Чукотском и Ямало-Ненецком АО отражен в отдельных Законах (135-ОЗ и 17-ЗАО).

69-ОЗ, 81-ЗАО, 366-ОЗ и 102-оз по классификации В.К. Бабаева – текущие (по значимости и юридической силе) и общие (по объему и объекту регулирования) [5]. По предмету регулирования основные Законы АО об административной ответственности, как акты, относятся к отраслевым нормативным актам. К комплексным актам, в таком случае, мы можем отнести «отрасли законодательства, объединяющие акты и нормы разных отраслей права»¹, как Закон Чукотского АО от 6 июня

¹ Маковский, А. Л., Новиков, Д. Б., Силкина, А. В., Симбирцев, А. Н. Концепция системы классификации правовых актов /

2017 г. N42-ОЗ «Об отдельных вопросах организации регулярных перевозок пассажиров и багажа автомобильным транспортом в Чукотском автономном округе».

Исходя из представленных фактов об административной ответственности в Чукотском, Ненецком, Ямало-Ненецком и Ханты-Мансийском АО, можно провести следующие выводы:

1. В Чукотском и Ямало-Ненецком АО ответственность за нарушение тишины и покоя граждан определена в отдельных законах (135-ОЗ и 17-ЗАО, но со ссылкой на основной Закон), тогда как в Ненецком и Ханты-Мансийском АО эта ответственность отражена в общем законе об административных правонарушениях (366-ОЗ и 102-оз). Тем самым мы подтверждаем, что в АО в одном законе собраны все меры административной ответственности за нарушение установленных норм собраны в одном акте.
2. Законы 69-ОЗ, 81-ЗАО, 366-ОЗ и 102-оз считаются текущими и общими актами в отраслевом праве. Они представляют собой основные законы об административной ответственности в соответствующих АО.
3. Пример специализированных законов, таких как закон Чукотского АО от 6 июня 2017 г. N42-ОЗ «Об отдельных вопросах организации регулярных перевозок пассажиров и багажа автомобильным транспортом в Чукотском автономном округе», указывает на специфическую регуляцию отдельных аспектов функционирования в регионе.

При изучении нормативных правовых актов об окружных комиссиях по делам несовершеннолетних была замечена определенная корреляция между автономными округами.

В Законах о комиссиях по делам несовершеннолетних Чукотского и Ханты-Мансийского АО систему комиссий составляют окружные и муниципальные комиссии, Ненецкого АО – межведомственная (та же окружная) и муниципальные комиссии, Ямало-Ненецкого АО – комиссия (округа) и районные (городские) комиссии.

В состав окружной комиссии входят: председатель комиссии, заместитель председателя комиссии, ответственный секретарь и члены комиссии (ч. 2 ст. 2 Закон Чукотского АО от 1 декабря 2005 года N93-ОЗ «О порядке образования и деятельности комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав в Чукотском автономном округе», ч. 2 ст. 2 Закон Ненецкого АО от 28 марта 2006 года N692-ОЗ «Об осуществлении в Ненецком автономном округе отдельных государственных полномочий в сфере деятельности по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», ч. 3 ст. 6 Закон Ямало-Ненецкого АО от 08 октября 2010 года N98-ЗАО «О комиссиях по делам несовершеннолетних и за-

Маковский, А. Л., Новиков, Д. Б., Силкина, А. В., Симбирцев, А. Н. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: [сайт]. – URL: <https://www.consultant.ru/about/nc/class/concept/> (дата обращения: 10.12.2023).

щите их прав», ч. 2 ст. 3 Закон Ханты-Мансийского АО – Югры от 12 октября 2005 года N74-оз «О комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре и наделении органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями по созданию и осуществлению деятельности комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав»). Интересно заметить, что в Чукотском и Ямало-Ненецком АО «ответственный секретарь комиссии осуществляет свои полномочия на постоянной (штатной) основе и замещает должность государственной гражданской службы автономного округа»¹². Состав комиссий АО утверждается нормативными правовыми актами государственных органов исполнительной власти АО (Правительство АО или Администрация АО).

Разбирая порядок образования окружных комиссий, обратившись к вышеизложенному выводу, что «в Ненецком и Ханты-Мансийском АО состав, которым определяется нарушение тишины и покоя, отражен в основном Законе (366-ОЗ и 102-оз), а в Чукотском и Ямало-Ненецком АО отражен в отдельных Законах (135-ОЗ и 17-ЗАО)», была замечена связь. Тексты актов Чукотского и Ямало-Ненецкого АО о порядке образования комиссии округа очень похожи, особенно то, что только в Чукотском и Ямало-Ненецком законах (среди четырех рассматриваемых АО) отражен статус ответственного секретаря. В текстах законов Ненецкого и Ханты-Мансийского АО этого не было замечено. Можно предположить, что нормативные правовые акты Чукотского и Ямало-Ненецкого АО имеют большое сходство, наравне с актами Ненецкого и Ханты-Мансийского АО, а в рамках отдельного исследования доказать это или опровергнуть. Упоминание этих фактов имеет место в данном исследовании.

Особенности урегулирования отношений автономных округов включают в себя вопросы заключения договоров, что может определять самостоятельное осуществление властных полномочий.

Ошибки законодательных органов, такие как указание некорректных территорий в уставах регионов, могут порождать правовую неопределенность и корректировку законодательства.

Важно отметить, что административная ответственность и административные наказания в рассматриваемых АО закреплены в отдельных законах или обобщены в одном общем законе об административных правонарушениях. Это позволяет регулировать и контролировать правонарушения

¹ Закон Ямало-Ненецкого АО от 08 октября 2010 года N98-ЗАО «О комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав» / [Электронный ресурс] // docs.cntd.ru: [сайт]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/895269815> (дата обращения: 10.12.2023).

² Закон Чукотского АО от 1 декабря 2005 года N93-ОЗ «О порядке образования и деятельности комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав в Чукотском автономном округе» / [Электронный ресурс] // docs.cntd.ru: [сайт]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/802044747> (дата обращения: 10.12.2023).

и нарушения общественного порядка на территории каждого АО, сохраняя при этом правовую систему, соответствующую региональным особенностям, но при этом унифицированную в рамках установленных норм РФ.

В целом, работа об АО представила ценный анализ конституционно-правового статуса, законодательства и административной ответственности, подчеркивая важность учета специфики каждого региона и потребности дальнейших исследований для подтверждения или опровержения гипотезы о сходстве нормативных правовых актов различных автономных округов.

Литература

1. Малый, А.Ф. Об особенностях конституционно-правового статуса автономных округов / А.Ф. Малый // Правовая политика и правовая жизнь. – 2012. – № 3. – С. 82–89. – EDN PYDSZT.
2. Трубникова, К.Д. Административная ответственность: общая характеристика / К.Д. Трубникова, А.А. Мокрова // E-Scio. – 2020. – № 1(40). – С. 38–45. – EDN BLMGCI.
3. Метшин, И.Р. Правовая система республики в составе Российской Федерации (на примере Республики Татарстан): специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве»: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Метшин Ильсур Раисович. – Москва, 1999. – 192 с. – EDN NL-NUTD.
4. Бредихин, И. Д. О некоторых особенностях законодательства субъектов Российской Федерации, в части определения родового объекта административных правонарушений, посягающих на общественный порядок / И.Д. Бредихин // Новый университет. Серия: Экономика и право. – 2012. – № 1. – С. 31–34. – EDN PA-SOSJ.
5. Теория государства и права: Учебник / Под ред. В.К. Бабаева. – М.: Юрист, 2003. – 592 с.

COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF THE LEGISLATION ON ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY OF AUTONOMOUS OKRUGS

Khusnutdinova A.I.

South Russian Institute of Management RANEPА under the President of the Russian Federation, Rostov-on-Don

The article clarifies the peculiarities of regulation of relations of autonomous okrugs (AO), which are part of the krai, oblast, by the federal law of 21.12.2021 № 414-FL and the contract between the state authorities of AO and, respectively, the state authorities of the krai or oblast (contract). The idea that there are two types of JSCs in Russia substantiated. The administrative legislation of the AO described, providing an analysis of the laws on administrative responsibility in the AO. Analysing the order of formation of district commissions, the connection between the texts of the acts of Chukotka and Yamalo-Nenets AO approximately formation of the district commission revealed, especially the distinctive presence of the status of the executive secretary. The assumption made that the normative legal acts of Chukotka and Yamalo-Nenets AO have similarities, as well

as the acts of Nenets and Khanty-Mansi AO, and it proposed to conduct a separate study to confirm or refute this assumption.

Keywords: constitutional-legal status, Autonomous Okrugs, state authorities, contractual relations, authority, administrative responsibility, legislation, amendments to laws, classification of legal acts, regional relations.

References

1. Maly, A.F. On the peculiarities of the constitutional and legal status of autonomous districts / A.F. Maly // Legal Policy and Legal Life. – 2012. – № 3. – P. 82–89. – EDN PYDSZT.
2. Trubnikova, K.D. Administrative responsibility: general characteristics / K.D. Trubnikova, A.A. Mokrova // E-Scio. – 2020. – № 1(40). – P. 38–45. – EDN BLMGCI.
3. Metshin, I.R. Legal system of a republic within the Russian Federation (on the example of the Republic of Tatarstan): speciality 12.00.01 “Theory and history of law and state; history of doctrines of law and state”: dissertation for the degree of Candidate of Legal Sciences / I.R. Metshin Dissertation for the degree of Candidate of Legal Sciences / Metshin IIsur Raisovich. – Moscow, 1999. – 192 p. – EDN NLNUTD.
4. Bredikhin, I.D. About some peculiarities of the legislation of the subjects of the Russian Federation, in terms of determining the generic object of administrative offences encroaching on public order / I.D. Bredikhin // New University. Series: Economics and Law. – 2012. – № 1. – P. 31–34. – EDN PASOSJ.
5. Theory of State and Law: Textbook / Edited by V.K. Babaev. – M.: Yurist, 2003. – 592 p.

Влияния на некоммерческие организации нормативного критерия построения системы юридических лиц

Асадуллин Мурад Ринатович,

кандидат юридических наук, доцент кафедры политологии и связей с общественностью Уфимского университета науки и технологии

E-mail: asadullin-murad@yandex.ru

Статья посвящена оценке нормативного критерия построения системы юридических лиц (деления на «коммерческие» и некоммерческие»), а также их влиянию на некоммерческие организации. Обращается внимание на то, что в современном российском праве система юридических лиц в целом сложилась, но имеются проблемы выделения отдельных видов юридических лиц. Проведя анализ критерия, связанного с необходимостью различать «коммерческие» и некоммерческие» организации, представляется, что само по себе понятие «некоммерческая организация» уместно лишь в рамках дихотомии «коммерческая – некоммерческая», а деление всех юридических лиц по указанному критерию дает основание говорить об определенных «типах» юридических лиц (а не «видах»). Делается вывод, что данный критерий весьма сомнителен по методологическим соображениям, поскольку основан не на наличии у данных юридических лиц особых свойств, а на отсутствии в их деятельности определенных обстоятельств.

Ключевые слова: система юридических лиц, юридическое лицо, организационно-правовая форма, некоммерческая организация, коммерческая организация.

Оценка нормативно предусмотренных критериев построения системы юридических лиц в целом и их влияния на некоммерческие организации (далее по тексту – НКО) позволит учесть позицию законодателя, тем более что все социальные системы, определенные им как «некоммерческие организации» одинаково есть юридические лица. Всякая классификационная система предполагает концептуальную однородность систематизируемых элементов, что применительно к рассматриваемому случаю выражается в признании классификационными единицами лишь юридических лиц¹, обладающих правоспособностью. Именно поэтому в данную систему не могут включаться неправосубъектные образования, в том числе простые товарищества, группы компаний, консорциумы, синдикаты и пр. Данное обстоятельство не снимает вопросов о формах и способах их участия на рынке, например, при применении законодательства о защите конкуренции [1].

На сегодняшний день российское право имеет сложившуюся систему организационно-правовых форм юридических лиц. Вместе с тем, остаются некоторые проблемные вопросы относительно точности критериев ее построения и целесообразности существования отдельных организационно-правовых форм. Фундаментом для формирования современной систематизации юридических лиц послужила Концепция развития гражданского законодательства [7], изменения в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее по тексту – ГК РФ) в результате принятия седьмого блока поправок в данный кодекс, доктринальные разработки и отдельные публикации.

В 2014 г. законодателем образована новая система юридических лиц. В вопросе о том, насколько проведенное реформирование оказалось эффективным мы присоединяемся к мнению ученых, которые, отмечая явные достижения и, вместе с тем, указывают на ряд просчетов [11, 14].

Принципиально важно, что все некоммерческие организации приобретают правовой статус в результате применения нескольких классифика-

¹ По смыслу закона допустимо существование таких форм объединений граждан, которые не являются юридическими лицами, участников связывает лишь устав (см. ст. 3,5 Федерального закона от 19 мая 1995 г. «Об общественных объединениях» № 82-ФЗ//Собрание законодательства. 1995.№ 21. Ст. 1930). Отнесение таких формирований граждан к «организациям» спорно.

ционных критериев и в этом плане представляют собою части пусть и сложной, но единой системы.

Как система юридических лиц, так и ее составляющие соответствуют общественным и экономическим потребностям и тенденций. Заметим, что термин «система», «системность», исходно сформировавшиеся в естественно-научных областях, далее были заимствованы общественными науками и юриспруденцией. Суть любой системы, в том числе в правоведении, заключается в «наличии такой общности различных элементов (явлений, объектов), которая органично и функционально связывает их, создавая, с одной стороны, устойчивые связи отдельных элементов системы друг с другом, и, с другой, придает совокупности этих элементов некоторые новые качества, не сводимые к свойствам составляющих систему элементов» [3, с. 336]. С целью изучения сложных, структурированных объектов, с характеристиками системы, Д.А. Керимовым был предложен особый метод – «системный подход» [5].

Стоит заметить, что системность относительно юридических лиц выражается не только в простом расположении всех форм, но и в способности обнаружить недочеты, ориентировать законодателя, а также уточнять правоприменительную практику. К примеру, в результате системного исследования была обнаружена малозффективность ряда организационно-правовых форм юридических лиц (к примеру, «обществ с дополнительной ответственностью», «закрытых акционерных обществ»). Подобный методологический прием также позволяет заметить оставшиеся недочеты существующего перечня организационно-правовых форм юридических лиц [10].

Теоретические и практические вопросы применительно к правовому статусу некоммерческих организаций вызывают также нормы п. 6 ст. 50 ГК РФ. Законодатель указал, что к отношениям по осуществлению некоммерческими организациями своей основной деятельности, а также к другим отношениям с их участием, не относящимся к предмету гражданского законодательства (ст. 2), правила ГК РФ не применяются, если иное законом или уставом некоммерческой организации не предусмотрено иное. Представляется, что этими «иными» отношениями не могут быть признаны обычные договорные и корпоративные отношения, складывающиеся между участниками корпорации, поскольку они уже названы в ст. 2 ГК РФ. Поэтому логично полагать, что речь идет, прежде всего, о «внутренних» отношениях НКО как об отношениях иной правовой принадлежности. Мы полагаем это одной из концептуальных ошибок Гражданского кодекса, который, по сути, оставил вне «поля внимания» массу организационных связей в НКО, хотя согласно современным взглядам [6, 12], организационные отношения составляют особую часть предмета гражданско-правового регулирования. В результате базовый правовой статус многих НКО формируется и определяется не нормами гражданского права. Или вообще о не правовых свя-

зях; так, далеко не все «внутренние» отношения в некоммерческих организациях по своей природе являются правовыми (например, популярны субботники жителей многоквартирных домов, проводимые ими добровольно, к ним надо отнести значительную часть отношений с участием волонтеров, некоторые отношения по организации внутреннего распорядка). Тем более не являются гражданско-правовыми налоговые отношения, отношения при финансовом и ином содействии муниципальных органов в рамках местного самоуправления и т.п.

Тот факт, что законодатель уклонился от определения правового статуса некоммерческих организаций, не освобождает нас от оценки об общих критериях систематизации юридических лиц, и их влияния на определение места НКО в их взаимосвязи с другими базовыми для этой сферы понятиями. По существу, речь идет о типологии юридических лиц, т.е. о их классификации по наиболее существенным признакам. Действующее законодательство редко упоминает наличие «видов» и «типов» юридических лиц и практически не проводит различие между видовым разнообразием и типовыми характеристиками. Однако, например, в п. 4 ст. 49 ГК РФ упоминаются «виды и типы» юридических лиц, названные, правда в широком контексте, где упоминаются также «организационно-правовые формы» и юридические лица, «созданные для осуществления деятельности в определенных сферах» (т.е. организации, имеющие особый режим и на которые распространяется нормы специальных законов).

Сегодня разделение юридических лиц на коммерческие и некоммерческие стало более строгим. В отличие от прежней редакции ГК РФ, некоммерческие организации получили собственную «нишу» в систематике юридических лиц, она теперь подкреплена дополнительными характеристиками их деятельности.

Еще в п. 1.4. Концепции развития гражданского законодательства было выражено положение о том, что «ограниченный (специальный) характер гражданской правоспособности некоммерческих организаций в полной мере распространяется на их право осуществлять предпринимательскую деятельность. Кроме того, необходимо положение об исчерпывающем перечислении в их уставах всех видов разрешенной им деятельности (включая предпринимательство, которое должно являться вспомогательным по отношению к основным, главным видам их деятельности), а также об осуществлении разрешенного им предпринимательства только в сферах, соответствующих профилю (характеру) их основной деятельности. Применительно к некоммерческим организациям следует говорить не о предпринимательской, а о вспомогательной хозяйственной деятельности или о «деятельности, приносящей дополнительные доходы».

Это положение Концепции реализовано в законодательстве, но не в полном объеме [2]. В ГК РФ так и не появилось универсальной нормы, обязывающей в уставе любой некоммерческой организа-

ции перечислять все дозволенные виды деятельности, дифференцируя их на относящиеся к «основной» и к «дополнительной» (требование указать все виды осуществляемой деятельности включено лишь в ФЗ «О некоммерческих организациях»).

Критерий, связанный с необходимостью различать «коммерческие» и некоммерческие» организации, возник в России по целому ряду причин [8]. В их числе и намерение законодателя создать такой правовой режим для ряда юридических лиц, не осуществляющих бизнес-деятельность, который бы позволил относительно единообразно регламентировать их работу. В результате данный режим было решено противопоставить правилам о деятельности субъектов, ведущих предпринимательскую деятельность, что дает возможность излагать базовые правила о коммерческих и некоммерческих организациях отдельно. Идея явно состояла в том, чтобы сформировать для некоммерческих организаций и их экономической деятельности специальные правила.

Разумеется, были и другие мотивы выделения некоммерческих организаций, важно, что сам критерий оказался устойчив. Но его надо разумно и мотивировано объяснить и применить [9, 13]. Именованное «функциональным» [4, с. 12] вряд ли удачно, поскольку не ясно, с какой функцией проводится связь. Не помогает и отсылка к ряду зарубежных правовых порядков, где создание организаций типа «non-profit» обычно противопоставляется коммерческим: само это деление техническое, не являющееся правовым, не раскрывает существа НКО. Наконец, при всяком обсуждении проблем приносящей доход деятельности надо учитывать, что речь идет об одной организации, но, по сути, занимающейся разными видами деятельности.

В настоящее время грань между коммерческими и некоммерческими организациями выделена исходя из того, преследует или не преследует организация в качестве основной своей цели извлечение прибыли, а также распределяет или не распределяет полученную прибыль между участниками; слова о том, что они вправе осуществлять «предпринимательскую деятельность» исключены.

Заметим, что некоммерческим организациям разрешается осуществление «приносящей доход деятельности», но лишь при условии, что это предусмотрено уставом соответствующей конкретной некоммерческой организации и постольку, поскольку служит достижению целей, ради которых она создана.

Таким образом, само по себе понятие «некоммерческая организация» уместно лишь в рамках дихотомии «коммерческая – некоммерческая», а деление всех юридических лиц по указанному критерию дает основание говорить об определенных «типах» юридических лиц (а не «видах»). В целом же данный критерий весьма сомнителен по методологическим соображениям, поскольку основан не на наличии у данных юридических лиц особых свойств, а на отсутствии в их деятельности определенных обстоятельств.

Литература

1. Аден Менно. Правосубъектность группы компаний // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2017. № 2. С. 69–72.
2. Аюрова А.А., Беляева О.А., Вильданова М.М. и др. Юридические лица в российском гражданском праве: монография. Виды юридических лиц в российском законодательстве (в трёх томах, том второй) (отв. ред. А.В. Габов). М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2015. 352с.
3. Деннис Ллойд. Идея права / Перевод с английского М.А. Юмашева, М.: ЮГОНА, 2009. 374с.
4. Десятков И.Н. Право некоммерческих юридических лиц на деятельность, приносящую доход: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 26 с.
5. Керимов Д.А. Методология права (предмет, функции, проблемы методологии права). М.: Аванта+, 2003. 542с.
6. Кирсанов К.А. Гражданско-правовое регулирование организационных отношений: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. М., 2008. 27с.
7. Концепция развития гражданского законодательства // Вестник ВАС РФ. 2009. № 11.
8. Лескова Ю.Г. Курс лекций по дисциплине «Гражданско-правовой статус некоммерческих организаций». Краснодар: КГАУ, 2015. 35с.
9. Новак Д.В. К упорядочению системы некоммерческих организаций // Вестник гражданского права. 2007. № 3. С. 61–98.
10. Маковский А.А., Федоров С.И. Проблемы подготовки проектов федеральных законов в сфере частного права: опыт правовой экспертизы (аналитический доклад) // Вестник гражданского права. 2015. № 2. С. 153–212.
11. Маковский А.Л. Об уроках реформирования Гражданского кодекса Российской Федерации // Вестник гражданского права. 2013. № 5. С. 157–172.
12. Подузова Е.Б. Организационные договоры в гражданском праве. М.: Проспект, 2014. 179с.
13. Степанов Д.И. В поисках критерия разграничения юридических лиц на два типа и принципа обособления некоммерческих организаций // Вестник гражданского права. 2007. № 3. С. 13–60.
14. Суханов Е.А. О Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации // Вестник гражданского права. 2010. № 4. С. 4–21.

THE IMPACT ON NON-PROFIT ORGANIZATIONS OF THE REGULATORY CRITERION FOR BUILDING A SYSTEM OF LEGAL ENTITIES

Asadullin M.R.

Ufa University of Science and Technology

The article is devoted to the assessment of the normative criterion for building a system of legal entities (division into “commercial”

and non-commercial”), as well as their impact on non-profit organizations. Attention is drawn to the fact that in modern Russian law, the system of legal entities as a whole has developed, but there are problems distinguishing certain types of legal entities. Having analyzed the criterion related to the need to distinguish between “commercial” and non-profit organizations, it seems that the concept of “non-profit organization” itself is appropriate only within the framework of the “commercial -non-profit” dichotomy, and the division of all legal entities according to this criterion gives reason to talk about certain “types” of legal entities (and not “types”). It is concluded that this criterion is highly questionable for methodological reasons, since it is based not on the presence of special properties of these legal entities, but on the absence of certain circumstances in their activities.

Keywords: system of legal entities, legal entity, organizational and legal form, non-profit organization, commercial organization.

References

1. Aden Menno. Legal personality of a group of companies // *Journal of Entrepreneurial and Corporate Law*. 2017. No.2. pp. 69–72.
2. Ayurova A.A., Belyaeva O.A., Vildanova M.M. et al. Legal entities in Russian civil law: a monograph. Types of legal entities in Russian legislation (in three volumes, volume two) (ed. A.V. Gabov). M.: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation: INFRA-M, 2015. 352s.
3. Dennis Lloyd. The idea of law / Translated from English by M.A. Yumasheva, M.: YUGONA, 2009. 374c.
4. Desyatov I.N. The right of non-commercial legal entities to income-generating activities: abstract. ... *cand. Jurid. M.*, 2011. 26 p.
5. Kerimov D.A. Methodology of law (subject, functions, problems of methodology of law). M.: Avanta+, 2003. 542s.
6. Kirsanov K.A. Civil law regulation of organizational relations: abstract. ... *dis. cand. Jurid. M.*, 2008. 27c.
7. The concept of the development of civil legislation // *Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation*. 2009. No. 11.
8. Leskova Yu.G. A course of lectures on the discipline “Civil status of non-profit organizations”. Krasnodar: KGAU, 2015. 35c.
9. Novak D.V. Towards streamlining the system of non-profit organizations//*Bulletin of Civil Law*. 2007. No. 3. pp. 61–98.
10. Makovsky A.A., Fedorov S.I. Problems of drafting federal laws in the field of private law: the experience of legal expertise (analytical report)//*Bulletin of Civil Law*. 2015. No.2. pp. 153–212.
11. Makovsky A.L. On the lessons of reforming the Civil Code of the Russian Federation//*Bulletin of Civil Law*. 2013. No.5. pp. 157–172.
12. Poduzova E.B. Organizational contracts in civil law. Moscow: Prospect, 2014. 179c.
13. Stepanov D.I. In search of a criterion for distinguishing legal entities into two types and the principle of separation of non-profit organizations//*Bulletin of Civil Law*. 2007. No. 3. pp. 13–60.
14. Sukhanov E.A. On the concept of the development of civil legislation of the Russian Federation // *Bulletin of Civil Law*. 2010. No.4. pp. 4–21.

Нормативное закрепление понятия субсидиарного обязательства в системе гражданского права

Барков Константин Борисович,

аспирант, кафедра юриспруденции, Российский университет кооперации
E-mail: barkov@resurspravo.ru

Переход к рыночным отношениям, закрепление и распространение института частной собственности способствовали активному развитию нового вектора правового регулирования субсидиарной ответственности, целью которых является поддержание стабильности гражданско-правовых отношений, обеспечение максимальной защиты имущественных интересов кредитора. Несмотря на стремительный рост применения конструкции субсидиарной ответственности, о чем свидетельствует анализ отечественной судебной практики. Все случаи использования термина «субсидиарный» связаны с понятием «субсидиарной ответственности». Означенная проблема обусловлена также и отсутствием комплексного научного исследования проблематики субсидиарной ответственности в гражданском праве РФ, которое бы основывалось на анализе нормативно-правовых актов в сфере регулирования обязательственных гражданско-правовых отношений.

В условиях процесса кодификации гражданского законодательства, теоретическое исследование и наработка практических рекомендаций усовершенствования законодательства осуществлены путем выделения и нормативного закрепления понятия субсидиарного обязательства, установления его места в системе гражданского права. Определение соотношения субсидиарного обязательства и субсидиарной ответственности, выделения общих и отличительных признаков субсидиарного обязательства при его сопоставлении с другими видами, а также акцессорными и обеспечительными обязательствами, является чрезвычайно актуальным и перспективным направлением научного поиска.

Ключевые слова: субсидиарные обязательства, субсидиарная ответственность, должник, кредитор, гражданское право, государство, правовая доктрина.

Введение

Участие государства в гражданских правоотношениях обусловлено прежде всего необходимостью реализации публичных задач, стоящих перед ним. В соответствии с ч. 1 ст. 124 ГК РФ государство действует в гражданских отношениях на равных правах с другими участниками этих отношений. Государство не отвечает по обязательствам созданных ими юридических лиц, кроме случаев, установленных законом [5].

В связи с этим актуальность темы заключается в определении оптимального соотношения публичных и частных интересов в гражданском обращении и является важной задачей по определению соотношения правовых норм и применению их на практике.

Целью статьи является определение порядка реализации норм о субсидиарной ответственности государства по обязательствам юридических лиц публичного права.

Анализ последних исследований. Исследованию субсидиарной ответственности посвящены работы таких ученых, как Т.Е. Грязева, А.С. Корсунова, М.В. Крушевская, Л.Ф. Нетишинская, С.В. Петухов и др.

В то же время, необходимо обратить внимание на то, что имеющиеся научные исследования посвящены в основном изучению отдельных проблемных вопросов обязательственных правоотношений, к которым относим и субсидиарные. Таким образом, на сегодня неисследованным остался ряд вопросов, связанных с определением понятия, особенностей, оснований возникновения и прекращения, элементов субсидиарной ответственности. По этим причинам существует потребность в комплексном подходе к исследованию действующего гражданского законодательства и систематизации научных разведок относительно правовой природы и динамики субсидиарных обязательств на современном этапе развития гражданских правоотношений.

Научная новизна исследования основана на предоставлении порядка применения норм гражданского права, устанавливающих субсидиарную ответственность государства по обязательствам юридических лиц публичного права.

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в том, что полученные в ходе исследования выводы сформулированы выводы о необходимости установления дополнительных гарантий защиты прав и интересов кредиторов государства и основанных им юридических лиц.

Материалы и методы

В процессе выполнения работы использовались общенаучные методы и специальные юридические методы, в частности, исторический, сравнительно-правовой, формально-юридический, а также методы системного анализа и синтеза.

Результаты

Субсидиарная ответственность государства как учредителя созданных ею юридических лиц публичного права установлена в ч. 1, ст. 399 ГК РФ, где предусмотрена возможность установления такой ответственности специальными законами [5]. Реформирование действующего законодательства в сторону усиления ответственности государства является экономическим и политическим требованием современного периода, без удовлетворения которого формирование демократического общества со стабильной рыночной экономикой и развитым гражданским обществом невозможно.

Государство, допуская к участию в гражданском обороте юридических лиц, не являющихся собственниками имущества, которым владеют, с целью осуществления своих уставных целей, обязано восполнить неполноту правосубъектности последних. Указанные положения законодательства позволяют говорить о государстве как о субъекте права со специальной правоспособностью, определяемой нормами как частного, так и публичного права [12, с. 224].

Согласно статье 399 ГК РФ, «субсидиарная ответственность – это вид ответственности, позволяющий взыскать долг с другого лица, если основной должник не может его погасить» [5].

Обязательства, возникающие вследствие причинения вреда, являются одним из важнейших правовых средств защиты прав и законных интересов субъектов права. Указанные обязательства занимают в системе гражданского права особое место, которое обусловлено тем, что обязательства по возмещению вреда имеют четко выраженную правозащитную (охранную) направленность. Они строятся на императивных началах с выраженным предоставлением преимуществ пострадавшему лицу.

Особое значение приобретают эти нормы права в ст. 1080 ГК РФ [5]. Так, вводится солидарная ответственность руководителя должника в связи с нарушением законодательства о банкротстве. Солидарная ответственность руководителя должника при банкротстве является субсидиарной. Перед правоприменительной практикой встает проблема установления справедливого баланса между интересами потерпевших (кредиторов) и правонарушителей, виновных в банкротстве [15, с. 22].

Субсидиарная ответственность является гражданско-правовым самостоятельным видом ответственности и возлагается на ответчиков по делу о банкротстве независимо от того, привлечено ли физическое лицо ответчика к уголовной

ответственности за действия, предусмотренные ст. 10 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [14]. В отличие от уголовного процесса, в котором вину доказывает сторона обвинения, в хозяйственном процессе – ответчик доказывает отсутствие своей вины.

Субсидиарная ответственность за банкротство по своей правовой природе является ответственностью за злоупотребление субъективными гражданскими правами, которые нанесли ущерб кредиторам. Как отмечает М.В. Крушевская «...потребность в нормативном определении термина «злоупотребление правом», обусловливаемая прежде всего потребностями практики правоприменения» [8].

Злоупотребление субъективным правом, по мнению Л.Ф. Нетишинской выходит за пределы разрешенного законом поведения, следовательно, его следует считать противоправным в связи с нарушением ряда норм-принципов гражданского права [9].

Как отмечают И.М. Середа, А.Г. Середа, в гражданском праве англо-американских стран преобладающим является господство так называемого объективного подхода к определению вины, предлагаемого теорией экономического анализа, где вина – это, отклонение от стандарта надлежащего поведения разумного человека, а не психическое отношение к поступку [13].

Концепция «объективной вины», по мнению Д.С. Рожкова, нормативно отражена в ст. 401 ГК РФ [11, с. 16]. Она основывается на идее зависимости вины от совершения лицом мер надлежащего исполнения обязанности, обращается внимание на то, что в гражданском праве ответственность направлена не на лицо (личность) правонарушителя, тем самым определяя его личную общественную опасность, а на его имущественную сферу.

Государство как участник гражданских правоотношений, в частности с субъектами предпринимательской деятельности, может нести как договорную, так и недоговорную ответственность, а также долевую, солидарную и субсидиарную гражданско-правовую ответственность.

Признание гражданской правосубъектности государства на уровне нормативных положений ГК РФ определяет необходимость научного осмысления осуществления ею соответствующих субъективных гражданских прав и выполнения субъективных гражданских обязанностей.

Особенности институционального строения государства и его субъективистский феномен не могут не отражаться в том числе в порядке его гражданско-правовой ответственности.

Научный и прикладной юридический интерес обусловливается еще и тем обстоятельством, что ответственность участника гражданских правоотношений обеспечивается в том числе государственным принуждением [10, с. 224]. Если же субъектом ответственности выступает само государство, то в таком случае получается, что государственное принуждение может применять само

к себе, хотя и через различные институциональные образования в контексте разделения власти на законодательную, исполнительную и судебную.

Однако поднятый вопрос демонстрирует многогранность и специфику участия государства в гражданских правоотношениях, в том числе в охранных, а потому вызывает научный и практический интерес. При этом одной из сфер гражданского оборота, в которой посредничеством юридических связей происходит приближение государства и других субъектов гражданского права, является сфера предпринимательской деятельности.

В связи с этим риск возникновения юридических конфликтов имущественного характера, а потому и применения мер гражданско-правовой ответственности, повышается именно в отношениях с участием государства и субъектов предпринимательской деятельности в имущественном обороте [6, с. 253]. Субсидиарная ответственность государства по долгам созданных им юридических лиц может наступать в случае, когда государственное учреждение, организация, казенное предприятие действуют в гражданском обороте от собственного имени.

В соответствии с ч. 1, ст. 2 ГК РФ на юридических лиц публичного права в связи с их участием в гражданских отношениях распространяются положения Гражданского кодекса, если иное не установлено специальным законом [5]. Поэтому проблема ответственности государства или основанных им юридических лиц как участников гражданских правоотношений всегда связана с общественными отношениями публично-правового характера.

Имущество закрепляется за государственными предприятиями и учреждениями во владение, пользование и распоряжение в соответствии со ст. 294 и 296 ГК РФ, то есть на праве хозяйственного ведения или праве оперативного управления [7, с. 230].

Применение принципа самостоятельной гражданско-правовой ответственности юридического лица всем принадлежащим ему имуществом в отношении юридических лиц публичного права по определенным соображениям явно неприемлемо [1, с. 26]. Ввиду этого гражданское законодательство должно предусматривать иные, отличные от исключительно самостоятельной и полной имущественной ответственности, обязанного субъекта, устанавливая механизмы максимально эффективной защиты гражданских прав и интересов кредиторов юридического лица. В целях защиты прав кредиторов указанных юридических лиц действительно возникает необходимость предусмотреть возможность возложения субсидиарной ответственности по долгам последних на публичные образования, функции которых выполняют соответствующие должники.

С учетом указанных потребностей по установлению различий в режимах гражданско-правовой ответственности юридических лиц публичного и частного права является общепризнанной целесообразность (по крайней мере на определенный

период) сохранения права оперативного управления имуществом и полного хозяйственного ведения относительно имущества, которое передается государственному или коммунальному учреждению или органу для выполнения ими функций соответственно государственной власти или местного самоуправления.

В частности, это касается и казенных предприятий, которые согласно п. 4, ст. 123.22 ГК РФ отвечают по своим обязательствам только средствами, находящимися в их распоряжении. При применении указанных норм на практике возникают проблемы, связанные с определением субъекта и порядка доказывания недостаточности средств (имущества) у государственного учреждения или предприятия для удовлетворения требований кредиторов [2, с. 8].

Судебная практика свидетельствует об отсутствии единого применения указанных норм и наличии нарушений действующего законодательства при определении ответчика, выступающего от имени государства.

Применение указанных положений законодательства на практике вызывает трудности в определении процессуального статуса лица, которое несет субсидиарную ответственность. Так, характерным для судебной практики является привлечение органов федеральной казначейской службы как в качестве соответчиков, так и качества третьих лиц [4, с. 51]. В других делах государственный орган, главный распорядитель бюджетных средств, которому подчиняется юридический особа должник, привлекается кредиторами по обязательствам казенных предприятий.

С принятием Бюджетного кодекса РФ ситуация для кредиторов юридических лиц публичного права частично облегчилась. Впрочем проблемы выполнения денежных обязательств государства в условиях настоящего времени полностью возлагаются на взыскателей и судебных исполнителей. С одной стороны, есть гражданское законодательство, которое закрепляет нормы об ответственности государства и решение суда о взыскании средств, а с другой стороны, нет возможности обратит взыскание на денежные средства бюджета вследствие отсутствия соответствующих норм в публичном праве или наличие ограничений относительно расходов государственного бюджета РФ [3]. С целью преодоления указанных проблем и усиления гарантий соблюдения прав и интересов кредиторов государства руководствуются ст. 60 ГК РФ [5].

Применение указанных положений законодательства на практике вызывает трудности в определении процессуального статуса лица, которое несет субсидиарную ответственность. Так, характерным для судебной практики является привлечение органов федеральной казначейской службы как в качестве соответчиков, так и качества третьих лиц, не заявляющих самостоятельные требования на предмет спора, на стороне ответчика, то есть государственного органа, государственно-

го учреждения или предприятия. В других делах государственный орган, главный распорядитель бюджетных средств, которому подчиняется юридическое лицо-должник, привлекается кредиторами по обязательствам казенных предприятий.

Проблема субсидиарной ответственности имеет «вечный характер», так как нет возможности списать долг и необходимо выплатить всю сумму. Также большой проблемой субсидиарной ответственности являются большие суммы, которые должен оплатить должник. Часто, должник не может выплатить назначенную сумму за весь период своей жизни.

Следующей проблемой является привлечение к субсидиарной ответственности абсолютно всех лиц. К субсидиарной ответственности могут быть привлечены и так называемые соучастники. К соучастникам относят лица, которые каким-то образом причинили ущерб предприятию, что привело к банкротству. На основании данной проблемы, возникает вопрос поиска ответственного лица, чтобы влиять на него.

Возможность денежного возмещения по специальной бюджетной программе фактически свидетельствует о необходимости выделения из бюджета определенной суммы средств для покрытия таких расходов. Учитывая то, что соответствующий Закон предусматривает порядок списания средств со счетов отдельных лиц и выплату компенсации за счет бюджетной программы, неопределенным остается вопрос, в каком случае будет осуществляться реализация права регрессного требования (в случае взыскания со счета отдельных субъектов или в случае осуществления компенсации). Если рассматривать вариант, когда право регресса реализуется исключительно в случае, когда проводится компенсация по бюджетной программе, то существует проблема в определении вины конкретного лица.

Фактически отсутствие средств на счете такого субъекта и является основанием для выплаты компенсации [8, с. 41]. Предусмотренный законодательством порядок и гарантии исполнения судебных решений по сути является реализацией субсидиарной ответственности государства, однако отсутствует необходимость во время рассмотрения дела судом устанавливать недостаточность денежных средств у юридического лица публичного права, а выполнение соответствующих обязательств по судебным решениям возлагаются на государство, которое обязано обеспечить погашение задолженности за счет казны. Привлечение в качестве соотчетчика в дело главного распорядителя средств, выступающего от имени казны, тем самым становится безосновательным.

Подводя итог, следует констатировать, что включение государства в круг субъектов гражданского права вносит коррективы в традиционное понимание отдельных аспектов субсидиарной ответственности. Базовые моменты оснований ответственности, ее функций и видов соответствуют устоявшимся представлениям. В частности, ос-

нованием для ответственности государства в том числе перед субъектами предпринимательской деятельности выступает правонарушение, совершаемое в договорных или недоговорных отношениях. При этом ответственность продолжает выполнять те же функции, в частности, гарантийно-обеспечительную, компенсационную, информационную и контрольную функции, а государство может выступать в соответствующих правоотношениях по возмещению как долевой (частичный), солидарный или субсидиарный должник.

Переосмысление происходит при анализе порядка субсидиарной ответственности. Выполнение государством как специфическим образованием, в частности таких общеправовых и социальных функций, как обеспечение прав граждан, находит отражение и в правовом статусе государства как участника имущественных гражданских правоотношений, строящихся на принципах юридического равенства. В связи с этим государство несет повышенные риски понесение имущественной ответственности перед субъектами предпринимательской деятельности. Субсидиарные обязательства государства имеют высокий уровень обеспечения, поскольку государство представляет собой платежеспособного субъекта. В связи с этим участие государства в юридических лицах, в частности основанных государством единолично или единственным участником которых является государство, автоматически повышает обеспеченность имущественных прав кредиторов соответствующего юридического лица.

Заключение

На основании вышеизложенного, отметим, что нормативно-правовое регулирование субсидиарной ответственности по обязательствам характеризуется усилением государственных гарантий исполнения судебных решений.

Следует признать, что ГК РФ оставляет сложности в определении порядка защиты прав и интересов кредиторов юридических лиц публичного права, обусловленные необходимостью применения норм публичного права.

Нормы гражданского права, устанавливающие необходимость установления недостаточности средств у казенного предприятия, государственного органа или бюджетного учреждения, подлежат применению не в порядке судопроизводства. Органы государственной исполнительной службы, обязаны в случае отсутствия необходимых средств осуществить замену взыскателя на центральный орган исполнительной власти, реализующий государственную политику в сфере казначейского обслуживания бюджетных средств.

Субсидиарная ответственность государства по своим обязательствам и обязательствам созданных им юридических лиц в гражданских правоотношениях была предметом научных исследований, в частности относительно ответственности за вред, причиненный государственными органа-

ми и должностными лицами. Впрочем, постоянное реформирование законодательства требует исследования указанных проблем и применения их на практике.

Литература

1. Баранова А.Б. Институт несостоятельности (банкротства) в правовой системе России и зарубежных стран: теория и практика правоприменения: монография / А.Б. Баранова, А.З. Бобылева, В.А. Вайпан [и др.]; отв. ред. С.А. Карелина, И.В. Фролов. М.: Юстицинформ, 2020. 360 с.
2. Нетишинская Л.Ф. Проблемы ответственности в гражданском праве: учеб. пособие / Л.Ф. Нетишинская. – Краснодар: КубГАУ, 2020. – 88 с.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации: часть первая: от 30.11.1994 № 51-ФЗ: (ред. от 11.02.2013): (принят ГД ФС РФ 21.10.1994) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 20.11.2023).
4. Середина И. М., Середина А.Г. Механизм правового регулирования отношений, возникающих в связи с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве: монография. М.: Статут, 2020. 112 с.
5. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 02.11.2023). Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/ (дата обращения: 20.11.2023).
6. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 N127-ФЗ (последняя редакция). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/ (дата обращения: 20.11.2023).
7. Сампара Н.М. Юридические факты как основания возникновения субсидиарных гражданско-правовых обязательств. Актуальные проблемы правоправедения. 2017. Том. 4 (12). С. 223–229.
8. Бакин А.С. Субсидиарность в гражданском праве Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. Томск, 2014. 227 с.
9. Вдовин И.О. Проблемы классификации субсидиарной ответственности в доктрине гражданского права // Вестник магистратуры. 2020. № 1–4 (100). С. 50–52.
10. Грязева Т.Е. Проблемы правового механизма субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц // Молодой ученый. 2020. № 18 (308). С. 252–254.
11. Холоденко Ю.В., Бердников С.С. Проблемы действия норм, регулирующих субсидиарную ответственность при банкротстве, во времени // Юрист. 2021. № 6. С. 19–25.
12. Крушевская М.В. Субсидиарная ответственность контролирующего должника лица: проблемы правореализации // Юрист. 2021. № 6. С. 41–43.
13. Рожкова Д.С. Актуальные проблемы привлечения руководителя должника, а также иных контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности // Студенческий форум. 2021. № 24–2 (160). С. 16–18.
14. Корсунова А.С. Проблемы реализации принципа справедливости в делах о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности // В сборнике: Социальная справедливость: к устойчивой экономике и обществу для всех. сборник материалов Международной научно-практической конференции. 2022. С. 229–234.
15. Петухов С.В. Проблемы правоприменительной практики привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих лиц // Образование и право. 2022. № 7. С. 222–225.

REGULATORY CONSOLIDATION OF THE CONCEPT OF SUBSIDIARY OBLIGATION IN THE CIVIL LAW SYSTEM

Barkov K.B.

Russian University of Cooperation

The transition to market relations, the consolidation and spread of the institution of private property contributed to the active development of a new vector of legal regulation of subsidiary liability, the purpose of which is to maintain the stability of civil law relations, ensuring maximum protection of the creditor's property interests. Despite the rapid growth in the use of the design of subsidiary liability, as evidenced by the analysis of domestic judicial practice. All cases of using the term "subsidiary" are related to the concept of "subsidiary liability". This problem is also caused by the lack of a comprehensive scientific study of the problems of subsidiary liability in the civil law of the Russian Federation, which would be based on an analysis of normative legal acts in the field of regulation of civil law relations.

In the context of the process of codification of civil legislation, theoretical research and practical recommendations for improving legislation were carried out by highlighting and normalizing the concept of a subsidiary obligation, establishing its place in the civil law system. Determining the ratio of a subsidiary obligation and subsidiary liability, highlighting the common and distinctive features of a subsidiary obligation when compared with other types, as well as accessory and security obligations, is an extremely relevant and promising area of scientific research.

Keywords: subsidiary obligations, subsidiary liability, debtor, creditor, civil law, state, legal doctrine.

References

1. Baranova A.B. Institute of insolvency (bankruptcy) in the legal system of Russia and foreign countries: theory and practice of law enforcement: monograph / A.B. Baranova, A.Z. Bobileva, V.A. Vaypan [et al.]; ed. S.A. Karelin, I.V. Frolov. M.: Justicinform, 2020. 360 p.
2. Netishinskaya L.F. Problems of responsibility in civil law: textbook. Manual / L.F. Netishinskaya. – Krasnodar: KubGAU, 2020. – 88 p.
3. The Civil Code of the Russian Federation: Part one: dated 30.11.1994 No. 51-FZ: (ed. dated 11.02.2013): (adopted by the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation on 21.10.1994) // ConsultantPlus [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (access date: 20.11.2023).
4. Sereda I. M., Sereda A.G. The mechanism of legal regulation of relations arising in connection with the bringing of persons con-

- trolling the debtor to responsibility in bankruptcy: monograph. M.: Statute, 2020. 112 p.
5. Budget Code of the Russian Federation No. 145-FZ dated 31.07.1998 (as amended on 02.11.2023) Access from the ConsultantPlus legal reference system. [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/ (access date: 20.11.2023).
 6. Federal Law «On Insolvency (Bankruptcy)» dated 26.10.2002 N127-FZ (latest edition). [electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/ (access date: 20.11.2023).
 7. Sampara N.M. Legal facts as grounds for the emergence of subsidiary civil obligations. Actual problems of jurisprudence. 2017.Vol. 4 (12). pp. 223–229.
 8. Bakin A.S. Subsidiarity in the civil law of the Russian Federation: dis. ... cand. jurid. sciences: 12.00.03. Tomsk, 2014. 227 c.
 9. Vdovin I.O. Problems of classification of subsidiary liability in the doctrine of civil law // Bulletin of the Magistracy. 2020. No. 1–4 (100). pp. 50–52.
 10. Gryazeva T.E. Problems of the legal mechanism of subsidiary liability of persons controlling the debtor // Young scientist. 2020. No. 18 (308). pp. 252–254.
 11. Kholodenko Yu.V., Berdnikov S.S. Problems of the rules governing subsidiary liability in bankruptcy, in time // Lawyer. 2021. No. 6. pp. 19–25.
 12. Krushevskaya M.V. Subsidiary liability of the controlling debtor of the person: problems of legal realization // Lawyer. 2021. No. 6. pp. 41–43.
 13. Rozhkova D.S. Actual problems of bringing the debtor's manager, as well as other persons controlling the debtor to subsidiary liability // Student Forum. 2021. No. 24–2 (160). pp. 16–18.
 14. Korsunova A.S. Problems of implementing the principle of justice in cases involving persons controlling the debtor to subsidiary liability // In the collection: Social Justice: Towards a Sustainable Economy and Society for All. collection of materials of the International scientific and practical Conference. 2022. pp. 229–234.
 15. Petukhov S.V. Problems of law enforcement practice of bringing controlling persons to subsidiary responsibility // Education and law. 2022. No. 7. pp. 222–225.

Процессуальное правопреемство по требованию об индексации присужденных денежных сумм в гражданском процессе

Гурьев Олег Павлович,

преподаватель кафедры гражданского процесса Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева
E-mail: one@guryev.pro

Институт процессуального правопреемства как способ замены субъекта процессуального правоотношения давно известен науке гражданского процесса и широко применяется в судебной практике. Аналогичный тезис можно выдвинуть и в отношении института индексации присужденных денежных сумм. При этом с учетом многообразия подходов, отраженных в научной литературе и, выработанных судебной практикой, правовых позиций в отношении обоих институтов, по мнению автора статьи, актуальным является вопрос о возможности применения института процессуального правопреемства по требованию об индексации присужденных денежных сумм.

В статье анализируются подходы к пониманию институтов правопреемства и индексации присужденных денежных сумм и рассматривается возможность уступки права требования денежных средств, присужденных в рамках применения института индексации и как следствие процессуального правопреемства в гражданском процессе по данному требованию. Также автором приводится собственная точка зрения на правовую природу института индексации присужденных денежных сумм.

Ключевые слова: гражданский процесс, индексация присужденных

В дореволюционной литературе учеными-цивилистами был отражен подход, в соответствии с которым причиненный ущерб подлежит возмещению в том объеме, какой необходим для восстановления положения субъекта в то состояние субъекта, которое было до момента нарушения права и в случае невозможности возмещения вреда в натуре, единственным способом такого восстановления является денежная выплата. Так Д.И. Мейер оперирует понятием «вознаграждение», которое состоит обыкновенно в доставлении подлежащему лицу известной денежной суммы[1].

Указанный подход был воспринят законодателем и отражен в действующей редакции статьи 15 Гражданского кодекса РФ, которая содержит в себе понятие «убытки».

Актуальной проблемой возмещения убытков в денежном эквиваленте является то, что денежные средства ввиду объективных экономических процессов подлежат обесцениванию со временем (инфляция). Между моментом причинения убытков и датой исполнения принятого судебного акта о взыскании денежных средств может пройти значительное количество времени и в условиях инфляции говорить о восстановлении положения субъекта права в состояние имевшее место до нарушения права не представляется возможным.

Приведенные негативные последствия неисполнения решения суда призван решить институт индексации присужденных денежных сумм, предусмотренный статьей 208 Гражданского процессуального кодекса РФ. Данный вопрос в некоторой части рассматривался автором ранее[2].

Судебная практика выработала несколько подходов к пониманию института индексации присужденных денежных сумм. Индексация как гарантия защиты имущественных интересов взыскателя и должника от инфляционных процессов[3]. Индексация как предусмотренный процессуальным законодательством упрощенный порядок возмещения взыскателю финансовых потерь[4]. Индексация – это механизм приведения присужденной суммы в соответствие с уровнем цен и стоимостью жизни, сложившимися на день реального исполнения должником своего обязательства[5].

В современной юридической литературе можно встретить мнения о том, что индексация – это механизм[6], институт[7].

Не вдаваясь в полемику с авторами приведенных мнений и критику противоположений, выработанных судебной практикой относительно определения данного понятия, поскольку правовые явления возможно рассматривать с разных точек зре-

ния, в контексте данной статьи автор предлагает рассматривать индексацию присужденных денежных сумм как структурный элемент права материального – права требовать восстановления в положение имевшее место до момента его нарушения.

Приведенная автором статьи точка зрения обусловлена рядом умозаключений, основанных на действующих правилах применения института индексации присужденных денежных сумм.

Во-первых, убытки возмещаются в денежной форме.

Во-вторых, денежные средства выступают общепризнанным эквивалентом, товаров, работ и услуг.

В-третьих, условных товаров, работ и услуг с учетом обесценивания денежных средств (инфляции) на день фактического исполнения судебного акта может быть потреблено субъектом, чье право было нарушено, в меньшем количестве либо с более низким качеством, нежели в ситуации, при которой субъект находился до момента нарушения права.

В-четвертых, в результате рассмотрения требования об индексации суд выносит судебный акт – определение, которым взыскиваются с ответчика денежные средства. Данное определение подлежит принудительному исполнению и в результате его исполнения материальное благо (денежные средства) будут переопределены между кредитором (истцом) и должником (ответчиком).

Таким образом, видится логичным вывод о том, что часть денежных средств, присуждаемая судом в рамках применения института индексации, является составным элементом (частью) нарушенного материального права, оцененного с экономической позиции – денежных средств как эквивалента всех благ, поскольку только в сумме денежных средств, присужденных и решением суда и определением об индексации субъект, сможет приобрести то количество товаров, заказать работ и услуг как это было бы на дату нарушения права. При этом, необходимо иметь в виду то, что субъект может не сразу обратиться в суд за защитой нарушенных прав ввиду ряда возможных причин (расчет на добровольное исполнение с задержкой срока, поиск судебного представителя, соблюдение обязательного досудебного порядка урегулирования спора и тп.). Кроме того, срок рассмотрения дел в судах занимает определенное время: 1 месяц по делам, подсудным мировым судьям, 2 месяца по делам, подсудным районным судам (ст. 154 ГПК РФ). При данных обстоятельствах покупательная способность денежных средств уже может измениться на дату вынесения решения суда по сравнению с покупательной способностью на дату нарушения права. Однако, институт индексации присужденных денежных сумм применяется исходя из содержания ст. 208 ГПК РФ со дня вынесения решения суда и не охватывает описанные временные периоды. Данный вопрос автор статьи ввиду ограниченный поставленными заявленной темой оставляет на разрешение в последующих исследованиях.

Исходя из вышеизложенного, можно подвести промежуточное резюме применительно к пониманию института индексации присужденных денежных сумм: денежные средства, присужденные определением суда в рамках применения ст. 208 ГПК РФ являются частью материального права несмотря на ее закрепление в процессуальном законе и применения исключительно в рамках процессуальных правоотношений.

Исходя содержания нормы, закрепленной в статье 44 ГПК РФ процессуальное правопреемство следует за правопреемством в материальном праве.

В научных исследованиях последних лет встречается подход, в соответствии с которым процессуальное правопреемство реализуется на основе совокупности юридических фактов материального и процессуального права, которые включают в себя правопреемство в спорном материальном правоотношении и волю сторон, и сопровождающийся переходом процессуального статуса от одного лица к другому[8].

Таким образом, необходимым условием изменения субъектного состава в процессуальном правоотношении при применении института процессуального правопреемства является изменение субъектного состава в материальном правоотношении.

С учетом точки зрения, которую занимает автор в настоящей статье применительно к индексации присужденных денежных сумм, рассматривая ее как составную часть права материального, несмотря на исключительно процессуальную природу ее проявления, правопреемство как материальное и как следствие процессуальное по данному требованию представляется возможным.

Возможно это и в правопреемстве универсальном и сингулярном. В универсальном правопреемстве это допустимо поскольку по данному виду правопреемства происходит замена субъекта материального права во всех правоотношениях и в полном объеме, в том числе и в части механизма, призванного сгладить негативное воздействие на инфляционные процессы (индексация присужденных денежных сумм). В ином случае право перешедшее к правопреемнику не будет соответствовать тому объему, которым был наделен правопреемник и нарушитель права при исполнении денежного обязательства правопреемнику окажется в положении более выгодном, чем если бы он состоял в обязательстве с правопреемником.

Подход, допускающий универсальное правопреемство по требованию об индексации присужденных денежных сумм был воспринят и судебной практикой[9].

Применительно к сингулярному правопреемству, что характерно, например, уступке права требования, то положения ст. 384 ГК РФ допускают уступать часть права. В частности, судебная практика также исходит из того, что право требования индексации присужденных денежных сумм может

самостоятельно существовать и принадлежать субъекту в том числе и при уступке права требования (цессии)[10].

Таким образом, можно положительно оценить судебную практику, допускающую правопреемство по требованию об индексации денежных сумм, несмотря на то, что данный институт является процессуальным.

Следует отметить, что данный подход судов к разрешению вопроса о правопреемстве по требованию об индексации присужденных денежных сумм в полной мере соответствует, предложенной автором точке зрения на институт индексации присужденных денежных сумм как составной части материального права.

Что же касается возможности уступки права требования, которое может возникнуть исключительно в процессуальных правоотношениях, а институт индексации является сугубо процессуальным, на что неоднократно указывалось автором настоящей статьи, то аналогичную ситуацию мы видим на примере уступки права на возмещение издержек, связанных с рассмотрением дела. Издержки, связанные с рассмотрением дела категория также исключительно процессуальная и возникнут они могут только в рамках процессуальных правоотношений, аналогично индексации присужденных денежных сумм. При этом Верховным судом РФ дано разъяснение о том, что уступка права на возмещение судебных издержек как такового возможна[11]. Соответственно правоприменительной практикой допускается переход права требования денежных средств, которое может возникнуть только в рамках процессуального правоотношения.

Д.Б. Абушенко, анализируя статью 15 Гражданского кодекса РФ, делает вывод о том, что принцип полного возмещения убытков должен быть ретранслирован в цивилистический процесс[12, с.25]. На приведенном примере мы можем наблюдать как данный принцип с применением института индексации присужденных денежных сумм реализуется в полной мере и посредством применения процессуального механизма восстанавливается (дополняется) нарушенное материальное право, что указывает на существенное влияние реализации процессуального права на право материальное.

Литература

1. Мейер Д.И. Русское гражданское право. М., 2003. С. 247–248.
2. Гурьев О.П. Применение обеспечительных мер при рассмотрении заявления об индексации присужденных денежных сумм // Юридическая наука. – 2022. – № 12. – С. 34.
3. Определение Конституционного Суда РФ от 20.03.2008 N244-О-П «По жалобе гражданина Петрова Игоря Александровича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 208 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Справочно- правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.12.2023)
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 23.07.2018 N35-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 208 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Т.В. Ивановой, И.М. Митина и Е.В. Шкотова» [Электронный ресурс] // Справочно- правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.12.2023)
5. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 02.10.2018 N47-КГ18–11 [Электронный ресурс] // Справочно- правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.12.2023)
6. Постатейный комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации (издание второе, исправленное и дополненное) / Под ред. П.В. Крашенинникова [Электронный ресурс] // Справочно- правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.12.2023)
7. Постыляков С.П. Актуальные проблемы правоприменения института индексации присужденных денежных сумм в гражданском процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2014. N4. С. 22–27.
8. Нечаев А.И. Процессуальное правопреемство в гражданском судопроизводстве: автореф. Дис. ... Канд. Юрид. Наук. \\\ Екатеринбург, 2012. С. 19.
9. Апелляционное определение Свердловского областного суда от 24.02.2022 г. по делу 2–5189/2011 (№ 33–3568/2022) [Электронный ресурс]: URL: https://oblsud-svd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=1781325&delo_id=5&new=5&text_number=1 (дата обращения: 12.12.2023)
10. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 21.03.2017 N5-КГ17–13 [Электронный ресурс]: URL: https://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1530562 (дата обращения: 12.12.2023)
11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.01.2016 N1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела» [Электронный ресурс] // Справочно- правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.12.2023)
12. Абушенко Д.Б. Проблемы взаимовлияния судебных актов и юридических фактов материального права в цивилистическом процессе: монография. Тверь: Издатель Кондратьев А.Н., 2013. 319 с.

PROCEDURAL SUCCESSION UPON REQUEST FOR THE INDEXATION OF THE AWARDED SUMS OF MONEY IN CIVIL PROCEEDINGS

Guryev O.P.
V.F. Yakovlev Ural State Law University

The institution of procedural succession as a way to replace the subject of a procedural legal relationship has long been known to the science of civil procedure and is widely used in judicial practice. A similar thesis can be put forward with regard to the institution of indexing the awarded sums of money. At the same time, taking into account the variety of approaches reflected in the scientific literature and legal positions developed by judicial practice in relation to both institutions, according to the author of the article, the question of the possibility of applying the institute of procedural succession to the requirement of indexing the awarded sums of money is relevant. The article analyzes approaches to understanding the institutions of succession and indexing of awarded sums of money and considers the possibility of assignment of the right to claim funds awarded within the framework of the institute of indexing and as a result of procedural succession in civil proceedings on this claim.

Keywords: civil procedure, indexing of the awarded sums of money, succession, assignment of the right of claim, assignment.

References

1. Meyer D.I. Russian civil law. M., 2003. pp. 247–248
2. Guryev O.P. Application of interim measures when considering an application for indexing of awarded sums of money // *Yuridicheskaya nauka*. – 2022. – No. 12. – P. 34.
3. Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 03/20/2008 N244-O-P “On the complaint of citizen Petrov Igor Alexandrovich for violation of his constitutional rights by part one of Article 208 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation” [Electronic resource] // Legal reference system “ConsultantPlus” (date of application: 12.12.2023)
4. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 07/23/2018 N35-P “In the case of checking the constitutionality of part one of Article 208 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation in connection with complaints from citizens T.V. Ivanova, I.M. Mitin and E.V. Shkotov” [Electronic resource] // ConsultantPlus Legal Reference System (date of appeal: 12.12.2023)
5. Definition of the Judicial Board for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 02.10.2018 N47-KG18–11 [Electronic resource] // Legal reference system “ConsultantPlus” (date of application: 12.12.2023)
6. Article-by-article commentary on the Civil Procedure Code of the Russian Federation (second edition, revised and supplemented) / Edited by P.V. Krashennikov [Electronic resource] // ConsultantPlus Legal Reference System (date of application: 12.12.2023)
7. Postilyakov S.P. Actual problems of law enforcement of the institute of indexing of awarded sums of money in civil proceedings // *Arbitration and civil procedure*. 2014. N4. pp. 22–27.
8. Nechaev A.I. Procedural succession in civil proceedings: abstract... *Cand. Jurid. Sciences*. \ \ Yekaterinburg, 2012. p. 19.
9. The appeal ruling of the Sverdlovsk Regional Court dated 02/24/2022 on the case 2–5189/2011 (№ 33–3568/2022) [Electronic resource]: URL: https://obsud-svd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=1781325&delo_id=5&new=5&text_number=1 (date of application: 12.12.2023)
10. Definition of the Judicial Board for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 03/21/2017 N5-KG17–13 [Electronic resource]: URL: https://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1530562 (date of application: 12.12.2023)
11. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 01/21/2016 No. 1 “On some issues of the application of legislation on reimbursement of costs related to the consideration of the case” [Electronic resource] // ConsultantPlus Legal Reference System (date of application: 12.12.2023)
12. Abushenko D.B. Problems of mutual influence of judicial acts and legal facts of substantive law in the civil process: monograph. Tver: Publisher Kondratiev A.N., 2013. 319 p.

Ограничение доступа в сети Интернет к информационным ресурсам, допустившим нарушение авторских прав, как предварительная обеспечительная мера

Жуйкова Анна Александровна,

ассистент кафедры «Гражданское право и процесс»,
Юридический институт, ФГБОУ ВО «Тамбовский
государственный технический университет»
E-mail: zhujkova_anna2012@mail.ru

В статье анализируется блокировка спорного контента, ограничение доступа к информационным ресурсам, допустившим нарушение авторских прав в сети Интернет как предварительная обеспечительная мера. Актуальность изучения заявленной проблематики продиктована частотой выбора данной меры предварительного обеспечения, а также динамикой роста удовлетворения заявленных требований. Цель исследования – охарактеризовать институт обеспечения иска, определить его особенности применительно к регулируемой сфере интеллектуальных прав. Таким образом, автор делает вывод: 1) о наличии признаков обеспечительных мер в действиях по блокировке контента; 2) необходимости применения общих правил к обеспечению иска наряду со специальными. К таким специальным правилам автор относит порядок определения подсудности требований об ограничении доступа к интернет-ресурсам, а также определения лица, не только содействующего позитивному осуществлению прав автора, но и имеющего возможность принимать участие в нарушении интеллектуальных прав (информационный посредник).

Ключевые слова: блокировка спорного контента, предварительные обеспечительные меры.

Блокировка спорного контента, или ограничение доступа к информационному ресурсу в сети Интернет (далее – сеть), который содержит информацию о нарушении прав автора, в качестве предварительной обеспечительной меры получила широкое применение при рассмотрении авторских споров. Статистические данные свидетельствуют о частом обращении истцов с указанными требованиями, а также подтверждают высокое число их удовлетворения.

Так, о защите авторских и (или) смежных прав в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети Интернет (ч. 3 ст. 26 ГПК РФ и с учетом количества дел за предыдущий отчетный в 2021 г.) поступило 1223 дел. По итогам отчетного периода окончено 1151 и из них – удовлетворением требований окончено 1095 [10].

В 2022 г., соответственно, из подлежащих рассмотрению 1660 дел окончено 1615 и 94% – окончены удовлетворением заявленных требований [11]. Следует также учесть, что каждый второй иск предъявлен с ходатайством о предварительном обеспечении иска в виде блокировки контента, принимая во внимание категорию дел.

Таким образом, в настоящее время сохраняется высокие показатели и заявленных обеспечительных мер, и случаи их реального применения.

В этой связи актуальность рассматриваемой проблемы продиктована востребованностью блокировки контента у правообладателей и правоприменителя, так как суд, на что указывает выше приведенная статистика, зачастую считает убедительными доводы ходатайств о применении предварительных обеспечительных мер.

Институт обеспечения иска в научной литературе имеет многолетнюю историю исследования. Правоведами изучались различные аспекты функционирования данного института: в части лиц, инициирующих применение обеспечительных мер в гражданском процессе, а также условий и порядка их принятия [16; с. 120–125].

Так, действующий Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – ГПК РФ) в ст. 139 [1] закрепил возможность ходатайствовать о применении обеспечительной меры в отношении лиц, участвующих в деле, лишив суд данной инициативы. Однако ранее действовавшая норма ст. 133 ГПК РСФСР данное право предоставляло и суду в том числе [12].

Анализ условий, порядка принятия обеспечительных мер позволил ученым сформулировать следующие выводы: 1) суд определяет, необхо-

дима ли та или иная мера, обеспечивающая иск, с учетом предмета и судебного акта по данному делу; 2) определив, что в случае отказа в удовлетворении заявления о применении именно данной меры исполнения будущего решения будет затруднено или невозможно, суд должен применить эту меру [16; с. 126].

Таким образом, и лицу, инициирующему обеспечение иска, и суду следует руководствоваться признаками обеспечительных мер при решении вопроса уместности их введения.

К таким признакам в теории процессуальной науки традиционно относят срочный и временный характер мер. Действительно, с одной стороны, закрепленные в ст. 141, ст. 142 ГПК РФ [1] требования о немедленном исполнении определения об обеспечении иска, о рассмотрении соответствующего заявления в день его поступления в суд без извещения ответчика очевидно указывают на безотлагательность обеспечительных мер. С другой стороны, действие мер ограничено определенным временным периодом. Также к числу признаков (характерных черт) рассматриваемого института относят присущую мерам возможность применения на любой стадии процесса, в рамках гражданского процесса с учетом всех видов производств [14; с.282].

Сфера регулирования авторских прав в случае их нарушения в сети Интернет за время действия норм IV ГК РФ сформировала такую практику применения, что заставляет правоведов систематически обращаться к анализу соотношения общих и специальных правил применения обеспечения иска в контексте рассмотрения авторских споров.

Так, с учреждением Суда по интеллектуальным правам (далее – СИП) законодатель включил в перечень обеспечительных мер совершение действий относительно предмета авторского спора ответчиком и других лиц. Высшая судебная инстанция в соответствующем Постановлении Пленума ВАС РФ от 12.10.2006 № 55 «О применении арбитражными судами обеспечительных мер» [13] по объективным причинам не комментировала институт обеспечения иска в случае разрешения интеллектуального спора в принципе. Однако с принятием 01.06.2023 Пленумом Верховного Суда РФ (далее – ВС РФ) Постановления № 15 «О некоторых вопросах принятия судами мер по обеспечению иска, обеспечительных мер и мер предварительной защиты» ВС РФ дополнительно разъяснил (п. 42, п. 43) правила подсудности требований об обеспечении иска в случае нарушения авторских прав, условия принятия мер судом [8].

Так, в случае нарушения авторских прав в сети особенностью определения суда, компетентного принять к рассмотрению заявление об обеспечении иска, является строгое закрепление Московского городского суда (далее – суд) в качестве инстанции, полномочной рассматривать данные заявления.

Анализ судебных актов Московского городского суда об удовлетворении заявлений о принятии

обеспечительных мер [9], а также статистических данных [10], [11], ранее нами указанных свидетельствует о следующем.

Во-первых, с учетом предоставленной законом возможности выбрать заинтересованному лицу меру, в том числе не поименованную в ст. 140 ГПК РФ [1], правообладатель полагает, что именно блокировка интернет-сайта, спорного контента является мерой, соответствующей признакам обеспечения иска.

Во-вторых, суд считает данное обеспечение в большинстве случаев необходимым.

Следующая особенность, являющаяся предметом научного исследования дел данной категории, – правила определения лица, которому следует адресовать требования о блокировке спорного контента.

Так, в случае если лицо полагает, что нарушение его авторских прав имеет место в сети Интернет, оно направляет соответствующее заявление в Московский городской суд. Далее, в случае, если суд сочтет требования обоснованными, вынесенное определение о принятии мер направляется в Федеральную службу по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (далее – Роскомнадзор, служба), а правообладателем подается соответствующее заявление в установленной форме. В результате службой обеспечивается ограничение доступа к информационным ресурсам, распространяющим объекты авторских и смежных прав или информацию в сети, сроком на 15 дней. При этом судья Московского городского суда М.Ю. Казаков оценивает взаимодействие между судом и Роскомнадзором как налаженное, хорошо организованное [20].

Интересно в этой связи отметить, что за период действия рассматриваемых норм имело место принятие к производству судом иска иностранной компании к другой, учрежденной в США [17].

Особое внимание в научной литературе уделяется анализу лиц, к которым обращается Роскомнадзор с требованием об исполнении предписаний суда об ограничении доступа. Так, положения ч. 2 ст. 15.2 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 29.12.2022) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее – Закон о защите информации) фиксируют последовательность действий службы при определении лица, обязанного исполнить определение суда о блокировке [3]. В свою очередь, ст. 1253.1 ГК РФ данных лиц именуется информационными посредниками.

К указанным лицам относят: 1) лицо, передающее материал в сети Интернет; 2) лицо, предоставляющее возможность размещения материала, информации, необходимой для его получения в сети Интернет, включая случаи предоставления возможности доступа к материалу или информации, необходимой для его получения с использованием сети; 3) лицо, предоставляющее возможность доступа к материалу в этой сети [2].

Так, исследователи отмечают, что особенность данных лиц состоит в том, что они могут принимать участие в нарушении прав автора, так как без их деятельности такое нарушение объективно трудно допустить. Однако эти же лица создают условия и для правомерного, законного использования объектов интеллектуальных прав.

В.А. Корнеев, анализируя позиции высших судебных инстанций относительно закрепления оснований ответственности информационного посредника, обращает внимание на то, что Высший Арбитражный Суд Российской Федерации (далее – ВАС РФ) дает оценку действиям, в частности, провайдеру хоста, а именно: устанавливается, предпринимались ли такие действия в момент нарушения или нет, были ли они направлены на пресечение возможного нарушения прав автора. И в случае, если данные действия не были совершены хостинг-провайдером, суд вправе привлечь его к ответственности.

В целом, принципы определения оснований привлечения к ответственности хостинг-провайдера, закрепленные законодателем, соответствуют подходам, существующим в европейском праве [15; с. 270–272]. ВС РФ, следуя логике западноевропейской модели привлечения к ответственности информационного посредника, разъяснил в п. 77 Постановления Пленума ВС РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» следующее. Если имело место нарушение в процессе осуществления деятельности не в качестве информационного посредника, то последний не может быть привлечен к ответственности [7].

При этом Роскомнадзор как контролирующий орган привлекается в качестве третьего лица, не заявляющего требований относительно предмета спора, что выражает собой процессуальную особенность функционирования института обеспечения иска в рассматриваемой категории дел. Данный подход обусловлен обязанностью Роскомнадзора контролировать исполнение судебного акта, предписывающего блокировать доступ к информационному ресурсу [20].

На основании изложенного, полагаем, необходимо сделать следующие выводы.

Во-первых, обеспечение иска, преследуя цель надлежащего исполнения решений суда, прежде всего отвечает интересам защиты прав граждан и юридических лиц. Обобщая признаки обеспечения иска, исследователи относят к ним: 1) применение мер соответствующими компетентными органами; 2) данные меры, предполагающие совершение определенных действий, предусмотрены законом; 3) цель принятия мер состоит в гарантии исполнения в будущем судебного акта [19; с. 116–117].

Во-вторых, ограничение доступа к информационным ресурсам, в которых допущено нарушение прав автора в сети Интернет, блокирование спорного контента расценивается специалистами в этой области как действенная и эффективная ме-

ра, представляющая собой меру защиты интересов правообладателя [18].

В-третьих, проанализированные выше особенности правил подсудности требований о блокировке контента, правил определения лица, допустившего нарушение (информационного посредника), его роли в системе регулирования прав автора в сети свидетельствуют об объективном характере существования специальных правил. Действительно, обладатель исключительного права располагает не только общими способами защиты, но и перечнем дополнительных, характерных для сферы интеллектуальной собственности. Данные способы закреплены в ст. 1251, ст. 1252 IV части ГК РФ (например, пресечение действий, нарушающих или создающих угрозу нарушения интеллектуального права, изъятие материального носителя, публикация решения суда о допущенном нарушении с указанием действительного правообладателя) [2]. И данный спектр возможностей правообладателя очевидно предопределила особенность иска о защите интеллектуальных прав – объект всегда будет являться нематериальным. Однако специфика материально-правовых норм объясняет только разнообразие возможных исков о защите авторского права, но процессуальных специальных норм, например, в части подачи иска или встречного иска ГПК РФ не предусмотрено. Однако институт обеспечения иска в случае нарушения авторских прав обладает спецификой, требующей исследования и критического осмысления [19; с. 115].

Таким образом, блокировка контента является предварительной обеспечительной мерой, отвечающей интересам правообладателя, заслуженно получившая широкое применение. При этом принимая во внимание особый статус и роль информационного посредника в случае привлечения его к ответственности есть основания прогнозировать риск предъявления соответствующих требований ненадлежащему лицу. Именно данное обстоятельство дополнительно подчеркивает и актуальность поддержания научного уровня исследований в этом направлении, и необходимость руководства общими, основополагающими принципами гражданского процесса.

Литература

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (с изм. и доп. от 24.06.2023, № 279) [Текст] // СЗ РФ. – 2002. – № 46, ст. 4532; 2023. – № 26, ст. 4687;
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (с изм. и доп. от 13.06.2023, № 235) [Текст] // Рос. газета. – 2006. – 22 дек.; 2023. – 20 июн.;
3. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (с изм. и доп. от 31.07.2023, № 406) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [Текст] // Рос. газета. – 2006. – 29 июл.; 2023. – 31 июл.;

4. Федеральный закон от 02.07.2013 № 187-ФЗ (с изм. и доп. от 12.03.2014, № 35) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам защиты интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях» [Текст] // СЗ РФ. – 2013. – № 27, ст. 3479; 2014. – № 11, ст. 1100;
5. Федеральный закон от 24.11.2014 № 364-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» [Текст] // СЗ РФ. – 2014. – № 48, ст. 6645;
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении» части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» [Текст] // Рос. Газета. – 2019. – 6 мая;
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2023 № 15 «О некоторых вопросах принятия судами мер по обеспечению иска, обеспечительных мер и мер предварительной защиты» [Текст] // Рос. Газета. – 2023. – 7 июня;
8. Определение Московского городского суда от 31.03.2022 № 2и-4534/2022 о принятии предварительных обеспечительных мер [Электронный ресурс]. – URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/defend/get/document/36a2f1c0-b193-11ec-a0ef-33fdb7278959> (дата обращения 11.12.2023);
9. Отчет Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации по работе судов общей юрисдикции о рассмотрении гражданских, административных дел по первой инстанции за 2021 г. // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=6120> (дата обращения 11.12.2023);
10. Отчет Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации по работе судов общей юрисдикции о рассмотрении гражданских, административных дел по первой инстанции за 2022 г. // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7645> (дата обращения 11.12.2023);
11. Гражданский процессуальный кодекс РСФСР от 11 июня 1964 г. [Текст] // Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24. Ст. 407;
12. Постановление Пленума ВАС РФ от 12.10.2006 № 55 (с изм. и доп. от 27.06.2017) «О применении арбитражными судами обеспечительных мер» // Вестник ВАС РФ, № 12, декабрь, 2006;
13. Гражданский процесс: учебник [Текст] / отв. ред. В.В. Ярков. – 9-е изд., перераб. и доп. – М.: Инфотропик Медиа, 2016. – 784 с. (автор главы – В.В. Ярков);
14. Интеллектуальные права: учебник [Текст] / под общ. ред. Е.А. Павловой. – М.: Статут, 2023. – 842 с. (автор главы – В.А. Корнеев);
15. Исаенкова О.В. Иск и исковая форма защиты в гражданском процессе: монография [Текст] / О.В. Исаенкова, О.В. Ниолайченко, Т.В. Соловьева, Н.Н. Ткачева; под ред. О.В. Исаенковой. – М.: Юрайт, 2020. – 183 с. (автор главы – Н.Н. Ткачева);
16. Луговой, Д.И. Особенности защиты интеллектуальных прав в Московском городском суде первой инстанции [Электронный ресурс] // Закон.ру. 2022. 8 сентября. URL: https://zakon.ru/blog/2022/09/08/osobennosti_zaschity_intellektualnyh_prav_v_moskovskom_gorodskom_sude_po_pervoj_instancii (дата обращения 11.12.2023);
17. Осипов, М.Ю. Защита авторских прав в сети Интернет: основные особенности и проблемы [Текст] / М.Ю. Осипов // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 12. – С. 116–122. [Электронный ресурс]. – Доступ из Справ. правовой системы «Консультант-Плюс». URL: <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=119339&d-st=100029#ATpV7yTYLqqim9on2> (дата обращения 11.12.2023);
18. Рожкова, М.А. Защита интеллектуальной собственности в арбитражном суде (проблемы подведомственности обеспечения иска): дис. ... канд.юрид.наук [Текст] / М.А. Рожкова. – М., 2001. – 191 с.;
19. Судьи Мосгорсуда: нелегального контента в сети становится меньше [Интервью с судьями Московского городского суда М.Ю. Казаковым и А.С. Лопаткиной]. – <https://www.interfax.ru/interview/521388> (дата обращения 11.12.2023).

RESTRICTION OF ACCESS ON THE INTERNET TO INFORMATION RESOURCES THAT HAVE COMMITTED COPYRIGHT INFRINGEMENT, AS A PRELIMINARY INTERIM MEASURE

Zhuikova A.A.

Tambov State Technical University

The article analyzes the blocking of controversial content, restriction of access to information resources that have committed copyright infringement on the Internet as a preliminary interim measure. The relevance of studying the stated issues is dictated by the frequency of choosing this measure of pre-provision, as well as the dynamics of growth in satisfaction of the stated requirements. The purpose of the study is to characterize the institution of securing a claim, to determine its features in relation to the regulated field of intellectual property rights. Thus, the author concludes: 1) the presence of signs of interim measures in relation to actions to block content; 2) the need to apply general rules to securing a claim along with special ones. The author refers to such special rules as the procedure for determining the jurisdiction of the requirements for restricting access to Internet resources, as well as determining the person who not only promotes the positive exercise of the author's rights, but also has the opportunity to participate in the violation of intellectual rights (information intermediary).

Keywords: blocking of controversial content, preliminary interim measures.

References

1. Civil Procedure Code of the Russian Federation dated November 14, 2002 No. 138-FZ (as amended and supplemented dated June 24, 2023, No. 279) [Text] // SZ RF. – 2002. – No. 46, art. 4532; 2023. – No. 26, art. 4687;
2. Civil Code of the Russian Federation (part four) dated December 18, 2006 No. 230-FZ (as amended and supplemented dated June 13, 2023, No. 235) [Text] // Ross. newspaper. – 2006. – December 22; 2023. – June 20;

3. Federal Law of July 27, 2006 No. 149-FZ (as amended and supplemented by July 31, 2023, No. 406) "On information, information technologies and information protection" [Text] // *Ross. newspaper.* – 2006. – July 29; 2023 – July 31;
4. Federal Law of July 2, 2013 No. 187-FZ (as amended and supplemented by March 12, 2014, No. 35) "On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation on the protection of intellectual rights in information and telecommunication networks" [Text] // *Northwestern Russian Federation.* – 2013. – No. 27, art. 3479; 2014. – No. 11, art. 1100;
5. Federal Law of November 24, 2014 No. 364-FZ "On Amendments to the Federal Law "On Information, Information Technologies and Information Protection" and the Civil Procedure Code of the Russian Federation" [Text] // *SZ RF.* – 2014. – No. 48, art. 6645;
6. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated April 23, 2019 No. 10 "On the application" of part four of the Civil Code of the Russian Federation" [Text] // *Ross. Newspaper.* – 2019. – May 6;
7. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 06/01/2023 No. 15 "On some issues of the courts taking measures to secure a claim, interim measures and preliminary protection measures" [Text] // *Ros. Newspaper.* – 2023. – June 7;
8. Ruling of the Moscow City Court dated March 31, 2022 No. 2i-4534/2022 on the adoption of preliminary interim measures [Electronic resource]. – URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/defend/get/document/36a2f1c0-b193-11ec-a0ef-33fdb7278959> (access date 12/11/2023);
9. Report of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation on the work of courts of general jurisdiction on the consideration of civil and administrative cases at first instance for 2021 // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=6120> (accessed 12/11/2023);
10. Report of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation on the work of courts of general jurisdiction on the consideration of civil and administrative cases at first instance for 2022 // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7645> (date of access: 12/11/2023);
11. Civil procedural code of the RSFSR of June 11, 1964 [Text] // *Gazette of the Supreme Court of the RSFSR.* 1964. No. 24. Art. 407;
12. Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated October 12, 2006 No. 55 (as amended and supplemented on June 27, 2017) "On the application of interim measures by arbitration courts" // *Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation,* No. 12, December 2006;
13. Civil process: textbook [Text] / rep. ed. V.V. Yarkov. – 9th ed., revised. and additional – M.: Infotropik Media, 2016. – 784 p. (author of the chapter – V.V. Yarkov);
14. Intellectual rights: textbook [Text] / under general. ed. E.A. Pavlova. – M.: Statute, 2023. – 842 p. (author of the chapter – V.A. Korneev);
15. Isaenkova O.V. Claim and claim form of defense in civil proceedings: monograph [Text] / O.V. Isaenkova, O.V. Niolaichenko, T.V. Solovyova, N.N. Tkacheva; edited by O.V. Isaenkova. – M.: Yurayt, 2020. – 183 p. (author of the chapter – N.N. Tkacheva);
16. Lugovoy, D.I. Features of the protection of intellectual rights in the Moscow City Court of First Instance [Electronic resource] // *Law.ru.* 2022. September 8. URL: https://zakon.ru/blog/2022/09/08/osobennosti_zaschity_intellektualnyh_prav_v_moskovskom_gorodskom_sude_po_pervoj_instancii (access date 12/11/2023);
17. Osipov, M. Yu. Copyright protection on the Internet: main features and problems [Text] / M. Yu. Osipov // *Current problems of Russian law.* – 2018. – No. 12. – P. 116–122. [Electronic resource]. – Access from Help. legal system "ConsultantPlus". URL: <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=119339&dst=100029#ATpV7yTYLqim9on2> (accessed 12/11/2023);
18. Rozhkova, M.A. Protection of intellectual property in the arbitration court (problems of jurisdiction to secure a claim): dis. ... candidate of legal sciences [Text] / M.A. Rozhkova. – M., 2001. – 191 p.;
19. Judges of the Moscow City Court: there is less illegal content on the Internet [Interview with judges of the Moscow City Court M. Yu. Kazakov and A.S. Lopatkina]. – <https://www.interfax.ru/interview/521388> (access date 12/11/2023).

Загородникова Юлия Олеговна,

студент магистратуры, кафедра гражданского права,
Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет
E-mail: zagorodnikovaiulia@yandex.ru

Бауэр Дарья Владимировна,

студент магистратуры, кафедра гражданского права,
Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет
E-mail: d.bauer26@mail.ru

Несмотря на наличие большого количества доменов в современном мире и консенсуса относительно их коммерческой ценности, которая очевидна, законодатель указывает лишь на техническую функцию, наделяя доменные имена служебными функциями, делая его только способом использования одного из средств индивидуализации и отказывая в самостоятельном правовом содержании. Подобное игнорирование неизбежно сталкивает домены с другими объектами гражданских прав, обладающих полноценным правовым регулированием, в первую очередь речь идет о конкуренции режимов с правовым регулированием товарного знака. А поскольку доменные имена не имеют своего правового регулирования, то их владельцы являются крайне незащищенными субъектами оборота. В данной работе будет рассмотрен подход к доменному имени, как к имуществу.

Ключевые слова: доменное имя, интернет, сайт, правовое регулирование, правая природа, информационные технологии.

Подход к доменному имени как к имуществу выработан судебной практикой. Наиболее известным в данной связи является дело Paeffgen GmbH v. Germany, которое рассмотрел Европейский суд по правам человека. Фабула спора заключалась в том, что истец зарегистрировал на свое имя значительное количество доменных имен в таком объеме, что говорить о их использовании по назначению не приходилось. После того, как компания проиграла ряд исков, исчерпав средства национальной защиты, дело дошло до ЕСПЧ. Европейский суд отметил, что понятие «имущество» имеет автономное значение и не зависит от формальной классификации в национальном праве. Поскольку компания «Паеффген Гмбх» могла извлекать прибыль из использования доменов, посредством их отчуждения, то ее действия подпадают под понятие «имущество» [1]. Комментируя указанный акт, Е.Е. Юркина указывает на то, что аргументация ЕСПЧ сводилась к оценке дела через ст. 1 Римской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г., в которой говорится о контроле за использованием собственности, что недопустимо в отечественной системе вещного права, в которой подобное имущество не может породить право собственности, но в то же время в отечественной доктрине существует тот факт, что «право извлекать выгоду из доменного имени» представляет собой «имущество» [2].

Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) достаточно широко трактует термин имущество, указывая, что он имеет в своем содержании не только абсолютные права на вещи, но и имущественные права, имущественные интересы, ценность активов и другие блага, имеющие для правообладателя ценность. Иначе говоря, имущество представляет собой благо, которое несет в себе для правообладателя какую-либо (пусть даже минимальную) материальную ценность.

Как отмечает А.Н. Лысенко, отечественное правовое регулирование понятия имущества подразумевает деление этой категории на два элемента: на вещи (включая деньги и ценные бумаги) и иное имущество (в том числе имущественные права). Он же указывает на то, что корректнее развить указанную концепцию и рассматривать категорию «имущество», как совокупность трех элементов: вещей, имущественных прав и иного имущества [3].

Схожим образом рассматривал имущество и Л.В. Лапач, указывая, что имущество понимается в качестве правового блага, в основе которого лежит главная в действующем российском гражданском законодательстве имущественная оппозиция вещей (в широком понимании) и иного имущества.

В настоящий момент модель имущества, согласно ГК РФ, включает в себя вещи, приравненные к вещам деньги и ценные бумаги, а также «иное имущество», в том числе функциональные аналоги вещей, а также имущественные права, включая обязательственные права (требования) и исключительные права. При этом указанный автор также полагает возможным разделение текущей нормативной концепции иного имущества на имущественное право и на «иное имущество», к которому она относит энергию и мощность, радиочастотный спектр, а также функциональные аналоги сделок (ценные бумаги, деривативы, валюта, доли в уставных капиталах) [4].

Указанные авторы подчеркивают «трехглавость» термина имущество, особо выделяя имущественные права. Однако исследованию имущественного права, как объекта гражданских прав посвящено весьма скромное число работ. Отдельно стоит выделить диссертацию А.С. Яковлева, в которой он указал, что имущественное право является собой субъективное гражданское право, посредством которого реализуется имущественный интерес конкретного субъекта гражданского права. Такое имущественное право имеет денежную ценность, приобретается по сделкам, либо иным юридическим фактом и способно к отчуждению. К числу имущественных прав А.С. Яковлев относит вещные, обязательственные (включая корпоративные) и исключительные права, указывая, что сами по себе вещные права не могут быть самостоятельным объектом гражданских правоотношений [5].

В литературе подход А.С. Яковлева поддерживается и разделяется другими учеными, которые полагают невозможным рассматривать имущественное право вне контекста субъективного права, как меры возможного поведения. Это означает, что нельзя имущественное право воспринимать, как отдельное благо нематериального характера, которое не является мерой возможного поведения [6].

Д.Е. Меньшиков предлагает выделять ряд признаков, присущих имущественным правам:

Во-первых, они всегда принадлежат определенному лицу, без принадлежности прав кому-либо отпадает в принципе их необходимость. Если право никому не принадлежит, то и никакого права вовсе нет.

Во-вторых, имущественные права представляют собой средство либо сохранения определенного имущественного интереса (вещные имущественные права), либо его получения (обязательственные имущественные права).

В-третьих, имущественные права оборотоспособны, иной даже в разрыве с тем благом, на которое субъективные права возникают.

В-четвертых, как продолжение предыдущего признака, имущественные права имеют материальную ценность, способны не просто передаваться от субъекта к субъекту, но и способны приносить доход от их реализации [7].

Авторская позиция такова, что доменное имя не является имущественным правом, постольку поскольку и не является услугой. Доменное имя не является динамичным понятием, не является действием, субъективным правом. Это конечный результат, выраженный набором символов, способным адресовать пользователя к серверу с сайтом. Более того, доменное имя вполне может никому не принадлежать. Например, доменное имя <http://juliazagorodnikovalaw.ru/> абсолютно свободно. Оно никуда не адресуется и не ведет ни на какой сервер. Но оно способно на это. Достаточно просто обратиться к регистратору, дать ему распоряжение на внесение доменного имени в реестр и указать IP сервера, к которому оно должно вести.

Существуют же бесхозные вещи, которые в объективной реальности присутствуют, но прав на такую вещь нет ни у кого – собственник либо неизвестен, либо его нет, либо он отказался от вещи.

Остальные признаки имущественных прав, указанные вышеупомянутым автором и вовсе нельзя отнести к каким-то обособляющим признакам. Вещи тоже оборотоспособны, любой объект гражданских прав, кроме нематериальных благ, имеет материальную ценность.

Исходя из всего указанного, доменное имя не может выступать в качестве имущественного права, но вполне может быть расценено в качестве такого явления, которое способно быть объектом имущественных прав. Именно права администрирования доменными именами реализуются за баснословные деньги, за возможность получения такого права администратор уплачивает денежные средства регистратору.

Очевидно, что доменное имя нематериально, не может быть вещью. Оно нематериально, неосязуемо, им нельзя владеть. Все это подталкивает нас к тому третьему элементу категории имущества – иное имущество.

Иное имущество нельзя детерминировать, поскольку оно формируется по остаточному принципу – все что имущество, но не вещь, представляет собой иное имущество. Более того, если законодатель отдельно в числе иного имущества указывает на имущественные права, то должно быть какое-то иное имущество, которое не является имущественным правом. Вышеупомянутая Л.В. Лапач относилась к иному имуществу такие объекты, что нельзя назвать правом, но которые очевидно не являются вещью (например, электроэнергия).

Может ли тогда в этом ключе доменное имя расцениваться как иное имущество, раз оно очевидно не является ни вещью, ни имущественным правом?

Схожие, нематериальные объекты гражданских прав, существующих в цифровой реальности, в науке нередко пытаются отнести к иному имуществу. Исследователи относят к иному имуществу «виртуальное имущество» – объекты, имеющие реальную экономическую ценность, но которые неотделимы от исходного кода онлайн-игры [8]. В качестве ино-

го имущества расценивают и аккаунты в социальных сетях, которые в эпоху интернет-коммерции могут служить площадкой для продажи товаров, или предложения потребителю выполнить для него работу или оказать услугу, выступая в таком ключе интернет-магазином [9]. К числу объектов, являющихся иным имуществом, судебная практика относит такой дискуссионный с точки зрения правовой природы объект, как криптовалюта [10].

А.И. Савельев указывает на уязвимость такой категории. Во-первых, отсутствует дефиниция самого понятия «иное имущество». Во-вторых, проблема квалификации явления в качестве иного имущества в том, что она сопровождается неопределенностью относительно правового режима, например, нельзя ответить на вопрос какой именно договор должен опосредовать отношения, связанные с иным имуществом (купля-продажа, мена, непоименованный договор). Иное имущество А.И. Савельев сравнивает с непоименованным договором, указывая на то, что при квалификации объекта в качестве иного имущества мы его легитимируем, но на этом все [11].

Ранее в работе упоминался один судебный прецедент США, сформировавшийся в деле *Kremen v. Cohen*. В нем было установлено, что доменное имя соответствует признакам *Intangible property*.

Intangible property в странах англо-саксонского права является таким видом имущества, что включает в себя: деньги, движимое и недвижимое имущество, имущественные требования и иные нематериальные активы. Само слово *Intangible* переводится как неосознаваемый, бестелесный [12].

Концепция бестелесного имущества рассматривалась и в отечественной доктрине гражданского права. Основной вклад в развитие этой концепции в России был сделан Д.В. Федотовым. Под бестелесным имуществом он понимал совокупность нематериальных объектов, обладающих имущественной ценностью, которые могут охарактеризоваться состоянием присвоенности определенному субъекту гражданского права [13].

Подобная концепция бестелесных вещей приобретает все большую популярность и в романо-германской правовой мысли. Так Кристиан фон Бар, профессор Оснабрюкского университета (Германия) указывает, что в праве есть только вещи, которые воспринимаются правом как вещи. Это означает, что вещью может быть все, что право посчитает таковой. Вещь – это не материальный предмет, вещь – это правовой режим. Так, фон Бар выделяет категории нормативных вещей и подлинных вещей. Так, например, земельный участок (*Grundstück*) не является подлинной вещью, поскольку существует лишь в сознании людей, являясь юридическим воплощением физического субстрата, т.е. земной поверхности, от которой они юридически отделяются [14].

Кажется, что все просто – у нас есть какие-то статичные нематериальные объекты, которые в англо-саксонской правовой системе отнесены к бестелесному имуществу, в противоположность

имуществу телесному. Если телесность есть признак вещей, то все просто – тогда бестелесное имущество = иное имущество. Но есть одно «но», которое имеет большое значение и которое верно отмечено А.В. Саженовым: когда речь идет о бестелесных вещах, лицу хотелось бы распространить на него, несмотря на ее бестелесность, вещно-правовой режим, который присущ только телесным вещам (установить возможность нахождения доменного имени в собственности, распространить на него вещно-правовую защиту) [14]. Наполнение категории «иное имущество» смыслом через категорию «бестелесная вещь» возможно теоретически, но в отечественной правовой системе нереализуемо практически. Все это связано с тем, что в странах англо-саксонского права в понятие «бестелесное имущество» включаются имущественные права, но в отечественной правовой системе это будет порождать наличие субъективных прав на субъективное право (право собственности на право требования). Это может создать бесконечную рекурсию субъективных прав – лицо передает право пользования правом собственности на право требования. В тоже время, если вывести категорию имущественных прав из иного имущества, то придание иному имуществу режима бестелесных вещей, теоретически возможно.

Подводя итог, стоит отметить, что если имущество в своей сущности – благо, имеющее материальную ценность, то доменное имя однозначно является имуществом. Поскольку доменное имя не субъективное право, а скорее объект таких субъективных прав, то расценивать доменное имя возможно исключительно в концепции иного имущества. Однако иное имущество полагается бесодержательной категорией в силу того, что формируется по остаточному принципу. Нельзя установить никакого конкретного правового режима для доменного имени, если оно является «иным имуществом». При этом доменное имя могло бы являться бестелесной вещью, но данная категория чужда отечественному законодательству.

Литература

1. Решение ЕСПЧ от 18.09.2007 по делу Компания «Пэффген ГмбХ» (I–IV) (*PaeffgeNe GmbH (I–IV)*) против Германии» (жалоба № 25379/04, 21688/05, 21722/05 и 21770/05) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. № 3. 2008
2. Юркина Е.Е. Европейская конвенция о защите прав человека и Интернет // Прецеденты Европейского суда по правам человека. 2018. № 1.С. 17.
3. Лысенко А.Н. Имущество в гражданском праве России. М.: Деловой двор, 2010. С. 18.
4. Лапач Л.В. Проблемы строения категории «имущество» в российском гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2007. С. 8, 10.

5. Яковлев А.С. Имущественные права как объекты гражданских правоотношений: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2003. С. 6.
6. Ишеков К.А., Ишекова Ю.С. Имущественные права как категория гражданского процессуального права // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2018. № 8. С. 51.
7. Меньшиков Д.Е. Имущественные права как объекты гражданских прав // *Уральский журнал правовых исследований*. 2019. № 3 (4). С. 410/
8. Хилыута В.В. Дематериализация предмета хищения и вопросы квалификации посягательств на виртуальное имущество // *Журнал российского права*. 2021. № 5. С. 76.
9. Гринь Е.С. Наследование аккаунтов в социальных сетях: российский и зарубежный опыт // *Актуальные проблемы российского права*. 2022. № 2. С. 131.
10. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15.05.2018 № 09АП-16416/2018 по делу № А40-124668/2017 // СПС «Консультант» (дата обращения: 28.05.2022)
11. Савельев А.И. Криптовалюты в системе объектов гражданских прав // *Закон*. 2017. № 8. С. 144.
12. Хохлова Е.П. Наложение ареста на имущество в уголовном процессе Англии и Уэльса // *Адвокат*. 2014. № 11. С. 71.
13. Федотов Д.В. Бестелесное имущество в гражданском праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2012. С. 16.
14. Бар фон К. Для чего нужно понятие земельного участка (Grundstück) и что это такое? О сложностях установления содержания понятия «вещь» в европейском вещном праве // *Вестник гражданского права*. 2018. № 5. С. 117, 130–134.
15. Саженов А.В. Криптовалюты: дематериализация категории вещей в гражданском праве // *Закон*. 2018. № 9. С. 111.

POSSIBILITY OF DEFINING A DOMAIN NAME AS AN OBJECT OF CIVIL RIGHTS

Zagorodnikova Yu.O., Bauer D.V.

Novosibirsk National Research State University

Despite the presence of a large number of domains in the modern world and a consensus regarding their commercial value, which is obvious, the legislator indicates only a technical function, endowing domain names with service functions, making it only a way to use one of the means of individualization and denying independent legal content. Such ignoring inevitably pits domains against other objects of civil rights that have full legal regulation, primarily we are talking about competition between regimes with the legal regulation of a trademark. And since domain names do not have their own legal regulation, their owners are extremely unprotected subjects of turnover. This paper will consider the approach to a domain name as property.

Keywords: domain name, Internet, website, legal regulation, legal nature, information technology.

References

1. Decision of the ECtHR dated September 18, 2007 in the case of *Paefgen GmbH (I–IV) v. Germany* (complaint No. 25379/04, 21688/05, 21722/05 and 21770/05) // *Bulletin of the European Court of Human Rights*. No. 3. 2008
2. Yurkina E.E. *European Convention for the Protection of Human Rights and the Internet // Precedents of the European Court of Human Rights*. 2018. No. 1.S. 17.
3. Lysenko A.N. *Property in Russian civil law*. M.: Business Dvor, 2010. P. 18.
4. Lapach L.V. *Problems of the structure of the category “property” in Russian civil law: abstract of thesis. dis. ...cand. legal Sci. Rostov n/d, 2007. pp. 8, 10.*
5. Yakovlev A.S. *Property rights as objects of civil legal relations: Author’s abstract. dis. ...cand. legal Sci. Voronezh, 2003. P. 6.*
6. Ishekov K.A., Isheкова Yu.S. *Property rights as a category of civil procedural law // Laws of Russia: experience, analysis, practice*. 2018. No. 8. P. 51.
7. Mentshikov D.E. *Property rights as objects of civil rights // Ural Journal of Legal Research*. 2019. No. 3 (4). P. 410/
8. Khilyuta V.V. *Dematerialization of the subject of theft and issues of qualification of attacks on virtual property // Journal of Russian Law*. 2021. No. 5. P. 76.
9. Grin E.S. *Inheritance of accounts in social networks: Russian and foreign experience // Current problems of Russian law*. 2022. No. 2. P. 131.
10. *Resolution of the Ninth Arbitration Court of Appeal dated May 15, 2018 No. 09AP-16416/2018 in case No. A40-124668/2017 // ATP “Consultant” (date of appeal: 05.28.2022)*
11. Savelyev A.I. *Cryptocurrencies in the system of objects of civil rights // Law*. 2017. No. 8. P. 144.
12. Khokhlova E.P. *Seizure of property in criminal proceedings in England and Wales // Lawyer*. 2014. No. 11. P. 71.
13. Fedotov D.V. *Incorporeal property in civil law: Author’s abstract. dis. ...cand. legal Sci. Ekaterinburg, 2012. P. 16.*
14. Bar von K. *Why do we need the concept of a plot of land (Grundstück) and what is it? On the difficulties of establishing the content of the concept of “thing” in European property law // Bulletin of Civil Law*. 2018. No. 5. P. 117, 130–134.
15. Sazhenov A.V. *Cryptocurrencies: dematerialization of the category of things in civil law // Law*. 2018. No. 9. P. 111.

Исаенко Алена Сергеевна,

студент, кафедра гражданского права Института философии и права, ФГАОУ ВО «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет»
E-mail: alena_isaenko@mail.ru

Игошкина Мария Евгеньевна,

студент, кафедра конституционного и муниципального права Института философии и права, ФГАОУ ВО «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет»
E-mail: igoshckina.maria@yandex.ru

Статья посвящена анализу правовой возможности и уровню востребованности процедуры медиации в рамках урегулирования семейных конфликтов. В результате проведенного исследования на основе научных работ и правовых заключений были найдены некоторые проблемы, которые затрудняют эффективное разрешение семейных споров и способствуют повышению уровня спроса к внедрению семейной медиации. При изучении нормативной основы процедуры посредничества было выведено определение семейной медиации, определена роль семейного медиатора, а также сформулированы основные признаки семейной медиации и ее преимущества перед судебными юристами. В частности, были выведены предложения о внедрении института семейной медиации путем его закрепления на законодательном уровне.

Ключевые слова: семейные конфликты, признаки семейной медиации, медиативное соглашение, особенности правового регулирования посредничества в семейных отношениях, роль медиатора, правовые механизмы.

Введение

Сфера семейно-правового регулирования была и есть одна из самых высокочатратных категорий дел как в материальном, так и в психологическом плане. Особая сложность таких дел кроется: во-первых, в сложной правовой природе семейных споров; во-вторых, в специфике самих семейных правоотношений, регулирование которых требует детального и комплексного правового анализа каждого конкретного дела; в-третьих, в наличии определенных теоретических и практических проблем правового характера, решение которых возможно только путем постоянного совершенствования законодательства.

В связи с этим, на практике была выявлены следующие проблемы:

- неспособность конфликтующих сторон (участников семейного спора) вести коммуникацию с оппонентами, идти на переговоры и компромиссы, а также правильно формулировать правовую цель своих интересов;
- высокая эмоциональная напряженность всех участников семейного конфликта;
- загруженность судей, занимающихся вопросами разрешения семейно-правовых конфликтов и как следствие затягивание судебных процессов;
- отсутствие обязательного проведения процедуры медиации для определенных категорий семейных споров, в которых урегулирование спора невозможно без соблюдения досудебного порядка разрешения конфликта.

Согласно ч. 1 ст. 38 Конституции РФ, семья, материнство и детство находятся под защитой государства [1]. Следовательно, при создании и развитии правовых механизмов регулирования семейных отношений должна ставиться цель не только укрепления семьи, но также и расширения правовых возможностей для урегулирования любых семейных конфликтов, в том числе тех, где задействованы интересы детей. Данный тезис находит свое прямое подтверждение в принятой Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года [3].

Одним из таких эффективных на наш взгляд правовых механизмов является именно процедура медиации (посредничества), которая, по мнению российского законодателя, призвана содействовать развитию партнерских деловых отношений, формированию этики делового оборота, гармонизации и гуманизации социальных отношений в семье [5].

Нормативное регулирование процедуры семейной медиации

В 2010 году в РФ был принят первый и пока что основной Федеральный закон № 193 «Об альтер-

нативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (далее – Закон о медиации), который и по сей день выступает правовой базой для регулирования данной процедуры в различных отраслях ее применения.

Согласно ч. 2 ст. 1 Закона о медиации, данная процедура может применяться к спорам, возникающим из гражданских, административных и иных публичных правоотношений, в том числе в связи с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности, а также спорам, возникающим из трудовых правоотношений и семейных правоотношений. Данное положение подтверждает право медиаторов и суда прибегать к процедуре посредничества обходя судебную форму разрешения спора [2].

Однако, интересным кажется то, что процедура медиации как альтернативный способ разрешения семейно-правовых споров начала набирать свою особую популярность только последние годы. Причиной такого высокого интереса стало внесение в 2019 году поправок в ст. 12 о медиативном соглашении, согласно которым данное соглашение приобрело силу исполнительного документа в случае удостоверения нотариусом. Именно данное положение послужило толчком для выведения медиации на новый уровень, в особенности в разрешении семейных конфликтов, где достаточно распространены договорные формы урегулирования различных правовых вопросов (например, соглашение об определении места жительства ребенка и о порядке общения с ним, соглашение о разделе общего имущества супругов).

При этом, стоит отметить, что ни Закон о медиации ни Семейный кодекс РФ не содержит определение именно семейной медиации. В Законе отражены лишь общие термины и их определения, присутствие медиации в целом как способу посредничества между сторонами спора.

Так, согласно ст. 2 Закона о медиации, *процедура медиации* – это способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения. Под *медиатором (медиаторами)* законодатель понимает независимое физическое лицо, независимые физические лица, привлекаемые сторонами в качестве посредников в урегулировании спора для содействия в выработке сторонами решения по существу спора [2].

В связи с чем, практикующими юристами и медиаторами было выработано самостоятельное определение процедуры семейной медиации.

Так, семейная медиация – это процесс, в котором независимое беспристрастное и нейтральное третье лицо помогает участникам семейного конфликта (в частности родителям на грани развода) улучшить взаимодействие между собой и принимать приемлемые для обеих сторон осознанные решения по вопросам, связанные с расставанием, расторжением брака, детьми, финансовыми и иными вопросами. А семейный медиатор в данной

процедуре выступает определенным посредником в урегулировании конкретного семейного спора.

При этом, родственники, друзья, знакомые в таком случае не могут выступать в роли медиаторов. Говоря о медиаторе, всегда стоит помнить о том, что это исключительно незаинтересованный и беспристрастный субъект, который готов оказать содействие в разрешении семейного спора. И если у медиатора возникло ощущение о наличии с его стороны заинтересованности, то он обязан сообщить об этом сторонам для дальнейшей его замены. Однако, не стоит забывать, что медиация может осуществляться как на профессиональной, так и не на профессиональной основе. В случае применения ее к семейным спорам, медиатор, который осуществляет свою деятельность без получения профессионального образования на практике часто уступает профессиональным медиаторам. Последние не только повышают эффективность проведения такой процедуры, но, при этом, имеют правовую возможность взаимодействовать с судами и нотариусами, получать от них обратную связь при разрешении конкретного спора. В семейной медиации такие профессиональные посредники более ценны, они смогут выступать в роли определенного правового механизма, который хоть и не заменит судебное разрешение спора, но в определенной степени даст возможность участникам конфликта более быстро и менее болезненно достичь своих правовых интересов.

Так, семейными медиаторами на профессиональной основе могут быть только лица: достигшие возраста 25 лет; имеющие любого высшее образование; получившие дополнительное профессиональное образование по вопросам применения процедуры медиации (удостоверение о повышении квалификации или диплом о профессиональной переподготовке).

Преимущество семейного медиатора над судебными юристами

На практике распространено мнение о том, что в медиаторах нет необходимости, когда есть судебный юрист или адвокат, которые также в качестве цели своей деятельности отстаивают определенный правовой интерес или запрос.

Опровергнуть данный тезис хотелось бы несколькими аргументами.

1. При работе с судебными юристами стороны никак не пересекаются и, как следствие, не имеют возможности обсудить конфликт и правильно подать свои истинные запросы и потребности. При медиации посредник всегда работает с обеими сторонами конфликта, позволяет им понять и услышать друг друга. Его задача выявить интересы каждой из сторон и учесть их при принятии окончательного решения. Юрист же обладает информацией только о своем доверителе и, следовательно, опирается лишь на его позицию, исполняет его волю и не обязан учитывать интересы другой стороны, в том числе детей (кроме исков о порядке

общения с ребенком). При этом, медиатор, даже в случае, если спор не имеет отношения к детям, может обращать внимание родителей на интересы детей, их потребности и последствия от вынесенного соглашения.

2. Процедура медиации всегда направлена на возможность учесть потребности и интересы всех участников спора, следовательно медиатор как независимое лицо имеет право привлечь к процедуре других членов семьи, которые, по его мнению, могут обладать дополнительными сведениями, о которых возможно утаивала или боялась сообщить одна из сторон спора, что будет способствовать принятию верного решения. Судебный юрист в большинстве случаев не привлекает членов семьи доверителя (исключением являются дети, когда спор затрагивает их интересы напрямую или косвенно).

3. При проведении медиации ответственность за те обязательства, которые будут прописаны в медиативном соглашении несут сами участники спора. Медиатор лишь помогает сторонам найти общие точки соприкосновения, предлагает варианты разрешения конфликта и выводит стороны на такое решение, которое не только удовлетворит каждую из сторон, но и сохранит нейтральные отношения между участниками спора.

Однако, ни в коем случае не стоит умалять статус и профессиональную деятельность юристов, которые являются необходимым звеном при разрешении споров, где медиация может быть бессильна (например, при установлении факта отцовства/материнства)

Особенности семейной медиации

Традиционно, в основе почти каждого семейного конфликта, в большинстве случаев, лежат не только материальные интересы его участников, но и особые личные потребности каждой из сторон. В этом случае, стороны редко учитывают интересы и запросы друг друга, опираясь лишь на выведение результата в свою пользу. Как следствие, такие споры часто затрудняют сам процесс разрешения конфликта, в особенности, когда стороны не готовы идти на переговоры. В таком случае на помощь приходит медиация. Однако, не любые действия и соглашения можно назвать медиацией.

Во-первых, одним из приоритетных признаков медиации является наличие спора. То есть, если у сторон отсутствует спор, то и медиации как таковой между ними быть не может: это различные переговоры, общение по поводу будущих договоренностей, фиксация их. Следовательно, юридическим началом семейной медиации всегда будет выступать спор: конкретный семейный конфликт, который невозможно решить без помощи независимого третьего лица (медиатора).

Во-вторых, важно помнить, что медиатор не преследует цель помирить участников конфликта (например, супругов). Такое мнение является ошибочным, ибо ключевая цель медиации заключает-

ся в самом ее результате, то есть в соглашении, на которое дают согласие все участники процедуры. Итак, медиатор как независимое лицо:

- помогает выявить истинные интересы каждой из сторон;
- найти общие точки соприкосновения,
- выработать решение, которое устроит обе стороны.

Если после проведения процедуры медиации, участники семейного конфликта отказываются выполнять условия ранее достигнутого сторонами соглашения, то это означает, что медиация не достигла своего правового результата, медиатор не выполнил все возложенные на него функции и необходимо повторное проведение процедуры.

И в-третьих, результат семейной медиации всегда должен иметь документальное оформление. Таким документом выступает медиативное соглашение, которое, согласно ст. 12 Закона о медиации, должно содержать сведения о сторонах, в отношении которых осуществлялась процедура, предмете спора, медиаторе, а также выработанных в ходе медиации обязательствах с указанием условий и сроков их исполнения. По общему правилу той же статьи, обязательства медиативного соглашения подлежат исполнению на основе принципов добровольности и добросовестности сторон. Однако, после вступления в силу поправок о возможности нотариального удостоверения медиативного соглашения, обязательность проведения процедуры медиации для определенных категорий семейных конфликтов стала иметь еще большую актуальность. Но, стоит понимать, что эффективное исполнение медиативных соглашений невозможно без легальной конкретизации самого порядка проведения процедуры семейной медиации [6].

Совершенствование законодательства по вопросу семейной медиации

Анализ сложившейся практики показывает, что институт посредничества с каждым днем все более активно внедряется в сферу семейных правоотношений. Институт семейной медиации становится неотъемлемой частью государственного механизма защиты семейных прав. Так, в настоящее время процедура медиации применяется чаще всего в отношении следующих категорий дел: о расторжении брака супругов, имеющих детей; по спорам, связанным с воспитанием детей; по спорам о разделе совместно нажитого имущества между супругами; по спорам о взыскании алиментов.

При этом, стоит еще раз подчеркнуть, что регулирование института семейной медиации до сих пор ни в одном нормативно-правовом акте не конкретизировано, а закрепленный в Законе о медиации механизм посредничества не учитывает особенности семейно-правовых споров. В связи с чем, кажется необходимым введение института семейной медиации путем создания отдельной статьи в Семейном кодексе РФ, посвященной особенностям правового регулирования посредничества

в семейных отношениях. В рамках данной статьи будет целесообразным указать категории семейных дел, в которых проведение медиации было бы обязательным элементом досудебного порядка разрешения спора. Концепция государственной семейной политики также видит востребованность в таких изменениях, особое внимание уделяя спорам, связанным с расторжением брака между супругами [3].

Высокая популяризация института семейной медиации послужила одной из причин для внесения в сентябре 2020 года на рассмотрение проекта нового Закона о медиации, в рамках которого законодатель предусматривает статью, устанавливающую обязательное прохождение процедуры медиации, как внесудебный порядок, для лиц, решивших расторгнуть брак и имеющих общих несовершеннолетних детей [4].

Опираясь на все приведенные предложения, не стоит забывать, что процедура медиации – это лишь дополнительный инструмент, который за способен выполнять роль либо определенной досудебной стадии, либо вспомогательного механизма в тех случаях, когда сторону могут обойти без обращения в судебные органы. Так, например, в отношении таких категорий споров как расторжение брака, оспаривание брачного договора, лишение и ограничение родительских прав процедура медиации не будет иметь никакого правового смысла. Следовательно, при закреплении на законодательном уровне института семейной медиации необходимо учитывать особенности каждой категории семейных споров и оценивать правовую необходимость проведения такой процедуры.

Заключение

Подводя итог, стоит отметить, что семейная медиация как особый правовой способ посредничества между сторонами имеет особую ценность и эффективность для семейных споров с точки зрения. Медиация позволяет спорящим сторонам выходить из зон личного конфликта, видеть и слышать потребности каждого, ставить себя на место оппонента, а также сохранять определенный эмоциональный баланс в отношении будущего взаимодействия. Как следствие, она способствует не только решению многих практических проблем, но и расширению в целом механизма урегулирования семейных конфликтов. В связи с чем, законодательное урегулирование института семейной медиации – это важный шаг к развитию семейной политики, повышению уровня жизни семей, обеспечению государством гарантий защиты семейных правоотношений, а также возможность избежать неоправданного привлечения судов в разрешение семейных споров, в которых стороны могли бы договориться без его участия.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12 декабря 1993 г.

[ред. от 14.03.2020 № 1-ФКЗ] // Рос. газета. – 2020 г. – N144. (дата обращения: 12.12.2023)

2. Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 31. ст. 4162. (дата обращения: 12.12.2023)
3. Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года: распоряжение Правительства РФ от 25.08.2014 г. № 1618-р // Собрание законодательства РФ. 2014. № 35. Ст. 4811. (дата обращения: 12.12.2023)
4. Проект нового ФЗ «Об урегулировании споров с участием посредника (медиации) в Российской Федерации» от 23.09.2020. (дата обращения: 12.12.2023)
5. Липка Д.В. История развития процедуры медиации в России. Статья. [Электронный ресурс] // Право и управление. 2023. С. 22–27. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-razvitiya-instituta-mediatsii-v-rossii?ysclid=lpz5vltm92c800298663> (дата обращения: 12.12.2023)
6. Семенова И.Ю. Особенности семейной медиации. Статья. [Электронный ресурс] // Экономика и право. 2023. С. 63–70. Режим доступа: [https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-mediatsii-v-semeynyh-otnosheniyah](https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-semeynoy-mediatsii-v-semeynyh-otnosheniyah) (дата обращения: 12.12.2023)

FORMATION OF THE LEGAL INSTITUTION OF MEDIATION IN FAMILY DISPUTES

Isaenko A.S., Igoshkina M.E.

Novosibirsk National Research State University

This article is devoted to the analysis of the legal possibility and level of demand for the mediation procedure in the framework of resolving family conflicts. As a result of the study, based on scientific works and legal opinions, some problems were found that complicate the effective resolution of family disputes and contribute to an increase in the level of demand for the introduction of family mediation. When studying the normative basis of the mediation procedure, a definition of family mediation was derived, the role of the family mediator was defined, and the main features of family mediation and its advantages over trial lawyers were formulated. In particular, proposals were made to introduce the institution of family mediation by enshrining it at the legislative level.

Keywords: family conflicts, signs of family mediation, mediation agreement, features of the legal regulation of mediation in family relationships, the role of the mediator, legal mechanisms.

References

1. Constitution of the Russian Federation: adopted by all. by vote on December 12, 1993 [ed. dated March 14, 2020 No. 1-FKZ] // Ross. newspaper. – 2020 – N144. (date of access: 12.12.2023)
2. On approval of the Concept of state family policy in the Russian Federation for the period until 2025: order of the Government of the Russian Federation of August 25, 2014 No. 1618-r // Collection of legislation of the Russian Federation. 2014. No. 35. Art. 4811. (date of access: 12/12/2023)
3. Federal Law of July 27, 2010 No. 193-F3 (as amended on July 26, 2019) “On an alternative dispute resolution procedure with the participation of a mediator (mediation procedure)” // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2010. No. 31. Art. 4162. (date of access: 12/12/2023)

4. Lipka D.V. History of the development of the mediation procedure in Russia. Article. [Electronic resource] // Law and management. 2023. pp. 22–27. Access modes: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-razvitiya-instituta-mediatsii-v-rossii?ysclid=lpz5vIm92c800298663> (access date: 12.12.2023)
5. Semenova I. Yu. Features of family mediation. Article. [Electronic resource] // Economics and law. 2023. pp. 63–70. Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-mediatsii-v-semeynyh-otnosheniyah> (access date: 12/12/2023)
6. Draft of the new Federal Law “On the settlement of disputes with the participation of a mediator (mediation) in the Russian Federation” dated September 23, 2020. (access date: 12/12/2023)

Правовое регулирование защиты цифровых активов: на примере аккаунта в социальной сети

Карпова Юлия Сергеевна,

ассистент кафедры теории и истории государства и права
Юридической школы Дальневосточного федерального
университета; аспирант Юридического института Российского
университета дружбы народов
E-mail: juliakarpova6@gmail.com

Известно, что право не всегда успевает реагировать на происходящие в обществе изменения, и, соответственно, законодательное урегулирование тех или иных отношений происходит много позже их фактического формирования и развития. В связи с этим правоприменитель в отсутствие нормативно-правовых актов, устоявшейся правоприменительной практики вынужден идти на рискованные шаги. Особенно это касается правоотношений в цифровой сфере.

На сегодняшний день можно говорить о том, что аккаунты имеют коммерческую ценность и являются самостоятельным объектом гражданского оборота. Разумеется, далеко не все аккаунты имеют коммерческую ценность. Так, к примеру, аккаунт, предоставляющий право доступа в систему или на платформу (например, аккаунт физического лица на портале Госуслуг) коммерческой ценности не имеет и, соответственно, обороте такого аккаунта говорить не приходится.

В рамках настоящего исследования интерес представляют аккаунты, имеющие коммерческую ценность и являющиеся самостоятельным объектом оборота. Такой аккаунт может рассматриваться как объект, требующий самостоятельного правового регулирования или отнесения его к одной из существующих категорий объектов гражданских прав.

Ключевые слова: защита прав, цифровые права, аккаунт, социальная сеть, цифровые активы.

Введение. Аккаунты являются эффективными инструментами ведения и развития предпринимательской деятельности ввиду возможности рекламирования, распространения и реализации определенного товара (работ, услуг и др.) среди пользователей сети Интернет.

На сегодняшний день существует множество предпринимателей, спонсирующих аккаунты в социальных сетях, развивающих их, в виду чего гарантией осуществления предпринимательской деятельности является надлежащая защита прав ее субъектов.

Так, лицо (пользователь) для регистрации аккаунта создает регистрационные данные – логин и пароль от аккаунта, позволяющие в дальнейшем обеспечить ему доступ к аккаунту. Единственным субъектом, с кем взаимодействует лицо при регистрации аккаунта, является оператор социальной сети.

Пользователь при регистрации аккаунта в социальной сети принимает условия пользовательского соглашения, разработанного и применяемого оператором. Вступая в соответствующие правоотношения, пользователь получает право требовать от оператора оказания услуг, связанных с аккаунтом, например, услуг по публикации информации и обеспечению доступа к ней со стороны третьих лиц (подписчиков) на условиях пользовательского соглашения. Пользователь, в свою очередь, также обязуется соблюдать правила пользования аккаунтом, изложенные в пользовательском соглашении. Довольно частым последствием нарушения пользователем правил пользования аккаунтом является блокирование (заморозка) аккаунта пользователя.

Так, самая распространенная сделка в отношении аккаунта – договор купли-продажи аккаунта. Вместе с тем, вопрос о том, каким образом следует квалифицировать продажу аккаунта, остается открытым.

Учитывая признаки наличия договора оказания услуг, связанных с аккаунтом, между пользователем социальной сети и ее оператором, можно прийти к выводу о том, что сделка по продаже аккаунта может быть квалифицирована в качестве перемены лиц в обязательстве – с первоначальному пользователя на нового пользователя. В таком случае данные правоотношения подлежат регулированию положениями главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ).

В таком случае, следует не забывать, что перемена лиц в обязательстве (в частности, перевод долга) допускается с согласия кредитора – в про-

тивном случае такая перемена лиц будет являться ничтожной.

В связи с изложенным, также принимая во внимание, что большинство социальных сетей не допускают передачу аккаунта третьим лицам и считают данное действие нарушением, можно прийти к выводу, что заключаемые договоры купли-продажи аккаунта являются не более чем «понятийными» и не влекут юридически значимых последствий.

Также аккаунт в социальной сети можно рассмотреть в качестве самостоятельного объекта гражданских прав. Так, полагаем, что аккаунт относится к имущественной группе объектов гражданских прав, к которой, как следует из ст. 128 ГК РФ можно отнести: а) вещи, включая наличные деньги и документарные ценные бумаги; б) иное имущество, в том числе безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, имущественные права.

Вместе с тем, полагаем, что в качестве объекта гражданских прав будет выступать не сам аккаунт (в силу специфики его природы и виртуальной формы), а имущественное право в отношении него, которым обладает пользователь. Поэтому аккаунт можно рассматривать как имущество, в отношении которого субъект имеет имущественные права.

В решениях судов США неоднократно применялся тест, который включает в себя ряд критериев, при соответствии которым объект считается объектом гражданских прав.

К таким критериям относятся, во-первых, наличие интереса к данному объекту; во-вторых, наличие единоличного владения и контроля; и, в-третьих, исключительность прав пользователя.

При анализе аккаунта на соответствие вышеуказанным критериям можно прийти к выводу о том, что аккаунт им соответствует.

Так, аккаунт обладает коммерческой ценностью, соответствующей, в отношении него имеется интерес. Не секрет, что стоимость аккаунтов достигает до нескольких миллионов – благодаря аккаунту пользователь вправе осуществлять публикацию своего товара в целях привлечения новых покупателей, вправе осуществлять рекламу товара третьих лиц, заключив соответствующий договор. Являясь инструментом получения прибыли аккаунт просто не может не представлять коммерческий интерес для заинтересованных в получении прибыли предпринимателей.

Учитывая, что владение и контроль над аккаунтом также принадлежит пользователю, можно констатировать соответствие и по второму критерию. Пользователь самостоятельно определяет способы использования аккаунта – использовать его для размещения рекламы других лиц, распространения информации о товаре, и др.

Права пользователя в отношении аккаунта также имеют исключительный характер – другие пользователи не имеют прав на данный аккаунт. Здесь необходимо отметить, что пользователь аккаунта имеет возможность извлечения полезных

свойств (право пользования), возможность определения его судьбы (право распоряжения). Насчет права владения аккаунтом однозначный ответ дать затруднительно – под владением понимается возможность фактического обладания имуществом, которое, в силу виртуальной формы аккаунта, не представляется возможным.

Таким образом, полагаем, что аккаунт в социальной сети представляет собой имущественное право, которое и выступает объектом гражданского оборота.

В судебной практике аккаунт рассматривается как в качестве имущественных прав, так и в качестве цифровых прав. При этом суды не осуществляют анализ правовой природы прав на аккаунт, в основном делая акцент на условиях заключенных участниками спора договоров, предметом которых являлись права на аккаунт.

Так, в постановлении Седьмого арбитражного апелляционного суда от 18.10.2023 по делу № А67–4266/2023 суд квалифицировал права на доступ к аккаунтам в социальных сетях в качестве имущественных прав: *«Из представленных доказательств следует, что истцу переданы товарно-материальные ценности (оборудование, мебель, товарные остатки), а также имущественные права на сайт и социальные сети ресторана, технологические карты приготовления блюд, права на логотип, штат сотрудников и преимущественное право на заключение договора аренды».*

В постановлении Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 27.05.2022 по делу № А65–16901/2020 суд, отказывая в удовлетворении требований об обязанности передать логины и пароли к социальным сетям Instagram, Facebook, отметил, что истцом не доказана принадлежность и права на данные цифровые ресурсы и квалифицировал данные активы в качестве цифровых прав: *«В силу п. 2 ст. 141.1 ГК РФ, если иное не предусмотрено законом, обладателем цифрового права признается лицо, которое в соответствии с правилами информационной системы имеет возможность распоряжаться этим правом. Истец не представил каких-либо доказательств принадлежности ему спорных социальных сетей и аккаунтов в указанных цифровых ресурсах. В том случае, если Общество считает себя собственником данных аккаунтов, оно должно защищать права на такие цифровые активы путем предъявления соответствующих исков в соответствии со ст. 12 ГК РФ (признание права и т.п.), а не путем иска о понуждении предоставления информации о логинах и паролях, на что также указано в Определении СК по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 22 июля 2019 г. N306-ЭС19–2986, и др.».*

Таким образом, в вышеуказанном деле истцом применен способ защиты прав, не предусмотренный действующим гражданским законодательством – *«требование о понуждении предоставления информации о логинах и паролях».* Изложенное привело к избранию лицом ненадлежаще-

го способа защиты, и, соответственно, к отказу в удовлетворении исковых требований.

Вместе с тем, необходимо отметить, что некоторые ученые предлагают предусмотреть новый способ защиты прав в законодательстве – «*требование о возврате доступа к цифровому коду*» по виндикационной модели защиты нарушенных прав [1; 2]. Данное предложение подлежит детальной проработки для оценки перспективности внесения изменений в положения гражданского законодательства, закрепляющие способы защиты гражданских прав.

Итак, отсутствие определенности в понимании природы аккаунта как объекта гражданских прав обуславливает возникновение противоречивой судебной практики, и, соответственно, отсутствие надлежащей защиты гражданских прав участников правоотношений, возникающих в отношении аккаунтов. Разумеется, при творческом подходе к толкованию положений Гражданского кодекса Российской Федерации «вписать» в правовое поле сделки, совершаемые с аккаунтами, вполне возможно. Однако в отсутствие правового регулирования и устоявшейся судебной практики невозможно нивелировать риски, которые влечет за собой заключение такого рода сделок.

И в заключение хотелось бы процитировать Е.П. Губина: «Нельзя подменять нормативно-правовое регулирование судебным регулированием, когда основным инструментом права становятся позиции судов, зачастую различающиеся по поводу одного и того же вопроса» [3].

Литература

1. Мурзин Д.В. Виндикационная модель защиты исключительного права на результаты ин-

теллектуальной деятельности // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2021. N2(32). С. 103–109.

2. Павлова Д.А. Особенности осуществления цифровых прав // Юрист. 2023. N3. С. 8–15.
3. Губин Е.П. Государство и бизнес в условиях правовых реформ // Журнал российского права. 2015. N1. С. 23–30.

LEGAL REGULATION OF DIGITAL ASSETS PROTECTION: USING THE EXAMPLE OF A SOCIAL NETWORK ACCOUNT

Karpova Yu.S.

Far Eastern Federal University

It is known that the law develops more slowly than relations. In this regard, the law enforcement officer, in the absence of regulations and established law enforcement practice, is forced to take risky steps. This is especially true for legal relations in the digital sphere. Today we can say that accounts have commercial value and are an independent object of civil circulation. Of course, not all accounts have commercial value. So, for example, an account that provides the right to access a system or platform (for example, an individual's account on the State Services portal) has no commercial value and, accordingly, there is no need to talk about the turnover of such an account.

Within the framework of this study, accounts of interest are those that have commercial value and are an independent object of turnover. Such an account can be considered as an object that requires independent legal regulation or its classification into one of the existing categories of objects of civil rights.

Keywords: protection of rights, digital rights, account, social network, digital assets

References

1. Murzin D.V. Vindication model for the protection of the exclusive right to the results of intellectual activity // Journal of the Intellectual Rights Court. 2021. N2(32). P. 103–109.
2. Pavlova D.A. Features of the implementation of digital rights // Lawyer. 2023. N3. P. 8–15.
3. Gubin E.P. State and business in the context of legal reforms // Journal of Russian Law. 2015. N1. P. 23–30.

Признание правосубъектности юридических лиц иностранными государствами

Клещева Ирина Александровна,

старший преподаватель кафедры международного права
Саратовской государственной юридической академии
E-mail: irkuleshova@yandex.ru

Статья посвящена проблемам деятельности юридических лиц в международном торговом обороте. Деятельность юридических лиц не ограничена пределами одного государства, компании стремятся расширить свою деятельность, осуществляя ее во множестве иностранных государств. При этом необходимым условием для допуска юридического лица к осуществлению предпринимательской деятельности на территории иностранного государства является признание правосубъектности данных юридических лиц. Исследуя проблемы, возникающие в связи с этим у юридических лиц, автор отмечает тот факт, что признание компании в каком-то государстве, не делает ее национальным юридическим лицом данного государства, а лишь признает ее в качестве субъекта права. Через вышеперечисленное будет раскрыта актуальность данной проблематики.

Ключевые слова: юридические лица, государство, признание правосубъектности, международный торговый оборот, «национальность» юридических лиц, личный закон.

Деятельность юридических лиц в современных условиях не ограничена пределами одного государства. Компании стремятся расширить свои рынки сбыта, улучшить конкурентноспособность, получить доступ к новым ресурсам в целях увеличения прибыли, поэтому и осуществляют деятельность во множестве иностранных государств.

Однако попытки осуществления предпринимательской деятельности за границей связаны с возникновением различных сложностей и проблем, таких как политическая нестабильность (особенно актуальная в последнее время), изменения курсов валют, торговые барьеры и культурные различия. Но прежде всего юридические лица сталкиваются в проблемой признания юридических лиц иностранными государствами, что является необходимым условием для допуска юридического лица к осуществлению предпринимательской деятельности на их территории.

Зачастую этот вопрос решается на основании принципа взаимности либо путем заключения международных договоров. Первые такие соглашения появились еще в середине 19 века, когда Франция и Бельгия в 1954 году заключили договор о взаимном признании юридических лиц [5, с. 813].

Что же означает для юридического лица признание его иностранным государством? Подобная ситуация предполагает признание правосубъектности юридического лица, подтверждение его национальности и принятие во внимание всех аспектов, решаемых на основе его личного закона (требования к наименованию, порядок создания и ликвидации, содержание правоспособности, порядок приобретения прав и обязанностей, вопросы ответственности).

Но зачастую возникает ситуация, когда государства отказываются признавать иностранные юридические лица и не допускают их к осуществлению коммерческой деятельности на своей территории.

Европейское законодательство 19 века допускало возможность автоматического признания правосубъектности иностранных юридических лиц только в определенных, предусмотренных международными соглашениями или национальными законами случаях [1, с. 47].

В данном контексте следует отметить территориальный характер правосубъектности юридических лиц, ограниченных пределами своего национального государства. Устанавливая правосубъектность юридических лиц законодательная власть конкретного государства проявляет свою волю. Таким образом юридические лица как бы привязываются к определенной территории. Из этого следу-

ет, что юридические лица не могут осуществлять деятельность там, где не действует национальное законодательство страны, впервые признавшее организацию юридическим лицом, то есть за пределами территории государства.

Но этот принцип неприменим, когда мы говорим о физических лицах, права которых признаются и за границей определенного государства. А для допуска юридического лица к осуществлению предпринимательской деятельности в иностранном государстве, необходимо признание правосубъектности данного юридического лица этим государством [2, с. 29–30].

Современное законодательство большинства существующих государств исходит из принципа автоматического признания правосубъектности иностранных юридических лиц. В качестве примера можно привести Закон Румынии 1992 года, в котором употребляется термин «признанное юридическое лицо». Закон указывает, что иностранные юридические лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность с целью извлечения прибыли на территории Румынии, учрежденные в соответствии с законодательством своего национального государства, подлежат автоматическому признанию. Исключение составляют случаи, предусмотренные законом [6, с. 500].

Каковы же причины отказа в признании юридического лица иностранным государством? В первую очередь, это различия в правовом регулировании таких аспектов, как национальность, личный закон и государственная принадлежность юридического лица.

Так, во Франции и Германии определяют национальность юридического лица в соответствии с критерием административного центра. Поэтому, если компания с административным центром в одной стране перенесет свой административный центр во другую, то компания не будет признана во Франции, в связи с утратой своей правосубъектности. Такое юридическое лицо должно получить разрешение на осуществление своей деятельности на территории нового государства в соответствии с его законодательством, то есть быть вновь созданным. Позиция Германии по этому вопросу наиболее жесткая, предусматривающая практически всегда в подобных случаях ликвидацию юридического лица. Швейцария, Португалия, Бельгия более лояльны в этом вопросе в своем законодательстве. Они признают юридические лица, которые перенесли местонахождение своего административного центра, при условии, что он произошел в пределах указанных стран. Это не исключает возможности применения по отношению к данному юридическому лицу императивных норм государства его местонахождения.

Законодательство Дании не признает юридические лица, созданные в стране, придерживающейся критерия фактического нахождения административного центра, но не имеющие там своих руководящих органов, а также не имеющих никаких связей с самой Данией [7, с. 24–25].

Подобная проблема не возникает в странах, определяющих национальность юридического лица на основе критерия инкорпорации, таких как Россия, Великобритания, Нидерланды. В таких странах юридические лица при перенесении местонахождения своего административного центра или основного места деятельности на территорию другого государства, сохраняют свою правосубъектность, конечно при условии признания со стороны иностранного государства.

Хотелось бы обратить внимание на важный аспект: то, что иностранное юридическое лицо признается в каком-то государстве, не делает его национальным юридическим лицом данного государства. Это означает лишь признание данного юридического лица в качестве субъекта права, наделенного правосубъектностью.

Таким образом, существует три подхода к признанию юридических лиц иностранными государствами. Во-первых, это автоматическое признание, для этого компании достаточно просто находится на территории признающего государства. Однако факт автоматического признания зависит от критерия, которого придерживается та или иная страна при определении национальности иностранного юридического лица.

Во-вторых, признание юридических лиц, предусмотренное международным договором или постановлениями руководящих органов соответствующего государства. Такой подход существует, например, во Франции применительно к акционерным обществам. Как правило, такие случаи основаны на принципе взаимности. И третий вариант – это индивидуальное признание, выдаваемое каждому конкретному юридическому лицу, обратившемуся с такой просьбой. Последний подход на современном этапе существует лишь в отношении юридических лиц, не имеющих в качестве основной цели извлечение прибыли.

Признание каким-либо государством иностранного юридического лица и допуск его к осуществлению предпринимательской деятельности на территории данного государства не исключает возможности применения императивных норм и правил, касающихся деятельности иностранных компаний. В одних случаях применяется особый порядок регистрации, в других – соблюдение установленных ограничений (в Российской Федерации, например иностранные компании не могут владеть на праве собственности землями сельскохозяйственного назначения).

В российской правовой доктрине проблема признания юридических лиц практически не разработана. Этот факт можно объяснить, обратившись к советскому законодательству, в соответствии с которым была невозможна ситуация, когда юридическое лицо зарегистрировано в СССР, но имеет при этом основное место деятельности или административный центр в иностранном государстве.

Л.А. Лунц отмечал, что решение иностранными государствами вопросов относительно национальности, личного закона и государственной принад-

лежности советских юридических лиц, приведет их к единственному выводу о то, что такие организации являются советскими (независимо от того, придерживается ли данное иностранное государство критерия инкорпорации или фактической оседлости) [4, с. 45–46].

Современное российское законодательство, доктрина, судебная и арбитражная практика (как и в советский период) определяют личный закон иностранного юридического лица в соответствии с правом страны, где учреждено данное юридическое лицо, то есть придерживаются критерия инкорпорации. Поэтому коллизионных проблем, связанных с признанием иностранных компаний не возникает.

В случае признания юридического лица иностранным государством, это юридическое лицо подчиняется другому, иностранному правопорядку. В связи с этим возникает вопрос об объеме правосубъектности юридического лица на территории этого государства. Национальный закон иностранного государства о статусе иностранных юридических лиц может решать этот вопрос на основе принципа национального режима или режима наибольшего благоприятствования, таким образом, предоставив иностранной компании тот или иной объем прав [3, с. 110].

Современное российское законодательство, доктрина, судебная и арбитражная практика, как и многих других стран устанавливают принцип национального режима, который заключается в предоставлении иностранным компаниям тех же прав, что и собственным, национальным юридическим лицам. Это означает, что иностранные юридические лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность на территории РФ, обладают равными правами и возможностями с российскими юридическими лицами.

Однако национальный закон иностранной компании, признанной на территории определенного государства, может предоставлять ей меньший объем прав, нежели законодательство признавшего государства. В связи с чем, в судебной практике ряда стран, например во Франции, сложилось правило, в соответствии с которым правоспособность иностранного юридического лица не может быть шире границ, установленных законодательством национального государства данного юридического лица [5, с. 816].

Любое современное государство заинтересовано в осуществлении определенного контроля за деятельностью иностранных компаний на своей территории, поэтому устанавливает различные требования к осуществлению их деятельности. Эти требования устанавливаются национальным законодательством, международными многосторонними и двусторонними соглашениями. Специальные нормативные акты, с одной стороны, могут вводить определенные ограничения деятельности иностранных юридических лиц, а, с другой стороны, содержать определенные поощрения и гарантии. Данные ограничения и поощрения затрагива-

ют вопросы осуществления определенных видов предпринимательской деятельности, но не вопросы правового статуса, определяемого личным законом юридического лица.

Таким образом, признание иностранного юридического лица государствами является необходимым условием для допуска юридического лица к осуществлению предпринимательской деятельности на их территории. Но подобное признание не делает иностранную компанию местной, национальной. Это признание со стороны государства предоставляет иностранной компании статус субъекта права и делает возможным осуществление коммерческой деятельности на его территории. При этом иностранное юридическое лицо обязано подчиняться императивным нормам и иным правилам, предусмотренным законодательством данного государства.

Современное российское законодательство, доктрина, судебная и арбитражная практика придерживаются критерия инкорпорации, поэтому в РФ коллизионных проблем, связанных с признанием иностранных компаний не возникает.

Литература

1. Асосков, А.В. Правовые формы участия юридических лиц в международном коммерческом обороте / А.В. Асосков. – М.: Статут, 2003. – 349 с.
2. Брун М.И. Юридические лица в международном частном праве. Кн. 1: О личном статусе юридического лица. – Петроград: Типография «Общественная польза», 1915. – 48 с.
3. Вознесенская, Н.Н. «Юридические лица в международном частном праве России и ЕС» / Н.Н. Вознесенская // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2017. – № 2. С. 110–115
4. Лунц, Л.А. Курс международного частного права. Особенная часть / Л.А. Лунц. – М.: Юридическая литература, 1975. – 504 с.
5. Loussouarn, I., Bourel, P. Droit international prive / I. Loussouarn, P. Bourel. – Paris, 2001. – 832 p.
6. Международное частное право: Иностранное законодательство. / Сост. и науч.ред. А.Н. Жильцов, А.И. Муранов. – М.: Статут, 2001. – 892 с.
7. Юмашев Ю.М. Правовое регулирование прямых иностранных капиталовложений в ЕЭС. – М.: Наука, 1988. – 124 с.

RECOGNITION OF LEGAL PERSONALITY OF LEGAL ENTITIES BY FOREIGN STATES

Kleshcheva I.A.
Saratov State Law Academy

The article is devoted to the problems of the activity of legal entities in international trade. The activities of legal entities are not limited to the borders of one state, companies seek to expand their activities, carrying out it in many foreign countries. At the same time, a necessary condition for the admission of a legal entity to carry out entrepreneurial activity on the territory of a foreign state is the recognition of the legal personality of these legal entities. Investigating

the problems that arise in this regard for legal entities, the author notes the fact that the recognition of a company in some state does not make it a national legal entity of this state, but only recognizes it as a subject of law. Through the above, the relevance of this issue will be revealed.

Keywords: legal entities, state, recognition of legal personality, international trade turnover, "nationality" of legal entities, personal law.

References

1. Asoskov, A.V. Legal forms of participation of legal entities in international commercial turnover / A.V. Asoskov. – M.: Statute, 2003. – 349 p.
2. Brun M.I. Legal entities in private international law. Book 1: On the personal status of a legal entity. – Petrograd: Printing house "Public Benefit", 1915. – 48 p.
3. Voznesenskaya, N.N. "Legal entities in private international law of Russia and the EU" / N.N. Voznesenskaya // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. – 2017. – No. 2. P. 110–115
4. Lunts, L.A. Course of international private law. Special part / L.A. Luntz. – M.: Legal literature, 1975. – 504 p.
5. Loussoarn, I., Boourel, P. Droit international prive / I. Loussoarn, P. Boourel. – Paris, 2001. – 832 p.
6. International private law: Foreign legislation. / Comp. and scientific editor A.N. Zhiltsov, A.I. Muranov. – M.: Statute, 2001. – 892 p.
7. Yumashev Yu.M. Legal regulation of foreign direct investment in the EEC. – M.: Nauka, 1988. – 124 p.

Правовые условия признания акцептом эмодзи при переписке в мессенджере

Андриевская Арина Николаевна,

студент, Новосибирский государственный университет
E-mail: a.andrievskaya@g.nsu.ru

Косторнов Денис Алексеевич,

студент, Новосибирский государственный университет
E-mail: d.kostornov@g.nsu.ru

В статье рассматривается возможность признания эмодзи в переписке в мессенджере новым, нетипичным способом акцептования договора. С помощью анализа судебной практики по вопросу признания юридической силы за перепиской сторон сформулировано предположение о том, что при соблюдении определенных условий эмодзи могут рассматриваться в качестве акцепта. Данный вывод подтвержден Постановлением арбитражного апелляционного суда. При этом, в статье представлены причины, обуславливающие сложность безоговорочного признания эмодзи способом акцепта договора. Также приведена зарубежная практика, в частности прецеденты судов США и Канады. В отличие от российской правовой действительности, практику иностранных судов по данному вопросу можно назвать устоявшейся. В заключение сделан вывод о том, что увеличение роли мессенджеров, постоянное появление новых графических способов выражения своих эмоций и намерений предопределяют обязанность судей обращать внимание на то, является ли использование эмодзи в переписке сторон устойчивой деловой практикой, а также оценивать очевидность выражения воли стороны на заключение договора таким способом.

Ключевые слова: заключение договора, акцепт, конклюдентные действия, эмодзи, юридически значимые сообщения, деловая переписка.

Значение договорной практики в юридической деятельности и в гражданском обороте приобретает всё большее значение. При этом, из-за многообразия возможных конклюдентных действий, свидетельствующих о принятии оферты, между сторонами нередко возникают сложности с определением того, является ли договор заключенным или нет.

Акцепт оферты является ключевой стадией заключения договора. В соответствии со статьей 438 ГК РФ, акцептом признается ответ лица, которому адресована оферта, о ее принятии. В качестве требований к акцепту законодатель выделил его полноту и безоговорочность. Отсутствие акцепта оферты делает невозможным заключение с предполагаемым акцептантом договора. Акцепт может быть выражен в совершении лицом, получившим оферту, действий по выполнению указанных в ней условий договора, например, потребление услуг, выполнение работ, уплата соответствующей суммы. Главным условием выступает установление факта того, что лицо приступило к исполнению предложенного договора. Молчание, в свою очередь, по общему правилу акцептом не является.

С увеличением числа пользователей социальных сетей актуальность приобрел вопрос о том, могут ли юридически значимые сообщения в мессенджерах стать способами акцептования договора. В судебной практике широкое распространение получила точка зрения, в соответствии с которой переписка сторон в мессенджере имеет юридическую силу при условии, что такой способ направления юридически значимых сообщений прямо предусмотрен заключенным сторонами договором или является устойчивой деловой практикой в отношениях сторон [1]. Другой подход рассматривает взаимодействие сторон договора в переписке как средство мгновенной коммуникации [2].

В июне 2023 года решение по делу N15АП-8889/23 стало важным прецедентом, способным определить дальнейшее направление судебной практики по вопросам акцептования оферты. Так, Пятнадцатый арбитражный апелляционный суд в Ростове-на-Дону подтвердил решение суда первой инстанции, в основу которого была положена именно переписка в социальных сетях, в которой фигурировал эмодзи «thumbs up» («палец вверх») [3].

Истец просил взыскать с контрагента сумму аванса в связи с неисполнением обязанности по передаче товара по договору купли-продажи. Ответчик, в свою очередь, обосновывал свою позицию через отсутствие согласования характеристики товара (его цвета), и как следствие, отсутствие нарушений договора с его стороны.

Ключевым доказательством в защиту позиции истца выступила переписка в мессенджере: в ответ на сообщение продавца с указанием предполагаемого цвета уполномоченный представитель покупателя направил эмодзи «палец вверх».

Исходя из обычаев деловой переписки в социальных сетях, данный знак в обычном понимании означает согласие, принятие чего-либо. Поскольку ответчиком в дальнейшем не предпринимались попытки уточнить данное условие, суд сделал выводы о том, что посредством такого действия он одобрил условие договора, поскольку порядок подобного взаимодействия сторон соответствовал условиям договора.

Таким образом, суд подтвердил возможность заключения договора квазиконклюдентными действиями, такими, как, например, отправка смайла или реакция на сообщение в переписке социальных сетях.

Если для отечественной практики такие дела, на данный момент, являются редким явлением, то в зарубежных судах вопросы о способах акцептования договора в контексте юридически значимых сообщениях в социальных сетях уже неоднократно рассматривались ранее.

Так, например, в Канаде судья мотивировал решение о том, что эмодзи «лайк» может служить акцептом тем, что в условиях быстро изменяющихся общественных норм люди все чаще используют подобные средства коммуникации в различных ситуациях, в том числе, имеющих деловой характер [4]. Ответчик, отрицавший заключение договора на поставку семян льна, утверждал, что «большой палец вверх» свидетельствовал о том, что он просто получил сообщение. Истец, в свою очередь, привел доказательства того, что за десятилетнюю историю сотрудничества между сторонами ответчик неоднократно выражал согласие на заключение договора в виде «окей», «уир», после чего, никаких претензий у него не возникало.

В судебной практике США смайлики активно являются в качестве косвенных доказательств. Согласно исследованию Эрика Голдмана (профессор школы права Университета Санта-Клары), в период с 2004 по 2019 годы в судах США как минимум 171 раз обращались к эмодзи во время слушаний.

Несмотря на обширный зарубежный опыт, для российской правовой действительности безоговорочное признание эмодзи и иных графических способов выражения намерений и эмоций лица выступает сложной задачей.

Во-первых, во всех ситуациях необходимо установить наличие действительного намерения на заключение договора (*animus obligandi*). При этом, в некоторых случаях такие эмодзи могут нести саркастичекый характер, а иногда и вовсе являться выражением воли лица, получившего доступ к персональным данным лица в социальной сети незаконными действиями. Признание такого действия способом акцептования вынуждает судей выяснять, какое значение вкладывала сторона, отправляя то или иное эмодзи, большинство из которых

по своему содержанию менее очевидны чем «палец вверх» (например, соединение большого и указательного пальцев с удерживанием других пальцев прямо, означающее «окей» свидетельствует, скорее, о факте получения предложения заключить договор, чем о действительном намерении на его заключение). Плюс ко всему, развитие технологий не стоит на одном месте, в результате чего во многих мессенджерах сейчас появились новые графические инструменты – реакции, позволяющие пользователям высказать свое мнение еще быстрее, не отправляя при этом лишних сообщений. Возникает вопрос, который пока еще не стал предметом правовых споров в судах, о допустимости применения к ним ранее озвученных выводов суда.

Второй проблемой выступает возникшая неопределенность при определении перечня социальных сетей, в которых стороны могут обмениваться юридически значимыми сообщениями, а также эмодзи. Может ли, например, быть заключен договор в социальной сети, которая запрещена на территории Российской Федерации? Допустимо ли ссылаться на переписку в Instagram (запрещен на территории РФ)? С учетом возможности оценки судом таких действий как посягательства на публичные интересы страны, ответ кажется не столь однозначным.

В целом, можно отметить, что, несмотря на все представленные сложности, Постановление Арбитражного суда Московского округа от 14.10.2020 способно положительным образом повлиять на дальнейшую судебную практику в вопросе упрощения взаимодействия между контрагентами в условиях общей тенденции цифровизации общественной жизни.

Таким образом, в настоящее время существуют сложности для признания эмодзи и иных графических реакций способом акцептования оферты. Увеличение роли мессенджеров, постоянное появление новых графических способов выражения своих эмоций и намерений определяют обязанность судей обращать внимание на то, является ли использование эмодзи в переписке сторон устойчивой деловой практикой, а также оценивать очевидность выражения воли стороны на заключение договора таким способом. Зарубежная практика, признавая объективное влияние технологий на способы коммуникации между людьми и широкое распространение эмодзи в современном обществе, рассматривает эмодзи в качестве «нетрадиционного способа» подписания договора.

Литература

1. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 06.03.2023. № Ф09–5299/22 по делу № А76–3161/2021
2. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 14.10.2020. № Ф05–15858/20 по делу № А40–93872/2019

3. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 29.06.2023. № 15АП-8889/23 по делу № А32-36944/2022
4. South West Terminal Ltd. v Achter Land, 2023 SKKB116

LEGAL CONDITIONS FOR RECOGNIZING EMOJI AS ACCEPTANCE WHEN CORRESPONDING IN THE MESSENGER

Andrievskaya A.N., Kostornov D.A.
Novosibirsk State University

The article considers the possibility of recognizing emoji in messenger correspondence as a new, atypical way of accepting a contract. With the help of an analysis of judicial practice on the issue of recognizing the legal force of correspondence between the parties, the assumption is formulated that, subject to certain conditions, emojis can be considered as acceptance. This conclusion was confirmed by the decision of the Arbitration Court of Appeal. At the same time, the article presents the reasons for the difficulty of unconditional recognition of emoji by the method of acceptance of the contract. In addition, the article presents foreign practice, in particular the pre-

cedents of the courts of the USA and Canada. In contrast to the Russian legal reality, the practice of foreign courts on this issue can be called well-established. In conclusion, it is concluded that the increasing role of messengers, the constant emergence of new graphic ways of expressing their emotions and intentions predetermine the duty of judges to pay attention to whether the use of emojis in the correspondence of the parties is a sustainable business practice, as well as to assess the evidence of expressing the will of the party to conclude a contract in this way.

Keywords: conclusion of a contract, acceptance, conclusive actions, emojis, legally significant messages, business correspondence.

References

1. Resolution of the Arbitration Court of the Ural District dated 03/06/2023. No. F09-5299/22 in case No. A76-3161/2021
2. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District dated October 14, 2020. No. F05-15858/20 in case No. A40-93872/2019
3. Resolution of the Fifteenth Arbitration Court of Appeal dated June 29, 2023. No. 15AP-8889/23 in case No. A32-36944/2022
4. South West Terminal Ltd. v Achter Land, 2023 SKKB116

Баланс частных и публичных интересов при пользовании недрами, земельными участками и в случаях изъятия земельных участков для целей недропользования

Васянин Георгий Михайлович,

аспирант кафедры гражданского и корпоративного права Санкт-Петербургского государственного экономического университета (СПбГЭУ)
E-mail: Vasyanin88@rambler.ru

Кузнецов Дмитрий Алексеевич,

аспирант кафедры гражданского и корпоративного права Санкт-Петербургского государственного экономического университета (СПбГЭУ)
E-mail: 79818103325@yandex.ru

В настоящей статье рассматривается проблематика баланса частного и публичного интереса при использовании недр, изъятия земельных участков с целью использования, отдельные, наиболее важные аспекты процедуры получения права на пользование недрами, а также вопросы связанные с балансом интересов недропользователей и лиц, реализующих права на благоприятную окружающую среду.

Авторы делают вывод, что баланс интересов землепользователей и интересов населения Российской Федерации обеспечивается недостаточно эффективно: в законодательстве отсутствует механизм рационального землепользования, это приводит к отрицательным воздействиям на экологическую обстановку в стране в целом. Необходимо обеспечение формирования данной категории, совершенствование в связи с этим методов земельного контроля, а также введение дополнительных санкций, за ухудшение плодородия почв землепользователем, порчу, засоление и засорение земель. Это может привести к сокращению количества земельных правонарушений и, в длительной временной перспективе, снижению площадей земель запаса, уменьшению расходов на рекультивацию земель.

Ключевые слова: недропользование, горное право, земельное право, гражданское право, баланс частных и публичных интересов.

Конституция Российской Федерации ст. 9 закрепляет природные ресурсы как основу жизнедеятельности народов Российской Федерации и право собственности на природные ресурсы, в различных формах собственности¹. В то же время, положениями п. 2 ч. 3 ст. 14 Федерального закона от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации»² не допускается поддержка малого предпринимательства в сфере пользования недрами. Основной закон ч. 2 ст. 8 гарантирует равенство всех форм собственности. Это вызывает закономерный вопрос: раз Конституция указывает, хоть и косвенно, на важность всех форм собственности, при этом отмечая, что природные ресурсы – основа жизнедеятельности населения, а безопасная экологическая обстановка является одним из прав граждан нашей страны, закрепленных в ст. 42 Конституции РФ, как в законодательстве соотносится реализация ст. 8, 9 и 42 Конституции РФ, иными словами, как законодатель обеспечивает учет публичного, частного интереса и сочетает с ними защиту окружающей среды в недропользовании и земельном праве в условиях противоречия частного и публичного интереса, интересов земле- и недропользователей? Что собственно такое частный и публичный интерес? Рассмотрим обозначенные вопросы более подробно.

Конституционный Суд РФ в Постановлении от 16 мая 2000 г. № 8-П³, отмечал, что баланс частного и публичного интереса состоит в обязанности возмещения потерь частному собственнику, возникших из-за публичных интересов. Однако, только ли в этом выражается баланс частных и публичных интересов? Думается, что нет: баланс частных и публичных интересов выражается так же и в обеспечении гарантированности возмещения потерь частному собственнику и защитой от злоупотребления правом административным органом, в некоторых случаях, обеспечением равенства прав двух не равных в экономическом плане

¹ Конституция Российской Федерации» (Принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. – № 55. – 16.03.2020.

² Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ (ред. от 27.10.2020) «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» // СЗ РФ. – № 31. – 2007. – Ст. 4006.

³ СЗ РФ. – № 21. – 2000. – Ст. 2258.

хозяйствующих субъектов, один из которых имеет административный или экономический ресурс. Применительно к нашему исследованию появляется так же и «третья сила» в виде национального интереса, который закреплен в ст. 42 как обеспечение прав граждан на благоприятную окружающую среду.

Определившись с ответом на первый вопрос, обратимся к проблеме обеспечения баланса частных и публичных интересов для собственников земельных участков и недропользователей (арендаторы и землепользователи, лица, имеющие право пожизненного наследуемого владения в настоящей работе, не рассматриваются, речь идет исключительно о лицах, имеющих право собственности на землю). При этом оговоримся, что собственники земель, и пользователи недр, с одной стороны, выступают для целей нашей работы, как природопользователи, обязанные сохранять окружающую среду, то есть, как единая группа, наделенная общими интересами и, в тоже время, обладающая и частными интересами. Граждане Российской Федерации, как лица, которым ст. 42 Конституции РФ гарантировала право на благоприятную окружающую среду, выступают самостоятельной группой, интересы которой совпадают с публичным интересом охраны окружающей среды.

Основой законодательства о недрах выступает Закон РФ от 21.02.1992 № 2395–1 «О недрах»¹ (далее – Закон РФ «О недрах»). В данном нормативном акте содержатся основы правового регулирования недропользования, однако, вся тяжесть регулирования отрасли возлагается на региональное законодательство и подзаконные акты министерств и ведомств. Статья 1.2 Закона РФ «О недрах» устанавливает государственную собственность на недра и все ресурсы, скрытые под землей, поэтому, для пользования недрами необходимо предоставление прав на пользование данным природным благом от государства. По той же статье, все добытое из недр, может находиться в любой форме собственности. Положения ст. 6 раскрывают виды пользования недрами, среди которых присутствует разведка и добыча полезных ископаемых. При этом, недра могут предоставляться для различных видов пользования одновременно. Отдельно урегулированы процедуры по предоставлению недр в пользование. Процесс предоставления прав пользования недрами начинается с торгов на право пользования недрами в соответствии со ст. 13.1 Закона РФ «О недрах» принятием решения о проведении торгов: для недр федерального значения – Правительством РФ, для недр местного значения – органами субъектов Федерации, для недр регионального значения – территориальным органом Роснедр². Информация о конкурсных

процедурах размещается на официальном сайте – www.torgi.gov.ru³. Существуют определённые сроки для размещения объявлений: девяносто суток до дня проведения для конкурсов, сорок пять – для аукционов. По ч. 3 ст. 13.1 Закона РФ «О недрах», при разработке участков недр федерального значения, допускаются дополнительные ограничения, которые должны быть указаны в конкурсной документации. Если по результатам конкурса планируется заключить соглашение о разделе продукции, применяется Федеральный закон от 30.12.1995 № 225-ФЗ «О соглашениях о разделе продукции». В случае разведки недр в территориальном море применяется Постановление Правительства РФ от 14.09.2020 г. № 1424⁴.

Для пользования недрами недостаточно получения прав на пользование участком недр, необходима так же лицензия на участок недр. Лицензионные процедуры осуществляются на основании положения о лицензировании недропользователей⁵. Хотя до 2009 года процесс лицензирования был не урегулирован вообще и все вопросы порядка проведения конкурса или аукциона освещались в приказе о проведении данного конкурса или аукциона⁶, в настоящее время, процедура оформления лицензий установлена административным регламентом Роснедр и Росприроднадзора РФ в соответствии с приказом Минприроды России. Государственную услугу по проведению конкурса на право пользования недрами оказывают Роснедра⁷. Существуют методические рекомендации для проведения

государственной услуги по организации проведения конкурсов и аукционов на право пользования недрами. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_297763/ (Дата обращения – 15.12.2023 г.)

³ Постановление Правительства РФ от 10.09.2012 № 909 (ред. от 20.10.2020) «Об определении официального сайта Российской Федерации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» для размещения информации о проведении торгов и внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» // URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_135278/#dst100005 (Дата обращения – 12.12.2023 г.)

⁴ Постановление Правительства РФ от 14 сентября 2020 г. № 1424 «Об утверждении Положения о рассмотрении заявок на получение права пользования недрами для геологического изучения в целях поиска и оценки месторождений углеводородного сырья на участке недр федерального значения внутренних морских вод и территориального моря Российской Федерации» // URL: <http://government.ru/docs/all/129792/> (Дата обращения – 12.13.2023 г.)

⁵ Приказ Минприроды России № 782, Роснедр № 13 от 25.10.2021 (ред. от 11.04.2023) «Об установлении формы лицензии на пользование недрами и порядка оформления, государственной регистрации и выдачи лицензий на пользование недрами» (Зарегистрировано в Минюсте России 13.12.2021 № 66307) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_403324/ (Дата обращения – 14.12.2020 г.)

⁶ Сидоров И.Н. Право пользования недрами в России: возникновение и переход. – М.: Проспект. – 2016. – С. 27.

⁷ Приказ Минприроды России от 22.12.2017 № 698 «Об утверждении Административного регламента предоставления Федеральным агентством по недропользованию государственной услуги по организации проведения в установленном порядке конкурсов и аукционов на право пользования недрами» (Зарегистрировано в Минюсте России 08.05.2018 № 51025) // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_297763/ (Дата обращения – 14.12.2023 г.)

¹ Закон Российской Федерации от 21.02.1992 № 2395–1 (ред. от 03.08.2018) «О недрах» (с изм. и доп., вступ. в силу с 31.05.2020) // Ведомости съезда народных депутатов РФ и Верховного совета РФ. – № 16. – 1992. – Ст. 834.

² Приказ Минприроды России 19 марта 2020 года № 110 «Об утверждении Административного регламента предоставления Федеральным агентством по недропользованию госу-

данных аукционов и конкурсов, установленные Правительством РФ в соответствии с постановлением от 28.12.2021 года № 2499¹. При проведении конкурсов и аукционов на пользование недрами местного значения применяется законодательство субъектов Федерации².

Как мы видим, процесс приобретения прав на пользование недрами достаточно сложен, процедуры достаточно длительны, регулирование разбросано по различным нормативным актам. Это приводит к существенным затруднениям и техническим ошибкам, «бумажным» процедурам. Необходимо сосредоточить все процедуры по вопросам предоставления недр в пользование, хотя бы для федеральных участков недр, в рамках одного нормативного акта.

Закон РФ «О недрах» предусматривает ст. 25.1 и 25.2, которые указывают на порядок предоставления земельных участков, необходимых для недропользования, в том числе с отсылкой к гражданскому и экологическому законодательству, однако, в случае если участок находится в государственной или муниципальной собственности, он может быть предоставлен без самих конкурсных процедур, напрямую после получения права пользования недрами (лицензии). Положения ст. 25.2 отсылают к Гражданскому кодексу Российской Федерации (далее – ГК РФ)³ и Земельному кодексу Российской Федерации (далее – ЗК РФ)⁴, иным федеральным законам, что указывает на общий порядок изъятия земельных участков у граждан и организаций, совпадающий с порядком изъятия участков на общих условиях.

Автор учебника по горному праву А.В. Лагуткин отмечает, что земельный участок может быть предоставлен пользователю недр исключительно после оформления горного отвода, утверждения проекта рекультивации земель, восстановления ранее обработанных земель, сетуя на неурегулированность вопроса предоставления земельных участков пользователям недр⁵. Сварчевский К.Г.⁶ достаточно подробно описывает процесс изъятия

земельных участков для государственных и муниципальных нужд у частных субъектов по земельному законодательству, отмечал применение к этому процессу положений главы 7 и 7.1 ЗК РФ, и главы 13 ГК РФ.

По результатам изучения процедур предоставления прав на пользование недрами и земельных участков для недропользователей, можно сделать ряд выводов: системное толкование ст. 56.8 ЗК РФ, а также толкование положений ст. 239–239.2 ГК РФ указывает на попытку законодателя учесть интересы собственников земельных участков в случае изъятия для нужд недропользования. Так, например, по ст. 56.9 ЗК РФ изымаемый участок с недвижимостью на нем, подлежит рыночной оценке и возмещению стоимости находящегося на нем недвижимого имущества, с применением законодательства об оценочной деятельности, при этом, заключается соглашение между собственником и административным органом по ст. 56.9 ЗК РФ, которое имеет явный диспозитивный характер в плане волеизъявления сторон. Кроме того, по п. 7 ст. 56.9 ЗК РФ применяются положения о купле-продаже в ГК РФ. Данные нормы направлены на возмещение потерь, понесённых собственником, в результате изъятия земельного участка из его собственности.

До 01 марта 2015 года ЗК РФ содержал в себе ст. 88, по которой земельные участки предоставлялись недропользователям после получения лицензии, однако, как отмечает Д. Бурнос⁷, данная норма противоречила самому же ЗК РФ, а кроме того, приводила к весьма интересной судебной практике, когда суды отказывали в удовлетворении исков недропользователей к собственникам земельных участков, в случае, если не имелось надлежащим образом оформленное право на земельный участок.

Как мы можем видеть, российское законодательство о недропользовании не обеспечивает в полной мере баланса интересов землевладельцев и недропользователей. По-нашему мнению, это вызвано недостаточным обеспечением применения договорных конструкций, как для предоставления земельных участков, для пользования недрами, так и для непосредственно горного отвода (геометризованного блока недр).

Р. Квитко⁸ отмечал перспективность применения договорных конструкций для регулирования недропользования (сервисные контракты, государственно-частное партнерство, соглашения о разделе продукции, концессии и лицензии). И.В. Афанасьев убеждён, что горный сервитут необходим для введения в российское законода-

¹ Постановление Правительства РФ от 28.12.2021 года № 2499 «О порядке проведения аукциона на право пользования участком недр федерального значения, участком недр местного значения, а также участком недр, не отнесенным к участкам недр федерального или местного значения» // СЗ РФ. – № 1. – 2022. – ст.201.

² Закон Ленинградской области № 76-ОЗ от 31.10.2014 г. «О предоставлении в пользование участков недр местного значения на территории Ленинградской области» // URL: <http://docs.cntd.ru/document/537963859> (Дата обращения – 14.12.2023 г.)

³ Гражданский кодекс Российской Федерации // СЗ РФ СЗ РФ. – 05.12.1994. – № 32. – Ст. 3301.

⁴ Земельный кодекс Российской Федерации // СЗ РФ. – 29.10.2001. – № 44. – Ст. 4147.

⁵ Лагуткин А.В. Горное право. – М.: Инфра-М, 2017. – С. 175.

⁶ См.: Сварчевский К.Г. Современное состояние законодательства об изъятии земельных участков для государственных и муниципальных нужд. // Защита гражданских прав в условиях реформирования гражданского и гражданского процессуального законодательства. Сборник статей по материалам международной научно-практической конференции: 22 мая 2015 г. / Под общ. ред. А.Н. Кузбагарова, К.Г. Сварчевского. – СПб.: ИД «Петрополис», 2015. – 316 с. – С. 223–230.

⁷ Бурнос Д. Предоставление земельных участков для целей недропользования: варианты решения проблемы. //URL: https://zakon.ru/blog/2014/11/18/predostavlenie_zemelnyx_uchastkov_dlya_celej_nedropolzovaniyavarianty_resheniya_problemy (дата обращения: 15.12.2023)

⁸ Квитко Р. Совершенствование условий привлечения инвесторов в недропользовании // URL: https://zakon.ru/blog/2015/5/15/sovershenstvovanie_uslovij_privlecheniya_investorov_v_nedropolzovanii (Дата обращения – 14.12.2023 г.)

тельство о недрах и это нововведение было бы весьма правильным и эффективным¹. Сварчевский К.Г. и Иващенко К.А. исследовали вопрос о защите публичных и частных интересов при переходе к территориальному зонированию, в связи с чем, должен согласиться с их тезисом о том, что территориальное зонирование способствует обеспечению защиты частных интересов². Возможно, так же необходимо внедрение дополнительных категорий земель, по наличию под ними различных полезных ископаемых, с включением данной информации в ЕГРН, чтобы будущий собственник участка понимал, не могут ли в последствии у него участок изъять, для целей недропользования.

Отдельно необходимо остановиться на вопросе о передаче права собственности на земельный участок в целях недропользования. Данная процедура должна быть дополнительно урегулирована внедрением дополнения в виде ст. 56.13 ЗК РФ «Особенности изъятия земельных участков, используемых в целях недропользования», где должны быть описаны особенности процедур предоставления земельного участка в собственность или аренду (для геологического изучения, которое проводится до геологоразведки), дополнительные вознаграждения, для собственника земельных участков. Соглашение о переходе права пользования участком в целях недропользования должно так же предусматривать максимальную защиту интересов собственника земли. Так же необходимо обеспечить внедрение, помимо договорных процедур, дополнительных гарантий собственнику земли, в том числе на судебную защиту в том суде, в котором пожелает собственник земельного участка (подсудность по выбору истца). Возможно, так же и внедрение процедур переселения собственника в более экологически благополучный субъект Федерации в случае изъятия участка земель для недропользования. Не исключаем необходимость проведения независимой рыночной оценки или экспертизы стоимости земельного участка, при передаче недропользователю.

Немаловажным вопросом является процедура согласования застройки площадей земельного участка, расположенного в границах населенного пункта, в случае, если здания и сооружения не находятся ниже 5 метров под землей. Ряд специалистов, при изучении данного вопроса, с учетом законодательства о недропользовании и имеющейся судебной практики пришли к выводу о не соответствии сложившейся ситуации с фактическим регулированием процедур согласования застройки участка земель над горным отводом, с недрополь-

зователем, т.к. оно фактически не закреплено³. Необходимо устранить данный пробел в законодательстве.

Вопросы рационального природопользования разрешаются в Федеральном законе от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды»⁴. Данный закон устанавливает основные требования к охране окружающей среды при осуществлении сельскохозяйственной деятельности в ст. 42 и добыче полезных ископаемых в ст. 46 Закона «Об охране окружающей среды». Вопросы обеспечения безопасности окружающей среды и восстановлению земель после прекращения добычи полезных ископаемых регламентируются достаточно подробно. Закон РФ «О недрах» так же содержит в себе ст. 23, раскрывающую основные требования к рациональному недропользованию. В случае, если хозяйствующий субъект нарушает данные требования, право пользования недрами может быть прекращено. Что же представляет собой рациональное недропользование? По свидетельству А.И. Цурановой, это динамическая система правовых средств, при помощи которой достигается такое воздействие на общественные отношения, при котором обеспечивается максимально эффективное и полное использование запасов полезных ископаемых, в сочетании с мероприятиями по восполнению минерально-сырьевой базы и минимизации негативного воздействия на компоненты окружающей среды. Автор разделяет совокупность норм данного механизма на две группы: в первую входят нормы, направленные на установления обязанностей государства по рациональному недропользованию, во вторую группу обязанности самого недропользователей⁵. Средством реализации механизма рационального недропользования выступает главным образом юридическая ответственность и возможность утраты горного отвода по ст. 20 и 21 Закона РФ «О недрах».

Кузнецовым Д.А. уже подробно анализировался процесс ведения и правовое регулирование работ по разведке и, частично – по добыче полезных ископаемых⁶, в связи с чем, ограничимся указанием на применение специальных требований и процедур, при ведении геологоразведочной деятельности и добычи полезных ископаемых, за нарушения которых следуют различные санкции.

Как мы можем видеть, механизм рационального недропользования в Законе РФ «О недрах» прописан недостаточно полно и не может в текущем виде обеспечить полностью эффективного право-

¹ Афанасьев И.В. Сервитут в гражданском праве. – М.: Юрайт, 2018. – С. 123.

² См.: Сварчевский К.Г., Иващенко К.А. Защита частных и публичных интересов при переходе к территориальному зонированию // Защита прав: проблемы теории практики и реализации. Сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции. Верховный суд РФ; Северо-Западный филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия». 2014. – С. 134–140.

³ Круглов В.В., Вагина О.В., Шепелява Н.М. О соотношении прав недропользователя и собственника земельного участка, расположенного в границах горного отвода. // Экологическое право. – 2018. – № 1. – С. 140–145.

⁴ Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // СЗ РФ. –14.01.2002. – № 2. – Ст. 133.

⁵ Цуранова А.И. Правовой механизм обеспечения рационального использования недр при геологическом изучении разведке и добыче полезных ископаемых. – М.: Проспект, 2017. – С. 31.

⁶ См.: Кузнецов Д.А. Правовое регулирование геологоразведочной деятельности. // Vox Juris. – 2020. – № 2. – С. 216–223.

вого регулирования, реализации основных своих функций, в правовой действительности.

Земельное законодательство прямо предусматривает обязанности землепользователей, беречь почвенный слой от эрозии, деградации и разрушения, загрязнения. Так, ст. 13 ЗК РФ определяет основные понятия в сфере охраны земель, для этого осуществляются ряд мероприятий, перечислять которые ввиду ограниченности объема работы мы не будем. Аналогичные положения существуют в ст. 42 ЗК РФ, которая указывает на обязанности землепользователей осуществлять пользование участками, не причиняя вреда окружающей среде и осуществлять мероприятия по охране земель. Так же в систему рационального землепользования можно включить ст. 76 ЗК РФ, обеспечивающую возмещение вреда лицами, нарушившими земельное законодательство. Отдельные положения по охране земель установлены в Федеральном Законе от 16.07.1998 № 101 ФЗ «О государственном регулировании обеспечения плодородия земель сельскохозяйственного назначения»¹. Положения ст. 7 и 8 данного Федерального закона регулируют права и обязанности землепользователей, в сфере восстановления плодородия земель.

Некоторые специалисты указывают на существование земельно-правовой ответственности. Так, Е.С. Болтанова указывала, что земельно-правовая ответственность выражается в принудительном прекращении прав на участок земель или изъятии участка². В качестве основных особенностей выделяется злостность и длительность земельных правонарушений, а основанием выступают ст. 45–47 ЗК РФ, и 53 ЗК РФ, а кроме того, ст. 6 № 101 ФЗ от 26.06.2002 ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения»³. Целью же является, помимо привлечения к ответственности, обеспечение уважительного отношения к земельному участку надлежащее использование участка и изъятие участка, в случае неправильного использования⁴.

Как мы можем видеть, система защиты публичных интересов, в сфере землепользования, недостаточно оформлена. Необходимо согласиться с мнением Поисеева И.И., об отсутствии категории «Рациональное землепользование»⁵, которая по смыслу совпадала бы с аналогичной категорией, в сфере недропользования. Остается не ясным вопрос, каков механизм реализации рационального землепользования. Думается, что данный механизм так же может состоять из взаимоотношений органов государственной власти и землепользователей, по обеспечению рационального использования земель, без причинения существенного

¹ СЗ РФ. – 1998. – № 29. – Ст. 3399.

² Болтанова Е.С. Земельное право. – М.: ИНФРА-М, 2017. – С. 263.

³ СЗ РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3018.

⁴ Болтанова Е.С. Земельное право. – М.: ИНФРА-М, 2017. – С. 266.

⁵ Поисеев И.И. Земельное законодательство и рациональное использование земли. // Вестник СВФУ. – 2013. – № 1. – С. 73–78.

ущерба плодородию, восстановления плодородия почвы и обеспечения защиты земель. В случае нарушения земельного законодательства, или систематического нарушения ЗК РФ, должна иметься возможность изъятия земельного участка у собственника, с предоставлением компенсации за участок, с учетом штрафных санкций.

Таким образом, баланс интересов землепользователей и интересов населения Российской Федерации обеспечивается так же недостаточно эффективно: в законодательстве отсутствует механизм рационального землепользования, это приводит к отрицательным воздействиям на экологическую обстановку в стране в целом. Необходимо обеспечение формирования данной категории, совершенствование в связи с этим методов земельного контроля, а также введение дополнительных санкций, за ухудшение плодородия почв землепользователем, порчу, засоление и засорение земель. Это может привести к сокращению количества земельных правонарушений и, в длительной временной перспективе, снижению площадей земель запаса, уменьшению расходов на рекультивацию земель.

Литература

1. Афанасьев И.В. Сервитут в гражданском праве. – М.: Юрайт, 2018. – 130 с.
2. Бурнос Д. Предоставление земельных участков для целей недропользования: варианты решения проблемы. // [Электронный ресурс]. – Закон.ру. – https://zakon.ru/blog/2014/11/18/predostavlenie_zemelnyx_uchastkov_dlya_celej_nedropolzovaniyavariantyresheniya_problemy (Дата обращения – 15.12.2023 г.).
3. Болтанова Е.С. Земельное право. – М.: ИНФРА-М, 2017. – 387 с.
4. Квитко Р. Совершенствование условий привлечения инвесторов в недропользовании. // [Электронный ресурс]. – Закон.ру. – https://zakon.ru/blog/2015/5/15/covershenstvovanie_uslovij_privlecheniya_investorov_v_nedropolzovanii (Дата обращения – 15.12.2023 г.).
5. Кузнецов Д.А. Правовое регулирование геологоразведочной деятельности. // Vox Juris. 2020. – № 2. – С. 216–223.
6. Круглов В.В., Вагина О.В., Шепелява Н.М. О соотношении прав недропользователя и собственника земельного участка, расположенного в границах горного отвода. // Экологическое право. – 2018. – № 1. – С. 140–145.
7. Лагуткин А.В. Горное право. – М.: Инфра-М, 2017. – 268 с.
8. Михайлов Б.К., Макаревич С.Л., Кимельман С.А. Эволюция партнерства и взаимодействия государства и бизнеса в сфере развития минерально-сырьевой базы. // [Электронный ресурс]. – Минеральные ресурсы России. – <http://minresrus.ru/ru/articles/evolyuciya-partnerstva-i-vzaimodejstviya-gosudarstva-i->

biznesa-v-sfere-razvitiya-mineralno-syrevoj-bazy/ (Дата обращения – 15.12.2023 г.).

9. Поисеев И.И. Земельное законодательство и рациональное использование земли // Вестник СВФУ. – 2013. – № 1. – С. 73–78.
10. Сварчевский К.Г., Иващенко К.А. Защита частных и публичных интересов при переходе к территориальному зонированию. // Защита прав: проблемы теории практики и реализации. Сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции. Северо-Западный филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», 2014. – С. 134–140.
11. Сварчевский К.Г. Современное состояние законодательства об изъятии земельных участков для государственных и муниципальных нужд. // Защита гражданских прав в условиях реформирования гражданского и гражданского процессуального законодательства. Сборник статей по материалам международной научно-практической конференции: 22 мая 2015 г. / Под общ. ред. А.Н. Кузбагарова, К.Г. Сварчевского. – СПб: ИД «Петрополис», 2015. – С. 223–230.
12. Цуранова А.И. Правовой механизм обеспечения рационального использования недр при геологическом изучении разведке и добыче полезных ископаемых. – М.: Проспект, 2017. – 112 с.

THE BALANCE OF PRIVATE AND PUBLIC INTERESTS IN THE USE OF SUBSOIL, LAND AND IN CASES OF SEIZURE OF LAND FOR THE PURPOSES OF SUBSOIL USE

Vasyanin G.M., Kuznetsov D.A.

St. Petersburg State Economic University

This article examines the problems of balancing private and public interest in the use of subsoil, the seizure of land for the purpose of use, some of the most important aspects of the procedure for obtaining the right to use subsoil, as well as issues related to the balance of interests of subsoil users and persons exercising rights to a favorable environment.

The authors conclude that the balance of interests of land users and the interests of the population of the Russian Federation is not ensured effectively: the legislation does not have a mechanism for rational land use, this leads to negative impacts on the environmental situation in the country as a whole. It is necessary to ensure the formation of this category, improve land control methods in this regard,

as well as introduce additional sanctions for the deterioration of soil fertility by the land user, damage, salinization and contamination of land. This can lead to a reduction in the number of land violations and, in the long term, a reduction in the area of reserve lands and a reduction in land reclamation costs.

Keywords: subsoil use, mining law, land law, civil law, balance of private and public interests.

References

1. Afanasyev I.V. Easement in civil law. – M.: Yurayt, 2018. – 130 p.
2. Burnos D. Provision of land plots for subsoil use: options for solving the problem. // [Electronic resource]. – Zakon.ru. – https://zakon.ru/blog/2014/11/18/predostavlenie_zemelnyx_uchastkov_dlya_celej_nedropolzovaniyavariantyresheniya_problemy (Date of access – 12/15/2023).
3. Boltanova E.S. Land law. – M.: INFRA-M, 2017. – 387 p.
4. Kvitko R. Improving the conditions for attracting investors in subsoil use. // [Electronic resource]. – Zakon.ru. – https://zakon.ru/blog/2015/5/15/covershenstvovanie_uslovij_privlecheniya_investorov_v_nedropolzovanii (Date of access – 12/15/2023).
5. Kuznetsov D.A. Legal regulation of geological exploration activities. // Vox Juris. 2020. – No. 2. – P. 216–223.
6. Kruglov V.V., Vagina O.V., Shepelyava N.M. On the relationship between the rights of a subsoil user and the owner of a land plot located within the boundaries of a mining allotment. // Environmental law. – 2018. – No. 1. – P. 140–145.
7. Lagutkin A.V. Mining Law. – M.: Infra-M, 2017. – 268 p.
8. Mikhailov B.K., Makarevich S.L., Kimelman S.A. The evolution of partnership and interaction between the state and business in the development of the mineral resource base. // [Electronic resource]. – Mineral resources of Russia. – <http://minresrus.ru/ru/articles/evolyuciya-partnerstva-i-vzaimodejstviya-gosudarstva-i-biznesa-v-sfere-razvitiya-mineralno-syrevoj-bazy/> (Date of access – 12/15/2023).
9. Poiseev I.I. Land legislation and rational use of land // Bulletin of NEFU. – 2013. – No. 1. – P. 73–78.
10. Svarchevsky K.G., Ivashchenko K.A. Protection of private and public interests during the transition to territorial zoning. // Protection of rights: problems of theory of practice and implementation. Collection of articles based on the materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Northwestern branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Russian State University of Justice”, 2014. – P. 134–140.
11. Svarchevsky K.G. The current state of legislation on the seizure of land plots for state and municipal needs. // Protection of civil rights in the context of reforming civil and civil procedural legislation. Collection of articles based on the materials of the international scientific and practical conference: May 22, 2015 / Under the general. ed. A.N. Kuzbagarova, K.G. Svarchevsky. – St. Petersburg: Publishing House “Petropolis”, 2015. – 316. – P. 223–230.
12. Tsuranova A.I. Legal mechanism for ensuring the rational use of subsoil during geological study, exploration and mining. – M.: Prospekt, 2017. – 112 p.

Лозовой Сергей Викторович,

инженер по системам безопасности, Sorror IT & Telecommunications Co. West Qurna-2 Project
E-mail: sergeylozovoy80@gmail.com

В работе отражены факторы важности исследования современных аспектов регламентации технологий 3D-проектирования технологического, инвестиционного, индивидуального, объективного, экономического, рекомендательного и гражданско-правового характера. Анализ гражданско-правовых и строительных особенностей регламентации трехмерных моделей привел к выводу о том, что первая группа норм, косвенно регулирующих технологии 3D-проектирования, включает положения ГК РФ и подзаконных актов о правовой охране электронной трехмерной модели объекта интеллектуальной собственности, которая может прилагаться к материалам государственной регистрации прав на этот объект и характеризуется опосредованным, толковательным, диспозитивным, программным и пр. признаками правового регулирования. Вместе с этим обосновано, что вторую группу норм, непосредственно регламентирующих в России технологии 3D-проектирования, составляют рекомендательные на текущий момент положения множества различных методик, сводов правил, стандартов о формировании, применении, документальном оформлении трехмерных моделей в строительной сфере проектирования, которые могут прилагаться к проектным документам на соответствующий объект строительства и характеризуются параметрическим, цифровым, объектно-ориентированным, функциональным, экспертным и пр. содержанием. В результате отмечено, что регулирование технологий 3D-проектирования как инструментов создания трехмерной цифровой модели формируется на основе норм соответствующего отраслевого законодательства и характеризуется ключевой функцией дополнительного подтверждения конкретных признаков анализируемых объектов, если условия подтверждения и основы формирования трехмерной модели такого объекта установлены соответствующими правовыми нормами.

Ключевые слова: технологии 3D-проектирования, трехмерная модель, регламентации, интеллектуальная собственность, строительная отрасль, автоматизированное программирование.

Важность исследования правовых вопросов регламентации 3D-проектирования подтверждается многими факторами современного развития. Рынок новой недвижимости стимулирует развитие экономики. Поэтому создание технологических условий для совершенствования системы строительных разработок представляется актуальной задачей российских исследователей с целью поддержания в России благоприятного инвестиционного климата.

Вместе с этим инструменты традиционного проектирования в двухмерной плоскости не подходят к отдельным важным объектам недвижимости, индивидуальные свойства которых определяются трехмерными координатами, что относится к линейным, подземным, нетипичным объектам недвижимости, координаты которых зависят от неровностей Земли [24, с. 215] и проектного задания на объект сложной формы.

Стоит также указать на объективную необходимость применения технологий 3D-проектирования для разработки проектов, строительства, эксплуатации, учета внушительного множества подземных коммуникаций, которые прокладываются по трехмерным координатам [23, с. 34].

В этом отношении Т.В. Папаскири аргументировал эффект в размере около 6 млрд руб. от внедрения трехмерных моделей в сфере проектирования и землеустройства в рамках соответствующей программы на сумму в 1 млрд с ожидаемым приростом дохода до 40% [25, с. 19].

Несмотря на указанную важность, легитимные инструменты трехмерного проектирования в России обозначены только в рекомендуемых с исполнению стандартах, хотя были отмечены к разработке как обязательные требования более 10 лет назад в «дорожной карте» [15] корректировки законодательства сферы внедрения 3D-технологий и с 2020 года отражены в нормах ГК РФ [1] о возможности правовой охраны чертежей изобретения в виде электронной трехмерной модели [2].

Таким образом, необходимость исследования современных аспектов регламентации технологий 3D-проектирования определяется факторами технологического, инвестиционного, индивидуального, объективного, экономического, рекомендательного и гражданско-правового характера.

Четкие правовые признаки и понятие технологий 3D-проектирования отсутствуют в действующем законодательстве, которое устанавливает отдельные признаки таких технологий в сферах гражданско-правового, строительного и технического регулирования.

В положениях ст. 1354, 1375, 1376, 1377, 1492 ГК РФ отражены отдельные признаки электронной

трехмерной модели, которые могут прилагаться к материалам государственной регистрации прав на объект интеллектуальной собственности (далее – ОИС):

- согласно п. 2 ст. 1354 трехмерная электронная модель может использоваться для разъяснения формул полезной модели, изобретения, что отражает толковательный признак технологий 3D-проектирования в системе гражданского права;
- в соответствии с пп. 4 п. 2 ст. 1375, пп. 4 п. 2 ст. 1376, пп. 2 п. 2 ст. 1377 документы в составе заявки на изобретение, полезную модель, промышленный образец по воле заявителя могут включать трехмерную электронную модель, отражающую сущность изобретения, полезной модели, ключевые свойства промышленного образца, определяющие его внешний вид; указанные правила определяют толковательный и диспозитивный (свободный) характер применения технологий 3D-проектирования в системе гражданского права;
- согласно пп. 2 п. 3 ст. 1492 ГК РФ документы в составе заявки на товарный знак по воле заявителя могут включать трехмерную электронную модель этого знака, что также указывает на разъяснительный и свободный признаки регулирования технологий 3D-проектирования в системе норм ГК РФ.

Детализация указанных требований ГК РФ к электронной трехмерной модели ОИС приводится в приказе Минэкономразвития России № 107 от 2023 года [5]. В пункте 76 и др. положениях этого приказа установлено, что трехмерные электронные модели ОИС предоставляются в одном из пяти форматов («OBJ», «PRC», «STEP», «STL», «U3D») с максимальным объемом файла в 50 MB, а визуальное представление трехмерных моделей ОИС в виде химических формул предоставляется в одном из двух форматов («CDX», «MOL») с максимальным объемом файла в 50 MB.

То есть, гражданско-правовые признаки технологий 3D-проектирования характеризуются опосредованным, толковательным, диспозитивным признаками правового регулирования в сфере защиты ОИС.

В исследовании А.С. Ворожевич [17, с. 16] по данному поводу обоснованы правовые признаки сферы защиты исключительных прав:

- во-первых, формальные признаки установления законом, судебной практикой конкретных способов, полномочий в области использования объекта интеллектуальной собственности (далее – ОИС) или других параметров (условий) свободного пользования чужим ОИС.
- во-вторых, универсальные признаки относимости исключительных прав в отношении определенной категории ОИС (изобретений, товарных знаков, объектов смежного права и т.д.), которые могут дифференцироваться с учетом ценности (значимости) определенного ОИС;

– в-третьих, абсолютный признак регулирования независимости поведения правообладателя (автора) от действий иных лиц с ОИС [18, с. 41].

Гурко А.В. в этой связи аргументировал необходимость внедрения в законодательство дефиниций «трехмерная цифровая модель», «трехмерный цифровой объект», формирующие продукт, в котором виртуально воплощены свойства изобретения, промышленного образца, полезной модели с целью установления специального режима гражданско-правовой защиты трехмерных электронных объектов нетворческого (графического) характера [19, с. 11]. Автор сформулировал определение трехмерного цифрового объекта как графического объекта в цифровой системе трехмерных (3D) координат, который разрабатывается и применяется с помощью специальных ИТ-средств.

Также заслуживает внимания представленная А.В. Гурко классификация трехмерных объектов, охраняемых предписаниями ГК РФ:

1) обособленный, самостоятельный графический ОИС в виде трехмерной цифровой творческой модели, охраняемой предписаниями авторского права в качестве самостоятельного либо производного интеллектуального произведения;

2) дополнительный графический объект в виде трехмерной цифровой нетворческой модели, предназначенной для отражения ключевых свойств изобретения, промышленного образца или полезной модели; для гражданско-правовой охраны таких нетворческих моделей рекомендуется установить специальный режим с сочетанием признаков авторской и патентной охраны;

3) дополнительный графический ОИС в виде трехмерной цифровой сцены с режимом гражданско-правовой охраны составного интеллектуального произведения;

4) визуализированные изображения трехмерных ОИС цифровых объектов, охраняемые в режиме произведений искусства или аудиовизуальных произведений; и т.д. [20, с. 119].

Схожие выводы о содержании и классификационных признаках трехмерных цифровых ОИС отражены в исследованиях А.Ю. Ананьевой [16], Ю.Е. Донникова [21], Е.Е. Кирсановой [22] и др. правоведов.

С учетом представленных тезисов можно отметить, что первая группа норм, регулирующих вопросы 3D-проектирования, включает положения ГК РФ о правовой охране электронной трехмерной модели ОИС, которая может прилагаться к материалам государственной регистрации прав на этот ОИС и характеризуется опосредованным, толковательным, диспозитивным, программным и пр. признаками правового регулирования.

Поэтому в контексте гражданско-правового регулирования можно сформулировать понятие технологий 3D-проектирования как инструментов создания трехмерной цифровой модели, которая позволяет дополнительно подтвердить, разъяснить индивидуальные гражданско-правовые признаки

объектов интеллектуальной собственности, подлежащих государственной регистрации.

Непосредственная регламентация технологий 3D-проектирования осуществляется отраслевыми нормативными актами чертежно-конструкторского сегмента строительного и технического права.

Так в Методике расчета стоимости проектных материалов в виде информационной модели, утвержденной приказом Минстроя России № 854/пр от 2020 года (далее – Методика Минстроя [4]) установлено, что трехмерная модель – это параметрическая, цифровая, объектно-ориентированная модель функциональных, физических и других характеристик объекта (частей объекта), выраженных совокупностью информационно представленными элементами.

В Методике разработки информационной модели объекта строительства Главгосэкспертизы от 2021 года (далее – Методика Главгосэкспертизы [10]) обозначен объемный комплекс показателей, которые могут дополнительно оцениваться с помощью трехмерных информационных моделей в рамках строительной экспертизы, включая параметры: механической безопасности; пожарной безопасности; техногенной и экологической безопасности; безопасных условий пребывания для здоровья человека; безопасности пользования сооружениями, зданиями; доступности ОКС для маломобильных групп населения; энергетической эффективности; безопасного уровня негативного воздействия на природу; антитеррористической защищенности ОКС; промышленной безопасности.

Указанные в представленных Методиках нормы отражают сложный комплекс регулирования технологий 3D-проектирования нормами параметрического, цифрового, объектно-ориентированного, функционального, физического, экспертного, безопасного и пр. содержания об индивидуальных свойствах объекта, проектируемого в трехмерном пространстве.

Положения пп. 3.1.6, 3.1.4 Свода правил 333.1325800.2017 [8] определяют технологию 3D-проектирования трехмерной моделью или цифровой информационной моделью (ЦИМ), которая является электронным документом в структуре информационной модели объекта строительства (ЦИМ ОКС), отраженном в объектно-пространственном цифровом виде. При этом технология 3D-проектирования в виде ЦИМ ОКС обозначена комплексом взаимосвязанных инженерно-технологических, инженерно-технических сведений об ОКС, которые отражены в объектно-пространственном цифровом виде.

Также стоит обратить внимание на обозначенную п. 5.1 СП,333.132.5800.2017 классификацию ЦИМ (трехмерных моделей) с учетом уровня и стадий их проработки:

1) модель данных инженерных изысканий, содержащая взаимосвязанные атрибутивные, графические сведения о результатах геодезических, геологических, гидрометеорологических, экологических и геотехнических изысканий; трехмерная

модель инженерных изысканий может включать технологию 3D-проектирования рельефа с указанием специфики рельефа местности, технологию 3D-проектирования ситуации в трех формах (модели контекстных данных об ОКС, модели цифровых данных об инженерных коммуникациях, модели цифровых данных об искусственных сооружениях объекта);

2) модель сведений о проектировании ОКС с отражением архитектурных, технологических, технических проектных решений;

3) строительная модель исполнения строительно-монтажных работ в рамках проекта производственных работ с данными о материально-техническом обеспечении;

4) исполнительная модель с показателями строительного контроля и надзора с учетом архитектурных, технологических, технических данных объекта;

5) эксплуатационная модель с данными о вводе в эксплуатацию ОКС с отражением архитектурных, технологических, технических проектных параметров технологических карт и регламентов обслуживания;

6) модель демонтажа, сноса с параметрами исполнения работ, связанных с утилизацией, сносом ОКС с учетом его архитектурных, технологических, технических данных и используемых материально-технических ресурсов.

Все виды обозначенных в СП,333.132.5800.2017 трехмерных моделей (ЦИМ) согласно норм приложения Ж Свода правил рекомендуется оформлять и сопровождать внушительным перечнем документов, включающим: решение по разработке информационных моделей; техзадание заказчика с указанием требований к трехмерным моделям; план информационного моделирования с отражением целей, задач, требований к моделированию, полномочий участников и пр.

Стоит добавить, что объемные предписания СП,333.132.5800.2017 также определяют требования к уровням разработки ЦИМ, к составу ЦИМ на всех стадиях жизненного цикла ОКС, к атрибутивным данным цифровой модели местности, к геометрическим критериям модели местности, к программному обеспечению, к содержанию файлов ЦИМ и пр. При этом обозначены нормативные акты, на основании которых формируются трехмерные модели строительной сферы и внушительный объем документации сопровождения трехмерных моделей (СП 328.1325800 [6], СП 404.1325800 [7], ГОСТ Р 10.0.03 [10], ГОСТ Р 57311 [11] и пр.).

В рамках анализа норм, регулирующих содержание и применение технологий 3D-проектирования, стоит также указать, что в действующей редакции обязательных требований к проектной документации постановления Правительства № 87 от 2008 года [3] трехмерные модели не упоминаются, что подчеркивает необязательный характер применения технологий 3D-проектирования в текущий момент времени.

Анализ обозначенных норм документов по вопросам трехмерного моделирования в строительной отрасли показывает, что актуальная регламентация в российской сфере строительства технологий 3D-проектирования характеризуется внушительным объемом рекомендательных, методических нормативных актов и предписаний экспертного, безопасного, цифрового, формально-документального, объектно-пространственного, технологического, технического, классификационного, планового и пр. содержания.

Представленные особенности регулирования строительных отношений позволяют обозначить соответствующее понятие технологий 3D-проектирования как инструментов создания трехмерной цифровой модели, которая формируется на основе внушительного объема нормативных актов и позволяет дополнительно подтвердить индивидуальные проектно-строительные, экспертные признаки определенных объектов капитального строительства.

На примере обозначенных рекомендательных, методических норм гражданского и строительного права можно сделать вывод о возможности регламентации технологий 3D-проектирования с целью формирования, использования трехмерных моделей в различных отраслях социально-экономического развития, что подтверждают общие нормы международных стандартов сегмента автоматизированного проектирования (англ. «Computer-aided design CAD») [25] и соответствующих российских стандартов (например, ГОСТ Р ИСО 10303–242–2019 [12], ГОСТ Р 2.521–2021 [13] и др.), которые можно применять с целью внедрения трехмерного моделирования в различные отрасли социально-экономического развития.

Исходя из представленных тезисов, можно сформулировать следующие выводы.

1. Первая группа норм, косвенно регулирующих технологии 3D-проектирования, включает положения ГК РФ и подзаконных актов о правовой охране электронной трехмерной модели ОИС, которая может прилагаться к материалам государственной регистрации прав на этот ОИС и характеризуется опосредованным, толковательным, диспозитивным, программным и пр. признаками правового регулирования.

2. Вторую группу норм, непосредственно регламентирующих технологии 3D-проектирования, составляют рекомендательные на текущий момент положения множества различных методик, сводов правил, стандартов о формировании, применении, документальном оформлении трехмерных моделей в строительной сфере проектирования, которые могут прилагаться к проектным документам на соответствующий ОКС и характеризуются параметрическим, цифровым, объектно-ориентированным, функциональным, экспертным, безопасным, классификационным, плановым, программным и пр. содержанием.

3. В контексте регулирования гражданско-правовых, строительных и пр. отраслевых отно-

шений можно обозначить общее понятие технологий 3D-проектирования как инструментов создания трехмерной цифровой модели, которая формируется на основе норм соответствующего отраслевого законодательства и характеризуется ключевыми функциями: дополнительного подтверждения, разъяснения индивидуальных гражданско-правовых признаков объектов интеллектуальной собственности, подлежащих государственной регистрации; дополнительного подтверждения индивидуальных проектно-строительных, экспертных и пр. признаков определенных объектов капитального строительства; дополнительного подтверждения конкретных признаков анализируемых объектов, если условия подтверждения и основы формирования трехмерной модели анализируемого объекта установлены соответствующими правовыми нормами.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 13.06.2023) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 52 (1 ч.). Ст. 5496.
2. Федеральный закон от 20.07.2020 № 217-ФЗ «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 30. Ст. 4743.
3. Постановление Правительства РФ от 16.02.2008 № 87 (ред. от 15.09.2023) «О составе разделов проектной документации и требованиях к их содержанию» // Собрание законодательства РФ. 2008. № 8. Ст. 744,
4. Приказ Минстроя России от 24.12.2020 № 854/пр (ред. от 14.10.2022) «Об утверждении Методики определения стоимости работ по подготовке проектной документации, содержащей материалы в форме информационной модели». [Электронный ресурс], URL: <https://docs.cntd.ru/document/573731271> (дата обращения 06.12.2023).
5. Приказ Минэкономразвития России от 21.02.2023 № 107 «О государственной регистрации изобретений». [Электронный ресурс], URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202304180010> (дата обращения 06.12.2023).
6. СП 328.1325800.2020 «Информационное моделирование в строительстве. Правила описания компонентов информационной модели». [Электронный ресурс], URL: <https://minstroyrf.gov.ru/docs/119943/> (дата обращения 06.12.2023).
7. СП 404.1325800.2018 «Информационное моделирование в строительстве. Правила разработки планов проектов, реализуемых с применением технологии информационного моделирования». [Электронный ресурс], URL: <https://minstroyrf.gov.ru/docs/18073/> (дата обращения 06.12.2023).

8. СП 333.1325800.2017 «Информационное моделирование в строительстве. Правила формирования информационной модели объектов на различных стадиях жизненного цикла». [Электронный ресурс], URL: <https://minstroyrf.gov.ru/upload/iblock/f5f/SP-333.pdf> (дата обращения 06.12.2023).
9. Методические рекомендации по подготовке информационной модели объекта капитального строительства, представляемой на рассмотрение в ФАУ «Главгосэкспертиза России» в связи с проведением государственной экспертизы проектной документации и оценки информационной модели объекта капитального строительства (вместе с «Требованиями к разделам проектной документации «Смета на строительство объектов капитального строительства» и «Смета на строительство», утв. ФАУ «Главгосэкспертиза России» по состоянию на 02.04.2021). [Электронный ресурс], URL: <https://legalacts.ru/doc/metodicheskie-rekomendatsii-po-podgotovke-informatsionnoi-modeli-obekta-kapitalnogo-stroitelstva/> (дата обращения 06.12.2023).
10. ГОСТ Р 10.0.03–2019/ИСО 29481–1:2016 «Информационное моделирование в строительстве. Справочник по обмену информацией. Часть 1. Методология и формат». [Электронный ресурс], URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200164871> (дата обращения 06.12.2023).
11. ГОСТ Р 57311–2016 «Моделирование информационное в строительстве. Требования к эксплуатационной документации объектов завершеного строительства». [Электронный ресурс], URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200142711> (дата обращения 06.12.2023).
12. ГОСТ Р ИСО 10303–242–2019. Системы автоматизации производства и их интеграция. Представление данных об изделии и обмен этими данными. Часть 242. Прикладной протокол. Управляемое проектирование на основе модели 3D. [Электронный ресурс], URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200167791> (дата обращения 06.12.2023).
13. ГОСТ Р 2.521–2021. Электронная конструкторская документация. Требования к форматам представления трехмерных геометрических моделей. [Электронный ресурс], URL: https://ulgosexp.ru/files/documents/gost_r_2.521-2021.pdf (дата обращения 06.12.2023).
14. Распоряжение Правительства РФ от 01.12.2012 № 2236-р (ред. от 11.02.2017) «Об утверждении плана мероприятий («дорожной карты») «Повышение качества государственных услуг в сфере государственного кадастрового учета недвижимого имущества и государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним»» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 50 (ч. 6). Ст. 7088. Документ утратил силу в связи с изданием Распоряжения Правительства РФ от 17.01.2019 № 20-р.
15. Ананьева, А.Ю. Формат аудиовизуального произведения в трансграничных частноправовых отношениях: дис... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Ананьева Анна Юрьевна. Москва, 2020. 232 с.
16. Ворожевич, А.С. Границы исключительных прав, пределы их осуществления и защиты: дис... докт. юрид. наук: 12.00.03 / Ворожевич Арина Сергеевна. Москва, 2021. 546 с.
17. Ворожевич, А.С. Границы исключительных прав, пределы их осуществления и защиты. Москва: Статут, 2022. 596 с.
18. Гурко, А.В. Правовая охрана трехмерных цифровых объектов: дис... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Гурко Антон Владимирович. Москва, 2020. 182 с.
19. Гурко, А.В. Правовая охрана трехмерных цифровых объектов: монография. Москва: Проспект, 2021. 141 с.
20. Донников, Ю.Е. Правовое регулирование создания и использования баз данных: дис... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Донников Юрий Евгеньевич. Москва, 2021. 217 с.
21. Кирсанова, Е.Е. Правовое регулирование оборота прав на результаты интеллектуальной деятельности в цифровой экономике: дис... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Кирсанова Екатерина Евгеньевна. Москва, 2021. 234 с.
22. Коротеева, Л.И. Кадастр застроенных территорий (Технология. Учет. Оценка): учеб. пособие / Л.И. Коротеева, О.Н. Борзова, О.В. Мельникова. 2-е изд., Комсомольск-на-Амуре: ФГБОУ ВПО «КнАГТУ», 2015. 163 с.
23. Николаев Н.А. Трехмерный кадастр недвижимости как новая ступень развития кадастровых систем / Н.А. Николаев, А.В. Чернов // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2014. Т. 3. № 2. С. 214–219.
24. Папаскири, Т.В. Организационно-экономический механизм формирования системы автоматизированного проектирования в землеустройстве: автореф. дис. ... докт. экон. наук: 08.00.05 / Папаскири Тимур Валикович. Москва, 2016. 47 с.
25. Computer-aided design (CAD). [Электронный ресурс], URL: <https://www.iso.org/ics/35.240.10/x/> (дата обращения 06.12.2023).

CURRENT FEATURES OF THE REGULATION OF 3D DESIGN TECHNOLOGIES

Lozovoy S.V.

Sorror IT & Telecommunications Co. West Qurna-2 Project

The article reflects the factors of importance of studying modern aspects of the regulation of 3D design technologies of a technological, investment, individual, objective, economic, advisory, and civil nature. The analysis of civil law and construction features of the regulation of three-dimensional models led to the conclusion that the first group of norms indirectly regulating 3D design technologies includes the provisions of the Civil Code of the Russian Federation and by-laws on the legal protection of an electronic three-dimensional model of an intellectual property object, which can be attached to the materials of state registration of rights to this object and is characterized by indirect, interpretative, dispositive, programmatic, and others criteria of legal regulation. At the same time, it is substantiated that the second group of norms directly regulating 3D

design technologies in Russia consists of currently permissive provisions of many different methodologies, sets of rules, standards on the formation, application, documentation of three-dimensional models in the construction field of design, which can be attached to design documents for the corresponding construction object and are characterized by parametric, digital, object-oriented, functional, expert, and other content. As a result, it is noted that the regulation of 3D design technologies as tools for creating a three-dimensional digital model is formed on the basis of the norms of relevant industry legislation and is characterized by the key function of additional confirmation of specific features of the analyzed objects, if the conditions for confirmation and the basis for the formation of a three-dimensional model of such an object are established by relevant legal norms.

Keywords: 3D design technologies, three-dimensional model, regulations, intellectual property, construction industry, automated programming.

References

1. The Civil Code of the Russian Federation (part four) dated 12/18/2006 No. 230-FZ (as amended on 06/13/2023) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2006. No. 52 (1 part). Article 5496.
2. Federal Law No. 217-FZ dated 07/20/2020 "On Amendments to Part Four of the Civil Code of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 30. St. 4743.
3. Resolution of the Government of the Russian Federation dated 02/16/2008 No. 87 (ed. dated 09/15/2023) "On the composition of sections of project documentation and requirements for their content" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2008. No. 8. Article 744.
4. Order of the Ministry of Construction of the Russian Federation dated 12/24/2020 No. 854/pr (ed. from 10/14/2022) "On approval of the Methodology for determining the cost of work on the preparation of project documentation containing materials in the form of an information model." [Electronic resource], URL: <https://docs.cntd.ru/document/573731271> (date of application 06.12.2023).
5. Order of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation dated 02/21/2023 No. 107 "On State registration of inventions". [Electronic resource], URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202304180010> (accessed 06.12.2023).
6. SP 328.1325800.2020 "Information modeling in construction. Rules for describing the components of the information model". [Electronic resource], URL: <https://minstroyrf.gov.ru/docs/119943/> (accessed 06.12.2023).
7. SP 404.1325800.2018 "Information modeling in construction. Rules for the development of project plans implemented using information modeling technology." [Electronic resource], URL: <https://minstroyrf.gov.ru/docs/18073/> (accessed 06.12.2023).
8. SP 333.1325800.2017 "Information modeling in construction. Rules for the formation of an information model of objects at various stages of the life cycle." [Electronic resource], URL: <https://minstroyrf.gov.ru/upload/iblock/f5f/SP-333.pdf> (accessed 06.12.2023).
9. Methodological recommendations for the preparation of an information model of a capital construction facility, submitted for consideration to the FAA Glavgosexpertiza of Russia in connection with the state examination of project documentation and evaluation of the information model of a capital construction facility (together with the "Requirements for sections of project documentation "Estimates for the construction of capital construction facilities" and "Estimates for construction", approved. FAA Glavgosexpertiza of Russia as of 04/02/2021). [Electronic resource], URL: <https://legalacts.ru/doc/metodicheskie-rekomendatsii-po-podgotovke-informatsionnoi-modeli-obekta-kapitalnogo-stroitelstva/> (accessed 06.12.2023).
10. GOST R10.0.03–2019/ISO 29481–1:2016 "Information modeling in construction. Information Exchange Handbook. Part 1. Methodology and format". [Electronic resource], URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200164871> (accessed 06.12.2023).
11. GOST R57311–2016 "Information modeling in construction. Requirements for the operational documentation of completed construction facilities". [Electronic resource], URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200142711> (date of application 06.12.2023).
12. GOST R ISO 10303–242–2019. Production automation systems and their integration. Presentation of product data and exchange of this data. Part 242. The application protocol. Guided design based on a 3D model. [Electronic resource], URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200167791> (accessed 06.12.2023).
13. GOST R2.521–2021. Electronic design documentation. Requirements for the presentation formats of three-dimensional geometric models. [Electronic resource], URL: https://ulgo-sexp.ru/files/documents/gost_r_2.521-2021.pdf (accessed 06.12.2023).
14. Decree of the Government of the Russian Federation dated 12/01/2012 No. 2236-r (ed. dated 02/11/2017) "On approval of the action plan (roadmap) "Improving the quality of public services in the field of state cadastral registration of immovable property and state registration of rights to immovable property and transactions with it"" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2012. No. 50 (part 6). Article 7088. The document became invalid in connection with the publication of the Decree of the Government of the Russian Federation dated 17.01.2019 No. 20-R.
15. Ananyeva, A.Y. The format of an audiovisual work in cross-border private law relations: dis... Cand. Jurid. sciences': 12.00.03 / Anna Yurievna Ananyeva. Moscow, 2020. 232 p.
16. Vorozhevich, A.S. The boundaries of exclusive rights, the limits of their exercise and protection: dis... doct. Jurid. sciences': 12.00.03 / Vorozhevich Arina Sergeevna. Moscow, 2021. 546 p.
17. Vorozhevich, A.S. The boundaries of exclusive rights, the limits of their exercise and protection. Moscow: Statute, 2022. 596 S.
18. Gurko, A.V. Legal protection of three-dimensional digital objects: dis... Cand. Jurid. sciences': 12.00.03 / Gurko Anton Vladimirovich. Moscow, 2020. 182 p.
19. Gurko, A.V. Legal protection of three-dimensional digital objects: a monograph. Moscow: Prospekt, 2021. 141 p.
20. Donnikov, Yu.E. Legal regulation of the creation and use of databases: dis... Cand. Jurid. sciences': 12.00.03 / Donnikov Yuri Evgenievich. Moscow, 2021. 217 p.
21. Kirsanova, E.E. Legal regulation of the turnover of rights to the results of intellectual activity in the digital economy: dis... Cand. Jurid. sciences': 12.00.03 / Kirsanova Ekaterina Evgenievna. Moscow, 2021. 234 p.
22. Koroteeva, L.I. Cadastre of built-up areas (Technology. Accounting. Assessment): studies. the manual/ L.I. Koroteeva, O.N. Borzova, O.V. Melnikova. 2nd ed., Komsomolsk-on-Amur: FGBOU HPE "KnAGTU", 2015. 163 p.
23. Nikolaev N.A. Three-dimensional real estate cadastre as a new stage in the development of cadastral systems / N.A. Nikolaev, A.V. Chernov // Interexpo Geo-Siberia. 2014. Vol. 3. No. 2. pp. 214–219.
24. Papaskiri, T.V. Organizational and economic mechanism of formation of a computer-aided design system in land management: abstract... doct. Economics: 08.00.05 / Papaskiri Timur Valikovich. Moscow, 2016. 47 p.
25. Computer-aided design (CAD). [Electronic resource], URL: <https://www.iso.org/ics/35.240.10/x/> (accessed 06.12.2023).

Возможности взыскателя при взыскании без обращения к Федеральной службе судебных приставов, без обращения к коллекторам посредством направления исполнительного листа к работодателю должника

Мамаев Андрей Андреевич,

адвокат Свердловской областной коллегии адвокатов, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева
E-mail: maa89@list.ru

В статье раскрываются полномочия взыскателя при осуществлении взыскания посредством самостоятельных действий, без обращения к Федеральной службе судебных приставов и без обращения к коллекторам посредством предъявления исполнительного листа к работодателю должника. Далее отмечается, что увеличение количества возможностей взыскателя по самостоятельному осуществлению права исполнения требования исполнительного листа видится наиболее актуальным направлением развития модели исполнительного производства. В статье анализируется возможность обращения взыскателя на денежные средства, внесенные должником в качестве аванса на лицевой счет оператора сотовой связи. В заключении в тексте предлагаются пути совершенствования правового положения взыскателя.

Ключевые слова: исполнительное производство, взыскатель, должник, судебный пристав-исполнитель, принудительное исполнение.

Взыскатель обладает правом направить исполнительный лист на взыскание периодических платежей, на взыскание денежных средств, не превышающих 100 000 рублей, организации или иному субъекту, выплачивающему должнику средства в качестве заработной платы, пенсии, стипендии и иные периодические выплаты (Статья 9 Федерального закона «Об исполнительном производстве»). Данная возможность является наиболее подходящей для взыскания задолженностей в сфере оказания услуг связи, ЖКХ и иных обязательств на не столь значительные суммы [1].

С 2013 года законодатель неоднократно увеличивал количество предпосылок для реализации прав взыскателей. Так, введен критерий суммы, подлежащей взысканию, при наличии которого у взыскателя возникают определенные права, но используемые законодателем суммы носят переменный характер (3000 руб., 10 000 руб., 30 000 руб., 100 000 руб.). Также отметим, что 14 декабря 2023 года Госдума приняла в третьем чтении поправки к Арбитражному процессуальному кодексу, подготовленные Верховным судом в ноябре 2022-го. Теперь размер требований граждан, которые можно рассматривать в порядке упрощенного производства, вырос с 500 000 до 1 млн руб. Увеличились и суммы исков по упрощенному производству: для ИП – с 400 000 до 800 000 руб., для компаний – с 800 000 до 1,6 млн руб. Указанные обстоятельства дают возможность пересмотреть предельный размер суммы исполнительного листа, который ограничивает право взыскателя обратиться с исполнительным листом к организации или иному лицу, выплачивающему должнику заработную плату, пенсии, стипендии и другие периодические выплаты в сторону увеличения. Представляет правильным закрепление положения о том, что если исполнительный лист получен взыскателем-физическим лицом, то никакого ограничения суммы, подлежащей взысканию по исполнительному листу, применяться не должно. Иными словами, поименованный критерий суммы возможно оставить только в отношении юридических лиц, которые выступают взыскателями. И для унификации целесообразно применить критерий в соответствии со ст. 229.2 АПК РФ увеличив его до 500 000 рублей.

Отметим, что декабрь 2018 года явился началом изменения критерия суммы в ст. 9 Закона, в связи с принятием Государственной Думой Российской Федерации Закона «О внесении изменений в статью 9 Федерального закона «Об испол-

нительном производстве». Данные положения следует оценить положительно, вместе с тем ознакомление с пояснительной запиской к соответствующему законопроекту (№ 519890–7) порождает определенные настороженности. А именно, в пояснительной записке указано, что остаток исполнительных производств по состоянию на 1 января 2018 года составил 26,7 млн на сумму 5,5 трлн руб. Из этого остатка 16,7% составляют суммы взыскания 25 тысяч рублей и более до 100 тысяч рублей. С учетом того, что постановления о взыскании задолженности за счёт заработной платы и иных доходов должника составляют значительную часть процессуальных документов, выдаваемых и направляемых судебными приставами, трудозатраты по данной категории производств с взыскиваемой суммой менее 100 тыс. руб. являются неоправданными. В заключении отмечен вывод, что «такой способ исполнения является наиболее удобным и оперативным для взыскателя» (URL: [http://sozd.duma.gov.ru/bill/519890–7.](http://sozd.duma.gov.ru/bill/519890-7)).

Выражая искреннее не согласие с текстом пояснительной записки обозначим ряд обстоятельств:

Во-первых, важно помнить, что основной целью конкретных судебных приставов-исполнителей является обеспечение принудительного исполнения требований исполнительных документов. Поэтому указание на проблему «затрат на оплату труда» видится некорректным, особенно при обсуждении вопросов о не достижении положительного результата в 26,7 млн исполнительных производств.

Во-вторых, по состоянию на 1 января 2018 года данные исполнительные производства составляли лишь 16,7% от общего остатка исполнительных производств, незавершенных фактическим исполнением. То есть незаконченных исполнительных производств 83,3% (около 22 млн, по которым, возможно (поскольку неизвестен процент незавершенных исполнительных производств на сумму менее 25 тысяч рублей и не по всем исполнительным производствам выносятся решения об обращении взыскания на заработную плату), принимаются решения об обращении взыскания на заработную плату должника. С учетом приведенной статистики в качестве аргумента принятия законопроекта целесообразно было бы назвать иную сумму (более 100 тыс. руб.), которая составила бы большой процент незавершенных исполнительных производств, например, 50% от общего количества.

В-третьих, серьезное опасение порождает положение о том, что самостоятельное предъявление взыскателем исполнительного листа является «более удобным и оперативным способом». Следует напомнить, что содержание ст. 9 Федерального закона «Об исполнительном производстве» не выступает препятствием для взыскателя в реализации права обратиться с исполнительным листом к судебному приставу. Иными словами, этот метод является необязательным. Буквальное же толкование текста пояснительной записки может привести к принятию нововведений об обязательном предварительном обращении взыскателя (при сум-

ме задолженности менее 100 тысяч рублей по денежным обязательствам) к работодателю должника, что является недопустимым ущемлением права взыскателя на принудительное исполнение.

В качестве наиболее актуального направления представляется увеличение количества возможностей взыскателя по самостоятельному осуществлению права исполнения требования исполнительного листа, что к стати в полной мере отвечает задаче «модернизации системы принудительного исполнения судебных актов» (предусмотренной государственной программой Российской Федерации «Юстиция»).

Так, в 2012 году на реализации в ФССП России имелось 217,4 тыс. исполнительных производств со взысканиями на суммы от 0 до 10 рублей, по которым взыскателями выступили внебюджетные фонды. По данным Федеральной службы судебных приставов России (www.fssprus.ru), в 2013 году на 615,9 тыс. (на 5,7%), в 2016 году на 7,5 миллионов, в 2017 году на 1,4 млн выросло количество исполнительных производств, возбужденных на основании решений Госавтоинспекции (в 2019 году от Госавтоинспекции поступило 25,6 млн исполнительных документов). Работа над такими штрафами отвлекает приставов-исполнителей от выполнения главной обязанности – принудительного судебного исполнения. При этом затраты государства на сбор этих платежей (включая заработную плату судебных приставов, почтовые и транспортные расходы и т.д.), которые в среднем составляют 518 руб. за производство (URL: [https://pravo.ru/news/view/48655.](https://pravo.ru/news/view/48655)), существенно превышают размер штрафных санкций, что делает данную деятельность экономически невыгодной.

В связи с изложенным представляет особый интерес письмо ФССП РФ от 17 декабря 2009 г. № 12/02–20758-АП «Об обращении взыскания на денежные средства, внесенные должником в качестве аванса на лицевой счет оператора сотовой связи». Согласно тексту данного письма при наличии у должника денежных средств, внесенных им в качестве аванса на лицевой счет, расположенный у оператора сотовой связи, судебный пристав имеет право наложить арест на денежные средства должника и установить запрет на распоряжение денежными средствами, тем самым блокируя предоставление должнику услуг связи и денежных средств на лицевом счете должника у оператора сотовой связи.

К сожалению судебная практика не поддержала реализацию этих положений. Согласно определению ВАС РФ от 5 августа 2011 г. № ВАС-7896/11 по делу № А32–8892/2010–3/158–24СП «денежные средства, внесенные абонентом в качестве оплаты оказанных услуг оператору связи, не являются имуществом должника, кроме того, такие денежные средства не могут рассматриваться как дебиторская задолженность оператора связи перед абонентом в смысле статьи 76 Закона об исполнительном производстве и, как следствие, на эти денежные средства не может быть обращено взыска-

ние» (См. также определение ВАС РФ от 5 августа 2011 г. № ВАС-7893/11 по делу № А32-8883/2010-3/155-21 // СПС «КонсультантПлюс».).

Однако в последние годы судебная система в России претерпела изменения, после объединения Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ [2] была утверждена Концепция единого Гражданского процессуального кодекса РФ. Как справедливо отмечают В.А. Азаров и В.А. Константинова, необходимость такого объединения была вызвана тем, что эти отрасли процессуального права регулируют разные процедуры осуществления принципиально единого правосудия [3]. Данные обстоятельства актуализируют вопрос унификации правовых позиций арбитражных судов и судов общей юрисдикции, поскольку мнения Верховного Суда РФ и ВАС РФ по ряду проблем радикально расходились.

Подчеркнём, что согласно подп. «д» пункта 26 Правил оказания услуг телефонной связи, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 9 декабря 2014 г. № 1342 «О порядке оказания услуг телефонной связи», абонент имеет право обратиться к оператору связи о возврате денежных средств, уплаченных в качестве аванса. Указанное право абонента указывает на его возможность распоряжаться средствами на счету оператора. А именно, средства на счету абонента могут быть использованы абонентом для оплаты административного штрафа через Единый портал государственных и муниципальных услуг, для погашения задолженностей в рамках возбужденных исполнительных производств (См., например: п. 6.2 совместного Соглашения ФССП России, Росреестра от 10 июля 2015 г. «О взаимодействии между Федеральной службой судебных приставов и Федеральной службой государственной регистрации, кадастра и картографии» // СПС «КонсультантПлюс»).

Согласно п. 3 Положения по бухгалтерскому учету «Доходы организации ПБУ 9/99» (Приказ Минфина России от 6 мая 1999 г. № 32н (ред. от 06.04.2015) «Об утверждении Положения по бухгалтерскому учету „Доходы организации“ ПБУ 9/99» // СПС «КонсультантПлюс») авансы не признаются доходами организаций и не включаются в выручку. Данное положение позволяет различать два момента движения денежных средств: перевод денежных средств абонентом оператору сотовой связи, но до их списания последним за оказанные услуги, а также перевод указанных денежных средств оператором на его расчетный счет в качестве оплаты оказанных услуг. Более оптимальной в отношении средств, вносимых абонентом оператору сотовой связи, представляется следующая модель: отправка денежных средств не прекращает права собственности абонента на них, а лишь устанавливает возможность оператора погасить возникающую задолженность абонента за оказанные услуги указанными средствами. То есть оператора сотовой связи необходимо рассматривать как держателя средств абонента.

Данный подход делает возможным предусмотреть новую возможность осуществления взыскателем права на реализацию требований исполнительного листа – отправку исполнительного листа о взыскании денежных средств или об их аресте непосредственно оператору сотовой связи. В этом случае от взыскателя не будет требоваться предоставлять информацию о наличии договорных отношений между должником и оператором.

За счет принятия данных изменений удастся существенно снизить нагрузку на службу судебных приставов, поскольку все исполнительные документы на небольшие суммы можно будет отправлять сотовым операторам. Кроме того, аналогичное правовое регулирование должно быть предусмотрено в отношении интернет-провайдеров, операторов кабельного телевидения и иных лиц, с которыми у должника установлены договорные отношения.

О возможностях изменений позиций судов по обозначенному вопросу свидетельствует и складывающаяся судебная практика. Так, решением Центрального районного суда г. Новосибирска от 16 марта 2015 года по делу № 33-6261-2015 отказано в удовлетворении заявления ОАО «ВымпелКом» об оспаривании решения судебного пристава о обращении взыскания на денежные средства должника, и со ссылкой на указанное письмо ФССП РФ от 17 декабря 2009 года. К сожалению, Новосибирский областной суд отменил решение суда первой инстанции.

В Обзоре судебной практики по оспариванию постановлений, действий (бездействия) должностных лиц ФССП России в 2008 году (Обзор судебной практики по оспариванию постановлений, действий (бездействия) должностных лиц ФССП России в 2008 году: приложение к письму ФССП РФ от 27 марта 2009 г. № 12/07-3906-СВС.) отмечается, что в Сахалинской области суды вынесли два решения (от 22 декабря 2008 г. и от 20 января 2009 года) об отказе в удовлетворении заявлений операторов связи ОАО «Мобильные ТелеСистемы» и ЗАО «Сахалин Телеком Мобайл» об оспаривании действий судебного пристава об аресте права требования должников за оказание услуг связи, запрете указанным операторам связи от исполнения требований должников и обращения взыскания на имущественные права должников». В материалах к заседанию Научно-консультативного совета ФССП России 31 марта 2010 г. на тему «Правовая природа денежных средств, зачисляемых должниками-абонентами на счета операторов сотовой связи» подчеркнута, что «некоторые суды склонны рассматривать средства, находящиеся на лицевом счете абонента, как имущество, находящееся у третьи лица». Более того, уже в 2018 году Мосгорсуд неоднократно указывал на необходимость использования приставами разъяснений, содержащихся в письме ФССП РФ от 17 декабря 2009 года № 12/02-20758-АП (См., например: апелляционные определения Московского городского суда от 18 декабря 2018 г. по де-

лу № 33а-9578/2018; от 12 сентября 2018 г. по делу № 33а-5078/2018; от 22 марта 2018 г. по делу № 33а-2044/2018 (СПС «консультантПлюс»).

А.А. Парфенчикова, анализируя проблемы в области исполнительного производства, правильно пишет, что ограничения прав личности наряду с имущественными правами не смещают центр тяжести на личность должника; личность остается неприкосновенной [4]. В связи с чем подходящим способом побудить должника к исполнению требований исполнительного листа может стать введение запрета на оказание ему отдельных государственных услуг. Так, можно поддержать предложение Минюста РФ лишить должников права подавать документы в ЗАГС, отказать им в регистрации ряда сделок, например с недвижимостью, или в получении некоторых справок (URL: [http://minjust.ru/ru/press/news/dlya-dolzhnikov-pridumali-novoe-pakazanie.](http://minjust.ru/ru/press/news/dlya-dolzhnikov-pridumali-novoe-pakazanie)), запрет сдачи экзаменов на водительские права (URL: [http://www.uralinform.ru/news/society/294472-alimentshikam-ne-vydadut-prava.](http://www.uralinform.ru/news/society/294472-alimentshikam-ne-vydadut-prava)).

Подводя промежуточный итог отметим, что продолжение развития способов самостоятельного осуществления взыскателем права на исполнение исполнительных документов снизит нагрузку на службы судебных приставов, приведет к более быстрому исполнению требований исполнительных документов, к конкуренции в формах реализации права на принудительное исполнение и, как следствие, на усиление защиты интересов взыскателя в исполнительных правоотношениях.

Литература

1. Саблин М.Т. Взыскание долгов: от профилактики до принуждения: практическое руководство по управлению дебиторской задолженностью. М., 2011. С. 139 // СПС «КонсультантПлюс». 2011.
2. См., например: Кузьмин А.Г. Создание единого Верховного Суда Российской Федерации: взгляд сквозь призму конституционализма // Рос. юстиция. 2014. № 8. С. 43; Соловьев В.Ю. Процессуальная революция Верховного Суда Российской Федерации // Мировой судья. 2018. № 1. С. 20; Жуйков В.М. О некоторых проблемах развития процессуального законодательства и законодательства о судостроительстве // Журн. рос. права. 2017. № 8.

С. 135; Бондарь Н.С., Джагарян А.А. Прямое действие Конституции: генерация и гарантирование конституционным правосудием // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. № 3. С. 12. СПС «КонсультантПлюс»..

3. Азаров В. А., Константинова В.А. Унификация правовых норм о судебных решениях в свете концепции судебного права // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 11. С. 6. СПС «КонсультантПлюс».
4. Парфенчикова А.А. Меры косвенного принуждения в исполнительном производстве. С. 88.

POSSIBILITIES OF THE CLAIMANT DURING COLLECTION WITHOUT RECOURSE TO THE FEDERAL BAILIFF SERVICE, WITHOUT RECOURSE TO COLLECTORS BY SENDING A WRIT OF EXECUTION TO THE DEBTOR'S EMPLOYER

Mamaev A.A.

Ural state Law University named after V.F. Yakovlev

The article reveals the powers of the collector when carrying out collection through independent actions, without recourse to the Federal Bailiff Service and without recourse to collectors by presenting a writ of execution to the debtor's employer. It is further noted that increasing the number of opportunities for the claimant to independently exercise the right to execute the demands of the writ of execution seems to be the most relevant direction for the development of the model of enforcement proceedings. The possibility of foreclosure on funds contributed by the debtor as an advance to the personal account of a cellular operator is analyzed. In conclusion, the text suggests ways to improve the legal status of the claimant.

Keywords: enforcement proceedings, recoverer, debtor, bailiff, enforcement.

References

1. Sablin M.T. Debt collection: from prevention to coercion: a practical guide to managing receivables. M., 2011. P. 139 // SPS "ConsultantPlus". 2011.
2. See, for example: Kuzmin A.G. Creation of a unified Supreme Court of the Russian Federation: a look through the prism of constitutionalism // Ros. justice. 2014. No. 8. P. 43; Solovyov V. Yu. Procedural revolution of the Supreme Court of the Russian Federation // Justice of the Peace. 2018. No. 1. P. 20; Zhuiikov V.M. On some problems of the development of procedural legislation and legislation on the judicial system // Journal. grew up rights. 2017. No. 8. P. 135; Bondar N.S., Dzhagaryan A.A. Direct action of the Constitution: generation and guarantee by constitutional justice // Comparative constitutional review. 2016. No. 3. P. 12. SPS "ConsultantPlus"..
3. Azarov V. A., Konstantinova V.A. Unification of legal norms on judicial decisions in the light of the concept of judicial law // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2017. No. 11. P. 6. SPS "ConsultantPlus".
4. Parfenchikova A.A. Measures of indirect coercion in enforcement proceedings. P. 88.

Преодоление неопределенности правового регулирования при определении семейного свойства: аспекты применения метода аналогии закона

Микрюков Виктор Алексеевич

к.ю.н., доцент кафедры предпринимательского и корпоративного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

E-mail: vmikryukov@yandex.ru

Не давая дефиниции понятия семьи, СК РФ указывает в числе участников семейных отношений помимо супругов и родственников на «иных лиц». В доктрине и правоприменительной практике нет сомнений, что в число таких лиц входят граждане, состоящие в свойстве – отчим, мачеха, пасынок, падчерица, тесть, теща, свекр, свекровь, зять, невестка (сноха) и др. Этот вид семейной связи упоминается и в гражданском законодательстве. Отсутствие легального определения данного состояния автор признает пробелом, восполнение которого необходимо для обеспечения единообразных подходов к разрешению конфликтных ситуаций и гражданских дел, требующих установления и учета юридически значимой близости их участников. С целью внесения определенности в обыденные «жизненные» представления о свойственниках, установления случаев, при которых семейная близость презюмируется, исключения необходимости прибегать к межотраслевой аналогии, выходящей за рамки частного права, предлагается непосредственное законодательное обозначение круга свойственников через их прямое перечисление.

Ключевые слова: правовая неопределенность, аналогия закона, отношения свойства, невестка, свекровь, семейные правоотношения.

Определяя круг участников отношений, регулируемых семейным законодательством, законодатель в ст. 2 СК РФ указал на три основные группы:

- члены семьи (включая супругов, родителей и детей усыновителей и усыновленных, как это следует непосредственно из текста ст. 2 СК РФ),
- другие родственники (такowymi, прямо называя их «другими» законодатель, в частности, признает братьев и сестер (ст. 93 СК РФ), дедушек, бабушек и внуков (ст.ст. 94,95 СК РФ))¹,
- и иные лица.

К числу семейно-правовых отношений последних (иных лиц, входящих в круг носителей семейных прав и обязанностей, не являющихся ни супругами, ни родственниками) доктрина традиционно относит отношения свойства [2, с. 2–5], под которыми понимаются, отношения между супругом и родственниками другого супруга (отчим, мачеха, пасынок, падчерица), а также между родственниками супругов [9, с. 56–60].

Четкое семейно-правовое распознавание отношений свойства важно не только для семейного права (при определении степени близости родства и свойства как существующих либо желательных препятствий к браку [1, с. 60–63], установлении объема возможностей обязанностей свойственников по участию в общении и взаимной материальной поддержке [3, с. 14–17] и т.п.), но и для иных сфер правового регулирования, требующих юридического учета особых лично-доверительных аспектов взаимодействия «близких лиц», что представляет отмеченную в доктрине сложность ввиду «безразмерности» соответствующих нормативных формулировок [4, с. 114–121]. В частности, отсутствие у гражданина, владеющего незначительной по размеру долей в праве собственности на жилое помещение и претендующего на регистрацию в данном помещении по месту жительства, родственной либо свойственной связи с лицами, которые там уже проживают, расценивается судами как признак намерения добиться фиктивной регистрации (см., например: Апелляционное определение Московского городского суда от 04 июня 2019 года по делу № 33а-2958/2019). В свою оче-

¹ Необходимо заметить, что указание на «других» родственников строгим образом относится лишь к упомянутым перед ними по тексту ст. 2 СК РФ родителям и детям, поскольку близкие родственники вообще не могут вступать в брак (ст. 14 СК РФ) и в целом супруги, как правило, кровным родством не связаны, а усыновители и усыновленные лишь «приравниваются» в личных неимущественных и имущественных правах и обязанностях к родственникам по происхождению (ст. 137 СК РФ).

редь, в процедурах несостоятельности (банкротства) в качестве инструмента для злоупотреблений воспринимается не отсутствие, а наличие отношений родства или свойства [6, с. 59]. Далее, хотя корпоративно-правовые нормы прямо не идентифицируют собственников для целей определения признаков заинтересованности в совершении корпорациями гражданско-правовых сделок, данные субъекты вполне могут вовлекаться в совершение незаконных сделок [6, с. 369–381].

Однако в отличие от кодифицированных актов ряда стран ближнего зарубежья, зафиксировавших понятие и признаки свойства (например: ст. 61 КоБС Республики Беларусь, ст. 3.136 ГК Литвы, ст. 59 СК Узбекистана) отечественное семейное законодательство не содержит ни понятия, ни перечня собственников (ни даже упоминания таковых), что можно считать одним из значимых пробелов в нормативно-правовой квалификации основных категорий семейного права.

Сталкиваясь с указанным пробелом, суды, как правило, констатируют, что под лицами, состоящими в свойстве, понимаются родственники супругов (см.: пункт 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01 июня 2023 года № 14 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьями 317, 318, 319 Уголовного кодекса Российской Федерации»), а отношения свойства – это возникающие как сопутствующее последствие брака отношения одного супруга с родственниками другого супруга либо между родственниками супругов (см.: Определение Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2011 года № 1710-О-О; Постановление Президиума Самарского областного суда от 15 сентября 2016 года № 44у-163/2016), не указывая на источник такого толкования. Поэтому наибольший интерес представляют попытки суда найти для квалификации отношений свойства правовую основу.

В практике имел место случай, когда, столкнувшись с указанной правовой неопределенностью, суд счел возможным раскрыть существо отношений свойства с использованием аналогии закона.

Инспекция ФНС РФ обратилась с иском о взыскании с гражданки Х в качестве неосновательного обогащения денежной суммы, которую ответчица получила из бюджета, воспользовавшись правом на имущественный вычет по НДФЛ. Основанием для данного требования явился установленный в ходе выездной налоговой проверки факт, что договор о приобретении квартиры, выступивший основанием для предоставления вычета, был заключен между аффилированными лицами (собственниками), поскольку продавцом выступила гражданка У – мать супруга (свекровь) гражданки Х. Согласно ст. 20 НК РФ взаимозависимыми для целей налогообложения признаются лица, отношения между которыми могут оказывать влияние на условия или экономические результаты их деятельности, а именно если лица состоят в соответствии с семейным законодательством РФ в брачных отношениях, отношениях родства или свой-

ства, усыновителя и усыновленного, а также попечителя и опекаемого.

В отсутствие легального определения понятия свойства суд признал сходство спорных (пробельных) отношений с отношениями, возникающими в связи с государственной гражданской службой, несение которой не должно быть искажено семейной близостью (в целях противодействия протекционизму, основанному на семейных связях, п. 5 ч. 1 ст. 16 ФЗ от 27 июня 2004 года № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации») установил, что в отношениях близкого родства или свойства состоят родители, супруги, дети, братья, сестры, а также братья, сестры, родители, дети супругов и супруги детей). При этом суд не только формально сослался на наличие отношений свойства между невесткой (снохой) Х и ее свекровью У, но и продемонстрировал, что данная семейная связь повлияла на цену сделки (она была существенно завышена по сравнению с текущими рыночными ценами). В результате иск инспекции был удовлетворен (Решение Октябрьского районного суда города Красноярска от 22 августа 2013 года по делу № 2–1165/2013).

Несмотря на то, что действительно можно утверждать о наличии семейно-правового пробела в части определения объема понятия свойства и ширины круга собственников (с одной стороны, он может восприниматься в словообразовательном аспекте максимально широко, как включающий всех «своих», т.е. всяких близких людей, включая друзей и коллег [5, с. 197–201], а с другой – упоминание в тексте СК РФ в качестве лиц, которые при возникновении брачного союза становятся «своими» и обретают семейные права и обязанности, лишь отчима, мачехи, пасынка и падчерицы, позволяет помыслить, что юридически значимое свойство ограничивается отношениями таких лиц), в данном случае квалифицировать отношения свойства невестки (снохи) Х. и ее свекрови У. можно было бы и без обращения к аналогии закона. Так, понятия «невестка (сноха)» и «свекровь» прямо закреплены в разд. 11 «Родство, свойство» Общероссийского классификатора информации о населении ОК 018–2014 (Приказ Росстандарта от 12 декабря 2014 года № 2019-ст).

Другое дело, что отыскание судом схожего со спорным отношения и выявление прямо регулирующей его нормы позволило раскрыть цель нормативного воздействия (воспрепятствование установлению цены сделки «по-свойски» исключительно для получения налоговой выгоды) и при помощи аналогии, обладающей признанным доктринальным существенным потенциалом юридической аргументации и объяснения правовых явлений [10, с. 147–151], обеспечить принятому решению дополнительную мотивированность и обоснованность.

Поддерживая идею о несправедливости подразделения семейно-правовых институтов на «главные» и «второстепенные» с точки зрения актуальности их исследования и развития [7, с. 19–21], видится необходимым продвинуться

в направлении прямого законодательного дефинирования семейно-правового понятия свойства. Думается, что оптимальным решением в направлении соответствующего совершенствования действующего семейного законодательства было бы опирающееся на общепринятое (бытовое) значение отношений свойства и юридически зафиксированные в рамках стандартизации информации о населении понятия «тесть», «теща», «свекор», «свекровь», «зять», «невестка (сноха)» упоминание термина «свойственники» в тексте ст. 2 СК РФ наряду (через запятую) с категорией «родственники».

Литература

1. Белова С.Н. Близкое родство и свойство как препятствия к браку // Социально-политические науки. 2017. № 4. С. 60–63.
2. Беспалов Ю.Ф. К вопросу о предмете семейного права // Семейное и жилищное право. 2013. № 6. С. 2–5.
3. Каймакова Е.В. Актуальные вопросы правового положения свойственников в семейных отношениях // Семейное и жилищное право. 2020. № 6. С. 14–17.
4. Мананкова Р.П. О межотраслевом применении частноправовых понятий // Вестник Томского государственного университета. Право. 2015. № 4(18). С. 114–121.
5. Новоселова О.А., Храмцова Л.Н. Невестка и свекровь в диалектной картине мира // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2012. Т. 11. № 9. С. 197–201.
6. Османова Д.О. Отношения родства или свойства как инструмент для злоупотреблений при несостоятельности (банкротстве) // Предпринимательское право. Приложение «Право и бизнес». 2018. № 3. С. 59.
7. Рабец А.М. Правовое регулирование отношений свойства на постсоветском пространстве // Семейное и жилищное право. 2017. № 4. С. 19–21.
8. Сафаева Н.Р. Косвенные иски по корпоративным спорам. Особенности доказывания // Вестник гражданского процесса. 2019. № 1. С. 369–381.
9. Эрделевский А.М. О некоторых вопросах правового статуса свойственников и дальних родственников // Хозяйство и право. 2021. № 6(533). С. 56–60.

10. Berger L.L. Metaphor and Analogy: The Sun and Moon of Legal Persuasion // Brooklyn Journal of Law and Policy. 2014. Vol. 22. Iss. 1. P. 147–151.

OVERCOMING THE UNCERTAINTY OF LEGAL REGULATION WHEN DETERMINING FAMILY PROPERTY: ASPECTS OF APPLYING THE LAW ANALOGY METHOD

Mikryukov V.A.

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Without defining concept of the family, the Family Code of the Russian Federation lists «other persons» among participants in family relations, in addition to spouses and blood relatives. Doctrine and law enforcement practice leave no doubts that such persons include citizens in following relationships: stepfather, stepmother, stepson, stepdaughter, father-in-law, mother-in-law, son-in-law, daughter-in-law, etc. This type of family relationships is also mentioned in civil legislation. Author recognizes lack of a legal definition for this status as a gap, which must be filled to ensure uniform approaches to resolution of conflict situations and civil cases requiring establishment and consideration of legally significant proximity for their participants. In order to introduce certainty into everyday «routine» ideas about relatives, to establish cases in which family relationships are presumed, to exclude need to resort to an intersectoral analogy that goes beyond private law, a direct legislative definition of the circle of relatives through their direct listing is proposed.

Keywords: legal uncertainty, analogy of law, kin relationships, daughter-in-law, mother-in-law, family legal relations.

References

1. Belova S.N. Close kinship and kin as obstacles to marriage // Socio-political sciences. 2017. № 4. С. 60–63.
2. Bespalov Y.F. On the subject-matter of family law // Family and Housing Law. 2013. № 6. С. 2–5.
3. Kaymakova E.V. Relevant Issues of the Legal Position of In-Laws in Family Relationship // Family and Housing Law. 2020. № 6. С. 14–17.
4. Manankova R.P. On the interbranch application of private law concepts // Bulletin of Tomsk State University. Law. 2015. № 4(18). С. 114–121.
5. Novoselova O.A., Khramtsova L.N. Daughter-in-law and mother-in-law in the dialect picture of the world // Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, philology. 2012. Т. 11. № 9. С. 197–201.
6. Osmanova D.O. Kinship relationships as an instrument of abusive practices in insolvency (bankruptcy) // Entrepreneurial Law. Appendix «Law and Business». 2018. № 3. С. 59.
7. Rabets A.M. Legal Regulation of Relationships by Marriage in the Former Soviet Union // Family and Housing Law. 2017. № 4. С. 19–21.
8. Safaeva N.R. Derivative Action on Corporate Disputes. Features of Proof // Vestnik of civil procedure. 2019. № 1. С. 369–381.
9. Erdelevsky A.M. On some issues of the legal status of kin and distant relatives // Khozyaistvo i pravo. 2021. № 6(533). С. 56–60.
10. Berger L.L. Metaphor and Analogy: The Sun and Moon of Legal Persuasion // Brooklyn Journal of Law and Policy. 2014. Vol. 22. Iss. 1. P. 147–151.

Институт применения существенного изменения обстоятельств в гражданском праве: аспекты адаптации торговых договоров

Моисеенко Светлана Андреевна,

студент, Новосибирский государственный университет
E-mail: s.moiseenko@g.nsu.ru

Статья посвящена анализу института существенного изменения обстоятельств в качестве инструмента адаптации торговых договоров в условиях антироссийских односторонних ограничительных мер и контрмер РФ. Рассматриваются основные проблемы российской судебной практики применения статьи 451 ГК РФ. В статье обращается внимание на необходимость пересмотра законодательных подходов к определению категории предвидимости обстоятельств, ставших причиной выдвигания требования об изменении или расторжении договора, а также пересмотра содержащейся в статье 451 ГК РФ иерархии средств правовой защиты от изменения обстоятельств в целях выработки более эффективной практики применения рассматриваемого института.

Ключевые слова: *clausula rebus sic stantibus*, существенное изменение обстоятельств, адаптация договора, договорное право, непредвидимость изменения обстоятельств, принцип добросовестности.

По общему правилу в сфере договорного права действует общеизвестный императив – «*pacta sunt servanda*». Данный принцип оформляет стабильность оборота и максимизирует экономическую эффективность посредством создания гарантий исполнения сделки, снижая транзакционные издержки. Однако данный принцип в сущности представляет собой исходную опровержимую презумпцию, отступление от которой возможно при наличии весомых социально-экономических и политических оснований, ставящих под сомнение справедливость сохранения договорных связей в неизменном виде.

В настоящее время мир находится в состоянии геополитической турбулентности, наблюдается слом системы общественных отношений, которая выстраивалась последние 30 лет. За последние десятилетия для обеспечения надлежащего функционирования глобального товарооборота создавались правовые и организационные инструменты, главной целью которых являлось обеспечение беспрепятственного перемещения товаров и услуг на мировом уровне. Введение обширных антироссийских односторонних ограничительных мер и контрмер РФ существенно повлияло на формировавшуюся с 90-х годов прошлого века экономическую модель, сорвав большое количество контрактов (или существенно затруднив их исполнение). Описанная ситуация существенным образом влияет и на гражданский оборот как на транснациональном уровне, так и на внутригосударственном уровне. В этих условиях обостряется проблема поиска оптимальных правовых инструментов для защиты интересов сторон торговых договоров. В данном контексте необходимо проанализировать институт существенного изменения обстоятельств как основания для изменения или расторжения договора.

Институт существенного изменения обстоятельств выражает учение *clausula rebus sic stantibus*, которое берет свое начало от глоссаторов [1, с. 273]. Вкратце суть данного учения можно выразить следующим образом: во всех договорах содержится подразумеваемая оговорка *rebus sic stantibus*, по смыслу которой обязывающая сила договора находится в зависимости от подразумеваемого условия о неизменности обстановки, из которой исходили стороны при заключении договора [2, с. 257]. Однако данный институт получил развитие лишь в 1920-х годах в практике немецких судов, пытавшихся на фоне известных социальных, политических и финансовых катаклизмов найти баланс интересов. Первоначально су-

ды опирались на доктрину «отпадения оснований сделки». В дальнейшем (в частности, после Второй мировой войны) в судебной практике посредством применения указанной доктрины и принципа добросовестности кристаллизовывались правила расторжения или изменения договора в связи с существенным изменением обстоятельств [3, р. 523–526]. В итоге к середине XX века вследствие структурного кризиса идея о допустимости отступления от принципа “*facta sunt servanda*” находила все большее количество сторонников, постепенно нормы о существенном изменении обстоятельств внедрялись в национальное законодательство многих государств. В настоящее время институт существенного изменения обстоятельств является широко распространенным и рассматривается в континентально-правовой системе как проявление принципа добросовестности [4, с. 58].

В соответствии с современными подходами институт существенного изменения обстоятельств подразумевает не полную невозможность исполнения договорных обязанностей, а существенное искажение баланса интересов сторон и эквивалентности предоставлений, как в юридическом, так и в экономическом смысле [5, с. 75].

Презюмируется, что изменение обстоятельств (в т.ч. рост издержек на исполнение обязательства, снижение ценности предоставления, снижение субъективной заинтересованности в сохранении контрактных связей) не является поводом для отступления от принципа нерушимости договорных связей, на что указывает, в частности, статья 6.2.1 Принципов УНИДРУА [6]. Однако вследствие экстраординарных структурных изменений, с которыми последние три года сталкивается мировой правопорядок, сделка может трансформироваться из механизма, опосредующего взаимовыгодный товарообмен и повышающий, в конечном счете, общее экономическое благосостояние, в экономически нецелесообразную. Если одна из сторон начинает проигрывать в случае исполнения договора, нарушается критерий эффективности по Парето, и совокупное благосостояние падает [7, с. 122–127]. Если же проигравшая сторона теряет от исполнения договора больше, чем может получить его «выигравший» контрагент, то «проигрывает» вся экономика, наступает неэффективность по критерию Калдора-Хикса [8, р. 17]. В подобной ситуации сохранение договорных отношений в неизменном виде не только не приводит к росту экономического благосостояния сторон, но и не способствует росту совокупного общественного благосостояния, которое уменьшается на величину разницы между выигрышем одной стороны сохраняющегося договора и проигрышем другой. Такая ситуация открывает основания для вмешательства суда в договорную сферу, в частности, посредством использования института, предусмотренного статьей 451 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [9]. Данный институт теряет свою актуальность во времена стабилизации экономики, поскольку по сво-

ей природе противоречит устойчивому обороту [10, с. 52].

Статья 451 ГК РФ выдвигает следующие условия, при которых суд может изменить или расторгнуть договор в связи с существенным изменением обстоятельств:

- 1) непредвидимость обстоятельств (подробнее о данном критерии будет рассказано ниже);
- 2) непреодолимый характер изменений: критерий раскрывается в статье 6.2.2 Принципов УНИДРУА, в соответствии которой событие, на которое ссылается сторона должно выходить за рамки сферы его контроля;
- 3) несправедливость сохранения договора: исполнение договора в неизменном виде нарушает баланс интересов сторон и влечет несоразмерный ущерб для пострадавшего контрагента;
- 4) невозможность признания риска в качестве принятого истцом: данный критерий устанавливается преимущественно из природы и сущности заключенного договора. Так, например, природа реляционных контрактов склоняет к более интенсивному применению ст. 451, в отношении же алеаторных сделок применение рассматриваемого института минимизируется [11, с. 1300–1311].

Наиболее сложным является критерий предвидимости. Предвидимость анализируется в двух проявлениях: 1) возможность предвидеть изменения обстоятельств и учесть соответствующие риски при заключении контракта, 2) возможность предвидеть интенсивность соответствующих изменений (п. 3 ст. III.-1:110 DCFR) [12]. Оценка данного критерия является наиболее дискуссионным вопросом, стоящим перед судом при оценке допустимости применения института существенного изменения обстоятельств. Российская практика в подавляющем большинстве склоняется к абсолютному признанию практически любых социальных, экономических и политических катаклизмов как потенциально «предвидимых» и входящих в предпринимательские риски сторон. Рассмотрим основные категории дел.

- Суды оперируют категорией предвидимости, указывая, в частности, на то, что **санкции** являются категорией «предвидимой», исходя из той политической конъюнктуры, которая складывается на протяжении последних лет [13].
- Аналогичным образом строится аргументация в отношении споров о расторжении или изменении договора в связи с **финансовым кризисом** и общей неблагоприятной экономической обстановкой. Зачастую суды признают кризисы, вне зависимости от того, насколько существенно образом они повлияли на положение сторон в контрактах, предсказуемым явлением, поскольку «аналогичные процессы в экономике периодически имеют место быть» [14]. В этой связи весьма интересно решение Президиума ВАС РФ от 30 ноября 2010 № 9600/10. В данном деле суд не признал допустимость применения нормы о существенном измене-

нии обстоятельств, поскольку пришел к выводу о том, что стороны могли предвидеть вероятность ухудшения экономической ситуации, однако удовлетворил требования истца о расторжении договора аренды в связи с недобросовестностью ответчика (арендатора). В соответствии с позицией, изложенной ВАС РФ, «арендатором в процессе исполнения спорного договора созданы условия явной несоразмерности имущественного положения сторон, что нарушает принцип соблюдения баланса законных интересов участников данных правоотношений» [15].

- **Изменение курса валюты** также в большинстве не признаются судами в качестве основания применения рассматриваемого института. Так, в ставшем весьма известным деле «Вымпелком» против «Тизприбора» суд первой инстанции удовлетворил иск на основании ст. 451 (в связи с резким ростом курса доллара в 2.5 раза и последующим ростом более чем в 2.5 раза размера арендной платы – с 900 млн до 2,5 млрд, был введен «валютный коридор»). Суд первой инстанции мотивировал решение необходимостью соблюдения баланса интересов сторон и недопустимости недобросовестного извлечения прибыли из преимущественного положения одной стороны [16]. Однако данное решение было отменено в апелляции, поскольку, по мнению апелляционного суда, рост курса доллара по отношению к рублю не подпадает под критерии, выдвигаемые статьей 451 ГК: «вступая в договорные отношения, стороны должны были прогнозировать экономическую ситуацию в учетом проводимой в стране валютной политики и возможности перехода на рыночный курс доллара США, в связи с чем не могли исключать вероятность резкого ослабления курса национальной валюты» [17].
- Российские суды также не относят к числу непредвидимых **инфляционные процессы**. Так, в Постановлении ВАС от 13 апреля 2010 г. № 1074/10 по делу № А40–90259/08–28–767, указано, что стороны, вступая в договорные отношения, анализируют экономическую обстановку, а потому не могут исключать вероятность роста цен в период действия договора [18].

Несмотря на необходимость осторожного применения рассматриваемой нормы, проиллюстрированный ограничительный подход не всегда является обоснованным. Необходимо исходить не из возможности предвидеть те или иные события, а из того, мог ли рациональный субъект разумно полагать, что данные события с учетом их интенсивности определенным образом повлияют на исполнение договорных обязательств [19]. Когнитивные и прогностические возможности людей объективно ограничены, зачастую субъекты действуют на основе субъективных эвристических моделей и стремятся сократить транзакционные издержки на поиск и анализ информации о мало-

вероятных рисках. Из данной парадигмы исходит бихевиоральный экономический подход в праве, оттеняющий общую презумпцию рациональности субъектов [20, р. 99–118; 21, с. 291–292]. При установлении предвидимости надлежит анализировать как индивидуальные особенности сторон сделки, так и обстоятельства объективной действительности, в которых находились стороны в момент ведения переговоров и заключения контракта. Установлению данных обстоятельств помогает использование системы бихевио-экономического анализа права: признание и анализ проблем ограниченной рациональности, ретроспективного детерминизма, «сверхоптимизма» и т.д. позволит определить ожидания сторон в процессе ведения переговоров и заключения договора. На такой подход наталкивают и основные международно-правовые документы, регулирующие сферу договорного права (UNIDROIT Principles (PICC), Principles of European Contract Law (PECL), Draft Common Frame of Reference (DCFR)), которые продолжают тенденцию наделяния судов относительно широкими полномочиями принимать решения о расторжении и адаптации договора при строгом соблюдении установленных критериев [22, р. 213].

Также стоит отдельно отметить, что необоснованным представляется законодательный подход к расторжению договора в качестве основного механизма реакции на существенное изменение обстоятельств. Большинство европейских юрисдикций, признающих рассматриваемый институт, следуют принципу *favor contractus*, рассматривая адаптацию договора в качестве наиболее оптимального способа нивелирования нарушенного баланса, в особенности, применительно к долгосрочным контрактам. В частности, из такого подхода исходит немецкое гражданское законодательство. В соответствии с положениями § 313 Гражданского уложения Германии, если наличествуют обстоятельства, существенно искажившие баланс интересов сторон договорных правоотношений (настолько сильно, что пострадавшая сторона не согласилась бы на заключение договора, если бы имела возможность предвидеть наступление данных обстоятельств), то требуется адаптация договора к изменившимся обстоятельствам («Anpassung des Vertrags verlangt werden») [23]. Расторжение договора же рассматривается в качестве последнего средства, в случае если анализ обстоятельств дела не позволяет найти оптимальное соотношение распределения рисков после адаптации договора, либо при объективной неэффективности сохранения договора. Стремление к сохранению контрактов выражают и Принципы УНИДРУА (из толкования ст. 6.2.3 можно сделать вывод о приоритете пересмотра условий, а не расторжения договора), а также DCFR (ст. III.–1:110). С учетом данных обстоятельств, наиболее оптимальным вариантом представляется утверждение равноправности данных способов защиты стороны, пострадавшей от существенного изменения обстоятельств. В данном контексте важно отметить, что ни российское

законодательство, ни подавляющее большинство иностранных юрисдикций, ни международные акты, регулирующие сферу договорного права не содержат обязанности контрагента вступать в переговоры в связи с существенным изменением обстоятельств. Существует весьма распространенное мнение, что несмотря на отсутствие текстуально закрепленной обязанности по проведению переговоров, такая обязанность подразумевается и выводится из принципа добросовестности сторон [24, р. 285–286].

Таким образом, практика показывает, что учесть вероятность наступления всех вероятных рисков при заключении договора весьма затруднительно. Из проведенного анализа следует, что адаптация договора при существенном изменении обстоятельств может стать эффективным правовым инструментом, способствующим смягчению последствий нестабильности мировой экономики для трансграничных контрактов. Однако для раскрытия потенциала статьи 451 ГК РФ необходимо пересмотреть законодательный подход в части допустимости изменения договора (а не его расторжения), также российским судам необходимо пересмотреть подход к определению предвидимости обстоятельств

Литература

1. Агарков М.М. Избранные труды по гражданскому праву в 2 т. Т. 2: Общее учение об обязательствах и его отдельных видах. – М.: Статут, 2012. – 535 с.
2. Report of the International Law Commission on the work of its Eighteenth Session, 4 May-19 July 1966, – Official Records of the General Assembly, Twenty-first Session, – Supplement No. 9 (A/6309/Rev.1). – URL: https://legal.un.org/ilc/documentation/english/reports/a_cn4_191.
3. Цвайгерт К., Кётц Х. Сравнительное частное право: в 2 т.: пер. с нем. – М.: Международные отношения, 2021. – 727 с.
4. Бевзенко Р.С., Егоров А.В. Адаптация договора к изменившимся обстоятельствам и добросовестность сторон // О договорах: Сб. статей к юбилею В.В. Витрянского / Сост. С.В. Сарбаш. М., 2017. – С. 20–60. – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3575696.
5. Скловский К.И. Проблемы применения нормы ст. 451 ГК РФ: валютная оговорка и баланс интересов сторон договора // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2016. – № 7. – С. 64–77. URL: <https://zakon.ru/publication/igzakon/6723?ysclid=lq50lz98fx324440184>.
6. UNIDROIT Principles of international Commercial Contracts, 2016. – URL: https://www.trans-lex.org/400120/_/unidroit-principles-of-international-commercial-contracts-2016/.
7. Карапетов А.Г. Экономический анализ права. – М.: Статут, 2016. – с. 528.

8. Posner R.A. Economic Analysis of Law. – 8th ed. New York: Aspen Publishers, 2010. – 712 p.
9. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 5. – ст. 3301.
10. Зейц А.Г. Влияние изменившихся обстоятельств на силу договоров (clausula rebus sic stantibus) // Вестник гражданского права. – 2013. – № 5. – 65 с. – URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/65526-vliyanie-izmenivshikhsya-obstoyatelstv-silu-dogovorov-clausula-rebus?ysclid=lq50oitvye466917773>.
11. Договорное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 420–453 Гражданского кодекса РФ / Отв. ред. А.Г. Карапетов. – Москва: М-Логос, 2020. – 1425 с.
12. Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law. Draft Common Frame of Reference. Munich Sellier, Europ. Law Publ., 2009.
13. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 23 мая 2017 г. № 301-ЭС16–18586 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс»
14. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15 марта 2010 по делу № А40–91450/06 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
15. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30 ноября 2010 N9600/10 по делу N А17–1960/2009 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
16. Решение Арбитражного суда города Москвы от 1 февраля 2016 по делу № А40–83845/15–54–532 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
17. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда 29 марта 2016 по делу № А40–83845/15 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
18. Постановление Высшего Арбитражного Суда от 13 апреля 2010 г. № 1074/10 по делу № А40–90259/08–28–767 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
19. Нам К.В. Статья 451 ГК РФ и доктрина существенного изменения обстоятельств // Вестник гражданского права. – 2019. – № 6 – Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
20. Herbert A. Simon A Behavioral Model of Rational Choice // The Quarterly Journal of Economics, Vol. 69, No. 1. – Feb., 1955. – pp. 99–118. – URL: <https://ideas.repec.org/a/oup/qjecon/v69y-1955i1p99-118.html>.
21. Улен Т. Теория рационального выбора в экономическом анализе права // «Вестник гражданского права». – Т. 11, № 3. – 2011. – С. 276–315.
22. Momberg Uribe R.A. The effect of a change of circumstances on the binding force of contracts: comparative perspectives. – Cambridge; Portland: Intersentia. – 2011. – 327 p.

23. Bürgerliches Gesetzbuch Deutschlands mit Einführungsgesetz. – URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/bgb>.
24. Busch, D., Hondius, E., van Kooten, H., Schelhaas, H. The principles of European Contract Law and Dutch law. A commentary. – Kluwer Law International: The Hague. – 417 p.

THE INSTITUTE OF APPLICATION OF A SIGNIFICANT CHANGE OF CIRCUMSTANCES IN CIVIL LAW: ASPECTS OF ADAPTATION OF TRADE AGREEMENTS

Moiseenko S.A.

Novosibirsk State University

The article is devoted to the analysis of the institute of significant changes in circumstances as a tool for adapting trade agreements in the context of anti-Russian unilateral restrictive measures and countermeasures of the Russian Federation. The main problems of the Russian judicial practice of applying Article 451 of the Civil Code are considered. The article draws attention to the need to review legislative approaches to determining the category of foreseeability of circumstances that caused the claim to amend or terminate the contract, as well as to review the hierarchy of remedies contained in Article 451 of the Civil Code of the Russian Federation against changes in circumstances in order to develop a more effective practice of applying the institution in question.

Keywords: *clausula rebus sic stantibus*, change of circumstances, adaptation of the contract, contract law, unpredictability of changes in circumstances, good faith.

References

- Agarkov M.M. Selected works on civil law in 2 volumes. T. 2: General doctrine of obligations and its individual types. – M.: Statute, 2012. – 535 p.
- Report of the International Law Commission on the work of its Eighteenth Session, 4 May-19 July 1966, – Official Records of the General Assembly, Twenty-first Session, – Supplement No. 9 (A/6309/Rev.1). – URL: https://legal.un.org/ilc/documentation/english/reports/a_cn4_191.
- Zweigert K., Kötz H. Comparative private law: in 2 vols.: trans. with him. – M.: International relations, 2021. – 727 p.
- Bevzenko R.S., Egorov A.V. Adaptation of the contract to changed circumstances and good faith of the parties // On contracts: Sat. articles for the anniversary of V.V. Vitryansky / Comp. S.V. Sarbash. M., 2017. – P. 20–60. – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3575696.
- Sklovsky K.I. Problems of applying the norm of Art. 451 of the Civil Code of the Russian Federation: currency clause and balance of interests of the parties to the agreement // Bulletin of economic justice of the Russian Federation. 2016. – No. 7. – P. 64–77. URL: <https://zakon.ru/publication/igzakon/6723?ysclid=lg50lz98fx324440184>.
- UNIDROIT Principles of international Commercial Contracts, 2016. – URL: https://www.trans-lex.org/400120/_unidroit-principles-of-international-commercial-contracts-2016/.

- Karapetov A.G. Economic analysis of law. – M.: Statute, 2016. – p. 528.
- Posner R.A. Economic Analysis of Law. – 8th ed. New York: Aspen Publishers, 2010. – 712 p.
- Civil Code of the Russian Federation (part one) dated November 30, 1994 No. 51-FZ // Collection of legislation of the Russian Federation. – 1996. – No. 5. – Art. 3301.
- Zeits A.G. The influence of changed circumstances on the force of contracts (*clausula rebus sic stantibus*) // Bulletin of civil law. – 2013. – No. 5. – 65 p. – URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/65526-vliyanie-izmenivshikhsya-obstoyatelstv-siludogovorov-clausula-rebus?ysclid=lg50oitvye466917773>.
- Contract law (general part): article-by-article commentary to articles 420–453 of the Civil Code of the Russian Federation / Rep. ed. A.G. Karapetov. – Moscow: M-Logos, 2020. – 1425 p.
- Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law. Draft Common Frame of Reference. Munich Sellier, Europ. Law Publ., 2009.
- Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated May 23, 2017 No. 301-ES16–18586 // Reference and legal system “ConsultantPlus”
- Resolution of the Ninth Arbitration Court of Appeal dated March 15, 2010 in case No. A40–91450/06 // Legal reference system “ConsultantPlus”.
- Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of November 30, 2010 N9600/10 in case N A17–1960/2009 // Reference and legal system “ConsultantPlus”.
- Decision of the Moscow Arbitration Court dated February 1, 2016 in case No. A40–83845/15–54–532 // Reference and legal system “ConsultantPlus”.
- Resolution of the Ninth Arbitration Court of Appeal on March 29, 2016 in case No. A40–83845/15 // Legal reference system “ConsultantPlus”.
- Resolution of the Supreme Arbitration Court of April 13, 2010 No. 1074/10 in case No. A40–90259/08–28–767 // Reference and legal system “ConsultantPlus”.
- Nam K.V. Article 451 of the Civil Code of the Russian Federation and the doctrine of a significant change in circumstances // Bulletin of Civil Law. – 2019. – No. 6 – Legal reference system “ConsultantPlus”.
- Herbert A. Simon A Behavioral Model of Rational Choice // The Quarterly Journal of Economics, Vol. 69, No. 1. – Feb., 1955. – pp. 99–118. – URL: <https://ideas.repec.org/a/oup/qjecon/v69y-1955i1p99-118.html>.
- Ulen T. The theory of rational choice in the economic analysis of law // “Bulletin of Civil Law”. – T. 11, No. 3. – 2011. – P. 276–315.
- Momberg Uribe R.A. The effect of a change of circumstances on the binding force of contracts: comparative perspectives. – Cambridge; Portland: Intersentia. – 2011. – 327 p.
- Bürgerliches Gesetzbuch Deutschlands mit Einführungsgesetz. – URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/bgb>.
- Busch, D., Hondius, E., van Kooten, H., Schelhaas, H. The principles of European Contract Law and Dutch law. A commentary. – Kluwer Law International: The Hague. – 417 p.

Сопоставление регулирования института принудительного лицензирования объектов промышленной собственности в российской и иностранных правовых системах

Плохих Сергей Александрович,

магистрант Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета
E-mail: sergeiplohih22@gmail.com

Обладание исключительными правами в отношении объектов промышленной собственности без сомнений предоставляет правообладателю экономические преимущества, поскольку только он вправе решать, кто и в каком объеме может использовать соответствующий патентоохраняемый объект. Вместе с тем, интеллектуальные права – это сфера, в которой частные интересы тесно сочетаются с интересами публичного порядка. В силу установления в российском законодательстве антимонопольных иммунитетов в отношении интеллектуальной собственности, актуальность приобретает институт принудительного лицензирования как средство противодействия недобросовестному, в том числе пассивному, поведению обладателей исключительных прав на патентоохраняемые объекты. Цель: рассмотрение и анализ подходов к правовому регулированию принудительного лицензирования в Российской Федерации и иностранных государствах.

Методы: абстрагирование, сравнительно-правовой, системный.

Результаты и выводы: сделан вывод о практически полном соответствии российского института принудительного лицензирования международно-правовым стандартам, а также выявлены расхождения в подходах к регулированию данных отношений.

Ключевые слова: лицензирование, принудительное лицензирование, патентоохраняемые объекты.

Не является секретом, что в сфере интеллектуальных прав велик удельный вес международно-правового регулирования соответствующих общественных отношений. Подобная ситуация складывается прежде всего в силу того, что по своей сути информация, являющаяся объектом правового воздействия как международного, так и национального правовых режимов, крайне просто «просачивается» сквозь государственные границы, что в свою очередь создает благоприятную почву для межнационального регулирования в целях предотвращения незаконного использования охраняемых результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации.

Применительно к российскому правопорядку Пленум Верховного суда Российской Федерации в своем самом значимом для рассматриваемой сферы Постановлении от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» перечислил данные акты, в которых принимает участие Российская Федерация и коих насчитывается по меньшей мере 24 штуки. Некоторые из данных документов ведут свою историю с XIX века. [1]

Итак, согласно ч. 1 ст. 44 Конституции Российской Федерации, каждому гарантируется свобода литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, преподавания. Интеллектуальная собственность охраняется законом. [2]

Принцип свободы творчества в совокупности с охраной интеллектуальной собственности выражается прежде всего в наделении правообладателя легальной монополией на использование и распоряжение результатом интеллектуальной деятельности или средством индивидуализации. [3] Например, в случае с авторским правом первоначальным правообладателем, т.е. обладателем указанной монополии, будет являться автор – гражданин, творческим трудом создано соответствующее произведение.

Однако и в сфере промышленной собственности (в широком значении данной категории, включающем не только патентуемые объекты, но и средства индивидуализации субъектов предпринимательской деятельности) легальная монополия правообладателя – явление более чем устойчивое и защищаемое в равной степени с монополией авторской.

Значение предоставления правообладателю исключительного права состоит прежде всего в том, что только он правомочен использовать соответ-

ствующий объект интеллектуальных прав и распоряжаться исключительными правами на него, на что указывают нормы части 4 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), в частности, п. 1 ст. 1229 ГК РФ. [4]

Право распоряжения проявляется и в наличии возможности правообладателя предоставлять право использования другим лицам с определением пределов такого использования. Речь здесь идет, конечно об институте лицензии (ст. ст. 1239, 1286–1287 ГК РФ).

Описанные обстоятельства трактованы прежде всего проприетарной теорией, а также концепцией исключительных интеллектуальных прав, обосновывающих предоставление обладателю соответствующего права опции полного определения юридической судьбы такового.

Между тем нормы, составляющие базу отечественного регулирования интеллектуальных прав, основываются в том числе и на наработках теории утилитарной, т.е. теории общественного интереса, согласно которой в целях общественной пользы и блага исключительные права подлежат некоему ограничению со стороны государства как выразителя общественной воли. Проявлениями названных ограничений служат, к примеру, случаи свободного использования произведения; ограничения по срокам действия соответствующих прав; ограничения по субъекту, территории действия права и т.д. Случаи подобных ограничений относятся и к объектам промышленной собственности, к примеру, права преждепользования (ст. 1361 ГК РФ) и послепользования (п. 3 ст. 1400 ГК РФ), сроки действия исключительных прав на патентоохраняемые объекты, указанные в п. 1 ст. 1363 ГК РФ (а равно в статьях 1491, 1540 ГК РФ).

Также не стоит забывать, что в руках государства наличествует еще один инструмент поддержания частных и публичных интересов, могущий воздействовать как в целом и прямо на экономические отношения, так и в частности, косвенно на интеллектуальные права. Здесь мы говорим конечно об антимонопольном законодательстве, точкой соприкосновения которого с интеллектуальной собственностью являются антимонопольные иммунитеты, установленные положениями ч. 4 ст. 10 и ч. 9 ст. 11 Федерального закона «О защите конкуренции». [5] Согласно приведенным нормам, положения статей о запрете на злоупотребление хозяйствующим субъектом доминирующим положением, а также о запрете на ограничивающие конкуренцию соглашения хозяйствующих субъектов не распространяются на действия правообладателей по осуществлению исключительных прав.

Как видно из приведенных указаний, антимонопольное законодательство в своих общих положениях «отрекается» от воздействия на отношения, связанные с реализацией исключительных прав, выводя последние из сферы своего действия, предоставляя в этом смысле полную свободу усмотрения правообладателей. Несмотря на это, в литературе справедливо отмечается, что «монополизация

рынка в результате использования интеллектуальных прав должна защищаться государством в тех пределах, в которых она не является недобросовестной конкуренцией или иным образом не препятствует развитию конкуренции». [6, с. 185] Приведенное суждение в совокупности с общими целями антимонопольного законодательства, выраженными в ст. 1 Федерального закона «О защите конкуренции», позволяет сделать вывод, что недобросовестная конкуренция, злоупотребление своими правами, недопустимы и будут влечь соответствующую реакцию государственных органов, несмотря на наличие антимонопольных иммунитетов.

Говоря об ограничении исключительных прав, нельзя обойти стороной институт принудительного лицензирования. Характерная особенность природы принудительного лицензирования заключается в противопоставлении данного явления «частной» сущности лицензирования, ведь согласно ст. 1286 ГК РФ лицензирование опосредуется заключением соответствующего договора без внешнего вмешательства (за исключением необходимости регистрации лицензии в отношении объектов промышленной собственности), а значит является проявлением автономии воли независимых субъектов частного права (п.п. 1, 2 ст. 1, ст. 421 ГК РФ).

С принудительным же лицензированием дело обстоит иначе. Согласно ст. 1239 ГК РФ, в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом, суд может по требованию заинтересованного лица принять решение о предоставлении этому лицу на указанных в решении суда условиях права использования результата интеллектуальной деятельности, исключительное право на который принадлежит другому лицу (принудительная лицензия).

Применительно к промышленной собственности ГК РФ в ст. 1362 устанавливает критерий, при наличии которого заинтересованное лица вправе требовать заключения с ним договора простой (неисключительной) лицензии в принудительном порядке. Данным критерием является неиспользование (или недостаточное использование) без уважительных причин патентоохраняемого объекта: в течение четырех лет со дня выдачи патента (трех лет для полезной модели), что ведет к возникновению дефицита товаров, работ и услуг на соответствующем рынке.

Пунктом вторым ст. 1362 ГК РФ устанавливается альтернативное основание, при котором возможно вынесение решения суда о предоставлении принудительной лицензии, носящее более конкретный характер и относимое к зависимому изобретению. Направлено оно на предоставление возможности заключить лицензионный договор через суд для обладателя патента на зависимое изобретение (использование которого в продукте или способе невозможно без использования охраняемого патентом и имеющего более ранний приоритет другого изобретения) при условии, что обладатель первого патента отказывается от заключения лицензионного договора.

Кроме этого, нормы ст. 1359 ГК РФ устанавливают ряд случаев использования результатов интеллектуальной деятельности без согласия патентообладателя, которые не будут являться нарушением его исключительных прав. Представляется, однако, что данные изъятия по своей природе не соотносятся с принудительным лицензированием ни по форме, ни по целям своего законодательного установления.

Таким образом, совокупность положений ст. 1239 и 1362 ГК РФ позволяет сделать следующие выводы:

1. Принудительное лицензирование допускается только в случаях, установленных ГК РФ;

2. Принудительное лицензирование допускается только по решению суда;

3. Обязательно наличие оснований, связанных с неиспользованием в течение определенного срока соответствующего объекта по неуважительным причинам или невозможностью использования правообладателем зависимого изобретения и отказа обладателя первого патента заключить лицензионный договор;

4. Принудительная лицензия может быть только простой (неисключительной), т.е. патентообладатель не лишается права заключения договоров лицензии с иными субъектами (ст. 1236 ГК РФ);

5. Патентообладатель должен отказаться от заключения договора в добровольном порядке;

6. Субъектом, которого возможно принудить к заключению договора лицензии, является только сам патентообладатель. При этом лица, не использующие патентоохраняемый объект на основании исключительной лицензии, к примеру, остаются вне рамок института принудительной лицензии;

7. Российский правопорядок устанавливает несколько видов принудительных лицензий в зависимости от их основания, при этом все они относятся в промышленной собственности (за исключением, пожалуй, селекционных достижений).

«Освободиться от оков» принудительной лицензии патентообладатель может на основании общих положений об изменении и расторжении договора, установленных ст. 450 ГК РФ, при отпадении оснований вынесения соответствующего решения суда, на что указывает абз. 5 п. 43 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10.

Основными проблемами института принудительной лицензии в отечественном правопорядке являются, как справедливо отмечается в литературе, недостаточная проработанность соответствующих норм, критериев принудительного лицензирования, а также указание законодателя на единственного субъекта, с которым возможно заключить договор принудительной лицензии в виде самого патентообладателя. [7, с. 46–47]

Теперь рассмотрим международно-правовой подход к принудительному лицензированию.

основополагающим документом в рассматриваемой сфере является Парижская конвенция по охране промышленной собственности от 20 марта 1883 года. [8]

Говоря о реализации института принудительного лицензирования можно отметить, что отечественное регулирование в целом основано на международных принципах, среди которых выраженные в ст. 5 Конвенции нормы о том, что принудительные лицензии направлены на предотвращение злоупотребления своими исключительными правами; принудительные лицензии могут быть истребованы по причине неиспользования (недостаточного использования) патентоохраняемого объекта в течение определенных сроков; если бездействие патентообладателя обосновано уважительными причинами, принудительная лицензия не подлежит оформлению; принудительные лицензии являются неисключительными.

Применительно к принудительным лицензиям на нормы Парижской конвенции ссылаются и положения ст. 12 Евразийской патентной конвенции от 9 сентября 1994 года. [9]

Достаточно обширным правовым регулированием принудительного лицензирования отмечается и ст. 31 Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС) от 15 апреля 1994 года, [10] положения которой в целом инкорпорированы в отечественное законодательство. В качестве примера может служить установление о необходимости предоставления «перекрестной» лицензии обладателю первого патента, в отношении которого предоставлена принудительная лицензия обладателю прав на зависимое изобретение (подп. (ii) и (iii) п. I), которое отражено в абз. 3 п. 2 ст. 1362 ГК РФ.

Вместе с тем, говоря о зависимых изобретениях, стоит также обратить внимание на указание п. 2 ст. 1362 ГК РФ – «Если патентообладатель, имеющий исключительное право на такое зависимое изобретение, докажет, что оно представляет собой важное техническое достижение и имеет существенные экономические преимущества перед изобретением или полезной моделью обладателя первого патента, суд принимает решение о предоставлении ему принудительной простой (неисключительной) лицензии». Данный пункт предопределяет судебное решение о выдаче принудительной лицензии судом при доказанности факта технического и экономического соответственно значения и преимущества зависимого изобретения перед первоначальным. Вместе с тем, подп. (i) п. I ТРИПС изложен в следующей формулировке: «изобретение, заявленное во втором патенте, по сравнению с изобретением, заявленным в первом патенте, должно включать в себя важное техническое достижение, имеющее большое экономическое значение;». То есть ТРИПС ограничивается двуединым указанием на техническую значимость зависимого изобретения с его экономическим значением, тогда как отечественный законодатель к техническому достижению добавляет через союз «и» экономическое преимущество, по существу сравнимая изобретения, заявленные в первом и втором патентах, тогда как ТРИПС говорит о технической значимости зависимого изобретения объективно,

вне такой прямой связи с изобретением, заявленным в первом патенте.

Самой демократичной точкой зрения в данном вопросе является позиция Э.П. Гаврилова, который пишет о том, что описанные в законодательстве условия (техническое достижение и экономические преимущества) должны презюмироваться, а следовательно принудительные лицензии должны выдаваться «по умолчанию». [11, с. 21] Представляется, однако, что при таком подходе не будут в полной мере учтены интересы обладателя первого патента, поскольку именно его изобретение является основой для работы (применения) зависимого изобретения.

Применительно к критериям принудительного лицензирования можно отметить и работу «высоких» судебных инстанций в этом направлении.

В частности, Дело *Consortio italiano della componentistica di ricambio per autoveicoli and Maxicar v Régie nationale des usines Renault*. [12] В данном деле в Суд Европейского союза обратился Миланский трибунал с целью установления: совместимо ли национальное законодательство, позволяющее регистрировать охраняемые права в отношении декоративного рисунка для компонентов кузова автомобиля, с правилами Сообщества о свободном перемещении товаров и может ли осуществление этих прав при определенных обстоятельствах представлять собой злоупотребление. В национальном трибунале Консорциум настаивал на том, что охраняемые права в отношении декоративных образцов, владельцем которых является Renault, являются недействительными, поскольку они относятся к запасным частям для кузова автомобиля и что такие детали не имеют собственной эстетической ценности, а также что производство и продажа неоригинальных запасных частей не являются правонарушением в соответствии с национальным законодательством о недобросовестной конкуренции. В качестве встречного иска Renault добивался решения о нарушении Консорциумом своих прав как патентообладателя.

По результатам рассмотрения указанного дела, Суд пришел к следующим выводам: во-первых, в отсутствие стандартизации законодательства Сообщества, именно национальные юрисдикции должны регулировать, какие изделия претендуют на охрану, даже если они уже являются частью охраняемого объекта; во-вторых, правила о свободном перемещении товаров не препятствуют применению национального законодательства по которому автопроизводитель, обладающий охраняемыми правами на дизайн в отношении запасных частей для транспортного средства его производства, имеет право запретить изготавливать части, на которые распространяются эти права, как в отношении тех, кто производит их на национальной территории, так и в отношении тех, кто импортирует их из других государств-членов; в-третьих, осуществление исключительного права может являться злоупотреблением, к примеру, если производитель отказывается от выпуска запасных

деталей для моделей транспортных средств, которые все еще находятся в обращении, отказывает в реализации независимым ремонтникам и т.д.; наконец, тот факт, что производитель транспортных средств продает кузовные детали (в отношении которых есть охраняемые права) по завышенной цене – не обязательно является злоупотреблением, т.к. были вложены средства в совершенствование охраняемого дизайна.

Таким образом, при отсутствии злоупотреблений со стороны производителя-обладателя исключительных прав, рассчитывать на принудительное лицензирование вряд ли возможно.

В другом деле Суд Европейского союза также высказал соображения относительно принудительного лицензирования и антимонопольного значения исключительных интеллектуальных прав. В деле *Volvo v Erik Veng (Volvo v Erik Veng (Case 238/87) [1988] ECR6211, [1989] 4 CMLR122)* [13] Европейскому суду были поставлены следующие наиболее важные вопросы: 1) если крупный производитель транспортных средств владеет зарегистрированными образцами, которые предоставляют ему исключительное право на изготовление и импорт сменных кузовных панелей, необходимых для осуществления ремонта кузова автомобиля его производства, находится ли такой производитель на основании таких исключительных прав в доминирующем положении по смыслу статьи 86 Договора о ЕЭС в отношении таких запасных частей; 2) является ли злоупотреблением таким доминирующим положением когда производитель отказывается выдать лицензию другим производителям на поставку таких панелей кузова, даже если они готовы платить разумный гонорар за все изделия, проданные по лицензии (такой роялти представляет собой решение, которое является справедливым и беспристрастным с учетом существа замысла и всех сопутствующих обстоятельств и должно быть определено арбитражным судом или другим способом, который укажет национальный суд).

Аналогично выводу по прошлому делу Суд указал, что именно национальные юрисдикции должны регулировать, какие изделия претендуют на охрану, даже если они уже являются частью охраняемого объекта;

Важным выводом Суда по данному делу стало установление, согласно которому право владельца охраняемого промышленного образца препятствовать производству, продаже или импорту без его согласия продукции, включающей этот образец, составляет сам предмет его исключительного права – обязательство предоставлять, даже в обмен на разумное вознаграждение, лицензию на поставку продукции, включающей этот образец, приведет к тому, что владелец будет лишен сути своих прав. То есть, Суд констатировал, что отказ в выдаче такой лицензии сам по себе не может представлять собой злоупотребление доминирующим положением. Вместе с тем, осуществление такого исключительного права владельцем зарегистрированного промышленного образца в от-

ношении панелей кузова автомобиля может быть запрещено статьей 86 Договора о ЕЭС, если оно предполагает со стороны предприятия, занимающего доминирующее положение, определенные злоупотребления, произвольные действия, такие как, например: отказ поставлять запасные части независимым ремонтным предприятиям, установление цен на запасные части на несправедливом уровне и (или) отказ от предоставления запасных частей, в то время как автомобили изготовителя все еще находятся в обороте и т.д.

Подводя итог практической стороны вопроса, стоит сказать, что как минимум в Европейском союзе существует тенденция охраны легальной монополии обладателей патентов на соответствующие объекты промышленной собственности и не допущения без серьезных «доминирующих» оснований принудительного лицензирования.

В национальных законодательствах многих Европейских стран закреплены положения о принудительных лицензиях (в частности, в Испании, Португалии, Италии, Австрии, Бельгии, Болгарии), Патентный закон от 1977 года существует и в Великобритании. Однако существуют страны, в национальном законодательстве которых общие положения о принудительном лицензировании отсутствуют, например, США, что не мешает тем же Штатам замещать этот пробел использованием международных актов, например нормами Североамериканского соглашения о свободной торговле (NAFTA). [14, с. 23]

Подводя итог сказанному, стоит отметить важность института принудительного лицензирования в ракурсе антимонопольного регулирования интеллектуальной собственности и формирования баланса частных и публичных интересов, а также его многогранность и специфическую правовую природу, поскольку последний напрямую связан и взаимодействует с категорией исключительных прав, т.е. без преувеличения с категорией легальной монополии, предоставляющей правообладателям абсолютное право использовать объект промышленной собственности в своем интересе и по своему усмотрению, а также ограничивать доступ к его использованию иным субъектам, является обременением таких прав. Исходя из этого приоритетным, думается, остается традиционный подход к принудительному лицензированию (который исходит из приоритета исключительных прав), однако это факт в совокупности с достаточно полным отражением международно-правового подхода в отечественном законодательстве никак не должен сказываться на необходимости более детального регулирования рассмотренного института принудительного лицензирования.

Литература

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации».

2. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
3. Определение Конституционного суда Российской Федерации от 02 октября 2003 года об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Продюсерская фирма «Самый СМАК» на нарушение конституционных прав и свобод положением пункта 3 статьи 22 Закона Российской Федерации «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров».
4. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая)» от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 13.06.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 29.06.2023).
5. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 10.07.2023) «О защите конкуренции».
6. Антимонопольное регулирование в цифровую эпоху / Под ред. А.Ю. Цариковского, А.Ю. Иванова, Е.А. Войниканис. М.: ВШЭ, 2018. 311 с.
7. Ерохина Е.В. Институт принудительного лицензирования по законодательству РФ // Вестник ОГУ. 2012. № 3 (139).
8. Парижская конвенция по охране промышленной собственности от 20 марта 1883 года.
9. Евразийская патентная конвенция от 9 сентября 1994 года.
10. Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС) от 15 апреля 1994 года.
11. Гаврилов Э.П. Зависимые изобретения и «столкновения» патентных заявок // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2008. № 3.
12. Дело *Consortio italiano della componentistica di ricambio per autoveicoli and Maxicar v Régie nationale des usines Renault*.
13. Дело *Volvo v Erik Veng (Volvo v Erik Veng (Case 238/87) [1988] ECR6211, [1989] 4 CMLR122)*.
14. Сагдеева Л.В. Принудительная лицензия как обременение исключительных прав // Международное право. 2017. № 4.

COMPARISON OF REGULATION OF THE INSTITUTION OF COMPULSORY LICENSING OF INDUSTRIAL PROPERTY OBJECTS IN RUSSIAN AND FOREIGN LEGAL SYSTEMS»

Plokhikh S.A.
Tomsk State University

The possession of exclusive rights in relation to objects of industrial property undoubtedly provides the right holder with economic advantages, since only he has the right to decide who and to what extent can use the corresponding patent-protected object. At the same time, intellectual property rights are an area in which private interests are closely combined with the interests of the public order. Due to the establishment of antimonopoly immunities in relation to intellectual property in Russian legislation, the institution of compulsory licensing is becoming relevant as a means of countering unfair, including passive, behavior of holders of exclusive rights to patent-protected objects.

Purpose: to review and analyze approaches to the legal regulation of compulsory licensing in the Russian Federation and foreign countries.

Methods: abstraction, comparative legal, systemic.

Results and conclusions: the conclusion is made about the almost complete compliance of the Russian institute of compulsory licensing with international legal standards, as well as discrepancies in approaches to regulating these relations.

Keywords: licensing, compulsory licensing, patent-protected objects.

References

1. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 04/23/2019 No. 10 «On the application of Part Four of the Civil Code of the Russian Federation».
2. «The Constitution of the Russian Federation» (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 07/01/2020).
3. The ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated October 02, 2003 on the refusal to accept for consideration the complaint of the limited liability company «Production Company «Most RELISH» for violation of constitutional rights and freedoms by the provision of paragraph 3 of Article 22 of the Law of the Russian Federation «On Trademarks, Service Marks and Appellations of Origin of Goods».
4. «The Civil Code of the Russian Federation (Part four)» dated 12/18/2006 № 230-FZ (as amended on 06/13/2023) (with amendments and additions, intro. effective from 06/29/2023).
5. Federal Law No. 135-FZ dated 07/26/2006 (as amended on 07/10/2023) «On Protection of Competition».
6. Antitrust regulation in the digital age / Edited by A.Y. Tsarikovsky, A.Y. Ivanov, E.A. Voynikanis. M.: HSE, 2018. 311 p.
7. Erokhina E.V. Institute of compulsory licensing under the legislation of the Russian Federation // Bulletin of the OSU. 2012. № 3 (139).
8. The Paris Convention for the Protection of Industrial Property of March 20, 1883.
9. The Eurasian Patent Convention of September 9, 1994.
10. Agreement on Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights (TRIPS) of April 15, 1994.
11. Gavrilov E.P. Dependent inventions and «collisions» of patent applications // Patents and licenses. Intellectual property rights. 2008. № 3.
12. The case of Consorzio italiano della componentistica di ricambio per autoveicoli and Maxicar v Régie nationale des usines Renault.
13. The case of Volvo v Erik Veng (Volvo v Erik Veng (Case 238/87) [1988] ECR6211, [1989] 4 CMLR122).
14. Sagdeeva L.V. Compulsory license as an encumbrance of exclusive rights // International law. 2017. № 4.

Соколов Юрий Владимирович,

старший преподаватель, кафедра гражданско-правовых дисциплин, Московский финансово-юридический университет (МФЮА)

E-mail: yury-sokolov-2013@mail.ru

В России уже на протяжении многих лет особой пользуются популярностью услуги, оказываемые ломбардом. Имея в собственности определенную ценную вещь, гораздо более удобным становится обратиться к ломбарду с запросом о предоставлении займа под залог этой вещи, чем нежели обратиться в банк или иную кредитную организацию в ожидании решения банка или иной кредитной организации об одобрении или неодобрении кредита. Несмотря на последние изменения действующего законодательства, остается множество нерешенных вопросов, связанных с правовым статусом ломбардов. Законодатель отнес ломбард к некредитным финансовым организациям, однако, несмотря на данный факт точно статус его, а также специфика его правоспособности, не раскрывается. В настоящей статье ставится цель раскрыть понятие специальной правоспособности ломбарда как юридического лица с учетом особенностей его правового статуса, возникновение и прекращение его деятельности.

Ключевые слова: ломбард, специальная правоспособность, статус, Центральный банк, правоспособность юридического лица.

Правоспособность юридического лица представляет собой способность иметь права и нести обязанности, а также своими действиями приобретать и осуществлять их. В отличие от физического лица, у которого правоспособность у всех равная, а дееспособность наступает при наличии юридических фактов, например, достижение определенного возраста, у юридического лица правоспособность включает в себя и дееспособность, и наступает и прекращается одновременно. Правоспособность у юридического лица наступает с момента государственной регистрации и заканчивается с момента ликвидации.

Различают общую и специальную правоспособность юридического лица. Общая правоспособность представляет собой право юридического лица заниматься любыми видами деятельности, предусмотренными законом и учредительными документами. Специальная правоспособность юридического лица предполагает занятие определенными видами деятельности, предусмотренными правовым статусом, а также специальным законодательством, регулирующим деятельность такого юридического лица.

Ломбард представляет собой юридическое лицо со специальной правоспособностью, целью которого является защита интересов граждан путем предоставления краткосрочных займов под залог движимого имущества.

Действует ломбард в соответствии с законодательством РФ, в частности, Федеральным Законом «О ломбардах» от 19.07.2007 (далее Закон о ломбардах) [1] и Гражданским Кодексом РФ.[2]

Начиная с 2021 года ломбард обладает особым статусом, который раскрывается с особенностью его положения.

- ломбард, согласно ст. 1 Закона о ломбардах, может создаваться в форме хозяйственного общества. По современному российскому законодательству выделяются три вида хозяйственных обществ. К ним относят Общество с ограниченной ответственностью, публичное акционерное общество и непубличное акционерное общество.
- ломбард создается на основании разрешения Центрального Банка (Банка России) и вносится в специальный реестр ломбардов
- в своем названии ломбард обязан содержать слово «ломбард»
- ломбард не имеет права заниматься предпринимательской деятельностью, кроме видов деятельности, указанных в законодательстве о ломбардах.
- к ломбарду применяются специальные требования к лицам, входящих в состав правления

– деятельность ломбарда подотчетна Центральному Банку РФ.

Среди видов деятельности, отнесенных к компетенции ломбарда относится предоставление краткосрочных займов, обеспеченных залогом вещей в ломбарде, предоставление услуг по хранению вещей в ломбарде, предоставление в аренду (субаренду) нежилых помещений, принадлежащих ломбарду на праве собственности, а также предоставление услуг платежного агента, т.е. выполняет функцию по приему платежей.

Начиная с 2021 года правоспособность ломбардов была расширена. До этого момента правоспособность ломбарда была ограничена лишь правом предоставления займов под залог движимого имущества, хранением вещей, а также консультированием по вопросам ломбардной деятельности. До 2008 года, до момента вступления в законную силу Закона о ломбардах, ломбард обладал общей правоспособностью, и мог заниматься любым видом предпринимательской деятельности, не запрещенной законом. Однако на текущий момент ломбард может заниматься предоставлением краткосрочных займов под залог движимого имущества. Размер займа зависит от стоимости движимой вещи, которую предоставит лицо, желающее получить определенную сумму кредита. Источник средств, предоставляемых ломбардом, в законодательстве не уточняется. Ломбард не аккумулирует денежные средства путем привлечения денежных средств физических и юридических лиц. Более того, законодатель уточнил это внося изменение в Закон о ломбардах в 2020 году:

«Ломбард не вправе привлекать денежные средства физических лиц, в том числе индивидуальных предпринимателей, за исключением денежных средств физических лиц, в том числе индивидуальных предпринимателей, являющихся акционерами (участниками) ломбарда.»

Напрашивается вывод о необходимости придания ломбарду специального статуса, не предполагающего статуса банковской организации. На сегодняшний день ломбарду придается статус «некредитной финансовой организации» который предусмотрен Законом о «Центральном банке РФ (Банке России)».[3]

В соответствии со ст. 2.3 Закона о ломбардах Центральный банк следующим образом взаимодействует с ломбардом

Во-первых, Центральный банк может издавать нормативно-правовые акты в отношении ломбардов, в том числе руководящие. Данная функция аналогична в отношении и банковских организаций. Кроме того, Центральный Банк (Банк России) ведет специальный реестр ломбардов, то есть именно Центральный Банк принимает решение о включении ломбарда в этот реестр, либо исключении из него. Здесь опять мы замечаем признаки организации, подконтрольной Центральному Банку, цель которого была изначально проведение кредитной политики и устанавливать контроль именно над кредитными организациями.

Во-вторых, Банк России имеет право запросить у ломбарда документы и информацию для осуществления контроля и надзора.

Банк России осуществляет функцию контроля и надзора за ломбардами исключительно в области предоставления услуг по кредитованию населения. Вопросы, связанные с предоставлением услуг ломбардом по хранению вещей, сдаче недвижимого имущества, принадлежащего ломбарду на праве собственности, в аренду (субаренду) Центральный Банк (Банк России) не контролирует и надзор не осуществляет. Также Центральному Банку неподконтрольна функция ломбарда по оказанию консультационных услуг. В рамках данной деятельности Центральный Банк осуществляет и иные функции. Данное положение Закона о Центральном Банке оставляет перечень полномочий Центрального Банка по взаимодействию с ломбардом расширенным и открытым, т.е., получается, что Центральный Банк может осуществить любую функцию, но только ту, которая может быть предусмотрена законодательством РФ.

Однако если говорить о полномочиях Центрального Банка по вопросу действий, которые Центральный Банк может осуществлять по отношению к ломбарду также представлен в Законе о ломбардах и также не является исчерпывающим, однако он может быть ограничен общегосударственными интересами по вопросам поддержания стабильности единой национальной валюты, а также защиты прав граждан от ростовщичества.

Банк России в соответствии с Законом о ломбардах контролирует финансово-хозяйственную деятельность. Он может запросить любую информацию о финансово-хозяйственной деятельности, как у самого ломбарда, так и у органов статистики, а также у органов исполнительной власти и органов местного самоуправления, ответственных за государственную регистрацию юридических лиц, и иных органов контроля и надзора.

Также в полномочия Центрального Банка (Банка России) входит проверка, контроль и надзор за деятельностью ломбарда на предмет соответствия требованиям законодательства, то есть получается, что ломбард полностью подконтролен Центральному Банку точно также, как это касается банков и кредитных организаций.

При этом Центральный Банк может направлять ломбарду обязательные для исполнения предписания в любой доступной форме современной связи, то есть с помощью почтовой, факсимильной, или электронной связи. Также передача предписаний возможна путем вручения адресату электронных документов в электронной форме, например, подписанной электронной цифровой подписью, при чем не просто цифровой подписью, а усиленной квалифицированной цифровой подписью, которая в соответствии с законодательством обладает особыми полномочиями, т.е. практически во всех случаях приравнивается к собственноручной. Порядок передачи и использования усиленной квалифицированной цифровой подписи со стороны Банка

России определяет сам Центральный Банк. Предписания, направленные Центральным Банком, считаются переданными в течение одного рабочего дня. В течение этого же времени согласно Закона о ломбардах запросы и предписания считаются полученными ломбардами и обязательными для исполнения. Но при этом подобные запросы и предписания со стороны ломбарда считаются полученными после подтверждения получения со стороны ломбарда, т.е. на ломбард не возлагается презумпция автоматического получения запросов и предписаний. Если исходить из пункта 4 ст. 2.3. Закона о ломбардах, то здесь также подтверждается неограниченный и открытый перечень полномочий Центробанка в отношении ломбарда и контроля и надзора за его деятельностью. Ломбард вправе обжаловать действия (бездействие) Банка России в суд. Кроме того, ломбард не подпадает под определение понятия банковской организации, а также небанковской кредитной организации, предусмотренной Законом о банках и банковской деятельности. [4]

Придание ломбарду статуса платежного агента не дает основания полагать, что его можно отнести к статусу финансовой или кредитной организации. Согласно специальному закону Федеральный закон от 03.06.2009 N103-ФЗ (ред. от 10.07.2023) «О деятельности по приему платежей физических лиц, осуществляемой платежными агентами» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2023)[5] «платежный агент – юридическое лицо, созданное в соответствии с законодательством Российской Федерации, за исключением кредитной организации, или индивидуальный предприниматель, осуществляющие деятельность по приему платежей физических лиц. Платежным агентом является оператор по приему платежей либо платежный субагент;

«Регулирование деятельности ломбардов и надзор за их деятельностью, за исключением их деятельности по хранению вещей, сдаче в аренду (субаренду) недвижимого имущества, их деятельности банковского платежного агента, оказания ими консультационных и информационных услуг, осуществляются Банком России.»

Таким образом, ломбард, имея статус платежного агента, являясь подотчетным Центральному банку РФ, имеет особый статус некредитной финансовой организации.

Ликвидация и банкротство ломбарда как юридического лица специальными нормами закона не урегулирована.

Ещё одним аспектом правового статуса ломбарда являются особенности процедуры банкротства и ликвидации ломбарда. Поскольку ломбард на сегодняшний момент имеет правовой статус некредитной финансовой и в соответствии с Законом о банкротстве ломбард проходит процедуру банкротства на общих основаниях и к нему не применяются правила банкротства кредитной организации. Это правило касается всех действий кредиторов или кредиторов начиная с заявления в арбитражный суд, и заканчивая ликвидацией по при-

чине банкротства. В своих предыдущих статьях автор рассматривал возможность применения к ломбарду правил о банкротстве и ликвидации, которая применяется в отношении кредитных организаций. Так, одним из оснований банкротства и ликвидации кредитной организации является неспособность или невозможность удовлетворить требования кредиторов в течение двух недель, скажем, по зарплате сотрудников, а также по требованиям их вкладчиков. Но если говорить о признаках банкротства, то любая организация, или юридическое лицо, может обратиться в арбитражный суд с заявлением о признании несостоятельным (банкротом) только в случае, если общий размер долга превышает триста тысяч рублей и срок возврата или просрочки выплаты долга составляет более трёх месяцев.

Такие процедуры как наблюдение, внешнее управление, а также мировое соглашение не применяются при банкротстве кредитных организаций. (ст. 189.9 Закона о банкротстве).[6] В отношении ломбардов в процессе реализации процедуры банкротства не применяется процедура реализации имущества во внесудебном порядке. Такое право предусмотрено законодателем на случай, если договором возможность реализации имущества во внесудебном порядке предусмотрена договором между залогодателем и залогодержателем. Если к ломбарду применять процедуру банкротства кредитной организации, то мы увидим ограничение прав как ломбардов, так и заемщиков, т.е. граждан, которые являются потребителями услуг ломбардов. Недопустимым также является упрощение начала процедуры банкротства ломбардов по основаниям, предусмотренных для финансовых и кредитных организаций. Для ломбардов Центробанк не является гарантом обеспечения кредитоспособности и надежности, по крайней мере, это не вытекает из положения законодательства о ломбардах и о банках и регулировании банковской деятельности. Деятельность ломбардов носит рискованный характер, и законодатель закрепляет за ломбардом статус субъекта предпринимательской деятельности. Ломбард не привлекает денежные средства населения и других субъектов, что прямо вытекает из содержания действующего законодательства. Ему запрещено привлекать денежные средства физических и юридических лиц, поскольку финансовая деятельность не является предметом деятельности ломбарда. Функция платежного агента также не означает, что финансы привлекаются ломбардом, поскольку он обеспечивает лишь техническую сторону платежа. В силу специфики правоспособности ломбарда, ломбард не принимает вклады у населения, а возврат денежных средств, которые заемщик получил под залог движимого имущества не рассматривается как привлечение денежных средств ломбардом.

Если говорить о процедуре банкротства кредитной организации, то согласно ст. 189.9 Закона о банкротстве предполагается активное участие в ней Центрального Банка, который также прини-

мает меры к по предупреждению банкротства. Для этого Центральный Банк проводит финансовое оздоровление. Назначает временную администрацию, т.е. Центральный Банк принимает активное участие в реорганизации и ликвидации ломбарда как юридического лица. Центральный Банк принимает особое участие в регулировании деятельности кредитных организаций. Получается, что если ломбард станет кредитной организацией, то Центральный Банк обязан принимать непосредственное участие в регулировании его деятельности. Но в данный момент Центральный Банк не имеет полномочий по предупреждению процедур банкротства, а также отзыв лицензий, например, в отношении некредитных финансовых организаций, которой является ломбард. Ломбард лишь имеет полномочия по осуществлению контроля и надзора за ломбардами, а также может давать ломбардам предписания и запрашивать по необходимости документы. Предоставление Центральному Банку тех же полномочий в отношении ломбардов, что и в отношении кредитных организаций не решит проблему защиты прав заемщиков при банкротстве ломбардов.

Получается, что если мы придаем ломбарду статус некредитной финансовой организации, ну или «квазикредитной», то мы предполагаем применение процедуры банкротства в отношении ломбардов, которая предусмотрена для всех субъектов предпринимательской деятельности с общей правоспособностью и не применяем процедуру банкротства кредитной организации. Центральный Банк может лишь инициировать, или начать процедуру банкротства, но законодатель не предусмотрел участия в не Центробанка, по крайней мере, в том объеме, в котором Центробанк участвует в отношении кредитной организации.

Процедуру банкротства ломбардов как субъекта предпринимательства, несмотря на положение некредитной финансовой организации, ну или её «квазикредитный» характер, всё-равно следует проводить по процедурам, которые установлены для среднестатистического субъекта предпринимательской деятельности, которое предусмотрено Законом о банкротстве. Данная процедура избавляет участников гражданских правоотношений от необходимости досрочного погашения долгов (займов, полученных в процессе кредитования), и это может упростить защиту прав заемщиков, которые обладают статусом потребителей в соответствии с действующим законодательством.

В заключении можно сделать вывод о том, что придание ломбарду специального статуса некредитной финансовой организации со специальной правоспособности не гарантирует полную защиту прав граждан, вступающих в правоотношения с ломбардом, поскольку несмотря на контроль Центробанка РФ и подотчетность ему, а также применение статуса платежного агента не выделяют

его среди прочих юридических лиц, поскольку ломбард не имеет финансовой защиты, не привлекает финансовые средства, а при ликвидации и при банкротстве к нему применяются правила, аналогично применяемые к юридическому лицу с общей правоспособностью.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (Часть первая Гражданского кодекса Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. N51-ФЗ)// Российская газета» от 8 декабря 1994 г.
2. Федеральный закон «О ломбардах»//РГ от 31.07.2007
3. Федеральный закон «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»//РГ от 13.07.2002
4. Федеральный закон «О банках и банковской деятельности» от 02.12.1990 № 395-1 //Ведомости съезда народных депутатов РСФСР от 6 декабря 1990 г. N27
5. Федеральный закон «О потребительском кредите (займе)»//РГ от 23.12.2013
6. Федеральный закон от 03.06.2009 N103-ФЗ (ред. от 10.07.2023) «О деятельности по приему платежей физических лиц, осуществляемой платежными агентами» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2023)//Парламентская газета» от 9 июня 2009 г.

THE CONCEPT OF SPECIAL LEGAL CAPACITY OF A PAWNSHOP AS A LEGAL ENTITY

Sokolov Yu.V.

Moscow University of Finance and Law (MFUA)

The services provided by a pawnshop have been particularly popular in Russia for many years. Having owned a certain valuable thing, it becomes much more convenient to contact a pawnshop with a request for a loan secured by this thing, rather than contacting a bank or other credit institution in anticipation of a decision by a bank or other credit institution to approve or disapprove a loan. The purpose of this article is to reveal the concept of a pawnshop's special legal capacity as a legal entity, taking into account the specifics of its legal status.

Keywords: pawnshop, special legal capacity, status, Central Bank, legal capacity of a legal entity.

References

1. The Civil Code of the Russian Federation (Part One of the Civil Code of the Russian Federation dated November 30, 1994 N51-FZ)//Rossiyskaya Gazeta” dated December 8, 1994
2. The Federal Law “On Pawnshops”//WG from 07/31/2007
3. Federal Law “On the Central Bank of the Russian Federation (Bank of Russia)”//WG from 07/13/2002
4. Federal Law “On Banks and Banking Activities” dated 02.12.1990 No. 395-1 //Bulletin of the Congress of People’s Deputies of the RSFSR dated December 6, 1990 No. 27
5. Federal Law “On Consumer Credit (Loan)”//WG dated December 23, 2013
6. Federal Law No. 103-FZ dated 06/03/2009 (as amended on 07/10/2023) “On Activities for Accepting Payments from Individuals carried out by Payment Agents” (with amendments and additions, intro. effective from 01.10.2023)//Parliamentary Newspaper” dated June 9, 2009

Правовая природа опциона на заключение договора: аспекты нормативного определения

Тюменцев Иван Александрович,

студент, кафедра гражданского права института философии и права, Новосибирский государственный университет
E-mail: i.tyumentsev@g.nsu.ru

В настоящей статье с позиций юридической доктрины и правоприменительной практики рассмотрены подходы к пониманию опциона на заключение договора, сформированные как до, так и после законодательного закрепления данной конструкции. Осуществлено разграничение предварительного договора и опциона на заключение договора. На основании проведенного исследования в настоящей работе сделан вывод об организационном характере рассматриваемой конструкции как направленной на создание юридических условий для дальнейшего развития имущественных отношений и заключения основного договора, определен ее двусторонний характер. Также отмечено, что опцион на заключение договора следует относить к категории специальных договорных конструкций, предусматривающих ряд особенностей правового регулирования по сравнению с прочими соглашениями, а также сформировано определение рассматриваемого в статье правового явления.

Ключевые слова: опцион, опцион на заключение договора, опционные соглашения, предварительный договор, специальные договорные конструкции, договорное право.

Законодательно оформленные в рамках Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) в 2015 году опционные соглашения были и до настоящего времени остаются предметом дискуссии в цивилистической доктрине. Одной из важнейших тем в таких обсуждениях является правовая природа опциона на заключения договора, его отличительные особенности, отграничивающие его от схожих соглашений, критерии соотношения с категорией специальных договорных конструкций и т.п. В связи с этим указанные проблемы подлежат рассмотрению и в настоящей статье.

Статья 429.2 ГК РФ «Опцион на заключение договора» позволяет установить, что в рамках понимания законотворца опционом на заключение договора является соглашение, в силу которого одна сторона посредством безотзывной оферты предоставляет другой стороне право заключить один или несколько договоров на условиях, предусмотренных опционом.

Полагаем, такое определение имеет некоторый недостаток, проявляющийся в том, что при уяснении сущности опциона на заключение договора используется термин «опцион», т.е. фактически один термин определяется сам через себя, что не позволяет такому определению в полной мере отвечать требованию четкости и ясности, которое было бы логично предъявлять к нему. В связи с этим исследование опциона на заключение договора в настоящей статье также направлено в том числе на формулирование несколько иного определения данного правового явления.

Следует отметить, что опционные конструкции были известны еще до внесения соответствующих изменений в ГК РФ, использовались в предпринимательской деятельности и до 2015 года зачастую признавались правоприменителем в качестве непоименованных или же предварительных договоров. Например, в одном из судебных актов было указано, что, хоть в момент возникновения правоотношений опционный договор и не был поименован в действовавшем гражданском законодательстве, при отсутствии законодательно закрепленного запрета на продажу права его следовало отнести либо к непоименованному договору, применив к правоотношениям сторон по аналогии правила о купле-продаже, либо к смешанному договору, содержащему элементы договора купли-продажи права [19]. В ином судебном акте, связанном с правоотношениями, возникшими в 2014 году, суд указал, что договор, предполагающий приобретение другой стороной права на заключение договора аренды, следует квалифицировать как предварительный [18].

Что же касается доктринальных позиций до внесения соответствующих законодательных изменений, то, например, А.Н. Кучер указывала на наличие возможности предусмотреть в предварительном договоре одностороннюю обязанность одного из контрагентов заключить основной договор, в то время как у другого будет иметься право по собственному усмотрению в течение определенного срока требовать заключения основного договора [7, С. 286]. П.А. Меньшенин определял опцион на заключение договора как соглашение, по которому одна сторона обязуется по требованию другой стороны (держателя опциона) заключить с ней срочную сделку на условиях, предусмотренных опционом на заключение срочной сделки, а держатель опциона обязуется в любом случае уплатить надписателю опциона установленное в договоре вознаграждение; на этом основании предлагается признать данную сделку возмездным односторонним предварительным договором [9, С. 88]. Более того, некоторые авторы и в настоящее время указывают, что опцион на заключение договора является разновидностью предварительного договора. Например, В.А. Белов считает, что данное соглашение является предварительным договором с односторонне обязывающим содержанием [3, С. 367].

Однако, на наш взгляд, реформирование гражданского законодательства, в свою очередь, окончательно устранило все сомнения в вопросе о том, является ли данная конструкция предварительным договором или носит самостоятельный характер.

Следует начать с того, что разграничение между опционом на заключение договора и предварительным договором можно установить хотя бы исходя из их определений, содержащихся в статьях 429.2 и 429 ГК РФ соответственно. Поскольку законодательное определение опциона на заключение договора уже было изложено ранее, отметим, что пункт 1 статьи 429 ГК РФ устанавливает, что по предварительному договору стороны обязуются заключить в будущем договор о передаче имущества, выполнении работ или оказании услуг (основной договор) на условиях, предусмотренных предварительным договором. Таким образом, он представляет собой сделку, определяющую условия договора, который будет заключен в будущем. При этом заключение основного договора в силу пункта 4 статьи 429 ГК РФ не ставится под условие, в то время как заключение основного договора в случае с опционом поставлено в зависимость от волеизъявления управомоченной стороны. Рассматривая данный вопрос, В.Э. Полякова пишет, что опцион на заключение договора можно охарактеризовать «понятием связанности, но не обязанности заключить основной договор» [12, С. 9].

Кроме того, в отличие от предварительного договора, опцион на заключение договора не предусматривает возможности внесения изменений в условия основного договора, что и указано в его определении. Данная особенность во многом обеспечивает существенное значение этой конструк-

ции в деловом обороте, поскольку его позволяет субъектам во многом как бы страховать свои риски. Классическим здесь является пример, когда одно лицо приобретает у другого партию товара, а также подписывает с ним опцион на заключение договора купли-продажи второй партии по заранее определенной цене на тот случай, если допускает возможность приобрести ее в течение определенного периода, но желает обезопасить себя от повышения рыночной стоимости подобных товаров, поскольку оно знает, что стоимость на товар в рамках опциона уже точно не изменится. При этом интерес второго лица заключается в том, что оно получит выгоду в виде опционной премии, даже если потенциальный покупатель и не потребует продать ему вторую партию товара.

Говоря о выгоде в виде опционной премии, также можно отметить такую черту опциона на заключение договора как возмездность. При этом некоторые исследователи отмечают, что данный признак является одним из его наиболее существенных отличий от предварительного договора [13, С. 31]. С данным утверждением, однако, сложно согласиться, учитывая тот факт, что опцион на заключение договора также может быть и безвозмездным в том случае, если это специально предусмотрено соглашением сторон.

В судебной практике к настоящему моменту тоже устоялся подход, согласно которому предварительный договор следует отделять от опциона на заключение договора. Например, в одном из решений окружной суд, рассматривая спор в качестве кассационной инстанции, указал, что при приобретении подарочного сертификата в магазине потребитель совершает акцепт опциона на заключение договора, что существенным образом отличает его от предварительного договора, поскольку в этом случае сам offerent (магазин) не вправе требовать от приобретателя сертификата заключения основного договора [17].

Тем не менее, правовой природе опциона на заключение договора присущи и другие признаки. Одним из важнейших среди них является организационный характер данной конструкции как направленной на упорядочивание иных отношений.

Несмотря на, вероятно, уже ставшее «традиционным» для гражданско-правовой доктрины разграничение договоров на имущественные и организационные, законодатель до настоящего времени не определил четкое понятие организационного договора, в связи с чем в доктрине имеют место различные подходы к его пониманию, что длительное время является предметом научных дискуссий. Заслуживающей внимания является позиция М.Н. Илюшиной, которая на основе существующих организационных договоров полагает возможным выделить их следующие общие черты:

– являются промежуточным звеном между ситуацией, когда субъекты вообще не связаны никакими обязательственными отношениями, и ситуацией, когда их отношения уже носят завершенный по своему содержанию характер;

– множество функций (например, организационный договор может быть направлен как на организацию заключения в будущем какого-либо одного договора, так и на формирование долгосрочных деловых отношений сторон, рассчитанных на совершение в дальнейшем неопределенного числа разнообразных сделок (рамочные соглашения) [5, С. 38].

В целом соглашаясь с перечисленными признаками, Е.Б. Подузова определяет организационный договор как договор, стороны которого «обязуются заключить между собой в определенный срок основной договор (несколько основных договоров), некоторые условия которого содержатся в организационном договоре, и (или) совершить действия, способствующие заключению между теми же сторонами основного договора (нескольких основных договоров)» [11, С. 12–13]. Данное определение, полагаем, содержит определенные неточности, проявляющиеся в том, что, например, направленность организационного договора может выражаться не только в заключении основного договора, но и в его исполнении. Кроме того, условия организационного договора могут уточняться не только договорами, но и односторонними сделками, что подтверждается, к примеру, п. 1 ст. 429.1 ГК РФ, где дается определение рамочного договора, являющегося разновидностью договора организационного.

Некоторые исследователи выделяют более общее определение, указывая, что под организационными договорами следует понимать те из них, которые направлены на упорядочивание деятельности субъектов гражданского оборота [6, С. 8]. Позволим себе не согласиться с данным определением, поскольку, на наш взгляд, регулятивную функцию (что и подразумевает упорядочивание отношений) носят все обязательства, вытекающие из договоров, в связи с чем указанное определение является чрезмерно широким и не позволяет отнести к нему какие-либо определенные договоры.

Достаточно обоснованным видится понимание организационных договоров, предлагаемое С.Ю. Морозовым. Так, к организационным договорам относят те договоры, в соответствии с которыми стороны обязуются выполнить определенные совместные действия, направленные на возникновение иного гражданско-правового обязательства между теми же либо иными лицами и (или) на его исполнение в соответствии с условиями организационного договора [10, С. 24]. Данное понятие, полагаем, лишено тех недостатков, на которые нами было указано в предыдущих подходах, поскольку отражает широкий перечень функций организационных договоров и их направленность.

Из сказанного ранее следует, что организационные договоры относятся к категории неимущественных, поскольку направлены на установление и последующее развитие правовых связей между субъектами права, а также не предполагают передачу или получение материальных и иных благ.

Имеющаяся судебная практика также показывает, что не только многие исследователи, но правоприменитель признает существование организационных договоров. Например, Верховный Суд РФ в одном из судебных актов указал, что из ряда норм ГК РФ следует, что предварительный договор является организационным договором, цель которого состоит в заключении того или иного договора в будущем, например, договора купли-продажи недвижимости [16].

Возвращаясь к вопросу об организационном характере непосредственно опциона на заключение договора, отметим, что значительное число исследователей соглашается с тем, что подобная характеристика присуща ему наравне с предварительным договором.

Так, Б.М. Гонгало пишет, что «соглашение о предоставлении опциона представляет собой организационный договор: осуществление права, им предусмотренного, приводит к появлению нового договора» [4, С. 158]. С.О. Макачук так же отмечает, что «опционное соглашение» следует квалифицировать в качестве абсолютно-организационного договора; при этом указывается, что в его структуре имеется определенный имущественный интерес, «который в рамках данного правоотношения в виде исключения имеет второстепенное значение, по крайней мере, для одной из сторон» (в этом случае следует учесть, что термин «опционное соглашение» использовался автором до законодательного разделения опционных конструкций и предполагает именно опцион на заключение договора в его современном понимании) [8, С. 38].

Действительно, говоря о содержании опциона на заключение договора, мы видим, что вытекающие из него организационные правоотношения, направлены на упорядочение имущественных правоотношений, которые возникают при акцепте опциона. В связи с этим можно отметить, что, как и у прочих организационных договоров, объектом опциона на заключение договора является деятельность участников, которая не опосредует процесс передачи или получения того или иного блага, а направлена на создание условий для эффективной организации отношений, направленных на достижение этого результата через заключение основного договора. Все это в совокупности позволяет определенным образом упорядочить правоотношения сторон.

Таким образом, опцион на заключение договора может быть охарактеризован как организационное соглашение, направленное на создание юридической возможности для заключения имущественного договора, которая состоит в предоставлении одной из сторон права потребовать его заключения на заранее определенных условиях. Предметом опциона на заключение договора, соответственно, являются действия сторон, направленные на заключение основного договора, а также условия этого договора, заранее согласованные уже в опционном соглашении.

Названный ранее факт о том, что необходимым условием заключения основного договора является соответствующее выражение воли акцептанта опциона, не означает, однако, что соглашение о предоставлении опциона нельзя однозначно назвать односторонней сделкой. Полагаем, это является еще одной особенностью данной конструкции, предусматривающей предоставление безотзывной оферты, в то время как реализация целей опциона невозможна без волеизъявления второй стороны, которая должна эту оферту акцептовать. Кроме того, предполагается наличие у обеих сторон воли заключить само опционное соглашение, которое в дальнейшем может и не привести к возникновению основного договора.

После рассмотрения основных отличий опциона на заключение договора от предварительного договора, полагаем, в рамках исследования его правовой природы следует определить, является ли данная сделка в полной мере самостоятельной или же обладает иным характером.

Так, многие исследователи называют опцион на заключение договора специальной договорной конструкцией, опираясь на идеи В.В. Витрянского, который ввел подобную категорию в российскую юридическую доктрину. Подобная категория, таким образом, является исключительно теоретической и не закреплена законодателем, что, однако, не умаляет ее значимости и не позволяет нам не рассматривать ее в рамках данного исследования.

В.В. Витрянский указывает, что особенность специальных договорных конструкций (к которым автор наравне с опционом относит также публичный договор, договор присоединения, предварительный договор, договор в пользу третьего лица, рамочный договор, абонентский договор) заключается в том, что любой договор, обладающий теми или иными законодательно определенными признаками, должен быть подчинен не только конкретным нормам, регулирующим этот договор (купля-продажа, перевозка и т.п.), но и особым правилам, предназначенным для регламентации отношений сторон в рамках специальной договорной конструкции [2, С. 14–15]. Однако В.В. Витрянский в своих работах не дает однозначного определения специальных договорных конструкций, что, однако, делают другие авторы, давая дальнейшее развитие его идеям.

Так, О.С. Юренкова указывает, что «специальная договорная конструкция – гражданско-правовая форма выражения нормативной схемы регулирования, созданная в результате мысленного абстрактного обобщения однородных признаков, находящихся с нею в отношении соответствия конкретных договоров, и содержащая универсальное определение законодательной модели таких договоров, специальные требования к их субъектному составу и содержанию, а также к юридическим процедурам их заключения и (или) исполнения, расторжения» [15, С. 11].

Е.В. Ахтямова утверждает, что специальная договорная конструкция – это «предусмотренная законом или закреплённая волеизъявлением сторон модель организации обязательственных отношений, которая призвана применить в отношении них специальный правовой режим, обладает организационной направленностью и вторичностью функционирования по отношению к основному договору» [1, С. 30].

С опорой на данные определения, вероятно, можно утверждать, что опцион на заключение договора в рамках юридической доктрины подпадает под родовое понятие специальной договорной конструкции, поскольку из изложенного ранее следует, что с помощью опциона на заключение договора можно осуществить организацию правоотношений для заключения любого имущественного договора.

Необходимо, однако, осветить и противоположную позицию. Так, А.И. Фролов не соглашается с В.В. Витрянским, указывая на то, что опционные соглашения не относятся к специальным договорным конструкциям и являются отдельным типом договоров, у которых есть собственная кауза, которая заключается в предоставлении одной из сторон имущественного права выбора [14, С. 86–87]. Данное утверждение, на наш взгляд, несколько не учитывает тот факт, что имущественное право выбора тесно связано с основным договором, который в случае его заключения и будет направлен на отчуждение материальных благ. Характеристика же опциона на заключение договора в качестве специальной договорной конструкции, в свою очередь, не свидетельствует о том, что он не обладает собственным предметом, однако сам этот предмет связан с организацией правоотношений для обеспечения возможности существования основного обязательства.

В связи с этим логичным видится довод, который, на наш взгляд, в целом применим ко всем организационным правоотношениям и состоит в том, что опцион на заключение договора не является в полной мере самостоятельным соглашением и существует исключительно в совокупности с основным договором. При этом его существование, безусловно, начинается еще до «запуска» основного договора, которого может и не произойти (при отсутствии волеизъявления управомоченной стороны). Тем не менее, без указания на конкретные условия другой, основной сделки, опцион был бы в принципе лишен смысла. Следовательно, говорить о полностью самостоятельном характере опциона на заключение было бы неверно. Указывая в данной работе ранее на тот факт, что данная конструкция является «отдельным соглашением», мы имели в виду не его полную самостоятельность, а именно возможность его существования до заключения основного договора, что не присуще опционному договору и будет рассмотрено далее.

Подводя итог вышеизложенному, можно сделать вывод, что опцион на заключение договора может быть определен как специальная дого-

ворная конструкция, в силу которой одна сторона предоставляет другой стороне за плату или иное встречное предоставление (по общему правилу) секундарное право акцептовать в течение определенного срока безотзывную оферту на заключение имущественного договора или воздержаться от акцепта.

Литература

1. Ахтямова Е.В. Понятие и признаки типовой договорной конструкции в гражданском праве российской федерации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 12–3. С. 29–31.
2. Витрянский В.В. Специальные договорные конструкции в условиях реформирования гражданского законодательства // Хозяйство и право. 2011. № 10 (417). С. 3–16.
3. Гражданское право в 2 т. Том 1. Общая часть: учебник для вузов / В.А. Белов. М.: Издательство Юрайт, 2023. 451 с.
4. Гражданское право: Учебник. В 2 т. Т. 2 / под ред. Б.М. Гонгало. 2-е изд. перераб. и доп. М.: Статут, 2017. 543 с.
5. Илюшина М.Н. Проблемы применения организационной природы предварительного договора к отчуждательным сделкам с долями в ООО // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 5. С. 37–44.
6. Козлова Е.Б. Организационные договоры: понятие и классификация // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 5. С. 3–9.
7. Кучер А.Н. Теория и практика преддоговорного этапа: юридический аспект. М.: Статут, 2005. 361 с.
8. Макачук С.О. Об организационной функции опционного договора // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 12. С. 36–38.
9. Меньшенин П.А. Предварительный договор в российском гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук / П.А. Меньшенин. М., 2011. 179 с.
10. Морозов С.Ю. Система транспортных организационных договоров: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03: защищена 03.02.2012 / С.Ю. Морозов. М., 2012. 52 с.
11. Подузова Е.Б. Организационный договор и его виды: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03: защищена 20.09.2012 / Е.Б. Подузова. М., 2012. 26 с.
12. Полякова В.Э. Предварительный договор в праве России и Германии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / В.Э. Полякова; Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве РФ. Москва, 2015. 23 с.
13. Сатаев Г. А. К вопросу о разграничении предварительного договора и опционного договора // Правовые проблемы укрепления российской государственности. Национальный исследовательский Томский государственный уни-

верситет. Томск: Издательство Томского университета, 2014. С. 29–31.

14. Фролов А.И. Обязательства опционного типа в российском гражданском праве // Хозяйство и право. 2016. № 12 (479). С. 83–89.
15. Юренкова О.С. Специальные договорные конструкции о предоставлении субъективного права требования заключения и исполнения гражданско-правовых договоров в будущем: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03: защищена 30.05.2014 / Юренкова О.С. М., 2014. 30 с.
16. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 26.07.2016 № 86-КГ16–4 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.05.2023).
17. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 30.12.2020 по делу № 88–623/2021, 2–1027/2019 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.11.2023).
18. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 21 ноября 2016 года № Ф06–14849/2016 по делу № А65–4266/2016 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.11.2023).
19. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа (ФАС ВВО) от 23.09.2015 г. по делу № А31–7898/2014 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.11.2023).

LEGAL NATURE OF AN OPTION TO CONCLUDE A CONTRACT: ASPECTS OF THE REGULATORY DEFINITION

Tyumentsev I.A.
Novosibirsk State University

In this article, from the standpoint of legal doctrine and law enforcement practice, approaches to understanding the option to conclude an agreement, formed both before and after the legislative consolidation of this construction, are considered. A distinction has been made between a preliminary agreement and an option to conclude an agreement. Based on the conducted research, this paper concludes that the organizational nature of the structure in question is aimed at creating legal conditions for the further development of property relations and the conclusion of the main contract, and its bilateral nature is determined. It is also noted that the option to conclude an agreement should be classified as special contractual structures providing for a number of features of legal regulation in comparison with other agreements, and a definition of the legal phenomenon considered in the article has been formed.

Keywords: option, option to conclude an agreement, option agreements, preliminary agreement, special contractual structures, contract law.

References

1. Akhtyamova E.V. The concept and features of a standard contractual structure in the civil law of the Russian Federation // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2020. No 12–3. p. 29–31.
2. Vitryansky V.V. Special contractual structures in the context of reforming civil legislation // Economy and law. 2011. No 10 (417). p. 3–16.
3. Civil law in 2 vols. Vol. 1. General part: textbook for universities / V.A. Belov. M.: Yurayt Publishing House, 2023. 451 p.

4. Civil Law: Textbook. In 2 vols. Vol. 2. / edited by B.M. Gongalo. 2nd ed. reprint. and additional M.: Statute, 2017. 543 p.
5. Ilyushina M.N. Problems of applying the organizational nature of the preliminary agreement to alienation transactions with shares in LLC // *Laws of Russia: experience, analysis, practice*. 2011. No 5. p. 37–44.
6. Kozlova E.B. Organizational contracts: concept and classification // *Laws of Russia: experience, analysis, practice*. 2011. No 5. p. 3–9.
7. Kucher A.N. Theory and practice of the pre-contractual stage: the legal aspect. M.: Statute, 2005. 361 p.
8. Makarchuk S.O. On the organizational function of the option agreement // *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2013. No 12. p. 36–38.
9. Menshenin P.A. Preliminary agreement in Russian civil law: diss. ... cand. legal sciences / P.A. Menshenin. M., 2011. 179 p.
10. Morozov S. Yu. The system of transport organizational contracts: abstract. diss. ... cand. legal sciences: 12.00.03: protected on 03.02.2012 / S. Yu. Morozov. M., 2012. 52 p.
11. Poduzova E.B. Organizational agreement and its types: abstract. diss. ... cand. legal sciences: 12.00.03: protected on 20.09.2012 / E.B. Poduzova. M., 2012. 26 p.
12. Polyakova V.E. Preliminary agreement in the law of Russia and Germany: abstract. diss. ... cand. legal sciences: 12.00.03 / V.E. Polyakova; Institute of Legislation and comparison law studies under the Government of the Russian Federation. Moscow, 2015. 23 p.
13. Sataev G.A. On the issue of distinguishing between a preliminary agreement and an option agreement // *Legal problems of strengthening Russian statehood*. National Research Tomsk State University. Tomsk: Tomsk University Press, 2014. p. 29–31.
14. Frolov A.I. Obligations of the option type in Russian civil law // *Economy and law*. 2016. No 12 (479). p. 83–89.
15. Yurenkova O.S. Special contractual constructions on the provision of a subjective right to demand the conclusion and execution of civil law contracts in the future: abstract ... cand. legal sciences: 12.00.03: protected on 30.05.2014 / Yurenkova O.S. M., 2014. 30 p.
16. Decree of the Judicial Board for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated July, 26, 2016 No 86-KG16–4 // Acces from the legal reference system «ConsultantPlus» (access date: 17.05.2023).
17. Decree of the Second Cassation Court of General Jurisdiction dated December, 30, 2020 in case No 88–623/2021, 2–1027/2019 // Acces from the legal reference system «ConsultantPlus» (access date: 19.11.2023).
18. Decree of the Arbitration Court of the Volga Region dated November, 21, 2016 No F06–14849/2016 in case No A65–4266/2016 // Acces from the legal reference system «ConsultantPlus» (access date: 01.11.2023).
19. Decree of the Arbitration Court of the Volga-Vyatka District Dated September, 23, 2015 in case No A31–7898/2014 // Acces from the legal reference system «ConsultantPlus» (access date: 08.11.2023).

Экспертиза в гражданском процессе: аспекты реализации положений Постановления Конституционного Суда РФ от 20.07.2023 № 43-П

Воробец Александр Андреевич.

магистрант направления «Юриспруденция», Институт философии и права, Новосибирский государственный университет Новосибирск
E-mail: a.vorobets@g.nsu.ru

Шохова Валерия Александровна,

магистрант направления «Юриспруденция», Институт философии и права, Новосибирский государственный университет Новосибирск
E-mail: v.shokhova@g.nsu.ru

Статья посвящена анализу правовой позиции, выраженной в Постановлении Конституционного Суда РФ от 20.07.2023 № 43-П «По делу о проверке конституционности абзаца второй части второй статьи 85, статей 96 и 97, части шестой статьи 98 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой автономной некоммерческой организации «Экспертно-криминалистический центр «Судебная экспертиза»». Авторы дают краткий обзор обстоятельств дела и выводам суда, анализируют содержание позиции и выдвигают гипотезы относительно причин и правовой необходимости соответствующего разъяснения. В статье обзревается судебные акты, принятые в соответствии с разъяснениями Конституционного Суда РФ, дается критическая оценка применению указанной позиции в правоприменительной практике, а также предлагаются возможные варианты совершенствования правового регулирования вопроса полной и своевременной оплаты экспертизы в гражданском процессе.

Ключевые слова: эксперт, экспертиза, гражданский процесс, судебные расходы, Конституционный Суд РФ, права эксперта, арбитражный процесс.

В юридической науке на протяжении нескольких лет остается актуальной дискуссия относительно неравенства правового положения эксперта и специалиста в гражданском и арбитражном процессе. Господствующей точкой зрения в литературе на данный момент выступает мнение о том, что различия между нормами указанных процессуальных отраслей права обусловлены предпринимательской природой споров, рассматриваемых в арбитражных судах. Ученые указывают на то, что участники арбитражного процесса являются профессиональными юристами, а участники гражданского процесса – не всегда, соответственно, для последних необходимо предоставление большего объема гарантий соблюдения их прав [1, С. 109]. Одно из существенных различий между гражданским и арбитражным процессом касается правового регулирования производства экспертизы. В соответствии с ч. 2 ст. 108 АПК РФ, арбитражный суд вправе отклонить ходатайство о производстве судебной экспертизы, если в установленный судом срок стороны не внесли денежные средства для оплаты экспертизы на депозитный счет суда. Это значит, что производство экспертизы поставлено в зависимость от внесения сторонами денежных средств в счет оплаты услуг экспертов. В абз. 2 ч. 2 ст. 85 ГПК РФ же указано, что эксперт не вправе отказать от проведения экспертизы, если стороны не осуществили оплату экспертизы. В таком случае эксперты должны обращаться в суд с заявлением о возмещении понесенных расходов. Данное законоположение приводило к злоупотреблениям со стороны участников гражданского процесса, которые впоследствии не оплачивали услуги эксперта, а взыскание задолженности с участников признавалось судом безнадежным за отсутствием имущества. Именно это послужило поводом для обращения с жалобой в Конституционный Суд РФ (далее – КС РФ) одной из экспертных организаций. АНО «Экспертно-криминалистический центр «Судебная экспертиза» в обоснование своей жалобы указала, что организация является взыскателем в 32 исполнительных производствах по выполненным, но не оплаченным судебным экспертизам, притом, что по еще 33 выполненным экспертизам исполнительное производство не принесло результата [2]. В практике аналогичные случаи встречаются достаточно часто, что приводит к нарушению прав экспертных организаций, которым поручается производство экспертиз по гражданским делам, а также порождает неравенство прав экспертов в гражданском и арбитражном процессе. В рассматриваемом Постановлении КС РФ указывает,

что задолженность в адрес экспертных организаций в связи с неоплатой произведенных экспертиз исчисляется десятками миллионов рублей.

КС РФ, рассмотрев жалобу, сделал ряд важных разъяснений и указал на необходимость внесения изменений в ГПК РФ. Далее предлагается подробно проанализировать каждый из тезисов КС РФ.

1. Ст.ст. 85, 96 ГПК РФ в действующей редакции нарушают права и законные интересы экспертных организаций, в частности, гарантии свободы экономической деятельности, принцип признания и защиты различных форм собственности, а также права экспертов на полную и своевременную оплату своего труда. Данное нарушение влечет за собой иные негативные последствия как для экспертных организаций, так и для всей судебной системы. КС РФ обращает внимание на коллизию конституционно значимых ценностей: трудовых прав экспертов и прав на судебную защиту физических лиц.
2. Запрет отказа экспертов от производства судебной экспертизы в связи с невнесением предварительной оплаты сторонами спора призван обеспечить равный доступ к правосудию для всех субъектов права. Поскольку разрешение отдельных споров невозможно без производства судебной экспертизы, правосудие не должно быть поставлено в зависимость от факта оплаты услуг эксперта. В связи с тем, что граждане являются более слабой стороной правоотношений по сравнению с юридическими лицами, для обеспечения им доступа к правосудию необходим механизм производства экспертизы без предварительной ее оплаты, так как тяжелое материальное положение гражданина не должно ограничивать его в праве на судебную защиту. В Постановлении сделана ссылка на законопроект, которым в ГПК РФ была внесена норма о запрете отказа экспертов от производства экспертизы в связи с невнесением оплаты [3]. В пояснительной записке к указанному законопроекту сказано, что необходимость введения соответствующих изменений обусловлена тем, что более половины всех производств по гражданским делам затягивались на многие месяцы в связи с невнесением денежных средств в счет оплаты экспертизы по делу. Введение запрета на отказ от проведения экспертизы было попыткой разрешить указанную проблему.
3. Законодатель должен обеспечить баланс интересов экспертных организаций и граждан в части регулирования вопроса об оплате судебной экспертизы в гражданском процессе. Процесс привлечения к производству по гражданским делам экспертов в целях содействия правосудию имеет публичный интерес, однако его обеспечение не должно нарушать прав и свобод частных лиц. Обратное привело бы к снижению числа экспертных организаций в связи с убыточными условиями деятельности, а как следствие – к повышению цен на проведение экс-

пертиз оставшимися экспертными организациями. В совокупности данные обстоятельства неизбежно привели бы к ограничению доступа к правосудию как для физических, так и для юридических лиц, поскольку не все смогли бы позволить себе проведение дорогостоящих экспертиз. КС РФ указывает на необходимость сохранения особых правил производства экспертизы в гражданском процессе, поскольку законодатель последовательно предоставляет участникам гражданского процесса большой круг льгот, нежели участникам арбитражного процесса (например, для гражданского процесса больше оснований освобождения от уплаты государственной пошлины). Совершенствование правового регулирования указанной сферы должно носить комплексный и системный характер.

В рассматриваемой позиции КС РФ указывает на некоторые руководящие принципы, в соответствии с которыми законодателю надлежит урегулировать вопрос гарантий оплаты экспертизы по гражданским делам:

- сохранение возможности проведения экспертизы по гражданскому делу без предварительной оплаты только в случаях, когда без проведения экспертизы невозможно разрешение дела по существу;
- разработка механизма соразмерной индексации размера оплаты за экспертизу, если такая не была произведена своевременно.

На данный момент изменения в ГПК РФ по урегулированию данного вопроса внесены не были, однако в Постановлении КС РФ содержатся разъяснения относительно того, как должны поступать суды в случаях, когда стороны гражданского процесса ходатайствуют об экспертизе, однако не вносят оплату за нее. Так, определение о назначении экспертизы должно быть вынесено судом только после внесения предварительной оплаты либо после рассмотрения в судебном заседании вопроса о последствиях невнесения такой оплаты стороной. Указанное разъяснение порождает новые вопросы для правоприменительной практики – как должен рассматриваться вопрос о последствиях невнесения оплаты за экспертизу? Какие обстоятельства должен учесть суд при рассмотрении данного вопроса? Возможен ли в результате рассмотрения вопроса о последствиях отказа в назначении экспертизы и какие у этого отказа будут последствия в контексте принятия судебного решения по делу? На наш взгляд, такая недосказанность, оставшаяся в результате введения нового процессуального действия – рассмотрения вопроса о последствиях невнесения денежных средств в счет оплаты экспертизы, способствует только большему количеству правоприменительных ошибок. Так, Определением от 14.11.2023 г. Хабаровский краевой суд отказал в удовлетворении ходатайства о назначении экспертизы об определении рыночной стоимости автомобиля, на которое истец требовал обращение взыскания задолженности [4]. В обо-

снование своей позиции суд сослался на Постановление КС РФ и указал, что определение о назначении экспертизы может быть вынесено только после внесения на депозит суда оплаты экспертизы, однако суд не учел вторую часть разъяснения, где сказано об обязательном рассмотрении вопроса о последствиях невнесения денежных средств в счет оплаты экспертизы. Оренбургский областной суд в одном из своих актов указал следующее: «Постановлением Конституционного Суда РФ от 20.07.2023 № 43-П не только не опровергнут, но и укреплен и усилен принцип обязательности оплаты экспертной работы заинтересованными лицами по делу» [5]. Данный вывод, однако, не в полной мере отражает позицию КС РФ относительно оплаты экспертизы по гражданским делам. Таким образом, суды уже спустя несколько месяцев после издания Постановления КС РФ допускают процессуальные нарушения, не желая рассматривать вопрос о последствиях неоплаты экспертизы в отдельном судебном заседании. Предполагается, что такое ошибочное толкование позиции КС РФ будет допущено неоднократно.

КС РФ также указал на возможность суда освобождения гражданина от оплаты расходов на судебную экспертизу (либо снижения размера такой оплаты) в случае, если невозможность внести денежные средства на депозит суда обусловлены тяжелым материальным положением участника спора. В случае освобождения лица от оплаты экспертизы выплата вознаграждения экспертам осуществляется за счет бюджетных средств. На данный момент не понятно, насколько данная практика будет распространена у судов с учетом того, что бюджет и без оплаты услуг экспертов находится в состоянии дефицита, однако уже найдены единичные судебные акты, освобождающие сторону от расходов на проведение экспертизы (например, Решение Заводского районного суда г. Новокузнецка от 09.11.2023 по делу № 2–323/2023, Определение Красноярского краевого суда от 09.10.2023 по делу № 33–12390/2023).

В случае, если судом будет установлено, что невнесение стороной денежных средств в счет оплаты экспертизы не вызвано затруднительным материальным положением, а представляет собой злоупотребление правом, то суд вправе признать факт, для выяснения которого экспертиза была назначена, установленным или опровергнутым без ее проведения. Применение указанного разъяснения уже нашло отражение в судебной практике. Так, Нижегородский областной суд, сославшись на рассматриваемое Постановление КС РФ, признал сторону спора злоупотребляющей своим правом, что выразилось в уклонении от внесения оплаты экспертизы по делу, которое было обусловлено не тяжелым материальным положением, а нежеланием данной стороны проводить экспертизу [6]. Суд по данному делу установил факт причинения ущерба злоупотребляющей стороной вреда окружающей среде без проведения экспертизы.

Таким образом, позиция, изложенная в Постановлении Конституционного Суда РФ от 20.07.2023 № 43-П, стала решением многолетней проблемы проведения безвозмездных экспертиз в гражданском процессе. КС РФ указал на необходимость совершенствования правового регулирования ряда правовых институтов с сохранением баланса публичных и частных интересов. При этом изложенная позиция подчеркивает, что в гражданском процессе невозможно урегулирование вопроса об оплате услуг эксперта аналогично арбитражному процессу в силу различной природы споров, рассматриваемых арбитражными судами и судами общей юрисдикции. В связи с этим вопросы назначения экспертизы, установления значимости данной экспертизы для исхода дела отданы на разрешение суда в соответствии с обстоятельствами конкретного дела. При назначении экспертизы, которую стороны не оплатили предварительно, суды должны установить, что непроведение экспертизы по данному делу приведет к существенному нарушению прав участников спора, а невозможность оплаты услуг эксперта вызвано тяжелым материальным положением при отсутствии злоупотребления правом. Суду также предоставлено полномочие освободить стороны от обязанности по оплате экспертизы и возложить соответствующие расходы на бюджет. Только в таких случаях назначение экспертизы без предварительной оплаты будет правомерным со стороны суда. Рассматриваемое Постановление КС РФ, несмотря на последовательную мотивировочную часть и обоснованные тезисы, все же содержит в себе ряд недостатков, способных привести к правоприменительным ошибкам. В частности, КС РФ не разъяснил, в каком порядке должно производиться рассмотрение вопроса о последствиях невнесения денежных средств в счет оплаты за экспертизу, а также остался открытым вопрос о возможных исходах такого рассмотрения. В связи с этим уже на данный момент встречается противоречивая судебная практика, где суды учитывают лишь отдельные положения Постановления № 43-П и игнорируют другие.

Литература

1. Городнова О.Н., Макарушкова А.А. Проблемы и перспективы правового регулирования статуса лиц, содействующих осуществлению правосудия, в гражданском процессе // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 1. С. 103–115.
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 20.07.2023 № 43-П «По делу о проверке конституционности абзаца второй части второй статьи 85, статей 96 и 97, части шестой статьи 98 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой автономной некоммерческой организации «Экспертно-криминалистический центр «Судебная экспертиза» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 31 (Часть III). Ст. 6116.

3. Федеральный закон от 28.06.2009 № 124-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2009. № 26. Ст. 3122.
4. Определение Хабаровского краевого суда от 14.11.2023 по делу № 33–7230/2023 // Caselook. Режим доступа: по подписке. URL: https://caselook.ru/?roistat_visit=665763#/search/3638318/documents/1170054982 (дата обращения 08.12.2023).
5. Определение Оренбургского областного суда от 18.10.2023 по делу № 33–7688/2023 // Caselook. Режим доступа: по подписке. URL: https://caselook.ru/?roistat_visit=665763#/search/3638318/documents/1170132532 (дата обращения 08.12.2023).
6. Определение Нижегородского областного суда от 14.11.2023 по делу № 33–174/2023 // Caselook. Режим доступа: по подписке. URL: https://caselook.ru/?roistat_visit=665763#/search/3638318/documents/1170710265 (дата обращения 08.12.2023).

EXPERTISE IN CIVIL PROCEEDINGS: ASPECTS OF THE IMPLEMENTATION OF THE PROVISIONS OF THE RESOLUTION OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION OF JULY 20, 2023 № 43-P

Vorobets A.A., Shokhova V.A.
Novosibirsk state University Novosibirsk

The article is devoted to the analysis of the legal position expressed in the Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 07/20/2023 № 43-P “In the case of checking the constitutionality of the second paragraph of the second part of Article 85, Articles 96 and 97, part six of Article 98 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaint of the autonomous non-profit organization “Forensic Center “Forensic Examination””. The authors give a brief overview of the circumstances

of the case and the conclusions of the court, analyze the content of the position and put forward hypotheses regarding the reasons and the legal necessity of an appropriate explanation. The article reviews judicial acts adopted in accordance with the explanations of the Constitutional Court of the Russian Federation, gives a critical assessment of the application of this position in law enforcement practice, and also suggests possible options for improving the legal regulation of the issue of full and timely payment of expertise in civil proceedings.

Keywords: expert, expertise, civil procedure, court costs, Constitutional Court of the Russian Federation, expert rights, arbitration process.

References

1. Gorodnova O.N., Makarushkova A.A. Problems and prospects of legal regulation of the status of persons assisting in the administration of justice in civil proceedings // Actual problems of Russian law. 2020. № 1. pp. 103–115.
2. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 07/20/2023 № 43-P “In the case of checking the constitutionality of the second paragraph of the second part of Article 85, Articles 96 and 97, part six of Article 98 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaint of the autonomous non-profit organization “Forensic Center” // Collection of legislation of the Russian Federation. 2023. № 31 (Part III). Art. 6116.
3. Federal Law No. 124-FZ of 06/28/2009 “On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation” // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2009. № 26. Art. 3122.
4. The ruling of the Khabarovsk Regional Court dated 11/14/2023 in case No. 33–7230/2023 // Caselook. Access mode: by subscription. URL: https://caselook.ru/?roistat_visit=665763#/search/3638318/documents/1170054982 (date of appeal 08.12.2023).
5. The ruling of the Orenburg Regional Court dated 18.10.2023 in case No. 33–7688/2023 // Caselook. Access mode: by subscription. URL: https://caselook.ru/?roistat_visit=665763#/search/3638318/documents/1170132532 (accessed 08.12.2023).
6. The ruling of the Nizhny Novgorod Regional Court dated 11/14/2023 in case No. 33–174/2023 // Caselook. Access mode: by subscription. URL: https://caselook.ru/?roistat_visit=665763#/search/3638318/documents/1170710265 (accessed 08.12.2023).

Некоторые аспекты осуществления профилактического воздействия на лиц, относящихся к категории «рецидивист» сотрудниками подразделений уголовного розыска МВД России

Бажанов Роман Игоревич,

адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета Министерства Внутренних Дел Российской Федерации имени В.Я. Кикоты
E-mail: Romanr7586@yandex.ru

В статье рассматриваются некоторые аспекты профилактического воздействия сотрудниками подразделений уголовного розыска МВД РФ на лиц, относящихся к категории «рецидивист», освобожденных от уголовного наказания и освобожденных от мер административного надзора со стороны сотрудников ОВД, в связи с заключением ими контракта с представителями Министерства Обороны РФ об их участии в Специальной военной операции на территории Донецкой Республики, Луганской Республики, Запорожской области и Херсонской области, а также на территории Республики Украина.

До настоящего времени, Федеральным законодательством не определен алгоритм взаимодействия подразделений МВД РФ с УФСИН РФ и Мин.Обороны РФ в деятельности направленной на проведение профилактической работы с лицами, имеющими стойкие антиобщественные, криминальные установки, но в ходе участия в СВО, еще и получающими, специальные знания и навыки, которые могут способствовать еще большей их склонности к совершению преступлений, совершению рецидивов преступлений. Отсутствуют методические рекомендации в подразделениях МВД РФ по работе направленной на предупреждение преступлений со стороны указанных категорий граждан, после их возвращения из зоны проведения СВО. В связи с чем, целесообразно обратить внимание специалистов-криминологов и широкой общественности к данной проблематике, обсуждения ее и выработать стратегии решения вышеуказанных вопросов на законодательном уровне РФ.

Ключевые слова: лица, освобожденные от уголовного наказания, лица, освобожденные от мер административного надзора, рецидивисты, лишение свободы, предупреждение преступлений, профилактическая работа, сотрудники подразделений уголовного розыска.

Актуальность рассмотрения аспектов профилактического воздействия на лиц, относящихся к категории «рецидивист» в осуществлении деятельности сотрудников подразделений уголовного розыска обусловлена продолжающимися общественными, экономическими и даже идеологическими трансформациями в нашей стране. Эти изменения, безусловно, связаны и с нарастанием политической нестабильности в мировом сообществе, увеличением количества конфликтов между различными слоями населения стран на религиозной, межэтнической, мировоззренческой почвах, при проявлении которых, на различные сферы государственной и общественной деятельности Российского государства, на работу государственных и частных организаций, объединений, на условия жизни наших граждан, закономерно оказывается значительное влияние.

Для обеспечения возможности реализовывать государственным органам власти России законодательно принятую государственную внешнюю и внутреннюю политику, а обществу, гражданам реализовывать свои гражданские права, для обеспечения мер по повышению уровня жизни и роста благосостояния россиян в целом, не малую роль играет осуществление эффективной профессиональной деятельности всех сотрудников правоохранительных органов и в том числе сотрудников МВД РФ.

В современной России, предупреждение преступности, и в том числе рецидивной, является важнейшей задачей различных подразделений полиции, но особую роль в осуществлении данного вида деятельности отведена оперативно-розыскным подразделениям и в частности подразделениям уголовного розыска, сотрудники которых, в соответствии со своими должностными обязанностями проводят мониторинг и анализ криминогенной обстановки на территории оперативного обслуживания «своей» территории, а также на территории других субъектов РФ, наличия криминальных сообществ, их структуры, численности, разрабатывает меры по пресечению их деятельности, отслеживают лиц, ранее уже привлекаемых к уголовной ответственности, судимых, лиц, склонных к совершению противоправных действий и ведущих антиобщественный образ жизни, устанавливают объекты возможных преступных посягательств, условия

способствующие совершению преступлений и ведения преступниками и лицами, подготавливающими преступления асоциального образа жизни; осуществляют предупреждение, выявление и раскрытие преступлений, розыск преступников, привлекают их к уголовной ответственности, проводят иные оперативно-розыскные мероприятия, взаимодействуют с другими службами полиции, а также со многими другими подразделениями правоохранительных органов РФ (ФСБ, ФСИН, Прокуратура, Следственный Комитет), проводят надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы и имеющими ограничения передвижения и/или ряда ограничений осуществления деятельности[1]. Из всего далеко неполного перечня должностных обязанностей сотрудников территориальных подразделений уголовного розыска, а только обзорного перечисления основных направлений их деятельности, необходимо отметить, что, непосредственно одной из поставленных задач оперативно-розыскной деятельности, является «выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших» [9], что закреплено в ст. 2 Фед.закон РФ от 12.08.1995 года № 144 «Об оперативно-розыскной деятельности». А в соответствии с п. 4 ст. 12 ФЗ № 3 от 2011 года «О полиции» на сотрудников полиции возложена «обязанность выявлять лиц, имеющих намерение совершить преступление, и проводить с ними индивидуальную профилактическую работу» [8]. Одной из задач служебной деятельности сотрудника уголовного розыска является предупреждение преступлений, что указано и в ведомственных должностных обязанностях. Но участие в предупреждении преступлений и профилактической работе с лицами, склонными к их совершению, сотрудников уголовного розыска, не имеет законодательно установленных правил и методов работы в указанном направлении деятельности, а приказ МВД России от 17 января 2006 года № 19 «О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений», в котором, в ст. 15, регламентировалась деятельность сотрудников уголовного розыска по предупреждению преступлений, в настоящее время, утратил силу, в соответствии с законодательством РФ. Отсутствуют и критерии оценки данного направления деятельности, что не позволяет учитывать работу сотрудников территориальных органов данных подразделений полиции по предупреждению преступлений в должной мере и роль подразделений уголовного розыска в нормализации криминальной обстановки в регионах, в целом в стране, в полном объеме, но и не учитывает возникновение новых реалий, появляющихся в нашем современном быстроменяющемся мире, не учитывает, по сути, появления «новых» субъектов, которые, хотя формально и относятся к категории «рецидивист», но, как показывает практика, имеют существенный «иммунитет» от контроля со стороны со-

трудников полиции и в том числе сотрудников уголовного розыска.

Данная категория граждан возникла в связи с решением представителей государственной власти о призыве на службу по контракту лиц, ранее судимых за совершение преступлений, которые призывались и призываются и из числа тех, кто осужден судами к наказаниям, не связанным с лишением свободы, так и из числа лиц, осужденных к лишению свободы, для участия в боевых действиях в структуре ВС РФ в зоне СВО на «новых» территориях РФ и в Республике Украина. Специфика данной категории граждан связана с несколькими аспектами:

1. С начала проведения СВО, с февраля 2022 года, не имелось законодательной базы на Федеральном уровне, о правилах набора осужденных, для участия в боевых действиях, в связи с чем, в ряды ВС РФ и/или частной военной компании «Вагнер», по сути выполняющей задачи совместно с ВС РФ, отбирались все желающие, из числа отбывающих наказания за различные преступления и в том числе относящиеся к категории тяжких и особо тяжких преступлений (разбой, убийство и многих других), рецидивистов, которые содержались в местах отбывания уголовного наказания (ИК, тюрьмах и т.п. учреждениях). Взамен на помилование и освобождение от дальнейшей уголовной ответственности за ранее совершенные преступления. И только через более, чем 1 год, 24 июня 2023 года, был издан Федеральный закон № 270 «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции».

1. В период прохождения службы в СВО, такие граждане освобождались от надзора полиции, от любого уголовного преследования, заведенные правоохранительными органами уголовные дела приостанавливались, а после прохождения военной службы, участия в СВО, тем более получения ими ранений, государственных наград за воинские подвиги (орденов, медалей), бывшие «зеки», в соответствии с действующим законодательством, освобождаются от уголовного преследования и от отбывания дальнейшего наказания, в отношении них выносятся постановления о помиловании и административный надзор за ними не осуществляется[7].

2. Приобретение указанными лицами специальных знаний и навыков, приобретенных при участии в боевых действиях с одной стороны по владению различным и в том числе холодным оружием, тактикой ведения боя, психологической готовности к причинению ранений, убийства, возможно даже к стиранию порога при принятии решения о причинении боли другим, причинении телесных повреждений, убийства, что часто присуще даже лицам не участвующим в боевых действиях, а относящимся к категории рецидивист, в связи с совершением тяжких и особо тяжких преступлений направленных против личности, лицам, входящих в круг стойкой криминальной среды, «авторитетам» и усиле-

ния их направленности на совершение аналогичных преступлений, рецидивов.

С другой стороны, возможное приобретение ими специальных знаний и навыков маскировки и умений проведения действия с «зашифровкой» цели, разведывательной работы, другим военно-прикладным навыкам, приемам боевых приемов борьбы.

При всем уважении к гражданам и в том числе к бывшим заключенным, которые выполняли, без преувеличения, «священный» долг перед Родиной, защищая интересы нашей страны и общества при участии в СВО, не отрицая и подаваемый ими пример в служении государству остальным членам общества, не отрицая благотворного влияния на участников СВО из числа ранее судимых на уровень их правосознания, возможность их дальнейшей ресоциализации, изменения их мировоззрения на окружающий мир и свое место в нем, вызывает озабоченность отсутствие разработанной методической базы по профилактической работе с указанными категориями граждан, учитывая их специфику, работе по предупреждению совершения преступлений с их стороны, что усложняется и отменой в отношении них административного надзора, который проводится в соответствии с законодательством РФ.

В качестве яркого показательного примера трансформации проявлений личности преступника, относящегося к категории «рецидивист», возможно, привести некоторые биографические и статистические данные в отношении уроженца и жителя одно из подмосковных городов: А. Максима Сергеевича (далее – А.М.), 1986 года рождения, ранее неоднократно судимого по различным статьям УК РФ:

- в 2009 году, по ч. 4 ст. 111, приговорен судом к 5 г. лишения свободы, с отбытием наказания в колонии строгого режима;
- в 2014 году, по ч. 1 ст. 158, п.п. «а», «б» ч. 2 ст. 158, приговорен судом к 1 г 6 мес. лишения свободы (условно) с испытательным сроком 1 г. 6 мес.;
- в 2016 году, по ч. 3 ст. 162, ч. 4 ст. 150, ч. 2 ст. 325, ст. 70, приговорен судом к 7 г. 2 мес. лишения свободы, с отбытием наказания в колонии особого режима;
- в 2016 году, по п. «в» ч. 2 ст. 158, ч. 5 ст. 69, приговорен судом к 8 г. 2 мес. лишения свободы, с отбытием наказания в колонии особого режима;
- в 2022 году, после условно-досрочного освобождения, на основании п. «в» ч. 7 ст. 79 УК РФ суд постановил отменить условно-досрочное освобождение, по п.п. «в», «г» ч. 2 ст. 161, приговорен судом к 2 г. 4 мес. лишения свободы, на основании ст. 70 УК РФ к назначенному наказанию присоединить частично не отбытое наказание по приговору от 2016 года и окончательно приговорен судом к 2 г 4 мес. 10 дн. лишения свободы, с отбытием наказания в колонии строгого режима[6].

При изучении личности гр-на А.М. установлено, что он более 20-ти лет вел антиобщественный образ жизни: работал лишь периодически, злоупотреблял спиртными напитками, не приветствовал семейные ценности, поддерживал отношения с представителями криминальной среды, совершал преступления и административные правонарушения, допускал нарушения при содержании в учреждениях УИС РФ.

Однако, в 2022 году, при отбытии им наказания в исправительной колонии, в место отбытия им наказания прибыли представители ЧВК «Вагнер» и Минобороны, которые осуществляли вербовку лиц, из числа осужденных в том числе, за совершение тяжких преступлений, с оплатой за участие в боевых действиях и последующим их помилованием и указанный осужденный А. М. с его согласия, был завербован и направлен, после короткого обучения, в зону проведения СВО, где после непродолжительного участия в боевых действиях, получил ранение, был госпитализирован в военный госпиталь, в котором, за проявленное мужество при выполнении служебных задач, был награжден государственной наградой – медалью «За Отвагу», и после краткосрочного лечения, направлен домой, с уведомлением местного территориального подразделения полиции о снятии его с административного учета и факте Амнистии за совершенное им преступление в соответствии с вышеуказанным ФЗ № 270. Ему была осуществлена единовременная выплата за полученное ранение и назначена пенсия, в размере 37 тысяч рублей ежемесячно.

Прибыв в адрес своей регистрации, оказавшись в привычной для него среде обитания, осознавая, что гласный контроль со стороны сотрудников ОВД не ведется, никаких ограничений не имеется, он вернулся к своему привычному образу жизни, злоупотреблению спиртными напитками, общению с ранее судимыми за совершение преступлений и в короткий промежуток времени, 4 раза (!) совершает рецидив преступлений, совершая тайные хищения различного имущества граждан и его реализацию (или попытку реализации), с целью получения корыстной выгоды.

Только после совершения этих преступлений и наступления последствий от них, обращения граждан в полицию с заявлением о совершении в отношении них преступлений, сотрудникам уголовного розыска, в рамках проведения оперативно-розыскных мероприятий, удалось их раскрыть, установить причастность А.М. к совершению преступлений, изобличить в содеянном, в очередной раз привлечь его к уголовной ответственности, а именно:

- по п.п. «в», «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ, уголовное дело 12301460037000685;
- по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, уголовное дело 12301460037000744;
- по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ, уголовное дело 12301460037001010;

– по ч. 1 ст. 158 УК РФ, уголовное дело 12301460037001031[6].

В периоды совершения этих преступлений, А.М. совершал и административные правонарушения, предусмотренные ст.ст. 20.20 ч. 1, 20.21 КоАП РФ, в связи с чем, привлекался сотрудниками полиции общественной безопасности территориального подразделения, к административной ответственности, с наложением наказаний в виде штрафа[6]. При изучении обстоятельств совершения им преступления установлено, что данные преступления могли бы быть предотвращены сотрудниками полиции и в том числе уголовного розыска, не исключая, что в ходе проведения с ним профилактической работы, но учитывая отсутствия методики работы с лицами, участвовавшими в боевых действиях, из числа ранее судимых и в том числе, рецидивистов, освобождением их от уголовного преследования, принятыми на законодательном уровне, профилактическое воздействие на данных лиц, до совершения ими «нового», а по сути рецидивного преступления, сотрудникам полиции осуществить практически невозможно, особенно учитывая стойкость криминальных наклонностей рецидивистов.

Проблематике освобождения лиц, совершивших тяжкие преступления и в том числе умышленные убийства, осужденных к длительным срокам лишения свободы, но после их участия в боевых действиях амнистированные и освобожденные от уголовной ответственности уже посвящены многочисленные статьи в средствах массовой информации, в том числе в интернете, так из открытых источников стало известно, что например, в Ярославле, за участие в СВО, получил помилование член банды сатанистов Николай О., 33 лет, который, ранее, был приговорен судом к 20 годам лишения свободы за совершение ритуальных убийств подростков. Николай О. должен был находиться в ИТК до 2030 года. При изучении его личности установлено, что 16 лет назад, он увлекался сатанизмом: вместе с друзьями он проводил кровавые ритуалы, приносил в жертву собак и кошек, переворачивал кресты на кладбищах. Однажды они разрыли свежую могилу девушки, надругались над ней и расчленили. А летом 2008 года совершили двойное убийство – напоили знакомых девушек, вывели в лес (под предлогом посвящения в сатанисты), разожгли костер, а затем набросились на них и закололи кинжалами[2].

Также в г. Аниве, на Сахалине, на свободу вышел осужденный за серию убийств 44-летний Денис Г. Много лет назад, суд признал его вину в каннибализме. По данным издания «Курьер года», первое убийство мужчина совершил в 2003 году. Тело своей жертвы злоумышленник исполосовал ножом, отрезав куски мягких тканей, которые позже съел. За совершенное убийство и глумление над телом жертвы убийцу приговорили к десяти годам колонии строгого режима. Из заключения Денис Г. вышел условно-досрочно в 2010 году, за примерное поведение. Однако фактически сразу после осво-

бождения злоумышленник совершил очередное убийство и новый акт каннибализма. По данным следствия, в качестве жертвы каннибал выбрал человека, который обидел его племянника. Перед убийством, Денис Г. сначала избил жертву, а затем зарезал, спрятав останки в могиле на берегу реки Лютоги. Данное преступление он, к тому же, совершил в составе группы лиц. В ходе следствия выяснилось, что никакого отношения к оскорблению племянника человек, убитый им, не имел. Обнаружить тело жертвы удалось лишь в 2012 году, после того, как Денис Г., снова в составе группы лиц, в г. Анива, во время ссоры, убил еще одного человека. У магазина «Черемушки» они исполосовали ножом своего приятеля. В общей сложности нанесли жертве 29 ножевых ранений, от которых пострадавший скончался. Дело этой преступной группы, рассматривал суд присяжных. Заседатели признали Дениса Г. виновным в убийствах и каннибализме и суд приговорил его к 22 годам колонии особого режима. В колонии людоед успел отбыть лишь половину срока, после чего получил помилование, после участия в боевых действиях в зоне СВО[4]. Другой пример: жителя Красноярского края – Дмитрия, осудили и отправили в колонию для отбытия наказания, сроком на 21 год, за убийство 2-х ветеранов. Убийство случилось в мае 2013 года. В деревне Песчанка под Красноярском он, с подельником, проник в дом к ветеранам Отечественной войны, украл медали, деньги, после чего они зарезали эту семью. Свою вину они признали. Убийц осудили: 27-летний Дмитрий получил наказание – 21 год колонии строгого режима, а 20-летний Юрий – 16 лет. Также они должны были выплатить моральную компенсацию родственникам погибших в 1,2 миллиона рублей. Оба осужденных не отбыли срок до конца – в 2022 году они заключили контракт из мест лишения свободы, об участие в СВО, сообщают СМИ, со ссылкой на внуку убитых ветеранов. Как женщина утверждала в разговоре с журналистами, Юрий погиб, а Дмитрий вернулся домой и теперь живет рядом с домом, в котором совершил преступление, якобы чувствует себя героем, при этом, Дмитрий ещё не полностью выплатил моральный ущерб и должен 500 тысяч рублей. Также у окружающих имеются опасения, что мужчина вновь может совершить преступление[5].

Имеются в СМИ и примеры негативного восприятия общественности героизации участников СВО, из числа тех ее участников, кто до участия в СВО, совершил тяжкие преступления, так Ветераны МВД потребовали убрать фотографию погибшего на СВО бойца ЧВК «Вагнер» Надира Гизатуллина мемориальной доски в городе Ипатово Ставропольского края. До участия в военных действиях он сидел в тюрьме за убийство сотрудника полиции. Глава городской администрации получил письмо от представителя совета ветеранов районного ОВД Григория Кожедуба, в котором тот указывает, что фотография убийцы полицейского оскверняет доску с надписью «Погибли, сражаясь за Родину».

Журналисты рассказали обстоятельства уголовного дела пятилетней давности. 1 апреля 2018 года, Гизатуллин, находясь в нетрезвом состоянии, остановил автомобиль, которым управлял сотрудник МВД Павел П., одетый в гражданское. Адрес Гизатуллин назвал вымышленный, а прибыв на место, десять раз ударил водителя ножом, убив его. После этого преступник положил труп в багажник, сел за руль и несколько дней передвигался по округе, пока не попал в аварию. Затем он бросил машину и скрылся. Прибывшие инспекторы ДПС обнаружили в багажнике тело убитого человека, которым оказался полицейский. По приговору суда, он отправился в колонию отбывать 19-летний срок заключения, но в 2022 году его завербовали «вагнеровцы» после чего, убийца был направлен в зону спецоперации. Еще до его гибели, бойца наградили медалью «За отвагу», после чего его портрет разместили на «Аллее славы» [3]. И таких примеров множество.

Анализируя выше приведенные примеры «рецидивов» преступлений и характеристики личностей преступников, а также особенности их поведения, необходимо учитывать, что в случае возвращения из зоны СВО еще хотя бы нескольких десятков граждан, подобных в указанных примерах «специалистов», имеющих стойкую криминальную направленность, но освобожденных от уголовного преследования и мер административного надзора, то возможно прогнозировать ухудшение криминологической обстановки, увеличения динамики совершения преступлений, и как следствие рост социально-экономической напряженности в регионе. При проведении устной консультации в УИС № 11 УФСИН России по М.О. установлено, что из числа осужденных Серпуховским городским судом, к наказаниям не связанным с лишением свободы, в период с 01 января по 01 ноября текущего года, изъявили желание заключить контракт с Мин.Обороны РФ о службе в зоне СВО, лишь 17 человек, что в разы меньше, чем из мест лишения свободы, что свидетельствует о приоритете среди заключенных участвовать в СВО именно с целью досрочного освобождения и освобождения от мер изоляции их от общества, в виде содержания в специальных учреждениях, возвращению к привычному образу жизни.

В настоящее время, не только не имеется никакой нормативно-правовой базы в МВД РФ, по указанным направлению деятельности, но и отсутствуют совместные межведомственные приказы между ФСИН России и МВД России по данной проблематике (в отличие от имеющегося совместного приказа между ФСИН РФ и Мин.Обороны РФ, ограниченного допуска к ознакомлению), что не позволяет своевременно сотрудникам уголовного розыска реагировать на изменение численности лиц, ранее судимых и в том числе, рецидивистов, на территории оперативного обслуживания, своевременно проводить мероприятия, направленные на получение упреждающей информации о состоянии преступности, принять профилактические ме-

ры к ее выявлению и нейтрализации, улучшению криминогенной обстановки. Для обеспечения и сохранения указанной вышеуказанной эффективности в предупреждении преступлений, необходимо:

1. Принятие мер, на законодательном уровне РФ, о выработке нормативных актов, направленных на регулирование участия подразделений МВД РФ и в том числе, подразделений уголовного розыска, в критериях отбора лиц, из числа изъявивших желание участвовать в СВО и особенно, из числа заключенных к лишению свободы, за совершение тяжких и особо тяжких преступлений, рецидивистов;

2. Взаимодействие всего правоохранительного блока РФ (МВД, Прокуратуры, ФСБ и других ведомств) с Мин.обороны РФ, с Администрациями субъектов РФ, в выработке механизмов реализации набора на службу по контракту в местах проведения боевых действий и в частности СВО, лиц, осужденных к лишению свободы, лиц, относящихся к категории «рецидивист», осуществлению за ними контроля, проведения воспитательной и профилактической работы, как в период службы по контракту, так и после окончания контракта и возвращения в места проживания, после амнистирования.

3. Выработки конкретной методики проведения профилактической работы с заключенными, как перед решением о допуске их к участию в СВО, в период их участия в боевых действиях и/или службы в зоне СВО, но так и мер профилактического характера после их возвращения из зоны СВО, и отмены их уголовного наказания.

Общеизвестно, что одним из важных факторов улучшения криминологической обстановки на территории оперативного обслуживания, борьбы с преступностью является ее предупреждение. А эффективность деятельности подразделений уголовного розыска в предупреждении преступлений и в том числе рецидивной, существенно влияет на состояние правовой и нравственной атмосферы в обществе, на духовную жизнь людей и взаимоотношения между ними, формирование ценностных ориентаций и воспитание подрастающего поколения, политику и принятие государственных решений, экономическую, финансовую и социальную сферы, повышает авторитет государственной власти и ее законных представителей и в том числе сотрудников ОВД.

Таким образом, от своевременного и «оперативного» решения вопросов связанных с нормативно-правовым и методическим регулированием деятельности ОВД РФ при осуществлении работы с «новым» контингентом, из числа участников боевых действий в зоне СВО, ранее судимых и в том числе за совершение тяжких и особо тяжких преступлений, лиц, относящихся к категории «рецидивист» и ранее не судимых участников СВО, зависит эффективность работы подразделений уголовного розыска и всего МВД РФ в целом, по предупреждению преступлений, что закономерно будет способствовать улучшению социально-экономической

обстановки в стране, дальнейшему эффективному построению гражданского общества в России.

Литература

1. Герасимов С.И. Концептуальные основы и научно-практические проблемы предупреждения преступности: Автореф. дисс. докт. юрид. наук, М., 2001.3.
2. Интернет-СМИ «Газета.ру», <https://www.gazeta.ru/social/2023/11/21/17899939.shtml?ysclid=lp62i6nla673858861>
3. Сетевое издание «Vesiskitim», <https://vesiskitim.ru/2023/10/16/veterany-mvd-trebuiut-ubrat-s-memoriala-foto-vagnerovtса-ubivshego-politseiskogo-news-sr?ysclid=lpjs19bj88661670287>
4. Сетевое издание «Kurer-sreda», <https://kurer-sreda.ru/2023/11/23/na-sakhaline-pomilovan-po-svo-prigovorenniyi-za-neskolko-ubiistv-i-liudoedstvo-k-22-godam-denis-gorin-gk?ysclid=lp6j7rfpj128483324>
5. Сетевое издание «Прспект Мира», <https://prmira.ru/news/2023-08-11/pod-krasnoyarskom-ubiytса-semi-veteranov-vov-pouchastvoval-v-svo-i-vyshel-na-svobodu-300995318>
6. Материалы уголовного дела № 12301460037000685 СУ УМВД России «Серпуховское», 2023 г.
7. Федеральный закон РФ № 270 от 24 июня 2023 г. «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции»
8. Федеральный закон РФ № 3 от 07.02.2011 г. «О полиции»
9. Федеральный закон РФ № 144 от 12.08.1995 года «Об оперативно-розыскной деятельности».

SOME ASPECTS OF THE IMPLEMENTATION OF PREVENTIVE MEASURES ON PERSONS CLASSIFIED AS “REPEAT OFFENDERS” BY EMPLOYEES OF THE CRIMINAL INVESTIGATION DEPARTMENTS OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Bazhanov R.I.

V. Ya. Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

This article discusses some aspects of the preventive impact of employees of the criminal investigation units of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation on persons classified as “repeat offenders”, released from criminal punishment and exempt from administrative supervision measures by police officers, in connection with their conclusion of a contract with representatives of the Ministry of Defense of the Russian Federation on their participation in a special military operation on the territory of Donetsk The Republic, the Luhansk Republic, the Zaporizhia region and the Kherson region, as well as on the territory of the Republic of Ukraine.

To date, Federal legislation has not defined an algorithm for the interaction of departments of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation with the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation and the Ministry of Finance. The Ministry of Defense of the Russian Federation in activities aimed at carrying out preventive work with persons who have persistent antisocial, criminal attitudes, but in the course of participating in their activities, they also receive special knowledge and skills that can contribute to their even greater propensity to commit crimes, commit recidivism. There are no methodological recommendations in the departments of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation on work aimed at preventing crimes by these categories of citizens after their return from the area of their detention. In this regard, it is advisable to draw the attention of criminologists and the general public to this issue, discuss it and develop strategies to address the above issues at the legislative level of the Russian Federation.

Keywords: persons released from criminal punishment, persons released from administrative supervision measures, repeat offenders, imprisonment, crime prevention, preventive work, employees of criminal investigation departments.

References

1. Gerasimov S.I. Conceptual foundations and scientific and practical problems of crime prevention: Abstract. diss. doct. Jurid. Sciences, M., 2001.3.
2. Online media “Newspaper.ru”, <https://www.gazeta.ru/social/2023/11/21/17899939.shtml?ysclid=lp62i6nla673858861>
3. Online publication “Vesiskitim”, <https://vesiskitim.ru/2023/10/16/veterany-mvd-trebuiut-ubrat-s-memoriala-foto-vagnerovtса-ubivshego-politseiskogo-news-sr?ysclid=lpjs19bj88661670287>
4. Online publication “Kurer-sreda”, <https://kurer-sreda.ru/2023/11/23/na-sakhaline-pomilovan-po-svo-prigovorenniyi-za-neskolko-ubiistv-i-liudoedstvo-k-22-godam-denis-gorin-gk?ysclid=lp6j7rfpj128483324>
5. The online publication Prospekt Mira, <https://prmira.ru/news/2023-08-11/pod-krasnoyarskom-ubiytса-semi-veteranov-vov-pouchastvoval-v-svo-i-vyshel-na-svobodu-300995318>
6. Materials of the criminal case No. 12301460037000685 of the Ministry of Internal Affairs of Russia “Serpukhovskoye”, 2023
7. Federal Law of the Russian Federation No. 270 dated June 24, 2023. “On the specifics of criminal liability of persons involved in a special military operation”
8. Federal Law of the Russian Federation No. 3 dated 07.02.2011. “On the Police”
9. Federal Law of the Russian Federation No. 144 dated 08/12/1995 “On operational investigative activities”.

Криминалистическая характеристика незаконного оборота наркотических средств с использованием информационно-телекоммуникационных технологий

Бурняшева Валерия Владимировна,

аспирант кафедры «Правосудие и правоохранительная деятельность» Института права и управления Тульского государственного университета (ТулГУ)
E-mail: vella2001@mail.ru

Настоящая статья посвящена актуальной проблеме, связанной с криминалистической характеристикой незаконного оборота наркотических средств с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Автор рассматривает понятие, значение и содержание криминалистической характеристики преступлений. Конкретизирует понятие и содержание криминалистической характеристики незаконного оборота наркотических средств с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. В итоге делает вывод о том, что тенденции развития информационно-телекоммуникационных технологий указывают на необходимость создания уникальной методики расследования, данного вида преступлений.

Ключевые слова: криминалистика, незаконный оборот наркотических средств, информационно-телекоммуникационные технологии, преступления.

Проблема наркомании в настоящее время представляется одной из наиболее серьезных угроз современному обществу. Постоянно появляются новые виды наркотиков, и все больше людей вовлекается в деятельность, связанную с их продажей и потреблением. Незаконная торговля наркотиками представляет серьезную угрозу для нормальному функционированию экономической сферы, здоровью населения и национальной безопасности.

Среди различных способов незаконного оборота наркотиков, сбыт наркотических средств, представляет наибольшую опасность для социума, так как непосредственно способствует наркотизации общества, удовлетворяя потребительские интересы.

Преступники, занимающиеся незаконным сбытом наркотиков, постоянно совершенствуют свои криминальные технологии и используют последние достижения науки и техники, в частности, современные информационно-телекоммуникационные технологии. В связи с высокой эффективностью использования информационных технологий в противоправной деятельности преступность в информационно-коммуникационных сетях общепризнанно является наиболее значимой угрозой в настоящее время и в будущем.

Интернет является важным средством общения, развлечения и торговли для миллионов людей во всем мире. Помимо множества положительных функций, которые он выполняет, Интернет также используется для облегчения незаконной продажи запрещенных веществ, таких как наркотические средства, психотропные вещества и их аналоги. По этой причине информационная безопасность рассматривается политиками как важнейший элемент национальной безопасности. Сегодня существует большое разнообразие способов распространения наркотиков через Интернет. Рассмотрим подробнее наиболее распространенные из них.

Интернет-дистрибьюторы фармацевтической продукции создают виртуальные магазины с широким ассортиментом товаров. Такие магазины могут создаваться как отдельными лицами в рамках уже существующего сайта, так и путем создания сайта с собственной продукцией. В первом случае пользователь просто выбирает подходящий сайт, регистрируется и добавляет информацию о себе и своей продукции. Разновидностью виртуального магазина является криптомаркет, то есть это Интернет-магазин, где оплачивать товары можно в криптовалюте. Такие онлайн-площадки пред-

ставляют собой совершенно новый канал распространения наркотиков в условиях практически абсолютной секретности, поскольку находятся в основном в зашифрованных частях Интернета, имеют иностранные домены, а особенности криптовалют исключают возможность идентификации их владельцев.

Наркоторговцы могут также создавать частные сайты, доступ к которым возможен только по приглашению или рекомендации одного из пользователей. На таких сайтах обычно предлагается ограниченный ассортимент продукции, так называемые «дизайнерские» наркотики. Это психоактивные вещества, «созданные в результате экспериментальных исследований или химических взаимодействий, отличающиеся по химическому составу и действию от известных наркотиков».

Интернет-торговля наркотиками, как правило, исключает личное взаимодействие продавца и покупателя, поэтому способы получения запрещенного товара специфичны. К ним относятся пересылка наркотиков по почте или получение их с помощью «закладок». При использовании почтовой связи наркотики заворачиваются в целлофан или фольгу, а для маскировки запаха в посылку вкладываются сильно пахнущие предметы, например ароматические свечи, мыло или эфирные масла.

Сегодня большинство незаконных операций происходит в зашифрованной части Интернета, известной как «темная паутина». Наиболее распространенным способом доступа к ней является использование TOR (The Onion Router). TOR – это луковый маршрутизатор, который пропускает данные через ряд собственных серверов, скрывая таким образом все следы пользователя TOR был разработан совместно некоммерческим сектором и военными США. Он обеспечивает анонимное общение и просмотр запрещенных веб-страниц, позволяя пользователям взаимодействовать в сети, не раскрывая своей личности и физического местоположения. Сайты, размещенные в этой сети, имеют домен «.onion» и не принадлежат ни одному государству, поэтому не могут быть заблокированы правоохранительными органами.

Незаконный оборот наркотиков через Интернет осуществляется по хорошо разработанным планам преступной деятельности, которые могут быть реализованы только в составе группы. Такие преступные сообщества объединены в сети, имеют многоуровневую иерархию с четким распределением функций всех участников, а большая часть доходов от наркоторговли тратится на обеспечение безопасности.

В современных реалиях общие характеристики наркоторговцев претерпели значительные изменения. Сегодня для наркоторговцев характерны молодость, высокий уровень образования, обширные знания в области информации и коммуникации, отсутствие судимости и факта асоциального поведения.

В итоге следует заключить, что незаконный оборот наркотических средств, психотропных

веществ и их аналогов через Интернет приобрел черты не столько основного преступника, который обычно не привлекает внимания, сколько самостоятельного основного преступника, имеющего свои субъекты, механизмы и методы осуществления и сокрытия преступной деятельности. Дальнейшие тенденции развития информационно-телекоммуникационных технологий указывают на необходимость создания уникальной методики расследования, данного вида преступлений.

Литература

1. Абдусаламов Р.А., Арсланов Ш.Д. Специфика и способы совершения преступлений в сети Интернет // Юридический вестник ДГУ. 2014. № 1. С. 116–118.
2. Бурняшева Л.А. Традиционное и новационное в духовно-нравственной сфере социального бытия: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук / Северо-Кавказский государственный технический университет. Ставрополь, 2008. 24 с.
3. Васюков В.Ф., Чумакова О.В., Афанасьев И.В., Комиссарова Я.В. Противодействие преступлениям в сфере высоких технологий в конце XX -начале XXI века // Вопросы истории. 2021. № 7–2. С. 259–265.
4. Введенская О.Ю. Особенности предварительного и первоначального этапов расследования незаконного сбыта наркотических средств с использованием информационно-телекоммуникационных технологий: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Краснодар, 2022. 27 с.
5. Гаврилин Ю.В. О научных подходах к проблеме использования информационно-телекоммуникационных технологий в преступных целях: учеб. пособие. М.: Акад. управления МВД России, 2021. 71 с.
6. Колодин Е.В. Криминалистическое обеспечение выявления, раскрытия и расследования сбыта наркотических средств и психотропных веществ с использованием информационно-телекоммуникационных систем // Молодой ученый. 2023. № 41 (488). С. 179–181.
7. Стельмах В.Ю., Ефремова О.М., Васюков В.Ф. Производство следственных действий, направленных на получение и использование компьютерной информации: монография / под общ. ред. А.Г. Волеводза. М.: Проспект, 2021. 480 с.
8. Яцкина И.А. Специфика способа совершения преступлений, связанных с незаконным оборотом новых видов наркотических средств, в методике расследования таких преступлений // Пробелы в российском законодательстве. 2019. № 6. С. 231–233.

CRIMINALISTIC CHARACTERISTICS OF ILLICIT DRUG TRAFFICKING USING INFORMATION AND TELECOMMUNICATION TECHNOLOGIES

Burnyasheva V.V.

Tula State University (TulSU)

This article is devoted to an urgent problem related to the criminalistic characteristics of illicit drug trafficking using information and telecommunication technologies. The author examines the concept, meaning and content of the criminalistic characteristics of crimes. Specifies the concept and content of the criminalistic characteristics of illicit drug trafficking using information and telecommunication technologies. As a result, he concludes that the trends in the development of information and telecommunication technologies indicate the need to create a unique method of investigation of this type of crime.

Keywords: criminalistics, illegal drug trafficking, information and telecommunication technologies, crimes.

References

1. Abdusalamov R.A., Arslanov Sh.D. Specifics and methods of committing crimes on the Internet // Legal Bulletin of DSU. 2014. No. 1. pp. 116–118.
2. Burnyasheva L.A. Traditional and innovative in the spiritual and moral sphere of social existence: abstract of the dissertation for

the degree of Candidate of Philosophical Sciences / North Caucasian state Technical university. Stavropol, 2008. 24 p.

3. Vasyukov V.F., Chumakova O.V., Afanasyev I.V., Komissarova Ya.V. Countering crimes in the field of high technologies at the end of the XX -beginning of the XXI century // Questions of history. 2021. No. 7–2. pp. 259–265.
4. Vvedenskaya O. Yu. Features of the preliminary and initial stages of the investigation of the illegal sale of narcotic drugs using information and telecommunication technologies: abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Legal Sciences. Krasnodar, 2022. 27 p.
5. Gavrilin Yu.V. On scientific approaches to the problem of using information and telecommunication technologies for criminal purposes: studies. manual. M.: Akad. Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021. 71 p.
6. Kolodin E.V. Forensic support for the identification, disclosure and investigation of the sale of narcotic drugs and psychotropic substances using information and telecommunication systems // Young scientist. 2023. No. 41 (488). pp. 179–181.
7. Stelmakh V. Yu., Efremova O.M., Vasyukov V.F. Production of investigative actions aimed at obtaining and using computer information: monograph / under the general editorship of A.G. Volevodza. M.: Prospect, 2021. 480 p.
8. Yatskina I.A. Specifics of the method of committing crimes related to illegal trafficking of new types of narcotic drugs in the methodology of investigation of such crimes // Gaps in Russian legislation. 2019. No. 6. pp. 231–233.

Проблемы субъективного вменения при квалификации преступлений

Еременко Дмитрий Евгеньевич,

студент, кафедра гражданского права института философии и права, Новосибирский государственный университет
E-mail: yeryomenko.de@gmail.com

Лапина Елизавета Вадимовна,

студент, кафедра гражданского права института философии и права Новосибирский государственный университет
E-mail: e.lapina@g.nsu.ru

Статья посвящена анализу отдельных проблем, возникающих при трактовке принципа субъективного вменения в теории уголовного права и применении его на практике. В ходе исследования понятия субъективное вменение сделан вывод, что оно является отражением психологической теории вины, в связи с чем вступает в противоречие с объективным вменением – продуктом оценочной теории вины. С помощью анализа норм общей и особенной части УК РФ проанализированы частные случаи проявления проблемы подмены субъективного вменения объективным при квалификации преступлений: совершенных по неосторожности; совершенных в состоянии алкогольного или наркотического опьянения; в сфере экстремистской направленности. В работе сделан вывод, что указанные проблемы сводятся к вменению преступления по признакам объективной стороны без учета реального психического отношения лица, в том числе при использовании презумпций вины и игнорирования субъективного элемента малозначительности преступного деяния. В заключении статьи предлагаются возможные пути разрешения поставленных проблем.

Ключевые слова: вина, субъективное вменение, объективное вменение, квалификация преступлений, теории вины.

Исходя из положений статьи 5 УК РФ, лицо привлекается к уголовной ответственности на основании доказанной его вины – т.е. в российском уголовном праве применяется субъективное вменение [1].

Содержание субъективного вменения предполагает, что вменять те или иные обстоятельства содеянного виновному, предъявлять те или иные обстоятельства, определяющие требования по несению уголовной ответственности, можно лишь тогда, когда они нашли отражение в его психике и не только в выраженных законом формах вины [2, с. 61].

В целом, принцип субъективного вменения в основном трактуется как **отражение психологической теории вины в российском уголовном праве**. Именно вина является его основанием.

Хотя и в статье 5 УК РФ де-юре провозглашается наряду с принципом вины и принцип субъективного вменения, а также запрет в части 2 статьи 5 УК РФ объективного вменения, ситуация на практике далека от изложенного в данной статье уголовного закона.

Указанное противоречие выражается в том, что до сих пор в правоприменительной практике имеет серьезный вес оценочная теория вины и производное от неё объективное вменение.

Именно с этими обстоятельствами связана главная проблема субъективного вменения при квалификации преступлений – **подмена субъективного вменения объективным**: хотя объективное вменение прямо запрещено законом, в отдельных случаях оно в той или иной степени используется как основание уголовной ответственности. Фактически эти принципы одновременно сосуществуют в российском уголовном праве, вступая в очевидный конфликт.

В доктрине наиболее часто говорят о трёх сферах проявления проблемы сосуществования субъективного и объективного вменения:

- 1) преступления, совершенные по неосторожности;
- 2) преступления, совершенные в состоянии алкогольного опьянения; преступления,
- 3) совершенные против охраняемых уголовным законом общественной безопасности и общественного порядка.

Большой блок проблем субъективного вменения связан с **преступлениями, совершенными по неосторожности**. Именно трактовка легкомыслия и небрежности вызывает в доктрине серьезные споры. Если интеллектуальный и волевой момент легкомыслия сформулирован достаточно полно, то у **небрежности** отсутствие волевого момента порождает серьезные проблемы квалификации таких преступлений.

При совершении умышленного преступления ключевое значение имеют форма и содержание психического отношения лица к совершаемому деянию, т.е. вменение носит субъективно-объективный характер.

При совершении преступления по неосторожности по неосторожности на первый план выходят последствия – размер причиненного вреда охраняемым законом ценностям, а лишь затем психическое отношение лица к нарушению правовых предписаний [3, с. 9]. Данная инверсия является характерной чертой многих неосторожных преступлений.

Лицо, виновное в таких преступлениях, обязано соблюдать определенные правила и за их нарушение подлежит уголовной ответственности. У виновного в момент совершения деяния **обычно отсутствует психическое отношение к нарушаемой им обязанности**. Если само нарушение и может быть допущено сознательно, то его последствия явно выходят за рамки психического восприятия виновного [4, с. 136].

Таким образом, проблема субъективного вменения при квалификации преступлений, совершенных по небрежности, заключается, с одной стороны, в невозможности ее обоснования с психологической теории вины, при этом в данном случае в угоду целесообразности применяется формально запрещенное объективное вменение – вместо необходимого субъективного.

Подтверждение данным тезисам встречается в судебной практике. Так, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2018 N41 «О судебной практике по уголовным делам о нарушениях требований охраны труда, правил безопасности при ведении строительных или иных работ либо требований промышленной безопасности опасных производственных объектов», вопрос вины лица не раскрывается, а само слово «вина» фигурирует в тексте постановления лишь раз [5].

При этом особое внимание уделено ответственности за причиненные в силу неисполнения или ненадлежащего исполнения обязанностей общественно-опасные последствия, а также причинную связь между действием (бездействием) и последствиями. Отношение лица, совершившего преступления в рамках предусмотренным составам, охватывается достаточно проблемной формулировкой небрежности в уголовном законе, которая не раскрывает психического отношения лица к деянию с точки зрения психологической теории вины, которая лежит в основе принципа субъективного вменения.

Таким образом, ключевую роль для квалификации данных составов преступлений играет оценочная теория вины и объективное вменение. Путь преодоления этой проблемы – ограничить привлечение к уголовной ответственности за небрежность случаями, в которых психическое отношение к деянию в той или иной мере просматривается [6, с. 47–48].

Ещё один блок проблем субъективного вменения связан с проблемами квалификации преступлений лицом, совершившим преступление **в состоянии алкогольного или наркотического опьянения**. Согласно части 1 статьи 23 УК РФ, такое лицо подлежит уголовной ответственности.

Известно, что алкогольное или наркотическое опьянение искажает психическую деятельность человека. В ряде случаев употребление алкоголя или наркотических средств исключает возможность осознания лицом своих действий, а также влияет на его волю.

Фактически, момент осознания лицом общественной опасности деяния переносится не на момент его совершения, а на момент, предшествующий возникновению состояния алкогольного или наркотического опьянения. Лицо сознательно привело себя в такое состояние, поэтому должно нести ответственность за последствия своего поведения. Такая презумпция совершенно оправдана с точки зрения целесообразности и принципа справедливости, однако выпадает из формально гласящего принципа субъективного вменения.

Поскольку субъективное вменение предполагает ответственность за совершение деяния только под контролем сознания и воли, в данном случае срабатывает объективное вменение – психическое отношение лица будет определяться в значительной степени признаками объективной стороны преступления. Зачастую вина и её конкретная форма в таких преступлениях презюмируется.

Так, например, преступление, предусмотренное статьей 264.1. УК РФ, совершается умышленно, моментом окончания преступления является начало движения транспортного средства, управляемого лицом, находящимся в состоянии опьянения [7]. При этом само психическое отношение лица в соответствующем постановлении Пленума ВС РФ детально не конкретизируется. Ответственность наступает за сам факт причинения вреда, а умышленная форма вины здесь презюмируется. Лицо признается виновным в силу обязанности соблюдать ПДД, а незнание закона, как гласит известный принцип, не освобождает от ответственности.

Наиболее острая проблема уголовного права последних лет – **проблема квалификации преступлений экстремистской направленности**. Аспекты квалификации таких преступлений неоднократно менялись в различных редакциях соответствующего постановления Пленума ВС РФ [8]. Хотя постановление и уточняет особенности квалификации данных преступлений, при этом прямым текстом обнажает проявления объективного вменения.

Исходя из текста постановления, содеянное лицом может быть квалифицировано по статье 282 УК РФ только при наличии осознания лицом направленности деяния на нарушение основ конституционного строя, а также имело цель возбудить ненависть или вражду либо унижить достоинство человека или группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отноше-

ния к религии либо принадлежности к какой-либо социальной группе.

Но при решении вопроса о наличии прямого умысла и цели возбудить ненависть суд в первую очередь исходит из совокупности всех обстоятельств содеянного, что является **объективной стороной преступления**. Таким образом, виновное вменение в таком контексте будет **объективно-субъективным**, что, безусловно, нарушает принцип субъективного вменения.

Ещё один пример проявления объективного вменения при квалификации преступлений экстремистской направленности содержится в том же постановлении (абзац 2 пункта 8.1.), когда заходит речь о малозначительности деяния. В тексте постановления фигурируют лишь те обстоятельства, которые указывают на объективный критерий малозначительности деяния. Тогда как субъективный критерий малозначительности – направленность умысла лица на желание совершить именно это малозначительное деяние, Верховный Суд РФ не упоминает.

Наличие элементов объективного вменения в преступлении экстремистской направленности объясняется, в первую очередь, значимостью объекта посягательства. Однако объективное вменение прямо запрещено уголовным законом. Это ещё один пример противоречия между субъективным и объективным вменением в российском уголовном праве.

Таким образом, в практике современного российского уголовного права существуют проблемы субъективного вменения при квалификации преступления. Они обусловлены существованием элементов объективного вменения, которое неизбежно вступает в противоречие с субъективным вменением. Хотя объективное вменение прямо запрещено статьей 5 УК РФ, отрицать его реальное существование на практике сложно, зачастую оно подменяет субъективное.

Приведенные примеры из практики показывают, что Верховный Суд РФ, раскрывая особенности квалификации различных составов преступлений, допускает при этом некоторые элементы объективного вменения. В неосторожных преступлениях – **вменение по признакам объективной стороны без учета реального психического отношения лица к совершаемому преступлению**; в преступлениях, совершенных в состоянии алкогольного или наркотического опьянения – **презумирование вины лица без учёта реального психического отношения**; в преступлениях экстремистской направленности – **определение формы вины по объективной стороне, игнорирование субъективного критерия при признании деяния малозначительным**.

Для того, чтобы теория соотносилась с практикой, необходимо разрешить сложившиеся противоречия. Но даже, казалось бы, самый простой путь – признание элементов объективного вменения на законодательном уровне будет являться кардинальным изменением ввиду запрета объек-

тивного вменения в принципе. Тогда законодатель, признавая «ошибку», изменит одному из принципов текущего уголовного закона, значительно сузив его.

Как представляется авторам, наиболее оптимальный путь разрешения сложившихся противоречий – признание объективного вменения на законодательном уровне, но в рамках, строго установленных уголовным законом (международный опыт).

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 27.11.2023) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – ст. 2954.
2. Сундуrow Ф.Р. Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. Ф.Р. Сундуrowа, И.А. Тарханова. – М.: Статут, 2016. 512 с.
3. Векленко С.В. Виновное вменение в уголовном праве: автореферат дис. доктора юридических наук: 12.00.08 / Акад. упр. МВД РФ. – Москва, 2003. 40 с.
4. Бавсун М.В., Векленко С.В. Проблемы виновного вменения за преступления, совершаемые по неосторожности // Правоведение. – 2004. – № 5. С. 133–141.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2018 № 41 «О судебной практике по уголовным делам о нарушениях требований охраны труда, правил безопасности при ведении строительных или иных работ либо требований промышленной безопасности опасных производственных объектов» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2019. – № 1.
6. Лунеев В.В. Субъективное вменение. – М.: Спарк, 2000. С. 47–48.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2008 № 25 (ред. от 24.05.2016) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2009. – № 2.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2011. – № 8.

PROBLEMS OF SUBJECTIVE IMPUTATION IN THE QUALIFICATION OF CRIMES

Eremenko D.E., Lapina E.V.
Novosibirsk State University

The article is devoted to the analysis of individual problems arising in the interpretation of the principle of subjective imputation in the theory of criminal law and its application in practice. During the study of the concept of subjective imputation, it was concluded that it is a reflection of the psychological theory of guilt, and therefore comes into conflict with objective imputation, a product of the evaluative theory of guilt. By analyzing the norms of the general and special

parts of the Criminal Code of the Russian Federation, special cases of the problem of substituting subjective imputation for objective ones in the qualification of crimes committed by negligence are analyzed; committed under the influence of alcohol or drugs; in the field of extremist orientation. The paper concludes that these problems are reduced to imputing a crime on the grounds of the objective side without taking into account the real mental attitude of the person, including when using presumptions of guilt and ignoring the subjective element of insignificance of the criminal act. In conclusion, the article suggests possible ways to solve the problems posed.

Keywords: guilt, subjective imputation, objective imputation, qualification of crimes, theories of guilt.

References

1. Criminal Code of the Russian Federation dated June 13, 1996 No. 63-FZ (as amended on November 27, 2023) // Collection of legislation of the Russian Federation. – 1996. – No. 25. – Art. 2954.
2. Sundurov F.R. Criminal law of Russia. General part: textbook / ed. F.R. Sundurova, I.A. Tarkhanova. – M.: Statute, 2016. 512 p.
3. Veklenko S.V. Guilty imputation in criminal law: abstract of thesis. Doctor of Law: 12.00.08 / Academician. ex. Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. – Moscow, 2003. 40 p.
4. Bavsun M.V., Veklenko S.V. Problems of imputation for crimes committed through negligence // Jurisprudence. – 2004. – No. 5. pp. 133–141.
5. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated November 29, 2018 No. 41 “On judicial practice in criminal cases regarding violations of labor protection requirements, safety rules during construction or other work, or industrial safety requirements for hazardous production facilities” // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2019. – No. 1.
6. Luneev V.V. Subjective imputation. – M.: Spark, 2000. P. 47–48.
7. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 9, 2008 No. 25 (as amended on May 24, 2016) “On judicial practice in cases of crimes related to violation of traffic rules and operation of vehicles, as well as their unlawful taking without the purpose of theft » // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2009. – No. 2.
8. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 28, 2011 No. 11 (as amended on October 28, 2021) “On judicial practice in criminal cases of extremist crimes” // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2011. – No. 8.

Концептуальные основы частной теории судебной компьютерно-технической экспертизы (СКТЭ)

Лубяная Наталья Игоревна,

студент «Безопасность в цифровом мире» Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана
E-mail: 21317379@inbox.ru

Лебедева Мария Алексеевна,

студент «Безопасность в цифровом мире» Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана
E-mail: lebedevama@student.bmstu.ru

Осташев Алексей Анатольевич,

студент «Безопасность в цифровом мире» Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана
E-mail: ostashevaa@student.bmstu.ru

Писанова Виктория Алексеевна,

студент «Безопасность в цифровом мире» Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана
E-mail: pisanovava@student.bmstu.ru

В работе сформулированы и обоснованы концептуальные основы частной теории СКТЭ. Авторами предложено адаптированное под современный этап развития СКТЭ определение предмета и объекта исследования, обоснована необходимость выделения новой группы комплексных сетевых объектов СКТЭ, проанализированы родовые задачи анализируемого вида экспертных исследований. Исследованные в рамках предложенной проблематики положения концептуально оформляют основы частной теории СКТЭ закреплением принципиальных аспектов, связанных с общими и специальными методами СКТЭ, отражением специфики последних и включением новой группы видовых методов – исследования комплексных сетевых объектов. Проанализировано современное состояние методического обеспечения экспертных исследований в данной области и определены перспективы по внедрению новых методик, в частности, по исследованию комплексных сетевых объектов.

Ключевые слова: частная теория СКТЭ, судебная компьютерно-техническая экспертиза, предмет судебной компьютерно-технической экспертизы, объект судебной компьютерно-технической экспертизы, задачи судебной компьютерно-технической экспертизы, электронные носители информации.

Опыт исследования становления судебной компьютерно-технической экспертизы как самостоятельного рода экспертных исследований позволяет говорить о наличии специфичных характеристик, позволяющих с необходимостью относить её к таковым.

Вместе с тем, выделение отдельных классов и родов экспертиз не случайно и подчиняется положениям общей теории судебной экспертизы, в рамках которой существует ряд дифференцирующих и системообразующих оснований последних. В структуре общей теории выделяют пять блоков: методологические основы общей теории судебной экспертизы; предмет, объект, задачи и субъекты судебно-экспертной деятельности; методологические и методические основы судебно-экспертной деятельности; инфраструктура и процессуальная функция судебной экспертизы; частные теории судебной экспертизы.

Каждый из этих блоков в той или иной степени влияет на формирование частных родовых (видовых) теорий судебных экспертиз. Если последний определяет место таковых в системе теории судебной экспертизы, то первые три блока составляют общую (типичную) и специальную (конкретную) концептуальные основы. Унифицированные для всех экспертных исследований методы, понятийный аппарат, предметную и объектную область исследований, в первом случае, и конкретные предмет, объекты, задачи, методы и методики, в последнем. Блок инфраструктуры и процессуальной функции судебной экспертизы предполагает практическую реализацию имеющейся концепции и её способы, средства и условия в рамках конкретного вида судопроизводства, определение роли результатов экспертного исследования в виде заключения эксперта с позиции доказательственного значения.

В соответствии с избранным подходом к концептуальному анализу, представляется целесообразным определить предмет, объекты и задачи судебной компьютерно-технической экспертизы.

В отличие от общетеоретического предмета судебной экспертизы, представленного фактическими данными, установление которых находится в зависимости от применения специальных знаний и анализа материалов конкретного дела, предмет СКТЭ представлен:

- предметом научных основ: закономерности формирования, исследования компьютерных систем и информационных процессов;
- родовым предметом: фактами и обстоятельствами, устанавливаемыми на основе специ-

альных знаний о технологиях разработки и эксплуатации электронных носителей информации для реализации информационных процессов (процессов сбора, обработки, хранения, поиска и распространения информации).

Вместе с тем, сформулированное А.И. Усовым и Е.Р. Россинской определение родового предмета незначительно отличается от представленного авторами настоящего исследования ранее [11;13]. Представленная учеными дефиниция является несколько неточной, поскольку отсутствует указание на применение специальных знаний при производстве такого исследования, что является, по нашему мнению, существенным для предмета судебной экспертизы как вида исследования, обладающего определенной спецификой в части субъекта, процессуальных и организационных условий его производства.

Исходя из сформулированных положений о предмете СКТЭ, рациональным будет проведение детального анализа следующего концептуально значимого элемента частной теории – объекта экспертного исследования. В общей теории судебной экспертизы под таковым подразумевается материальный носитель информации о факте или событии, необходимой для решения экспертных задач в рамках проводимого экспертного исследования. Подобные положения, с родовой и видовой спецификой реплицируются и на определение объекта СКТЭ. Под родовым или видовым объектом следует понимать определенную группу материальных объектов, обладающих определенными общими для рода, в целом, или для вида, в частности, свойствами, характеристиками и признаками, позволяющими относить их к электронным носителям информации. В свою очередь, электронный носитель информации, обладающий рядом уникальных для него свойств, характеристик или признаков, исследуемый в рамках конкретной экспертизы, будет относиться к группе конкретных объектов.

Все объекты СКТЭ, являющиеся ЭНИ [2,3], обладают рядом общих признаков:

- представление информации на носителе в закодированной на машинном (компьютерном) языке форме, электронной форме;
- интерпретация закодированной (цифровой) информации опосредована через материальный электронный носитель, вне которого такая информация не существует физически;
- режим доступа к информации носителя может быть многопользовательским- осуществляться несколькими субъектами;
- информация оперативно может преобразовываться в неэлектронные формы и обратно (распечатываться/сканироваться);
- копирование информации возможно на различные ЭНИ, а распространение на любые расстояния, ограниченные только радиусом действия современных средств электронной связи;
- сбор и исследование ЭНИ в целях уголовного судопроизводства осуществляется только

с помощью специальных научно-технических средств сбора, обработки, хранения и исследования компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей [4].

К статическим признакам ЭНИ, характеризующим их как надежные источники доказательственной информации в рамках экспертного исследования, относятся:

- доступность при получении, в том числе и доступность получения электронной информации с территориально удаленных облачных хранилищ, серверов;
- цифровая информация должна быть интерпретируема средствами компьютерной техники, в том числе и в случаях применения преступным сегментом криптографических средств;
- информация должна быть понятна правоприменителю, в том числе посредством действий специалистов(экспертов), направленных на интерпретацию содержащейся информации посредством преобразования машинного языка на доступный для правоприменителя, а также разъяснение логических связей между действиями человека, работой компьютерных средств и слепообразованием (в рамках экспертных выводов);
- ЭНИ должны обеспечить долговременное хранение информации в аутентичной форме, то есть форме, пригодной для использования такой информации в качестве доказательств [5];
- обеспечение идентифицируемости цифровых документов, являющихся доказательственной информацией, в массиве подобных (пути, способы получения информации).

Операционные признаки характеризуют обеспечение целостности и неизменности цифровой информации при её экспертном исследовании. К ним относятся:

- возможность копирования информации для проведения исследования без модификации/уничтожения подлинника для последующих исследований [6];
- возможность сохранения аутентичности при копировании обеспечивает достоверность доказательственной информации;
- защита цифровой информации с носителя во время копирования, передачи, хранения [7, с. 180].

Все объекты, которым присущи вышеуказанные свойства и характеристики, рационально дифференцировать на более мелкие группы для более детальной проработки качественных и количественных показателей осуществляемых экспертиз [8]. Этот процесс должен учитывать: функциональные элементы носителей, объем предмета СКТЭ, область специальных знаний, необходимых для исследования, способы оптимизации нагрузки на судебно-экспертные учреждения (СЭУ), лаборатории и отдельных экспертов, повышение эффек-

тивности экспертных исследований в конкретной области.

В настоящее время существует несколько подходов к классификации объектов СКТЭ:

- 1) Е.Р. Россинская допускает существование двух групп объектов:
 - ЭНИ и их составляющие,
 - программное обеспечение;
- 2) Т.А. Аверьянова помимо указанных в вышеуказанном подходе выделяет:
 - сетевые объекты (ЭНИ, функционирующие в сети);
- 3) А.И. Усов представил наиболее полную, по мнению авторов настоящего исследования, классификацию, включающую:
 - аппаратные объекты (персональные компьютеры, периферийные устройства, серверы, мобильные устройства, микроконтроллеры и т.д.), включающие наиболее значимый с позиции криминалистически значимой и доказательственной информации устройства памяти ЭНИ;
 - программные объекты (системное (операционная система, среды разработки программ и т.д.) и прикладное (текстовые, графические редакторы и т.д.) программное обеспечение);
 - информационные объекты (текстовые, графические документы, базы данных и т.д.),
 - сетевые объекты (серверы, рабочие станции сети) [13].

Современный этап развития СКТЭ накладывает свои отпечатки и на систему её объектов [9]. Так, по мнению авторов настоящего исследования, следует обособить в отдельную группу комплексные сетевые объекты (майнинговые фермы с их сетевой инфраструктурой; распределенные реестры хранения, обработки и передачи данных, обслуживающие смарт-контракты и иные подобные системы), которые составляют собой сложный объект исследования, включающий и информационный (реплицированную базу данных (распределенный реестр)), аппаратный (комплекс, обеспечивающий вычислительную мощность), и программный (СУБД, ОС и т.д.) ресурс. Вместе с тем, в силу определенной специфики система узкопрофильных взаимозависимых специальных знаний, необходимых для исследования таких объектов, делают малоэффективным комиссионное экспертное исследование.

Основными (родовыми) задачами по исследованию объектов экспертизы являются:

- установление признаков исследуемого объекта для отнесения к ЭНИ;
- исследование механизма слепообразования для планирования дальнейших направлений исследования;
- квалифицированный доступ к криминалистически значимой информации, связанной с её материальным носителем – объектом, с последующим её экспертным исследованием и получением соответствующих поставленным в рамках него задачам результатов.

Видовые задачи СКТЭ детерминируются предметом и объектом соответствующих видов исследований, что делает целесообразным дифференциацию видовых задач в рамках последующего исследования вопроса классификации судебных компьютерно-технических экспертиз.

Методология, являясь основой любого научного исследования, в судебной экспертологии представлена учением о структуре и логической организации, методах и средствах таковой, включает систему методов и методик судебной экспертизы. Под методами в данном случае понимается система логических и (или) инструментальных операций (способов, приемов) получения данных для решения вопроса, поставленного перед экспертом. Операции, образующие метод, представляют собой практическое применение знаний закономерностей объективной действительности для получения новых знаний»; Методику экспертизы (экспертного исследования) составляет, в свою очередь, система методов (приемов, технических средств), применяемых при изучении объектов судебной экспертизы для установления фактов, относящихся к предмету определенного рода, вида и подвида судебной экспертизы [12].

К системе методов предъявляется ряд требований по обеспечению их:

- целесообразности (качественное соответствие методов достижению цели проводимого исследования),
- законности (следования нормативным предписаниям, регламентирующим производство экспертизы и сопутствующих её производству правоотношений),
- обоснованности (применения методов, соответствующих целям постижения сущностных характеристик исследуемого объекта, и необходимых для установления значимых для дела фактов),
- научности (обоснованность методов научными разработками, их научная апробированность),
- эффективности (соответствия затрачиваемых ресурсов достигаемым результатам проводимого исследования),
- этичности (гарантирования чести и достоинства личности),
- неразрушающего воздействия (стремления к сохранению аутентичного состояния исследуемого объекта).

Для целей настоящего исследования целесообразно дифференцирование родовых и видовых (подвидовых) методов в силу наличествующей специфики последних.

Родовые методы представлены системой из всеобщего диалектического метода (анализ, синтез, индукция, дедукция и т.д.), общих и специальных методов СКТЭ, а также обобщенными методиками СЭУ. Общие методы представлены традиционными для всех экспертных исследований и для СКТЭ, в частности, наблюдением, описанием, измерением, сравнением, экспериментом, моделированием и позволяют в общем виде устано-

вить и зафиксировать признаки исследуемого объекта (линейные размеры, внешние характеристики, свойства и т.д.). Специальные методы отражают особенности и позволяют детально исследовать частные признаки объектов. К родовым методам такой группы следует относить:

- методы недеструктивного воздействия, тип которых определяется в зависимости от вида исследования (аппаратной, информационной, программной составляющих);
- без разрушающего воздействия на объект и его внутреннюю структуру,
- без разрушающего воздействия на объект с изменением внутренней инфраструктуры и отдельных свойств,
- с полным или частичным разрушением ЭНИ (его копии) и его внутренней инфраструктуры (программной, информационной);
- специализированное моделирование:
- аппаратное (физическая модель исследуемого объекта),
- алгоритмическое (модель информационной или программной инфраструктуры ЭНИ),
- когнитивно-мысленное (образ (модель) объекта в мышлении познающего).

Видовые методы СКТЭ дифференцируются по объектной классификации, и представлены:

- аппаратными: методы синтеза цифровых узлов, архитектурные методы микропроцессоров, оптические методы, методы обработки аудио- и видеосигналов и др.;
- программными: методы изучения исходных кодов и алгоритмов программ, исполняемых кодов и др.;
- информационными: методы доступа к данным, манипуляции ими, их восстановления и др.;
- сетевыми (при исследовании сети объектов): методы коммутации и маршрутизации, методы доступа и др.;
- комплексными сетевыми методами.

Последняя группа методов предполагает не только комбинирование необходимых родительских групп методов, рассмотренных ранее, но и использование специфических:

- сетевой аналитики и прогнозирования (для анализа динамики процессов (транзакций) и решения вопроса анонимности пользователей);
- аналитики энергопотребления (для оценки потребляемых такой системой ресурсов и установления принадлежности исследуемого объекта к выделенной группе объектов и т.д.),
- аналитики архитектуры, управления доступом в системе (для установления факта специфической архитектуры базы данных (распределенного реестра) и определения особенностей распределения доступа пользователей),
- аналитики пользовательского взаимодействия (установление правил принятия решений в системе и взаимодействия пользователей).

На основе системы проанализированных и предложенных методов в соответствии с общей теорией судебной экспертизы строятся методики,

разрабатываемые судебно-экспертными учреждениями для исследования объектов СКТЭ. В настоящее время на базе соответствующих лабораторий Российского федерального центра судебной экспертизы при Минюсте России, экспертно-криминалистических подразделений Министерства внутренних дел России, Судебно-экспертного центра Следственного комитета России и других экспертных учреждений разработано около 300 родовых и видовых методик исследования объектов СКТЭ. В частности, первые описывают концептуальные основы исследования компьютерной информации, а последние отражают специфику исследования таковой на мобильных устройствах, устройствах для незаконной организации и проведения азартных игр, исследования реквизитов, изготовленных с помощью средств компьютерного монтажа и др.

Следует отметить, что в силу динамичности развития объектов СКТЭ, имеющийся комплекс методик не является исчерпывающим и должен обогащаться новыми методиками исследований [10]. В частности, одним из элементов последних может быть представлена методика исследования комплексных сетевых объектов, в основу которой должны быть положены предложенные методы исследований.

Определение в рамках настоящего исследования предмета, объектов и задач, специфических для конкретной области экспертного исследования с отражением некоторых их особенностей, на современном этапе позволяет говорить о прочных позициях частной теории судебной компьютерно-технической экспертизы в системе экспертных исследований, а также стремительном динамическом векторе её развития. Авторами предложено адаптированное под современный этап развития СКТЭ определение предмета и объекта исследования, обоснована необходимость выделения новой группы комплексных сетевых объектов СКТЭ, проанализированы родовые задачи анализируемого вида экспертных исследований.

Исследованные в рамках предложенной проблематики положения концептуально оформляют основы частной теории СКТЭ закреплением принципиальных аспектов, связанных с общими и специальными методами СКТЭ, отражением специфики последних и включением новой группы видовых методов – исследования комплексных сетевых объектов. Кроме того, было проанализировано современное состояние методического обеспечения экспертных исследований в данной области и определены перспективы по внедрению новых методик, в частности, по исследованию комплексных сетевых объектов.

Литература

1. Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 31.05.2001 N73-ФЗ (ред.

от 01.07.2021)// «Собрание законодательства РФ» от 04.07.2001 г., N23, ст. 2291.

2. Федеральный закон от 27.07.2006 N149-ФЗ (последняя редакция) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // «Собрание законодательства РФ», 31. 07. 2006, N31 (часть I), ст. 3448
3. ГОСТ 2.051–2013 Единая система конструкторской документации. Электронные документы. Общие положения. М., 2013. IV, 15 с. (Стандартинформ).
4. Вехов В.Б. Цифровая криминалистика: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2021. 417 с.
5. Вехов В.Б. Электронные доказательства: проблемы теории и практики // Правопорядок: история, теория, практика. 2016. № 4(11). С. 46–50.
6. Гаврилин Ю.В., Победкин А.В. Собрание доказательств в виде сведений на электронных носителях в уголовном судопроизводстве России: необходимо совершенствование процессуальной формы // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 3 (47). С. 106–114.
7. Зуев С.В. Электронные доказательства в уголовном судопроизводстве: учебное пособие для вузов. М.: Юрайт, 2021. 193 с.
8. Зуев С.В., Черкасов В.С. Новые правила изъятия электронных носителей и копирования информации (статья 164.1 УПК РФ): преимущества и недостатки новеллы // Сибирское юридическое обозрение. 2019. Том 16, № 2. С. 193–197.
9. Зубаха В.С., Усов А.И. Видовая классификация компьютерно-технической экспертизы // Экспертная практика. М.: ЭКЦ МВД РФ, 2000. № 48.
10. Ким А.В. Отдельные вопросы проведения осмотра и экспертизы электронных носителей информации// Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2019. Т. 5 (71). № 1. С. 151–156.
11. Россинская, Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе: монография / Е.Р. Россинская. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2022. – 576 с.
12. Словарь основных терминов судебных экспертиз. М., 1980. С. 43
13. Усов А.И. Концептуальные основы судебной компьютерно-технической экспертизы: диссертация ... доктора юридических наук: 12.00.09. – Москва, 2002. – 402 с.

CONCEPTUAL FOUNDATIONS OF THE PARTIAL THEORY OF FORENSIC COMPUTER TECHNICAL EXAMINATION (FCTE)

Lubyanaya N.I., Lebedeva M.A., Ostashev A.A., Pisanova V.A.
Moscow State Technical University. N.E. Bauman

The work formulates and substantiates the conceptual foundations of the particular theory of SCTE. The authors proposed a definition of the subject and object of research adapted to the modern stage of development of SKTE, substantiated the need to identify a new group of complex network objects of SKTE, and analyzed the generic tasks of the analyzed type of expert research. The provisions studied within the framework of the proposed problems conceptually formalize the foundations of the particular theory of SCTE by consolidating the fundamental aspects associated with general and special methods of SCTE, reflecting the specifics of the latter and including a new group of specific methods – the study of complex network objects. The current state of methodological support for expert research in this area is analyzed and prospects for the introduction of new techniques, in particular, for the study of complex network objects, are identified.

Keywords: private theory of forensic computer-technical examination, forensic computer-technical examination, subject of forensic computer-technical examination, object of forensic computer-technical examination, tasks of forensic computer-technical examination, electronic media.

References

1. Federal Law “On State Forensic Expert Activities in the Russian Federation” dated May 31, 2001 N73-FZ (as amended on July 1, 2021) // “Collection of Legislation of the Russian Federation” dated July 4, 2001, N23, Art. 2291.
2. Federal Law of July 27, 2006 N149-FZ (latest edition) “On information, information technologies and information protection” // “Collection of Legislation of the Russian Federation”, 07/31/2006, N31 (Part I), Art. 3448
3. GOST 2.051–2013 Unified system of design documentation. Electronic documents. General provisions. М., 2013. IV, 15 p. (Standardinform).
4. Vekhov V.B. Digital forensics: a textbook for universities. М.: Yurayt, 2021. 417 p.
5. Vekhov V.B. Electronic evidence: problems of theory and practice // Legal order: history, theory, practice. 2016. No. 4(11). pp. 46–50.
6. Gavrilin Yu.V., Pobedkin A.V. Collecting evidence in the form of information on electronic media in criminal proceedings in Russia: it is necessary to improve the procedural form // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 3 (47). pp. 106–114.
7. Zuev S.V. Electronic evidence in criminal proceedings: a textbook for universities. М.: Yurayt, 2021. 193 p.
8. Zuev S.V., Cherkasov V.S. New rules for the seizure of electronic media and copying of information (Article 164.1 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation): advantages and disadvantages of the novel // Siberian Legal Review. 2019. Volume 16, No. 2. P. 193–197.
9. Zubakha V.S., Usov A.I. Type classification of computer technical expertise // Expert practice. М.: ECC of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2000. No. 48.
10. Kim A.V. Selected issues of inspection and examination of electronic storage media // Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Legal sciences. 2019. Т. 5 (71). No. 1. pp. 151–156.
11. Rossinskaya, E.R. Forensic examination in civil, arbitration, administrative and criminal proceedings: monograph / E.R. Rossinskaya. – 4th ed., revised. and additional – Moscow: Norma: INFRA-M, 2022. – 576 p.
12. Dictionary of basic forensic terms. М., 1980. P. 43
13. Usov A.I. Conceptual foundations of forensic computer-technical examination: dissertation ... Doctor of Law: 12.00.09. – Moscow, 2002. – 402 p.

Практические аспекты производства судебной компьютерно-технической экспертизы в уголовном процессе

Ильшевич Татьяна Анатольевна,

преподаватель кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
E-mail: ilyashevichtatyana@gmail.com

Лубяная Наталья Игоревна,

студент Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана
E-mail: 21317379@inbox.ru

В статье исследован процессуальный алгоритм производства компьютерно-технической экспертизы в уголовном процессе, выявлены проблемы его практической реализации, предложены их решения. Представлены пути решения процессуальных и организационных проблем, направленных на повышение качества процедурной организации, эффективности проводимых экспертных исследований посредством направленного воздействия на факторы: рутинных операций, кадровой мотивированности, четкого процессуального регламентирования и единообразия правоприменения, привлечения внимания к вопросам материально-технического обеспечения; а также автоматизацию программируемых задач. Было отмечено, что при оценке заключения эксперта по результатам СКТЭ следует учитывать: наличие у лица специальных знаний, санкционированность разрушающих методов при их применении, надлежащий порядок получения объектов исследования в соответствии с положениями ст. 164.1 УПК РФ; научную обоснованность и законность используемых методов и методик, в том числе и видовых (аппаратных, информационных, программных, сетевых, комплексных сетевых). Особое внимание уделено проверке и оценке заключения эксперта, имеющего большое значение для установления отдельных значимых фактов по уголовному делу, в частности, и доказывания по уголовному делу, в целом.

Ключевые слова: судебная компьютерно-техническая экспертиза, уголовный процесс, оценка заключения эксперта, экспертиза, процессуальный алгоритм.

Процессуальный алгоритм (гл. 27 УПК РФ), связанный с экспертным исследованием, в целом, и СКТЭ, в частности, в уголовном процессе условно представлен четырьмя этапами: назначением, производством, составлением заключения эксперта, оценкой заключения эксперта [2].

Назначение СКТЭ регулируется общими положениями ст. 195 и 283 УПК РФ и предполагает вынесение постановления следователем или определения суда соответственно с обоснованием такового, указанием судебно-экспертного учреждения или конкретного эксперта, вопросами к лицу, обладающему специальными знаниями и материалами для производства экспертизы. Участников знакомят с постановлением (определением) о назначении экспертизы. В случаях, предусмотренных ч. 4 ст. 195 УПК РФ экспертиза в отношении свидетеля и потерпевшего производится с их согласия или согласия законных представителей. Поскольку СКТЭ не относится к обязательно назначаемым видам экспертиз, регламентируемым ст. 196 УПК РФ, то её производство может быть инициировано следователем, судом или ходатайством сторон уголовного судопроизводства.

Проблемные аспекты инициирования СКТЭ находят отражение в судебной практике. Липецким областным судом в апелляционной инстанции было признано законным решение Советского районного суда г. Липецка об отказе в удовлетворении жалобы гражданина на постановление следователя об отказе в удовлетворении ходатайства, в обоснование чего были приведены доводы о противоречии нормам УПК РФ возложения «на суд обязанности по осуществлению руководства органом следствия по вопросам порядка (процедуры) расследования уголовного дела, направлению его хода, возложению запрета на осуществление избранной следствием тактики расследования». Вместе с тем, подобный аргумент представляется необоснованным в силу наличествующего у лица права обжаловать «иные действия (бездействия) и решения» следователя в соответствии со ст. 125 УПК РФ и нарушении судом игнорированием данного положения права лица на доступ к правосудию и принятию в отношении него законных, справедливых и обоснованных решений [4].

Вместе с тем, процессуальные и организационные вопросы постановки вопросов перед экспертом и предоставления необходимых материалов для исследования (объектов и иных материалов дела, относящихся к предмету экспертизы и отвечающих требованиям качества и законности, корректности их получения) с практической точки зре-

ния решаются не всегда качественно, что требует детального рассмотрения таковых в соответствующей части исследования далее.

Производство СКТЭ в уголовном процессе осуществляется государственными судебными экспертами и иными экспертами из числа лиц, обладающих специальными знаниями. Следователь направляет руководителю соответствующего экспертного учреждения постановление о назначении судебной экспертизы и материалы, необходимые для ее производства.

Руководитель экспертного учреждения после получения постановления поручает производство судебной экспертизы конкретному эксперту или нескольким экспертам из числа работников данного учреждения и уведомляет об этом следователя (ст. 14 ФЗ и ст. 199 УПК) [3]. При этом последний, за исключением руководителя государственного судебно-экспертного учреждения, разъясняет эксперту его права и ответственность, предусмотренные ст. 57 УПК. Такого разъяснения не проводят в государственном судебно-экспертном учреждении в связи с тем, что в государственных судебно-экспертных учреждениях у экспертов при приеме на работу отбирается постоянно действующая подписка с разъяснением прав и ответственности за дачу заведомо ложного заключения по ст. 307 УК РФ [1].

Руководитель экспертного учреждения согласует сроки производства СКТЭ (в случае необходимости срок может быть продлен по согласованию с органом, назначившим экспертизу), осуществляет предварительную проверку материалов, контроль за качеством экспертизы, оказывает экспертам научно-методическую помощь и обеспечивает условия, необходимые для проведения исследований (стендовое оборудование, программное обеспечение и т.д.) [7]. Он вправе возратить без исполнения постановление о назначении судебной экспертизы и материалы, представленные для ее производства, если в данном учреждении нет эксперта конкретной специальности, либо специальных условий для проведения исследований, указав мотивы, по которым производится возврат [8].

Особое место при производстве СКТЭ занимают комиссионные (ст. 200 УПК РФ) и комплексные (ст. 201 УПК РФ) экспертные исследования, производимые несколькими экспертами одной или нескольких специальностей соответственно.

Процесс получения экспертом образцов для сравнительного исследования урегулирован законом и заключается в вынесении следователем соответствующего постановления и передаче последних.

Организационно процесс производства СКТЭ традиционно состоит из следующих стадий:

- подготовительной (ознакомление с материалами дела, постановлением о назначении экспертизы, уяснение цели, задач и вопросов, планирование исследования);
- аналитической (детальное дифференцированное изучение объектов экспертизы (аппарат-

ных, информационных и др.), их общих и частных признаков, свойств, необходимых для решения диагностических и идентификационных задач);

- экспертного эксперимента,
- сравнительного исследования (установление соответствия общих и частных признаков сравниваемых объектов между собой и с образцами, эталонами)
- оценочной (формирование экспертных выводов на основе проведенного исследования объекта СКТЭ).

Производство судебной экспертизы завершается составлением экспертного заключения, соответствующего требованиям ст. 204 УПК РФ, и подлежит дальнейшей оценке компетентными субъектами, порядок и особенности которой регламентированы положениями ст. 17, 75, 87, 88 УПК РФ и будут проанализированы в соответствующей части исследования более детально.

В ходе производства СКТЭ в рамках уголовного процесса могут возникнуть проблемы процессуального и организационного характера [10].

Первую группу составляют проблемы на этапе назначения СКТЭ, производства и дачи заключения эксперта, оценки заключения эксперта в качестве доказательства по уголовному делу.

Назначение СКТЭ может сопровождаться сложностями в корректности постановки вопросов (п. 3 ч. 1 ст. 195 УПК РФ) и обеспечения качества предоставляемых эксперту материалов (п. 4 ч. 1 ст. 195 УПК РФ), являющихся обязательными составными элементами постановления (ч. 1 ст. 195 УПК РФ) или определения (ст. 283 УПК РФ) о назначении судебной экспертизы. И в первом, и во втором случае принципиально, с процессуальной точки зрения, соответствие рода (вида) экспертизы и оснований её назначения тем вопросам, объектам и материалам уголовного дела, которые предоставляются на исследование. Основным решением этой проблемы представляется обращение к консультационной помощи специалиста для разъяснения компетентному для назначения экспертизы субъекту особенностей объекта, вопрос об исследовании которого стоит перед органом предварительного расследования или судом, и необходимых материалов для его исследования, а также оказать помощь в формулировании вопросов к компетентному лицу (эксперту).

Производство экспертизы и дача экспертом заключения по результатам проведенного исследования может сопровождаться проблемами, связанными с реализацией права эксперта на запрос дополнительных материалов для экспертизы (п. 2 ч. 3 ст. 57 УПК РФ); нарушением требований к обладанию лицом специальными знаниями (ч. 1 ст. 57 УПК РФ) в области исследования ЭНИ и компьютерной информации, а также положений ст. 61 и 70 УПК РФ в части необходимости отводов эксперта, приводящие к невозможности формулирования законного и обоснованного заключения эксперта. Кроме того, существенным будет соответствие

применяемых методов и методик закону, а также содержания формулируемого заключения требованиям ст. 204 УПК РФ. Решение такого рода проблемных аспектов представляется возможным посредством автоматизации процесса установления формального соответствия закону названных факторов и более тщательного контроля руководящих органов. Первая возможна посредством внедрения в практическую деятельность органов предварительного расследования и судебно-экспертных учреждений электронной системы «Электронное уголовное дело» с соответствующими модулями, а последний должен быть реализован силами руководителей соответствующих органов и учреждений.

Вопросам оценки заключения эксперта будет уделено отдельное внимание в рамках настоящего исследования, однако целесообразным является определить вектор последнего. Так, проблемными при оценке заключения эксперта являются наследуемые факторы, то есть те, которые возникли на этапах назначения и производства экспертизы, и производные (результативные), возникшие при исследовании в процессе использования методов и методик, не соответствующих закону. Проблемные аспекты данной категории следует решать через унифицирование и динамическое развитие методов и методик, тщательный контроль их соответствия требованиям закона.

Организационные проблемы могут иметь методологический характер, организационно-технический характер (объектные и исследовательские проблемы).

Проблемы методологического характера могут быть связаны с разработанностью методов и основанных на них методик для экспертных исследований определенного вида, а также совершенствованием таковых под современную информационно-технологическую специфику объектов. Их решение зависит от наличия рабочих групп по разработке и внедрению, унификации методологий и успешности, эффективности их работы. Существенным фактором является в данном случае и межведомственное взаимодействие, направленное на обогащение совместного опыта экспертных исследований и их обеспечения.

Организационно-технические проблемы, дифференцируемые автором на объектные и исследовательские связаны:

во-первых, с качественными показателями предоставляемых на исследование объектов: 1) их аутентичностью (неизменяемостью с момента образования следа), 2) процессуальной корректностью (соблюдением правил собирания ЭНИ и информации, предоставления их на исследование));

во-вторых, с наличием и качеством материально-технической базы исследования (программно-аппаратных комплексов, программного обеспечения).

Так, в силу неправильного изъятия ЭНИ или копирования с них информации могут быть утрачены некоторые свойства исследуемого объекта или потенциальная доказательственная информа-

ция. Подобная проблема решается обеспечением строго следования процессуальным предписаниям и необходимым кадровым обеспечением (специалистами) соответствующих органов.

Материально-техническая база – это ключевая проблема в проведении качественного и полноценного исследования. Так, в ряде экспертных подразделений наличествуют факты отсутствия программных и технических средств, обеспечивающих производство исследований, в частности, средств для: подбора паролей, извлечения информации, сетевой аналитики и др. Подобная проблема требует основательного подхода со стороны государственного бюджетного и научно-технического планирования, определения соответствующих направлений политики. Где первое призвано обеспечить ресурсы для создания необходимых средств, а второе реализовать научно-технологический потенциал в этой сфере.

Дача экспертом заключения по результатам проведенного исследования процессуально предполагает переход к стадии его проверки, а затем оценки полученного доказательства в порядке, предусмотренном ст. 87, 88 УПК РФ.

В ходе проверки доказательств уполномоченные субъекты (дознатель, следователь, прокурор или суд) осуществляют действия, направленные на сопоставление собранных доказательств, в частности, заключения эксперта, с другими доказательствами по делу, установление источника(-ов) или получение иных доказательств, призванных подтвердить или опровергнуть его содержание.

Оценка доказательств осуществляется в порядке, предусмотренном ст. 88 УПК РФ и включает анализ доказательства, в частности, заключения эксперта, с позиции его относимости, достоверности и допустимости, а совокупность доказательств по делу с позиции достаточности для разрешения уголовного дела [9, с. 87–120].

Положениями ст. 17 УПК РФ предусмотрен принцип свободы оценки доказательств, подразумевающий их оценку уполномоченными субъектами (судьей, присяжными заседателями, а также прокурором, следователем, дознавателем) по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь законом и совестью [3]. Сущность анализируемого принципа сходна с дефиницией другого принципа уголовного судопроизводства- принципом независимости суда. Специфика «свободы оценки доказательств», представлена расширением сферы применения данного принципа на предварительное расследование посредством дополнения перечня уполномоченных на её производство субъектов. Расширительное толкование сущности анализируемой нормы позволяет уяснить сущность категории внутреннее убеждение. Так, данное понятие подразумевает под собой полную уверенность субъекта оценки доказательств в достоверности полученных им выводов в результате такой оценки.

Таким образом, фундаментальная основа оценки доказательств базируется на принципе свободы доказательств, основанном, в свою очередь, на категории «внутреннее убеждение». Следует отметить, что реализация такой оценки не всегда позволяет прийти к достоверным, мотивированным выводам и оставляет вероятность принятия процессуальных решений под влиянием заблуждения, в частности, когда речь идёт об оценке доказательственного значения заключения эксперта.

Целесообразным является уяснение смысла упомянутых ранее свойств доказательств: относимости, достоверности и допустимости. В доктрине уголовного процесса Головки Л.В. определяет их следующим образом [6, с.465]. Относимость рассматривается в качестве свойства, характеризующего отношение доказательства к предмету доказывания. Свойство достоверности предполагает отражение доказательством фактов, соответствующих реальной действительности. Допустимость доказательства характеризует соответствие порядка его получения требованиям уголовно-процессуального закона к процессуальной форме его получения, то есть из надлежащего источника, надлежащим субъектом и в надлежащей процедурной форме для конкретного процессуального действия и с соблюдением всех законных гарантий в отношении участников такого действия. Уголовно-процессуальный закон предусматривает возможность признания доказательств недопустимыми. Она регламентирована положениями ст. 75 УПК РФ и ч. 2–4 ст. 88 УПК РФ. Так, заключение эксперта может быть признано недопустимым, если:

- оно получено с нарушением требований к процессуальной форме (ненадлежащим субъектом, из ненадлежащего источника или с нарушением процедурной формы осуществления процессуального действия, в нарушение иных законных гарантий и требований уголовно-процессуального законодательства) (ч. 1 ст. 75 УПК РФ). В частности, при: нарушении требований к составлению заключения эксперта (ст. 204 УПК РФ), отсутствии у лица специальных познаний в необходимой области, заинтересованности эксперта, наличии оснований для отвода по ст. 61 и 70 УПК РФ, отсутствии зафиксированного факта предупреждения лица об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения по ст. 307 УПК РФ, соответствие методов и методик требованиям научной обоснованности, апробированности в соответствии с ФЗ от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» и иными нормативными документами;
- подано ходатайство об этом подозреваемым, обвиняемым; по собственной инициативе прокурора, следователя или дознавателя (ч. 3 ст. 88 УПК РФ);
- по ходатайству сторон или по собственной инициативе судом в порядке предварительно-

го слушания или предъявления ходатайства об исключении доказательств (ч. 4 ст. 88 УПК РФ).

В частности, заключение эксперта по результатам производства СКТЭ может быть признано недопустимым, если:

- если лицо, производящее экспертизу не обладает специальными знаниями в области производства компьютерно-технических исследований (аппаратных, информационных, программных и др.);
- были применены разрушающие методы без санкции уполномоченного лица,
- объекты исследования были поучены с нарушением действующего процессуального законодательства: нарушены правила изъятия ЭНИ и (или) копирования с них информации, предполагающие участие специалиста и фиксацию используемых технических средств (ст. 164.1 УПК РФ)),
- исследование проводилось с применением методов и методик, не соответствующих требованиям закона и ставящих под угрозу достоверность и обоснованность экспертных выводов об исследовании ЭНИ и содержащейся на нем информации.

Положения уголовно процессуального законодательства о признании допустимыми доказательств, в частности, заключения эксперта находят своё отражение в правоприменительной практике.

Клинским городским судом Московской области было признано допустимым доказательство в виде заключения эксперта по результатам судебной компьютерно-технической экспертизы компакт-дисков DVD-R ввиду того, что последнее было получено: от надлежащего субъекта (эксперта), обладающего необходимыми специальными знаниями и стажем работы; надлежащим образом (в ходе производства судебной экспертизы, соответствующей процедурной форме, предусмотренной законом); с предупреждением эксперта об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения [5].

Таким образом, существенными для дальнейшего реформирования процедурных аспектов производства компьютерно-технической экспертизы в уголовном процессе представляются следующие положения, сформулированные в ходе настоящего исследования.

Представленные пути решения процессуальных и организационных проблем направлены на повышение качества процедурной организации, автоматизацию программируемых задач, эффективности проводимых экспертных исследований посредством направленного воздействия на факторы: рутинных операций, кадровой мотивированности, четкого процессуального регламентирования и единообразия правоприменения, привлечения внимания к вопросам материально-технического обеспечения.

При оценке заключения эксперта по результатам СКТЭ следует учитывать: наличие у лица

специальных знаний, санкционированность разрешающих методов при их применении, надлежащий порядок получения объектов исследования в соответствии с положениями ст. 164.1 УПК РФ; научную обоснованность и законность используемых методов и методик, в том числе и видовых (аппаратных, информационных, программных, сетевых, комплексных сетевых).

Проверка и оценка заключения эксперта имеет большое значение для установления отдельных значимых фактов по уголовному делу, в частности, и доказывания по уголовному делу, в целом, поскольку именно от этих стадий зависит процессуальный статус доказательств и объем, полнота доказательственной базы по делу.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N63-ФЗ (ред. от 24.09.2022) // «Собрание законодательства РФ», 17.06.1996, N25, ст. 2954
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 N174-ФЗ (ред. от 07.10.2022) // «Российская газета», N249, 22.12.2001.
3. Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 31.05.2001 N73-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // «Собрание законодательства РФ» от 04.07.2001 г., N23, ст. 2291.
4. Апелляционное постановление № 22К-440/2020 от 7 апреля 2020 г. по делу № 3/12–7/2020. URL: <https://goo.su/1SulKGF> (дата обращения: 20.11.2023 г.).
5. Приговор № 1–82/2020 от 9 июля 2020 г. по делу № 1–82/2020. URL: <https://goo.su/bCUkvq6> (дата обращения: 20.11.2023 г.).
6. Головки Л.В. Курс уголовного процесса: учебник. М.: Статут, 2021. 1328 с.
7. Григорьев В.Н., Максимов О.А. Понятие электронных носителей информации в уголовном судопроизводстве. // Вестник уфимского государственного юридического университета МВД РФ. 2019. № 2. С. 33–44.
8. Дёмин К.Е. О современном состоянии и перспективах развития судебной компьютерно-технической экспертизы. // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 3. С. 195–200.
9. Зуев С.В. Электронные доказательства в уголовном судопроизводстве: учебное пособие для вузов. М.: Юрайт, 2021. 193 с.

10. Карпухина Е.С., Москвина Т.П. О роли стандартов при производстве судебных компьютерно-технических экспертиз. Теория и практика судебной экспертизы. 2008. № 3(11). С.80–85.

PRACTICAL ASPECTS OF FORENSIC COMPUTER TECHNICAL INVESTIGATION IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Ilyashevich T.A., Lubyayana N.I.

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikotya; Moscow State Technical University. N.E. Bauman

The article examines the procedural algorithm for conducting computer-technical expertise in criminal proceedings, identifies problems in its practical implementation, and proposes their solutions. Ways to solve procedural and organizational problems are presented, aimed at improving the quality of procedural organization, the effectiveness of ongoing expert research through targeted influence on factors: routine operations, personnel motivation, clear procedural regulation and uniformity of law enforcement, drawing attention to issues of logistics; as well as automation of programmable tasks. It was noted that when assessing an expert's conclusion based on the results of the SCTE, one should take into account: the person's special knowledge, the authorization of destructive methods when used, the proper procedure for obtaining research objects in accordance with the provisions of Art. 164.1 Code of Criminal Procedure of the Russian Federation; scientific validity and legality of the methods and techniques used, including types (hardware, information, software, network, complex network). Particular attention is paid to checking and evaluating the expert's opinion, which is of great importance for establishing certain significant facts in a criminal case, in particular, and evidence in a criminal case in general.

Keywords: forensic computer-technical investigation, criminal proceedings, assessment of expert opinion.

References

1. Criminal Code of the Russian Federation dated 06/13/1996 N63-FZ (as amended on 09/24/2022) // "Collection of Legislation of the Russian Federation", 06/17/1996, N25, art. 2954
2. Criminal Procedure Code of the Russian Federation" dated December 18, 2001 N174-FZ (as amended on October 7, 2022) // "Rossiyskaya Gazeta", N249, December 22, 2001.
3. Federal Law "On State Forensic Expert Activities in the Russian Federation" dated May 31, 2001 N73-FZ (as amended on July 1, 2021) // "Collection of Legislation of the Russian Federation" dated July 4, 2001, N23, Art. 2291.
4. Appeal decision No. 22K-440/2020 dated April 7, 2020 in case No. 3/12–7/2020. URL: <https://goo.su/1SulKGF>
5. Judgment No. 1–82/2020 dated July 9, 2020 in case No. 1–82/2020. URL: <https://goo.su/bCUkvq6>
6. Golovko L.V. Criminal procedure course: textbook. M.: Statute, 2021. 1328 p.
7. Grigoriev V.N., Maksimov O.A. The concept of electronic storage media in criminal proceedings. // Bulletin of the Ufa State Law University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 2019. No. 2. pp. 33–44.
8. Demin K.E. On the current state and prospects for the development of forensic computer-technical examination. // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2012. No. 3. pp. 195–200.
9. Zuev S.V. Electronic evidence in criminal proceedings: a textbook for universities. M.: Yurayt, 2021. 193 p.
10. Karpukhina E.S., Moskvina T.P. On the role of standards in the production of forensic computer-technical examinations. Theory and practice of forensic examination. 2008. No. 3(11). P. 80–85.

Сущность и некоторые вопросы института привлечения в качестве обвиняемого в уголовном судопроизводстве России

Таджибов Зейнудин Рамазанович

аспирант, юридический институт, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы
E-mail: zeka3009@mail.ru

Основной задачей уголовного судопроизводства является защита прав и свобод личности, в том числе защита от незаконного и необоснованного обвинения. Для осуществления этой задачи в уголовно-процессуальном праве существуют институты, которые выступают в роли процессуальных рычагов, обеспечивающих уголовное преследование. Одним из вопросов, вызывающих дискуссии в среде исследователей-процессуалистов, является институт привлечения лица в качестве обвиняемого. Данный институт является одним из стержневых в уголовном судопроизводстве и по сути является конечной формой стадии предварительного расследования в уголовном процессе.

Автор в статье делает вывод: институт привлечения в качестве обвиняемого стоит доработать, внести коррективы в уголовно-процессуальное законодательство. Также при постановке вопроса о возбуждении уголовного дела стоит по некоторым статьям УК РФ разграничивать составы административного и уголовного правонарушений, что в последующем может искоренить коллизию в вопросе привлечения лица в качестве обвиняемого.

Ключевые слова: уголовно-процессуальный кодекс, подозреваемый, обвиняемый, уголовное преследование, защитник, следователь, прокурор, суд, постановление о привлечении в качестве обвиняемого, обвинительный акт, обвинительное постановление.

Основной задачей уголовного судопроизводства является защита прав и свобод личности, в том числе защита от незаконного и необоснованного обвинения. Для осуществления этой задачи в уголовно-процессуальном праве существуют институты, которые выступают в роли процессуальных рычагов, обеспечивающих уголовное преследование. Одним из вопросов, вызывающих дискуссии в среде исследователей-процессуалистов, является институт привлечения лица в качестве обвиняемого. Данный институт является одним из стержневых в уголовном судопроизводстве и по сути является конечной формой стадии предварительного расследования в уголовном процессе.

По своей сути привлечение в качестве обвиняемого, является процедурой, в ходе которой, лицу объявляется о наличии в отношении него достаточных доказательств совершения им преступления, объясняется суть обвинения и его последующее предъявление в виде постановления, благодаря которому это лицо и получает процессуальный статус обвиняемого.

Нужно уяснить один момент, что по УПК РФ «обвиняемым в соответствии с ч. 1 ст. 47 признаётся лицо, которое: 1) вынесено постановление о привлечении его в качестве обвиняемого; 2) вынесен обвинительный акт; 3) составлено обвинительное постановление»¹.

При этом можно согласиться с позицией Гаджирамазановой П.К. и Гасангусейнова А.З. о том, что «в связи с появлением обвиняемого и формулированием в соответствующем постановлении чёткого обвинительного тезиса последующее производство по уголовному делу становится более целенаправленным. С момента приобретения лицом статуса обвиняемого у стороны обвинения расширяются возможности применения в отношении него мер пресечения, поскольку с этого момента эти меры применяются в общем, а не исключительном порядке, как это допускается в отношении подозреваемого. В то же время у обвиняемого лица появляются максимальные возможности для реализации права на защиту»².

Исходя из формально-юридического подхода можно сделать вывод о том, что лицо приобретает

¹ https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ee02bc3a019809fc01fac87c1de5e937169c620c/

² Пати Кагировна Гаджирамазанова, Аюб Залимханович Гасангусейнов О сущности и значении постановления о привлечении в качестве обвиняемого // Закон и право. 2022. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-suschnosti-i-znachenii-postanovleniya-o-privlechenii-v-kachestve-obvinyаемого> (дата обращения: 17.06.2023).

статус обвиняемого ровно в тот момент, когда следователем будет вынесено постановление или соответствующий акт о его привлечении в качестве обвиняемого, до этого момента он будет являться подозреваемым, поскольку на данной стадии собираются доказательства по уголовному делу, которых должно быть достаточно для присвоения лицу статуса обвиняемого. О достаточности и весомости доказательств для предъявления обвинения мы поговорим далее, поскольку это является вопросом дискуссионного характера.

В процедуре привлечения лица в качестве обвиняемого, присутствует одна особенность, которая заключается в том, что существует такая формулировка в ст. 171 УПК РФ, в которой говорится «При наличии достаточных доказательств, дающих основания для обвинения лица в совершении преступления, следователь выносит постановление о привлечении данного лица в качестве обвиняемого»¹.

Здесь возникает ряд дискуссионных вопросов:

1. Что под собой подразумевает понятие достаточность доказательств?

2. Насколько эти доказательства должны быть сильны, чтобы повлиять на решение о привлечении лица в качестве обвиняемого?

На мой взгляд, отвечая на первый вопрос, можно сказать следующее, что в уголовно-процессуальном законе отсутствует понятие «достаточности доказательств». При этом ст. 17 УПК даёт ориентир к данному требованию, указывая на внутренне убеждение лиц, осуществляющих производство по уголовному делу.

В уголовно-процессуальной доктрине данный вопрос решается следующим образом. Биляев В.А. и Чухраев Д.А., выделяют следующие особенности определения достаточности при привлечении лица в качестве обвиняемого: «В настоящее время на предварительном следствии средством фиксации сформулированного существа обвинения выступает постановление о привлечении в качестве обвиняемого, содержащее результат обвинительной деятельности стороны уголовного преследования. Особенностью данного процессуального документа является то, что он выносится зачастую на этапах, которым характерно неполное установление обстоятельств, входящих в предмет доказывания, в условиях ограничения возможности распространения всей обвинительной информации в интересах следствия. Иной особенностью данного документа, и одновременно, на наш взгляд, проблемой традиционной его структуры, является расположение в постановлении существа обвинения в описательно-мотивировочной части без приведения фактических оснований его принятия, что влечет недостаточную обоснованность и мотивированность его принятия, допускает предъявление «завышенного» объема обвинения.

Сущность обоснованности по мнению большинства исследователей заключается в наличии ос-

¹ https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/83666c3310e8047392f129a402b830fb65c08d4c/

нований для проведения действий или принятия решений, подтвержденных фактическими данными. Под мотивированностью решения ученые понимают совокупность доводов и аргументов, приведенных в систему, подтверждающую и убеждающую в правильности процессуального решения. И.Е. Слепнева разграничивая основания и мотивы принятия решения, правильно отмечает, что если основания – это фактическая база, исходя из которой принимается решение, то мотивы-побудительные причины принятия соответствующего решения»².

В данной ситуации, я предлагаю внести дополнение в ч. 1 ст. 171 УПК РФ в части, касающейся достаточности и обоснованности доказательств, и их значимости для последующего привлечения лица в качестве обвиняемого по уголовному делу, ведь наделяя лицо процессуальным статусом «обвиняемый», в последствии возникают более широкие права и обязанности, как со стороны защиты, так и со стороны самого обвиняемого.

Так же, С.Б. Россинский справедливо заметил, что «закономерно вытекает вполне понятный и однозначный посыл: привлечение в качестве обвиняемого по общему правилу должно замыкать основную, т.е. собственно «расследовательскую» фазу предварительного следствия, являться логическим завершением совокупности следственных (иных процессуальных) действий, направленных на установление обстоятельств, входящих в предмет доказывания, и осуществляться в преддверии передачи материалов уголовного дела для дальнейшего рассмотрения в суд. Поэтому постановление о привлечении в качестве обвиняемого надлежит выносить непосредственно перед началом финальной части предварительного следствия, предусмотренной гл. 30–31 УПК РФ. А вся дальнейшая процессуальная деятельность уже не имеет «расследовательской», т.е. познавательной направленности и сводится к обеспечению прав обвиняемого, других участников уголовного судопроизводства, к надлежащему юридическому завершению предварительного расследования, оформлению его результатов и т.д. В этой связи закономерно возникает вопрос: что заставляет практических работников использовать указанную двухэтапную практическую технологию привлечения в качестве обвиняемого, а ученых-процессуалистов писать о ней как о чем-то очевидном, естественном, само собой разумеющемся? Как это не прискорбно, ответ на данный вопрос является более чем тривиальным. Правоприменительная практика в этой части в очередной раз страдает из-за непродуманности уголовно-процессуального законодательства, несогласованности различных положений закона. Потребность в выдвигании и предъявлении

² Биляев В.А., Чухраев Д.А. Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского

Юридические науки. – 2021. – Т. 7 (73). № 1. – С. 185–190. К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ИНСТИТУТА

ПРИВЛЕЧЕНИЯ ЛИЦА В КАЧЕСТВЕ ОБВИНЯЕМОГО. Крымский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия».

«пилотного» обвинения связана с вытекающим из смысла гл. 13 УПК РФ абсолютно неразумным требованием о нахождении лица в статусе обвиняемого как о правовом условии избрания в отношении него меры пресечения. Наиболее наглядно эта потребность проявляется в случае задержания подозреваемого с перспективой его дальнейшего заключения под стражу или под домашний арест»¹.

Данная мысль показывает, насколько тесно взаимосвязаны такие процедуры как предъявление первичного обвинения и придание лицу статуса обвиняемого с процедурой применения меры пресечения в различных её видах в зависимости от вида преступления.

Исходя из вышесказанного, можно сделать выводы и о том, что стоит всё же упростить процедуру предъявления обвинения, поскольку это является непрерывным логическим продолжением привлечения лица в качестве обвиняемого. Я так же акцентирую внимание о наличии в предварительном расследовании иных обвинительных документов: обвинительного акта, обвинительного постановления и обвинительного заключения. Вопрос стоит в том, что данные процессуальные акты во многом дублируют друг друга и возможно стоит унифицировать эти документы и сделать едиными как для органов дознания, так и следствия. В последующем возникает вопрос в том, что в отечественном уголовном процессе предварительное расследование имеет такую форму, что сначала при установлении лица причастного в совершении преступления происходит сбор доказательств, далее после установления, предъявляется обвинение, чем далее привлекается в качестве обвиняемого, а позже опять происходит сбор доказательств. Со стороны это больше похоже на неоконченную форму расследования преступления, поскольку после предъявления обвинения лицу во время предварительного расследования (где подразумевается, что оно предъявляется в связи с достаточностью доказательств) зачем-то продолжают заниматься сбором доказательств. И опять возникает ощущение, что данная процедура обременена «пышной формальностью». После утверждения прокурором обвинительного документа, в суде тоже лицу предъявляется в той же форме, что и ранее на предварительном расследовании, обвинение. На мой взгляд слишком много формальностей и бумажной волокиты, которая придаёт своего рода «важность», но на самом деле это лишние повторения в предъявлении обвинения. Поэтому, на мой взгляд стоит упростить процедуру предъявления обвинения в первую очередь за счёт унификации обвинительного документа как в дознании так и в следствии, то есть сделать единый документ, который будет иметь общий алгоритм для предъявления обвинения. Так же внести некоторые

¹ Россинский Сергей Борисович ПРИВЛЕЧЕНИЕ В КАЧЕСТВЕ ОБВИНЯЕМОГО – ЛОГИЧЕСКОЕ ЗАВЕРШЕНИЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ // Вестник экономической безопасности. 2022. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/privlechenie-v-kachestve-obvinyaemogo-logicheskoe-zavershenie-predvaritelnogo-sledstviya> (дата обращения: 06.07.2023).

изменения в части предъявления обвинения, чтобы не делить обвинение на первоначальное и в окончательной редакции, а создать условия в рамках уголовно-процессуального законодательства для комплексного расследования уголовного дела и после окончания всех следственных действий в рамках уголовного дела, и нахождения всех доказательств позже предъявлять обвинение в окончательной форме, что может способствовать упрощению предъявления обвинения, и в то же время пресекать незаконное возбуждение уголовного дела перетекающего в предъявление обвинения и привлечения лица в качестве обвиняемого.

Для ответа на второй вопрос, считаю целесообразным использование в качестве примера обвинения по ст. 264.1 (Управление транспортным средством в состоянии опьянения лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость) УК РФ.

Лицо, управлявшее транспортным средством и находилось в состоянии опьянения и подвергнуто административному наказанию. По данной ситуации можно сказать, что существует достаточно данных о совершении административного правонарушения, но почему-то дознаватель считает это поводом для возбуждения уголовного дела. В то время как в большинстве своём имеет все признаки и доказательства о совершении административного правонарушения, но не понятно по какому признаку можно отнести это к регулированию уголовно-правовым и процессуальным институтами. Ведь в данной статье имеется такая конструкция как «лицо подвергнутое административному наказанию», а это может означать, исходя из логики, что вся ситуация связанная с управлением транспортным средством, нарушение правил ПДД и прохождение медицинского освидетельствования, регулируются нормами административного законодательства, то есть КоАП РФ и Постановлением Правительства. Тогда возникает вопрос: «как лицо, ранее подвергнутое административному наказанию, повторно совершив то же деяние, которое переходит в разряд уголовного преступления и лицо можно привлекать в качестве обвиняемого?»

Вопрос стоит в том, что, если лицо, ранее совершившее административное правонарушение, исходя из условий ст. 264.1 УК РФ, превращается в преступника и дознаватель имеет какие-то основания для возбуждения уголовного дела за подобное повторное административное правонарушение. Ведь из-за того что лицо ранее подвергалось административной ответственности и оно повторно совершает это подобное деяние, то совершенное им правонарушение со второго, с третьего и далее по своей сути и составу так и останется административным. А для последующего обвинения доказательств нет, поскольку есть доказательства того, что лицо снова совершило административное правонарушение, по которому составляется протокол об административном правонарушении и лицо, имеющие признаки опья-

нения, не проходит освидетельствование тоже подвергается административному наказанию. Но когда это переходит в разряд уголовного преступления, что в рамках уголовного процесса, что можно здесь использовать в качестве доказательств? Да, безусловно, можно изъять протоколы об административном правонарушении через сотрудника ГИБДД, который оформлял это по отношению к этому лицу, но с точки зрения уголовного процесса это никакой роли не играет и даже эти протоколы по классификации доказательств можно отнести к таким видам как «иные документы». То есть здесь теряется уголовно-процессуальный смысл в возбуждении уголовного дела за повторное ранее административное правонарушение по данной статье уголовного кодекса, так как оно по своей природе остаётся административным правонарушением, а лицо совершившее его повторно, почему-то привлекается в качестве обвиняемого.

Исходя из вышесказанного можно сказать, что институт привлечения в качестве обвиняемого стоит доработать, внести коррективы в уголовно-процессуальное законодательство. Так же при постановке вопроса о возбуждении уголовного дела стоит по некоторым статьям УК РФ разграничивать составы административного и уголовного правонарушений, что в последующем может искоренить коллизию в вопросе привлечения лица в качестве обвиняемого.

Литература

1. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ee02bc3a019809fc01fac87c1de5e937169c620c/
2. Пати Кагировна Гаджирамазанова, Аюб Залимханович Гасангусейнов О сущности и значении постановления о привлечении в качестве обвиняемого // Закон и право. 2022. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-suschnosti-i-znachenii-postanovleniya-o-privlechenii-v-kachestve-obvinyaemogo> (дата обращения: 17.06.2023).
3. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/83666c3310e8047392f129a402b830fb65c08d4c/
4. Биляев В. А., Чухраев Д.А. Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского Юридические науки. – 2021. – Т. 7 (73). № 1. – С. 185–190. К вопросу о совершенствовании института привлечения лица в качестве обвиняемого. Крымский фи-

лиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия».

5. Россинский Сергей Борисович Привлечение в качестве обвиняемого – логическое завершение предварительного следствия // Вестник экономической безопасности. 2022. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/privlechenie-v-kachestve-obvinyaemogo-logicheskoe-zavershenie-predvaritelnogo-sledstviya> (дата обращения: 04.07.2023).

THE ESSENCE AND SOME ISSUES OF THE INSTITUTION OF PROSECUTION AS AN ACCUSED IN CRIMINAL PROCEEDINGS IN RUSSIA

Tadzhibov Z.R.

Peoples' Friendship University of Russia Patrice Lumumba

The main task of criminal proceedings is to protect individual rights and freedoms, including protection from illegal and unfounded accusations. To accomplish this task, in criminal procedural law there are institutions that act as procedural levers that ensure criminal prosecution. One of the issues that causes discussion among procedural researchers is the institution of bringing a person as an accused. This institution is one of the core ones in criminal proceedings and is essentially the final form of the preliminary investigation stage in criminal proceedings.

The author of the article concludes: the institution of prosecution as an accused should be improved and adjustments made to the criminal procedural legislation. Also, when raising the issue of initiating a criminal case, under some articles of the Criminal Code of the Russian Federation it is worth distinguishing between administrative and criminal offenses, which in the future can eradicate the conflict in the issue of bringing a person as an accused.

Keywords: Code of Criminal Procedure, suspect, accused, criminal prosecution, defense lawyer, investigator, prosecutor, court, decision to bring as an accused, indictment, indictment resolution.

References

1. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ee02bc3a019809fc01fac87c1de5e937169c620c/
2. Pati Kagirovna Gadzhiramazanova, Ayub Zalikhanovich Gasanguseinov On the essence and significance of the decision to bring in as an accused // Law and Law. 2022. No. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-suschnosti-i-znachenii-postanovleniya-o-privlechenii-v-kachestve-obvinyaemogo> (access date: 06/17/2023).
3. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/83666c3310e8047392f129a402b830fb65c08d4c/
4. Bilyaev V. A., Chukhraev D.A. Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky Legal sciences. – 2021. – Т. 7 (73). No. 1. – pp. 185–190. On the issue of improving the institution of bringing a person as an accused. Crimean branch of the Russian State University of Justice.
5. Sergey Borisovich Rossinsky Involvement as an accused is the logical conclusion of the preliminary investigation // Bulletin of Economic Security. 2022. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/privlechenie-v-kachestve-obvinyaemogo-logicheskoe-zavershenie-predvaritelnogo-sledstviya> (date of access: 07/04/2023).

Развитие правовой модели судебного контроля за оперативно-розыскной деятельностью: аспекты соотношения с санкционированием оперативно-розыскных мероприятий

Фазульянов Олег Борисович,

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: advokat.fazulianov@gmail.com

Проведенный в статье анализ позволил автору прийти к выводу о соотношении судебного контроля и судебного санкционирования в сфере оперативно-розыскной деятельности как общего и частного (родового и видового) понятий соответственно. Такой вывод следует из обоснованного понимания, согласно которому правосудие является единой формой процессуальной судебной деятельности, судебный контроль выступает видом (формой) правосудия и имеет собственные подвиды, в числе которых выделяется судебное санкционирование, по признаку времени осуществления относящееся к подвиду предварительного судебного контроля. Предложенный автором подход является универсальным, так как выработанная взаимосвязь правовых категорий, во-первых, основывается на общетеоретических представлениях о правосудии и его формах, во-вторых, соответствует фундаментальному принципу тождества неразличимых, поскольку учитывает вариативность отраслевой специфики процессуальной судебной деятельности.

Ключевые слова: судебная деятельность, правосудие, судебный контроль, судебное санкционирование, судебный контроль за оперативно-розыскной деятельностью, судебное санкционирование оперативно-розыскных мероприятий.

С сожалением следует констатировать факт того, что, несмотря на столь существенную продолжительность, дискуссия о правовой природе судебного контроля и его соотношении со смежными категориями остается открытой. Генезис данной проблематики видится в неразрешенности вопроса о месте судебного контроля в системе судебной деятельности. Как следствие, такая неоднозначность правопонимания «тянет» за собой производные проблемы, в том числе, касающиеся соотношения судебного контроля и судебного санкционирования.

Целесообразно, на наш взгляд, придерживаться следующей структуры исследования: 1) обеспечить терминологическую унификацию через определение понятия судебного контроля в общетеоретическом плане, а после – применительно к сфере оперативно-розыскной деятельности; 2) установить наличие (или отсутствие) признаков, позволяющих поставить судебный контроль и санкционирование в один категориальный ряд.

1. Само по себе определение судебного контроля в общетеоретическом плане представлено в юридической литературе с надлежащей однозначностью. Под судебным контролем традиционно понимается деятельность суда, осуществляемая по поводу защиты и (или) восстановления прав и свобод граждан при принятии органами государственной власти решений и (или) реализации действий (бездействия). В таком контексте судебный контроль рассматривается в качестве элемента обеспечения системы сдержек и противовесов в механизме реализации принципа разделения властей, установленного ст. 10 Конституции Российской Федерации [1].

Представленное выше определение является наиболее общим. Безусловно, ученые применяют собственную терминологию при построении соответствующей дефиниции. Например, М.А. Умарова определяет судебный контроль как «проверку специально уполномоченными органами (судами) и лицами (судьями), обладающими соответствующей компетенцией, соблюдения и защиты прав и свобод юридических и физических лиц, а также законности издаваемых (принимаемых) решений нормативно-правового характера органами власти и управления и их должностными лицами» [20, с. 60–61].

Указанная и схожие с ней дефиниции судебного контроля характеризуют его содержательную сторону путем интеграции в понятие признаков субъекта (суд) и объекта (решения, действия (бездей-

ствие) органов государственной власти) контрольной деятельности, а также юридического факта, опосредующего возникновение правоотношений (события, действия, поступки, ставящие под сомнение надлежащее соблюдение прав и свобод граждан и юридических лиц).

Между тем, основная проблематика сосредоточена в аспекте определения сущностной характеристики судебного контроля. По данному поводу всю совокупность воззрений ученых можно дифференцировать по двум основным направлениям: 1) судебный контроль – это форма отправления правосудия; 2) судебный контроль – это самостоятельная функция (форма деятельности) суда.

В числе сторонников первого подхода, который мы со своей стороны полностью разделяем, можно назвать В.А. Лазареву. В своих работах ученый пишет, что «деятельность всех звеньев судебной системы РФ носит контрольный по отношению к другим властям характер, однако, при этом не перестает быть правосудием» [13, с. 42]. Аналогичного представления придерживается П.П. Серков, называющий судебный контроль «частной формой реализации правосудия» [18, с. 104], а также В.В. Ковтун, определяющий судебный контроль как «особую форму реализации правосудия» [12, с. 52] и многие другие правоведы. При таком понимании правосудия и судебного контроля соотносятся как общее и частное понятия.

Сторонники второго подхода указывают на отличный от правосудия характер судебного контроля. Например, Н.А. Лопаткина называет судебный контроль специфической функцией суда, носящей обеспечительный характер [14, с. 49]. Схожее понимание представлено в работе К.А. Сергеева и И.Ю. Чеботаревой [17, с. 86–87]. Строго говоря, ученые, придерживающиеся данного понимания, принимают за аксиому то, что правосудие – это всегда рассмотрение и разрешение дела по существу. Все, не соответствующее базовому представлению о правосудии, выводится из его содержания.

Можно представить существенное количество контраргументов пониманию самостоятельного по отношению к правосудию характера судебного контроля. Но остановимся на том, который практически не поддается никакому оспариванию. Если судебный контроль сущностно отличен от правосудия, получается, что производство по делам об оспаривании решений (действий), бездействия органов государственной власти и местного самоуправления (далее в статье мы также будем использовать формулировку «обжалование действий и решений»), осуществляемое в порядке гл. 22 КАС РФ [3] или гл. 24 АПК РФ [2], актами правосудия не являются. Равным образом такое ошибочное суждение можно распространить и на сферу пересмотра судебных актов по правилам любой процессуальной отрасли права (ведь суд осуществляет прежде всего проверку правильности применения судом нижестоящей инстанции норм материального и процессуального права, а не рас-

сматривает «дело по существу» в классическом понимании данного термина). Очевидно, что названные примеры судебной деятельности характеризуются сочетанием признаков судебного контроля и правосудия в узком смысле (рассмотрение и разрешение дела по существу).

Уже сам по себе факт существования порядка рассмотрения и разрешения дел в соответствии с правилами гл. 22 КАС РФ или гл. 24 АПК РФ свидетельствует о не бесспорности понимания сторонников второго подхода. Получается, либо данные формы судебной деятельности подлежат изъятию из сферы правосудия, либо в кардинальном пересмотре нуждается уже общетеоретическое понимание судебного контроля. Но кроме как путем прямого перечисления в дефиниции судебного контроля всего многообразия форм судебной деятельности, однозначно отвечающих признакам правосудия в узком смысле и судебного контроля в традиционном смысле, подобное реализовать не представляется возможным. Да и каковы основания к такому по сути бессмысленному действию? Потому, нельзя не согласиться с утверждением П.П. Серкова, согласно которому подобная интерпретация полифункциональности процессуальной судебной деятельности затрудняет научное уяснение сущности правосудия [18, с. 104]. За этим следует неоднозначность в определении как содержания всей судебной деятельности, так и отдельных форм ее осуществления.

В пользу недопустимости сущностного разграничения правосудия и судебного контроля приведем следующую аргументацию. Прежде всего, никаких безусловных оснований к ограничительному толкованию правосудия не существует. Правосудие, как и любая категория антропогенного свойства, адаптивна. Все попытки сужения ее содержания наносят ущерб эффективности судебной деятельности. Вывод из сферы правосудия определенных процессуальных форм, не соответствующих типичному представлению о рассмотрении и разрешения дела по существу, может привести к их ошибочной интерпретации, снижению уровня правовых гарантий и защищенности граждан и юридических лиц при разрешении вопроса о законности и обоснованности действий и решений органов государственной власти и местного самоуправления (далее в статье мы будем также использовать формулировку «действия и решения органов власти»), осуществляемых (допускаемых, принимаемых) в их отношении.

Кроме того, для судебного контроля характерна процессуальная форма (осуществление по правилам конкретной процессуальной отрасли) и наличие правового спора. Конечно, правовой спор не всегда «лежит на поверхности», как это бывает при рассмотрении и разрешении дел по существу. Но в любом случае, когда суд разрешает вопрос о законности и обоснованности действий и решений власти, предполагается, что властный субъект мог выйти за пределы правомерного поведения.

Так, при обжаловании решения об отказе следователя, принятого по результатам рассмотрения заявленного участником уголовного судопроизводства ходатайства, правовой спор проистекает из: 1) утверждения заявителя о том, что ходатайство было заявлено обоснованно и правомерно, а потому подлежит удовлетворению, и 2) диаметрально противоположного утверждения следователя о том, что принятое им решение об отказе в удовлетворении ходатайства законно и обоснованно.

В аспекте разрешения судом ходатайства о производстве оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права, правовой спор следует из потенциальной правильности предположения о том, что решение о необходимости производства оперативно-розыскного мероприятия было принято органом оперативно-розыскной деятельности без надлежащих оснований для вмешательства в сферу фундаментальных прав и свобод гражданина (юридического лица).

Важно воспринимать актуальные тенденции развития представлений о содержании правового спора, которые уже давно не ограничиваются лишь концепцией «спора и праве» или «спора о факте», а зиждутся на широком правопонимании. Например, современные исследователи говорят о дифференциации правовых споров на споры о субъективном интересе и об объективном публичном интересе [10, с. 12–13]. В эту концепцию полностью укладываются нетипичные правовые споры, разрешаемые в порядке судебного контроля.

Анализ правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации свидетельствует в пользу однозначного определения судебного контроля как формы отправления правосудия. Например, из Постановления от 29 мая 2018 г. № 21-П следует, что судебный контроль – это «способ разрешения правовых споров на основе независимости и беспристрастности ...» [8]. Часто в актах Конституционного Суда можно встретить формулировку «правосудие, в том числе судебный контроль» [5].

Подводя промежуточный итог следует прийти к выводу, что судебный контроль – это форма правосудия. Следовательно, определение судебного контроля, отражающее как его содержание, так и правовую природу, должно выглядеть следующим образом: это деятельность суда, носящая форму правосудия, осуществляемая по поводу защиты и (или) восстановления прав и свобод граждан и организаций при принятии органами государственной власти решений и (или) осуществлении действий (допущении бездействия). Адаптируя данное определение к сфере оперативно-розыскной деятельности, под судебным контролем за оперативно-розыскной деятельностью следует понимать деятельность суда, носящую форму правосудия, осуществляемую по поводу защиты и (или) восстановления прав и свобод граждан и организаций при принятии органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность,

решений и (или) осуществлении действий (допущении бездействия).

2. *Соотношение судебного контроля и судебного санкционирования в сфере оперативно-розыскной деятельности.* В самом общем смысле под санкционированием понимается дача разрешения на осуществление субъектом конкретной деятельности [11, с. 25]. Следовательно, судебное санкционирование – это судебная деятельность, осуществляемая в порядке, предусмотренном законом, по поводу разрешения вопроса о допустимости реализации каких-либо действий субъектами правоотношений.

По вопросу соотношения исследуемых понятий в правовой литературе существует две основные точки зрения: 1) судебный контроль и санкционирование не тождественные правовые категории; 2) судебное санкционирование – это вид судебного контроля.

В отношении первого подхода нужно дополнительно разграничить воззрения ученых, относящих судебный контроль и судебное санкционирование к сфере осуществления правосудия и выводящих их из содержания правосудия.

Так, некоторые исследователи проблем уголовно-процессуального судебного санкционирования указывают, что «судебный контроль и судебное санкционирование следует отграничивать друг от друга и рассматривать как две самостоятельные формы осуществления правосудия» [9, с. 77]. Иными словами, ученые обеспечивают дифференциацию правосудия как родового понятия, включающего в себя определенный набор форм (видовых понятий), в числе которых обособленно друг от друга существуют судебный контроль и судебное санкционирование.

Похожие суждения представлены в работе М.А. Днепровской, указывающей, что «любая деятельность суда, осуществляемая в судебном заседании, является формой осуществления правосудия» [11, с. 26]. По данному критерию судебный контроль и судебное санкционирование отнесены ученым к сфере правосудия, но как общее и частное понятия она их явно не рассматривает. Аналогичное понимание прослеживается в диссертации И.Ю. Носкова, который говорит о таких видах правосудия в судах общей юрисдикции как: правосудие, предметом рассмотрения которого являются правовые споры; судебный контроль; судебное санкционирование; правосудная деятельность по разрешению иных правовых вопросов [16, с. 77].

В работе Л.Г. Татьяниной представлен вывод: «судебный контроль и судебное санкционирование являются формами реализации судебной власти, но не являются формами осуществления правосудия» [19, с. 124]. Интерес представляет то, что к сфере судебного контроля ученый относит только деятельность по пересмотру решений нижестоящего суда вышестоящим судом. Производство по жалобам на действия (бездействие) и решения органов власти и местного самоуправления и судебное санкционирование Л.Г. Татьяна вообще

не считает допустимым именовать судебным контролем, ведь в противном случае, по ее мнению, подобное противоречило бы принципу разделения властей. Со своей стороны полагаем, что судебный контроль за действиями органов власти напротив полностью коррелируется с принципом разделения властей, направлен на его обеспечение через реализацию механизмов сдержек и противовесов, что упоминалось ранее.

Противоположной точки зрения придерживается, например, В.В. Маслов, называющий в числе видов судебного контроля в сфере оперативно-розыскной деятельности как рассмотрение судами жалоб в связи с нарушением прав граждан и организаций действиями (бездействием) и решениями органов оперативно-розыскной деятельности, так и судебное санкционирование оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права граждан [15, с. 64].

Учитывая и уважая выше представленные позиции ученых, обратимся к формулированию собственного аргументированного представления по исследуемой проблеме.

Прежде всего, утверждаем, что судебный контроль и судебное санкционирование суть понятия общее и частное. Относя судебный контроль к формам правосудия, мы логично распространяем данное понимание и на правовую природу судебного санкционирования. В пользу данного утверждения важно привести следующие аргументы (придерживаясь «линии» оперативно-розыскной деятельности, как интересующей нас правовой сферы).

Во-первых, углубленное исследование показывает тождественность целевой направленности механизмов принятия судом решения при санкционировании и рассмотрении жалоб на действия и решения органов власти (как пример наименее дискуссионного вида судебной деятельности, относимого к судебному контролю).

В сфере оперативно-розыскной деятельности судебное санкционирование осуществляется по правилам ст. 9 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ) [4] путем разрешения судом вопроса о допустимости проведения оперативно-розыскного мероприятия, ограничивающего конституционные права граждан. В процессе судебного санкционирования в сфере оперативно-розыскной деятельности непосредственно участвуют субъект, дающий санкцию (суд) и субъект, запрашивающий санкцию (должностное лицо органа оперативно-розыскной деятельности, а за пределами процессуальной процедуры фигурирует третий очевидно заинтересованный субъект – лицо, в отношении которого планируется проведение розыскного мероприятия.

То есть суд, рассматривая вопрос о производстве оперативно-розыскного мероприятия, определяет законность и обоснованность решения, которое было принято не им самим, а органом оперативно-розыскной деятельности. Данное

утверждение зиждется на положениях абз. 5 ст. 9 ФЗ от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ, в которых законодатель оперирует абсолютно однозначной формулировкой «инициатор проведения оперативно-розыскного мероприятия».

В данном случае, как и при рассмотрении жалоб на действия и решения органов оперативно-розыскной деятельности, имеется подконтрольный субъект. Правомочия суда ограничены разрешением конкретного вопроса: имеются ли в данном случае основания для того, чтобы было притворено в жизнь решение, принятое иным органом власти.

Целью санкционирования выступает предотвращение необоснованного и незаконного ущемления конституционных прав и свобод субъекта, в отношении которого планируется производство оперативно-розыскного мероприятия. Равным образом и при иных формах судебного контроля деятельность суда направлена на предотвращение нарушений прав и свобод или на их восстановление, если нарушение было допущено. То есть судебное санкционирование выступает формой предварительного судебного контроля.

Крайне важно, что именно в таком контексте судебное санкционирование рассматривается Конституционным Судом Российской Федерации. В частности, в Определении от 22 декабря 2015 г. № 3025-О [6] установлено, что на судебные органы возлагаются обязанности по обеспечению предварительного и последующего контроля за действиями и решениями органов оперативно-розыскной деятельности. В Определении от 8 февраля 2007 г. № 128-О-П [7], Конституционный Суд указывает, что процедура судебного рассмотрения вопроса разрешения и проведения оперативно-розыскного мероприятия, ограничивающего конституционные права граждан, является видом предварительного судебного контроля за законностью и обоснованностью оперативно-розыскных мероприятий.

Во-вторых, с процедурной точки зрения судебное санкционирование соответствует судебному контролю. Так, принятие судом решения о допустимости производства оперативно-розыскного мероприятия, ограничивающего конституционные права граждан, осуществляется в процессуальной форме, но с особенностями, предусмотренными ст. 9 ФЗ от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (невозможность отказа в рассмотрении материалов при их предоставлении, единоличное и незамедлительное рассмотрение). Изъятия из обычной процессуальной формы не являются чем-то экстраординарным, они имеют место быть во всех процессуальных отраслях права.

В-третьих, судебное санкционирование связывается с правовым спором. Ранее в работе мы приводили пример, согласно которому при судебном санкционировании правовой спор следует из потенциальной правильности предположения о том, что решение о необходимости производства оперативно-розыскного мероприятия принимается органом оперативно-розыскной деятельности без надлежащих к тому оснований. Разрешая

вопрос о законности и обоснованности производства оперативно-розыскного мероприятия, суд одновременно разрешает потенциальный правовой конфликт.

Основаниями возникновения такого потенциального правового конфликта выступают: 1) вероятная полярность позиций, занимаемых субъектом, в отношении которого планируется провести оперативно-розыскное мероприятие, и органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, принявшим решение; 2) проверка соблюдения оперативно-розыскным органом пределов дозволенного законодательством поведения при принятии решения.

Противоположное понимание, связанное с отказом от признания наличия в судебном санкционировании правового спора, должно привести к парадоксальному пониманию о том, что участие суда при даче санкции является излишним. Эту функцию может выполнять любой другой орган. Но такой подход будет единогласно признан абсолютно неправовым.

Подводя итогу, следует прийти к однозначному выводу о том, что судебный контроль и судебное санкционирование выступают общим и частным понятиями. Исходя из этого выстраивается следующая логическая цепочка: правосудие – это единая форма процессуальной судебной деятельности; судебный контроль – это вид (форма) правосудия, имеющая собственные подвиды; судебное санкционирование вид (форма) предварительного судебного контроля. Подобное понимание во многом основывается на осознании адаптивности правосудия, не позволяющей сводить его пределы лишь до рассмотрения и разрешения дел по существу. При этом такая адаптивность не является чем-то субъективным, противоречащим принципам функционирования правового государства, а опосредована объективным фактором – требованием эффективности судебной деятельности. Несмотря на то, что должная корреляция судебного контроля и судебного санкционирования определялась нами в контексте оперативно-розыскной деятельности, полученные выводы в полной мере применимы и в отношении иных правовых сфер, ведь отраслевые механизмы осуществления судебного контроля в целом схожи друг с другом.

Литература

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм. от 4 октября 2022 г.) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 16.11.2023).
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (с изм. и доп. от 22 июня 2023 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 30. – Ст. 3012.
3. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ (с изм. и доп. от 19 октября 2023 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2015. – № 10. – Ст. 1391.
4. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (с изм. и доп. от 29 декабря 2022 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 33. – Ст. 3349.
5. Определение Конституционного Суда РФ от 19 октября 2021 г. № 2133-О // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AR-V&n=687995#XJE8ZxTkrarxqsYp/> (дата обращения: 16.11.2023).
6. Определение Конституционного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 3025-О // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_193162/ (дата обращения: 16.11.2023).
7. Определение Конституционного Суда РФ от 8 февраля 2007 г. № 128-О-П // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_68049/ (дата обращения: 16.11.2023).
8. Постановление Конституционного Суда РФ от 29 мая 2018 г. № 21-П «По делу о проверке конституционности пунктов 1 и 3 статьи 8 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Социалистической Республики Вьетнам Нгуен Чонг Хая» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2018. – № 23. – Ст. 3388.
9. Адильшаев Э.А. Судебное санкционирование как форма реализации правосудия в уголовном судопроизводстве России: монография / Э.А. Адильшаев, И.В. Жеребятьев, А.А. Шамардин. – Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2013. – 277 с.
10. Губайдуллина Э.Х. Спор в праве: теоретико-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. – Казань, 2018. – 35 с.
11. Днепровская М.А. Правосудие, судебный контроль и судебное санкционирование в уголовном судопроизводстве // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2013. – № 1 (4). – С. 23–28.
12. Ковтун Н.Н. Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России: Понятие, сущность, формы: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.09. – Нижний Новгород, 2002. – 520 с.
13. Лазарева В.А. Судебная власть и ее реализация в уголовном процессе. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 1999. – 136 с.
14. Лопаткина, Н.А. Институт судебного контроля на досудебных стадиях уголовного процесса России: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. – Краснодар, 2002. – 187 с.
15. Маслов В.В. Деятельность суда по обеспечению прав и законных интересов граждан в про-

цессе оперативно-розыскных мероприятий: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. – Екатеринбург, 2011. – 181 с.

16. Носков И.Ю. Судебная деятельность: понятие, виды, основные характеристики: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.11. – Москва, 2016. – 187 с.
 17. Сергеев К. А., Чеботарева, И.Ю. Контроль и управление правосудия – два вида судебной деятельности // Социум и власть. – 2015. – № 5 (55). – С. 83–88.
 18. Серков П. П. К вопросу о функциональности правосудия // Журнал российского права. – 2018. – № 3 (255). – С. 97–105.
 19. Татьяна Л.Г. Виды особых производств в уголовном процессе России // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». – 2016. – № 2. – С. 123–126.
 20. Умарова М.А. Механизм судебного контроля: общетеоретическое исследование: дис. ... канд. Юрид. наук: 12.00.01. – Курс, 2018. – 204 с.
3. Code of Administrative Proceedings of the Russian Federation dated March 8, 2015 No. 21-FZ (as amended and supplemented on October 19, 2023) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2015. – No. 10. – Art. 1391.
 4. Federal Law of August 12, 1995 No. 144-FZ “On Operational Investigative Activities” (as amended and supplemented on December 29, 2022) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1995. – No. 33. – Art. 3349.
 5. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of October 19, 2021 No. 2133-O // ATP “ConsultantPlus”. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=687995#XJE8ZxTkrarxqsYp/> (access date: 11/16/2023).
 6. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of December 22, 2015 No. 3025-O // ATP “ConsultantPlus”. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_193162/ (access date: 11/16/2023).
 7. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of February 8, 2007 No. 128-O-P // ATP “ConsultantPlus”. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_68049/ (access date: 11/16/2023).
 8. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated May 29, 2018 No. 21-P “In the case of verifying the constitutionality of paragraphs 1 and 3 of Article 8 of the Federal Law “On the Legal Status of Foreign Citizens in the Russian Federation” in connection with the complaint of a citizen of the Socialist Republic of Vietnam Nguyen Trong Haya” // Collection of legislation of the Russian Federation. – 2018. – No. 23. – Art. 3388.
 9. Adilshayev E.A. Judicial sanction as a form of implementation of justice in criminal proceedings in Russia: monograph / E.A. Adilshayev, I.V. Zherebyatyev, A.A. Shamardin. – Orenburg: LLC IPK “University”, 2013. – 277 p.
 10. Gubaidullina E. Kh. Dispute in law: theoretical and legal aspect: abstract. dis. ...cand. legal Sciences: 12.00.01. – Kazan, 2018. – 35 p.
 11. Dneprovskaya M.A. Justice, judicial control and judicial authorization in criminal proceedings // Siberian criminal procedural and forensic readings. – 2013. – No. 1 (4). – pp. 23–28.
 12. Kovtun N.N. Judicial control in criminal proceedings in Russia: Concept, essence, forms: dis. ... doc. legal Sciences: 12.00.09. – Nizhny Novgorod, 2002. – 520 p.
 13. Lazareva V.A. Judicial power and its implementation in criminal proceedings. – Samara: Samara University Publishing House, 1999. – 136 p.
 14. Lopatkina, N.A. Institute of judicial control at the pre-trial stages of the criminal process in Russia: dis. ...cand. legal Sciences: 12.00.09. – Krasnodar, 2002. – 187 p.
 15. Maslov V.V. Activities of the court to ensure the rights and legitimate interests of citizens in the process of operational investigative activities: dis. ...cand. legal Sciences: 12.00.09. – Ekaterinburg, 2011. – 181 p.
 16. Noskov I. Yu. Judicial activity: concept, types, main characteristics: dis. ...cand. legal Sciences: 12.00.11. – Moscow, 2016. – 187 p.
 17. Sergeev K. A., Chebotareva, I. Yu. Control and administration of justice – two types of judicial activity // Society and power. – 2015. – No. 5 (55). – pp. 83–88.
 18. Serkov P.P. On the issue of the functionality of justice // Journal of Russian Law. – 2018. – No. 3 (255). – pp. 97–105.
 19. Tatyana L.G. Types of special proceedings in the criminal process of Russia // Bulletin of the Udmurt University. Series “Economics and Law”. – 2016. – No. 2. – P. 123–126.
 20. Umarova M.A. The mechanism of judicial control: a general theoretical study: dis. ...cand. Legal Sciences: 12.00.01. – Course, 2018. – 204 p.

DEVELOPMENT OF A LEGAL MODEL OF JUDICIAL CONTROL OVER OPERATIONAL INVESTIGATIVE ACTIVITIES: ASPECTS OF THE RELATIONSHIP WITH THE AUTHORIZATION OF OPERATIONAL INVESTIGATIVE ACTIVITIES

Fazulianov O.B.

St. Petersburg State University

The analysis carried out in the article allowed the author to come to the conclusion about the relationship between judicial control and judicial authorization in the field of operational investigative activities as general and specific (generic and specific) concepts, respectively. This conclusion follows from a well-founded understanding, according to which justice is a single form of procedural judicial activity, judicial control is a type (form) of justice and has its own subtypes, including judicial authorization, which, based on the time of implementation, is a subtype of preliminary judicial control. The approach proposed by the author is universal, since the developed relationship of legal categories, firstly, is based on general theoretical ideas about justice and its forms, and secondly, it corresponds to the fundamental principle of the identity of the indistinguishable, since it takes into account the variability of the sectoral specifics of procedural judicial activity.

Keywords: judicial activity, justice, judicial control, judicial authorization, judicial control over operational investigative activities, judicial authorization of operational investigative activities.

References

1. Constitution of the Russian Federation. Adopted by popular vote on December 12, 1993 (as amended on October 4, 2022) // ATP “ConsultantPlus”. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (access date: 11/16/2023).
2. Arbitration Procedural Code of the Russian Federation dated July 24, 2002 No. 95-FZ (as amended and supplemented on June 22, 2023) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2002. – No. 30. – Art. 3012.

Эволюция формирования международного права в сфере электронной торговли

Яськов Артём Андреевич,

аспирант Славяно-Греко-Латинской академии

E-mail: yaskov.artem@outlook.com

В статье обозначены исходные особенности историко-правового анализа системы международного права в сфере электронной торговли: объективные признаки двойственности, неопределенности, казуальности; ключевые факторы свободы выбора источников, нескольких видов унифицированных договорных норм, комплексный характер регулирования. Автор аргументировал приоритетную роль ЮНСИТРАЛ в эволюции международных норм по вопросам е-торговли, которые до 1982 года включали: подготовительную стадию функционирования в период 1950–1978 годов международного права в рамках корпоративной регламентации автоматизированных услуг бронирования авиабилетов, банковской оплаты и др.; стадию становления международного права в сфере, связанной с электронной торговлей. Также автором систематизирована официальная хронология развития международного права е-коммерции в рамках полномочий ЮНСИТРАЛ, которая определяется 6 этапами разработки, издания соответствующих правовых актов: Рекомендаций ЮНСИТРАЛ относительно юридической ценности компьютерных записей (1985), Типового закона ЮНСИТРАЛ об электронной торговле (1996) и др.

Ключевые слова: ЮНСИТРАЛ, ОЭСР, электронная торговля, типовый закон, электронная подпись, унификация, хронология.

Важность исследования ретроспективных аспектов развития международного права в сфере электронной торговли обусловлена динамичным развитием этого вида транснациональных торговых отношений. Объем международной электронной торговли (е-торговли) увеличился с 1,31 трлн \$ в 2014 году до 4,62 трлн \$ в 2021 году [9] и по прогнозу специалистов достигнет 7 трлн \$ к 2025 году [20]. Объем российской электронной торговли превысил в 2022 году 2,5 трлн руб. с ростом на 43% оборота 2021 года [10]. Не смотря на значимость и существенные объемы транснациональной е-торговли, система международного права в сфере электронной коммерции (торговли) характеризуется высоким уровнем неопределенности, что отмечается в соответствующих исследованиях [5, с. 12], [6, с. 11], [15, с. 1620], [16, с. 63].

Обозначенные данные международной торговли и отсутствие четких унифицированных инструментов ее регулирования предопределяют задачи историко-правового анализа проблемных аспектов развития международного права в сфере е-коммерции

В рамках исследования эволюционных аспектов формирования, развития системы международно-правового регулирования е-коммерции, следует изначально указать на двойственную природу этой системы, обусловленную регламентацией двух разных по сущности отношений коммерческого и электронно-цифрового содержания. При этом сфера международных коммерческих (торговых) договоров характеризуется высоким уровнем казуальности, неопределенности в силу трех ключевых факторов.

Во-первых, коммерческий международный договор при общем подходе допускает использование необходимых национальных источников права любой сторон, соответствующих международно-правовых источников, а также источники наиболее подходящей правовой системы согласно выбору сторон. Такой разносторонний выбор источников для разработки международного коммерческого договора объективно предопределяет высокий уровень правовой конфликтности его заключения и реализации [3, с. 43].

Во-вторых, международный торговый договор при узком (частном) подходе обычно включает материальные унифицированные нормы, которые выбраны его сторонами в рамках имеющихся у них

правовых знаний, что соответствующим образом влияет на снижение уровня конфликтности между сторонами в силу взаимного выбора договорных условий [4, с. 28].

В-третьих, комплексная структура коммерческого международного соглашения, несмотря на многовековую эволюцию развития [17, с. 24], характеризуется отсутствием общей правовой доктрины относительно понятия, ключевых признаков торгового международного договора. В этой связи Н.Г. Вилкова обосновала следующие свойства сложной конструкции коммерческого международного соглашения:

- ключевое свойство диспозитивности, которое определяет основу свободы выбора в разработке, унификации и применении материально-правовых норм этого договора;
- системные свойства унификации и классификации, сформулированное в принципиальных нормах УНИДРУА [2], модельных правилах Международной торговой палаты [26] или типовых (общих) предписаниях другой компетентной международной организации в рамках систематизации базовых норм различных систем права;
- традиционные свойства применения торговых обычаев, систематизированных Международной торговой палатой в Правилах Инкотермс [24];
- автономные свойства сложного содержания «*lex mercatoria*», которые устанавливаются сторонами в условиях договора и теряют свою индивидуальность, аутентичность после их систематизации международными организациями [8, с. 5], [22].

Таким образом, исходным аспектом историко-правового анализа системы международного права в сфере электронной торговли представляются объективные признаки двойственности (дуализма), неопределенности, казуальности этой системы, которая: регулирует две категории отношений коммерческо-договорного и электронно-цифрового содержания; характеризуется высоким уровнем казуальности, неопределенности международных коммерческих (торговых) договоров в силу трех ключевых факторов (свобода выбора источников, возможность выбора нескольких видов унифицированных договорных норм, комплексный характер регулирования множеством международных организаций в различных и схожих контекстах).

Появление электронной торговли связано с внедрением в практику средств автоматизации финансовых операций. Уже в 1960 году, который считается началом отсчета истории электронной коммерции, корпорация American Airlines совместно с IBM впервые применили платную услугу автоматического резервирования авиабилетов [14, с. 5].

Вместе с этим, Б. Батис-Лазо и А.А. Густаво установили первые факты транснационального использования в автоматизированной системе банковских платежных карт, начиная с 1950 года.

В частности, применение американских корпоративных клубных карт T&E в 1950 году распространилось на Мексику в 1953 году, Испанию в 1957 году [6, с. 11].

Последующее развитие информационных технологий (далее – ИТ) способствовало появлению ИТ-средств электронной передачи данных (Electronic Data Interchange, EDI), которые стали активно применяться в 1970–80 годы на корпоративном уровне [7, с. 163].

Порядок реализации указанных первых инструментов е-торговли, е-обмена документами регулировался соответствующими корпоративными актами.

Поэтому подготовительной общей стадией развития международного права в сфере электронной торговли представляется регламентация появившихся в Америке и Европе с 1950 года автоматизированных услуг бронирования авиабилетов, банковской оплаты и др. по условиям корпоративных актов соответствующих компаний.

Как отмечалось выше, третьим ключевым фактором неопределенности представляется сложная комплексная структура коммерческого международного соглашения, нормы которого систематизируются, унифицируются различными подразделениями международных организаций (ЮНСИТРАЛ, УНИДРУА, ОЭСР, Всемирный банк, ВТО, ВТамО, Международная торговая палата и др.). С учетом статуса множества указанных субъектов в рамках общей хронологии развития международного права в сфере электронной торговли целесообразно рассматривать историю разработки документов 4 рабочей группы ЮНСИТРАЛ в сфере электронной торговли.

Анализ содержания этих документов ЮНСИТРАЛ показывает, что в первый раз автоматизированные средства платежей упоминаются в докладе Комиссии ЮНСИТРАЛ A/CN.9/67 от 31.03.1972 года о проекте единого закона о международных переводных векселях. В этом сообщении для ООН отмечалась «тенденция к расширению использования кабельной или телематической передачи данных» [19].

В первом документе ЮНСИТРАЛ об электронном денежном переводе A/CN.9/199 от 12.05.1981 года указывалось, что работа по правовым проблемам, возникающим в связи с электронным переводом денежных средств ведется Комиссией с сентября 1978 года. Специальная исследовательская группа Комиссии разработала в этот период вопросник для кредитных организаций с целью сбора достаточных данных о практическом опыте создания и эксплуатации электронных платежных систем. В 1980 году этот вопросник был разослан и через полгода исследовательская группа приступила к анализу поступающих ответов [28].

В результате проведенной работы в 1982 году издано первое руководство ЮНСИТРАЛ (A/CN.9/221) по электронному переводу денежных средств, в материалах которого отсутствовало упо-

минание е-коммерции (электронной торговли), которая только начинала развиваться, и отмечалось, что системы электронных денежных переводов могут включать онлайн-компьютерные сети, автономные системы передачи данных с пакетной обработкой или физический обмен магнитными лентами или другими электронными запоминающими устройствами. Также указывалось начало работы с 1980 года и других международных организаций над регламентацией транснациональных электронных платежей (ОЭСР, ЮНКТАД, Банк международных расчетов) [21].

Первые документы других субъектов международного права по отдельным вопросам, связанным с появлением е-коммерции, вышли позднее:

1) в 1985 году издана Декларация ОЭСР о принципах политики управления трансграничными потоками данных (первый документ Директората ОЭСР по науке, технологиям и инновациям (Directorate for Science, Technology and Innovation, STI) [29];

2) первым стандартом в библиотеке Центра СЕ-ФАКТ ООН по упрощению торговли (UN Centre for Trade Facilitation and E-business, UN/CEFACT) стал стандарт ISO 9735 от 1988 года об условиях электронного обмена информацией [25];

3) первым документом ВТО по анализируемым вопросам стала опубликованная в 1998 году Декларация о глобальной е-коммерции, на основе которой была разработана Программа ВТО 1998 года в сфере электронной торговли, включающая мероприятия по изучению всех связанных с торговлей вопросов, относящихся к глобальной электронной торговле, с учетом экономических, финансовых потребностей развивающихся стран и потребностей в области развития [37];

4) специальные условия осуществления электронной торговли в составе Правил Инкотермс впервые были обозначены в редакции 2000 года на основании норм ЮНСИТРАЛ [23];

5) в 2010 году опубликован первый документ ЮНКТАД «Исследование о перспективах гармонизации законодательства в области кибербезопасности в Латинской Америке» [31], отражающий среди прочего вопросы электронной коммерции;

6) в 2017 году вышел первый ежегодный обзор Партнерства цифрового развития Всемирного банка, которое начало свою работу в 2016 году (Digital Development Partnership, DDP [18]).

Исходя из вышеизложенного, можно отметить, что общая стадия становления международного права в сфере, связанной с электронной торговлей, характеризуется разработкой в ЮНСИТРАЛ с 1978 по 1982 годы первого руководящего документа ЮНСИТРАЛ (A/CN.9/250) по электронному переводу денежных средств, а также началом работы в этом сегменте правоотношений других международных организаций.

Представленные данные позволяют сформулировать следующие тезисы о начальных стадиях общего развития до 1982 года международного права, связанного с е-коммерцией.

Во-первых, следует обозначить приоритетную роль ЮНСИТРАЛ в начале эволюции международных норм по общим вопросам электронного обмена данными, косвенно регулирующих исходные отношения е-торговли, которые до 1982 года не выделены в отдельный сегмент международного права.

Во-вторых, стоит указать на длительный период разработки, издания первых документов международного права, опосредованно касающихся сферы зарождающейся е-торговли, что отражает консервативный характер системы ООН и др. международных организаций, не отвечающий активному прогрессу цифровых отношений.

В-третьих, до 1982 года в документах международного права нет упоминаний об отдельной сфере электронной торговли, поэтому развитие в анализируемой сфере можно охарактеризовать двумя общими стадиями:

– подготовительной стадией функционирования в период 1950–1978 годов международного права в рамках регламентации появившихся в Америке и Европе автоматизированных услуг бронирования авиабилетов, банковской оплаты и др. по условиям корпоративных актов соответствующих компаний;

– стадией становления международного права в сфере, связанной с электронной торговлей, в рамках разработки в ЮНСИТРАЛ с 1978 по 1982 годы первого руководящего документа (A/CN.9/250) об электронном переводе денежных средств, а также началом работы в этом сегменте правоотношений других международных организаций.

В последующей деятельности 4 специальной Рабочей группы ЮНСИТРАЛ официально выделены шесть этапов развития международного права в сегменте электронной торговли [12].

Первый этап развития документов ЮНСИТРАЛ по е-торговле с 1982 по 1985 годы посвящен разработке, согласованию и утверждению Рекомендаций ЮНСИТРАЛ относительно юридической ценности компьютерных записей (1985), адресованной правительствам и международным организациям с предложением активизировать процесс легитимации инструментов электронной международной торговли [30].

Второй этап развития документов ЮНСИТРАЛ сферы электронной торговли с 1985 по 1996 годы связан с разработкой, согласованием, изданием Типового закона ЮНСИТРАЛ об электронной торговле (1996) [32]. Содержание этого документа направлено на разрешение торговли, которая осуществляется с применением электронных средств, с помощью предоставления национальным законодателям свода международно-приемлемых норм, устраняющих правовые препятствия для электронной торговли. Для этого рекомендуется обеспечить равное отношение к бумажным и электронным документам [11]. Первое упоминание термина «электронная торговля (е-коммерция)» отражено в материалах разработки указанного Типового закона ЮНСИТРАЛ.

Стоит обратить внимание на отсутствие в указанном Типовом законе непосредственно дефиниции «электронная торговля», но приводятся четкие признаки «электронного обмена данными (Electronic Data Interchange, EDI). Это сделано, как разъясняется в Руководстве по его принятию, преднамеренно для обеспечения широкого подхода в понимании конструкции «е-торговля» с учетом содержания ЭДИ, который может включать различные каналы передачи электронных торговых сведений (Интернет, телекс, телефакс и пр.).

Вместе с этим, в указанный период 4 рабочая группа ЮНСИТРАЛ разрабатывала вопросы регулирования международных электронных платежей и пр. вопросы, связанные с электронной коммерцией. Эти мероприятия завершились изданием в 1992 году Типового закона о международных зачетных переводах с комментариями (A/CN.9/347/Add.1 [27]). Указанный документ регулирует условия применения технологий и проведения банковских операций, начинающиеся с указания отправителем банку предоставить в распоряжение бенефициара определенную сумму денег. Он охватывает такие вопросы, как обязательства отправителя инструкции и банка-получателя, время платежа банка-получателя и ответственность банка перед отправителем или составителем в случае задержки перевода, включая трансграничный трансферт, или возникновения другой ошибки [13].

Третий этап развития документов ЮНСИТРАЛ по е-торговле с 1996 по 2001 годы включает подготовку, издание Типового закона ЮНСИТРАЛ об электронных подписях [33]. Положения этого документа устанавливают критерии обеспечения технической эквивалентности электронных и рукописных подписей, основные полномочия владельца электронной подписи и доверенных третьих сторон, участвующих в процессе подписания, а также нормы о признании иностранных сертификатов и электронных подписей на основе принципа материальной эквивалентности без учета территории происхождения иностранной е-подписи.

Четвертый этап эволюции документов ЮНСИТРАЛ в сфере е-торговли с 2001 по 2005 годы характеризуется разработкой, согласованием и утверждением текста Конвенции ООН о применении электронных данных в международных договорах [1]. Нормы этой Конвенции, подписанные 18 странами, определяют условия практического применения Типовых законов ЮНСИТРАЛ об электронной торговле, об электронных подписях с учетом принципов осуществления е-торговли технологической нейтральности, недискриминации, функциональной эквивалентности. Также Конвенция устанавливает правовые механизмы защиты участников в случае неточностей, допущенных при вводе данных в цифровые системы, и др. инструменты договорного обеспечения е-коммерции [36].

Пятый этап развития документов ЮНСИТРАЛ по е-торговле с 2005 по 2017 годы посвящен разработке, согласованию и утверждению Типового закона ЮНСИТРАЛ об электронных передавае-

мых записях. Содержание этого документа направлено на решение задач реализации принципов е-торговли в рамках применения цифровых технологий в виде реестров, токенов, распределенных бухгалтерских книг. При этом акцентируется внимание на контроле владения передаваемым е-документом или инструментом. В частности, требование о владении электронной передаваемой записью считается выполненным, если используется надежный метод установления исключительного контроля над этой записью и идентификации контролирующего субъекта [34].

Шестой (современный) этап эволюции документов ЮНСИТРАЛ в сфере е-торговли с 2017 года по настоящее время отличается подготовкой, изданием Типового закона ЮНСИТРАЛ об использовании и трансграничном признании служб управления личными данными и траста (2022). Текст этого Типового закона направлен на решение задач применения типовых законодательных положений, юридически разрешающих использование личных данных для онлайн-идентификации и сведения трастовых служб для обеспечения гарантий качества е-данных, а также задач применения инструментов содействия трансграничному признанию использования услуг в сфере управления личными данными и трастовыми сведениями с учетом действующих законов о защите конфиденциальных данных [35].

С учетом вышеизложенного, можно обобщить следующие выводы об этапах развития с 1982 года по настоящее время международного права в сфере е-коммерции.

Во-первых, следует обозначить приоритетную роль ЮНСИТРАЛ в эволюции международных норм по вопросам электронной торговли, которые с 1982 года выделены в отдельный сегмент международного права, что отражено в материалах разработки Типового закона ЮНСИТРАЛ об электронной торговле (1996).

Во-вторых, официальная хронология развития международного права е-коммерции в рамках полномочий ЮНСИТРАЛ определяется 6 этапами разработки, издания соответствующих правовых актов: Рекомендаций ЮНСИТРАЛ относительно юридической ценности компьютерных записей (1985), Типового закона ЮНСИТРАЛ об электронной торговле (1996), Типового закона ЮНСИТРАЛ об электронных подписях (2001), Конвенции ООН о применении электронных данных в международных договорах (2005), Типового закона ЮНСИТРАЛ об электронных передаваемых записях (2017), Типового закона ЮНСИТРАЛ об использовании и трансграничном признании служб управления личными данными и траста (2022).

Литература

1. Конвенция Организации Объединенных Наций об использовании электронных сообщений в международных договорах (заключена в г. Нью-Йорке 23.11.2005, Россия приняла с заявлениями Постановление Правительства

- РФ от 24.10.2013 № 940) // Бюллетень между-народных договоров. 2018. № 6.
2. Принципы международных коммерческих до-говоров (Принципы УНИДРУА) (1994 год) // Би-блиотечка «Российской газеты», вып. 13, 2001.
 3. Вилкова Н.Г. Международные коммерческие контракты: теория и практика унификации пра-вового регулирования: дис. ... доктора юрид. наук: 12.00.03 / Вилкова Нина Григорьевна –; Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития и тор-говли РФ. М., 2001. 442 с.
 4. Канашевский В.А. Международные сделки: правовое регулирование. 2-е изд. Москва, 2019. 704 с.
 5. Козинец, Н.В. Особенности правового регули-рования трансграничной электронной торгов-ли: дис. ... канд. юрид. наук:12.00.03 / Козинец Никита Владимирович. Москва, 2017. 209 с.
 6. Косарев А.С. Проблемы правового регулиро-вания сделок в сфере электронной коммерции: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: специаль-ность 12.00.03 / Косарев Антон Сергеевич. Мо-сква, 2010. 26 с.
 7. Курилова Е.С. История развития и международ-но-правового регулирования электронной тор-говли // Новое слово в науке и практике: гипотезы и апробация результатов исследований, № 19, 2015, С. 163–168.
 8. Мажорина М.В.. Lex mercatoria: средневековый миф или феномен глобализации? // Право. Журнал Высшей школы экономики, № 1, 2017, с. 4–19.
 9. Руководство ВПС по электронной коммерции. [Электронный ресурс], URL: [https://www.upu.int/UPU/media/upu/publications/version-29032021-UPU-E-Commerce-Guide_2020_RU-\(003\).pdf](https://www.upu.int/UPU/media/upu/publications/version-29032021-UPU-E-Commerce-Guide_2020_RU-(003).pdf) (дата обращения 13.11.2023).
 10. Сведения Ассоциации компаний интернет- тор-говли. [Электронный ресурс], URL: <https://akit.ru/news/internet-torgovlya-v-pervom-polugodii-2022> (дата обращения 13.11.2023).
 11. Сведения веб-сайта ЮНСИТРАЛ о Типовом законе об электронной торговле. [Электрон-ный ресурс], URL: https://uncitral.un.org/en/texts/ecommerce/modellaw/electronic_commerce (да-та обращения 13.11.2023).
 12. Сведения веб-сайта ЮНСИТРАЛ об элект-ронной торговле. [Электронный ресурс], URL: <https://uncitral.un.org/en/texts/ecommerce> (дата обращения 13.11.2023).
 13. Типовой закон ЮНСИТРАЛ о международных переводах. 1992. [Электронный ресурс], URL: <https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/en/ml-credittrans.pdf> (дата обращения 13.11.2023).
 14. Batiz-Lazo, Bernardo & Del Angel, Gustavo. (2018). The Ascent of Plastic Money: International Adoption of the Bank Credit Card, 1950–1975. *Business History Review*. 92. 1–25.
 15. L. Xu. E-contracting Challenges. *Encyclopaedia of Information. Science and Technology*. 2nd Ed. 2010. P. 1620–1629.
 16. Organ, Ibrahim & Çavdar, Fatih. (2012). Problems in the international field of taxation of electronic commerce. *Journal of Internet Applications and Management*. 3. P. 63–84.
 17. Schmitthoff C.M. The multi national enterprise in the United Kingdom // *Nationalism and the multi-national enterprise: legal, economic and manage-rial aspects*. Leiden, 1973. P. 24.
 18. Annual Reviews DDP. 2017. [Электронный ре-сурс], URL: <https://www.digitaldevelopmentpartnership.org/about.html?ddp=10> (дата обращения 13.11.2023).
 19. Draft uniform law on international bills of exchange and commentary: report of the Secretary-General (A/CN.9/67, 31.03.1972). [Электронный ресурс], URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UN-DOC/GEN/NL7/200/43/PDF/NL720043.pdf?OpenElement> (дата обращения 13.11.2023).
 20. Ecommerce In The Spotlight: Latest Trends And Eye-Opening Stats. [Электронный ресурс], URL: <https://www.go-globe.com/ecommerce-in-the-spotlight-latest-trends/> (дата обращения 13.11.2023).
 21. Electronic funds transfer (A/CN.9/221, 06.08.1982). [Электронный ресурс], URL: <https://digitallibrary.un.org/record/35021> (дата обраще-ния 13.11.2023).
 22. Fassberg C. Lex mercatoria – Hoist with Its Own Petard? // *Chicago Journal of International Law*. Vol. 5. No. 1. [Электронный ресурс], URL: <http://chicagounbound.uchicago.edu/cjil/vol5/iss1/7> (да-та обращения: 13.11.2023).
 23. INCOTERMS2000. [Электронный ресурс], URL: http://stalct.com/INFO/Incoterms-2000/inc2000in-tro_rus.htm (дата обращения 13.11.2023).
 24. Incoterms. 2020.No. 723E. [Электронный ресурс], URL: https://2go.iccwbo.org/inco-terms-2020-eng-config+book_version-Book/ (да-та обращения: 13.11.2023).
 25. ISO 9735:1988 Electronic data interchange for ad-ministration, commerce and transport (EDIFACT) – Application level syntax rules. [Электронный ре-сурс], URL: <https://www.iso.org/standard/17592.html>. (дата обращения 13.11.2023).
 26. Model contracts & clauses ICC. [Электронный ре-сурс], URL: <https://iccwbo.org/resources-for-busi-ness/model-contracts-clauses/>. (дата обраще-ния: 13.11.2023).
 27. Model Law in International Credit Transfers: com-pilation of comments / by Governments and in-ternational organizations. A/CN.9/347/Add.1. [Электронный ресурс], URL: <https://digitalli-brary.un.org/record/196845> (дата обращения 13.11.2023).
 28. Note by the Secretary-General: electronic funds transfer (A/CN.9/199, 12.05.1981). [Электрон-ный ресурс], URL: <https://digitallibrary.un.org/re-cord/22449?ln=ru> (дата обращения 13.11.2023).

29. OECD Declaration on Transborder Data Flows (1985). [Электронный ресурс], URL: <https://doi.org/10.1787/20716826> (дата обращения 13.11.2023).
30. Recommendations to Governments and international organizations concerning the legal value of computer records (A/CN.9/265, 1985). [Электронный ресурс], URL: <https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/en/computerrecords-e.pdf> (дата обращения 13.11.2023).
31. Study on prospects for harmonizing cyber legislation in Latin America. 2010. (UNCTAD/DTL/STICT/2009/1). [Электронный ресурс], URL: https://unctad.org/system/files/official-document/dtlstict20091_en.pdf (дата обращения 13.11.2023).
32. UNCITRAL Model Law on Electronic Commerce with Guide to Enactment 1996 with additional article 5 bis as adopted in 1998. [Электронный ресурс], URL: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/en/19-04970_ebook.pdf (дата обращения 13.11.2023).
33. UNCITRAL Model Law on Electronic Signatures (2001). [Электронный ресурс], URL: https://uncitral.un.org/en/texts/ecommerce/modellaw/electronic_signatures (дата обращения 13.11.2023).
34. UNCITRAL Model Law on Electronic Transferable Records (2017). [Электронный ресурс], URL: https://uncitral.un.org/en/texts/ecommerce/modellaw/electronic_transferable_records (дата обращения 13.11.2023).
35. UNCITRAL Model Law on the Use and Cross-border Recognition of Identity Management and Trust Services (2022). [Электронный ресурс], URL: <https://uncitral.un.org/en/mlit> (дата обращения 13.11.2023).
36. United Nations Convention on the Use of Electronic Communications in International Contracts (New York, 2005). [Электронный ресурс], URL: https://uncitral.un.org/en/texts/ecommerce/conventions/electronic_communications (дата обращения 13.11.2023).
37. Work Programme on Electronic Commerce. WT/L/274, 30 September 1998. [Электронный ресурс], URL: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=q:/WT/L/274.pdf&Open=True> (дата обращения 13.11.2023).

EVOLUTION OF THE FORMATION OF INTERNATIONAL LAW IN THE FIELD OF ELECTRONIC COMMERCE

Yaskov A.A.

Slavic Greek Latin Academy

The article outlines the initial features of the historical and legal analysis of the system of international law in the field of electronic commerce: objective signs of duality, uncertainty, casuality; key factors of freedom of choice of sources, several types of unified contractual norms, the complex nature of regulation. The author argued for the priority role of UNCITRAL in the evolution of international norms on e-commerce, which until 1982 included: the preparatory stage of the functioning of international law in the period 1950–1978 within the framework of corporate regulation of automated air ticket booking services, bank payment, etc.; the stage of formation of international law in the field of electronic commerce. The author also

systematized the official chronology of the development of international e-commerce law within the authority of UNCITRAL, which is determined by 6 stages of development, publication of relevant legal acts: the UNCITRAL Recommendations on the Legal Value of Computer Records (1985), the UNCITRAL Model Law on Electronic Commerce (1996), etc.

Keywords: UNCITRAL, OECD, electronic commerce, model law, electronic signature, unification, chronology.

References

1. The United Nations Convention on the Use of Electronic Communications in International Contracts (concluded in New York on 11/23/2005, Russia adopted the Decree of the Government of the Russian Federation No. 940 of 10/24/2013 with statements) // *Bulletin of International Treaties*. 2018. № 6.
2. Principles of International Commercial Contracts (UNIDROIT Principles) (1994) // *Bibliotekha Rossiyskaya Gazeta*, issue 13, 2001.
3. Vilkova N.G. International commercial contracts: theory and practice of unification of legal regulation: dis. ... doctors of law. sciences': 12.00.03 / Vilkova Nina Grigorievna –; All-Russian Academy of Foreign Trade of the Ministry of Economic Development and Trade of the Russian Federation. – M., 2001. – P. 43.
4. Kanashevsky V.A. International transactions: legal regulation. 2nd ed. Moscow, 2019. 704 p.
5. Kozinets, N.V. Features of legal regulation of cross-border electronic commerce: dis. ... cand. jurid. sciences': 12.00.03 / Kozinets Nikita Vladimirovich. Moscow, 2017. 209 p.
6. Kosarev, A.S. Problems of legal regulation of transactions in the field of e-commerce: abstract. dis. ... cand. jurid. sciences': 12.00.03 / Kosarev Anton Sergeevich. Moscow, 2010. 25 p.
7. Kurilova E.S. History of development and international legal regulation of electronic commerce // *New word in science and practice: hypotheses and approbation of research results*, No. 19, 2015, pp. 163–168.
8. Mazhorina M.V.. Lex mercatoria: medieval myth or phenomenon of globalization? // *Right. Journal of the Higher School of Economics*, No. 1, 2017, pp. 4–19.
9. UPU Guide to e-commerce. URL: [https://www.upu.int/UPU/media/upu_publications/version-29032021-UPU-E-Commerce-Guide_2020_RU_\(003\).pdf](https://www.upu.int/UPU/media/upu_publications/version-29032021-UPU-E-Commerce-Guide_2020_RU_(003).pdf) (accessed 13.11.2023).
10. Information of the Association of e-commerce Companies. URL: <https://akit.ru/news/internet-torgovlya-v-pervom-polugodii-2022> (accessed 13.11.2023).
11. Information from the UNCITRAL website on the Model Law on Electronic Commerce. URL: https://uncitral.un.org/en/texts/ecommerce/modellaw/electronic_commerce (accessed 13.11.2023).
12. Information of the UNCITRAL website on electronic commerce. URL: <https://uncitral.un.org/en/texts/ecommerce> (accessed 13.11.2023).
13. The UNCITRAL Model Law on International Translations. 1992. URL: <https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/en/ml-creditrans.pdf> (accessed 13.11.2023).
14. Batiz-Lazo, Bernardo & Del Angel, Gustavo. (2018). The Ascent of Plastic Money: International Adoption of the Bank Credit Card, 1950–1975. *Business History Review*. 92. 1–25.
15. L. Xu. E-contracting Challenges. *Encyclopaedia of Information. Science and Technology*. 2nd Ed. 2010. P. 1620–1629.
16. Organ, Ibrahim & Çavdar, Fatih. (2012). Problems in the international field of taxation of electronic commerce. *Journal of Internet Applications and Management*. 3. P. 63–84.
17. Schmitthoff C.M. The multi national enterprise in the United Kingdom // *Nationalism and the multinational enterprise: legal, economic and managerial aspects*. Leiden, 1973. P. 24.
18. Annual Reviews DDP. 2017. URL: <https://www.digitaldevelopmentpartnership.org/about.html?ddp=10> (accessed 13.11.2023).
19. Draft uniform law on international bills of exchange and commentary: report of the Secretary-General (A/CN.9/67, 31.03.1972). URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/NL7/200/43/PDF/NL720043.pdf?OpenElement> (accessed 13.11.2023).

20. Ecommerce In The Spotlight: Latest Trends And Eye-Opening Stats. URL: <https://www.go-globe.com/ecommerce-in-the-spotlight-latest-trends/> (accessed 13.11.2023).
21. Electronic funds transfer (A/CN.9/221, 06.08.1982). URL: <https://digitallibrary.un.org/record/35021> (accessed 13.11.2023).
22. Fassberg C. Lex mercatoria – Hoist with Its Own Petard? // Chicago Journal of International Law. Vol. 5. No. 1. URL: <http://chicagounbound.uchicago.edu/cjil/vol5/iss1/7> (дата обращения: 13.11.2023).
23. INCOTERMS2000. URL: http://stalct.com/INFO/Incoterms-2000/inc2000intro_rus.htm (accessed 13.11.2023).
24. Incoterms. 2020.No. 723E. URL: https://2go.iccwbo.org/incoterms-2020-eng-config+book_version-Book/ (accessed 13.11.2023).
25. ISO 9735:1988 Electronic data interchange for administration, commerce and transport (EDIFACT) – Application level syntax rules. URL: <https://www.iso.org/standard/17592.html>. (accessed 13.11.2023).
26. Model contracts & clauses ICC. URL: <https://iccwbo.org/resources-for-business/model-contracts-clauses/>. (дата обращения: 13.11.2023).
27. Model Law in International Credit Transfers: compilation of comments / by Governments and international organizations. A/CN.9/347/Add.1. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/196845> (accessed 13.11.2023).
28. Note by the Secretary-General: electronic funds transfer (A/CN.9/199, 12.05.1981). URL: <https://digitallibrary.un.org/record/22449?ln=ru> (accessed 13.11.2023).
29. OECD Declaration on Transborder Data Flows (1985). URL: <https://doi.org/10.1787/20716826> (accessed 13.11.2023).
30. Recommendations to Governments and international organizations concerning the legal value of computer records (A/CN.9/265, 1985). URL: <https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/en/computerrecords-e.pdf> (accessed 13.11.2023).
31. Study on prospects for harmonizing cyber legislation in Latin America. 2010. (UNCTAD/DTL/STICT/2009/1). URL: https://unctad.org/system/files/official-document/dtlstict20091_en.pdf (accessed 13.11.2023).
32. UNCITRAL Model Law on Electronic Commerce with Guide to Enactment 1996 with additional article 5 bis as adopted in 1998. URL: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/en/19-04970_ebook.pdf (accessed 13.11.2023).
33. UNCITRAL Model Law on Electronic Signatures (2001). URL: https://uncitral.un.org/en/texts/ecommerce/modellaw/electronic_signatures (accessed 13.11.2023).
34. UNCITRAL Model Law on Electronic Transferable Records (2017). URL: https://uncitral.un.org/en/texts/ecommerce/model-law/electronic_transferable_records (accessed 13.11.2023).
35. UNCITRAL Model Law on the Use and Cross-border Recognition of Identity Management and Trust Services (2022). URL: <https://uncitral.un.org/en/mlit> (accessed 13.11.2023).
36. United Nations Convention on the Use of Electronic Communications in International Contracts (New York, 2005). URL: https://uncitral.un.org/en/texts/ecommerce/conventions/electronic_communications (accessed 13.11.2023).
37. Work Programme on Electronic Commerce. WT/L/274, 30 September 1998. URL: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=q:WT/L/274.pdf&Open=True> (accessed 13.11.2023).

Судебные ошибки в применении норм международных договоров в России

Запросов Алексей Александрович,

аспирант, международно-правовые науки, АНО ВО «Славяно-Греко-Латинская Академия»
E-mail: zaprosov@mail.ru

Международный договор – это международное соглашение, заключенное двумя или более государствами в письменной форме и регулируемое международным правом. Главным субъектом-правоприменителем норм международных договоров выступает официальная судебная инстанция, в России представленная судами общей юрисдикции и арбитражными судами. Особенно дискуссионными в современной практике выступают вопросы применения норм международных договоров арбитражными судами Российской Федерации. Выделено три группы судебных ошибок, связанных с применением норм международных договоров: неприменение международного договора, некорректное применение международного договора, игнорирование принципа приоритета международного договора перед законом. Статья предоставляет анализ ряда практических случаев, иллюстрирующих судебные ошибки, произошедшие из-за несоответствия национальных законов нормам международных договоров, включает в себя анализ судебных решений и их влияние на правоприменительную практику. В заключительной части статьи подводятся итоги проведенного анализа, выделяются основные выводы и предлагаются пути решения выявленных проблем. Подчеркивается важность согласования национальных законов с международными нормами для обеспечения справедливости и эффективности судебной системы.

Ключевые слова: международный договор, судебная ошибка, глобализация, арбитражный суд.

Одной из наиболее значимых цивилизационных тенденций последних десятилетий стала глобализация. Изначально глобализация оказывала влияние на торговлю, промышленность, политику, культуру, рекреацию, а впоследствии это влияние стало распространяться на многие другие сферы аспекты деятельности, включая нормативно-правовые системы государств.

Одним из «продуктов» правовой глобализации стали международные договоры. Международные договоры, альянсы, интеграционные формации, международные организации – все это становится частью системы глобального управления (*global governance*). Единства мнений о сущности и функциональном спектре международных договоров пока не наблюдается: часть исследователей и политиков считает, что международный договор представляет собой инструмент ограничения свободы торговли, легитимизацию практики вмешательства во внутренние дела суверенных государств, способ глобального продвижения западцентристской парадигмы. Тем не менее, по мнению большинства, международные договоры необходимы и важны, так как они воплощают в себе концепцию универсальной справедливости, благотворно сказываются на устойчивости международного правопорядка и обеспечивают объективность и мультилатерализм (учет интересов всех сторон) правовой системы страны [8, с. 44].

Современное право находится на пересечении национальных границ и международных отношений, что выявляет необходимость гармонизации национальных законов с международными нормами. Несмотря на это, в практике судебных решений нередко встречаются ситуации, когда национальные законы противоречат международным обязательствам. В результате возникают судебные ошибки, которые могут иметь достаточно ощутимые последствия.

Одним из ключевых аспектов современных правовых исследований является выявление механизмов взаимодействия национальных и международных правовых систем. Акцент делается на процессах инкорпорации международных норм в национальное законодательство и методах применения положений международных договоров в судебной практике.

Как правило, для получения универсального легального определения термина «международный договор» принято обращаться к тексту п. 1 «а» ст. 2 Венской конвенции «О праве международных

договоров» (1969 г.), где международный договор определяется как «международное соглашение, заключенное государствами в письменной форме и регулируемое международным правом независимо от того, содержится ли такое соглашение в одном документе, в двух или нескольких связанных между собой документах, а также независимо от его конкретного наименования» [4].

Российский законодатель при разработке дефиниции рассматриваемого нами понятия, безусловно, исходил из Конвенции: так, в тексте п. 1 ст. 1 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 101 ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» содержится определение, которое практически дословно повторяет представленное выше [3, с. 68]. Дефиниция, представленная в российском законодательстве, содержит указание на две существенные черты международного договора: во-первых, он выступает результатом соглашения между сторонами, фиксирует их согласованные воли и волеизъявления [11]; во-вторых, акцентируется трансграничная сущность международного договора: он заключается исключительно субъектами международного права [3, с. 69].

Для того, чтобы понять природу, типы, сущность и последствия судебных ошибок, связанных с применением норм международных договоров, требуется понять их место и роль в национальной правовой системе. Безусловно, правовая система страны, которая заключает международный договор, должна быть готова к принятию его постулатов в спектр собственных нормативно-правовых аспектов. Международные договоры, будучи включенными в национальную правовую систему государства, должны быть соотнесены по юридической силе с источниками национального права – для того, чтобы судебный орган мог понимать, какой из двух источников норм – внутренние или пришедшие «извне» – должен превалировать в каждом конкретном случае.

В данной связи вполне естественными выглядят споры о месте международных договоров в иерархической системе отечественных нормативных правовых актов. Вне зависимости от времени подписания договора, количества сторон и сферы деятельности, регулируемой международным договором, его положения должны неукоснительно соблюдаться [6, с. 106]. Так, к примеру, отмечено и в тексте ст. 26, 27 Венской конвенции от 1969 г., по которой каждый международный договор обязателен для подписавших его сторон, и, следовательно, его условия должны добросовестно исполняться ими. Сторона международного договора не может отказаться от исполнения договора по причине наличия противоречащих норм внутреннего права [7, с. 47]. Данный тезис приводит к выводу о том, что нормы международного договора априори занимают главенствующую позицию по отношению ко внутренним нормам национальной правовой системы.

Главным субъектом-правоприменителем норм международных договоров выступает официаль-

ная судебная инстанция (в России представленная судами общей юрисдикции и третейскими (арбитражными) судами). Потенциально существуют и иные правоприменители международных договоров – нотариусы, консульские отделы, органы ЗАГС и проч., но они работают с нормами международных договоров гораздо реже, чем суды.

Особенно дискуссионными в современной практике выступают вопросы применения норм международных договоров арбитражными судами Российской Федерации. Сама по себе система арбитражного судопроизводства регулярно модернизируется, что влияет на судебную практику. В научной литературе отмечается повышающийся уровень правосознания участников арбитражного процесса, «которому сопутствует необходимость оценки конкретных доводов о нарушении тех или иных прав, закрепленных не столько на национальном уровне, сколько на международном» [10, с. 81]. В последние годы авторитет арбитражного судопроизводства в деловых кругах ощутимо повысился, что привело к росту количества споров. Арбитражные суды, будучи правоприменителями международных норм, обязаны действовать в строгом соответствии с положениями международных договоров. Подобное обязательство возложено на российского правоприменителя на основании заключения международных договоров государством и вступления их в законную силу. Все это влечет прогрессивное развитие практики применения норм международных договоров отечественными арбитражными судами. Как показывает анализ новейшей научной литературы в рассматриваемой нами предметной области, а также судебной практики, связанной с практическим применением норм международного права арбитражными судами, механизмы «встраивания» норм международных договоров пока не приобрели слаженности. При этом следует отметить высокий уровень ответственности за возможные судебные ошибки.

В связи с изложенным научно-теоретический и прикладной интерес представляет собой выявление и анализ наиболее распространенных ошибок, допускаемых российскими арбитражными судами при применении норм международных договоров. Судебная ошибка представляет собой отрицательный результат противоправного поведения суда, допущенный по гражданскому, уголовному или административному делу и зафиксированный уполномоченной судебной инстанцией. В контексте международных договоров определение судебной ошибки можно уточнить посредством указания на нарушение или некорректное применение норм, изложенных в таких договорах.

Представленная выше законодательная дефиниция судебной ошибки позволяет нам систематизировать всю совокупность судебных ошибок, возникающих при применении норм международных договоров в арбитраже, разделив их на три группы (Рисунок 1):

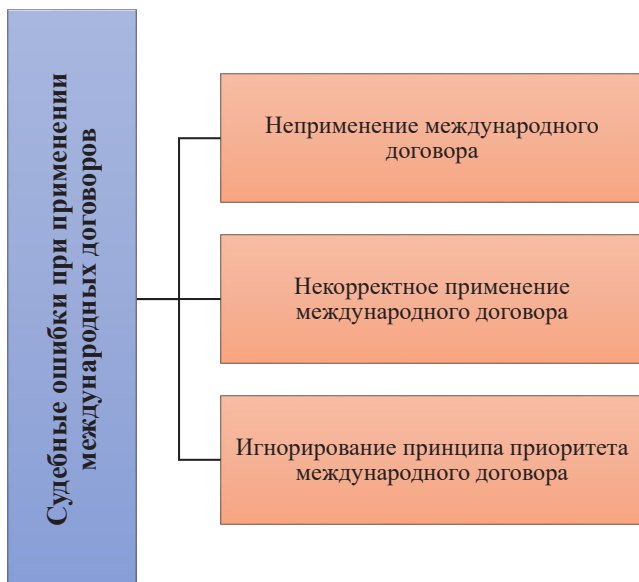

Рис. 1. Типы судебных ошибок, возникающих при применении международных договоров с участием Российской Федерации

Примечание: источник – собственная разработка по материалам [1, с. 57]

Неприменение международного договора

Так, к примеру, Венская Конвенция о договорах международной купли-продажи от 1980 г. считается одним из ключевых международных договоров, регулирующих процессы купли-продажи продукции в трансграничном пространстве. Российская Федерация, будучи правопреемницей СССР, является одной из сторон этой Конвенции. Несмотря на это, юристы говорят о массовой практике игнорирования данного документа при вынесении решений по делам, осложнённым иностранным элементом. В качестве примера неприменения нормы международного договора можно привести решение по делу № А40–34299/17, озвученное в 2017 г. Арбитражным Судом г. Москвы. Как указано в материалах дела, между узбекистанским АО «Фергана Азот» и российским АО «Нефтегазкомплект» был заключен договор на поставку турбокомпрессора модели ИТТ-12. Оплата поставки была не произведена, а поставщик («Нефтегазкомплект»), в свою очередь, переуступил требования по договору третьему лицу – ООО «НГК-Инвест». «НГК-Инвест» подал иск о взыскании основного долга в Арбитражный суд, где в его пользу было вынесено решение о взыскании долга и пени (по отдельному иску).

Суд проигнорировал нормы международной конвенции и вынес решение исключительно на основании российского законодательства. Текст решения по делу не содержит отсылок или упоминаний ст. 1211 ГК РФ для установления применимого права [2].

Подобные судебные ошибки приводят к необходимости обращения в вышестоящие инстанции. К примеру, отметим постановление Президиума Высшего Арбитражного суда РФ от 30.09.2003 № 7127/03, которое отменило решение суда первой

инстанции, постановления судов апелляционной и кассационной инстанций по причине неприменения норм Конвенции о договоре международной дорожной перевозки грузов. Учитывая, что обе стороны судебного спора выступали российскими субъектами, суд не учел международный характер деятельности, которую осуществляли истец и ответчик [1, с. 56].

Суды, таким образом, вынуждены исправлять ошибки нижестоящих инстанций, неправомерно применяющих неподходящую российскую норму вместо нормы международного договора. Среди подобных случаев – Определение № 305-ЭС19–12520 Верховного Суда РФ вынес относительно вопроса исполнения решения Арбитражного суда г. Москвы на территории Латвии (дело № А40–93638/2018), где суд не принял во внимание межстрановой договор о правовой помощи (Договор между РФ и Латвийской Республикой от 3 февраля 1993 г. о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам) [5].

Иногда причиной неприменения норм международного договора выступает отсутствие факта его официального опубликования. В практике еще не получила закрепления процедура опубликования и доведения до всеобщего сведения международных договоров; не совсем ясно, выступает ли своевременное официальное опубликование международных договоров обязанностью государственных органов [9, с. 179].

Некорректное применение международного договора

Спектр нарушений, входящих в данную группу, достаточно широк: так, арбитражные суды могут неверно определить момент вступления международного договора в силу, неправильно определить перечень государств, выступающих сторонами договора, проигнорировать оговорки, сделанные государством при заключении договора, ошибочно применить коллизионные нормы международного договора вместо материальных норм. Также в данную группу входят ошибки, связанные с неверным выстраиванием иерархии международных договоров по критерию юридической силы, предпочтение общему международному договору перед специальным.

К примеру, решение Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате РФ от 31.05.2002 по делу № 120/2001 указало, что к спору положения Венской конвенции о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г. неприменимы, так как для одной из сторон (Бельгия) Конвенция еще не вступила в силу на момент заключения контракта.

Игнорирование принципа приоритета международного договора перед законом

Положения ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, а также ч. 2 ст. 5 Федерального закона от 15.07.1995 № 101-ФЗ

«О международных договорах Российской Федерации», ч. 3 ст. 3 Арбитражного процессуального кодекса предписывают соблюдение принципа приоритета международного договора Российской Федерации над внутренним законодательством. Российская правовая система, таким образом, является собой некую иерархическую систему источников права, расположенных по приоритетности в зависимости от юридической силы акта. Статус международного договора зачастую соответствует статусу внутригосударственного правового акта, посредством которого договор инкорпорируется во внутригосударственную систему права.

Тем не менее, этот принцип зачастую нарушается в реальной практике. К примеру, как можно увидеть из текста Постановления Президиума Высшего арбитражного суда РФ от декабря 2009 г. № 9918/09, суды не учли тот факт, что по условиям Ст. 7. Кодекса о приоритете международного права, положения Кодекса и принятых в соответствии с ним нормативных правовых актов не применяются в случае наличия международного договора, который содержит противоречащие Кодексу нормы, применимые при рассмотрении конкретного дела [12].

Таким образом, российские арбитражные суды сталкиваются с проблемой необходимости выбора корректного сценария правоприменительного поведения в случаях необходимости применения норм международных договоров. Специфика правовых последствий детерминирована выбранным вариантом правоприменительного поведения арбитражного суда. Как показывает судебная практика, в вопросах, где вступают в противоречие нормы внутреннего законодательства и международного договора, до сих пор встречаются судебные ошибки.

Арбитражный суд, по нашему мнению, является собой ключевой механизм разрешения споров, осложненных иностранным элементом, доля которых в общем объеме судебных разбирательств крайне высока. Важно учитывать, что международные договоры, подписанные государствами, представляют собой выражение общепризнанных правовых норм. Их гармонизация с национальным законодательством создает основу для единообразного применения правил и обеспечивает устойчивость правового порядка. Арбитражные суды, признавая важность соблюдения международных обязательств, выступают в роли гарантов исполнения государствами своих международных обязательств. Учет норм международных договоров в процессе принятия решения в арбитражном процессе подчеркивает стремление к правовой справедливости и эффективному разрешению споров. Это особенно важно в контексте сложных международных сделок, где применение только национального законодательства может недостаточно отражать все аспекты отношений между сторонами. Для того, чтобы не допускать ошибок, связанных с некорректными интерпретациями или игнорированием норм международных договоров, арбитражные су-

ды должны обладать высоким профессионализмом и компетентностью в международном праве. Эффективная работа арбитражных судов в контексте международных договоров требует не только понимания национальных законов, но и глубоких знаний иностранных правовых систем и обязательств, вытекающих из международных соглашений.

Литература

1. Аничкин, Е. Основные судебные ошибки при применении норм международного частного права / Е. Аничкин // Российско-азиатский правовой журнал, – 2021, – № 1. – С. 55–62.
2. Ахмедов, А. Венская Конвенция нынче не в моде, или Как АСГМ определял применимое право – 2023 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://zakon.ru/blog/2018/1/24/venskaya_konvenciya_nynche_ne_v_mode_ili_kak_asgm_opredelyal_primenimoe_pravo. – Дата доступа: 19.12.2023.
3. Базанова, Е. В. К вопросу о понятии и классификации международных договоров / Е.В. Базанова // Вестник экономической безопасности. – 2011. – № 8. – С. 68–71.
4. Венская конвенция о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. // Международное право в документах // сост. Н.Т. Блатова. – М., 1982. – С. 70.
5. ВС напомнил судам, что международные договоры являются частью правовой системы России – 2023 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kiap.com/press-centr/public/9234.html>. – Дата доступа: 19.12.2023.
6. Капустин, А.Я. Международное судебное толкование международного договора: современные тренды / А.Я. Капустин // Журнал российского права. – 2021. – № 8. – С. 104–117.
7. Киселева, О. А. К вопросу о юридической силе и месте норм международных договоров в правовой системе Российской Федерации / О.А. Киселева // Вестник ОмГУ. Серия. Право. – 2018. – № 2 (55). – С. 46–48.
8. Кириленко, В.П. Международные договоры и юрисдикция государств в современных геополитических условиях / В.П. Кириленко, Г.В. Алексеев, М.В. Яндукова // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2019; – (3): – 43–52.
9. Киселева, О.А. Применение международных договоров Российской Федерации в арбитражном судопроизводстве России / О.А. Киселева // Правоприменение. – 2017. – № 3. – С. 174–189.
10. Криворучко, О.А. Международные договоры в судебных актах арбитражных судов Российской Федерации / О.А. Криворучко // Вестник СПбГУ. Серия 14. Право. – 2014. – № 2. – С. 80–89.
11. Федеральный закон «О международных договорах Российской Федерации» от 15.07.1995

N101-ФЗ (последняя редакция) // Консультант. – 2023 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7258/. – Дата доступа: 19.12.2023.

12. Энциклопедия судебной практики // Гарант. – 2023 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/57591695/>. – Дата доступа: 19.12.2023.

JUDICIAL ERRORS IN THE APPLICATION OF INTERNATIONAL TREATIES IN RUSSIA

Zaprosov A.A.

ANO VO "Slavic-Greek-Latin Academy"

An international treaty is an international agreement concluded by states in writing and governed by international law. The main subject-enforcer of the norms of international treaties is the official judicial authority, represented in Russia by courts of general jurisdiction and arbitration courts. Particularly controversial in modern practice are the issues of application of the norms of international treaties by arbitration courts of the Russian Federation. Three groups of judicial errors related to the application of the norms of international treaties have been identified: non-application of an international treaty, incorrect application of an international treaty, ignoring the principle of the priority of an international treaty over the law. The article provides an analysis of a number of practical cases illustrating judicial errors that occurred due to the inconsistency of national laws with the norms of international treaties, includes an analysis of court decisions and their impact on law enforcement practice. The final part of the article summarizes the results of the analysis, highlights the main conclusions and suggests ways to solve the identified problems. The importance of harmonizing national laws with international standards to ensure fairness and efficiency of the judicial system is emphasized.

Keywords: international treaty, judicial mistake, globalization, arbitration court.

References

1. Anichkin, E. Main judicial errors in the application of norms of private international law / E. Anichkin // *Russian-Asian Legal Journal*, – 2021, – No. 1. – P. 55–62.
2. Akhmedov, A. The Vienna Convention is not in fashion now, or How the ASGM determined the applicable law – 2023 [Electronic resource]. – Access mode: https://zakon.ru/blog/2018/1/24/venskaya_konvenciya_nynche_ne_v_mode_ili_kak_asgm_opredelyal_primenimoe_pravo. – Access date: 12/19/2023.
3. Bazanova, E.V. On the issue of the concept and classification of international treaties / E.V. Baranova // *Bulletin of Economic Security*. – 2011. – No. 8. – pp. 68–71.
4. Vienna Convention on the Law of International Treaties of May 23, 1969 // *International law in documents // comp. N.T. Blatova*. – M., 1982. – P. 70.
5. The Supreme Court reminded the courts that international treaties are part of the legal system of Russia – 2023 [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.kiap.com/press-centr/public/9234.html>. – Access date: 12/19/2023.
6. Kapustin, A. Ya. International judicial interpretation of an international treaty: modern trends / A. Ya. Kapustin // *Journal of Russian Law*. – 2021. – No. 8. – P. 104–117.
7. Kiseleva, O.A. On the issue of legal force and place of norms of international treaties in the legal system of the Russian Federation / O.A. Kiseleva // *Bulletin of Omsk State University. Series. Right*. – 2018. – No. 2 (55). – pp. 46–48.
8. Kirilenko, V.P. International treaties and jurisdiction of states in modern geopolitical conditions / V.P. Kirilenko, G.V. Alekseev, M.V. Yandukova // *Eurasian integration: economics, law, politics*. – 2019; – (3): – 43–52.
9. Kiseleva, O.A. Application of international treaties of the Russian Federation in arbitration proceedings in Russia / O.A. Kiseleva // *Law enforcement*. – 2017. – No. 3. – pp. 174–189.
10. Krivoruchko, O.A. International treaties in judicial acts of arbitration courts of the Russian Federation / O.A. Krivoruchko // *Bulletin of St. Petersburg State University. Episode 14. Law*. – 2014. – No. 2. – P. 80–89.
11. Federal Law "On International Treaties of the Russian Federation" dated July 15, 1995 N101-FZ (latest edition) // *Consultant*. – 2023 [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7258/. – Access date: 12/19/2023.
12. Encyclopedia of judicial practice // *Garant*. – 2023 [Electronic resource]. – Access mode: <https://base.garant.ru/57591695/>. – Access date: 12/19/2023.

Совместимость и переносимость данных как способы противодействия злоупотреблению доминирующим положением на рынке цифровых технологий

Глускер Евгений Александрович,

аспирант, департамент правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: eglusker@yandex.ru

Статья посвящена совместимости и переносимости данных как способам противодействия злоупотреблению доминирующим положением на рынке цифровых технологий. В этой статье автором дана характеристика совместимости и переносимости данных. Автор приходит к выводу, что меры по обеспечению совместимости различны, но связаны с переносимостью данных, поскольку они направлены на обеспечение возможности взаимодействия систем друг с другом. Это может позволить сделать рынок цифровых технологий более конкурентным. В зависимости от своей конструкции меры совместимости могут способствовать конкуренции между цифровыми платформами, позволяя пользователям сохранять сетевой эффект в новых услугах, а также внутри цифровых платформ, позволяя пользователям смешивать и сочетать различные дополнительные услуги от разных поставщиков. Автор отмечает необходимость проведения работ по дальнейшему правовому регулированию рынка цифровых технологий. На основании проведенного исследования сформулированы рекомендации по дополнению действующего российского законодательства.

Ключевые слова: рынок цифровых технологий, злоупотребление доминирующим положением, совместимость, переносимость данных, цифровая платформа.

Совместимость и переносимость данных – это общие термины, которые охватывают широкий спектр функций и опций доступных пользователям (физическим лицам или предприятиям). Говоря о мерах по совместимости или переносимости данных, в данной статье имеются в виду меры, введенные в контексте обеспечения соблюдения или регулирования конкуренции в более широком смысле, а не добровольные инициативы по переносимости или совместимости, реализуемые фирмами.

Совместимость можно определить как «способность двух или более систем или приложений обмениваться информацией и взаимно использовать информацию, которой был произведен обмен» [1]. По сути, совместимость – это способность передавать и отображать полезные данные и другую информацию между системами, приложениями или компонентами.

Важно отметить, что совместимость учитывает различные уровни систем, которые она затрагивает.

Выделяют два вида совместимости:

- вертикальная совместимость;
- горизонтальная совместимость.

Концепция вертикальной совместимости заключается в том, чтобы основная платформа, дополнялась службами-конкурентами, без которых основная платформа не может нормально функционировать. Характерным примером являются различные операционные системы, в которых существует совместимость с конкурирующими почтовыми сервисами.

Концепция горизонтальной совместимости заключается в том, что здесь нет основной платформы, а сами службы-конкуренты совмещаются между собой. Характерным примером являются конкурирующие почтовые сервисы. То есть, пользователь использующий почтовый сервис Yandex.ru может отправить письмо на почтовый сервис Mail.ru и пользователь Mail.ru его получит.

Это свойство особенно актуально в сфере телекоммуникаций, поскольку совместимость сетей имеет важное значение в этой сфере. Действительно, основная причина, по которой кто-либо в мире, использующий старые телефонные сети общего пользования, мог общаться с кем-либо еще, – это совместимость.

На практике для достижения совместимости необходимы общие стандарты [4]. Стандарты – это инструменты регулирования, которые делают возможным проектирование совместимых систем.

Для различных секторов существует множество стандартных органов, и они могут иметь государственный или частный характер.

Концепция совместимости становится все более важной, поскольку взаимосвязанные технологии, непрерывно получающие и передающие данные, становятся нормой. Например, связь между автомобилями и телефонами возможна только в том случае, если они совместимы друг с другом, и, следовательно, совместимость играет важную роль в содействии устойчивому развитию Интернета как глобально взаимосвязанной экосистемы.

Концепция совместимости связана с различными преимуществами, влияющими на конкуренцию и инновации, повышая эффективность предоставления услуг правительствами[3]. Совместимость также связана со снижением стоимости технологий, поскольку она способствует масштабируемости. Преимущества совместимости, как правило, перевешивают возможные проблемы, связанные с ней, и по этой причине представляется важным выяснить, можно ли достичь аналогичных преимуществ за счет продвижения совместимости с нормативной точки зрения, а не с исключительно технической точки зрения.

В частности, такой фактор как экономическая обоснованность будет установлена предыдущими деловыми и техническими договоренностями.

Применительно к фактору экономической обоснованности существует опасение, что может оказаться невозможным понять процесс принятия решений в некоторых алгоритмах, особенно в самых сложных моделях машинного обучения или глубокого обучения. Эти алгоритмы часто называют «черными ящиками» из-за отсутствия прозрачности процесса принятия решений, который они используют для перехода от входных данных к выходным данным. Однако существует целый спектр сложностей, и алгоритмы могут представлять разные уровни сложности для антимонопольных органов. Некоторые алгоритмические нарушения выявить труднее, чем другие. Например, можно определить совокупный ущерб от алгоритмического сговора, такой как общий рост цен, но трудно понять, какие конкретные алгоритмы и взаимодействие между ними ответственны за это общее повышение цен, особенно в ситуации, когда все фирмы используют алгоритмы, которые корректируют цены на основе цен конкурентов и общих рыночных условий.

Также применительно к борьбе со злоупотреблением доминирующим положением хотелось бы выделить проблему с навязыванием невыгодных условий договора, что нарушает принцип свободы договора. Сразу стоит выделить, что в российском законодательстве отсутствует понятие навязывания, из-за чего возникает много проблем. Важным моментом для определения навязывания является то, что необходимо установить дополнительные обстоятельства принятия контрагентом условий такого договора. Так очень часто компании, основываясь на свободе договора, могут отказы-

ваться от сотрудничества. В Австралии внедрение в 2014 году сетевой платформы электронной подачи заявок, разработанной местной компанией PEXA, упростило процесс, объединив всех участников транзакции – перевозчиков, юристов и банки – в безопасной цифровой среде. Однако удобство привело к тому, что PEXA навязывает свои условия и управляет всем пространством.

К сожалению лишь немногие цифровые платформы работают полностью автономно. Теперь, в результате эксперимента по внедрению совместимости предприятия смогут выбирать, какого поставщика сети электронной подачи заявок (ELNO) они могут использовать для расчетов по недвижимости, без необходимости проверять, какой ELNO используют другие стороны транзакции. Совместимость поможет клиентам не упускать десятки миллионов долларов производительности, инноваций, обслуживания и затрат из-за мощной монополии, которая продолжает бороться изо всех сил, чтобы защитить свою позицию.

Перейдем к термину переносимость данных. Переносимость данных – это вспомогательное средство, с помощью которого не изменяя содержание данных, появляется возможность передачи таких данных другим пользователям.

Данные можно классифицировать по множеству параметров. Модель классификации может зависеть от чувствительности объекта, цели использования, контекста обработки, степени идентифицируемости или метода сбора данных. Общепринятой считается модель категоризации данных Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) представленная в 2014 году[2].

Представляется, что переносимость данных имеет возможности для устранения трудностей, связанных с тем, что другие лица не всегда имеют возможность использовать данные. Очевидно, что использование переносимости данных снизит издержки пользователей и повысит конкуренцию. Также переносимость данных увеличивает инвестиции в новые технологии, так как устраняются препятствия, связанные со сбором и хранением данных.

Так, у компании Google есть отношения с пользователями, потому что сами пользователи создают учетные записи непосредственно в компании и соглашаются с политикой конфиденциальности и условиями обслуживания.

А вот у брокеров данных, которые служат посредниками между поставщиками данных и потребителями данных отсутствуют прямые отношения с пользователями. Несомненно, существуют и другие значимые различия при рассмотрении юридического определения данных.

Хотя меры по переносимости данных не были разработаны с учетом только конкуренции, они были охарактеризованы как потенциальное решение (или часть решения) проблем конкуренции на рынке цифровых технологий.

Очевидно, что совместимость и переносимость данных устраняют барьеры на вход различным но-

вым конкурентам, оказывают позитивное влияние на конкуренцию, между компаниями, которые находятся на рынке цифровых технологий.

Таким образом, в этой статье была предпринята попытка описать роль, которую меры совместимости и переносимости данных могут сыграть в развитии конкуренции и противодействии злоупотреблению доминирующим положением на рынке цифровых технологий. Обосновано, что данные меры могут привести к активизации конкуренции, когда заинтересованным и уполномоченным потребителям будет предложен широкий спектр отдельных продуктов и услуг. Они могут устранить барьеры входа на рынки, возникающие из-за сетевых эффектов, и стимулировать инновации. Кроме того, они могут быть привлекательным средством защиты конкуренции и альтернативой судебным разбирательствам по делам об отказе в предоставлении данных.

Литература

1. Kerber, Wolfgang and Schweitzer, Heike, Interoperability in the Digital Economy [Электронный ресурс]: URL: <https://ssrn.com/abstract=2922515> (дата обращения 03.12.23).
2. Protecting Privacy in a Data-Driven Economy: Taking Stock of Current Thinking [Электронный ресурс]: URL: [https://one.oecd.org/document/dsti/iccp/reg\(2014\)3/en/pdf](https://one.oecd.org/document/dsti/iccp/reg(2014)3/en/pdf) (дата обращения 03.12.23).
3. Robertson, Viktoria H.S.E., Antitrust Law and Digital Markets: A Guide to the European Competition Law Experience in the Digital Economy: [Электронный ресурс] // URL: <https://ssrn.com/abstract=3631002> (дата обращения 03.12.23).
4. Thépot, Florence, Market Power in Online Search and Social-Networking: A Matter of Two-Sided

Markets, [Электронный ресурс] // <https://ssrn.com/abstract=2307009> (дата обращения 31.10.23) (дата обращения 03.12.23).

INTEROPERABILITY AND DATA PORTABILITY AS WAYS TO PREVENT THE ABUSE OF A DOMINANT POSITION IN THE DIGITAL TECHNOLOGY MARKET

Glusker E.A.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article is devoted to interoperability and data portability as ways to prevent the abuse of a dominant position in the digital technology market. In this article, the author characterizes interoperability and data portability. The author concludes that interoperability measures are varied, but are related to data portability, since they are aimed at ensuring the ability of systems to interact with each other. This could make the digital technology market more competitive. Depending on their design, interoperability measures can promote competition between digital platforms by allowing users to maintain network effects across new services, as well as within digital platforms by allowing users to mix and match different value-added services from different providers. The author notes the need to carry out work on further legal regulation of the digital technology market. Based on the research, recommendations have been formulated to supplement the current Russian legislation.

Keywords: digital technology market, abuse of dominance, interoperability, data portability, digital platform.

References

1. Kerber, Wolfgang and Schweitzer, Heike, Interoperability in the Digital Economy [Electronic resource]: URL: <https://ssrn.com/abstract=2922515> (Accessed: 03.12.23).
2. Protecting Privacy in a Data-Driven Economy: Taking Stock of Current Thinking [Electronic resource]: URL: [https://one.oecd.org/document/dsti/iccp/reg\(2014\)3/en/pdf](https://one.oecd.org/document/dsti/iccp/reg(2014)3/en/pdf) (Accessed: 03.12.23).
3. Robertson, Viktoria H.S.E., Antitrust Law and Digital Markets: A Guide to the European Competition Law Experience in the Digital Economy: [Electronic resource]: URL <https://ssrn.com/abstract=3631002> (Accessed: 03.12.23)
4. Thépot, Florence, Market Power in Online Search and Social-Networking: A Matter of Two-Sided Markets, [Электронный ресурс] // [Electronic resource]: URL: <https://ssrn.com/abstract=3090360> (Accessed: 03.12.23).

Ширяева Татьяна Ивановна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права, Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации
E-mail: nti25@yandex.ru

Статья посвящена анализу перспективных векторов модернизации отечественного уголовно-процессуального законодательства. Выявлены объективные причины обновления законодательного массива. Рассмотрены некоторые фундаментальные вопросы уголовного процесса, а также частные и узконаправленные проблемные аспекты данной отрасли. Отмечается проблема обвинительного характера риторики законодателя, а в последствии – и правоприменителя. Обозначена необходимость разработки механизма соотношения категорий «объективная истина» и «принцип состязательности». Среди прикладных проблем уголовного процесса в целом и уголовно-процессуального законодательства в частности можно выделить недостаточную эффективность упрощенных и ускоренных процедур, проблеме повышения качества следствия и дознания, отставание законодательства от темпов развития форм и методов преступной деятельности. Отмечено, что из уголовно-процессуального законодательства требуется исключить морально устаревшие категории, заменив их на современные. Обозначены перспективы цифровизации уголовного процесса.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное законодательство, правотворчество, уголовный процесс, цифровизация, уголовно-процессуальное право.

В современной русскоязычной юридической литературе и периодике имеется множество исследований, посвященных тому или иному аспекту уголовно-процессуального права и проблемам, возникающим в рамках данной отрасли. Тем не менее, большинство исследователей склонны концентрировать научные усилия на конкретной узконаправленной проблеме. Достаточно мало обзорно-аналитических исследований, которые бы учитывали масштабность и многоаспектность правовых явлений, генерируемых в рамках рассматриваемой нами отрасли права. В данной связи в контексте настоящей статьи мы предпримем попытку очертить весь спектр основных проблем и тенденций, существующих в области уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации.

Под уголовно-процессуальным правом З.Л. Шагапсоев и А.Ю. Тутуков предлагают понимать «совокупность правовых принципов и норм, которые регламентируют процессуальный порядок действий участников правоотношений в сфере решения вопросов об уголовной ответственности конкретных лиц» [12, с. 179]. Под уголовным процессом следует понимать деятельность представителей компетентных органов (структур, занятых процедурами дознания, следствия, прокуратуры и непосредственно проведением судебных разбирательств), направленная на возбуждение, расследование и разрешение уголовных дел согласно действующим положениям уголовного и уголовно-процессуального законодательства.

Большинство современных авторов положительно характеризуют постоянные попытки модернизации уголовно-процессуального законодательства. Обновление законодательного массива, указывают З.Л. Шагапсоев и А.Ю. Тутуков, обусловлено (1) высокой динамикой развития российской правовой системы в целом; (2) возникновением новых форм и методов преступной деятельности [12, с. 179]. Л.В. Яковлева говорит о том, что мы переживаем период правотворческого бума, связанного с попытками повышения «социальной значимости и авторитета закона как акта, стоящего на вершине правовой системы» [13, с. 155]. В целом, пишет Л.В. Яковлева, изменения в уголовно-процессуальном законодательстве носят ярко выраженный прогрессивный характер – так, в частности, были разграничены процедуры проверочных судебных производств, уточнены существовавшие ранее положения и терминологические категории, улучшены формулировки ряда статей Уголовно-процессуального Кодекса, имплементированы дополнительные схемы упрощенных производств.

Тем не менее, изменения в уголовно-процессуальном законодательстве настолько частотны, что это может негативно сказаться на качестве реализации уголовно-процессуальных полномочий [13, с. 155]. З.Л. Шхагапсоев и А.Ю. Тутуков также высказывают мнение о том, что нововведения, наблюдаемые в уголовно-процессуальном массиве последних лет, обладают точечным и хаотичным порядком, что оказывает негативное влияние на практике применения норм и возникновения противоречий между ними [12, с. 179]. А.Ю. Афанасьев описывает современный статус уголовно-процессуального законодательства как кризисный, что во многом связано с кризисом в соответствующем сегменте правовой науки и методологии. По мнению автора, ученым-процессуалистам до сих пор не удалось разрешить некоторые фундаментальные вопросы уголовного процесса, тогда как в большинстве исследований рассматриваются вторичные, частные и узконаправленные аспекты данной отрасли [1, с. 49].

Среди таких фундаментальных проблем следует, в первую очередь, отметить обвинительную в целом риторику законодателя, а в последствии – и правоприменителя. Р.Э. Ахметшин справедливо отмечает: реальная практика работы судей приводит к ощутимому превалированию обвинительных приговоров над оправдательными, или, по крайней мере, «смягченными» ввиду ряда обстоятельств. При этом, достаточно частотна практика возвращения уголовного дела на доследование, что привело к устоявшемуся мнению о том, что вынесенный судьями приговор должен иметь преимущественно обвинительный характер [3, с. 6]. Несмотря на официально декларируемое стремление к повышению уровня справедливости наказания и либерализации уголовной системы в целом, статистика подтверждает обратное. Д.С. Миц высказывает схожий тезис: в российском уголовном процессе налицо явный обвинительный уклон [9, с. 128].

Еще одной фундаментальной проблемой, наблюдаемой в изучаемой нами области, выступает соотношение категорий «объективная истина» и «принцип состязательности». В научной литературе встречается мнение о том, что эти явления априори исключают друг друга; но, тем не менее, именно «логическое столкновение обвинительного и оправдательного тезисов в состязательном процессе выступает в качестве движущей силы развития уголовного судопроизводства» [3, с. 7]. Состязательность, по Р.Э. Ахметшину, не может противоречить объективной истине – напротив, она должна выступать инструментом для ее отыскания [3, с. 7]. Остается открытым вопрос о том, как воплотить (в виде законодательно зафиксированного механизма) это очевидное правило в реальную практику уголовного процесса, ведь в условиях состязательности участники уголовного процесса действуют в целях обеспечения собственных интересов, а не исходя из абстрактной идеи поиска истинного знания.

Среди прикладных проблем уголовного процесса в целом и уголовно-процессуального зако-

нодательства в частности можно выделить недостаточную эффективность и частотность досудебных и иных упрощенных и ускоренных процедур. Российский законодатель, как отмечают многие современные исследователи, уделяет недостаточное внимание выработке и фиксации эффективных упрощенных и ускоренных процедур в предварительном производстве. Жесткость и обвинительная риторика российского уголовного процесса, описанные выше, во многом обусловлены отсутствием действенных механизмов реализации форм, альтернативных уголовному преследованию. Одной из попыток разрешить данную проблему выступает производство по применению судебного штрафа – хотя эта попытка, как указывает Т.Ю. Вилкова, была воспринята юридической общественностью и правоприменительной практикой весьма скептически [4, с. 177].

Актуальной на современном этапе выступает, по нашему мнению, проблема повышения качества следствия и дознания. Учитывая тот факт, что уголовный процесс фактически являет собой результат и процесс взаимодействия различных индивидуальных и институциональных акторов, требуется уделить внимание качеству этого взаимодействия. От того, насколько точно и корректно будет законодательно регламентирована коммуникация между основными участниками уголовного процесса, зависит то, насколько эффективно будет работать вся система.

А.Б. Диваев приводит несколько примеров законодательных «пробелов» в области соотношения механизмов реализации своих полномочий органами и учреждениями УИС, а также их сотрудниками. Так, обязанность по исполнению меры пресечения в виде домашнего ареста возложена на уголовно-исполнительные инспекции, которые взаимодействуют со Следственным комитетом, органами дознания и предварительного следствия федеральных органов исполнительной власти, судами, медицинскими организациями и иными органами и организациями. Требуется наладить систему оперативного информирования контролирующего органа о факте избрания судом домашнего ареста – так можно будет обеспечить надлежащее исполнение им полномочий по контролю за исполнением меры пресечения и сопутствующих ограничений и запретов. На сегодняшний день законодательство предусматривает следующую процедуру: постановление судьи домашнего ареста в качестве меры пресечения направляется субъекту, возбудившему ходатайство, прокурору, контролирующему органу по месту отбывания домашнего ареста. Ч. 6 ст. 107 УПК РФ предписывает условие по немедленному исполнению данной меры пресечения (т.е. уголовно-исполнительная инспекция должна немедленно приступить к осуществлению контроля за нахождением подозреваемого или обвиняемого), но в реальной практике с момента вынесения постановления суда об избрании меры пресечения до момента его получения контролирующим органом проходит длительный временной

период, в течение которого лицо, к которому применена мера пресечения, находится в неконтролируемом статусе.

Лицо, на которое наложена мера пресечения в виде домашнего ареста, таким образом, получает возможность как скрыться от органов предварительного расследования, так и предпринять меры, которые в последствии воспрепятствуют эффективное исполнение меры пресечения [6, с. 114]. В случае, если законодатель обяжет заинтересованных лиц применять цифровые методы немедленного оповещения, временной интервал, в течение которого утрачивается контроль за подозреваемым/обвиняемым, может быть многократно сокращен. Данный тезис, в свою очередь, приводит нас к размышлениям о нераскрытом потенциале современных цифровых технологий в уголовном процессе.

Следственная и познавательная техника, отмечают З.Л. Шагапсоев и А.Ю. Тутуков, отстают от темпов развития форм и методов преступной деятельности. Следственные действия будут являться результативными исключительно в том случае, если они будут учитывать достижения научного и технического прогресса. Особенно важно подключать цифровой инструментарий при обращении к расследованию транснациональной организованной преступности [12, с. 180].

В.Е. Орешко указывает: из уголовно-процессуального законодательства следует исключить «изжившие себя, морально устаревшие технологии», заменив их на современные, в т.ч. цифровые технологии [10, с. 97]. В перспективе все цифровые средства и сервисы, которые используются в рамках уголовного процесса, должны быть интегрированы в единую интеллектуальную цифровую онлайн-платформу – одно из воплощений концепции электронного государства.

Цифровизация уголовного процесса – не просто дань моде на «цифру», а критически важный аспект повышения качества правовой и судебной системы страны. Обновление положений уголовно-процессуального законодательства должно стать самостоятельным направлением совершенствования национального правового массива [4, с. 177].

М.Ю. Фисаков указывает, что важным и наиболее ощутимым последствием цифровизации уголовного процесса станет акселерация всех процессов, происходящих в его рамках. Так, в действующей редакции уголовно-процессуального законодательства зафиксировано требование о том, что уголовное судопроизводство должно осуществляться в разумный срок (ст. 6.1 Уголовно-процессуального кодекса), но, при этом, категория «разумный срок» не конкретизирована, и это позволяет растягивать процесс судопроизводства, затрачивая при этом временные, финансовые, кадровые ресурсы [11, с. 109]. Затягивание сроков, безусловно, причиняет ряд неудобств для свидетелей, обвиняемых, подозреваемых, пострадавших, а также всех лиц, имеющих отношений ко всем вышеперечисленным.

Срок предварительного следствия, к примеру, в соответствии со ст. 162 УПК РФ, не должен пре-

вышать 2 месяца; в ряде случаев его можно продлить. Как показывает реальная практика, продление – на должных основаниях или без них – достаточно частая ситуация. Для того, чтобы минимизировать сроки предварительного следствия, требуется расширить сферу применения коммуникационных инструментов в практической деятельности следственных органов. Кроме того, широко обсуждается полный переход расследования уголовного дела в электронную форму – так, как это было сделано в Республике Казахстан и многих других странах.

Минимизация сроков и экономия ресурсов за счет цифровых инструментов может быть достигнута и при допросах потерпевших и свидетелей, проживающих за территорией обслуживания следственных органов. Если данные лица не имеют возможности своевременно явиться для производства следственных действий, следственные органы могут направить поручение в отдел полиции по месту проживания лиц, где отражен список вопросов, которые нужно задать в ходе допроса. Законодатель фиксирует 10-дневный срок исполнения подобных поручений. Требуется добавить к этому сроку также период, затрачиваемый на пересылку документов. В ситуации возникновения дополнительных вопросов может возникнуть необходимость направления повторного поручения, что приведет к возобновлению вышеописанной процедуры. Таким образом, внедрение дистанционного взаимодействия не только не ускоряет, а затягивает сроки расследования уголовного дела.

Подобных ситуаций можно избежать посредством видеоконференц-связи. Законодатель, при этом, может не только закрепить видеосвязь в качестве обязательного, а не альтернативного способа удаленной коммуникации, но и обязать делать видеозапись допроса и приобщать ее к материалам уголовного дела – это поможет сократить время, затрачиваемое на оформление бумажных скриптов [11, с. 112].

Открытым остается вопрос о т.н. «электронных доказательствах» и о закреплении данного термина в тексте Уголовно-процессуального кодекса РФ. С.И. Афанасьева и О.В. Добровлянина говорят о том, что, с одной стороны, электронные доказательства являют собой отдельный вид доказательств – получаемых, изучаемых и используемых особым образом, что выделяет их от доказательств «аналоговых», но, с другой стороны, «признак «электронности» можно растворить в разных видах доказательств, рассматривать его как форму, в которую облечены необходимые для дела сведения, тогда отдельное понятие – «электронные доказательства» – не понадобится» [2, с. 351].

И.И. Гусева и И.В. Коробова также говорят о том, что необходимости в закреплении в уголовно-процессуальном законодательстве отдельной категории электронных доказательств нет. По сущности, цифровое (электронное) доказательство представляет собой вещественное или иное доказательств, представленное в цифровой

форме [5, с. 64]. Не можем согласиться с такой точкой зрения: электронное доказательство имеет множество черт, которые кардинальным образом отличают его от иных видов доказательств; цифровое доказательство может быть искажено, сфальсифицировано, кроме того, для его извлечения, интерпретации и приобщения к делу требуется экспертные ресурсы (если речь идет не о простом текстовом документе, а о совокупности деталей и метаданных, составляющих «цифровой след» потенциального преступника.

Безусловно, проблемные области уголовно-процессуального законодательства России не исчерпываются вышеописанными. Исследователи поднимают такие вопросы, как внедрение искусственного интеллекта и нейронных сетей в уголовный процесс [8], применение технологий распределенного реестра, «Интернета вещей», облачных сервисов и хранилищ данных, «умных» комплексов и устройств, Big Data. Многие специалисты, при этом, отмечают, что тотальная цифровизация «сводит на нет конституционные гарантии неприкосновенности частной жизни», ведь технологические платформы «сужают пространство частной жизни до минимума» [7, с. 288].

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

- 1) На современном этапе российское уголовно-процессуальное законодательство находится на трансформационном этапе. Необходимость в постоянном обновлении норм уголовно-процессуального законодательства обусловлена изменениями в принципах функционирования общества, экономики и государства, а также возникновением новых форм и методов преступной деятельности.
- 2) Ученым-процессуалистам до сих пор не удалось разрешить некоторые фундаментальные вопросы уголовного процесса, такие как: жесткость уголовно-процессуального законодательства и обвинительная в целом риторика законодателя и правоприменителя; соотношение категорий «объективная истина» и «принцип состязательности»; фиксация в тексте закона новых категорий – к примеру, термина «электронные доказательства».
- 3) Среди прикладных проблем уголовного процесса в целом и уголовно-процессуального законодательства в частности можно выделить недостаточную эффективность упрощенных и ускоренных процедур, проблему повышения качества следствия и дознания, соотношения механизмов реализации своих полномочий органами и учреждениями УИС, цифровизация уголовного процесса.

Литература

1. Афанасьев, А.Ю. Методологическая основа уголовно-процессуальных исследований / А.Ю. Афанасьев // Вестник СПбГУ. Серия 14. Право. – 2022. – № 1. – С. 46–69.
2. Афанасьева, С. И. О внедрении, развитии, усовершенствовании электронных способов собирания доказательственной информации по уголовным делам // С.И. Афанасьева, О.В. Добровлянина / Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2023. – № 2 (60). – С. 349–377.
3. Ахметшин, Р.Э. Проблемы Уголовно-процессуального законодательства, касающиеся судебного разбирательства / Р.Э. Ахметшин // Современные проблемы уголовного права и процесса: Сборник научных трудов 59-й студенческой научно-практической конференции, Хабаровск, 16 апреля 2019 года / Под редакцией В.Е. Степенко. – Хабаровск: Тихоокеанский государственный университет, 2019. – С. 6–8.
4. Вилкова, Т. Ю. организация досудебного производства по уголовным делам в России и за рубежом как фактор обеспечения доступа к правосудию / Т.Ю. Вилкова // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. – 2020. – № 10 (74). – С. 167–179.
5. Гусева, И. И. К вопросу об использовании цифровых доказательств в уголовном процессе / И.И. Гусева, И.В. Коробова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2022. – № 11–2. – С. 63–65.
6. Диваев, А.Б. Совершенствование уголовно-процессуального законодательства, регламентирующего деятельность сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы / А.Б. Диваев // Вестник Кузбасского института. – 2019. – № 1 (38). – С. 111–118.
7. Зайцев, О.А. Цифровой профиль лица как элемент информационно-технологической стратегии расследования преступлений / О.А. Зайцев, П.С. Пастухов // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2022. – № 56. – С. 281–308.
8. Лихолетов, А.А. Новое в уголовном законодательстве в части противодействия организованной преступности: проблемы и пути решения / А.А. Лихолетов, М.У. Михайлов // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2019. – № 2 (49). – С. 32–39.
9. Миц, Д.С. Уголовно-процессуальная деятельность и поиск нового подхода / Д.С. Миц // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. – 2020. – № 3. – С. 127–134.
10. Орешко, В.Е. Условия и направления цифровизации уголовного судопроизводства / В. Е Орешко // Юридическая наука. – 2021. – № 11. – С. 96–99.
11. Фисаков, М.Ю. Перспективы использования информационно-коммуникационных технологий в деятельности следователей / М.Ю. Фисаков // Философия права. – 2020. – № 4 (95). – С. 109–112.
12. Шхагапсоев, З.Л. Актуальные проблемы уголовно-процессуального права в Российской Федерации / З.Л. Шхагапсоев, А.Ю. Тутуков //

Проблемы в российском законодательстве. – 2019. – № 2. – С. 179–180.

13. Яковлева, Л.В. Актуальные проблемы развития уголовно-процессуального законодательства / Л. В Яковлева // Общество и право. – 2016. – № 1 (55). – С. 155–158.

PROBLEM ASPECTS OF CRIMINAL PROCEDURE LEGISLATION OF RUSSIA

Shiryayeva T.I.

Military University named after Prince Alexander Nevsky of the Ministry of Defense of the Russian Federation

The article contains the analysis of promising vectors for the modernization of domestic criminal procedure legislation. Objective reasons for updating the legislative body are identified. Several fundamental issues of the criminal process, as well as specific problematic aspects of this field are considered. The problem of the accusatory nature of the rhetoric of the legislator, and of the law enforcing representatives, is noted. The need to develop a mechanism for the relationship between the categories “objective truth” and “principle of competition” is outlined. Among the applied problems of the criminal process in general and criminal procedural legislation in particular, one can highlight the insufficient effectiveness of simplified and accelerated procedures, the problem of improving the quality of investigation and inquiry, and the lag of legislation behind the pace of development of forms and methods of criminal activity. It is noted that it is necessary to exclude morally outdated categories from the criminal procedural legislation, replacing them with modern ones. The prospects for digitalization of the criminal process are presented.

Keywords: criminal procedure legislation, lawmaking, criminal procedure, digitalization, criminal procedure law.

References

1. Afanasyev, A. Yu. Methodological basis of criminal procedural research / A. Yu. Afanasyev // Bulletin of St. Petersburg State University. Episode 14. Law. – 2022. – No. 1. – P. 46–69.
2. Afanasyeva, S.I. On the implementation, development, improvement of electronic methods of collecting evidentiary information in criminal cases // S.I. Afanasyeva, O.V. Dobrovlyanina / Bulletin of Perm University. Legal sciences. – 2023. – No. 2 (60). – pp. 349–377.
3. Akhmetshin, R.E. Problems of Criminal Procedure Legislation relating to judicial proceedings / R.E. Akhmetshin // Modern problems of criminal law and process: Collection of scientific papers of the 59th student scientific and practical conference, Khabarovsk, April 16, 2019 / Edited by V.E. Stepenko. – Khabarovsk: Pacific State University, 2019. – pp. 6–8.
4. Vilkova, T. Yu. organization of pre-trial proceedings in criminal cases in Russia and abroad as a factor in ensuring access to justice / T. Yu. Vilkova // Bulletin of the O.E. Kutafin University. – 2020. – No. 10 (74). – pp. 167–179.
5. Guseva, I.I. On the issue of using digital evidence in criminal proceedings / I.I. Guseva, I.V. Korobova // Humanitarian, socio-economic and social sciences. – 2022. – No. 11–2. – pp. 63–65.
6. Divaev, A.B. Improvement of criminal procedural legislation regulating the activities of employees of institutions and bodies of the penal system / A B. Divaev // Bulletin of the Kuzbass Institute. – 2019. – No. 1 (38). – pp. 111–118.
7. Zaitsev, O.A. Digital profile of a person as an element of the information technology strategy for investigating crimes / O.A. Zaitsev, P.S. Pastukhov // Bulletin of Perm University. Legal sciences. – 2022. – No. 56. – pp. 281–308.
8. Likholetov, A.A. New in criminal legislation in terms of combating organized crime: problems and solutions / A.A. Likholetov, M.U. Mikhailov // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2019. – No. 2 (49). – pp. 32–39.
9. Mits, D.S. Criminal procedural activity and the search for a new approach / D.S. Mits // News of Tula State University. Economic and legal sciences. – 2020. – No. 3. – pp. 127–134.
10. Oreshko, V.E. Conditions and directions of digitalization of criminal proceedings / V.E. Oreshko // Legal science. – 2021. – No. 11. – pp. 96–99.
11. Fisakov, M. Yu. Prospects for the use of information and communication technologies in the activities of investigators / M. Yu. Fisakov // Philosophy of Law. – 2020. – No. 4 (95). – pp. 109–112.
12. Shkhagapsoev, Z.L. Current problems of criminal procedure law in the Russian Federation / Z.L. Shkhagapsoev, A. Yu. Tutukov // Gaps in Russian legislation. – 2019. – No. 2. – pp. 179–180.
13. Yakovleva, L.V. Current problems in the development of criminal procedural legislation / L.V. Yakovleva // Society and law. – 2016. – No. 1 (55). – pp. 155–158.

Развитие международного трудового права в аспекте предотвращения дискриминации на рынке труда на национальном уровне

Абдуллаев Эльшан Эльшад оглы,

кандидат юридических наук, Научный консультант
ООО «Образовательные системы»
E-mail: elshanabdullaevmsu@gmail.com.

Целью данной работы является исследование проблемы дискриминации в сфере трудовых отношений с учётом текущих тенденций развития системы международного трудового права.

Международное трудовое право, в его текущем содержательном, правовом аспекте, не в состоянии с одинаковой степенью логичности и эффективности регулировать общественные отношения, связанные с трудовой деятельностью. В этой связи в настоящее время актуализируются вопросы, связанные с созданием дифференцированного подхода к вопросам трудового регулирования, с необходимостью индивидуализации подходов к дискриминации в трудовой деятельности с учётом национальной специфики, ментальности и традиций трудовой деятельности и национальных практик её регулирования.

Процесс совершенствования международного трудового права должен двигаться по пути придания ему большей «гибкости», имея в виду, что нормы данной отрасли права должны учитывать не только «западное видение» трудовых стандартов, правил и трудовых отношений.

Ключевые слова: международное трудовое право, национальное трудовое право, дискриминация, восприятие, регулирование, универсализм, дифференциация.

Введение

Международное трудовое право является той отраслью, в которой сконцентрировано наибольшее количество проблем и противоречий в связи с тем, что сам процесс трудовой деятельности является национально обусловленным и современные глобализационные тенденции не смогли существенно сблизить национальные трудовые реалии.

Так или иначе, но каждая страна регулирует трудовую деятельность, исходя из собственных интересов, ориентируясь на такие показатели, как эффективность труда, уровень защиты прав всех участников трудовой деятельности, участия в международном разделении труда и ориентация на национальную специфику реализации трудовой функции.

Тем не менее, национальная специфика регулирования трудовой деятельности находится в тесных контактах со сложившейся системой международного трудового права, которая, через создание трудовых стандартов, претендующих на универсальность, диктует странам и народам правила и условия осуществления трудовой деятельности.

Данная система права оперирует различными терминами, которые в равной степени являются политологическими и правовыми, например «права человека», «политика», «защита», «дискриминация», что подчеркивает тесную взаимосвязь международной системы трудового права и современной политики, в которой происходит острое противоборство концепций, идей, ценностей и традиций, разделяющих цивилизацию на два лагеря – Глобальный Юг и Глобальный Запад.

В таком трагическом противостоянии правовые системы используются в качестве инструмента продвижения политических интересов и давления на противостоящую сторону, в связи с чем, вся система современного международного права становится заложницей политических манипуляций.

Одним из таких манипулятивных концептов является «дискриминация», термин, который стал основой современного конфронтационного политического дискурса, и вошел в систему международного трудового права в качестве основания для аргументации тех или иных проблем, связанных с отступлением национальных трудовых систем от международных стандартов.

В силу такой высокой идеолого-правовой наполненности данного термина, актуальным представляется его исследование с опорой на нормы международного трудового права и с учётом двойственности его восприятия в различных правовых семьях.

К вопросам, касающимся проблем правовой дискриминации обращались в последние годы К.Д. Агатов [1], А.В. Алешина, В.А. Косовская [2], И.Х. Мешев, В.А. Хажироков [5], И.А. Несмеянова [6], А.И. Хесина [11] и др.

В данных работах шла речь о правовой дискриминации в спорте, в пенсионном обеспечении, в отношениях, связанных с правами инвалидов, а также дискриминации в трудовой деятельности и т.д.

В тоже время, проблема дискриминации как маркера кризиса современной системы международного трудового права в научной литературе до сих пор не поднималась.

Таким образом, целью данной работы является изучение проблемы дискриминации в сфере трудовых отношений с учетом текущих тенденций развития системы международного трудового права.

Правовая дискриминация и ее субъективный характер

Анализируя определение термина, «дискриминация» в научной юридической литературе, можно выделить несколько подходов к её толкованию. В частности, дискриминация рассматривается в широком смысле как различие в социальном и правовом положениях отдельных лиц или общности людей, что противоречит требованиям демократической морали, права и справедливости [1].

Алешина А.В., Косовская В.А. определяют дискриминацию субъекта как противоправное ухудшение его правового положения по сравнению с другими субъектами, находящимися в аналогичной правовой ситуации [2].

Несмеянова И.А. понимает дискриминацию как инструмент притеснения, которое влечёт за собой деградацию прав человека и гражданских свобод, унижение человеческого достоинства [6].

По мнению Мешев И.Х., Хажироков В.А., дискриминация – это незаконные ограничения воплощения гарантированных прав и свобод для определенной категории лиц [5].

Также дискриминация трактуется как нарушение принципа равенства. Так, Хесина А.И. отмечает, что дискриминацией является любое различие, ограничение или преимущество, основанное на каком-либо признаке человека, имеющее целью или следствием уничтожение, или умаление признания, пользования или осуществления равенства прав человека и основных свобод [11].

Кауров В.Г. определяет дискриминацию на рынке труда как неравные возможности работников, имеющих равную производительность, или неодинаковое к ним отношение со стороны работодателей, менеджеров, общества, государства [3].

В таком содержательном контексте дискриминацию понимают и авторы Конвенции № 111 про дискриминацию в области труда и занятий [4], согласно которой термин «дискриминация» включает: всякое различие, недопущение или предпочтение, проводимое по признаку расы, цвета кожи, пола, религии, политических убеждений, нацио-

нального происхождения или социальной принадлежности, приводящее к уничтожению или нарушению равенства возможностей или обращения в области труда и занятий; а также всякое другое различие, недопущение или предпочтение, приводящее к уничтожению или нарушению равенства возможностей или обращения в области труда и занятий, определяемое соответствующим членом по консультации с представительными организациями предпринимателей и трудящихся, где таковые существуют, и с другими соответствующими органами.

Отметим, что Трудовой Кодекс РФ прямо запрещает любую дискриминацию (ст. 3 ТК РФ), во многом опираясь на текстуальную основу конвенции, которая приведена выше [9].

В то же время, обратим внимание на то, что всякая дискриминация имеет характерный признак – следствием дискриминации всегда является нарушение равенства прав, возможностей или поведения в отношении отдельной личности или группы лиц. Соответственно не любое нарушение прав является дискриминацией, а лишь то, что обусловлено признаками, характеризующими личность или группу лиц, и воспринимаются представителями данной группы как ущемление своих возможностей по сравнению с иными лицами, находящимися в аналогичной ситуации.

Исходя из сказанного, дискриминация всегда несет в себе субъективный признак, – там, где одна группа лиц воспринимает действия в отношении себя как дискриминационные, иная группа может вполне нормально воспринимать такие же действия.

Данное замечание представляется весьма актуальным в связи с необходимостью исследования проблем дискриминации в международном трудовом и национальном трудовом праве.

Дискриминация трудовых отношений в контексте взаимосвязи национального и международного трудового права

Весьма поучительным является исследование проблем трудовой дискриминации в контексте международно-правового понимания дискриминации, опираясь на конкретные примеры. В данном случае рассмотрим данную проблему, обратившись к практике правового регулирования трудовых отношений в России и Объединенных Арабских Эмиратах (ОАЭ).

Начиная изучение заявленной проблемы в сравнительно-правовом ключе, обратим внимание на то, что в 2021 году власти ОАЭ заявили о желании реализовать стратегию «мягкой силы», направленную на то, чтобы представить страну как прогрессивную, толерантную и уважающую права человека и гражданина [15].

В этой связи 2 февраля 2022 года ОАЭ ввели в действие новый Закон о труде (заменивший Федеральный закон № 8 от 1980 года), регулирующий трудовые отношения в частном секторе, под назва-

нием «Федеральный указ-закон № 33 от 2021 года». Принятие нового Закона призвано ответить на вызовы и потребности рынка труда, который значительно изменился за последние годы. Кроме того, новый закон отражает намерение правительства ОАЭ внедрить нормативно-правовую базу, соответствующую мировым стандартам [13].

Однако, новое трудовое законодательство, которое считается самым большим обновлением трудовых отношений в ОАЭ, по мнению международных экспертов, не соответствует международным стандартам в области прав трудящихся [14].

В частности, на уровне экспертного сообщества было заявлено, что ОАЭ несерьёзно относятся к реформам, а принятый закон решает проблемы оплаты за приём на работу, долговой кабалы и невыплаты заработной платы, которые были нормативно закреплены и поработают работников. Также было заявлено, что права домашних работников исключены из трудового законодательства и данная практика противоречит международным стандартам. Было отмечено и несовершенство судебной системы, заявлено, что суды по трудовым спорам не обеспечивают исполнения принятых решений, а существующая в стране правовая система лишает работников возможности добиваться справедливости, получив доступ к средствам правовой защиты. При этом выдвигаются аргументы относительно того, что Ежегодный Глобальный индекс прав МКП (Международной конфедерации профсоюзов) оценивает ОАЭ как страну с «отсутствием гарантий прав работников». Эти нарушения включают, помимо прочего, следующее:

- 700 рабочих-мигрантов из Африки были задержаны и депортированы в июне 2021 года, им было отказано в доступе к юридической и медицинской помощи.
- 50% опрошенных строителей в Дубае указали, что они не получили зарплату вовремя и им было отказано в адекватной оплате сверхурочной работы.

Рабочие сообщают о нарушениях контрактов, тысячах долларов оплат за трудоустройство посредникам, о невозможности сменить работу, и о дискриминации в оплате труда по национальному признаку.

Делается вывод: пришло время ОАЭ серьёзно заняться модернизацией своего трудового законодательства и участвовать в социальном диалоге, вместо того чтобы закреплять средневековые практики в своих законах, принятых в 2022 году [14].

Несомненно, что новое трудовое законодательство ОАЭ (как и всякое иное) не является совершенным, а указанные нарушения имеют место, однако, сам факт их наличия характерен не только для ОАЭ. Схожие проблемы в сфере труда имеют место в Италии [12], а также в иных странах запада и ЕС.

Причем наибольшее количество различных дискриминационных проявлений имеют место во Франции, Швеции, Великобритании, Канаде,

Бельгии, США, Нидерландах и Германии. Кроме того, важно обратить внимание на то, что новое трудовое законодательство ОАЭ только вступило в силу, и едва ли можно было ожидать, что за истекший год в стране произойдут разительные перемены в области обеспечения прав работников.

В то же время, не вызывает сомнений то, что считается дискриминацией в европейских странах, является вполне нормальным явлением в России, в странах арабского мира, в частности в ОАЭ, о чем свидетельствуют факты, приведённые ниже.

Например, объективные факты говорят о том, что трудовые права женщин в ОАЭ защищены надлежащим образом [7], однако, согласно Федеральному закону № 8 от 2019 г., который вносит поправки в Федеральный закон № 28 от 2005 г. «О личном статусе» [10] отдельные права женщин, в контексте их реализации, зависят от формального их одобрения «опекуном» мужского пола – то есть мужчины, часто супруга или другого родственника мужского пола, который даёт женщине разрешение на определённые действия. Такая «разрешительная» практика сложилась в ОАЭ на протяжении столетий, воспринимается вполне нормально, однако, в соответствии с нормативными положениями международного трудового права может быть отнесена к дискриминационной [10].

Аналогичным образом в России действует Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 18 июля 2019 г. N512н «Об утверждении перечня производств, работ и должностей с вредными и (или) опасными условиями труда, на которых ограничивается применение труда женщин» [8]. Данный приказ действительно ограничивает права женщин на участие в трудовой деятельности, которая может навредить их здоровью, однако, с точки зрения международного трудового права, такая нормативная практика тоже может быть отнесена к дискриминационной.

В этой связи мы можем констатировать, что международное трудовое право, в его текущем содержательном, правовом аспекте, не в состоянии с одинаковой степенью логичности и эффективности регулировать общественные отношения, связанные с трудовой деятельностью, практика которой сложилась веками в различных регионах мира. По нашему убеждению, попытка создания универсальной системы регулирования трудовых правоотношений средствами международного трудового права, в определённой степени, потерпела фиаско.

В этой связи в настоящее время актуализируются вопросы, связанные с созданием дифференцированного подхода к вопросам трудового регулирования, с необходимостью индивидуализации подходов к дискриминации в трудовой деятельности с учетом национальной специфики, ментальности и традиций трудовой деятельности и национальных практик её регулирования.

Выходом из данной ситуации является «смягчение» формулировок, приведённых в ст. 1 Конвенция о дискриминации в области труда и занятий [4], например путём включения в данную

статью уточнения относительно того, что «Любое различие, недопущение или предпочтение в отношении определённой работы, связанное с национальными и религиозными традициями в области трудовой деятельности, которых придерживаются нации и народы, представляемые государством, членом Организации, не является дискриминацией»

Как представляется такой подход способен создать условия для того, чтобы международное трудовое право воспринималось как действенный механизм регулирования трудовых правоотношений в мировом масштабе, учитывая его способность обеспечивать национальную идентичность и национальные интересы всех стран, входящих в МОТ.

Заключение

В целом, безусловным является тот факт, что современное международное трудовое право, как и вся система международного права находится в состоянии кризиса и нуждается в совершенствовании. При этом, сам процесс совершенствования международного трудового права должен двигаться по пути придания ему большей «гибкости», имея в виду, что нормы данной отрасли права должны учитывать не только «западное видение» трудовых стандартов, правил и трудовых отношений, но и ориентироваться на наличие иного восприятия правовой реальности, традиций, менталитета, которые характерны для «не западного» сознания и основываются на тысячелетней практике трудовой деятельности.

Безусловно, что решение данной проблемы является насущной необходимостью, однако связано с существенными проблемами, которые требуют пересмотра множества международных конвенций и рекомендаций.

В то же время, как представляется, главной проблемой для придания международному трудовому праву актуального звучания является перестройка западного правового сознания, отказ от диктата и понимание многообразия современного мира, в котором все страны и народы имеют право на свое самобытное существование и развитие.

Литература

- Агатов К. Д. Правовое регулирование запрета на дискриминацию в сфере труда // Евразийская адвокатура. 2023. № 2. С. 108–113.
- Алешина А. В., Косовская В. А. Международно-правовые стандарты в сфере недопущения дискриминации трудящихся // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2014. № 2. С. 95–99.
- Кауров В. Г. Социально-правовая защищенность работника от дискриминации в сфере труда и занятости // Научно-теоретический и информационно-практический межрегиональный журнал. СПб., 2016. № 1. С. 143–167.
- Конвенция № 111 о дискриминации в области труда и занятий. Принята 25 июня 1958 года на сорок второй сессии Генеральной Конференции Международной организации труда – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/labour.shtml (Дата обращения: 01.10.2023)
- Мешев И. Х., Хажироков В. А. Правовое регулирование вопросов дискриминации в спорте // Журнал прикладных исследований. 2022. № 3. С. 243–347.
- Несмеянова И. А. Возможна ли дискриминация пенсионеров в правовом государстве? // Legal Bulletin. 2021. № 2. С. 17–24.
- Основные права женщин в ОАЭ и их отличия от привычных для западного мира стандартов. – Режим доступа: <https://dubai-investments.ru/blog/rights-and-freedoms-of-women-in-dubai> (Дата обращения: 09.10.2023)
- Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 18 июля 2019 г. № 512н «Об утверждении перечня производств, работ и должностей с вредными и (или) опасными условиями труда, на которых ограничивается применение труда женщин». – Режим доступа: <https://base.garant.ru/72604356/> (Дата обращения: 01.10.2023)
- Трудовой Кодекс РФ от 30 декабря 2001 года N197-ФЗ – Режим доступа: <https://base.garant.ru/12125268/> (Дата обращения: 22.10.2023)
- Федеральный закон № 8 от 2019 г., вносящий поправки в Федеральный закон № 28 от 2005 г. о личном статусе (на арабском языке). – Режим доступа: https://www.gbc.gov.ae/assets/uploads/gbc_personal_status_2019.pdf. (Дата обращения: 18.10.2023)
- Хесина А. И. Дискриминация по признаку инвалидности: понятие и правовое регулирование // Восьмая академическая книжная выставка «Университет-Наука-Город» – 2018: Каталог изданий [Текст]. Самара: ООО ПД «ДСМ», ООО «Файн Дизайн», СФ ГАОУ ВО МГПУ, 2018. – 152 с
- Labour mobility: Commission decides to refer ITALY to the Court of Justice of the European Union for maintaining discrimination of foreign lecturers. URL: https://ec.europa.eu/commission/press-corner/detail/en/ip_23_3480 (Date of access: 25.10.2023)
- The new UAE Labor Law. Changes, benefits and implications. URL: <https://kpmg.com/ae/en/home/insights/2022/06/the-new-uae-labor-law.html> (Date of access: 25.10.2023)
- UAE labour law reforms fail to address abuses of workers' rights. URL: <https://www.ituc-csi.org/uae-labour-law-reforms-fail?lang=> (Date of access: 30.10.2023)
- United Arab Emirates. Events of 2021. URL: <https://www.hrw.org/world-report/2022/country-chapters/united-arab-emirates> (Date of access: 29.10.2023)

DEVELOPMENT OF INTERNATIONAL LABOR LAW IN THE ASPECT OF PREVENTING DISCRIMINATION IN THE LABOR MARKET AT THE NATIONAL LEVEL

Abdullaev E.E.

Scientific advisor of «Educational systems» LTD

The purpose of this work is to study the problem of discrimination in the field of labor relations, taking into account current trends in the development of the system of international labor law.

International labor law, in its current substantive, legal aspect, is not able to regulate social relations related to labor activity with the same degree of logic and efficiency. In this regard, issues related to the creation of a differentiated approach to issues of labor legal regulation, the need to individualize approaches to discrimination in labor activity, taking into account national specifics, mentality and traditions of labor activity and national practices of its regulation, are currently being updated.

The process of improving international labor law should move along the path of giving it greater “flexibility”, bearing in mind that the norms of this branch of law should take into account not only the “Western vision” of labor standards, rules and labor relations.

Keywords: international labor law, national labor law, discrimination, perception, regulation, universalism, differentiation.

References

1. Agatov K D. Legal regulation of the ban on discrimination in the sphere of labor // Eurasian Advocacy. 2023. No. 2. pp. 108–113.
2. Aleshina A.V., Kosovskaya V.A. International legal standards in the sphere of preventing discrimination against workers // Society. Wednesday. Development (Terra Humana). 2014. No. 2. pp. 95–99.
3. Kaurov V.G. Social and legal protection of an employee from discrimination in the field of labor and employment // Scientific-theoretical and information-practical interregional journal. St. Petersburg, 2016. No. 1. P. 143–167.
4. Convention No. 111 concerning discrimination in employment and occupation. Adopted on June 25, 1958 at the forty-second session of the General Conference of the International Labor Organization – Access mode: https://www.un.org/ru/docu-ments/decl_conv/conventions/labour.shtml (Date of access: 12.10.2023)
5. Meshev I. Kh., Khazhirokov V.A. Legal regulation of issues of discrimination in sports // Journal of Applied Research. 2022. No. 3. pp. 243–347.
6. Nesmeyanova I.A. Is discrimination against pensioners possible in a state governed by the rule of law? // Legal Bulletin. 2021. No. 2. pp. 17–24.
7. Basic rights of women in the UAE and their differences from the standards familiar to the Western world. – Access mode: <https://dubai-investments.ru/blog/rights-and-freedoms-of-women-in-dubai> (Date of access: 09.10.2023)
8. Order of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation dated July 18, 2019 No. 512n “On approval of the list of industries, works and positions with harmful and (or) dangerous working conditions in which the use of women’s labor is limited.” – Access mode: <https://base.garant.ru/72604356/>. (Date of access: 01.10.2023)
9. Labor Code of the Russian Federation of December 30, 2001 N197-FZ – Access mode: <https://base.garant.ru/12125268/> (Date of access: 22.10.2023)
10. Federal Law No. 8 of 2019 amending Federal Law No. 28 of 2005 on Personal Status (in Arabic). – Access mode: https://www.gbc.gov.ae/assets/uploads/gbc_personal_status_2019.pdf (Date of access: 18.10.2023)
11. Khesina A.I. Discrimination on the basis of disability: concept and legal regulation // Eighth academic book exhibition “University-Science-City” – 2018: Catalog of publications [Text]. Samara: LLC PD “DSM”, LLC “Fine Design”, SF State Autonomous Educational Institution of Higher Education MSPU, 2018. – 152 p.
12. Labor mobility: Commission decides to refer ITALY to the Court of Justice of the European Union for maintaining discrimination of foreign lecturers. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_23_3480 (Date of access: 25.10.2023)
13. The new UAE Labor Law. Changes, benefits and implications. URL: <https://kpmg.com/ae/en/home/insights/2022/06/the-new-uae-labor-law.html> (Date of access: 25.10.2023)
14. UAE labor law reforms fail to address abuses of workers’ rights. URL: <https://www.ituc-csi.org/uae-labour-law-reforms-fail?lang=> (Date of access: 30.10.2023)
15. United Arab Emirates. Events of 2021. URL: <https://www.hrw.org/world-report/2022/country-chapters/united-arab-emirates> (Date of access: 29.10.2023).

Проблемы правового регулирования и применения искусственного интеллекта в антикоррупционной экспертизе нормативно-правовых актов

Абоян Агавни Арменаковна,

магистрант Юридической школы образовательной программы «Юридическое сопровождение деятельности органов власти» ДВФУ
E-mail: aboian.aa@dvfu.ru

Парин Дмитрий Витальевич,

магистрант Юридической школы образовательной программы «Юридическое сопровождение деятельности органов власти» ДВФУ
E-mail: parin.dv@dvfu.ru

В связи с созданием в 2022 году первой тестовой модели искусственного интеллекта, позволяющей частично автоматизировать процесс проведения антикоррупционной экспертизы актов, сегодня активно обсуждается вопрос полноценного делегирования «роботам» функций субъектов, осуществляющих данную экспертизу. Настоящая статья посвящена анализу правового регулирования общественных отношений, возникающих в связи с применением искусственного интеллекта в обозначенной области деятельности, а также выявлению проблем такого применения. Для раскрытия данных вопросов автор использует классические общенаучные методы исследования, а также такие частно-научные методы (формально-юридический метод, метод моделирования). В результате автор приходит к выводам о том, что правовое осмысление процесса автоматизации антикоррупционной экспертизы актов находится сегодня на «предначальной стадии» и нуждается в оперативном развитии в целях недопущения возникновения негативных последствий в виде нарушения основных прав и свобод граждан. В выводах автор также указывает о недопустимости полноценной передачи в руки «роботов» функций экспертов и необходимости применения искусственного интеллекта на всех стадиях антикоррупционной экспертизы актов по принципу «управляет человек», предполагающему принятие окончательного решения людьми.

Ключевые слова: Антикоррупционная экспертиза актов, искусственный интеллект, проблемы применения, правовое регулирование, коррупциогенный фактор, стадии правотворчества.

Введение

В современных условиях наблюдается тенденция к развитию информационных технологий, оцифровыванию практически всех сфер жизнедеятельности человека с целью улучшения качества жизни. При этом сферы применения цифровых технологий, в частности искусственного интеллекта, находятся в постоянном расширении.

Результатом бурного развития научно-технического прогресса становится, в числе прочего, активное использование искусственного интеллекта в деятельности органов государственной власти. Опыт России и зарубежных стран свидетельствует о том, что внедрение цифровых технологий в обозначенную сферу способно оказать существенное влияние на реализацию многих функций государства.

В частности, сегодня активно обсуждается вопрос внедрения искусственного интеллекта в процесс проведения антикоррупционной экспертизы нормативно-правовых актов с целью повышения качества данной процедуры, снижения издержек и увеличения эффективности её проведения, создания дополнительных барьеров для лоббирования и коррупционных проявлений [8; с. 865].

Сам институт антикоррупционной экспертизы, созданный в России в недалёком 2009 году и представляющий собой один из важнейших этапов правотворческого процесса, в настоящее время испытывает ряд трудностей, обусловленных сочетанием низкой активности независимых экспертов и отдельных антикоррупционных экспертиз с высокой нагрузкой по проведению последних, накладывающейся на органы прокуратуры и Министерство юстиции [3; с. 34]. Одним из путей развития и совершенствования процедуры антикоррупционной экспертизы является автоматизация данного процесса как раз посредством применения искусственного интеллекта.

Уже сегодня активно ведутся разработки модели искусственного интеллекта, позволяющей частично автоматизировать процесс проведения антикоррупционной экспертизы. В частности, впервые подобная модель была разработана Проектно-учебной лабораторией антикоррупционной политики (ПУЛАП) НИУ ВШЭ и Отделом методологии противодействия коррупции Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ [6]. В функции данной модели ИИ входят возможность загрузки файлов нормативных актов для анализа, выявление в них признаков коррупциогенности на основании алгоритмов

машинного обучения и получение подробного отчёта с перечнем элементов акта и признаков коррупциогенности, последовательно увеличивающимися по мере дополнения и расширения доступных баз данных.

В свою очередь, как было указано заместителем министра юстиции Максимом Бесхмельничным в рамках X Петербургского международного юридического форума, Министерство юстиции Российской Федерации тестирует искусственный интеллект при регистрации правовых актов ведомств и может сделать выводы о том, что последний «успешно проверяет их на соответствие юридической технике, проводит антикоррупционную экспертизу, делает полный комплекс проверки» [4].

Исследователи также полагают, что система искусственного интеллекта в настоящий момент позволяет проводить антикоррупционную экспертизу разрабатываемых актов, осуществлять первичный анализ на соответствие действующему законодательству Российской Федерации [2; с. 86].

Наряду с этим существует ряд опасений, касающихся внедрения искусственного интеллекта в процесс проведения антикоррупционной экспертизы, в числе которых, как представляется, низкий уровень правового осмысления данного вопроса, а также сама невозможность проведения системой всесторонней качественной проверки актов и полноценного перекладывания на неё роли эксперта.

В связи с указанными задачами настоящего исследования являются проведение анализа правового регулирования в области общественных отношений, возникающих в связи с использованием искусственного интеллекта в области антикоррупционной экспертизы, а также выявление проблем, связанных с таким использованием и вызванных самой природой права как социального регулятора.

Настоящее исследование структурно состоит из двух частей: в первой части приводится обзор законодательства в области антикоррупционной экспертизы и анализируется возможность его применения к отношениям, возникающим в связи с использованием искусственного интеллекта в данной области – делается вывод о низком уровне правового осмысления данного вопроса, о невозможности применения к указанным отношениям действующего законодательства, а также о необходимости оперативного обновления данного законодательства в связи с быстро развивающимися общественными отношениями в указанной области; во второй части анализируется потенциальная возможность применения искусственного интеллекта в обозначенной сфере, описываются конкретные способности системы, которые могут быть успешно использованы в процессе экспертизы нормативных актов, а также анализируется возможность выявления системой коррупциогенных факторов – делается вывод о недопустимости полноценного проведения антикоррупционной экспертизы искусственным интеллектом единолично и о необходимости функционирования системы под контролем эксперта.

Обзор законодательства в области использования искусственного интеллекта в антикоррупционной экспертизе нормативно-правовых актов

Использование искусственного интеллекта в той или иной сфере, включая область проведения антикоррупционной экспертизы правовых актов, обуславливает необходимость решения множества вопросов, связанных с правовым режимом функционирования первого: правосубъектность искусственного интеллекта, ответственность за его действие (бездействие), взаимоотношения искусственного интеллекта с человеком, информационная безопасность, проблемы использования и обработки искусственным интеллектом персональных данных и многое другое.

Анализ нормативной базы, направленной на урегулирование использования искусственного интеллекта в сфере антикоррупционной экспертизы правовых актов, имеет особо важную роль, поскольку результаты данного процесса оказывают впоследствии непосредственное влияние на дальнейшую судьбу общественных отношений, на регламентирование которых направлен тот или иной нормативно-правовой акт.

В соответствии с Национальной стратегией развития искусственного интеллекта к 2030 году в Российской Федерации должна функционировать гибкая система нормативно-правового регулирования в области искусственного интеллекта, гарантирующая безопасность населения, соблюдение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина [5]. Однако сегодня правовое регулирование рассматриваемого вопроса значительно отстаёт от стремительно развивающихся общественных отношений, порождая определённые риски для общества в целом.

Принятые в области применения цифровых технологий нормативно-правовые акты немногочисленны. В области применения искусственного интеллекта в антикоррупционной экспертизе правовых актов специализированное законодательство сегодня отсутствует вовсе.

В настоящее время в российском правовом поле существует ряд нормативных актов, регулирующих процесс проведения антикоррупционной экспертизы в целом, но вопрос о возможности применения положений, содержащихся в данных актах, к искусственному интеллекту является спорным.

Основным нормативным актом в области антикоррупционной экспертизы является Федеральный закон от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов». Данный закон устанавливает порядок проведения антикоррупционной экспертизы и круг субъектов, обладающих компетенцией по её проведению, среди которых фигурирует прокуратура РФ, Министерство юстиции РФ, а также органы, организации и их должностные лица в порядке, установленном нормативными правовыми актами соответ-

ствующих федеральных органов исполнительной власти, иных государственных органов и организаций, органов государственной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления. Кроме того, в соответствии с пунктом 4 Правил проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, утверждённых Постановлением Правительства РФ от 26 февраля 2010 г. № 96, юридическими и физическими лицами, аккредитованными Министерством юстиции РФ в качестве экспертов по проведению независимой антикоррупционной экспертизы может осуществляться такого рода экспертиза. При этом, как следует из Приказа Министерства юстиции РФ от 29 марта 2019 г. № 57, лицами, изъявившими желание получить аккредитацию на проведение в качестве независимых экспертов, могут являться граждане Российской Федерации, имеющие высшее образование и стаж работы по специальности не менее 5 лет, а также юридические лица, имеющие в своём штате не менее 3 работников, удовлетворяющих установленным в данном Приказе требованиям.

Таким образом, ни в одном из приведённых актов в настоящий момент искусственный интеллект не установлен в качестве самостоятельного субъекта, осуществляющего антикоррупционную экспертизу. Более того, поскольку на территории России искусственный интеллект в принципе не наделён правосубъектностью в отличии, например, от Саудовской Аравии, вопрос о потенциальном наделении искусственного интеллекта правомочием по проведению таковой экспертизы не может ставиться вовсе. Отдельные авторы задаются вопросом о наделении робота как носителя искусственного интеллекта неполной гражданской правосубъектностью, но этот вопрос является самостоятельным предметом исследований, не подлежащим рассмотрению в рамках данной работы.

Из указанного выше следует, что на сегодня использование систем искусственного интеллекта в области антикоррупционной экспертизы правовых актов представляется возможным исключительно в том случае, если такие системы будут являться вспомогательными средствами, способствующими деятельности основных экспертов. Но даже при таком ходе событий действующее законодательство об антикоррупционной экспертизе не содержит никаких предпосылок, допускающих внедрение цифровых технологий в данный процесс. Однако урегулирование данного вопроса является необходимым, поскольку процесс внедрения искусственного интеллекта в антикоррупционную экспертизу правовых актов остаётся нерегламентированным: неясен статус тех заключений, которые могут быть даны системой эксперту, будут ли они подлежать обязательному учёту последним или будут представлять собой обязательные для принятия экспертом во внимание акты; остаётся непонятным, кто будет нести ответственность за те нарушения, которые могут быть допущены системой – эксперт, под чьим руководством нахо-

дилась система, или разработчик (производитель) данной системы; актуальным является и установление перечня правовых актов, ответственность за проверку которых будет лежать на искусственном интеллекте; отдельного внимания требует урегулирование вопроса взаимодействия эксперта и системы – будет ли он представлять собой тандем, где эксперт является неким итоговым «фильтром» для тех выводов, что были сделаны искусственным интеллектом, или же наподобие китайской системы робот-правосудия искусственный интеллект будет необходим в качестве осуществления контроля над деятельностью эксперта и некоего сдерживающего механизма, не допускающего принятия субъективных решений экспертами.

Таким образом, сегодня практика развивается в опережающем порядке по отношению к теории. Но стоит помнить, что любое применение искусственного интеллекта непосредственно влияет на основные права человека, которые признаны высшей ценностью. Поэтому, оценивая возможности использования ИИ в какой бы то ни было сфере, нужно прежде всего оценить риски нарушения прав человека. Кроме того, если понятие ещё не стало правовым, если его нормативное регулирование не сложилось, трудно вести речь об ответственности за различные девиации. Всё это является аргументами в пользу скорейшего развития правовой доктрины в данной области.

Проблемы практического применения искусственного интеллекта в антикоррупционной экспертизе нормативно-правовых актов

Отсутствие соответствующей нормативной базы, допускающей применение технологий искусственного интеллекта в антикоррупционной экспертизе нормативных актов, является не единственным камнем преткновения в реализации такой задумки. Практическая возможность применения искусственного интеллекта в области проверки нормативных актов сама по себе вызывает ряд вопросов с точки зрения специфики права и юридической деятельности в целом, формирования правовой мысли.

Сегодня возможности нейронной сети не являются безграничными. Разработки в области искусственного интеллекта действительно позволяют применять его в рамках антикоррупционной экспертизы для обнаружения коллизий и пробелов, дублирования, выявления несоответствия предлагаемого регулирования актам более высокой юридической силы, расхождения в терминологии с действующими актами, сопоставления проекта с международными актами, то есть именно в оценке правовых актов с формальной точки зрения, а также на соответствие их юридико-техническим требованиям. Безусловно, это позволит повысить скорость и эффективность оценки проектируемого акта, однако формальные нарушения являются отнюдь не единственными и главными при проведении антикоррупционной экспертизы нормативных актов.

Большой проблемой для искусственного интеллекта может стать так называемая «открытая текстура» юридического языка, уходящая своими корнями к концепции «открытой текстуры» естественного языка Фридриха Вайсмана [9; с. 321]. Выражение правовой мысли в нормативных актах с использованием особенностей юридического языка зачастую таит в себе неустранимую и вынужденную неопределённость, например, когда речь идёт о необходимости установления открытого перечня смягчающих обстоятельств в уголовном законе с целью защиты прав осужденных или преднамеренного и умышленного с точки зрения законодателя употребления категорий оценочного характера. Выявление правовой неопределённости в положениях нормативных актов отнюдь нельзя отнести к возможной функции искусственного интеллекта, поскольку сама особенность принципа правовой определённости заключается в его абсолютной неопределённости [1; с. 6]. Система искусственного интеллекта основана на определённом алгоритме, заложенном в его программном обеспечении разработчиком, однако сегодня не представляется возможным создание такого алгоритма, который мог бы обнаружить правовые нюансы положений нормативного акта, связанные с выявлением в них неопределённости. Язык в целом является живым организмом, которому свойственно постоянное изменение и развитие, в свою очередь, юридический язык – представляет собой особую материю, которую зачастую невозможно объективизировать. Рассмотрим конкретный пример.

Основную роль в процессе проведения антикоррупционной экспертизы нормативных актов играет выявление соответствующими органами и лицами коррупционных факторов, установленных в Постановлении Правительства РФ от 26 февраля 2010 г. № 96 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов», к которым относится, в частности, такой фактор как определение компетенции по формуле «вправе». Если выявление такого фактора будет вложено в алгоритм искусственного интеллекта, то каждый раз, встречая слово «вправе» в тексте того или иного нормативного акта, система будет фиксировать выявление нарушения. Однако многие нормативно-правовые акты сегодня определяют компетенцию государственного органа и/или должностного лица при помощи диспозитивных установок, поскольку право и обязанность связаны неразрывно и образуют единое полномочие. Наличие рассматриваемого коррупционного фактора не означает, что у государственного органа, государственного служащего и/или должностного лица вообще не может быть прав, которые возможно было бы использовать по усмотрению. Такие права есть, просто они приобретают характер исключения и находятся в строгой зависимости от определённых, законодательно установленных условий (например, право задержания подозреваемого в совершении преступления, право сотрудника полиции лично или в составе подразделения

(группы) применять специальные средства). Поэтому выявление такого рода коррупциогенных факторов требует особой субъективной оценки, как и выявление нарушения принципа правовой определённости.

Вместе с тем важно отметить и то обстоятельство, что искусственный интеллект в отличие от человека не способен оценивать качество и содержание нормативных актов с учётом всех политических, экономических, социальных, культурных и иных факторов, выявлять слабые места проекта нормативного правового акта с точки зрения тех последствий, которые могут быть в связи с его принятием, оценивать риски его принятия, поэтому вопрос о внедрении цифровых технологий в процесс проведения антикоррупционной экспертизы актов может ставиться, как представляется, только при условии тандема искусственного интеллекта и живого человека, контролирующего его применение, по принципу «управляет человек», предполагающему принятие окончательного решения людьми [7; с. 595].

Заключение

Таким образом, следует учитывать, что применение искусственного интеллекта в любой сфере не является не является универсальным решением всех проблем, существующих в антикоррупционной экспертизе актов, или некой «панацеей от всех бед». Как было обозначено в настоящем исследовании, в определённых случаях искусственный интеллект может приводить к некорректным выводам и ошибкам, обозначая в качестве коррупциогенного фактора то, что таковым не является. В конечном счёте каждая ошибка, допустимая системой на стадии проведения экспертизы правового акта, может повлечь негативные последствия в результате применения такого акта, отражающиеся на реализации основных прав и свобод лиц, на регулирование отношений которых направлен тот или иной нормативный акт. В связи с чем при внедрении искусственного интеллекта в рассматриваемую область деятельности необходимо учитывать всевозможные риски и предпринимать ряд шагов, гарантирующих их избежание.

В связи с указанным выше применением искусственного интеллекта в антикоррупционной экспертизе влечёт также необходимость создания комплексного правового регулирования отношений, возникающих в связи с таким применением, необходимость разработки того правового массива, который позволит с точностью определить юридическую силу и статус решений, выносимых системой, регламентировать процесс принятия системой решений, круг актов, по которым он может осуществлять экспертизу и многие другие вопросы, связанные с возникновением рассматриваемых общественных отношений.

Аргументы, приведённые в настоящей работе, свидетельствуют о необходимости оперативного развития правового регулирования в такой

области применения искусственного интеллекта, как антикоррупционная экспертиза нормативно-правовых актов, а также о том, что сегодня полноценное переключивание роли эксперта на искусственный интеллект является преждевременным.

Литература

1. Бершицкий Э.Е. Правовая определённость и оценочные категории. М.: М-Логос, 2021. 154 с.
2. Залоило М.В., Гвоздецкий Д.С. Цифровизация ведомственного нормотворчества: тенденции и перспективы / Статья в сборнике научных трудов «Трансформация правовой реальности в цифровую эпоху» / под общей ред. Д.А. Пашенцева, М.В. Залоило. М., 2019. 213 с.
3. Искусственный интеллект в профилактике правовых рисков и противодействию коррупции: доклад к XXIII Ясинской (Апрельской) международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества / Е.А. Артеменко, А.М. Волкова, Р.О. Долотов и др.; под науч. ред. Д.В. Крыловой. М., 2022. 48 с.
4. Минюст в тестовом режиме использует ИИ при регистрации НПА. [Электронный ресурс] – URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/270295930> (дата обращения: 10.03.2023).
5. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 // Доступ из справоч.-правовой системы «Гарант».
6. Проектная группа «IT-решение в сфере антикоррупционной экспертизы нормативно-правовых актов, регламентирующих поддержку предпринимательства: аспекты правового регулирования и машинного обучения». Высшая школа экономики. [Электронный ресурс] – URL: https://pravo.hse.ru/anticorrupt_it/ (дата обращения: 10.03.2022).
7. Разумова Т.О., Артамонова М.В. Эволюция социально-трудовых отношений и новая роль социального партнёрства в эпоху глобальных перемен / Статья в сборнике научных трудов по итогу XIX Международных Лихачевских научных чтений «Мировое развитие: проблемы предсказуемости и управляемости». СПб, 2019. 632 с.
8. Талапина Э.В. Искусственный интеллект и правовые экспертизы в государственном управлении // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия: Право. 2021. № 4. С. 865–881.
9. Ястребов О.А. Искусственный интеллект в правовом пространстве // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2018. № 3. С. 315–321.

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION AND APPLICATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN ANTI-CORRUPTION EXAMINATION OF REGULATIONS

Aboyan A.A., Parin D.V.
FEFU

In connection with the creation in 2022 of the first test model of artificial intelligence, which allows partially automating the process of conducting an anti-corruption examination of acts, the issue of fully delegating the functions of subjects carrying out this examination to “robots” is being actively discussed today. This article is devoted to the analysis of the legal regulation of public relations arising in connection with the use of artificial intelligence in the designated field of activity, as well as the identification of problems of such application. To disclose these issues, the author uses classical general scientific research methods, as well as such private scientific methods (formal legal method, modeling method). As a result, the author comes to the conclusion that the legal understanding of the process of automating the anti-corruption examination of acts is currently at the “initial stage” and needs operational development in order to prevent the occurrence of negative consequences in the form of violations of fundamental rights and freedoms of citizens. In the conclusions, the author also points out the inadmissibility of fully transferring the functions of experts into the hands of “robots” and the need to use artificial intelligence at all stages of the anti-corruption examination of acts on the principle of “human control”, which presupposes the final decision by people.

Keywords: Anti-corruption expertise of acts, artificial intelligence, problems of application, legal regulation, corruption factor, stages of law-making.

References

1. Bershtitsky E.E. Legal certainty and evaluation categories. М.: М-Logos, 2021. 154 p.
2. Zaloilo M.V., Gvozdetsky D.S. Digitalization of departmental rulemaking: trends and prospects / Article in the collection of scientific papers «Transformation of legal reality in the digital age» / under the general editorship of D.A. Pashentsev, M.V. Zaloilo. М., 2019. 213 p.
3. Artificial intelligence in the prevention of legal risks and combating corruption: report to the XXIII Yasinskaya (April) International Scientific Conference on problems of economic and social development / E.A. Artemenko, A.M. Volkova, R.O. Dolotov et al.; edited by D.V. Krylova, M., 2022. 48 p.
4. The Ministry of Justice uses AI in a test mode when registering an NPA. [Electronic resource] – URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/270295930> (date of application: 03.10.2023).
5. On the development of artificial intelligence in the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation № 490 dated October 10, 2019 // Access from the legal system «Garant».
6. The project group «IT solution in the field of anti-corruption expertise of normative legal acts regulating business support: aspects of legal regulation and machine learning». Higher School of Economics. [Electronic resource] – URL: https://pravo.hse.ru/anticorrupt_it/ (date of access: 03.10.2022).
7. Razumova T.O., Artamonova M.V. The evolution of social and labor relations and the new role of social partnership in the era of global change / Article in the collection of scientific papers on the results of the XIX International Likhachev scientific readings «World development: problems of predictability and manageability». St. Petersburg, 2019. 632 p.
8. Talapina E.V. Artificial intelligence and legal expertise in public administration // Bulletin of St. Petersburg University. Series: Law. 2021. № 4. pp. 865–881.
9. Yastrebov O.A. Artificial intelligence in the legal space // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences. 2018. № 3. pp. 315–321.

Дифференциация права на апелляцию в уголовном процессе Израиля

Бахшиев Даниэль Залманович,

аспирант юридического факультета, Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: danbakc232@mail.ru

В статье представлен аналитический обзор израильского уголовно-процессуального законодательства и правовой доктрины. Концептуальную основу института пересмотра судебных актов образует обеспечение баланса между постулатами об окончательности судебного решения и обязательности исправления судебных ошибок. Установлено, что апелляция является ординарной процедурой пересмотра судебных актов, интегрированной в единую систему «воплощений судебного разбирательства». По смыслу израильского права апелляция дифференцируется в зависимости от основания возникновения права на обжалование на: апелляцию «по праву» и апелляцию «с разрешения». Институт апелляции наглядно отражает израильскую правовую идентичность, сочетание классического правопонимания процедур обжалования судебных актов по уголовным делам с уникальными параметрами, редко встречающимися в иных правовых порядках. Несмотря на то, что фундаментальные различия в правопонимании института апелляции в уголовном процессе Израиля и Российской Федерации отсутствуют, применяемый израильским законодателем подход к дифференциации апелляции на виды представляет научный интерес и может в перспективе учитываться российской юридической наукой.

Ключевые слова: Израильское право; апелляция; пересмотр; правовая дифференциация; правовая идентичность.

Израильскому уголовно-процессуальному праву известны ординарные и экстраординарные процедуры пересмотра судебных актов. К числу первых следует отнести апелляцию и повторное судебное разбирательство, а в числе вторых выделяются дополнительное слушание и обращение в Высокий суд справедливости (в исключительных случаях). Апелляция определяется в ее традиционном понимании как обжалование в установленном законом порядке судебного решения, вынесенного по уголовному делу, в суд вышестоящей инстанции. Однако, нетипичной выступает дифференциация апелляции на виды «по праву» и «с разрешения».

До того, как перейти к их характеристике, важно уточнить, что в теории израильского уголовного процесса существует концепция воплощений судебного разбирательства, которая предполагает, что первым воплощением судебного разбирательства выступает рассмотрение дела судом первой инстанции, вторым воплощением является пересмотр уголовного дела в порядке апелляции «по праву», а третьим воплощением выступает пересмотр уголовного дела в порядке апелляции «с разрешения». Подобная специфика правопонимания опосредует содержание не только самой апелляции, но и в целом института пересмотра судебных актов. Потому кратко охарактеризуем его концептуальную основу.

Прежде всего, израильские процессуалисты безоговорочно признают действие универсального правила об окончательности судебного решения, которое рассматривается ими как некий сдерживающий фактор, созданный судебным актом [6, с. 227]. Элемент сдерживания предполагает недопустимость «бесконечного» пересмотра судебного акта, обусловленного лишь субъективным несогласием участника уголовного судопроизводства с принятым решением. Одновременно с этим окончательность судебного решения не должна нивелировать действие фундаментального принципа справедливости, одним из проявлений которого является обязательность исправления судебной ошибки, если таковая была допущена при принятии решения.

Следовательно, правовое обеспечение пересмотра судебных актов должно существовать в условиях баланса между постулатами об окончательности судебного решения и обязательности исправления судебных ошибок. Потому, обжалование судебных актов в Израиле характеризуется, с одной стороны, доступностью (каждый участник уголовного судопроизводства имеет право на обжалование судебного решения в порядке апелляции «по праву»), но с другой стороны – ограничен-

ностью, ведь последующий пересмотр судебного акта возможен только при наличии исключительных обстоятельств.

Право на апелляцию «по праву» (судебное разбирательство во втором воплощении) проистекает из положений ст. 17 Основного закона: судебная власть [1]. Оно характеризуется конституционно-правовой природой, выступает неотъемлемым, принадлежит каждому участнику уголовного судопроизводства. Поскольку в Израиле нет единой Конституции, актами конституционно-правового значения являются одновременно несколько Основных законов, регулирующих наиболее значимые группы общественных отношений, а акты официального толкования, осуществляемого Верховным Судом Израиля, расширяют и дополняют их содержание. Здесь важно сделать оговорку, которая будет иметь значение и для дальнейшего повествования, о том, что Израиль является государством с так называемой «гибридной» или «смешанной» правовой системой, сочетающей в себе признаки общего и континентального права. Потому закон и прецедент в равной степени выступают источниками права. Указанное подтверждается положениями ст. 20 Основного закона: судебная власть, регламентирующими, что решения судов вышестоящих инстанций обязательны для судов нижестоящих инстанций, а решения Верховного Суда Израиля обязательны для судов всех уровней, кроме самого Верховного Суда (при этом термин «решение» применяется в смысле правило о правопонимании или правоприменении).

Конституционно-правовая природа апелляции «по праву» обуславливает отсутствие каких-либо правовых барьеров или специфических требований для реализации данного правомочия. Напротив, для апелляции «с разрешения», которая хоть и относится к числу ординарных способов пересмотра судебных актов в уголовном судопроизводстве, свойственны условия, образующие право на ее реализацию. По смыслу положений уголовно-процессуального законодательства и практики Верховного Суда Израиля, к числу таких условий необходимо относить: 1) факт реализации права на апелляцию «по праву», то есть прохождение делом этапа второго воплощения судебного разбирательства; 2) лицом, желающим обжаловать решение, принятое судом во втором воплощении, получено разрешение на пересмотр дела в третьем воплощении.

Интерес представляет то, что реализация апелляции «с разрешения» возможна только тогда, когда дело по первой инстанции рассматривалось мировым судом. Подобная ситуация складывается исходя из того, что в Законе о судах (комбинированная версия) 1984 года [2] установлено: решения мировых судов обжалуются в районный суд, а решения районных судов, принятые как по первой инстанции, равно и в порядке апелляции обжалуются в Верховный Суд. То есть, если Верховный Суд рассматривал апелляционную жалобу на решение, принятое районным судом по первой ин-

станции, дальнейшее движение по делу в порядке апелляции невозможно, поскольку решения Верховного Суда обжалованию в апелляционном порядке не подлежат, а потому они могут быть пересмотрены только в повторном судебном разбирательстве или в дополнительном слушании самим Верховным Судом.

Основание для реализации апелляции «с разрешения» определены прецедентным правом Израиля. В деле *Hanion Haifa Ltd.v. Matzat Or (Hadar Haifa) Ltd.* 103/82 [8] было установлено, что для повторного апелляционного обжалования и пересмотра дела в третьем воплощении в нем должен усматриваться существенный общественный интерес. О наличии существенного общественного интереса может свидетельствовать, например, то, что при рассмотрении и разрешении уголовного дела затрагивались проблемные вопросы конституционного значения или те юридические вопросы, которые не нашли прямого отражения в законодательных актах; в решениях судов по схожим делам усматривают противоречия и т.д. В ином случае продолжение рассмотрения тех вопросов, которые уже дважды обсуждались в первом и во втором воплощениях, нарушало бы постулат об окончательности судебного решения.

Именно потому, что перечень обстоятельств, свидетельствующих об общественном интересе уголовного дела, является открытым, израильское законодательство предусматривает процедуру подачи запроса на апелляцию «с разрешения». Регламентация соответствующей процедуры осуществляется статьями 44д – 44т Уголовно-процессуальных положений 1974 года [3], выступающих неким правовым документом, расширяющим и дополняющим положения основного источника уголовно-процессуального права Израиля – Уголовно-процессуального закона (комбинированная версия) 1982 года [4].

Для реализации апелляции «по праву», как было указано ранее, соблюдение каких-либо специальных условий не требуется, ведь это естественное и неотъемлемое право каждого участника уголовного судопроизводства. Только в ст. 203 Уголовно-процессуального закона (комбинированная версия) 1982 года установлено, что основанием для отказа в удовлетворении апелляционной жалобы, поданной во втором воплощении, выступает ее немотивированность, то есть отсутствие указания на причины, которые заявитель считает важными для пересмотра решения.

Предметом апелляционного обжалования в уголовно-процессуальном праве Израиля являются как не вступившие в законную силу решения, принятые судами по существу дела (итоговые решения), так и промежуточные решения. Точнее будет говорить о том, что промежуточные решения по общему правилу самостоятельно не обжалуются. Например, в деле *Kalifa Cohen v. State of Israel* 8277/20 [9] по данному поводу представлено резюме: уголовный процесс Израиля нацелен на эффективное и быстрое завершение уголовного раз-

бирательства, а обжалование всех без исключения промежуточных решений существенно его затянет. Но из этого правила существует достаточно широкий ряд исключений: решения суда, ведущие к окончанию производства по уголовному делу, но не являющиеся приговором; решения, разрешающие отвод судьи; решение, принятое по заявлению об ознакомлении с материалами расследования и т.д. В деле *State Israel v. So-and-so* 3996/15 [11] указывается, что самостоятельно обжалуемые промежуточные решения разрешают вопросы, лежащие в основе уголовного судопроизводства.

Правом апелляционного обжалования в уголовном процессе Израиля наделяются участники уголовного судопроизводства в широком понимании данного термина. В деле *Mahmoud Sari Hassan v. the State of Israel* 658/88 [10] Верховный Суд постановил, что право на апелляцию должно принадлежать не только сторонам уголовного процесса, но и тем лицам, которые формально не являются сторонами процесса, однако чьи права и законные интересы затрагиваются судебным решением.

Срок на подачу апелляционной жалобы дифференцируется в зависимости от типа апелляции. Если речь идет об апелляции «по праву», то, согласно ст. 199 Уголовно–процессуального закона (комбинированная версия) 1982 года, срок составляет 45 дней со дня вынесения решения (или со дня объяснения судом мотивов). В отношении апелляции «с разрешения» срок на обжалование исчисляется таким образом, что на подачу запроса на разрешение на апелляцию отводится 45 дней со дня вынесения судом решения или объяснения мотивов, а после – 30 дней со дня вынесения решения по запросу о разрешении на апелляцию на подачу самой апелляционной жалобы.

Пропущенный срок на подачу апелляционной жалобы может быть восстановлен при наличии уважительных причин, конкретизация которых законом не осуществляется. Анализ прецедентной практики свидетельствует о том, что в качестве таких причин, как правило, рассматриваются: болезнь, трудные жизненные ситуации, препятствующие своевременной подаче апелляционной жалобы, а в некоторых случаях – нетипичные обстоятельства, независящие от самого заявителя. Например, известен факт, когда пропуск срока был обусловлен не направлением адвокатом заявителя конверта с апелляционной жалобой в суд [7]. И суд, рассматривавший заявление о восстановлении срока, счел данный факт уважительной причиной, указав, что ошибка адвоката не может выступать основанием к лишению лица его законного права на реализацию апелляционного обжалования.

Наконец, в израильской правовой доктрине указывается, что по общему правилу суд апелляционной инстанции не вмешивается в фактические выводы и выводы о достоверности доказательств, которые ранее устанавливались в судебном заседании предшествующего воплощения [5, с. 43]. Однако прямых ограничений пределов действия суда апелляционной инстанции законом не установлено,

потому в рамках апелляции суд может рассматривать дело полностью и по существу. В подтверждение такого вывода следует привести положения ст. 212 Уголовно–процессуального закона (комбинированная версия) 1982 года, устанавливающие право суда апелляционной инстанции при исследовании новых или уже имеющихся в деле доказательств как поддержать выводы суда предыдущей инстанции, так и признать их ошибочными.

Проведенный анализ свидетельствует о том, что фундаментальных различий в понимании института апелляции в уголовном процессе Израиля и Российской Федерации не усматривается. Однако подход, применяемый израильским законодателем к дифференциации апелляции на виды через реализацию концепции воплощений судебного разбирательства, представляет научный интерес и может в перспективе учитываться российской юридической наукой. Это весьма нетривиальный подход, который позволяет достичь необходимого баланса между окончательностью судебных решений и обязательностью исправления судебных ошибок. Он, с одной стороны, предоставляет достаточно широкие возможности в реализации права на обжалование судебных решений в форме апелляции «по праву», но с другой – препятствует объективно немотивированным попыткам обжалования правосудных решений по уголовным делам путем регламентации разрешительного порядка рассмотрения дела в третьем воплощении.

Литература

1. Основной закон: судебная власть [Электронный ресурс] // Юридическая база данных «Nevo». URL: <https://www.nevo.co.il/>.
2. Закон о судах (комбинированная версия) 1984 г. [Электронный ресурс] // Юридическая база данных «Nevo». URL: <https://www.nevo.co.il/>.
3. Уголовно–процессуальные положения 1974 г. [Электронный ресурс] // Официальный интернет–портал Кнессета. URL: <https://main.knesset.gov.il/>.
4. Уголовно–процессуальный закон (комбинированная версия) 1982 г. [Электронный ресурс] // Официальный интернет–портал Кнессета. URL: <https://main.knesset.gov.il/>.
5. Levy M. The Risk of Wrongful Convictions in Israel: Key Factors and Suggestions for Reducing it – in the wake of the book by Boaz Sangero «Convicting the Innocent: Causes and Solutions» // *Netanya Law Review*. 2015. pp. 11–66.
6. Sanjero B. The conviction of innocents in Israel and around the world causes and solutions. Tel Aviv: Wrestling, 2014. 299 p.
7. Decision on a Request for an Extension of the Filing Period 9481/12 – A [Электронный ресурс] // Официальный интернет–портал Верховного Суда Израиля. URL: <https://supreme.court.gov.il/>.
8. Hanion Haifa Ltd.v. Matzat Or (Hadar Haifa) Ltd. 103/82 [Электронный ресурс] // Официальный

интернет–портал Верховного Суда Израиля. URL: <https://supreme.court.gov.il/>.

9. Kalifa Cohen v. State Israel 8277/20 [Электронный ресурс] // Официальный интернет–портал Верховного Суда Израиля. URL: <https://supreme.court.gov.il/>.
10. Mahmoud Sari Hassan v. State Israel 658/88 [Электронный ресурс] // Официальный интернет–портал Верховного Суда Израиля. URL: <https://supreme.court.gov.il/>.
11. State Israel v. So–and–so 3996/15 [Электронный ресурс] // Официальный интернет–портал Верховного Суда Израиля. URL: <https://supreme.court.gov.il/>.

DIFFERENTIATION OF THE RIGHT OF APPEAL IN ISRAELI CRIMINAL PROCEEDINGS

Bakhshiev D.Z.

Saint Petersburg State University

The article provides an analytical overview of Israeli criminal procedure legislation and legal doctrine. The conceptual basis of the institution of review of judicial acts is to ensure a balance between the postulates of the finality of a judicial decision and the obligation to correct judicial errors. It has been established that an appeal is an ordinary procedure for reviewing judicial acts, integrated into a unified system of “incarnations of judicial proceedings.” Within the meaning of Israeli law, an appeal is differentiated depending on the basis for the emergence of the right to appeal: an appeal “by right” and an appeal “with permission”. The institution of appeal clearly reflects Israeli legal identity, a combination of the classical legal understanding of procedures for appealing judicial acts in criminal cases with unique parameters rarely found in other legal orders. Despite the fact that there are no fundamental differences in the legal understanding of the institution of appeal in the criminal process of Israel

and the Russian Federation, the approach used by the Israeli legislator to differentiating appeals into types is of scientific interest and can in the future be taken into account by Russian legal science.

Keywords: Israeli law; appeal; revision; legal differentiation; legal identity.

References

1. Basic Law: Judicial Power [Electronic resource] // Legal database “Nevo”. URL: <https://www.nevo.co.il/>.
2. Law on Courts (combined version) 1984 [Electronic resource] // Legal database “Nevo”. URL: <https://www.nevo.co.il/>.
3. Criminal procedural provisions of 1974 [Electronic resource] // Official Internet portal of the Knesset. URL: <https://main.knesset.gov.il/>.
4. Criminal Procedure Law (combined version) 1982 [Electronic resource] // Official Internet portal of the Knesset. URL: <https://main.knesset.gov.il/>.
5. Levy M. The Risk of Wrongful Convictions in Israel: Key Factors and Suggestions for Reducing it – in the wake of the book by Boaz Sangero “Convicting the Innocent: Causes and Solutions” // Netanya Law Review. 2015. pp. 11–66.
6. Sanjero B. The conviction of innocents in Israel and around the world causes and solutions. Tel Aviv: Wrestling, 2014. 299 p.
7. Decision on a Request for an Extension of the Filing Period 9481/12 – A [Electronic resource] // Official Internet portal of the Supreme Court of Israel. URL: <https://supreme.court.gov.il/>.
8. Hanion Haifa Ltd.v. Matzat Or (Hadar Haifa) Ltd. 103/82 [Electronic resource] // Official Internet portal of the Supreme Court of Israel. URL: <https://supreme.court.gov.il/>.
9. Kalifa Cohen v. State Israel 8277/20 [Electronic resource] // Official Internet portal of the Supreme Court of Israel. URL: <https://supreme.court.gov.il/>.
10. Mahmoud Sari Hassan v. State Israel 658/88 [Electronic resource] // Official Internet portal of the Supreme Court of Israel. URL: <https://supreme.court.gov.il/>.
11. State of Israel v. So–and–so 3996/15 [Electronic resource] // Official Internet portal of the Supreme Court of Israel. URL: <https://supreme.court.gov.il/>.

Гражданско-правовая ответственность осужденных к лишению свободы: аспекты возмещения вреда, вызванного неправомерными действиями

Елагина Нелли Львовна,

преподаватель-методист отделения планирования, методического обеспечения и контроля образовательного процесса учебного отдела, ВИПЭ ФСИН России
E-mail: elagina_nl@mail.ru

В статье проанализированы основные особенности гражданско-правовой ответственности лиц, осужденных к наказанию в виде лишения свободы, связанные с возмещением вреда, причиненного в результате неправомерных действий. Главной особенностью является особый статус вышеуказанных лиц, который связан с наличием ряда ограничений, таких как невозможность свободно выбирать место и вид работы, свободно передвигаться и др., и приобретением в связи с применением наказания в виде лишения свободы дополнительных обязанностей. Рассмотрены особенности гражданско-правовой ответственности осужденных, связанные с совершением преступления. Отдельно выделены особенности гражданско-правовой ответственности осужденных, заключающиеся в одном из видов гражданско-правовой ответственности, а именно в возмещении причиненного вреда.

Проанализированы проблемы возмещения вреда лицами, осужденными к лишению свободы.

Ключевые слова: возмещение вреда, причиненного преступлением, осужденный, гражданско-правовая ответственность.

У каждого человека, имеющего гражданство Российской Федерации, его права и свободы на основании Конституции РФ объявлены высшей ценностью и охраняются законом. Но все чаще в современном мире люди пренебрегают рамками закона, не считаются с правами других людей, вторгаются в их жизнь, нарушая закон. В связи с этим государство как главный субъект защиты прав своих граждан должно принимать быстрые и решительные меры по их защите. Огромный пласт нарушений прав и свобод человека связан с совершением другими людьми преступлений, которые определены Уголовным кодексом Российской Федерации. Конституция РФ устанавливает, что права потерпевших от преступлений охраняются законом (ст. 52 Конституции РФ) [1].

Чтобы защитить нарушенные права и свободы человека, а также интересы организаций, в результате чего они понесли вред от совершенного в отношении их преступления, государству необходимо прежде всего устранить последствия такого преступления.

Необходимо отметить, что при привлечении лица к уголовной ответственности он также может быть привлечен и к гражданско-правовой ответственности.

Под гражданско-правовой ответственностью понимают меры, которые применяются к лицу, нарушившему нормы гражданского законодательства или требование договора [2].

Основания, по причине которых наступает ответственность, являются особенностью гражданско-правовой ответственности [3]. В гражданском праве среди таких оснований выделяют два вида нарушений. В первом случае к ним относят нарушение норм права, в частности норм гражданского законодательства. Во втором случае к основаниям возникновения гражданско-правовой ответственности относят нарушение требований гражданского договора.

Лица, осужденные за совершение преступления к наказанию в виде лишения свободы, выступают в гражданском праве особым субъектом правоотношений, так как на них накладываются дополнительные ограничения и запреты, которые не позволяют в полной мере пользоваться своими правами и свободами. Чаще всего основаниями привлечения осужденных к гражданско-правовой ответственности являются совершенные ими преступления, что является особенностью гражданско-правовой ответственности, так как помимо нарушений норм гражданского законодательства, требований договора, основанием

гражданско-правовой ответственности является также нарушение норм уголовного законодательства.

Несмотря на то, что осужденные к лишению свободы лица, ограничены в ряде своих прав, их обязанности никакими обременениями не обладают и продолжают иметь место наравне со всеми субъектами гражданского права. Приобретая статус осужденного к лишению свободы, человек по-прежнему обязан исполнять свои гражданские обязательства.

Ответственность осужденных за договорные обязательства, имевшие место быть до совершения преступления, возникает на общих основаниях и не отличается от обычных субъектов гражданского права.

Особенность гражданско-правовой ответственности осужденных заключается в одном из видов гражданско-правовой ответственности, а именно в возмещении причиненного вреда. Статьей 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации установлено, что вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред [4].

Вред может заключаться в уничтожении, порче или повреждении имущества потерпевшего, упущенной им выгоде, утрате или уменьшении заработка потерпевшего в связи с лишением или уменьшением его трудоспособности и т.п. [5]. Осужденные к лишению свободы не освобождаются от обязательства по возмещению причиненного ими вреда, который возникает чаще всего в результате их преступных действий.

Особый статус лиц, осужденных к наказанию в виде лишения свободы, добавляет процедуре возмещения вреда с участием таких лиц отличный от обычной процедуры возмещения вреда с участием обычных граждан характер, наделяет данную процедуру определенными нюансами.

Одним из нюансов возмещения вреда осужденными к лишению свободы лицами является то, что он регулируется двумя законодательствами. Дополнительно в такие гражданско-правовые отношения включается уголовно-исполнительное законодательство. Однако возмещение вреда лицами, осужденными к лишению свободы, не является специальным институтом и осуществляется в рамках гражданского законодательства, но с учетом требований уголовно-исполнительного законодательства.

При взыскании вреда с осужденных к лишению свободы возникает ряд проблем, связанных с ограничениями, наложенными уголовно-исполнительным законодательством. Такие ограничения связаны с отсутствием возможности выбора места работы и ее вида, что влечет за собой упущенную возможность получения более высокого заработка. Места лишения свободы не оборудованы достаточным количеством рабочих мест, кроме того труд осужденных очень низкооплачиваемый,

что становится причиной отсутствия возможности оперативно и в достаточном объеме компенсировать причиненный вред. Зачастую величина иска о возмещении вреда достигает огромных размеров, а отсутствие высокооплачиваемой работы в местах лишения свободы лишает возможности погасить его, что, к сожалению, приводит к тому, что потерпевшему не восстанавливаются его нарушенные гражданские права.

Даже если осужденный полон решимости компенсировать причиненный им ущерб, у него не всегда есть такая возможность. В результате чего, восстановить баланс, нарушенный в результате причинения ущерба, становится невозможно. Потерпевшее лицо может на протяжении долгих лет ждать установленную судом компенсацию. Чтобы избежать данных проблем, стоит увеличить объем рабочих мест в исправительных учреждениях, увеличить заработную плату и соответственно увеличить долю денежных средств, вычитаемых из заработной платы на погашение исков о компенсации вреда. В настоящее время политика государства нацелена на создание цифрового государства, что приводит к необходимости введения большого объема профессий, связанных с IT сферой. Специалисты данной сферы являются востребованными. Кроме того, данные профессии позволяют трудиться дистанционно. В связи с этим, целесообразно разрешить осужденным осуществлять данный труд в местах лишения свободы, обеспечив ему рабочее место. Также необходимо в местах лишения свободы реализовывать профессиональное обучение по наиболее востребованным специальностям. Данные меры позволят частично решить проблему, связанную с невозможностью выбора места работы, позволят осужденным получать более высокую заработную плату, а соответственно в более короткий срок возместить причиненный им вред потерпевшему лицу.

Еще одно ограничение, наложенное на осужденного к лишению свободы, связанное с запретом свободно передвигаться, придает особый характер процедуре возмещения вреда, отличный от общей процедуры. Ввиду того, что осужденный часто отбывает наказание в местах лишения свободы, находящихся за пределами территории, на которой ведется гражданское дело по возмещению вреда, он не может присутствовать на заседании, кроме того у него нет возможности встретиться с потерпевшим вне суда, что препятствует им договориться о мировом соглашении.

Необходимо выделить еще одну особенность возмещения вреда осужденными к лишению свободы, которая выражается в том, что указанный вред может быть причинен до совершения преступления, а соответственно до приобретения особого статуса осужденного. В связи с этим необходимо дифференцировать процесс возмещения вреда осужденными на два вида:

- возмещение вреда, причиненного осужденным до применения в отношении его наказания в виде лишения свободы;

– возмещение вреда, причиненного осужденным в период отбывания наказания в виде лишения свободы.

В первом случае причиненный вред можно подразделить на вред, причиненный вследствие совершения преступления, но взыскиваемый до момента применения к виновному лицу наказания в виде лишения свободы, и вред, не связанный с совершением преступления.

Отличие процедуры возмещения причиненного в результате совершения преступления вреда заключается в том, что данный ущерб может рассматриваться в рамках уголовного дела, т.е. два дела, регулирующие разными нормами права, объединяются в одно, что не случается при обычных обстоятельствах возмещения вреда, причиненного не в результате совершения преступления. Данная процессуальная особенность заключается в подсудности гражданского иска. Часть 10 статьи 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации определяет, что подсудность гражданского иска, вытекающего из уголовного дела, определяется подсудностью уголовного дела, в котором он предъявлен [6]. Для обеспечения защиты прав потерпевших, которым в результате совершения преступления причинен вред, должностные лица, ведущие производство по уголовному делу, обязаны своевременно признавать их гражданскими истцами [7]. При рассмотрении гражданского иска в рамках уголовного дела доказательствами служат материалы уголовного дела, что позволяет освободить суд от рассмотрения иска в отдельном порядке. Вышеуказанная процессуальная особенность возмещения ущерба способствует более оперативному рассмотрению гражданского иска, и, следовательно, позволяет быстрее запустить механизм компенсации причиненного вреда и восстановления нарушенного баланса. Однако на практике не всегда выходит объединить гражданский иск с уголовным делом, что вынуждает потерпевшее лицо дополнительно направлять иск в рамках гражданского производства, при этом тратя дополнительные ресурсы, заключающиеся не только в затратах на услуги адвоката и иные судебные расходы, но и тратах личного времени. В целях быстрого и эффективного восстановления нарушенного в результате совершения преступления права необходима слаженная работа различных государственных органов. На основании части 2 статьи 44, части 2 статьи 393, части 2 статьи 394 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации следует сделать вывод, что возмещение данного ущерба должно предоставляться органами предварительного следствия в ходе досудебного уголовного производства, судами – на этапе судебного разбирательства, судебными приставами-исполнителями и учреждениями и органами исполнительной системы – на стадии исполнения приговора [8].

Возмещение вреда, причиненного осужденным до применения в отношении его наказания в виде лишения свободы, не всегда является следстви-

ем совершения преступления, а может возникнуть, например, из договорных обязательств, возникших до вынесения судом приговора о назначении наказания в виде лишения свободы и реализация которых становится затруднительной, а порой и невозможной, в связи с применением наказания в виде лишения свободы. Особенность возмещения ущерба, возникшего в результате невыполнения обязательств по договору, заключается в том, что данный ущерб, как правило, не может быть компенсирован в натуре.

Помимо возмещения вреда в рамках гражданского законодательства, причиненного в результате совершения преступления, вреда, причиненного осужденным до применения в отношении его наказания в виде лишения свободы, выделяют возмещение вреда, причиненного осужденным в период отбывания наказания. В связи с тем, что круг лиц, с которым взаимодействует осужденный ограничен, то исключается вероятность причинения вреда обычным субъектам гражданского права и в основном данный вред связан с ущербом, причиненным исправительным учреждениям, в связи с ненадлежащим выполнением или невыполнением возложенных на осужденных обязанностей. К ним относятся, например, обязанности по сохранению выданного осужденному казенного имущества. Уникальность возмещения данного ущерба заключается в том, что осужденный приобретает обязанность по сохранению выданного ему имущества принудительно, не по собственному желанию. Однако он обязан нести ответственность за порчу имущества, которое мог и не иметь, не находясь в местах лишения свободы. Особенностью возмещения вреда, причиненного осужденным в период отбывания наказания, также является то, что порядок возмещения ущерба дополнительно регламентируется уголовно-исполнительным законодательством.

На основании вышеизложенного следует, что привлечение осужденных к гражданско-правовой ответственности в порядке возмещения причиненного вреда регламентируется на общих основаниях в рамках гражданского законодательства, однако имеет ряд индивидуальных для данной категории лиц особенностей, которые приводят к определенным проблемам, требующим внимания со стороны органов государственной власти.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 17.09.2023).
2. Путеводитель. Что нужно знать о гражданско-правовой ответственности // СПС «КонсультантПлюс». – 2019 <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 17.09.2023)

3. Помогалова Ю.В. Гражданско-правовая ответственность лиц, осужденных к лишению свободы: монография. Воронеж, 2017. С. 164.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.07.2023). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/ (дата обращения: 17.09.2023).
5. Слепцов М. Возмещение вреда, причиненного преступлением // Газета «Верное решение». 2020. № 2.
6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 27.11.2023). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 01.12.2023).
7. Клещина Е. Н. О некоторых актуальных проблемах возмещения потерпевшему вреда, причиненного преступлением // Вестник все-российского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2018. № 3 (47). С. 70–73.
8. Малышева О.А. Перспективы возмещения потерпевшим вреда, причиненного преступлениями // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 450. С. 226–233.

CIVIL LIABILITY OF THOSE SENTENCED TO IMPRISONMENT: ASPECTS OF COMPENSATION FOR HARM CAUSED BY UNLAWFUL ACTIONS

Elagina N.L.

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia

The article analyzes the main features of civil liability of persons sentenced to imprisonment related to compensation for harm caused

as a result of unlawful actions. The main feature is the special status of the above-mentioned persons, which is associated with the presence of a number of restrictions, such as the inability to freely choose the place and type of work, move freely, etc., and the acquisition of additional responsibilities in connection with the application of punishment in the form of imprisonment. The features of civil liability of convicts associated with the commission of a crime are considered. The features of civil liability of convicted persons are highlighted separately, consisting in one of the types of civil liability, namely compensation for harm caused.

The problems of compensation for harm by persons sentenced to imprisonment are analyzed.

Keywords: compensation for harm caused by crime, convict, civil liability.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020). Access from SPS “ConsultantPlus” https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (date of access: 09/17/2023).
2. Guide. What you need to know about civil liability // SPS “ConsultantPlus”. – 2019 (<https://www.consultant.ru/>) (date of access: 09/17/2023).
3. Pomogalova Yu.V. Civil liability of persons sentenced to imprisonment: monograph. Voronezh, 2017. P. 164.
4. Civil Code of the Russian Federation (part two) dated January 26, 1996 No. 14-FZ (as amended on July 34, 2023). Access from SPS “ConsultantPlus” https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/ (date of access: 09/17/2023).
5. Sleptsov M. Compensation for harm caused by a crime // Newspaper “The Right Decision”. 2020. No. 2.
6. Criminal Procedure Code of the Russian Federation dated December 18, 2001 No. 174-FZ (as amended on November 27, 2023). Access from SPS “ConsultantPlus” (https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/) (date of access: 12/01/2023).
7. Kleshchina E.N. About some current problems of compensation to the victim for harm caused by a crime // Bulletin of the All-Russian Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 2018. No. 3 (47). pp. 70–73.
8. Malysheva O.A. Prospects for compensation to victims of harm caused by crimes // Bulletin of Tomsk State University. 2020. No. 450. pp. 226–233.

Гражданско-правовые вопросы ответственности органов управления юридического лица

Ильин Игорь Вячеславович,

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права и процесса Нижегородской академии МВД России
E-mail: igor_ilyin@mail.ru

В данной статье проанализированы вопросы основания и реализации гражданско-правовой ответственности уполномоченных и определяющих действовать от имени организации лиц. В представленной работе вместе с анализом существующей практики обозначается проблема действительности рассматриваемых мер, предусматривающих ответственность директора или иного органа управления юридического лица в целях реализации компенсационной функции ответственности. Аргументируется, что действующие нормы гражданского законодательства не содержат должных правовых и процессуальных инструментов, необходимых участникам корпораций для защиты своих бенефициарных прав, а также имущественных интересов самих организаций.

Проанализирован пример судебной практики, нашедший отражение в судебных актах трех инстанций, подтверждающий наличие пробелов в законодательстве, препятствующий дефинированию таких понятий как недобросовестность, неразумность действий органа управления юридического лица.

Автором изучены мнения ученых, а подтверждающих существования исследуемой проблемы.

Ключевые слова: ответственность органов управления юридического лица, недобросовестность действий органа управления юридического лица, неразумность действий органа управления юридического лица.

Проблема возложения имущественной ответственности в виде возмещения убытков на руководителя юридического лица за деяния, которые совершены в период исполнения им своих полномочий, и воплотившаяся в виде уже действующего института в настоящее время, до сих пор не в полной мере отражает потребности практики и вступает в конкуренцию с принципом определенности.

Способность предъявлять имущественные требования участниками юридического лица от своего имени, но в пользу организации, в том числе возможность обращаться с исками о признании сделок недействительными, а также о возмещении убытков, причиненных корпорации, является корпоративным инструментом, позволяющим особым способом, действуя в пользу юридического лица, защитить свои бенефициарные права.

Несмотря на то, что процессуально возможность судебного обращения с исковым заявлением в защиту корпорации была закреплена в 2009 году статьей 225.8. АПК РФ, полное материально-правовое обеспечение данный процесс получил лишь в 2015 году с введением в действие ст. 53.1. ГК РФ.

Некоторые авторы обуславливают возникшие проблемы в соотношении гражданского права и корпоративного права. По справедливому замечанию В.К. Андреева, «в Гражданском кодексе РФ нет достаточной ясности в разграничении гражданских и корпоративных прав: обладает ли участник хозяйственного общества только корпоративными правами или также и гражданскими, является ли корпоративный договор гражданско-правовым с корпоративным элементом, или это договор управленческого характера, элемент корпоративного управления» [1].

В.К. Езюков полагает, что «ответственность органов управления является разновидностью корпоративной ответственности» и [2] в этой связи он не может согласиться согласен с позицией О.В. Гутникова, который отметил, что ответственность контролирующего должника лиц – это корпоративная ответственность на стадии прекращения деятельности юридического лица, и она должна подчиняться общим правилам корпоративной ответственности [3].

Подтверждением данной проблемы является пример судебной практики. Так гражданин Т., являющийся участником ООО «П», обладающий в совокупности 50% доли в уставном капитале указанного общества обратился в Арбитражный суд с иском к Л. Являющемуся директором общества и обладающим оставшейся 50% долей в уставном

капитале с требованием о взыскании в пользу общества 15 000 000 руб. убытков.

Требование основано на статьях 15, 53.1 Гражданского кодекса РФ и мотивировано тем, что Л. в должности директора действовал недобросовестно и неразумно, чем причинил Обществу убытки, а именно перевел своей дочери названную денежную сумму, но не предпринял действий по возврату данных денежных средств.

Ответчик в своем отзыве указал, что к моменту спорных займов деятельность в Обществе не велась, основные средства по единогласному решению участников Общества проданы. Договоры займа заключены по процентной ставке выше банковского процента (7%).

При этом, истцом было указано, что действиями Л. общество было доведено до состояния предстоящего исключения из ЕГРЮЛ- ликвидации. Данный факт подтвержден представленной истцом выпиской из ЕГРЮЛ, не отрицался самим ответчиком, о чем указано в отзыве на исковое заявление и объяснении представителя ответчика в судебном заседании.

При этом истцом приведены доводы, что действия Л., заключившего договор займа со своей дочерью на длительный срок, предстоящая ликвидация общества фактически ведут к невозможности исполнения обязательства со стороны заемщика перед обществом, и соответственно к прямым убыткам в размере 15000000 рублей.

Ответчик Л. заключил договоры займа со своей дочерью на сумму 15000000 рублей. Одобрение общего собрания участников не получил. При этом срок, на который заключены данные договоры, составляет 8 лет, займы являются процентными, но фактически процент займа незначительно превышает сумму ставки рефинансирования, установленной ЦБ РФ. При этом по условиям Договоров займа проценты должны быть выплачены по истечении 8 лет.

В то же время действиями директора Общества указанная организация доведена до стадии предстоящей ликвидации. Ответчик Л. будучи директором общества был осведомлен, что указанная организация должна быть исключена из реестра ликвидирована, что сделало бы невозможным возврат займа со стороны своей дочери. При этом Л. никаких действий по возврату займа не предпринял, других участников Общества в известность не поставил, мероприятий по приостановлению ликвидации организации также не произвел.

Вся данная совокупность фактов, по мнению истца указывает на наличие убытков в отношении организации, поскольку реальные фонды юридического лица, в результате перечисления Л. своей дочери займа, уменьшились на сумму 15000000 рублей, и на неправомерное действие Л., поскольку он совершил ряд взаимосвязанных действий – перечислил 15000000 рублей посредством заключения Договоров займа в пользу своей дочери на длительный срок, не исполнил надлежащим образом обязанности Директора - довел организацию

до предстоящей ликвидации, зная о том, что его дочь не вернула заемные денежные средства общества.

Ссылка ответчика на факт наличия процентов также является неосновательной. Поскольку невозможность исполнения договора займа со стороны общества ведет к невозможности выплаты и процентов по займам. Между этими действиями и причиненными убытками имеется причинная связь.

Тем не менее суда трех инстанций отказали истцу в возмещении убытков, посчитав, что судебный контроль призван обеспечивать защиту прав юридических лиц и их учредителей (участников), а не проверять экономическую целесообразность решений, принимаемых директорами, директор не может быть привлечен к ответственности за причиненные юридическому лицу убытки в случаях, когда его действия (бездействие), повлекшие убытки, не выходили за пределы обычного делового (предпринимательского) риска.

Указанная практика совокупного применения норм свидетельствует об отсутствии четкого понимания таких категорий как недобросовестность и неразумность органов управления, что говорит о конфликте принципов определенности и судебской дискреции, который разрешается в пользу последнего.

Этой связи интересным видится предложение М.В. Демьяновой, которая предлагает конкретизировать и дополнить функцию принципа добросовестности. По ее мнению, «проявление конкретизирующей функции по сравнению с некоторыми иными функциями принципа добросовестности не связано с возникновением новых прав и обязанностей. Суть конкретизирующей функции состоит в уточнении существующих прав и обязанностей в целях их добросовестной реализации» [4].

Особо интересным является гипотеза автора о соотношении дополняющей функции принципа добросовестности и обязанностей членов органов управления, которая состоит в том, что «обязанность действовать добросовестно и разумно в интересах представляемого юридического лица, предусмотренная п. 3 ст. 53 ГК РФ, в наибольшей степени отражает дополняющую функцию принципа добросовестности.» [4]

Следует заметить, что в вышеописанном примере судебной практики суды приняли судебные акты на основе представленных в материалы дела копий документов. При этом данные копии договоров займа сторона ответчика представила в суд посредством передачи через канцелярию Арбитражного суда. Оригиналы договоров займа, не были представлены не лицам, участвующим в деле, ни суду.

В нарушении сторона ответчика также не представила копии письменных доказательств стороне истца. На предварительном заседании стороны ответчика обязалась представить указанные документы в суд, а также истцу. В нарушении ст. 71 АПК суд не предпринял попытки проверить

подлинность копий договоров займа, ограничившись фактом наличия копий в материалах дела, тем самым преждевременно определил их доказательственную силу. Между тем анализ копий Договоров займа, вызывает сомнения в их достоверности и допустимости у стороны истца, о чем было заявлено в вышестоящих инстанциях.

Полагаем, что в действующее законодательство необходимо внести изменения по аналогии с делами о банкротстве, где «вина руководителя презюмируется, если он не передает арбитражному управляющему финансовую и иную документацию должника. Смысл этой презумпции состоит в том, что руководитель, уничтожая, искажая или производя иные манипуляции с документацией, скрывает данные о хозяйственной деятельности должника» [5].

В этой связи практически обоснованным видится предложение М.Н. Семякина усовершенствовать состав критериев (оснований) начала добросовестности, который нельзя рассматривать как абсолютный (исчерпывающий) перечень оценочных критериев начала добросовестности, поскольку в корпоративной практике могут возникнуть и такие ситуации, которые потребуют использования иных оценочных понятий и категорий [6].

Литература

1. Андреев В.К. Ответственность органа юридического лица за свои действия от имени хозяйственного общества // Российское правосудие. – 2018. № 1. – С. 66–67.
2. Езюков В.К. Правило защиты делового решения (business judgment rule): особенности применения при банкротстве юридического лица // Право и экономика. 2022. N5. С. 30–35.
3. Гутников О.В. Основания разработки категории корпоративной ответственности в гражданском праве // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. N4. С. 4–30.
4. Демьянова М.В. Функции принципа добросовестности в корпоративном праве // Право и экономика. 2021. N9. С. 54–59

5. Шайхеев Т.И. Недобросовестность сторон в судебной практике // Арбитражные споры. 2021. N2. С. 133–152.
6. Семякин М.Н. Начало добросовестности в корпоративных правоотношениях коммерческих организаций: теоретический и практический аспект исследования // Юрист. 2023. N1. С. 39–44.

CIVIL LAW ISSUES OF RESPONSIBILITY OF THE MANAGEMENT BODIES OF A LEGAL ENTITY

Ilyin I.V.

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

This article analyzes the issues of the basis and implementation of civil liability of persons authorized and determining to act on behalf of the organization. In the presented work, together with an analysis of existing practice, the problem of the effectiveness of the measures under consideration, providing for the responsibility of the director or other management body of a legal entity in order to implement the compensatory function of responsibility, is outlined. It is argued that the current norms of civil legislation do not contain the proper legal and procedural tools necessary for corporate participants to protect their beneficial rights, as well as the property interests of the organizations themselves.

An example of judicial practice is analyzed, which is reflected in the judicial acts of three instances, confirming the existence of gaps in legislation, preventing the definition of such concepts as dishonesty, unreasonableness of the actions of the governing body of a legal entity. The author has studied the opinions of scientists who confirm the existence of the problem under study.

Keywords: responsibility of the management bodies of a legal entity, dishonesty of the actions of the management body of a legal entity, unreasonableness of the actions of the management body of a legal entity.

References

1. Andreev V.K. Responsibility of the body of a legal entity for its actions on behalf of a business entity // Russian justice. – 2018. No. 1. – pp. 66–67.
2. Yezyukov V.K. The rule of protection of a business decision (business judgment rule): features of application in bankruptcy of a legal entity // Law and Economics. 2022. N5. pp. 30–35.
3. Gutnikov O.V. Grounds for the development of the category of corporate responsibility in civil law // Pravo. Journal of the Higher School of Economics. 2019. N4. P. 4–30.
4. Demyanova M.V. Functions of the principle of good faith in corporate law // Law and Economics. 2021. N9. pp. 54–59
5. Shaikheev T.I. Dishonesty of the parties in judicial practice // Arbitration disputes. 2021. N2. pp. 133–152.
6. Semyakin M.N. The beginning of good faith in corporate legal relations of commercial organizations: a theoretical and practical aspect of research // Lawyer. 2023. N1. pp. 39–44.

Проблемы предотвращения преступлений в политико-правовой мысли России конца XVIII – первой половины XIX века

Борисов Александр Владимирович,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры
государственно-правовых дисциплин Академии управления
МВД России
E-mail: stepkin.evgenii@mail.ru

Стёпкин Евгений Юрьевич,

кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника
кафедры государственно-правовых дисциплин Академии
управления МВД России
E-mail: stepkin.evgenii@mail.ru

В статье рассматривается проблема распространения в отечественной политико-правовой мысли идей предотвращения, профилактики преступлений. Научный подход к изучению социально-экономических причин совершения преступлений, а также использование для этой цели статистического метода прошел долгий путь утверждения в России. В работе анализируются взгляды А.Н. Радищева, М.М. Сперанского, А. Кетле, К.Ф. Германа, К.И. Арсеньева, заложивших основы науки о профилактике преступности. До времени правления Александра II власть скептически относилась к изучению причин совершения преступлений. Официальная цензура не позволяла открыто публиковать данные о количестве совершенных преступлений. Такой запрет на распространение информации о преступлениях рассматривался как социальная профилактика преступности. Так же исследованы взгляды на проблемы преступности представителей революционно-демократического направления политико-правовой мысли В.Г. Белинского, Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова. Революционные демократы, рассматривая бедность, невежество, пьянство как важнейшие причины преступности, считали, что эти социальные явления порождены существующим социально-политическим строем.

Ключевые слова: предотвращение преступлений, профилактика преступности, цензура, полиция, статистика.

Россия достаточно поздно вступила на путь промышленного, капиталистического развития, вызывающего увеличение городского населения, обострение социальных противоречий и рост преступности. Долгое время в стране преобладало крестьянство, жившее в общинах, сохранялись черты патриархального уклада в городах. Поэтому проблемы предотвращения, профилактики преступности не были актуальны для Российского государства и отечественной научной, общественно-политической мысли до второй половины XIX века. Характерно, что в обзорах внутривластного положения в стране, составлявшихся III Отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии для царя с 1827 по 1869 год не затрагивается проблема преступности [10].

С начала XVIII века, с петровских реформ, начинается модернизация страны во многом за счет заимствования из Западной Европы не только технологий и образцов институтов власти и управления, но и социально-политических, правовых идей, характерных для времени европейского Просвещения. Среди них были и идеи, относящиеся к проблеме предупреждения преступлений, с ростом которой столкнулись западноевропейские страны, уже вступавшие в стадию развития капитализма.

Идеи европейских философов-просветителей, юристов активно использовала в своей политико-идеологической деятельности императрица Екатерина II. При написании знаменитого Наказа Уложенной комиссии, собранной для составления нового Свода законов, а также Наказа Главной полиции, в котором определялись задачи государства в сфере охраны общественного порядка и борьбы с преступностью, она многое заимствовала, в частности, из книги Ч. Беккариа «О преступлениях и наказаниях» (глава X Наказа является по сути, переводом этой книги на русский язык).

Императрица также попыталась реализовать идеи известного английского филантропа Д. Говарда об организации системы воспитания, исправления заключенных в целях предотвращения совершения ими новых преступлений [1]. Тем самым Екатерина II способствовала распространению в России идей западноевропейских философов, правоведов о необходимости принятия государством и обществом определенных мер по предотвращению преступлений [2].

Екатерина II считала важнейшим условием предупреждения преступлений издание «разумных законов», деятельность государства на основании этих законов и воспитание подданных.

Так же подходил к проблеме предупреждения преступлений писатель-просветитель, известный юрист своего времени А.Н. Радищев, автор таких работ, как «Проект для разделения Уложения Российского», «О законоположении», «Опыт о законодательстве» и др.

Рассматривая современное ему уголовное законодательство, А.Н. Радищев писал, что «оно судит о деяниях, не касаясь причин, их производивших» [8, с. 131]. При определении причин преступности он в духе философов-просветителей на первое место ставил «неправильное воспитание, недостаток образования, невежество и пьянство, в котором находится корень многих злодеяний и преступлений» [9, с. 161]. Огромную роль в существовании, распространенности этих причин играло, по его мнению, крепостное право, «которое не только угнетает крестьян, но и развращает помещиков».

В 1801 году А.Н. Радищев был назначен членом Комиссии по составлению законов, и в работе «О законоположении» он одним из первых в России поднял вопрос о необходимости изучения проблем преступности, для чего, прежде всего, надо было организовать сбор соответствующих статистических материалов. Это должно было, по его мнению, способствовать выработке правильных, основанных на рациональном знании мер, направленных на то, чтобы «положить преступлениям преграду» [9, с. 151].

В 1802 году было создано Министерство юстиции, которое возглавил Г.Р. Державин, знакомый с работами А.Н. Радищева. Новое министерство включило в круг своих обязанностей сбор сведений, относящихся к судебной статистике [7, с. 197]. Но первые статистические материалы, отражающие в определенной мере состояние преступности в стране, были собраны Министерством внутренних дел. Более того, в 1804–1806 годах они публиковались в официальном печатном издании МВД – Санкт-Петербургском журнале.

Сведения, собранные Экспедицией спокойствия и благочиния Департамента полиции Министерства внутренних дел о количестве умышленных убийств, самоубийств, «нечаянных смертей», считались лучшим доказательством «доброты или худоты устройства полиции» [6, с. 127]. Данные, опубликованные в Санкт-Петербургском журнале, являются важным источником по истории преступности в дореволюционной России.

Однако деятельность Министерства юстиции и Министерства внутренних дел по сбору материалов, в определенной мере отражающих динамику некоторых видов преступности, еще не означала возникновения научного подхода к изучению преступности.

Вопрос об организации системы предупреждения правонарушений как важного направления деятельности полиции был поставлен М.М. Сперанским в 1803 году, когда он являлся чиновником Министерства внутренних дел. В работе «Об устройстве судебных и правительственных учреждений в России», являвшейся частью готовящегося им

плана реформирования органов государственной власти и управления, он писал о необходимости создания так называемой «предохранительной полиции». Ее деятельность по предупреждению преступлений должна была включать в себя решение многих социальных задач: организацию народного здравоохранения, принятие мер против голода, надзор за ценами на продовольствие, обеспечение безопасности на транспорте, помощь нищим и т.д.

План государственных преобразований, подготовленный М.М. Сперанским по указанию императора Александра I, не был реализован в полном объеме. Тем не менее, взгляды М.М. Сперанского на проблемы предупреждения преступлений в определенной мере нашли свое отражение при подготовке им «Устава о предупреждении и пресечении преступлений», вошедшего в том XIV Свода законов Российской Империи.

Принято считать, что так называемая «моральная статистика», содержащая сведения о количестве, видах совершенных преступлений в обществе за определенный период, возникла в Западной Европе в первой трети XIX века. Основоположником этого научного направления стал бельгийский ученый А. Кетле, работы которого о росте преступности в промышленно развитых странах активно использовал К. Маркс для того, чтобы продемонстрировать «язвы» капитализма.

По мнению известного отечественного исследователя проблем преступности М.Н. Гернета, в один ряд с А. Кетле можно поставить члена Российской Академии наук К.Ф. Германа (1767–1838) [3, с. 3].

Выпускник Геттингенского университета К.Ф. Герман приехал в Россию в 1795 году. Он организовал и возглавил первую кафедру статистики в России, действовавшую в Санкт-Петербургском педагогическом институте. Читал курс статистики в Санкт-Петербургском университете, издавал в 1806–1808 годах статистический журнал и был начальником Статистического отделения в Министерстве внутренних дел.

В 1823 году К.Ф. Герман сделал доклад в Академии наук на тему «Изыскание о числе смертоубийств и самоубийств в России в течение 1819 и 1823 годов». Он пытался выявить связь уровня и характера преступности с конкретными социально-экономическими условиями. Так, он считал, что большое количество краж и грабежей в Казанской, Нижегородской губерниях определяется тем, что в них очень развита торговля и живет много богатых купцов. Для начала XIX века, когда в уголовном праве преступление рассматривалось как «проявление свободной воли», наблюдения К.Ф. Германа о связи преступности с другими социальными явлениями были относительно новыми в юридической науке. Но в Российской Академии наук его доклад был встречен весьма критически. Президент Академии, адмирал А.С. Шишков, бывший лидером российских консерваторов, выразил сомнение в необходимости публикации работ профессора К.Ф. Германа, считая ее «... не только ни к чему ненужною, но и вредною. Пер-

вое: какая надобность знать о числе сих преступлений? Второе: по каким доказательствам всякий читатель может удостоверен быть, что сие число отнюдь не увеличено? Третье: к чему извещение о сем может служить? Разве к тому только, чтобы колеблющийся преступник, видя перед собой много предшественников, мог почерпнуть из этого одобрение, что он не первый к такому делу приступает?» [11, с. 27]. В заключении А.С. Шишков предлагает вернуть работу автору с рекомендацией, чтобы он «впредь над такими пустыми вещами не трудился».

По мнению известного советского криминолога С.С. Остроумова, отношение руководства Академии к работе К.Ф. Германа было проявлением борьбы политической реакции с передовыми научными идеями [5, с. 108]. Действительно, такое отношение А.С. Шишкова, бывшего в период Отечественной войны 1812 года Государственным секретарем, к проблеме преступности было проявлением его политических взглядов. Он считал Великую французскую революцию огромным бедствием для Западной Европы, повлиявшим и на Россию. Саму же революцию он рассматривал как следствие распространенности неправильных, вредных идей, разрушающих веру в Бога, в правильность монархической власти, подрывающих нравственные и идеологические основы общества.

Поэтому публикацию сведений о количестве преступлений, о каких-то иных причинах преступления, кроме неверия в Бога и безнравственности, он считал вредными и если не пропагандированными, то в определенной мере оправдывавшими преступление. Запрет на публикацию материалов о преступности и преступлениях А.С. Шишков считал, пользуясь современной терминологией, социальной профилактикой преступности.

Вопрос о том, насколько и как влияет публикация в средствах массовой информации сведений о преступности на увеличение или сокращение числа преступлений, сохраняет свою актуальность и в наше время.

Одним из организаторов российской статистики стал ученик К.Ф. Германа К.И. Арсеньев. Его работа «Начертание статистики Российского государства», изданная в 1818–1819 годах, стала первым опытом систематизации статистического материала о России. Главное внимание в ней уделялось демографическим, экономическим проблемам. Вопрос о состоянии преступности находился на периферии интересов исследователя.

Сведения о социально-экономическом состоянии России, приводимые в книгах, в том числе и относящиеся к «моральной статистике», вызвали острую критику со стороны Министерства народного просвещения, глава которого был одновременно Обер-прокурором Священного Синода. Поэтому в 1821 году К.И. Арсеньев был уволен из Санкт-Петербургского университета за то, что в своих лекциях проводил «обдуманную систему неверия и правил, зловредных и разрушительных в отно-

шении к нравственности, образу мыслей и духу учащихся и к благосостоянию общему».

В 1828 году при новом императоре Николае I К.И. Арсеньев был назначен преподавателем наследника престола, будущего императора Александра II, по «части статистики, истории, географии», что давало ему возможность получать необходимые статистические материалы из министерств и ведомств.

В 1832 году он участвовал в создании и возглавил Статистический Комитет Министерства внутренних дел. Важнейшей задачей этого комитета был сбор сведений социально-экономического характера для Министерства внутренних дел, других ведомств и многочисленных комиссий, создаваемых Николаем I для решения внутривнутриполитических проблем. В официальном издании «Журнал Министерства внутренних дел» с 1832 года появляется раздел «Статистика», в котором, в частности, публикуются сведения о состоянии преступности в отдельных губерниях и городах. Эта статистика приводилась без комментариев. Обсуждение проблемы преступности в стране, как и деятельность полиции, оставалась «закрытой» темой.

Положение меняется после смерти императора Николая I. Начинается подготовка реформ, смягчается цензура, в периодических изданиях проводится открытое обсуждение проблем, ранее считавшихся не подлежащими публичному обсуждению.

Проблемы преступности затрагиваются в работах публицистов так называемого революционно-демократического направления: В.Г. Белинского, Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова. Для представителей этого направления было характерным убеждение в том, что одним из условий социального прогресса в России является активное усвоение западноевропейского опыта. В странах Западной Европы проблемы преступности, деятельность полиции являлись предметом научного изучения, общественного обсуждения. Кроме того, обсуждение проблем преступности становится одним из способов легальной открытой критики существующего социально-экономического, политического строя.

Рассматривая бедность, невежество, пьянство как важнейшие причины преступности, революционные демократы считали, что эти социальные явления порождены существующим социально-политическим строем. В то же время они признавали, что и в рамках существующего государственного строя можно снизить преступность за счет совершенствования законодательства, распространения грамотности, просвещения среди простого народа. В советской исторической, историко-правовой науке, исходившей из постулата о том, что капитализм неизбежно порождает рост преступности, вера революционных демократов в просвещение как средство сокращения преступности рассматривалась как свидетельство их недостаточной революционности [4, с. 87].

Все «социальные язвы», в том числе и преступность, рассматривались демократической, либеральной общественностью как следствие суще-

ствующего социально-политического строя. Для того чтобы избавиться от этих «язв» необходимы были кардинальные реформы, прежде всего, отмена крепостного права, введение всеобщего независимого суда, местного самоуправления и др. Однако такой подход к решению проблемы преступности показал свою несостоятельность или ограниченность после известных реформ 60–70-х годов XIX века.

Литература

1. Борисов А.В. Филантроп Джон Говард в России // Преступление и наказание. 1993. № 3.
2. Витт А. Екатерина Великая как криминалистка. СПб., 1898.
3. Гернет М.Н. Моральная статистика. М., 1922.
4. Здравомыслов Б.В. Уголовно-правовые взгляды революционных демократов. М., 1959.
5. Остроумов С.С. Преступность и ее причины в дореволюционной России. М., 1980.
6. Отчет Министра внутренних дел за 1803 год. СПб., 1804.
7. Ошерович С.Б. Очерки по истории уголовно-правовой мысли второй половины XVIII – первой четверти XIX века. М., 1946.
8. Радищев А.Н. Полное собрание сочинений. М., 1956. Т. 1.
9. Радищев А.Н. Полное собрание сочинений. М., 1956. Т. 3.
10. Россия под надзором. Отчеты III Отделения. 1827–1869 гг. М., 2006.
11. Сухомлинов М. Материалы для истории просвещения в России // Журнал министерства просвещения. 1866. № 11.

THE PROBLEMS OF CRIME PREVENTION IN POLITICAL AND LEGAL THOUGHT OF RUSSIA AT THE END OF THE XVIII – FIRST HALF OF THE XIX CENTURY

Borisov A.V., Stepkin E.Y.

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article deals with the problem of spreading the ideas of crime prevention and prevention in domestic political and legal thought. The scientific approach to the study of the socio-economic causes of crime, as well as the use of the statistical method for this purpose, has gone a long way to approval in Russia. The paper analyzes the views of A.N. Radishchev, M.M. Speransky, A. Kettle, K.F. Herman, K.I. Arsenyev, who laid the foundations of the science of crime prevention. Until the reign of Alexander II, the authorities were skeptical about studying the causes of crimes. Official censorship did not allow openly publishing data on the number of crimes committed. Such a ban on the dissemination of information about crimes was considered as a social crime prevention. The views of representatives of the revolutionary democratic trend of political and legal thought V.G. Belinsky, N.G. Chernyshevsky, N.A. Dobrolyubov on the problems of crime are also studied. The revolutionary Democrats, considering poverty, ignorance, and drunkenness as the most important causes of crime, believed that these social phenomena were generated by the existing socio-political system.

Keywords: crime prevention, crime prevention, censorship, government, statistics.

References

1. Borisov A.V. Philanthropist John Howard in Russia // Crime and punishment. 1993. № 3.
2. Witt A. Catherine the Great as a criminologist. St. Petersburg, 1898.
3. Gernet M.N. Moral statistics. M., 1922.
4. Zdravomyslov B.V. Criminal law views of revolutionary democrats. M., 1959.
5. Ostroumov S.S. Crime and its causes in pre-revolutionary Russia. M., 1980.
6. Report of the Minister of Internal Affairs for 1803 St. Petersburg, 1804.
7. Osherovich S.B. Essays on the history of criminal law thought in the second half of the XVIII – first quarter of the XIX century. M., 1946.
8. Radishchev A.N. Complete works. M., 1956. Vol. 1.
9. Radishchev A.N. Complete works. M., 1956. Vol. 3.
10. Russia under supervision. Reports of the III Department. 1827–1869, M., 2006.
11. Sukhomlinov M. Materials for the history of education in Russia // Journal of the Ministry of Education. 1866. No. 11.

Правовое регулирование исполнения условий корпоративного договора для обеспечения фактического контроля отстранившегося от управления бенефициара

Лапина Елизавета Вадимовна,

бакалавр, ФГАОУ ВО «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет»
E-mail: e.lapina@g.nsu.ru

Кузменкин Иван Владимирович,

бакалавр, ФГАОУ ВО «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет»
E-mail: kuzmenkiniv@gmail.com

В свете сложившейся политической обстановки и введением против России и некоторых представителей бизнеса санкций и иных ограничительных мер предприниматели нуждаются в обеспечении исполнения условий корпоративного договора, заключённого в целях поддержания как фактического контроля отстранившегося от управления бенефициара, так и в целом в повышении эффективности корпоративного договора как инструмента структурирования взаимоотношений с партнёрами. В статье анализируется проблема снижения неустойки, размер которой согласован в корпоративном соглашении. Исследуются также такой способ как исполнение принятых участниками корпоративного договора обязательств в натуре, в том числе посредством вынесения возлагающего решения суда, например, при голосовании участником на общем собрании вопреки утверждённому в договоре порядку голосования.

Ключевые слова: корпоративный договор, неустойка, компенсация, способы защиты прав, понуждение к заключению договора, решение суда.

Корпоративный договор (ст. 67.2 ГК РФ) представляет собой соглашение между участниками хозяйственного общества (ООО, АО) о порядке осуществления ими своих корпоративных прав. Это инструмент для управления бизнесом и разрешения (недопущения) конфликтов и разногласий между участниками общества в целях достижения главной цели деятельности коммерческой организации – извлечения прибыли и ее распределения. Для обеспечения исполнения согласованных в корпоративном договоре условий необходимы механизмы, направленные на предотвращение возможного нарушения соглашения, а в случае неисполнения его участниками принятых на себя обязательств – применение соответствующих способов защиты прав иных участников.

Функционал корпоративного договора позволяет предусмотреть среди его положений условия касаясь голосования определенным образом, порядка управления в обществе (по согласованию с кредитором, отказаться одному из участников от участия в управлении с предоставлением ему компенсации), порядка финансирования бизнеса, регулирования взаимоотношения с инвестором; непропорционального распределения прибыли, отказа участника от получения дивидендов или распределения прибыли в пользу иного участника (назначая при этом за это участнику компенсацию); ограничения на распоряжение долями (поставить отчуждение долей под согласие кредитора, предусмотреть временные ограничения на сделки с долями, запретить выход из общества); использования опционов в качестве защиты прав инвестора (возможность инвестора выкупить/ продать долю в зависимости от финансовых показателей общества), в качестве сохранения структуры номинального владения, при разрешении тупиковых ситуаций; порядка совместной продажи доли (tag-along right и drag along rights).

Обладая возможностью предусмотреть в корпоративном соглашении указанные и иные возможные условия, договор также должен предусматривать конкретные способы защиты прав его участников. В связи с введением санкций и ограничений против Российской Федерации и многих предпринимателей, собственников бизнеса законодателем предпринимаются попытки разработки антисанкционных мер, которые во многом могут послужить развитию корпоративного законодательства. Указанное также отмечалось не раз И.С. Шиткиной [21].

Так, Правительством РФ ещё с 01.01.2023 [18] была установлена возможность ограничить доступ

к сведениям и документам о предусмотренном корпоративным договором объеме правомочий участников, акционеров компаний в случае, если они включены в санкционный список.

В случае принятия проекта федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (подготовлен Минэкономразвития России; ID проекта: 02/04/11–21/00122141, текст по состоянию на 19.10.2023) [19] отечественное корпоративное законодательство может пополниться значимыми новеллами. Указанный проект был предложен Министерством экономического развития России ещё в 2021 году ввиду отсутствия как в доктрине, так и в судебной практике решения проблемы повышения исполнимости обязательств, закреплённых в корпоративных соглашениях.

Введение санкционных мер ещё более обострило данную проблему. Собственники бизнеса, попавшие под санкции либо имеющие основания для включения их в санкционный список в целях обеспечения безопасности их бизнеса от ограничительных мер вынуждены де-юре отстраниться от руководства компаниями, сохранив при этом контроль над деятельностью по управлению и принятию ключевых решений. Одним из способов обеспечения фактического контроля для бенефициарного владельца является корпоративный договор.

Классическим способом защиты гражданских прав является возмещение убытков. Однако, в случае нарушения участниками обязательств по корпоративному договору к данному способу прибегают довольно редко ввиду сложности доказывания несения имущественных убытков от нарушения условий соглашения. Более привлекательным в данном случае является выплата неустойки, которая может быть взыскана лишь при наличии одного факта нарушения согласованных сторонами условий и не требует доказывания наступления неблагоприятных последствий, причинной связи между возникшими убытками и противоправным поведением нарушителя.

Итак, к наиболее распространённым способам защиты прав участников корпоративного договора относится взыскание неустойки, которая может сочетаться с одним из классических способов обеспечения надлежащего исполнения обязательств (например, с поручительством, независимой гарантией, залогом и т.д.).

Такая конструкция, с одной стороны, будет стимулировать стороны к добросовестному поведению, с другой стороны, кредитор по обязательству в случае его нарушения должником получает право на использование предоставленного в его пользу обеспечения, например, право на обращение взыскания на заложенное имущество, предъявление требований к поручителю, гаранту и т.д.

Структурируя положения о неустойке в корпоративном договоре, стороны могут согласовать фиксированную сумму неустойки за каждый случай нарушения определенных положений корпоративного договора.

В судебной практике нередко встречаются случаи взыскания неустойки за нарушение корпоративного договора в крупных размерах. Например, в одном из дел было взыскано 10 млн руб. за нарушение голосования по назначению директора [5], в ином деле – 50 млн руб. за заключение сделки по отчуждению доли [6], 722 млн руб. – за единоличное решение ответчиком об увеличении уставного капитала и избрании себя директором [7].

Несмотря на то, что неустойка как таковая, не гарантирует исполнение обязательства, она стимулирует его исполнить быстрее или вовсе не допускать нарушения.

Значимым является вопрос о возможности снижения неустойки по корпоративному договору. Как показывает последняя российская судебная практика, суды достаточно неохотно идут на снижение неустойки, рассматривая это как исключительную меру.

Так, кредитор обратился с иском о признании недействительным договора купли-продажи доли в уставном капитале ООО, применении последствий недействительности сделки в виде восстановления права на долю в уставном капитале ООО, о взыскании солидарно штрафа.

В нарушение условий корпоративного договора должник совершил сделку по отчуждению долей в уставном капитале без письменного нотариального согласия истца. Суд взыскал штраф 50 000 000 руб., отказал в уменьшении неустойки, несмотря на доводы стороны о тяжелом финансовом состоянии [8].

В другом деле одна из сторон нарушила корпоративный договор, другая начислила пеню в размере 13 177 980,00 руб. Суд, исходя из принципа свободы договора и установленных сторонами договоренностей, отказал в снижении неустойки [9].

В рассматриваемом законопроекте от Минэкономразвития России предлагается установить запрет на снижение неустойки в случае нарушения корпоративного соглашения, за исключением случая, когда при согласовании условия о размере неустойки другая сторона соглашения действовала недобросовестно, и выплата неустойки способна привести сторону к большей выгоде нежели надлежащее исполнение условий корпоративного договора. Согласно пояснительной записке к законопроекту введение такого запрета позволит обеспечить стабильность гражданско-правовых отношений и повысит эффективность исполнения условий соглашений в корпорациях.

Указанное предложение является целесообразным, поскольку обеспечивает диспозитивность корпоративных отношений в виде ограничения снижения согласованной сторонами неустойки. Данное правило должно действовать не только в области корпоративных отношений, но и в целом гражданско-правовом поле. В частности, А.Г. Карапетов считает, что право суда на снижение размера неустойки должно носить исключительный чрезвычайный характер, например, в случаях недобросовестной эксплуатации неравенства пе-

реговорных возможностей сильной стороной либо вопиюще несправедливого размера неустойки [4].

Еще одной имущественной мерой по корпоративному договору, помимо взыскания неустойки, может быть выплата компенсации, которая прямо предусмотрена в п. 7 ст. 32.1 Закона об акционерных обществах, а также может использоваться и в соглашениях, заключаемых участниками обществ с ограниченной ответственностью.

Компенсацию надлежит отличать от неустойки. Она может выплачивается единоразово либо регулярно за принятие участником корпоративного договора каких-либо ограничений (например, компенсация в размере 3 млн руб. за отказ участника от управления обществом и распределения прибыли) [10].

Неясность правовой природы компенсации за нарушение условий корпоративного договора не даёт ответа на вопрос, возможно ли применение к компенсации механизма снижения её размере по аналогии с неустойкой по ст. 333 ГК РФ. Представляется, что компенсация за допущение нарушения обязательств по корпоративному договору не может быть уменьшена по ст. 333 ГК РФ. Так, С.П. Степкин рассматривает компенсацию по корпоративному соглашению в качестве заранее оцененных убытков. Некоторые рассматривают компенсацию в качестве разновидности договорной неустойки, в связи с чем может быть применено право на уменьшение компенсации по аналогии с неустойкой [20].

Так, в одном из дел [11] суд сделал вывод, что действующее законодательство не содержит механизма применения снижения именно компенсации, а не неустойки за нарушение условий корпоративного соглашения, что, тем не менее, не свидетельствует о недопустимости судебного контроля над определением её размера с приведением к разумной и сбалансированной величине, исходя из соответствия последней неблагоприятным последствиям, вызванным нарушением соглашения. В указанном деле суд снизил размер компенсации по корпоративному договору в два раза – с 10 000 000 руб. до 5 000 000 руб.

Однако, имущественная санкция в виде взыскания неустойки или выплаты компенсации не всегда может быть эффективным способом защиты прав участников корпоративного договора. Зачастую, нарушение порядка голосования на общем собрании участников общества не может быть компенсировано денежным возмещением. К тому, к чему стороны изначально стремились могут привести только признание предыдущего решения собрания недействительным и проведение нового собрания с голосованием согласно достигших договорённостей.

В этом случае, если участниками корпоративного договора являлись все участники общества (п. 6 ст. 67.2 ГК РФ), они в судебном порядке оспорить решение общего собрания участников/акционеров. К примеру, если было отсутствие единогласия при принятии решения, когда таковое требовалось со-

гласно корпоративному договору, такое решение собрания может быть признано недействительным [12], также голосование вразрез с договоренностями (в том числе неявка для голосования), установленными в корпоративном договоре, ведет к признания решения собрания недействительным [13].

Упомянутый выше законопроект Минэкономразвития России предлагает ввести признание голосования участника недействительным и возможность преобразования его волеизъявления в соответствии с корпоративным соглашением («замещающее волю» решение суда). В данном положении идёт речь именно об акте голосования, а не о решении собрания в целом, что вызывает дискуссию среди юристов относительно допустимости такой формулировки. Такое положение подверглось критике в экспертном заключении по проекту закону. В частности, П.В. Крашениников указывал [22], что такой механизм приведения результатов решения собрания в соответствие с условиями корпоративного договора как вынесения волезамещающего решения суда возможно лишь в случае, когда в корпоративном договоре участвуют все участники общества.

Насколько в принципе таким положением может быть затронута автономия воли участников общества? Ведь право голосовать на общем собрании определённым образом – это неотъемлемое право каждого участника корпорации выразить свою волю (будь то вопреки условиям корпоративного договора или в соответствии с ними).

Тем не менее, в доктрине высказываются однозначные мнения о необходимости использования такого способа защиты прав участников корпоративного договора как исполнение обязательства в натуре и вынесения решения суда о голосовании в соответствие с условиями договора. В частности, В.Г. Бородин [1], А.Г. Карапетов [3], Р.М. Янковский [23] предлагают включить волезамещающее решение суда в ГК РФ как специальный способ защиты прав из корпоративных договоров. Также в Германии, например, имеется практика вынесения судом волезамещающего решения в рамках голосования на общем собрании участников, но только в случае, если стороной корпоративного соглашения являются все участники корпорации [24].

При условии необходимой доработки рассматриваемого положения законопроекта регламентация в законе права вынесения судом волезамещающего решения может повысить эффективность закреплённых в корпоративном соглашении договорённостей.

Понуждение к исполнению обязательства в натуре может быть также выражено в требовании одной из сторон корпоративного договора заключить договор купли-продажи доли в уставном капитале по заранее определенной цене в виде put или call опционов. Такое право может быть реализовано при наступлении определенных обстоятельств, предусмотренных в корпоративном договоре (п. 1 ст. 67.2, п. 1 ст. 429.3 ГК РФ).

При уклонении стороны корпоративного договора от отчуждения долей/акций на основании ранее согласованного условия в корпоративном договоре о праве выкупить одной из сторон долю/акции эта другая сторона вправе обратиться с требованием об обязанности исполнить этот договор, в том числе передать или принять доли/акции.

Практика о понуждении к заключению договора купли-продажи долей/акций на основании соответствующего условия о выкупе одним участником у другого доли/акций достаточно распространена (например, Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 27.07.2017 по делу N А11–3028/2016, Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 24.05.2018 по делу N А40–217225/16, Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 30.06.2023 N А50–30482/2022) [14–16]. Повысить исполнения решения суда об обязанности заключить договор купли-продажи и выкупить долю способно наложение судебной неустойки.

Если в случае продажи доли в уставном капитале, например, по заранее выданному опциону стороне, в пользу которой была выдана безотзывная оферта, достаточно удостовериться акцепт у нотариуса, не обращаясь в суд за обязательством заключить договор купли-продажи доли, то оферент не застрахован от неисполнения приобретателем обязанности оплатить полученную по опциону долю. В этом случае, в отсутствие доказательств оплаты стоимости доли по достигнутому ранее соглашению о цене (соглашению об опционе, который может быть включён в корпоративный договор) сторона, продавшая свою долю вправе обратиться в суд с требованием об оплате переданной доли [17].

Если же по опциону передаются акции, то не исключено, что сторона, обязанная к передаче акций (обязанная приобрести принадлежащие другому партнёру акции), может отказаться явиться к регистратору (депозитарию) (совершить соответствующие распоряжения о проведении операции по счёту или открыть лицевой счёт (счёт депо) на своё имя) и подписать необходимые для передачи акций документы [2]. В этом случае сторона, которая должна приобрести акции по опциону ещё не становится их владельцем до внесения соответствующей записи в реестр акционеров и вправе обратиться в суд с требованием о понуждении к передаче акций этих через внесение соответствующих записей в реестр акционеров (п. 4 ст. 149.2 ГК РФ).

Говоря об иных способах защиты прав участников корпоративного договора, стоит упомянуть также о праве стороны соглашения оспорить сделку, совершённую вопреки условиям соглашения. Для этого, во-первых, необходимо, чтобы корпоративный договор предусматривал соответствующий запрет на совершение сделки (например, запрет на продажу доли/акций (Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 16.10.2020 по делу № А50–37785/2019). Во-вторых, другая сторона оспариваемой сделки (если

сделка не односторонняя) в момент ее заключения знала или должна была знать о наличии ограничений, установленных корпоративным договором.

Исходя из выше изложенного, особенность защиты прав участников корпоративного соглашения кроется в возможности договорного регулирования вопросов ответственности, вытекающей из общего принципа свободы договора, которая позволяет использовать отличные от классических по гражданскому законодательству способы защиты прав его участников (уплата компенсации за нарушение условий договора, понуждение к заключению договора купли-продажи доли (понуждение к передаче акций), оспаривание решения собрания). При этом, взыскание убытков не является столь эффективным способом, который восстановит положение других участников, не нарушивших корпоративный договор. Исполнение обязанности в натуре посредством вынесения волеизъявляющего решения суда представляется достаточно радикальным, но действенным способом исполнения согласованных договорённостей участниками корпоративного соглашения. Вместе с запретом на снижение предусмотренной договором неустойки (за исключением установления факта недобросовестного поведения стороны) использование механизмов исполнения обязательств в натуре позволит повысить уровень доверия предпринимателей к институту корпоративного договора, исполнение которого будет обеспечено соответствующими эффективными мерами, гарантирующими реализацию согласованных в корпоративном соглашении условий.

Литература

1. Бородкин В.Г. Способы защиты стороны корпоративного договора // Право и экономика. 2015. N10. С. 33–37.
2. Глухов Е.В. Корпоративный договор: подготовка и согласование при создании совместного предприятия [Электронное издание]. М.: М-Логос, 2017. 672 с.
3. Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307–328 и 407–419 Гражданского кодекса Российской Федерации / А.О. Батищев, А.А. Громов, А.Г. Карапетов и др.; отв. ред. А.Г. Карапетов. Москва: М-Логос, 2022. 1496 с.
4. Карапетов А.Г. Экономический анализ права. М., 2016. С. 384–385.
5. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 28.09.2020 по делу N А40–281058/2019 // Консультант Плюс: справ.-прав. система.
6. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 11.04.2023 по делу N А56–4130/2021 // Консультант Плюс: справ.-прав. система.
7. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 04.04.2017 по делу N А40–65834/11 // Консультант Плюс: справ.-прав. система.

8. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 27.10.2022 по делу N А56–4130/2021 // Консультант Плюс: справ.-прав. система.
9. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 10.10.2022 по делу N А40–2388/2022 // Консультант Плюс: справ.-прав. система.
10. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 03.04.2023 по делу N А34–16185/2019 // Консультант Плюс: справ.-прав. система.
11. Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 07.02.2023 по делу N А51–14370/2022 // Консультант Плюс: справ.-прав. система.
12. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 09.04.2021 по делу № А54–8476/2019 // Консультант Плюс: справ.-прав. система.
13. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 02.08.2022 по делу № А40–185725/2021 // Консультант Плюс: справ.-прав. система.
14. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 27.07.2017 по делу N А11–3028/2016 // Консультант Плюс: справ.-прав. система.
15. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 24.05.2018 по делу N А40–217225/16 // Консультант Плюс: справ.-прав. система.
16. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 30.06.2023 N А50–30482/2022 // Консультант Плюс: справ.-прав. система.
17. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 14.10.2020 по делу N А40–265150/2019 // Консультант Плюс: справ.-прав. система.
18. Постановление Правительства РФ от 16.09.2022 N1625 «Об определении случаев, в которых доступ к информации (сведениям), содержащейся в государственном информационном ресурсе бухгалтерской (финансовой) отчетности и Едином государственном реестре юридических лиц, может быть ограничен, о внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 6 июня 2019 г. N729 и признании утратившими силу отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 26.09.2022, N39, ст. 6607
19. Проект Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (подготовлен Минэкономразвития России) (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 19.10.2023) // URL: <https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=122141>
20. Степкин С.П. Гражданско-правовое регулирование акционерных соглашений: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 150.
21. Шиткина И.С. Бизнес современной России: новые проблемы и пути их преодоления // Право и бизнес. 2023. N3. С. 4–15.
22. Экспертное заключение по проектам федеральных законов «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» и «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (принято на заседании Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 19.10.2023 N234–1/2023) // Консультант Плюс: справ.-прав. система.
23. Янковский Р.М. Конвертируемый заем: договорная модель и проблемы регулирования // Закон. 2017. N11. С. 184–192.
24. Huffer U. Aktiengesetz. 8. Aufl. Munchen, 2008. S. 722–723 (цит. по: Ода Х. Акционерные соглашения: осторожный шаг вперед // Вестник гражданского права. 2010. N1. С. 132–161).

LEGAL REGULATION OF THE EXECUTION OF THE TERMS OF A CORPORATE AGREEMENT TO ENSURE ACTUAL CONTROL OF THE BENEFICIARY REMOVED FROM MANAGEMENT

Lapina E.V., Kuzmenkin I.V.
Novosibirsk State University

In light of the current political situation and the introduction of sanctions and other restrictive measures against Russia and some business representatives, entrepreneurs need to ensure compliance with the terms of the corporate agreement concluded in order to maintain both the actual control of the beneficiary who has withdrawn from management, and in general to increase the effectiveness of the corporate agreement as a tool structuring relationships with partners. The article analyzes the problem of reducing penalties, the amount of which is agreed upon in the corporate agreement. We are also exploring such a method as the fulfillment of obligations accepted by the participants in a corporate agreement in kind, including through the issuance of a will-substituting court decision, for example, when a participant votes at a general meeting contrary to the voting procedure established in the agreement.

Keywords: corporate agreement, penalty, compensation, methods of protecting rights, compulsion to conclude an agreement, court decision.

References

1. Borodkin V.G. Methods of protecting a party to a corporate agreement // Law and Economics. 2015. N10. P. 33–37.
2. Glukhov E.V. Corporate agreement: preparation and approval when creating a joint venture [Electronic edition]. M.: M–Logos, 2017. 672 p.
3. Fulfillment and termination of an obligation: commentary on articles 307–328 and 407–419 of the Civil Code of the Russian Federation / A.O. Batishchev, A.A. Gromov, A.G. Karapetov and others; resp. ed. A.G. Karapetov. Moscow: M–Logos, 2022. 1496 p.
4. Karapetov A.G. Economic analysis of law. M., 2016. pp. 384–385.
5. Resolution of the Ninth Arbitration Court of Appeal dated September 28, 2020 in case No. А40–281058/2019 // Consultant Plus: reference book. system.
6. Resolution of the Arbitration Court of the North-Western District dated 04/11/2023 in case No. А56–4130/2021 // Consultant Plus: reference book. system.

7. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District dated April 4, 2017 in case No. A40–65834/11 // Consultant Plus: reference book. system.
8. Resolution of the Thirteenth Arbitration Court of Appeal dated October 27, 2022 in case No. A56–4130/2021 // Consultant Plus: reference book. system.
9. Resolution of the Ninth Arbitration Court of Appeal dated October 10, 2022 in case No. A40–2388/2022 // Consultant Plus: legal reference. system.
10. Resolution of the Arbitration Court of the Ural District dated 04/03/2023 in case No. A34–16185/2019 // Consultant Plus: reference book. system.
11. Resolution of the Fifth Arbitration Court of Appeal dated 02/07/2023 in case No. A51–14370/2022 // Consultant Plus: reference book. system.
12. Resolution of the Arbitration Court of the Central District dated 04/09/2021 in case No. A54–8476/2019 // Consultant Plus: legal reference. system.
13. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District dated 08/02/2022 in case No. A40–185725/2021 // Consultant Plus: reference book. system.
14. Resolution of the Arbitration Court of the Volga-Vyatka District dated July 27, 2017 in case No. A11–3028/2016 // Consultant Plus: reference book. system.
15. Resolution of the Ninth Arbitration Court of Appeal dated May 24, 2018 in case No. A40–217225/16 // Consultant Plus: reference law. system.
16. Resolution of the Seventeenth Arbitration Court of Appeal dated June 30, 2023 N A50–30482/2022 // Consultant Plus: reference book. system.
17. Resolution of the Ninth Arbitration Court of Appeal dated October 14, 2020 in case No. A40–265150/2019 // Consultant Plus: reference book. system.
18. Decree of the Government of the Russian Federation dated September 16, 2022 N1625 “On determining cases in which access to information (information) contained in the state information resource of accounting (financial) statements and the Unified State Register of Legal Entities may be limited, on introducing changes to Decree of the Government of the Russian Federation of June 6, 2019 N729 and the recognition as invalid of certain provisions of some acts of the Government of the Russian Federation” // “Collection of Legislation of the Russian Federation”, 09.26.2022, N39, art. 6607
19. Draft Federal Law “On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation” (prepared by the Ministry of Economic Development of Russia) (not included in the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, text as of October 19, 2023) // URL: <https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=122141>
20. Stepkin S.P. Civil regulation of shareholder agreements: Dis. ... cand. legal Sci. M., 2011. P. 150.
21. Shitkina I.S. Business of modern Russia: new problems and ways to overcome them // Law and business. 2023. N3. P. 4–15.
22. Expert opinion on the draft federal laws “On Amendments to Part One of the Civil Code of the Russian Federation” and “On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation” (adopted at a meeting of the Council under the President of the Russian Federation for the codification and improvement of civil legislation 10/19/2023 N234–1/2023) // Consultant Plus: legal reference. system.
23. Yankovsky R.M. Convertible loan: contractual model and regulatory problems // Law. 2017. N11. P. 184–192.
24. Huffer U. Aktiengesetz. 8. Aufl. Munchen, 2008. S. 722–723 (quoted from: Oda H. Shareholder agreements: a cautious step forward // Bulletin of Civil Law. 2010. N1. S. 132–161).